Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА и ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ при ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

На правах рукописи

Самсонов Николай Владимирович

СИСТЕМА ИСТОЧНИКОВ (ФОРМ) ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Специальность 12.00.15 – «Гражданский процесс; арбитражный процесс»

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Научный консультант:
доктор юридических наук, профессор
Улётова Галина Дмитриевна

Москва – 2021

Введение 4

1. Общетеоретические подходы к понятиям «источник права» и «форма права» и их применение в гражданском процессуальном праве 49

1.1. Источник (форма) гражданского процессуального права 49

1.2. Понятие источников (форм) российского гражданского процессуального права 63

2. Нормативные правовые акты как источники отечественного гражданского процессуального права 85

2.1. Системность как черта российского законодательства о гражданском судопроизводстве 85

2.2. Роль и место Конституции Российской Федерации в системе источников (форм) отечественного гражданского процессуального права 95

2.3. Федеральные конституционные законы как источники (формы) российского гражданского процессуального права 113

2.4. Федеральные законы в системе источников (форм) отечественного гражданского процессуального права 122

2.5. Возможность признания подзаконных актов источниками (формами) гражданского процессуального права России 147

3. Судебные акты и система источников (форм) российского гражданского процессуального права 168

3.1. Значение судебной практики и судебного прецедента для отечественного гражданского процессуального права 168

3.2. Акты конституционного правосудия и система источников (форм) российского гражданского процессуального права 207

3.3. Проблемы признания постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации источниками (формами) гражданского процессуального права России 233

4. Международно-правовые феномены и российское гражданское процессуальное право 271

4.1. Международное право и российское гражданское процессуальное право: проблемы соотношения 271

4.2. Соотношение общепризнанных принципов и норм международного права с системой источников (форм) российского гражданского процессуального права 287

4.3. Международные договоры в системе источников (форм) российского гражданского процессуального права 325

4.4. Проблемы признания решений Европейского суда по правам человека источниками (формами) гражданского процессуального права России 359

5. Нетрадиционные или нетипичные источники гражданского процессуального права 414

5.1. Обычай в российском гражданском процессуальном праве 417

5.2. Правовая доктрина и ее значение для отечественного гражданского процессуального права 434

6. Проблемы и перспективы развития системы источников (форм) гражданского процессуального права 460

6.1. Основные черты и сущностные характеристики системы источников (форм) гражданского процессуального права 470

6.2. Вопросы построения системы источников (форм) гражданского процессуального права и перспективы ее развития 487

6.3. Влияние тенденций к унификации и дифференциации цивилистического процесса на развитие системы источников (форм) гражданского процессуального права 487

Заключение 508

Библиография 537

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

Долгие годы в науке гражданского процессуального права представление о законе как единственном источнике, в значении формы права, фактически рассматривалось как истина, не требующая доказательств. Существование иных источников (форм) права в системе отечественного гражданского процессуального права, как правило, не признавалось.

Осуществляемая в современной России судебная реформа касается и судоустройственных и судопроизводственных аспектов, существенно меняется само отечественное гражданское процессуальное право, его система. Следовательно, меняются и формы его внешнего выражения. Поэтому тезисы о законе как единственном источнике (форме) гражданского процессуального права поставлены под серьезное сомнение современной гражданской процессуальной доктриной.

Нынешнее состояние российской правовой действительности обусловило переход отечественной юридической мысли на качественно иной уровень развития, характерными чертами которого являются отказ от признания абсолютного господства позитивистских взглядов на право и распространение интегративных концепций правопонимания. В результате возникла насущная необходимость переосмысления вопроса о системе источников права, в том числе гражданского процессуального.

Все большее количество ученых-процессуалистов признают множественность источников (форм) отечественного гражданского процессуального права. Такой разворот парадигмы основывается не только на теоретических рассуждениях, но и на нормах действующего законодательства: ряд положений гражданского процессуального законодательства дают основания, например, для вывода о том, что в состав источников национального гражданского процессуального права уже сейчас следует включать акты высших судов Российской Федерации. Ссылки на ст. 1 Гражданского процессуального кодекса

Российской Федерации (далее – ГПК РФ) как на норму, устанавливающую исчерпывающий перечень источников (форм) отечественного гражданского процессуального права, представляются малоубедительными, поскольку данная статья, согласно ее названию, определяет состав законодательства о гражданском судопроизводстве.

Более того, в современной отраслевой литературе появился целый ряд публикаций, в которых обосновывается необходимость признания источниками, в значении формы гражданского процессуального права, судебной практики, судебного прецедента, нормативных правовых актов иных отраслей права, актов международных судов, гражданской процессуальной доктрины, судебного обычая и др.

В связи с изложенным следует отметить, что вопрос о составе и внутренней структуре системы источников (форм) гражданского процессуального права Российской Федерации, о соотношении входящих в эту систему элементов до настоящего времени не получил общепризнанного решения, что подтверждается продолжающейся дискуссией относительно сущности и правового статуса тех или иных правовых феноменов, при рассмотрении их в искомом качестве. Вряд ли можно говорить о достаточности научного исследования вопросов об определении как фактически существующего, так и желательного для современного гражданского судопроизводства состава источников (форм) гражданского процессуального права, об их конкретных разновидностях, соотношении и взаимовлиянии, о присущих им функциях, о полноте научных представлений, отражающих данную систему, и, как следствие, отметить нерешенность этих вопросов.

Следовательно, необходимо признать, что в отечественной гражданско-процессуальной науке до нынешнего периода не сформировано завершенное представление о системе источников (форм) гражданского процессуального права Российской Федерации, что является существенным пробелом в доктрине гражданского процесса.

В работах по теории права достаточно давно и справедливо отмечается, что развитие права на качественно новом уровне, общая тенденция расширения сферы воздействия права на социальные процессы придают по-новому актуальное значение проблеме источников права; особую важность для правовой теории и практики представляют собой вопросы понятия источников права, их структуры и содержания, соотношения источников права с формами права, вопросы классификации источников (форм) права и их системно-иерархического построения, вопросы юридической природы различных источников (форм) права и характера их соотношения с другими источниками (формами) права и др., при этом важнейшее значение для повышения эффективности воздействия права на общественное развитие имеет правильное построение самой системы актов, в которых выражаются нормы права.

Данные утверждения вполне применимы и к современному гражданскому процессуальному праву, поскольку исчерпывающе верное представление о системе его источников (форм) является обязательным условием и нормотворческой, и правоприменительной, прежде всего судебной, деятельности. Принимая акты, направленные на регулирование гражданских процессуальных правоотношений, законодателю, да и любому иному правотворцу, следует учитывать не только вертикальные и горизонтальные связи между актами законодательства, содержащими гражданские процессуальные нормы, но и внутренние связи, существующие в таких актах, а также связи с иными источниками (формами); иметь верное представление о форме, в которой внешнее выражение норм гражданского процессуального права будет наиболее рациональным и соответствующим требованию системности. Без верных знаний о системе источников (форм) гражданского процессуального права Российской Федерации эффективная правоприменительная деятельность, в первую очередь деятельность по отправлению правосудия, представляется невозможной, поскольку правильное понимание того, относится ли тот или иной феномен к формам права, выявление его места в системе источников (форм) гражданского процессуального права позволяют определить уровень его обязательности и

степень его воздействия на регулирование гражданского судопроизводства в судах общей юрисдикции. Такое понимание, в свою очередь, позволит практикующим юристам верно оценивать правовую ситуацию, искать надлежащие способы и пути совершения процессуальных действий, а судам – принимать правильные процессуальные решения и в итоге достигать главной цели гражданского судопроизводства – защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов лиц, спор которых подлежит разрешению судом общей юрисдикции, а законодателю и иным правотворческим органам оперативно выявлять и своевременно устранять противоречия, возникающие в данной системе.

Исходя из вышеизложенного, совокупность теоретических и прикладных вопросов, связанных с системой источников (форм) гражданского процессуального права Российской Федерации, можно обоснованно считать крупной научной проблемой, которая имеет важное значение для гражданской процессуальной науки, правотворческой деятельности и правоприменительной практики в сфере гражданских процессуальных правоотношений.

Степень разработанности научной проблемы

Проблемы источников (форм) гражданского процессуального права Российской Федерации в той или иной мере освещали в своих работах Т.Е. Абова, Т.Т. Алиев, Т.К. Андреева, С.Ф. Афанасьев, О.В. Баулин, А.Т. Боннер, Е.А. Борисова, К.Л. Брановицкий, Е.В. Васьковский, Д.Х. Валеев, М.А. Викут, А.Ф. Воронов, И.В. Воронцова, А.Х. Гольмстен, Е.С. Ганичева, М.Е. Глазкова, Н.А. Громошина, Л.А. Грось, М.А. Гурвич, С.Л. Дегтярев, А.А. Демичев, Г.А. Жилин, В.М. Жуйков, С.К. Загайнова, Э.В. Иодковский, О.В. Исаенкова, А.Ф. Клейман, К.И. Комиссаров, О.Ю. Котов, В.М. Лебедев, Л.Ф. Лесницкая, Д.Я. Малешин, Д.В. Малыхин, А.А. Мельников, В.В. Момотов, Э.М. Мурадьян, С.В. Никитин, Р.О. Опалев, М.Ш. Пацация, И.А. Приходько, И.В. Рехтина, И.В. Решетникова, Т.В. Сахнова, Т.В. Соловьёва, А.Р. Султанов, Л.А. Терехова, Д.А. Туманов, Г.Д. Улётова, Я.Ф. Фархтдинов, М.А. Фокина, Д.А. Фурсов, О.Ч. Хускивадзе, М.Х. Хутыз, А.В. Цихоцкий, Н.А. Чечина, Д.М. Чечот,

М.З. Шварц, О.Н. Шеменева, В.М. Шерстюк, М.К. Юков, В.В. Ярков и некоторые другие ученые.

Отмечая весомый вклад указанных авторов в разработку исследуемой нами темы, необходимо признать, что подавляющая часть их исследований посвящена отдельным правовым феноменам, которые рассматриваются данными авторами как источники (формы) гражданского процессуального права. В то же время необходимо отметить, что источники (формы) гражданского процессуального права существуют не изолированно, а взаимодействуют между собой, выступают не в виде разрозненных элементов, а в виде взаимосвязанной совокупности, обладающей системными свойствами. Данное обстоятельство не позволяет ограничиться исследованием отдельных источников (форм) гражданского процессуального права, а заставляет обратиться к познанию их системы в целом, исследовать все многообразие ее системных признаков и свойств. Ориентированные именно на такой подход работы А.Т. Боннера, Я.Ф. Фархтдинова и О.Ч. Хускивадзе весьма полезны в научном плане, однако выполнены достаточно давно, еще в период действия ГПК РСФСР. С тех пор существенно изменилось процессуальное законодательство, правовая политика российского государства, да и само представление об источниках (формах) права претерпело изменение в правовой доктрине и в судебной практике. Кроме того, перед наукой встали новые вопросы, связанные с унификацией и дифференциацией процессуального права. В результате многие проблемы системы источников (форм) гражданского процессуального права требуют проведения нового специального диссертационного исследования.

Цель и задачи исследования

Цель диссертационного исследования состоит в создании современной теоретической концепции строения и функционирования системы источников (форм) гражданского процессуального права Российской Федерации, включающей полное, логически завершенное представление о реальной структуре данной системы, составляющих ее элементах, а также выявляющей особенности формирования и функционирования системы источников (форм) отечественного

гражданского процессуального права, определяющей направления развития и пути совершенствования данной системы.

Для достижения указанной цели были поставлены и решены следующие задачи:

– с учетом достижений общетеоретического учения об источниках и формах права выявить признаки источников (форм) гражданского процессуального права РФ, сформулировать дефиницию, отражающую наиболее общие свойства, сущность и содержание данного феномена и его место в механизме правового регулирования гражданских процессуальных правоотношений;

– определить элементы системы источников (форм) гражданского процессуального права Российской Федерации, их место и функции в этой системе;

– исследовать место и значение Конституции РФ в системе источников (форм) гражданского процессуального права Российской Федерации;

– исследовать законодательство Российской Федерации о гражданском судопроизводстве как подсистему в составе системы источников (форм) гражданского процессуального права Российской Федерации, определить существующие в ней уровни, место, значение и соотношение ее отдельных элементов, пути и правила разрешения возникающих в ней коллизий;

– проанализировать понятия «судебный прецедент» и «судебная практика», определить их возможность выступать в качестве источников (форм) отечественного гражданского процессуального права; выявить правовую природу актов российских высших судов и их место в механизме правового регулирования гражданских процессуальных отношений;

– определить соотношение общепризнанных принципов и норм международного права, актов международного права и международных обычаев с системой источников (форм) гражданского процессуального права Российской Федерации, выявить критерии, позволяющие включать указанные феномены в исследуемую систему, а также проследить их влияние на развитие отечественного судопроизводства;

– рассмотреть возможность применения религиозных норм, правовой доктрины и юридического обычая в качестве нетипичных (нетрадиционных) источников (форм) российского гражданского процессуального права;

– исследовать структурное строение системы источников (форм) гражданского процессуального права Российской Федерации, проанализировать системообразующие связи, существующие между ее элементами;

– на основе анализа системы источников (форм) гражданского процессуального права Российской Федерации в динамике установить направления ее дальнейшего развития и возможности расширения;

– разработать теоретически обоснованные рекомендации по совершенствованию системы источников (форм) гражданского процессуального права Российской Федерации.

Объект и предмет исследования

Объектом исследования является комплекс теоретико-прикладных проблем, возникающих в ходе реализации общественных отношений, связанных с построением, функционированием и развитием системы источников (форм) гражданского процессуального права.

В качестве предмета исследования выступают: система источников (форм) гражданского процессуального права Российской Федерации, ее элементы, основные параметры, структурное строение, тенденции развития; нормы российского гражданского процессуального права, в которых закрепляются значимые свойства этой системы; соответствующие нормы гражданского процессуального законодательства других государств и нормы международного права; доктринальные взгляды на исследуемую систему и перспективы ее развития; судебная практика, отражающая проявления данной системы.

Теоретическая и методологическая основа исследования

В качестве теоретической основы исследования выступили:

– публикации, посвященные источникам и формам российского права в целом, которые подготовили специалисты в сфере общей теории права: С.С. Алексеев, Е.С. Алисиевич, В.И. Анишина, М.В. Баглай, С.В. Бошно,

А.А. Васильев, А.Б. Венгеров, Н.В. Витрук, Н.Н. Вопленко, С.И. Вильнянский, П.А. Гук, Т.Н. Данцева, С.А. Дробышевский, В.В. Ершов, С.Л. Зивс, В.Д. Зорькин, Д.А. Керимов, С.Ф. Кекечьян, В.В. Лазарев, Е.Г. Лукьянова, С.Ю. Марочкин, М.Н. Марченко, В.В. Момотов, Г.И. Муромцев, В.С. Нерсесянц, Л.И. Петражицкий, Д.Е. Петров, В.М. Сырых, Б.Я. Токарев, В.А. Толстик, В.А. Туманов, А.Ф. Черданцев, Н.Н. Черногор, А.Ф. Шебанов, Г.Ф. Шершеневич;

– научные труды таких авторов, как Т.Е. Абова, Т.Т. Алиев, Т.К. Андреева, С.Ф. Афанасьев, О.В. Баулин, А.Т. Боннер, Е.А. Борисова, К.Л. Брановицкий, Е.В. Васьковский, Д.Х. Валеев, М.А. Викут, А.Ф. Воронов, И.В. Воронцова, Е.С. Ганичева, М.Е. Глазкова, А.Х. Гольмстен, Н.А. Громошина, Л.А. Грось, М.А. Гурвич, С.Л. Дегтярев, А.А. Демичев, Г.А. Жилин, В.М. Жуйков, С.К. Загайнова, Э.В. Иодковский, О.В. Исаенкова, А.Ф. Клейман, К.И. Комиссаров, О.Ю. Котов, Л.Ф. Лесницкая, Д.Я. Малешин, Д.В. Малыхин, А.А. Мельников, Э.М. Мурадьян, С.В. Никитин, Р.О. Опалев, М.Ш. Пацация, И.А. Приходько, И.В. Рехтина, И.В. Решетникова, В.В. Самсонов, Т.В. Сахнова, Т.В. Соловьёва, А.Р. Султанов, Л.А. Терехова, Д.А. Туманов, Г.Д. Улётова, Я.Ф. Фархтдинов, М.А. Фокина, Д.А. Фурсов, О.Ч. Хускивадзе, М.Х. Хутыз, А.В. Цихоцкий, Н.А. Чечина, Д.М. Чечот, М.З. Шварц, О.Н. Шеменёва, В.М. Шерстюк, М.К. Юков, В.В. Ярков и других представителей науки гражданского процессуального права;

– имеющие отношение к теме исследования работы авторов, специализирующихся по конституционному (И.Н. Барциц, Н.С. Бондарь, Г.А. Василевич, Г.А. Гаджиев, Х.И. Гаджиев, Л. Гарлицки, В.М. Лебедев, С.П. Маврин, Ж.И. Овсепян, Т.М. Пряхина, А.А. Сергеев, А.В. Слесарев, Т.Я. Хабриева), международному (А.Х. Абашидзе, С.А. Голунский, Б.Л. Зимненко, А.С. Исполинов, Н.И. Марышева, Т.Н. Нешатаева, И.О. Хлестова, Л.М. Энтин), гражданскому (С.Н. Братусь, А.В. Габов, В.В. Зайцев, О.В. Зайцев, О.С. Иоффе, И.Б. Новицкий, С.А. Синицын, В.Ф Яковлев), трудовому (Е.А. Ершова) и другим отраслям права.

Методологическую основу диссертационного исследования составляет системный подход, при котором источники (формы) гражданского процессуального права Российской Федерации рассматриваются не как отдельные элементы или их механическая совокупность, а как система, целостное образование.

Наряду с методологией системного подхода в работе использованы логические методы познания: анализ, синтез, дедукция и индукция, а также общенаучные и специально-научные приемы и методы познания социальных явлений и процессов: исторический; метод системного анализа; сравнительно-правовой; формально-логический; формально-юридический; диалектический метод и др.

Информационная база исследования

Нормативную основу исследования составляют правовые акты, входящие в систему источников (форм) гражданского процессуального права Российской Федерации: Конституция Российской Федерации, международные акты, включая международные договоры и постановления Европейского суда по правам человека, законодательство о гражданском судопроизводстве, в том числе ГПК РФ, федеральные конституционные законы, федеральные законы, акты Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ и иные акты, содержащие гражданские процессуальные предписания.

Эмпирическую основу исследования составили постановления и определения Конституционного Суда РФ, постановления Пленума и иные акты Верховного Суда РФ, постановления Европейского суда по правам человека, материалы правоприменительной практики нижестоящих судов общей юрисдикции, арбитражных судов, данные судебной статистики.

Обоснованность и достоверность результатов исследования

Обоснованность и достоверность результатов исследования обусловлены использованием апробированной методологии научного исследования, базовых концептуальных положений как теории государства и права, так и доктрины

гражданского процессуального права, которая применена к информационной базе исследования.

В настоящей работе диссертант учел, как общетеоретические, так и отраслевые подходы к рассматриваемым в диссертации проблемам.

Научная новизна исследования

Научная новизна диссертации определяется тем, что она представляет собой первое за многие годы комплексное исследование системы источников (форм) гражданского процессуального права Российской Федерации, выходящее за рамки анализа ее отдельных элементов. В результате выполненных автором исследований разработана теоретическая концепция строения и функционирования системы источников (форм) гражданского процессуального права Российской Федерации, сформулированы теоретические положения, создающие полное и комплексное представление об этой системе, а также о сущности, видах и взаимодействии элементов, ее составляющих. Изложенные и аргументированные в работе теоретические выводы и положения восполняют имеющийся ощутимый пробел в науке гражданского процессуального права и имеют важное правовое и социально-экономическое значение.

В частности, в диссертации на базе современных достижений общей теории права и науки гражданского процессуального права сформулировано авторское определение источника (формы) российского гражданского процессуального права; определены состав и строение системы источников (форм) гражданского процессуального права Российской Федерации; исследована правовая природа конкретных источников (форм) российского гражданского процессуального права, выявлено их место в системе; выдвинуты и мотивированы предложения по повышению эффективности как рассматриваемой системы в целом, так и отдельных ее элементов; выявлены основные тенденции развития системы источников (форм) гражданского процессуального права Российской Федерации, разработаны научно обоснованные рекомендации по оптимизации рассматриваемой системы, доказана необходимость ее дальнейшего расширения, в первую очередь за счет перевода имплицитного статуса правовых феноменов, уже

фактически являющихся источниками (формами) российского гражданского процессуального права, в эксплицитный путем прямого закрепления такого статуса в процессуальном законодательстве.

Научная новизна диссертационного исследования нашла отражение в следующих **основных положениях, выносимых на защиту**.

1. В диссертации на основе достижений общетеоретического учения об источниках и формах права для устранения присущей термину «источник гражданского процессуального права» полисемичности вводится термин «источник (форма) гражданского процессуального права» и дается определение данной категории.

Под источниками (формами) гражданского процессуального права Российской Федерации предлагается понимать как имеющие легальное закрепление соответствующего статуса, так и не имеющие его, но фактически используемые в соответствующем качестве правовые акты, после фиксации в одном из которых правила, определяющие порядок рассмотрения и разрешения российскими судами общей юрисдикции гражданских дел и осуществления отдельных процессуальных действий в ходе гражданского производства в российских судах общей юрисдикции, приобретают свойства гражданских процессуальных норм. Эти нормы могут представлять собой как классические нормы-правила, так и нормы-принципы, нормы-цели, нормы-дефиниции, служебные нормы, коллизионные нормы, как первичного, так и вторичного характера. Общими чертами норм, содержащихся в источниках (формах) гражданского процессуального права, являются их целевая направленность на регламентацию общественных отношений, составляющих предмет гражданского процессуального права, предназначенность для длительного, многократного применения неопределенным кругом лиц и общеобязательность.

2. В диссертации обосновывается, что к источникам (формам) гражданского процессуального права, помимо традиционно рассматриваемых в данном качестве актов отраслевого законодательства, следует относить нормативные правовые и иные правовые акты, содержащие нормы права, определяющие порядок

рассмотрения и разрешения судами общей юрисдикции отнесенных к их компетенции категорий гражданских дел и порядок осуществления отдельных процессуальных действий в ходе гражданского судопроизводства в судах общей юрисдикции, либо представляющие собой бланкетную часть гражданской процессуальной нормы, вне зависимости от их отраслевой принадлежности.

Исходя из способа фиксации гражданской процессуальной нормы, следует выделять две группы источников (форм) гражданского процессуального права:

– источники (формы) собственно гражданских процессуальных норм. Нормы, содержащиеся в этих источниках (формах) права, непосредственно определяют содержание общественных правоотношений, составляющих предмет гражданского процессуального права, что выдвигает эти источники (формы) права на первое, доминирующее место в системе источников российского гражданского процессуального права;

– источники (формы) бланкетных гражданских процессуальных норм, предписания которых в результате использования бланкетной конструкции нормы входят в содержание норм гражданского процессуального права (данный вид источников (форм) права, как правило, изначально относится к иным отраслям права, но образует с первой группой источников (форм) права единый регулятор гражданских процессуальных отношений).

3. В диссертации сформулирован вывод о том, что совокупность источников (форм) российского гражданского процессуального права представляет собой иерархичную, стремящуюся к непротиворечивости, устойчивую к внешнему воздействию и способную адаптироваться к изменениям правовой действительности систему.

Элементы данной системы относятся к одному из восьми типов правовых актов, различающихся по юридической силе, происхождению и имеющих как разную степень легального признания за ними свойств источников (форм) российского гражданского процессуального права, так и разную степень убедительности доктринального обоснования такого статуса.

Из указанного числа пять типов элементов занимают в этой системе стационарное место и находятся на постоянных, только им присущих уровнях, расположенных в следующем иерархическом порядке:

– Конституция Российской Федерации,

– федеральные конституционные законы,

– международные договоры Российской Федерации,

– федеральные законы,

– подзаконные нормативные акты.

Три оставшихся типа представляют собой восполнительно-корректирующие источники (формы) гражданского процессуального права – постановления Конституционного Суда РФ и его определения с позитивным содержанием, постановления Пленума Верховного Суда РФ, а также постановления Президиума Верховного Суда РФ, вынесенные по конкретным делам в порядке надзора. Положение данных типов элементов в системе является динамичным и определяется местом восполняемых или корректируемых ими стационарных источников (форм) гражданского процессуального права.

4. Законодательство Российской Федерации о гражданском судопроизводстве рассматривается как подсистема в составе системы источников (форм) гражданского процессуального права Российской Федерации. Определен состав этой подсистемы и существующие внутри нее взаимосвязи:

– делается вывод, что состав федеральных конституционных законов, определяющих порядок гражданского судопроизводства в федеральных судах общей юрисдикции, шире перечня, содержащегося в ГПК РФ;

– аргументируется правомерность закрепления приоритета ГПК РФ над остальными федеральными законами, регламентирующими порядок гражданского судопроизводства;

– одновременно выявлена ограниченность приоритета ГПК РФ рамками специального предмета регулирования, а именно общественными отношениями в сфере гражданского судопроизводства в российских судах общей юрисдикции;

– обосновывается, что федеральные законы иной отраслевой принадлежности, относящиеся к источникам (формам) гражданского процессуального права, подразделяются на две группы: первая устанавливает процессуальные правила, действующие независимо от характера спорного правоотношения и состава участников гражданского судопроизводства, вторая регулирует элементы гражданского процесса и судебную компетенцию применительно к конкретному виду спорных материальных правоотношений или (и) определенной категории граждан. В связи с этим мотивируется вывод о том, что при разрешении коллизий между положениями законов первой группы и ГПК РФ следует руководствоваться последним как специальным законом, устанавливающим собственный приоритет. Что касается законов второй группы, то, поскольку они содержат специальные гражданские процессуальные нормы, в случае возникновения коллизии между ними и ГПК РФ следует признавать их приоритет.

5. В работе обосновано, что судебная практика и судебный прецедент представляют собой явления правовой действительности, соотносящиеся как некое множество элементов, которым присущи некоторые определенные общие, существенные для их характеристики свойства, и отдельный элемент, входящий в это множество.

Под судебной практикой в узком смысле слова, применительно к гражданскому процессуальному праву, понимается совокупность вступивших в законную силу судебных постановлений, принятых мировыми судьями и судами общей юрисдикции при рассмотрении и разрешении конкретных дел, охватывающая результат правоприменительной деятельности судов разного уровня, очерченный иерархическими границами – от принятых судом первой инстанции решений и определений до вынесенных Президиумом Верховного Суда РФ постановлений в порядке надзора. Эту совокупность можно именовать сложившейся судебной практикой, если она выражает общепринятый, устоявшийся способ разрешения определенной категории гражданских дел или применения правовой нормы в сходных правовых ситуациях, тем самым устраняя

возможные проблемы в дальнейшем восприятии, толковании и применении судом норм права.

Судебный прецедент в гражданском процессуальном праве определяется как судебное постановление по конкретному делу, содержащее созданные судом, вынесшим данное постановление, правила поведения, являющиеся для участников гражданских процессуальных правоотношений обязательными образцами совершения процессуальных действий в тождественной правовой ситуации, которыми равные или нижестоящие суды обязаны неоднократно руководствоваться при рассмотрении аналогичных дел и для обеспечения обязательности которых процессуальным законом установлено, что отклонение от таких образцов является основанием для отмены или пересмотра судебных постановлений по аналогичным делам, рассмотренным равными либо нижестоящими судами.

Делается вывод, что и судебная практика, и судебный прецедент оказывают существенное влияние на развитие различных элементов гражданской процессуальной формы, поскольку судебная деятельность, результат которой оформляется в виде судебных актов (решений, определений, постановлений), выступает не только итогом рассмотрения и разрешения конкретных гражданских дел, но и влияет на практику применения процессуальных норм, воздействует на процесс развития как гражданского судопроизводства в целом, так и отдельных институтов гражданского процессуального права. Аргументируется, что толкование норм права, в том числе с использованием аналогии закона либо аналогии права, может являться методом судебного правотворчества, но не источником (формой) права.

6. В диссертации делается вывод, что формой существования созданных в результате судебного правотворчества гражданских процессуальных норм могут выступать исключительно акты высших судов, обладающие свойствами общеобязательности, окончательности и неизменности, а именно: постановления Конституционного Суда РФ и его определения с позитивным содержанием, а также

постановления Пленума Верховного Суда РФ и постановления Президиума Верховного Суда РФ, вынесенные в порядке надзора.

Обосновывается, что постановления Президиума Верховного Суда РФ, вынесенные в порядке надзора, в которых фиксируются нормы гражданского процессуального права, представляют собой судебный прецедент. Одновременно с этим мотивируется, что акты Конституционного Суда РФ и постановления Пленума Верховного Суда РФ, в которых фиксируются нормы гражданского процессуального права, ввиду их принципиально иного характера, проявляющегося в том, что указанные акты принимаются вне гражданской процессуальной формы и не в процессе разрешения гражданских дел по существу, представляют собой не судебный прецедент, а иные, особые, формы гражданского процессуального права. При этом источником (формой) гражданского процессуального права является весь акт высшего судебного органа, включая и мотивировочную, и резолютивную части.

Роль этих актов – восполнительно-корректирующая по отношению к иным источникам (формам) гражданского процессуального права. Акты высших судов восполняют пробелы в тех случаях, когда содержат первичные нормы гражданского процессуального права, и исправляют недостатки (корректируют правовое регулирование), когда в них содержится вторичная норма права. Положение этих актов в системе источников (форм) гражданского процессуального права является динамичным и определяется местом тех источников (форм), которые восполняются или корректируются указанными актами высших судов.

Общеобязательность данных восполняюще-корректирующих источников (форм) для применения в гражданском процессе обеспечивается существующими эффективными процессуальными механизмами, не позволяющими нижестоящим судам, а равно и иным участникам гражданского судопроизводства, игнорировать их в своей деятельности, вне зависимости от того, что эти акты содержат – первичную или вторичную норму права.

7. В диссертации обоснован вывод о том, что решения Конституционного Суда РФ де-факто являются источниками (формами) отечественного гражданского процессуального права, обладающими в их системе особым статусом, в тех случаях, когда в них:

– содержатся окончательные выводы о признании гражданской процессуальной нормы не соответствующей Конституции Российской Федерации – «негативное законотворчество», при этом в целях заполнения возникающего пробела Конституционным Судом РФ кроме «негативной» может создаваться временная норма, действующая до принятия соответствующего нормативного правового акта;

– при формальном оставлении гражданской процессуальной нормы неизменной выявляется ее конституционно-правовой смысл, который, как правило, существенно отличается от смысла, придававшегося этой норме сложившейся правоприменительной практикой, чем фактически создается новое общеобязательное правило поведения.

8. В диссертации разграничиваются постановления Пленума Верховного Суда РФ, постановления Президиума Верховного Суда РФ, вынесенные в порядке надзора по конкретным делам, которые относятся к (восполнительным) источникам (формам) гражданского процессуального права, как правило вторичным, но при отсутствии надлежащего законодательного регулирования способным стать первичными, с одной стороны, и обзоры судебной практики Верховного Суда РФ, утвержденные Президиумом Верховного Суда РФ, не являющиеся таковыми, с другой стороны.

Аргументируется, что вынесенные в порядке надзора постановления Президиума Верховного Суда РФ по конкретным делам представляют собой имплицитно признанный в Российской Федерации судебный прецедент. При этом незначительность числа рассматриваемых Президиумом Верховного Суда РФ гражданских дел ведет, с одной стороны, к количественному уменьшению роли данного источника (формы) гражданского процессуального права в механизме регулирования гражданских процессуальных правоотношений, с другой стороны–

то обстоятельство, что они принимаются по наиболее важным, принципиальным вопросам, подчеркивает их исключительность, делает весомей каждый акт данного типа.

Обосновывается, что постановления Пленума Верховного Суда РФ имеют особую правовую природу, поскольку принимаются вне гражданской процессуальной формы, и представляют собой основанные на высшем (в иерархическом понимании) уровне обобщения и анализа судебной практики акты, принятые высшей судебной инстанцией на основании предоставленных Конституцией Российской Федерации и законами полномочий, в которых могут создаваться новые обязательные для неоднократного применения и исполнения неопределенным кругом лиц правила поведения в гражданском судопроизводстве.

Официальное, эксплицитное признание статуса указанных актов Верховного Суда РФ как источников (форм) гражданского процессуального права позволит решить такие присущие судейскому праву проблемы, как определение моментов начала и окончания их действия во времени, возможность ретроспективного применения, возможность преодоления их силы иными органами, установление контроля над актами Верховного Суда РФ в целях ограничения возможного произвола с его стороны, а также прямо закрепить субсидиарный (восполнительный) характер таких актов.

9. Аргументируется, что сами по себе принципы международного права и его нормы, несмотря на их общепризнанность, к источникам (формам) гражданского процессуального права не относятся. В искомом качестве следует рассматривать не сами общепризнанные принципы и нормы международного права (содержание), а те внешние формы, в которых они зафиксированы, закреплены.

Автором предложены критерии, при соответствии которым (в их совокупности) международные принципы и нормы могут быть использованы в качестве регуляторов гражданских процессуальных правоотношений:

– наличие явно выраженной санкции государства на применение международного принципа или нормы во внутреннем праве;

– соответствие международных принципов и норм Конституции Российской Федерации;

– созвучие международных принципов и норм принципу правовой определенности.

В связи с тем, что ни Конституция Российской Федерации, ни российское законодательство не определяют место решений международных организаций, имеющих обязательный характер, во внутригосударственной правовой системе, а международные обычаи не соответствуют указанным критериям, обосновывается, что из числа форм международного права только международные договоры могут выступать источниками (формами) внутригосударственного гражданского процессуального права, не переставая при этом быть источником права международного.

10. В диссертации выявлены и сформулированы условия, совокупность которых позволяет включать международные договоры в систему источников (форм) российского гражданского процессуального права, и определяется их место в этой системе.

Международный договор, содержащий нормы, определяющие правила гражданского судопроизводства в российских судах общей юрисдикции, приобретает свойства источника (формы) российского гражданского процессуального права, если он одновременно:

– является межгосударственным договором Российской Федерации (заключен от имени Российской Федерации) и стал обязательным для России в результате принятия федерального закона либо ратифицирован СССР и стал обязательным для России в силу правопреемства;

– соответствует общепризнанным принципам и нормам международного права juscogens либо содержит такие принципы и нормы, определяющие правила гражданского судопроизводства;

– обладает свойством самоисполнимости, т.е. не требует издания внутригосударственных актов для его применения;

– официально опубликован в Российской Федерации.

В диссертации определяется место международных договоров Российской Федерации в системе источников (форм) российского гражданского процессуального права: правила гражданского судопроизводства, вводимые международными договорами Российской Федерации, обладают большей юридической силой, чем правила гражданского судопроизводства, установленные федеральным законом (в том числе Гражданским процессуальным кодексом РФ), но меньшей, чем содержащиеся в Конституции Российской Федерации и федеральном конституционном законе.

11. В диссертации обоснован вывод о том, что акты Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) следует рассматривать как один из весьма значимых и содержательных источников гражданского процессуального права в значении побудительной силы для законодателя, формирующей основные направления модернизации отечественного процессуального права; в значении материалов, служащих основой для изменения отечественного законодательства; как источник «мягкого права», но не источник (форму) отечественного гражданского процессуального права.

Акты ЕСПЧ не входят в национальную систему источников (форм) гражданского процессуального права, поскольку его постановления, как «ординарные», так и «пилотные», являясь важным маркером, указывающим на неполадки в национальной правовой системе, не содержат общеобязательных, распространяющихся на неопределенный круг лиц правил, регламентирующих порядок разрешения гражданских дел судами общей юрисдикции либо порядок совершения отдельных процессуальных действий в ходе гражданского судопроизводства.

12. В результате анализа группы источников (форм) права, именуемых в юридической науке «нетрадиционными», сделан вывод, что составляющие эту группу обычаи, религиозные тексты и правовая доктрина в Российской Федерации не являются формами внешнего выражения норм гражданского процессуального права, но могут выступать основой для возникновения новых правовых норм, для создания той или иной нормы, содержащейся в правовых актах.

В диссертации определено значение доктрины гражданского процессуального права, которую предлагается рассматривать как источник знаний о праве, служащий основой для возникновения права в форме закона, судебного прецедента или иной форме, как системосоздающий феномен, являющийся теоретико-методологической основой правовой системы, феномен, предлагающий перспективные модели правовой реальности, судоустройства и гражданского судопроизводства, правового регулирования процедуры рассмотрения гражданских дел в судах общей юрисдикции, феномен, влияющий на духовные, ментальные ценности, прежде всего на правосознание судей, практикующих юристов и иных участников гражданского процесса.

Обращается внимание на неточность наименования данной группы. Поскольку явления, ее составляющие, выступают наиболее традиционными для многих правовых систем, предлагается именовать эту группу нетипичными (нехарактерными) источниками, указывая, для какой конкретно правовой системы или отрасли права исследуемый феномен является нехарактерным (нетипичным).

13. В диссертации обосновывается, что тип процесса определяется типом охранительного отношения, которое в нем реализуется, и этот тип тождественен как для гражданского и арбитражного процессов, так и для административного судопроизводства. Указанные отрасли процессуального права регламентируют порядок рассмотрения дел неуголовного типа государственными судами и порядок совершения иными лицами процессуальных действий при рассмотрении таких дел в судах. Главная цель гражданского судопроизводства, состоящая в защите нарушенных или неправомерно оспариваемых прав, свобод и законных интересов лиц, спор которых подлежит разрешению судом, идентична главным целевым установкам арбитражного процесса и административного судопроизводства, т.е. является общей для всех видов цивилистического процесса. Во всех отраслях цивилистического процесса суды разрешают конфликт о субъективном праве, которое в зависимости от вида процесса может быть гражданским или иным.

Наличие таких сущностных характеристик, как однородность типа реализуемых в процессе охранительных отношений (цивилистического); общность

главной целевой установки (защита нарушенных или неправомерно оспариваемых прав, свобод и законных интересов лиц, спор которых подлежит разрешению судом); общий предмет судебной деятельности (разрешение спора о субъективном праве); общие принципы осуществления судопроизводства (прежде всего, диспозитивность), позволяет сделать вывод, что гражданский процесс, арбитражный процесс и административное судопроизводство являются видами цивилистической процессуальной формы. Это обстоятельство, с учетом общности метода правового регулирования (императивно-диспозитивный), в свою очередь, позволяет обосновать взгляд на гражданское процессуальное право как на составную часть суперотрасли – цивилистического процессуального права, включающей также арбитражное процессуальное право и законодательство об административном судопроизводстве.

14. В диссертации определена оптимальная модель унификации цивилистического процесса, представляющая собой необходимый этап развития системы источников (форм) гражданского процессуального права.

Такая модель должна включать в себя унификацию общих положений гражданского процессуального законодательства, арбитражного процессуального законодательства и законодательства об административном судопроизводстве. Для реализации данной модели необходимо расширение системы источников (форм) российского гражданского процессуального права, создание нового источника (формы), общего для всех отраслей цивилистического процесса, в котором будут закреплены нормы, регламентирующие общие институты гражданского процесса, арбитражного процесса и административного судопроизводства как в судах общей юрисдикции, так и в арбитражных судах, прежде всего принципы осуществления правосудия и единообразие процессуальных терминов.

Теоретическая и практическая значимость исследования

Теоретическое значение диссертации состоит в том, что совокупность сформулированных в ней выводов представляет целостную научную концепцию строения и функционирования системы источников (форм) гражданского процессуального права Российской Федерации, которая верно отражает

элементный состав и внутреннюю структуру данной системы, позволяет определять пути ее дальнейшего расширения и совершенствования. Положения, вынесенные на защиту, углубляют научные представления об источниках (формах) российского гражданского процессуального права и их системе, о гражданских процессуальных нормах, о месте и значении судебного правотворчества в механизме правового регулирования гражданских процессуальных правоотношений, о соотношении источников (форм) международного права с системой национального гражданского процессуального права, тем самым способствуют развитию теории и доктрины гражданского процессуального права.

Практическая значимость результатов исследования состоит в возможности применения его положений и выводов как в правотворческой деятельности для совершенствования механизма правового регулирования гражданских процессуальных правоотношений, так и в правоприменительной, прежде всего судебной, деятельности, а также в учебно-методическом процессе, в том числе на факультетах повышения квалификации судей и сотрудников судебной системы.

В диссертации дается ряд практически значимых предложений, направленных на совершенствование гражданского процессуального законодательства.

1. В связи со сделанным в работе выводом о наличии у суда общей юрисдикции права в исключительных, не терпящих промедления случаях самостоятельно преодолевать иерархическую коллизию между Конституцией Российской Федерации и подлежащим применению в конкретном деле гражданским процессуальным законом предлагается прямо закрепить в процессуальном законодательстве, что непосредственное применение судом Конституции Российской Федерации не влечет объявление закона, не соответствующего, по мнению суда, рассмотревшего дело, Конституции Российской Федерации, неконституционным, но приводит к возникновению у суда, рассмотревшего дело, безусловной обязанности обратиться в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке конституционности данного закона. В случае невыявления Конституционным Судом РФ неконституционности такого закона

вынесенное решение должно подлежать пересмотру по новым обстоятельствам, для чего следует добавить соответствующее основание пересмотра в ч. 4 ст. 392 ГПК РФ.

2. Исходя из обоснованного в работе вывода о том, что подзаконные акты – источники (формы) гражданского процессуального права фактически существуют, их существование неизбежно и объективно необходимо, предлагается закрепить в процессуальном и судоустройственном законе право Президиума Верховного Суда РФ принимать такие акты – «обязательные постановления», определив их статус как вспомогательных, восполнительных источников (форм) гражданского процессуального права временного характера. Ввести обязательность их официального опубликования в порядке, существующем для постановлений Пленума Верховного Суда РФ. Установить обязанность Верховного Суда РФ незамедлительно после публикации «обязательных постановлений» направить в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проект закона о внесении в гражданское процессуальное законодательство изменений, тождественных временным правилам, в них содержащимся. Ограничить срок действия «обязательных постановлений» одним годом с момента их публикации или моментом отклонения соответствующего законопроекта Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации. Определить сферу возможного применения «обязательных постановлений», отнеся к ней вспомогательные детали судебной процедуры, подчеркнув невозможность введения «обязательными постановлениями» правил, противоречащих действующему процессуальному законодательству. Ввести прямой законодательный запрет для всех иных субъектов правотворчества принимать подзаконные нормативные правовые акты, регламентирующие гражданское судопроизводство.

3. В связи с тем, что, как выявлено в диссертации, содержание ст. 1 ГПК РФ не отражает действительный состав законодательства о гражданском судопроизводстве, в частности состав федеральных конституционных законов, определяющих порядок гражданского судопроизводства в федеральных судах

общей юрисдикции, а также не определяет иерархические связи внутри него, вносится предложение о дополнении ст. 1 ГПК РФ после слов «Федеральным конституционным законом "О судебной системе Российской Федерации"» словами «и иными федеральными конституционными законами».

Кроме того, предлагается дополнить ч. 3 ст. 1 ГПК РФ следующим предложением: «В случае возникновения коллизий между настоящим Кодексом и другими федеральными законами, устанавливающими гражданские процессуальные нормы, применяется настоящий Кодекс, за исключением случаев, когда другими федеральными законами регулируется судебная процедура и судебная компетенция применительно к конкретному виду спорных материальных правоотношений или (и) определенной категории граждан».

4. Исходя из обоснованной в диссертации необходимости включения в систему источников (форм) отечественного гражданского процессуального права правовых актов, фактически выполняющих эти функции, и выявления соответствующих функций у постановлений Конституционного Суда РФ и его определений с позитивным содержанием, а также постановлений Пленума Верховного Суда РФ и постановлений Президиума Верховного Суда РФ, вынесенных в порядке надзора, предлагается эксплицитно закрепить данный статус указанных актов высших судов в тексте гражданского процессуального законодательства, тексте ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» и тексте ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», регламентировать условия и порядок их применения в качестве источника (формы) права, а также закрепить на законодательном уровне обязательность официального опубликования постановлений Президиума Верховного Суда РФ.

5. В целях усиления роли постановлений Конституционного Суда РФ и его определений с позитивным содержанием в механизме регулирования гражданских процессуальных правоотношений предлагается гармонизировать положения гражданского процессуального законодательства с положениями ст. 79 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», прямо отразив в нем, что отечественные суды не вправе руководствоваться законом (нормативным актом),

признанным постановлением Конституционного Суда РФ не соответствующим Конституции РФ, и не вправе при отправлении правосудия истолковывать такой закон иначе, чем Конституционный Суд РФ, а судебные решения, основанные на признанном неконституционным законе, не подлежат исполнению и должны быть пересмотрены, а также предусмотреть порядок такого пересмотра в отношении всех подобных решений.

6. В связи с выявлением в диссертации совокупности условий, позволяющих относить международные договоры к источникам (формам) российского гражданского процессуального права, предлагается прямо закрепить в процессуальном законодательстве, что правила гражданского судопроизводства, вводимые международными договорами Российской Федерации, обладают большей юридической силой, чем правила гражданского судопроизводства, установленные федеральным законом (в том числе Гражданским процессуальным кодексом РФ), но меньшей, чем содержащиеся в Конституции Российской Федерации и федеральном конституционном законе, при соответствии следующим условиям:

– является межгосударственным договором Российской Федерации (заключен от имени Российской Федерации) и стал обязательным для России в результате принятия федерального закона либо ратифицирован СССР и стал обязательным для России в силу правопреемства;

– соответствует общепризнанным принципам и нормам международного права juscogens либо содержит такие принципы и нормы, определяющие правила гражданского судопроизводства;

– является самоисполнимым, т.е. не требует издания внутригосударственных актов для его применения;

– официально опубликован в Российской Федерации.

7. Поскольку суд, рассматривающий гражданские дела, вправе применять к материальным (но не процессуальным) отношениям сторон любые санкционированные законом обычаи, а не только указанный в ст. 11 ГПК РФ

«обычай делового оборота», предлагается для устранения коллизий с материальным правом исключить из данной статьи слова «делового оборота».

8. Предлагается, в целях обеспечения унификации цивилистического процесса, провести унификацию общих положений его отраслей (гражданского процесса, арбитражного процесса и административного судопроизводства). Результатом такой унификации должно явиться принятие федерального конституционного закона, в котором будут закреплены нормы, регламентирующие общие положения гражданского процесса, арбитражного процесса и административного судопроизводства как в судах общей юрисдикции, так и в арбитражных судах, прежде всего принципы осуществления правосудия и единообразие процессуальных терминов.

Апробация результатов исследования осуществлена посредством их:

– публикации в монографии, а также 86 научных статьях, из которых 44 опубликованы в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации научных работ, отражающих основное научное содержание докторских диссертаций; из этого числа 25 работ опубликовано в журналах, входящих в Перечень журналов, рекомендованных ученым советом РАНХиГС для публикации статей по юриспруденции (Утвержден решением Ученого совета Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации от 17 апреля 2018 года) и 3 в ведущих рецензируемых научных журналах включённых в международные базы цитирования (Web of Science) (общий объем – 57,35 п.л.);

– доклада и обсуждения на международных и российских научно-практических конференциях, круглых столах и иных научных форумах:

X Международной научно-практической конференции «Проблемы ответственности в современном праве» (г. Москва, МГУ, 10.12.2009), Всероссийской научно-практической конференции «Судебные реформы в России: история и современность» (г. Казань, РФ, ФБГОУ ВПО «РАП», 14.10.2010), XI

Международной научно-практической конференции «Проблемы методологии правовых научных исследований и экспертиз» (г. Москва, МГУ, 2–3.12.2010), XII Международной научно-практической конференции «Юридическая наука как основа правового обеспечения инновационного развития России» (г. Москва, МГУ, 28–29.11.2011), Всемирном Конгрессе по процессуальному праву «Гражданский процесс: межкультурный диалог. Евразийский контекст» (г. Москва, МГУ, 18–21.09.2012), XIII ежегодной международной научно-практической конференции юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова «Правовая политика: вызовы современности» (г. Москва, МГУ, 27–28.11.2012), XV Международной научно-практической конференции «Судебная реформа в России: прошлое, настоящее, будущее» (г. Москва, МГУ, 25–27.11.2014), Международной научно-практической конференции «Проблемы оптимизации судебной юрисдикции и судебной нагрузки на судебную систему в современных условиях» (г. Москва, ФГБОУ ВО «РГУП», 20.10.2015), Международной научно-практической конференции «Проблемы судопроизводства по делам, возникающим из гражданских и административных правоотношений» (г. Санкт-Петербург, С-Зф ФГБОУВО «РГУП», 28.10.2016), Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы процессуального и правового положения субъектов гражданского, арбитражного и административного судопроизводства» (г. Санкт-Петербург, С-Зф ФГБОУВО «РГУП», 10.10.2017), Всероссийской научно-практической конференции «Верность Конституции» (г. Москва, ФГБОУ ВО «РГУП», 2.11.2017), совместной XVII Международной научно-практической конференции и XIII Международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения» «Современное российское право: взаимодействие науки, нормотворчества и практики» (VII Московской юридической недели) (г. Москва, МГУ, 21–23.11.2017), Международной научно-практической конференции «Конституционно-правовое регулирование общественных отношений: теория, методология, практика» (г. Воронеж, Воронежский экономико-правовой институт, 12.12.2017), Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы развития гражданского права и гражданского процесса» (г. Краснодар,

Краснодарский университет МВД РФ, 22.02.2018), V Московском Юридическом форуме «Будущее Российского права: концепты и социальные практики» (г. Москва, МГЮА, 5–7.04.2018), Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы развития цивилистического процесса» (г. Ростов-на-Дону, РФ ФГБОУ ВО «РГУП», 12.04.2018), XIII Международной научно-практической конференции «Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: проблемы теории и практики» (г. Москва, ФГБОУ ВО «РГУП», 16–20.04.2018), Международной научно-практической конференции «Государство и право: российско-французский диалог» (г. Москва, ИГСУ РАНХиГС, 18.05.2018), XII Сессии Европейско-Азиатского правового конгресса «Право и справедливость: глобальные вызовы» (г. Екатеринбург, УрГЮУ,13–14.09.2018), Международной научно-практической конференции «Административное судопроизводство: проблемы и перспективы развития» (г. Москва, ФГБОУ ВО «РГУП», 2–21.09.2018), IX Пермском Конгрессе ученых-юристов «Правовое регулирование цифровизации общества: приоритетные задачи» (г. Пермь, ПГНИУ, 26–27.09.2018), Международной научно-практической конференции «Проблемы судопроизводства в суде первой инстанции по гражданским, административным и арбитражным делам» (г. Санкт-Петербург, С-Зф ФГБОУВО «РГУП», 12.10.2018), Международном круглом столе «Проблемы гармонизации материально-правовых и процессуальных средств защиты права» (г. Минск, БГУ, 26.10.2018), Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию юридического факультета Воронежского государственного университета «Юридические стандарты государственной власти и правозащитной деятельности: построение, организация, осуществление и эффективность». (г. Воронеж, ВГУ, 15–16.11.2018), совместной XIX Международной научно-практической конференции и XV Международной научно-практической конференции «Конституция Российской Федерации и современный правопорядок» (г. Москва, МГУ, 27.11.–2.12. 2018), Научно-практической конференции, посвященной 25-летию Конституции Российской Федерации «Конституция 1993 года: вызов России и образ будущего» (г. Москва,

РАНХ и ГС, 5.12.2018), VI Московском Юридическом форуме «Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции» (г. Москва, МГЮА, 4–5.04.2019), круглом столе на тему «Основные проблемы судебной защиты прав и свобод человека в Европейском суде» (г. Москва, РАНХ и ГС, 15.04.2019), XIV Международной научно-практической конференции «Толкование и конкретизация права: проблемы теории и практики» и учебно-методическом семинаре по теме: «Теория, философия и социология права как отрасли науки и учебные дисциплины» (г. Москва, ФГБОУ ВО «РГУП», 15–19.04.2019), III международной научно-практической конференции «Перспективы развития гражданского процессуального права» (г. Саратов, СГЮА, 14.09.2019), Международной конференции «Пять лет Договору о Евразийском экономическом союзе: роль Суда» (г. Минск, Республика Беларусь, Суд ЕАЭС, 19–20.09.2019), Международном симпозиуме журналов «Вестник гражданского процесса» и «Вестник гражданского права»: «Цивилистическое право и процесс: история, современное состояние и перспективы развития» (к 200-летию со дня рождения Д.И. Мейера) (г. Казань, КФУ, 27–28.09.2019), Международном научно-практическом круглом столе «Право на судебную защиту как гарантия эффективности несудебных форм защиты» (г. Минск, БГУ, 1.10.2019), V Алексеевских чтениях «Механизм правового регулирования: история и современность» (г. Екатеринбург, УГЮИ, 10–11.10.2019), Первой Международной научно-практической конференции «Абовские чтения»: «Фундаментальные проблемы и перспективы гражданского и предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса в современных экономических условиях» (г. Москва, ИГП РАН, 18.11.2019), XX Международной научно-практической конференции Юридического факультета МГУ и XVII Международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения» МГЮА (г. Москва, МГУ, 26–27.11.2019), VI Международной научной конференции «Пробелы в позитивном праве: доктрина и практика» (г. Москва, ИЗиСП, 20–21.02.2020), Международном симпозиуме журнала «Вестник гражданского процесса» «2020 – «Современная кодификация цивилистического процессуального законодательства: влияние на

правовую систему, юридическую науку и формирование комфортной юрисдикции» (г. Казань, КФУ, 25–27.09.2020), XV Ежегодных научных чтениях, посвященных памяти профессора С.Н. Братуся, «Модернизация гражданского законодательства» (г. Москва, ИЗиСП, 21–22.10.2020), Международной научно-практической конференции «Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики - 2020» (г. Ростов-на-Дону, ЮФУ, 23.10.2020), VIII Международной научно-практической конференции «Трансформация и цифровизация правового регулирования в современных реалиях и условиях пандемии» (г. Казань, КФ РГУП, 29.10.2020), X Международном конгрессе сравнительного правоведения «Конституционные изменения в России и в современном мире: диалектика универсального и национального» (г. Москва, ИЗиСП, 4–5.12.2020); Международной научно-практической конференции «Оптимизация гражданского и административного судопроизводства:социально-экономические предпосылки» (в рамках VII Московского юридического форума) (г. Москва, МГЮА, 8-10.04.2021), IV Международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, практикующих юристов, аспирантов и магистрантов «Актуальные проблемы развития цивилистического процесса», (г. Ростов-на-Дону, Рф РГУП, 16.04.2021), XV Международной научно-практической конференции в режиме видеоконференцсвязи «Правовые акты и правовые договоры: проблемы теории и практики» (г. Москва, РГУП, 20-22.04.2021), VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Регулирование правоотношений в гражданском праве и цивилистическом процессе в условиях цифровизации» (г. Казань, Кф РГУП, 29.04.2021), XIV сессии Европейско-Азиатского правового конгресса «Право как ценность» в рамках экспертной группы «Новые реалии правосудия XXI века: пандемия и цифровизация», а также в VI Алексеевских чтениях на тему: «Социальная ценность права в современном обществе» (г. Екатеринбург, УрГЮУ, 3-4.06.2021), Научно-практической конференции «Цивилистические юбилеи» к 185-летию со дня рождения Н.Л. Дювернуа «Защита гражданских и семейных прав: возвращение к истокам» (г. Москва, ИГП РАН, 07.06.2021), Конференции

«Перспективы развития гражданского процессуального права» в рамках Международного юридического форума, посвященного 90-летию ФГБОУ ВО «СГЮА» (г. Саратов, СГЮА, 07-11.06. 2021).

– внедрения в учебный процесс факультета подготовки специалистов для судебной системы (юридического факультета) и факультета повышения квалификации и переподготовки судей, государственных гражданских служащих судов и судебного департамента (ФПК судей и госслужащих судов) Ростовского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия».

Перечень публикаций автора

Монографии:

1. Самсонов Н.В. Источники российского гражданского процессуального права: Монография. – М.: Российский государственный университет правосудия, 2020. – 384 с. (19,5 п.л.)

Статьи в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук:

- статьи в изданиях, включенных в международные базы цитирования (Web of Science):

1. Самсонов Н.В. Источники гражданского процессуального права в дореволюционной России // Вестник Томского университета. Право. 2018. № 27. С. 140–148. (0,6 п.л.).

2. Самсонов Н.В. К вопросу о месте и значении судебной практики и судебного прецедента в отечественном гражданском процессуальном праве // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10. Вып. 2. С. 293–310. (1,5 п.л.).

3. Самсонов Н.В. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации как источник отечественного гражданского процессуального права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. 10. Вып. 2. С. 139–162. (1,6 п.л.).

- статьи в журналах, входящих в Перечень журналов, рекомендованных ученым советом РАНХиГС для публикации статей по юриспруденции (Утвержден решением Ученого совета Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации от 17 апреля 2018 года):

4. Самсонов Н.В. Некоторые вопросы совершенствования апелляционного производства в гражданском процессе // Российская юстиция. 2012. № 6. С. 43–45. (0,38 п.л.).

5. Самсонов Н.В. Ответственность в производстве по делам, возникающим из публичных правоотношений // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 1. С. 36–38. (0,2 п.л.).

6. Самсонов Н.В. Спорные аспекты регулирования апелляционного производства в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 12. С. 32–35. (0,3 п.л.).

7. Самсонов Н.В., Самсонов В.Н. Проблема исполнимости медиативных соглашений // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 2. С. 55–59. (0,4/0,3 п.л.).

8. Самсонов Н.В. О рассмотрении гражданских дел в упрощенном порядке // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 7. С. 18–21. (0,3 п.л.).

9. Самсонов Н.В. Принцип объективной истины сквозь призму взглядов профессора А.Т. Боннера // Современное право. 2017. № 7. С. 73–77. (0,55 п.л.).

10. Самсонов Н.В. Определение подведомственности дел, рассматриваемых в порядке административного судопроизводства, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2016 г. // Административное право и процесс. 2017. № 8. С. 33–36. (0,4 п.л.).

11. Самсонов Н.В. К вопросу о системности гражданского процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 10. С. 6–11. (0,5 п.л.).

12. Самсонов Н.В. Цели и задачи цивилистического процесса // Современное право. 2017. № 11. С. 68–75. (0,8 п.л.).

13. Самсонов Н.В. К вопросу о понятии и видах гражданской процессуальной правоспособности // Современное право. 2018. № 1. С. 81–85. (0,5 п.л.).

14. Самсонов Н.В. Упрощенное производство и его место в системе отечественного гражданского процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 2. С. 50–55. (0,5 п.л.).

15. Самсонов Н.В. Действие принципов правовой определенности и resjudicata в гражданском процессе (в свете Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 17 октября 2017 г. № 24–П). // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 3. С. 6–11. (0,5 п.л.).

16. Самсонов Н.В. О связи общего и особенного в гражданском процессуальном праве // Современное право. 2018. № 6. С. 91–96. (0,6 п.л.).

17. Самсонов Н.В. К вопросу о расширении состава источников гражданского процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 8. С. 3–8. (0,5 п.л.).

18. Самсонов Н.В. Развитие системы источников гражданского процессуального права в первые годы советской власти // Государственная служба. 2018. Т. 20. № 3. С. 78–82. (0,6 п.л.).

19. Самсонов Н.В., Улётова Г.Д. Размышления об итогах конференции «Инициатива Верховного Суда РФ по реформе судопроизводства: оптимизация судебной процедуры или нарушение прав участников процесса» // Современное право. 2018. № 11. С. 63–69. (0,75/0,4 п.л.).

20. Самсонов Н.В. Некоторые вопросы оценки электронных доказательств в цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9. № 2. С. 40–54. (1 п.л.).

21. Самсонов Н.В. Принцип объективной истины в современном административном и гражданском судопроизводстве // Административное право и процесс. 2019. № 2. С. 26–29. (0,5 п.л.).

22. Самсонов Н.В. Групповые иски – новый вид исков в российском гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 1. С. 22–27. (0,5 п.л.).

23. Самсонов Н.В. Акты Суда ЕАЭС и система источников (форм) российского гражданского процессуального права // Современное право. 2020. № 1. С. 98–102. (0,6 п.л.).

24. Самсонов Н.В. Типология административного судопроизводства и пути унификации цивилистического процесса // Вестник гражданского процесса. 2020. Т. 10. № 5. С. 118–133. (1 п.л.).

25. Самсонов Н.В. Общепризнанные принципы и нормы международного права в системе источников (форм) российского гражданского процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. №6. С. 7–11. (0,5 п.л.).

26. Самсонов Н.В. Акты высших судебных органов в механизме правового регулирования гражданских процессуальных правоотношений // Современное право. 2020. № 6. С. 82–86. (0,5 п.л.).

27. Самсонов Н.В. К вопросу о судебных обычаях и обыкновениях // Вестник гражданского процесса. 2020. Т. 10. № 3. С. 261–280. (1 п.л.).

28. Пугачева Н.В., Самсонов Н.В. Проблемы определения компетентного суда по некоторым видам споров о привлечении к ответственности руководителя организации // Современное право. 2020. № 11. С. 114 - 119. (0,5/0.25 п.л.).

- статьи в иных рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук:

29. Самсонов Н.В. Некоторые аспекты нового регулирования апелляционного производства в гражданском процессе // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2012. № 12 (31). С. 65–68. (0,39 п.л.).

30. Самсонов Н.В. О необходимости дальнейшего совершенствования апелляционного производства в гражданском процессе // Наука и образование:

хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2013. № 2 (33). С. 82–85. (0,34 п.л.).

31. Самсонов Н.В. О праве суда апелляционной инстанции отменить решение суда первой инстанции и направить дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции // Российский судья. 2014. № 5. С. 24–27. (0,39 п.л.).

32. Самсонов Н.В., Ковалева А.А. Право граждан Российской Федерации участвовать в отправлении правосудия // Юридическое образование и наука. 2016. № 3. С. 161–165. (0,49/0,2 п.л.).

33. Самсонов Н.В. К вопросу о способах конкретизации суда в соглашении о договорной подсудности // Российский судья. 2017. № 1. С. 9–13. (0,45 п.л.).

34. Самсонов Н.В. Завершена ли дискуссия о правовой природе административного судопроизводства? // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2017. № 3. С. 201–203. (0,4 п.л.).

35. Самсонов Н.В., Тахиров Р.Э. Апелляционное производство как гарантия принципа законности в российском гражданском процессе // Право и практика. 2017. № 4. С. 67–71. (0,4/0,2 п.л.).

36. Самсонов Н.В. Некоторые вопросы развития системы принципов российского гражданского судопроизводства // Современная научная мысль. 2017. № 6. С. 279–284. (0,45 п.л.).

37. Самсонов Н.В. Законодательство как основной источник отечественного гражданского процессуального права // Право и практика. 2018. № 1. С. 152–158. (0,5 п.л.).

38. Самсонов Н.В., Улётова Г.Д. О состоявшейся в Общественной палате конференции «Инициатива Верховного Суда РФ по реформе судопроизводства: оптимизация судебной процедуры или нарушение прав участников процесса» // Российский судья. 2018. № 11. С. 51–58. (0,75/ 0,4 п.л.).

39. Казарян К.В., Лусегенова З.С., Пугачева Н.В., Самсонов Н.В., Улётова Г.Д. О состоявшейся в Ростове-на-Дону конференции «Актуальные проблемы развития цивилистического процесса» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4. С. 427–432. (0,5/0,1 п.л.).

40. Самсонов Н.В. О значении актов высших судов России для совершенствования гражданского судопроизводства // Российский судья. 2019. № 2. С. 39–43. (0,5 п.л.).

41. Самсонов Н.В. Непосредственное действие Конституции России в процессе разрешения споров судами // Российское правосудие. 2019. № 2. С. 23–28. (0,5 п.л.).

42. Самсонов Н.В. Некоторые характерные черты источников (форм) советского гражданского процессуального права во второй половине XX века // Российское правосудие. 2019. № 12. С. 55–63. (0,75 п.л.).

43. Гаврицкий А.В., Лусегенова З.С., Самсонов Н.В. Актуальные проблемы развития цивилистического процесса // Российское правосудие. 2020. № 3. С. 94–98. (0,5/0,25 п.л.).

44. Гаврицкий А.В., Самсонов Н.В. Актуальные проблемы развития цивилистического процесса // Российское правосудие. – 2021. – № 2. – С. 108-112. (0,5/0.25 п.л.).

Статьи, опубликованные в иностранных изданиях:

45. Самсонов Н.В. Акты высших судебных органов как средство гармонизации российского гражданского процессуального права // Проблемы гармонизации материально-правовых и процессуальных средств защиты права : материалы международного круглого стола, 26 октября 2018 г. Минск, Беларусь / БГУ, Юридический факультет, каф. гражданского процесса и трудового права ; [редкол.: И. Н. Колядко (отв. ред.) и др.]. Минск : БГУ, 2019. С. 65–63. (0,2 п.л.).

46. Самсонов Н.В. Судебный иммунитет иностранного государства и право на судебную защиту // Проблемы гражданского права и процесса: сборник научных статей. Вып. 4 / ГрГУ им Я. Купалы. Гродно: ГрГУ, 2019. С. 215–222. (0,6 п.л.).

47. Самсонов Н.В. Акты международных судов в системе процессуального права // Пять лет Договору о Евразийском экономическом союзе: роль Суда: Междунар. конф. (19–20 сентября 2019 г., г. Минск): сб. материалов / Суд

Евразийского экономического союза; редкол.: А. С. Бугаева [и др.]. — Минск: Медисонт, 2020. С. 308-315. (0,4 п.л.).

48. Самсонов Н.В. Некоторые проблемы, связанные с регламентацией использования информационных (цифровых) технологий в российском цивилистическом процессе // Государство и право в XXI веке: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию юридического факультета Белорусского государственного университета, 26–27 ноября 2020 года, г. Минск / БГУ, Юридический фак.; [редкол.: Т. Н. Михалёва (гл. ред.) и др.]. – Минск: БГУ, 2021. С. 586-589. (0,4 п.л.).

Прочие научные публикации:

49. Самсонов Н.В. Ответственность в производстве по делам, возникающим из публичных правоотношений // Российская академия юридических наук. выпуск 10. В 3-х томах. Том 2. М.: Издательская группа «Юрист», 2010. С. 1195-1197. (0,2 п.л.).

50. Самсонов Н.В. Некоторые вопросы ответственности в гражданском судопроизводстве, возникающие при разрешении дел, рассматриваемых в порядке главы 25 ГПК РФ, в свете Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. N 2. // Сборник научных статей «Суд, право, власть», выпуск 5. Ростов н/Д: Рф ГОУ ВПО РАП, 2010. С. 192-198. (0,42 п.л.).

51. Самсонов Н.В. Подведомственность при рассмотрении дел об оспаривании решений, действий (бездействия) государственных органов и должностных лиц // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Судебные реформы в России: история и современность». Казань, 2010. С. 158-165. (0,4 п.л.).

52. Самсонов Н.В. Подведомственность и подсудность при рассмотрении дел об оспаривании решений, действий (бездействия) государственных органов и должностных лиц // Российская академия юридических наук, выпуск 11. В 2-х томах. Том 1. М.: Издательская группа «Юрист», 2011. С. 1031-1035. (0,4 п.л.).

53. Самсонов Н.В. Определение компетентного суда при рассмотрении дел, возникающих из публичных правоотношений // Сборник научных статей «Суд, право, власть», выпуск 6. Ростов н/Д: Рф ГОУ ВПО РАП, 2011. С. 182-190. (0,45 п.л.).

54. Самсонов Н.В. Некоторые вопросы совершенствования апелляционного производства в гражданском процессе. (положительные моменты) // Научные труды. Российская академия юридических наук, выпуск 12. В 2-х томах. Том 2. М.: Издательская группа «Юрист», 2012. С. 122-126. (0,33 п.л.).

55. Самсонов Н.В. О допустимости направления дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции после отмены решения судом апелляционной инстанции // Судебная власть: её роль и значение в истории России (к 150-летию Судебной реформы 1864г.): Сборник научных статей. Ростов н/Д: Дониздат, 2015. С. 127-131. (0,3 п.л.).

56. Самсонов Н.В. О необходимости расширения полномочий суда апелляционной инстанции в гражданском процессе // Научные труды. Российская академия юридических наук, выпуск 15. М.: Издательская группа «Юрист», 2015. С. 890-894. С. 890-894. (0,3 п.л.).

57. Самсонов Н.В., Ковалева А.А. К вопросу об участии граждан в отправлении правосудия // Современные парадигмы юридической науки: взаимодействие традиций и инновационные подходы: Материалы Международной научно-практической конференции г. Ростов-на-Дону, 14 мая 2015 года. М.: РГУП, 2016. С. 211-219. (0,5/0,2 п.л.).

58. Самсонов Н.В., Самсонов В.Н. Судебный контроль над медиацией как средство снижения судебной нагрузки // Проблемы оптимизации судебной юрисдикции и судебной нагрузки на судебную систему в современных условиях: Материалы международной научно-практической конференции.- М.: РГУП, 2016. С. 278-281. (0,5/0,4 п.л.).

59. Самсонов Н.В. К вопросу о полномочиях суда апелляционной инстанции // Российское правосудие в современных условиях: актуальные проблемы и перспективы развития: Всероссийская научно-практическая

конференция представителей судебной системы, профессорско-преподавательского состава вузов, аспирантов и магистрантов, Ростов-на-Дону, 13 ноября 2015 г. – М.: РГУП, 2016. С. 25-33. (0,4 п.л.).

60. Бурцева А.С., Самсонов Н.В. Иски о защите прав собственности и других вещных прав // Российское правосудие в современных условиях: актуальные проблемы и перспективы развития: Всероссийская научно-практическая конференция представителей судебной системы, профессорско-преподавательского состава вузов, аспирантов и магистрантов, Ростов-на-Дону, 13 ноября 2015 г. – М.: РГУП, 2016. С. 271-276. (0,4/0,2 п.л.).

61. Самсонов Н.В. Особенности определения подсудности рассматриваемых судами семейных споров и споров, затрагивающих права детей // Семейное право и концепция развития семейного законодательства: международные стандарты и российская модель. Сборник статей по итогам III международной конференции «Семейное право и концепция развития семейного законодательства: международные стандарты и российская модель». – М.: Инфра-М, 2017. С. 453-458. (0,6 п.л.).

62. Самсонов Н.В. Ответственность в административном судопроизводстве // Проблемы судопроизводства по делам, возникающим из гражданских и административных правоотношений. Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции 28 октября 2016г. т.2 – СПб.: ИД «Петрополис», 2017. С. 57-62. (0,3 п.л.).

63. Самсонов Н.В., Беляева Ю.С. Некоторые вопросы определения подведомственности при рассмотрении дел в порядке административного судопроизводства // Российское правосудие в современных условиях: актуальные проблемы и перспективы развития: сб. докладов на Международной очно-заочной научно-практической конференции 27.10.2016, г. Ростов-на-Дону. Москва: РГУП. 2017 г. С. 465-469. (0,4/0,2 п.л.).

64. Марфина В.А., Самсонов Н.В. Некоторые особенности исследования вещественных доказательств в гражданском процессе // Конституционно-правовое регулирование общественных отношений: теория, методология, практика:

материалы международной научнопрактической конференции. – Воронеж: ООО «АМиСта», 2018. С. 359-363. (0,5/0,2 п.л.).

65. Самсонов Н.В. Гражданская процессуальная правоспособность и влияние на неё актов материального права // Актуальные проблемы процессуального и правового положения субъектов гражданского, арбитражного и административного судопроизводства. Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции – СПб.: ИД «Петрополис», 2018. С. 376-382. (0,5 п.л.).

66. Самсонов Н.В. Подведомственность и подсудность индивидуальных трудовых споров, история и перспективы развития // Сборник: Международная научно-практическая конференция «История и научное прогнозирование развития трудового права и права социального обеспечения» (Третьи Гусовские чтения): материалы конференции / под общ. ред. Н. Л. Лютова, Ф. О. Сулеймановой; сост. Н. Л. Лютов, Ф. О. Сулейманова. — Москва: РГ-Пресс, 2018. С. 312-316. (0,2 п.л.).

67. Самсонов Н.В. Некоторые вопросы ответственности в гражданском судопроизводстве // Верность Конституции: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения Н.В. Витрука. – М.: РГУП, 2018. С. 282-290. (0,5 п.л.).

68. Самсонов Н.В. К вопросу о характере действия Конституции как формы гражданского процессуального права Российской Федерации // Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы развития цивилистического процесса»: сборник научных статей международной научно-практический конференции 12 апреля 2018 года. / Ростов-на-Дону: ИП Беспамятнов С.В., 2018. С. 52-56. (0,25 п.л.).

69. Самсонов Н.В. Некоторые вопросы источников гражданского процессуального права // Актуальные проблемы развития гражданского права и гражданского процесса: материалы V Всерос. науч.-практ. конф., 22 февр. 2018 г. / Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2018. С. 276-285. (0,4 п.л.).

70. Самсонов Н.В. К вопросу о взаимосвязи законности судебного постановления и его мотивированности // Будущее российского права: концепты и

социальные практики V Московский юридический форум. XIV Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения): материалы конференции: в 4-х частях. Издательство: «РГ-Пресс», 2018 г. Том. Часть 3. С. 27-31. (0,31 п.л.).

71. Самсонов Н.В. К вопросу о возможности использования польского опыта регулирования медиации в отечественных условиях // Международный опыт продвижения медиации в качестве технологии разрешения социальных конфликтов: Сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции, 25 октября 2018г. - Ростов-на-Дону: Изд-во ООО «АзовПринт», 2018. С. 86-90. (0,3 п.л.).

72. Самсонов Н.В. К вопросу о классификации конституционных норм, регламентирующих гражданское судопроизводство // Государственное управление и развитие России: вызовы и возможности. Сборник статей международной конференц-сессии. Том 1/ под общ. ред. Г.Ю. Ивлевой. – М.: Издательский дом «НАУЧНАЯ БИБИЛИОТЕКА», 2018. С. 304-310. (0,55 п.л.).

73. Дегтярева Г.Н., Самсонов Н.В. Особенности подведомственности и подсудности трудовых споров // Проблемы реализации форм и способов защиты прав граждан, организаций и публичных образований в судопроизводстве и иных видах юрисдикционной деятельности : материалы заочной межвуз. науч.-практ. конф. (Тула, 24 ноября 2017 года) / отв. ред. М. В. Мотехина ; Тул. ин-т (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). — Тула : Тул. ин-т (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2018. С. 181-186. (0,4/0,2 п.л.).

74. Самсонов Н.В. К вопросу о перспективах развития принципов российского гражданского процессуального права // Проблемы судопроизводства в суде первой инстанции по гражданским, арбитражным и административным делам Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции 12 октября 2018 г. Под общей редакцией Л.В. Войтович, В.И. Кайнова. ООО Издательский дом "Петрополис". Санкт-Петербург. 2019. С. 310-314. (0,35 п.л.).

75. Самсонов Н.В. Иностранное право как возможный источник для развития отечественного законодательства о медиации // Примирительные процедуры в цивилистическом праве и судопроизводстве / Сборник материалов Международной научно-практической конферен- ции 26–27 апреля 2019 года, Санкт-Петербург. Часть 1 / Под общ. ред. В.П. Очередько, А.Н. Кузбагарова, С.Ю. Катуковой / Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». – СПб.: Астерион, 2019. С. 209-215. (0,5 п.л.).

76. Самсонов Н.В. Международное право и система источников гражданского процессуального права // II Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы развития цивилистического процесса»: сборник научных статей международной научно-практической конференции 12 апреля 2019 года. - Ростов-на-Дону: ИП Беспамятнов С.В., 2019. С. 16-19. (0,25 п.л.).

77. Самсонов Н.В. К вопросу о месте актов, регулирующих порядок использования цифровых технологий в гражданском судопроизводстве, в системе источников гражданского процессуального права // Пермский юридический альманах. Издательство: Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь), 2019. № 2. С. 492-500. (0,57 п.л.).

78. Самсонов Н.В. Судебная ошибка – препятствие к достижению целей судопроизводства // Перспективы развития гражданского процессуального права: сборник статей по материалам III международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию со дня рождения д.ю.н., профессора И.М. Зайцева, (г. Саратов, 14 сентября 2019 года) / под ред. О.В. Исаенкововй ; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». – Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2019. С. 298-301. (0,3 п.л.).

79. Самсонов Н.В. К вопросу о правовой природе административного судопроизводства // Административное судопроизводство: проблемы и перспективы развития: Сборник научных трудов. — М., РГУП, 2019. С. 151-161. (0,75 п.л.).

80. Лусегенова З.С., Пасикова Т.А., Самсонов Н.В. Проблемы административного судопроизводства по делам об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости // Правосудие —М., РГУП. 2019. Т. 1. № 1. С. 215-224. (0,5/0,2 п.л.).

81. Самсонов Н.В. Акты высших судебных органов в механизме правового регулирования гражданских процессуальных правоотношений // Механизм правового регулирования: история и современность V Алексеевские чтения: сб. науч. Ответственный редактор В.Д. Перевалов. Том. Часть 2 Издательство: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Уральский государственный юридический университет" Екатеринбург, 2019. С. 60-67. (0,5 п.л.).

82. Пугачёва Н. В., Самсонов Н.В. К вопросу о подведомственности индивидуальных трудовых споров профессиональных спортсменов и тренеров // Перспективы развития гражданского процессуального права: сборник по материалам IV Международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию СЮИ-СГЮА (г. Саратов, 3 октября 2020 г.) / под ред. О. В. Исаенковой ; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». – Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2020. (0,25/0,125п.л.).

83. Самсонов Н.В. Проблемы соотношения Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и иных федеральных законов, содержащих процессуальные нормы // 2020 - Современная кодификация цивилистического процессуального законодательства: влияние на правовую систему, юридическую науку и формирование комфортной юрисдикции. материалы VII Симпозиума журнала «Вестник гражданского процесса». Казань, 2020. С. 139-143. (0,25 п.л.).

84. Самсонов Н.В. Конституция Российской Федерации как источник (форма) отечественного гражданского процессуального права. // Новый этап судебной реформы: конституционные возможности и вызовы: коллективная

монография / под. ред. Т. Е. Абовой, Т. К. Андреевой, В. В. Зайцева, О. В. Зайцева, Г. Д. Улётовой. – Москва : Статут, 2020. – 889 с. С. 293-300. (0,5 п.л.).

85. Самсонов Н.В. Злоупотребление цифровыми технологиями в цивилистическом процессе // Трансформация и цифровизация правового регулирования общественных отношений в современных реалиях и условиях пандемии: коллективная монография / Под ред. И.В. Воронцовой. - Казань: Отечество, 2020. С. 214-218. (0,4 п.л.).

86. Самсонов Н.В. Принципы международного права и российский гражданский процесс: проблемы соотношения // Принципы гражданского, арбитражного и административного судопроизводства: проблемы теории и практики: Сборник научных статей / Сост. и ред. Л.В. Войтович. – Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий "Астерион", 2021. С. 179-188. (0,5 п.л.).

Структура диссертации определяется ее целью, поставленными задачами и логикой исследования. Диссертация состоит из введения, 6 глав, объединяющих 19 параграфов, заключения и библиографии.

1. Общетеоретические подходы к понятиям «источник права» и «форма права» и их применение в гражданском процессуальном праве

1.1. Источник (форма) гражданского процессуального права

Нынешнее состояние российской правовой действительности обусловило переход отечественной юридической мысли на качественно иной уровень развития, характерной чертой которого является отказ от признания абсолютного господства позитивистских взглядов на право и распространение интегративных концепций правопонимания. Продолжающаяся в Российской Федерации судебная реформа затрагивает и процессуальные, и судоустройственные аспекты гражданского судопроизводства в судах общей юрисдикции, меняется само гражданское процессуальное право, его система. Следовательно, меняются его источники, формы его внешнего выражения. В результате усилилась необходимость теоретического переосмысления данных феноменов.

По оценке А.Ф. Шебанова, «возникновение понятия "источники права" относится ко временам более чем двухтысячелетней давности»[1]. Это понятие впервые было употреблено римским историком Титом Ливием, охарактеризовавшим «Законы двенадцати таблиц» как источник всего публичного и частного права ("fons omnis publici privatique iuris")[2] в том смысле, что данные нормативные положения являлись основой для формирования и развития римского права в целом.

Таким образом, «источник права» в его первоначальном значении можно рассматривать как основу, «корень», из которого произросла правовая система. К

---

[1] *Шебанов А.Ф.* Форма советского права. М.: Юридическая литература, 1968. С. 32.

[2] См.: *Дождев Д.В.* Римское частное право. Учебник для вузов. М.: Инфра-М Норма, 2003. С. 17.

такому выводу нас приводит одно из значений слова «источник» – «то, что дает начало чему-нибудь, откуда исходит что-нибудь»[3]. Следовательно, термин «источник права» означает тот или иной фактор, «от которого проистекает право»[4]. Однако такое понимание не является исчерпывающим и не отражает всего многообразия значений, вкладываемых в словосочетание «источник права». Данный термин, несмотря на длительность его употребления в юриспруденции, продолжает пониматься по-разному.

В юридической науке выделяется несколько потенциальных значений термина «источник права»:

1) силы, осознанно творящие право или объективно вызывающие право к жизни (в данном контексте в зависимости от мировоззренческой концепции исследователя источником права можно считать волю Бога, уровень развития общественных отношений или производственных сил, желание монарха или иного главы государства, волю господствующего класса, народные чаяния, правосознание общества и т.д.);

2) ресурс заимствования, т.е. материалы, послужившие основой для формирования того или иного законодательного акта (например, Литовский статут выступил в качестве источника для Соборного Уложения Алексея Михайловича, научные исследования Эжена Потье – для гражданского кодекса Наполеона и т.д.)[5];

3) источник знаний о праве, например, исторические памятники, позволяющие познать сущность и основные черты правовой системы государства в ту или иную историческую эпоху (тексты законов, зафиксированные в письменном виде правовые обычаи, судебные акты, археологические памятники юридической мысли и т.д.), одновременно являющиеся основой для дальнейшего развития права (так, летописи, содержащие статьи Русской Правды, являются не

---

[3] *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М.: Советская Энциклопедия, 1972. С. 237.

[4] *Новицкий И.Б.* Источники советского гражданского права. М.: Юридическая литература, 1959. С. 5.

[5] См.: *Шебанов А.Ф.* О понятиях источника права и формы права // Правоведение. 1965. № 4. С. 23–33.

только источником знаний о праве Киевской Руси, но и источником, из которого заимствовались некоторые нормы древнерусского права периода феодальной раздробленности);

4) средства внешнего выражения действующего права, конкретные акты, тексты, обычаи, в которых оно закреплено[6].

Л.И. Петражицкий, говоря об источниках права, обращал внимание на существующее разнообразие вариантов понимания этого явления: «По поводу понятія источника права – опредѣленія его … въ наукѣ имѣются разногласія. Все согласны относительно того, отрицательнаго, положенія, что источники права въ техническомъ смыслѣ слѣдуетъ отличать отъ источниковъ познанія права, отъ тѣхъ историческихъ документовъ, въ томъ числѣ сочиненій частныхъ писателей, и иныхъ данныхъ, изъ которыхъ мы можемъ добыть свѣденія относительно какого либо существовавшаго или существующяго права. Но какъ слѣдуетъ опредѣлить положительно существо источниковъ права, по этому поводу высказываются разнообразныя мнѣнія; некоторые опредѣляютъ источники права какъ формы созданія права, другіе, какъ основанія возникновенія права, третьи, какъ факторы, обосновывающіе право въ объективномъ смыслѣ, четвертые, какъ признаки обязательности юридическихъ нормъ, пятые, какъ различныя формы выраженія права, и т. д.»[7].

Однако наиболее часто в юридической науке ведут речь об источниках права в материальном и формальном смысле (Н.Г. Александров, С.С. Алексеев, М.В. Баглай, А.Т. Боннер, С.Н. Братусь, А.Б. Венгеров, С.И. Вильнянский, Н.Н. Вопленко, С.А. Голунский, М.А. Гурвич, С.Л. Зивс, О.С. Иоффе, Д.А. Керимов, С.Ф. Кечекьян, С.Е. Кутафин, М.Н. Марченко, А.В. Мицкевич,

---

[6] *Самсонов Н.В.* К вопросу о расширении состава источников гражданского процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 8. С. 3–8.

[7] *Петражицкий Л.И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. II. СПб.: Типографія Спб. акц. общ. «Слово». 1907. С. 512–513.

В.С. Нерсесянц, И.Б. Новицкий, М.С. Строгович, Я.Ф. Фархтдинов, М.Х. Хутыз, А.Ф. Черданцев). Рассуждая о материальных источниках права, исследователи, как правило, понимают под ними причины, вызвавшие появление норм права и определившие их содержание. К таковым относятся силы, творящие право. Под формальными источниками права подразумевают способы его выражения вовне, способы существования правовой нормы, или формы права[8]. Научная дискуссия по данному вопросу всегда была достаточно оживленной, и на ее ход оказывало влияние не только развитие общественных отношений, но и давление догматических установок.

Так, С.Ф. Кечекьян, обращая внимание на неоднозначный характер термина «источник права», отмечал, что двойственность данного понятия заключается в возможности его интерпретации в двух смыслах: материальном и формальном. В первом случае в качестве источника права рассматривались «причины, обусловившие содержание права (норм права)», т.е. совокупность материальных условий жизни общества, влияющих на характер общественных отношений. К ним исследователь относил такие факторы, как уровень развития производительных сил, тип производственных отношений, систему надстроечных институтов и т.д. В формальном же смысле источником права именовались «причины (основания) юридической обязательности нормы». Как в первом, так и во втором случае содержание права определяется волей господствующего класса, поскольку именно он вырабатывает как условия, в которых право формируется, так и основания для юридической обязательности норм права как форм выражения данного содержания. При этом воля господствующего класса распространяется не только на правовую сферу жизни общества, поэтому не все ее выражающие правила поведения имеют обязательный характер и тождественны по своему значению нормам права (например, нормы морали). Для того чтобы содержание воли господствующего класса приобрело правовой, обязательный для всех граждан характер, такая воля должна быть выражена в соответствующей форме – форме

---

[8] *Самсонов Н.В.* К вопросу о расширении состава источников гражданского процессуального права.

нормативного правового акта, обязательность исполнения которого поддерживается и обеспечивается государством как единственным образованием, обладающим правом легитимного принуждения. Развивая данные рассуждения, С.Ф. Кечекьян пришел к выводу о том, что источником права выступает такая форма объективизации выражения воли правящего класса, посредством которой данное волеизъявление приобретает общеобязательный правовой характер, обеспечиваемый силой государственного принуждения[9]. Следовательно, к таким формам выражения воли относятся все нормативные правовые акты, выступающие источниками права в формальном, т.е. «осязаемом», конкретном, закрепленном документально смысле.

Основная форма проявления воли государства как воплощения воли правящего класса – закон, принятый государством в форме правовой нормы, акт, направленный на установление правил поведения. Кроме того, благодаря санкциям со стороны государства значение источников права наряду с законами приобретают такие категории, как правовой обычай, нормативные договоры, т.е. договоры, содержащие в себе правила поведения, судебная практика и т.д. Данные категории выступают продуктом деятельности различных органов государства и их представителей, в результате которой государство закрепляет, санкционирует, регулирует и в итоге осуществляет «определенный фактический порядок общественных отношений»[10].

Изложенная выше интерпретация понятия «источник права» не была однозначно принята советскими правоведами. Так, полемизируя с С.Ф. Кечекьяном, Н.Г. Александров предположил, что анализ природы источника любого явления, в том числе и права, должен быть сопряжен с исследованиями природы самого явления. В объективном смысле содержание термина «право» – совокупность правил поведения. Соответственно, нормативные правовые акты, законы, являясь по своему целевому назначению регулятивными предписаниями,

---

[9] *Кечекьян С.Ф.* О понятии источника права // Ученые записки Московского государственного университета. 1946. Вып. 116. С. 3–4, 8–12.

[10] Там же. С. 8.

т.е. правилами поведения, есть составной элемент права, его разновидность, форма, а не его источник. Н.Г. Александров, не соглашаясь с предложенным С.Ф. Кечекьяном делением источников права на формальные и материальные, охарактеризовал данный подход как логически неоправданный, поскольку он «указывает на правотворческий процесс вне определенного вида общественной практики». Экономические (материальные) условия жизни общества, по мнению Н.Г. Александрова, есть основа для всех надстроечных явлений (в том числе и для системы права, гражданского процессуального права в частности), следовательно, именно они будут определять не только содержание, но и форму права, а выделение материальных источников права лишь доказывает это утверждение. Правило же поведения вне формы его объективации (акта государственной воли) будет лишено юридической силы и, соответственно, не будет являться правом. Таким образом, деление источников права на материальные (условия) и формальные (законы) основано не на классификации по признаку природы их происхождения, а, скорее, иллюстрирует схему образования нормативного правого акта: материальные условия определяют общее содержание, которое впоследствии закономерно обретает форму. Следовательно, заключал Н.Г. Александров, данная классификация неверна, так как в качестве однопорядковых элементов (источников права – материальных и формальных) рассматриваются лишь своеобразные элементы формирования нормативного правового акта[11]. Этот вывод нам представляется заслуживающим внимания, потому что как нелогичны утверждения об однопорядковости причины и следствия, факторов, порождающих явление, и самого явления, так и в данном случае материальные и формальные источники права не могут рассматриваться как понятия одного уровня.

---

[11] *Александров Н.Г.* Понятие источника права // Ученые труды Всесоюзного института юридических наук. М., 1946. Вып. 8. С. 47–54.

По мнению Н.Г. Александрова, источником права как опосредованной государством надстройки выступает государственная деятельность, направленная на создание юридических норм посредством их разработки или придания юридического характера нормам социальным под влиянием материальных факторов, т.е. среды[12]. Таким образом, достаточно четко отграничивалось понятие «источник права» от понятия «форма права», понятие «источник права» в узком смысле, исключительно в значении силы, творящей право, в то время как понятие «форма права» использовалось для обозначения формы внешнего выражения правовых норм, формы его закрепления[13].

Ведя речь об историческом развитии государственной деятельности по регламентированию общественных отношений, Н.Г. Александров обращал внимание на взаимосвязь явлений, именуемых им «источник права» и «форма права», в связи с чем выделял несколько правовых способов выражения воли государства и отмечал, что каждому из них соответствуют свои формы права:

1) законодательство (форма выражения права – нормативные правовые акты, законы);

2) судебная практика (форма выражения – судебный прецедент);

3) практика органов государственного управления (форма выражения – административный прецедент)[14].

Таким образом, по его мнению, каждому источнику права как результату деятельности государства, направленной на выражение воли господствующего класса, присуща своя форма выражения. Нам видится, что данная позиция сохраняет свою актуальность до настоящего времени.

Вопрос о возможности деления источников права на формальные и материальные исследовал и Д.А. Керимов. Методологически он основывался на марксистской теории общественного развития, делая акцент на вопросах характера и видов взаимодействия базиса и надстройки. Условия материальной жизни

---

[12] Там же. С. 52.

[13] *Самсонов Н.В.* Развитие системы источников гражданского процессуального права в первые годы советской власти // Государственная служба. 2018. Т. 20. № 3. С. 78–82.

[14] См.: *Александров Н.Г.* Понятие источника права. С. 53.

общества, т.е. базис, проявляются в государственной воле (которая, в свою очередь, является воплощением обобщенной воли господствующего класса), определяют все надстроечные явления (к которым относится и система гражданского процессуального права), соответственно, в общем смысле слова являются их источниками. Воля государства, в которой находят отражение условия материальной жизни общества, имеет различные формы проявления. Одна из них – закрепление правил поведения в юридических нормах, т.е. нормотворческая деятельность государства. Д.А. Керимов, рассматривая категории «форма» и «содержание» с позиции их диалектического взаимодействия, приходит к выводу, что содержание права определяет его форму, а форма права организует его содержание. Единство же формы и содержания (т.е. способа выражения и условий создания) достигается в таком объекте, как правовая норма[15]. Следовательно, в качестве источника права следует рассматривать силу, порождающую право «в единстве его содержания и формы» – акт волеизъявления господствующего класса, «правотворческую деятельность уполномоченных органов государственной власти и управления»[16]. Содержание правотворчества рассматривалось указанным автором как процесс выражения воли господствующего класса, заключающийся в создании норм права или признании таковыми норм социального характера (например, правил социалистического общежития – принципов, культивировавшихся правящей коммунистической партией), а форма правотворчества – как организационно-правовая форма, в которой протекает вышеозначенный процесс.

Следует отметить, что в советской теории права под давлением марксистских догматов в качестве силы, творящей право, т.е. источника права в материальном смысле, признавалась исключительно воля господствующего класса;

---

[15] *Керимов Д.А.* Источники советского социалистического права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1950. С. 10.

[16] *Керимов Д.А.* Понятие источника советского социалистического права в свете работы И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» // Ученые записки Ленинградского юридического института. 1951. Вып. 5. С. 89.

преобладающим стал взгляд на источники права как на средство внешнего выражения действующего права.

Что же касается источника права в формальном смысле, то практически общепризнанным стало утверждение, что источник права «есть форма выражения правовой нормы и только нормы», что он является внешней формой «установления правовой нормы государством»[17].

Таким образом, можно заметить, что, невзирая на длительность употребления термина «источник права», вплоть до настоящего времени в юридической науке нет однозначного взгляда как на содержание категории «источник права», так и на наименование формы существования правовых норм.

Еще в начале XX в. ученый-цивилист Г.Ф. Шершеневич отмечал, что такое разнообразие значений, придаваемых термину «источники права» в правовой науке, делает его «малопригодным ввиду своей многозначности»[18]. Г.И. Муромцев также отмечает, что «в условиях такой многозначности использование данного понятия в качестве научной категории связано с серьезными проблемами»[19].

В результате в юридической науке была высказана идея о необходимости заменить используемый в формальном смысле термин «источник права» другим термином – «форма права», под которым следует понимать различные виды права, отличающиеся по способу создания (происхождению) содержания норм: государственная власть может выработать содержание норм сама и объявить их обществу уже в форме закона, а может делегировать полномочия по выработке таких норм иным органам и лицам и лишь закрепить своим одобрением результат такой работы, придав созданным правилам общеобязательный юридический

---

[17] *Зивс С.Л.* Источники права: монография. М.: Наука. 1981. С. 10.

[18] *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права: В 2 т. М.: Издательство Братьев Башмаковых, 1910. С. 368–370.

[19] *Муромцев Г.И.* Источники права (теоретические аспекты проблемы) // Правоведение. 1992. № 2. С. 24.

характер, санкционировав, например, правовой обычай, сложившийся в определенной сфере общественных отношений. Наиболее убедительно, на наш взгляд, обосновывал данную позицию А.Ф. Шебанов, указывавший, что, «например, внешней формой права социалистического типа является система нормативно-правовых актов социалистического государства; внешней формой той или иной отрасли права, правового института – система нормативно-правовых актов, содержащих нормы этой отрасли, института»[20]. Однако такие попытки не увенчались успехом[21], и термин «источник права» на сегодняшний день продолжает активно использоваться в разных значениях.

Нам представляется, что многозначность термина «источник права» не препятствует его употреблению только в том случае, если из контекста ясно видно, в каком смысле он применен. В противном случае следует точно фиксировать то значение, в котором используется данный термин: сила, творящая право, ресурс заимствования, источник знаний о праве или форма права, подчеркивая, например, что исследуется феномен, представляющий собой не просто источник права, а источник в значении формы права[22]. Данный способ конкретизации понятия «источник права», используемый для устранения присущей ему полисемичности, – присоединение дополнительных, уточняющих терминов – представляется нам оптимальным для верного отражения придаваемого ему смысла и исключающим возможные двусмысленность и непонимание.

Тем не менее, на наш взгляд, использованию данного способа обозначения исследуемого в настоящей работе феномена препятствует то, что полученная в результате дефиниция может оказаться излишне громоздкой и неудобоваримой для восприятия в тексте. Это обстоятельство могло бы подвигнуть нас к использованию не дефиниции – «источник гражданского процессуального права в значении формы права», а дефиниции – «форма гражданского процессуального права». Однако такое решение нам представляется не вполне приемлемым. Дело в

---

[20] *Шебанов А.Ф.* Форма советского права. С. 25.

[21] См.: *Муромцев Г.И.* Источники права… С. 23–30.

[22] *Самсонов Н.В.* К вопросу о расширении состава источников гражданского процессуального права. С. 3–8.

том, что одной из базовых категорий в отечественном гражданском процессуальном праве является понятие «гражданской процессуальной формы», рассматриваемой «в качестве установленного законом процессуального порядка отправления правосудия по гражданским делам»[23]. На наш взгляд, использование для обозначения столь различных правовых явлений столь схожих терминов, состоящих из одних и тех же слов, неизбежно приведнт к терминологической путанице[24].

Таким образом, с одной стороны, использование термина «источник гражданского процессуального права» без дополнительной конкретизации неприемлемо ввиду его полисемичности, с другой стороны, использование термина «форма гражданского процессуального права» ведет к смешению разноплановых, разноприродных понятий. Поэтому в настоящей работе мы, подчеркивая, что термин «источник права» используется в значении «форма права», будем использовать термин «источник (форма) гражданского процессуального права».

Количество правовых феноменов, которые можно определить данным термином, не является неизменной величиной. Так, Е.В. Васьковский в современном ему гражданском процессуальном праве России конца XIX – начала XX в. выделял четыре вида источников в значении формы права: закон, правовой обычай, обязательные постановления, а также судебная практика. При этом ученый отмечал, что первенствующее положение в системе источников процессуального права занимают законодательные нормы, поскольку как устройство судебных

---

[23] *Рассахатская Н.А.* Гражданская процессуальная форма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1995. С. 6.

[24] Так, при введении в строку поиска СПС КонсультантПлюс запроса «гражданская процессуальная форма» в числе наиболее соответствующих запросу статей предлагается статья автора настоящей работы «К вопросу о характере действия Конституции как формы гражданского процессуального права Российской Федерации», в которой вопросы гражданской процессуальной формы не рассматриваются.

учреждений, так и их деятельность регламентируются главным образом законами. Нормы же иных категорий, такие, как постановления высших органов судебного управления и самих судов, а также судебная практика, могут применяться только в рамках развития и дополнения законодательной системы[25].

Анализ современного процессуального законодательства, актов судебных органов, источников международного права, правовой доктрины и высказанных учеными-юристами точек зрения позволяет выделить несколько основных групп явлений правовой действительности, рассмотрение которых представляет интерес с точки зрения возможности отнесения их к источникам (формам) гражданского процессуального права и которые могут быть следующим образом сгруппированы по типу их происхождения:

1) акты, составляющие систему федерального законодательства о гражданском судопроизводстве в судах общей юрисдикции (Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, иные федеральные законы);

2) иные нормативные правовые акты;

3) акты национальных судов (решения Конституционного Суда Российской Федерации, акты Верховного Суда Российской Федерации, судебная практика, судебный прецедент и т.д.);

4) международно-правовые феномены (общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, акты международных организаций и международных судов, в первую очередь, решения Европейского суда по правам человека);

5) правовой обычай;

6) правовая доктрина.

---

[25] *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского процесса. М.: Издание Бр. Башмаковых, 1914. С. 6–19.

Однако до начала исследования отдельных видов источников (форм) гражданского процессуального права следует дать определение рассматриваемой категории. Наиболее убедительной и обоснованной мы полагаем научную позицию, в соответствии с которой источник (форма) права есть форма установления и выражения правовых норм[26], форма выражения воли, сообщающая различным правилам поведения значение, свойства норм права[27] или, иными словами, форма существования юридических, правовых норм. При этом мы отмечаем, что понятие «форма» является парным понятию «содержание», эти понятия неразрывно связаны[28], и хотя определяющим в этой паре является категория «содержание», эта категория не может существовать сама по себе, т.е. вне формы. Как говорил о форме права А.Ф. Шебанов, «это – та непосредственная форма права, которая представляет собой форму существования его содержания, средство его организации, придания ему определенности, объективности»[29].

Исходя из изложенного, необходимо уточнить, что в качестве источника (формы) гражданского процессуального права в настоящей работе будет исследоваться то явление, которое А.Ф. Шебанов именовал «внешней формой права», однако мы не будем ограничиваться исследованием только нормативных правовых актов, как предлагал А.Ф. Шебанов[30], а охватим и иные формы существования, иные формы внешнего выражения норм гражданского процессуального права.

Завершая параграф, считаем необходимым еще раз отметить, что термин «источник права» в современной юриспруденции сохраняет свою многозначность, исчерпывающего и однозначного определения данной категории в юридической науке не существует, данный термин продолжает использоваться в различных

---

[26] См.: *Керимов Д.А.* Философские проблемы права: монография. М.: Мысль, 1972. С. 218.

[27] См.: *Алексеев С.С.* Общая теория права: В 2 т. М.: Юридическая литература, 1981. Т 1. С. 315; *Кечекьян С.Ф.* О понятии источников права. С. 5.

[28] См.: Энциклопедический словарь / Гл. ред. Б.А. Введенский. Изд 3-е. В 2 т. М.: Советская энциклопедия, 1964. Т. 2: Маскат – Яя. С. 412.

[29] *Шебанов А.Ф.* Форма советского права. С. 24–25.

[30] Там же. С. 25.

смыслах, значения которых могут изменяться в зависимости от контекста и/или позиции автора, что затрудняет его употребление.

Для устранения присущей термину «источник права» полисемичности, верного отражения придаваемого ему смысла, исключения возможных двусмысленности и непонимания следует четко фиксировать то значение, в котором используется данный термин, путем присоединения дополнительных дефиниций, подчеркивая, например, что исследуется феномен, представляющий собой источник в значении формы права.

В то же время термин «источник российского гражданского процессуального права в значении формы права» является излишне громоздким, а термин «форма гражданского процессуального права» – неприемлемым ввиду его созвучия с термином «гражданская процессуальная форма».

В связи с этим для избежания терминологической путаницы вводится термин «источник (форма) гражданского процессуального права», означающий форму, при облечении в которую правила совершения процессуальных действий при рассмотрении гражданских дел в судах общей юрисдикции приобретают свойства норм права или, иными словами, форму установления, существования и внешнего выражения гражданских процессуальных правовых норм.

1.2. Понятие источников (форм) российского гражданского процессуального права

Переходя от общетеоретического исследования вопросов, связанных с определением значения, содержания и соотношения понятий «источник права» и «форма права», к исследованию этих понятий на отраслевом уровне – уровне российского гражданского процессуального права, следует постулировать, что его источниками в значении формы права или, согласно обоснованной нами в предыдущем параграфе терминологии, источниками (формами) российского гражданского процессуального права выступают правовые акты, в первую очередь нормативные правовые акты, а возможно, и некие иные правовые явления (феномены)[31], представляющие собой формы внешнего выражения гражданских процессуальных норм.

В настоящей работе мы уже обращали внимание на парность категорий «форма» и «содержание», поэтому, соглашаясь с Д.А. Керимовым, говорившим, что «форма не может объективно существовать, если она не наполнена определенным содержанием»[32], признавая определяющее значение содержания в этой паре, мы приходим к выводу, что поскольку гражданские процессуальные нормы выступают содержанием источников (форм) российского гражданского процессуального права, то возможность признания того или иного правового феномена источником (формой) российского гражданского процессуального права должна решаться в зависимости от его содержания, в связи с чем необходимо обратиться к исследованию этих норм.

Только правовой феномен, содержащий, выражающий вовне нормы российского гражданского процессуального права, может быть признан его источником (формой). Любой иной феномен, в том числе нормативный правовой

---

[31] Речь идет о таких правовых феноменах, которые не являются правовыми актами, но теоретически могут рассматриваться в качестве источников (форм) права, например, обычаях, правовой доктрине. Вопрос о возможности отнесения их к источникам (формам) российского гражданского процессуального права будет решен в соответствующих главах.

[32] *Керимов Д.А.* Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права: монография. 3-е изд., перераб. и доп. М.: СГА, 2003. С. 173.

акт, содержащий нормы права, но не содержащий нормы гражданские процессуальные, никаким образом не регламентирующий гражданские процессуальные отношения, в искомом качестве рассматриваться не может. В результате возникает необходимость определить, какие именно нормы являются гражданскими процессуальными. Поскольку юридическую норму можно признать гражданской процессуальной только в том случае, если она регулирует гражданские процессуальные отношения, то логика исследования подводит нас к вопросу о предмете гражданского процессуального права.

Определение предмета регулирования гражданского процессуального права является одной из наиболее важных, ключевых проблем юридической науки. Значимость данного вопроса связана с тем, что именно предмет гражданского процессуального права определяет его особенности, его отраслевую специфику и позволяет рассматривать гражданское процессуальное право как самостоятельную отрасль права. Однако признаваемое всеми в качестве единственно верного определение предмета регулирования гражданского процессуального права до сего дня отсутствует.

Как отмечал И.Е. Энгельман, еще в XVIII в. «гражданскій процессъ считался формальною частью гражданскаго права, имеющею целью осуществленіе последняго»[33]. После окончательного обособления гражданского процесса Е.В. Васьковский писал, что «гражданскій процессъ въ обширномъ смысле слова обнимаетъ три порядка производства делъ въ гражданскихъ судахъ, или три вида судопроизводства: 1, исковое (гражданскій процессъ въ тесномъ смысле слова), 2, исполнительное и 3, охранительное.

Совокупность юридическихъ нормъ, определяющихъ устройство и деятельность гражданскихъ судовъ и состоящихъ при нихъ вспомогательныхъ органовъ въ трехъ указанныхъ направленіяхъ, образуетъ гражданско-процессуальное право»[34].

---

[33] *Энгельманъ И.Е.* Курсъ русскаго гражданскаго судопроизводства. Изд. 3-е, испр. и доп. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1912. С. 13.

[34] *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского процесса. С. 5.

Таким образом, Е.В. Васьковский различал гражданский процесс и гражданское процессуальное право, понимая под последним совокупность двух видов юридических норм: 1) норм, определяющих строение системы судов общей юрисдикции, рассматривающих гражданские дела, т.е. норм судоустройственных; 2) норм, регламентирующих деятельность этих судов по рассмотрению и разрешению гражданских дел в рамках существующих видов судопроизводства, т.е. норм судопроизводственных, и рассматривал гражданский процесс как фактическую деятельность, осуществляемую в ходе гражданского судопроизводства.

В советский период развития гражданской процессуальной науки, по словам И.В. Решетниковой, «долгое время по-разному толковались гражданский процесс и гражданское процессуальное право, а порой даже отождествлялись»[35]. Так, например, в учебнике 1939–1940 гг., раскрывая понятие процесса, А.Ф. Клейнман пишет: «гражданский процесс, или гражданское процессуальное право»[36], а через несколько страниц определяет советский гражданский процесс как «установленный советскими законами ‹...› порядок осуществления правосудия по гражданским ‹...› делам, порядок деятельности суда по разбирательству и разрешению этих дел, порядок деятельности исполнительных органов по исполнению судебных решений и определений, а также порядок связанных с осуществлением правосудия процессуальных отношений между судом и другими участниками процесса»[37]. Таким образом, указанным автором в сферу регулирования гражданского процессуального права включаются общественные отношения, возникающие при отправлении судами правосудия по гражданским и

---

[35] *Решетникова И.В.* Размышляя о судопроизводстве: Избранное. М.: Статут, 2019. 510 с.
[36] *Клейнман А.Ф.* Избранные труды: В 2 т. Т. 2. Краснодар: Совет. Кубань, 2009. С. 155.
[37] Там же. С. 159.

административным делам, а также при исполнении судебных постановлений по гражданским делам.

А.Ф. Клейнманом гражданское процессуальное право определялось как отрасль права, «нормы которого регулируют общественные отношения, связанные с правосудием по гражданским делам»[38] Такой подход обоснованно именуется узким – в предмет гражданского процессуального права включается только гражданское судопроизводство в судах общей юрисдикции.

В 60-х годах прошлого века М.Б. Зейдер выдвинул и обосновал позицию, согласно которой предметом гражданского процессуального права является более широкий круг общественных отношений: поскольку законом предусматривается множественность форм защиты гражданских прав (нотариальная, третейская и т.д.) и эти формы реализуются в определенной процедуре, он предложил включать в их число не только отношения, возникающие при рассмотрении судами гражданских дел в порядке гражданского судопроизводства, но и отношения, возникающие при рассмотрении гражданских дел иными органами гражданской юрисдикции[39].

Так возникла концепция широкого понимания предмета гражданского процессуального права, согласно которой в него включается не только гражданское судопроизводство, но и любые иные юрисдикционные процедуры рассмотрения и разрешения гражданских дел, любые иные юрисдикционные формы защиты субъективных прав и законных интересов участников цивилистических правоотношений.

Данная концепция, во-первых, разделяет понятия «гражданский процесс» и «гражданское судопроизводство», делая первое из них обобщающим, охватывающим и гражданское судопроизводство, и все иные юрисдикционные процедуры рассмотрения и разрешения гражданско-правовых конфликтов, нацеленные на защиту субъективных прав их участников; во-вторых, объединяет существенно различающиеся по предмету и методу правового регулирования, а

---

[38] *Клейнман А.Ф.* Избранные труды. Т. 1. Краснодар: Совет. Кубань, 2008. С. 242.

[39] *Зейдер Н.Б.* Предмет и система советского гражданского процессуального права // Правоведение. 1962. № 3. С. 81.

также по кругу субъектов, которым они адресованы, группы норм в одну отрасль права, не останавливаясь перед смешением частноправовых и публично-правовых норм – в одну отрасль права объединяются нормы, регламентирующие деятельность принципиально различных органов, осуществляемую в принципиально различной форме.

При этом для нас представляется очевидным, что в советский период намного более пристальный научный интерес, не ослабевающий до сих пор, вызывал предмет науки гражданского процессуального права[40], к которому, как отмечает И.В. Решетникова, относятся «соответствующая отрасль права и другие общественные явления, обусловливающие ее возникновение, осуществление и развитие. К названным общественным явлениям относятся: общественные отношения как первопричина возникновения, существования и развития советского гражданского процессуального права, источники указанной отрасли права, реализация гражданско-процессуальных норм, социалистическое правосознание, научные понятия, теории и концепции, история всех перечисленных выше элементов, аналогичные правовые образования в зарубежных социалистических, развивающихся, буржуазных государствах с учетом их социально-экономической обусловленности»[41].

В результате концепция широкого понимания предмета гражданского процессуального права не нашла достаточной поддержки в среде ученых-процессуалистов и, оставшись за пределами их круга внимания, не получила дальнейшего развития[42]. Так, например, в «Курсе советского гражданского

---

[40] См.: *Курс* советского гражданского процессуального права: Теоретические основы правосудия по гражданским делам: В 2 т. / Т.Е. Абова, П.П. Гуреев, А.А. Добровольский, А.А. Мельников и др.; отв. ред. В.С. Тадевосян, П.Я. Трубников. М.: Наука, 1981. Т. 1. С. 18–23.

[41] *Решетникова И.В.* Предмет науки советского гражданского процессуального права: автореф.. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1985. С.4.

[42] Тем не менее нельзя не отметить, что периодически предпринимаются попытки возродить данную концепцию. – См., например: *Осокина Г.Л.* Гражданский процесс. Общая

процессуального права» эта концепция не упоминается, напротив, указывается, что «…предметом гражданского процессуального права является процессуальная деятельность суда по осуществлению правосудия по гражданским делам, а также процессуальная деятельность лиц, участвующих в деле, и других участников судопроизводства»[43], и отмечается, что «нормы права, определяющие иные способы разрешения правовых споров, включаются в другие отрасли права в соответствии с их предметом и методом правового регулирования»[44].

Вопрос о предмете гражданского процессуального права вновь актуализировался в 1990-х годах, когда в результате создания арбитражных судов, принятия первого Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации[45] и появления нового вида судебной деятельности – арбитражного процесса возникла дискуссия, нацеленная на необходимость определения соотношения последнего и гражданского процессуального права[46].

В результате достаточно широко распространилась концепция, отрицающая необходимость сведения предмета гражданского процессуального права исключительно к нормам, регулирующим порядок рассмотрения гражданских дел

часть. М.: Юристъ, 2003. С. 17–22; *Миронова С.Н.* Современные тенденции в определении предмета гражданского процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. 2008. № 4. С. 7–10.

[43] *Курс* советского гражданского процессуального права: Теоретические основы правосудия по гражданским делам. Т. 1. С. 46.

[44] Там же. С. 58.

[45] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (утв. ВС РФ 5.03.1992 № 2447-1) // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 16. Ст. 836.

[46] В ходе этой дискуссии, как отмечает Д.А. Фурсов, сформировалось семь школ: от заявляющей «о самостоятельности отрасли арбитражного процессуального права наряду с традиционной и фундаментальной отраслью гражданского процессуального права» до оценивающей «арбитражный процесс составной частью юридического процесса как метатеории». – См.: *Фурсов Д.А. Харламова И.В.* Теория правосудия в кратком трехтомном изложении по гражданским делам: В 3 т. М.: Статут, 2009. Т. 1: Теория и практика организации правосудия. С. 127–130.

в судах общей юрисдикции, и обосновывающая включение в его состав норм, регулирующих порядок рассмотрения дел арбитражными судами.

Флагманом такой концепции, расширяющей понимание гражданского процессуального права за счет включения в него арбитражного процесса, стала М.С. Шакарян, которая писала: «законодательство об арбитражном суде — органическая часть гражданского процессуального права и должно быть включено в его состав, поскольку общими являются не только предмет защиты (споры, возникающие из гражданских правоотношений и в сфере управления), но и правовая природа органа защиты, принципы его организации и деятельности»[47]. Эта концепция первоначально получила широкое распространение в среде ученых-процессуалистов и была поддержана, в частности, В.М. Жуйковым[48], Н.А. Чечиной, Д.М. Чечотом[49] И.М. Зайцевым[50], Т.В. Сахновой[51], М.З. Шварцем[52], в результате вновь предлагается использовать понятие «гражданское судопроизводство» как обобщающее, охватывающее и гражданский и арбитражный процесс.

Как справедливо пишет М.З. Шварц, «существование отличий в порядке рассмотрения однородных дел судами общей юрисдикции и арбитражными судами не может быть объяснено ни признанием отраслевой самостоятельности

---

[47] *Гражданское* процессуальное право: учебник / Под ред. М.С. Шакарян. М.: Велби: Проспект, 2004. С. 13.

[48] *Жуйков В.М.* Судебная защита прав граждан и юридических лиц. М.: Городец, 1997. С. 194.

[49] *Чечот Д.М.* Избранные труды по гражданскому процессу. СПб.: Изд. Дом С.-Петербургского гос. ун-та, 2005; *Гражданский* процесс: учебник / Под ред. В.Л. Мусина, Н.А. Чечиной, Д.М. Чечота. М.: ПБОЮЛ Гриженко, 2001. С. 8–10.

[50] *Викут М.А., Зайцев И.М.* Гражданский процесс России: учебник. М.: Юристъ, 1999. С. 29.

[51] *Сахнова Т.В.* Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты. М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 40.

[52] *Шварц М.З.* Систематизация арбитражного процессуального законодательства (проблемы теории и практики применения): автореф. дис. …канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 11.

арбитражного процессуального права, ни созданием самостоятельной системы арбитражных судов»[53]. Неоправданность таких различий неоднократно отмечал и В.М. Жуйков[54].Тем не менее такие отличия существуют и, как мы полагаем, являются объективной реальностью, а их необъяснимость не может служить основанием для объединения отраслей права с различными предметами правового регулирования.

Обновленная концепция расширенного понимания предмета гражданского процессуального права находила свое обоснование в позитивном праве, а именно в положениях ч. 2 ст. 118 Конституции РФ, не упоминающей арбитражное судопроизводство, что позволяло рассматривать арбитражный процесс как вид гражданского судопроизводства, а арбитражные суды как специализированные суды. Однако в результате одобрения Государственной Думой и Советом Федерации, а также подписания Президентом РФ в 2020 г. Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ[55] ссылка на ч. 2 ст. 118 Конституции РФ в обоснование правомерности данной концепции утратила свою убедительность. Указанный закона в полном объеме вступил в силу 4 июля 2020 г.[56] В результате арбитражное судопроизводство получило конституционную прописку наравне с

---

[53] Там же. С. 7.

[54] *Жуйков В.М.* Судебная реформа: проблемы доступа к правосудию. М.: Статут, 2006. 283 с.

[55] О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

[56] О результатах общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации: Постановление ЦИК России от 3.07.2020 г. № 256 / 1888-7 // Российская газета. 2020. № 144; Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1.07.2020 г.) // URL: http://www.pravo.gov.ru. 04.07.2020; Об официальном опубликовании Конституции Российской Федерации с внесенными в нее поправками: Указ Президента РФ от 3.07.2020 г. № 445 // Российская газета. 2020. № 144.

судопроизводством конституционным, гражданским, административным и уголовным.

Другой достаточно широко распространенный и, по нашему мнению, более обоснованный взгляд на соотношение арбитражного процесса и гражданского процессуального права состоит в признании арбитражного процессуального права самостоятельной отраслью права – такой точки зрения придерживаются М.К. Треушников[57], В.Ф. Тараненко[58], Т.Е. Абова[59] и ряд других авторов.

Д.Х. Валеев и Я.Ф. Фархтдинов, на наш взгляд вполне справедливо, указывали, что самостоятельность арбитражного процессуального права как отрасли права «подтверждается:

а) самостоятельным предметом и методом правового регулирования;

б) кодифицированным законодательством;

в) системой судебных органов»[60].

Таким образом, следует согласиться с В.В. Ярковым, пишущим по данному поводу: «арбитражное процессуальное право – система юридических норм, регулирующих деятельность арбитражного суда и других заинтересованных субъектов, связанную с осуществлением правосудия по делам, отнесенным к ведению арбитражных судов. ‹...›

---

[57] См.: *Арбитражный* процесс: учебник для студентов юридических вузов и факультетов / Т.К. Андреева, Е.А. Борисова, С.А. Иванова и др.; под ред. М.К. Треушникова. 3-е изд., испр. и доп. М.: Городец, 2007. 672 с.

[58] См.: *Арбитражный* процесс / Под ред. Р.Е. Гукасяна, В.Ф. Тараненко. М.: Юридическая литература, 1996. С. 7–10.

[59] *Абова Т.Е.* О некоторых неоправданных расхождениях между действующими АПК РФ и ГПК РФ в регулировании процессуальных отношений // Современные проблемы гражданского права и процесса. Материалы международной научной конференции. СПб.: Изд-во юридического факультета СПбГУ, 2006. С. 43–50.

[60] *Арбитражный* процесс: учебник / К.М. Арсланов, Д.Х. Валеев, Р.Н. Гимазов и др.; отв. ред. Д.Х. Валеев, М.Ю. Челышев. М.: Статут, 2010.

Арбитражное процессуальное право входит в систему процессуальных отраслей права наряду с гражданским процессуальным, уголовно-процессуальным, административно-процессуальным, конституционно-процессуальным правом»[61].

Оригинальный взгляд на проблему соотношения гражданского процессуального права и арбитражного процессуального права высказывает Д.А. Фурсов, рассматривающий последнее «как однородную, то есть дублирующую отрасль права», который, тем не менее, далее уточняет, что оно «не может являться и составной частью гражданского процессуального права, поскольку оно не уточняет процессуальные особенности рассмотрения отдельных категорий арбитражных дел и субъектов арбитражных процессуальных отношений в рамках общей гражданской процессуальной формы, а копирует либо иначе определяет институты гражданского процессуального права»[62].

Нам представляется, что копирование либо даже заимствование институтов одной отраслью права из другой не может служить препятствием к признанию самостоятельности отрасли права. Тем более, что как вполне справедливо отмечает сам Д.А. Фурсов, «реально существующие межотраслевые связи единой системы права в теории судебного права нельзя смешивать с самостоятельным предметом регулирования каждой правовой отрасли»[63].

Предмет регулирования арбитражного процессуального права отличен от предмета регулирования гражданского процессуального права, которое определяет деятельность судов общей юрисдикции по рассмотрению и разрешению гражданских дел и порядок осуществления процессуальных действий участниками

---

[61] *Арбитражный* процесс: учебник / А.В. Абсалямов, Д.Б. Абушенко, К.Л. Брановицкий и др.; отв. ред. В.В. Ярков. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2017.

[62] *Фурсов Д.А.* Предмет, система и основные принципы арбитражного процессуального права (проблемы теории и практики). М.: Инфра-М, 1999. С. 31, 32.

[63] *Фурсов Д.А.* Предмет, система и основные принципы арбитражного процессуального права: Современные проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 13.

гражданского судопроизводства в судах общей юрисдикции. О степени такого отличия можно вести длительные дискуссии, но необходимо заметить, что даже противники признания самостоятельности арбитражного процессуального права отмечают, что «гражданское процессуальное право и арбитражное процессуальное право законодательно обособлены в отдельные отрасли права», и признают, что «предмет арбитражного процессуального права лишь относительно самостоятелен», но тем не менее самостоятелен[64]. Следовательно, позиция о самостоятельности указанных отраслей права представляется более убедительной.

Тем не менее идеи Д.А. Фурсова о возможности существования среди процессуальных отраслей права дублирующих, однородных гражданскому процессуальному праву отраслей права, с поправкой на необходимость признания самостоятельности таких отраслей, представляют большой научный интерес и заслуживают более глубокого теоретического развития в связи с обособлением в 2015 г. административного судопроизводства от гражданского процесса и необходимостью определения его места в системе процессуального права.

На наш взгляд, здесь уместно вспомнить идеи о существовании единого цивилистического процесса, включающего и гражданское, и арбитражное судопроизводство, которые неоднократно высказывались учеными-процессуалистами. Так, например, М.А. Рожкова к цивилистическому процессу относит «деятельность судов общей юрисдикции и арбитражных судов по рассмотрению дел, возникающих из гражданских (частных) и публичных правоотношений, в рамках соответственно гражданского и административного судопроизводства»[65]. Т.В. Сахнова в свою очередь пишет: «Сущность (т.е. процессуальные методы осуществления) деятельности по рассмотрению и разрешению дел судами общей юрисдикции и арбитражными судами едина. В этом смысле мы говорим о единстве цивилистического процесса»[66]. Нам

---

[64] *Сахнова Т.В.* Курс гражданского процесса. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. С. 57.

[65] *Рожкова М.А., Глазкова М.Е., Савина М.А.* Актуальные проблемы унификации гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства: монография / Под общ. ред. М.А. Рожковой. М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2015.

[66] *Сахнова Т.В.* Курс гражданского процесса. С. 57.

представляется, что на современном этапе развития процессуального права теоретически верно вести речь не о поглощении гражданским процессуальным правом арбитражного процесса, а о существовании трех однородных, во многом дублирующих друг друга, самостоятельных отраслей процессуального права: гражданского, арбитражного и административного судопроизводства, которые объединяются в одну суперотрасль или, по словам С.С. Алексеева, вторичное структурное подразделение[67], но не мегаотрасль судебного права[68], а суперотрасль цивилистического процессуального права.

Автор настоящей работы считает, что тип процесса определяется типом охранительного отношения, которое в нем реализуется, и этот тип тождественен как для гражданского и арбитражного процессов, так и для административного судопроизводства. Все отрасли цивилистического процессуального права регламентируют порядок рассмотрения дел неуголовного типа государственными судами и порядок совершения иными лицами процессуальных действий при рассмотрении таких дел в судах. Главная целевая установка административного судопроизводства, состоящая в защите нарушенных или неправомерно оспариваемых прав, свобод и законных интересов лиц, спор которых подлежит разрешению судом, идентична главной цели гражданского судопроизводства и главной цели арбитражного процесса, т.е. является общей для всех видов цивилистического процесса. Во всех отраслях цивилистического процесса суды разрешают конфликт о субъективном праве, которое в зависимости от вида процесса может быть гражданским или иным[69]. Основные принципы и базовые институты также однородны для отраслей цивилистического процесса. Таким образом, однородность типов охранительного отношения, целей

---

[67] *Алексеев С.С.* Собрание сочинений: В 10 т. [+Справоч.том]. М.: Статут, 2010. Т. 3: Проблемы теории права: Курс лекций. С. 109.

[68] См.: *Мурадьян Э.М.* Судебное право. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2007. С. 60; *Скитович В.В.* Концепция судебного права: опыт критического переосмысления // Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов / Под ред. Л.Ф. Лесницкой, М.А. Рожковой. М.: Статут, 2008. С. 5–25.

[69] Например, в административном судопроизводстве может решаться вопрос о субъективном публичном праве быть избранным.

судопроизводства, принципов процесса, накладываемая на множество дублированных институтов, свидетельствует об однородности гражданского, арбитражного и административного судопроизводства. Соответственно, отрасли права, регламентирующие правоотношения, возникающие в ходе данных видов судопроизводства, могут рассматриваться как самостоятельные, но однородные, дублирующие отрасли права в рамках суперотрасли – цивилистического процесса[70].

Кроме того, решая проблему определения предмета гражданского процессуального права, необходимо рассмотреть вопрос о соотношении исполнительного производства и гражданского судопроизводства. Традиционно, с дореволюционных времен[71] и до наших дней[72], исполнительное производство большинством представителей науки гражданского процессуального права рассматривается как стадия гражданского процесса[73], и, соответственно, отношения, возникающие в ходе исполнительного производства, воспринимаются как входящие в предмет правового регулирования гражданского процессуального права. Однако в последние годы в результате развития законодательства о принудительном исполнении, а вероятно и в связи с обособлением арбитражного

---

[70] Более подробно о взглядах автора на цивилистический процесс см.: *Самсонов Н.В.* Завершена ли дискуссия о правовой природе административного судопроизводства // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 201–203; Принцип объективной истины в современном административном и гражданском судопроизводстве // Административное право и процесс. 2019. №2. С. 26–29; Цели и задачи цивилистического процесса // Современное право. 2017. № 11. С. 68–75; К вопросу о правовой природе административного судопроизводства // Административное судопроизводство: проблемы и перспективы развития: Сборник научных трудов. М.: РГУП, 2019. С. 151–161.

[71] См.: *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского процесса. С. 5.

[72] См.: *Гражданский* процесс: учебник / Под ред. М.К. Треушникова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Городец, 2019. С. 27.

[73] См.: *Цихоцкий А.В.* Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам. Новосибирск: Наука, 1997. 202 с.

процесса, в юридической науке стал обосновываться комплексный[74] и/или самостоятельный[75] характер исполнительного права.

Однако значительная часть ученых-процессуалистов весьма убедительно обосновывает иной взгляд на исполнительное производство, рассматривая исполнительное право как самостоятельную отрасль права, предметом которой является исполнительное производство, не сводимое к стадии какого-либо одного процесса.

Так, О.В. Исаенкова приходит к выводу, что «исполнительное право – системная целостная совокупность норм, регулирующих исполнение юрисдикционных актов неуголовного характера – является самостоятельной процессуальной отраслью российского права», предметом же регулирования этой отрасли, по ее мнению, являются «правоотношения, складывающиеся в процессе исполнительного производства»[76].

Д.Х. Валеев также говорит о самостоятельности такой процессуальной отрасли права, как «исполнительное процессуальное право, предмет правового регулирования которого составляют процессуальные отношения, складывающиеся по поводу исполнительной деятельности судебного пристава-исполнителя, других органов исполнения, облеченные в особую процессуальную форму»[77].

Позиция авторов, обосновывающих самостоятельность исполнительного процессуального права, нам представляется более убедительной, поскольку завершение, окончание судом производства по делу в любой форме (не только в

---

[74] См.: *Кузнецов В.Ф.* Система исполнительного производства: вопросы теории и практики: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 8–9, 13.

[75] См.: *Малюшин К.А.* Принципы гражданского исполнительного права: теоретические проблемы понятия и системы: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. С. 13.

[76] *Исаенкова О.В.* Проблемы исполнительного права в гражданской юрисдикции: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2003. С. 8, 24.

[77] *Валеев Д.Х.* Система процессуальных гарантий прав граждан и организаций в исполнительном производстве: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2009.

результате вступления решения суда в законную силу) влечет прекращение отношений между судом и лицами, участвующими в деле. Таким образом, гражданские процессуальные отношения прекращают свое существование и возникают новые отношения: отношения между взыскателем и должником, между взыскателем, должником и органами принудительного исполнения и так далее.

Эти отношения Г.Д. Улётова абсолютно справедливо характеризует как «совокупность закономерно связанных, внутренне структурированных общественных отношений, находящихся за рамками традиционной сферы правосудия»[78]. Следовательно, отношения, возникающие в процессе исполнительного производства, за исключением отношений, возникающих в результате сбоев в нормальном ходе исполнения и вынуждающих его участников обращаться в суд в порядке раздела VII ГПК РФ, раздела VIII КАС РФ и т.д., находятся вне рамок предмета гражданского процессуального права.

Таким образом, анализ и обобщение богатейшего спектра мнений по данному вопросу позволяют нам для целей настоящей работы определить предмет гражданского процессуального права как совокупность общественных отношений, возникающих в процессе рассмотрения и разрешения гражданских дел судами общей юрисдикции.

Предлагаемое нами понимание предмета гражданского процессуального права позволяет прийти к выводу, что к его источникам (формам) могут относиться только те правовые феномены, которые содержат нормы права, регламентирующие вышепоименованные общественные отношения, а именно нормы права, определяющие порядок рассмотрения и разрешения судами общей юрисдикции отнесенных к их компетенции категорий гражданских дел и порядок осуществления процессуальных действий иными лицами в ходе гражданского производства в судах общей юрисдикции.

Под нормами права при этом, прежде всего, понимаются установленные или санкционированные государством общеобязательные правила поведения,

---

[78] *Улётова Г.Д.* Источники исполнительного права Российской Федерации: автореф. … дис. д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 8.

рассчитанные на многократное применение неопределенным кругом лиц. Однако следует обратить внимание, что помимо таких «классических норм», или норм-правил, имеются другие виды норм: нормы-принципы, нормы-целеполагания, определяющие цели и задачи того или иного вида деятельности, нормы-дефиниции, служебные нормы, определяющие порядок вступления в силу нормативных правовых актов, коллизионные нормы, определяющие правила разрешения юридических коллизий[79]. Так, например, ст. 2 ГПК РФ не содержит конкретных правил поведения, но определяет цели и задачи гражданского судопроизводства и, следовательно, является гражданской процессуальной нормой. Правовые акты и иные феномены, содержащие не только классические нормы-правила, но нормы любого вида, имеющие гражданский процессуальный характер, являются источниками (формами) гражданского процессуального права.

Еще одной специфической разновидностью правовой нормы, самобытность которой обусловлена не особенностями содержания нормы, а особенностями ее внутренней структуры, особенностями формирования и изложения ее состава, является бланкетная норма. Данный тип нормы предполагает, что в «норме указаны лишь некоторые обобщенные признаки тех или иных фактических обстоятельств»[80], «отдельные элементы нормы также прямо не формулируются; но недостающие элементы восполняются не какой-либо точно указанной нормой, а правилами определенного вида, которые со временем могут изменяться»[81]. Таким образом, норма, определяющая порядок совершения некоего действия в рамках гражданского судопроизводства, формулируется с помощью отсылки к

---

[79] См., например: *Алексеев С.С.* Общая теория права: В 2 т. М.: Юрид. лит., 1982. Т. 2. С. 51; *Венгеров А.Б.* Теория государства и права. М.: Юриспруденция, 2000. С. 360–361; *Общая* теория советского права / Под ред. С.Н. Братуся и И.С. Самощенко. М.: Юридическая литература, 1966. С. 184; *Общая* теория права и государства: учебник / Под ред. В.В. Лазарева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 1996.; *Поляков А.В.* Общая теория права. СПб.: Изд-во юрид. ф-та СПбГУ, 2005.; *Воронов А.Ф.* Гражданский процесс: эволюция диспозитивности. М.: Статут, 2007.; *Воронов А.Ф.* Эволюция функциональных принципов гражданского процесса: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009.; *Нормы* права: теоретико-правовое исследование: монография / Ю.Р. Барышникова, Р.Г. Валиев, Т.В. Губаева и др.; отв. ред. Т.В. Губаева, А.В. Краснов. М.: РАП, 2014. 164 с.

[80] *Алексеев С.С.* Собрание сочинений. Т. 3. С. 360.

[81] Там же. С. 536.

нормативным предписаниям, не имеющим в качестве своей прямой цели регламентацию гражданских процессуальных отношений и зачастую содержащимся в иных отраслях права. В качестве примера следует привести положения ст. 25 и 93 ГПК РФ, отсылающие соответственно к федеральным конституционным законам, определяющим компетенцию военных и иных специализированных судов, и федеральному законодательству о налогах и сборах. Без обращения к тем актам, к которым отсылает бланкетная гражданская процессуальная норма, невозможно совершить то или иное процессуальное действие, например, предъявить иск, относящийся к подсудности военного суда, или, соответственно, определить размер государственной пошлины и уплатить ее.

Следовательно, необходимо прийти к выводу о том, что в полный состав гражданской процессуальной нормы, сформулированной по бланкетному типу, входят в качестве ее неотъемлемой части не только нормативные положения законодательства о гражданском судопроизводстве, но и нормативные предписания иных правовых актов (правовых феноменов), к которым отсылает бланкетная гражданская процессуальная норма. Для выбранных нами в качестве примеров ст. 25 и 93 ГПК РФ таковыми неотъемлемыми частями являются положения, содержащиеся в Федеральном конституционном законе «О военных судах Российской Федерации»[82] и Налоговом кодексе РФ[83]. Данное обстоятельство приводит нас к умозаключению о необходимости рассматривать эти и подобные акты в качестве источников (форм) гражданского процессуального права.

Кроме того, следует иметь в виду, что под правовыми нормами понимаются не только так называемые «первичные нормы», которые «устанавливают общие начала правового регулирования, его главные отправные основы, правила,

---

[82] О военных судах Российской Федерации: Федеральный. Конституционный закон от 23.06.1999 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 1999. № 26. Ст. 3170.

[83] Налоговый кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

первоначально регламентирующие определенные отношения, не обращаясь непосредственно к каким-либо иным правилам», но и «вторичные нормы», которые являются «производными от первичных, поскольку они развивают и конкретизируют первичные нормы»[84]. Мы убеждены в том, что «вторичные нормы» сохраняют все свойства нормы права, несмотря на свою производность и невзирая на то, что они конкретизируют уже имеющиеся нормативные предписания.

Именно поэтому А.Ф. Шебанов вполне справедливо классифицировал нормативные правовые акты на первичные и вторичные, указывая что «Первичным актом следует считать тот акт, который содержит правовые положения, действующие в сочетании с дополняющими и развивающими его положениями другого акта, являющегося вторичным по отношению к первому акту. При этом каждый из вторичных актов в свою очередь может выступать как первичный акт по отношению к актам, дополняющим и развивающим его»[85]. Более того, мы считаем, что такой подход может быть применен не только к нормативным правовым актам, но и к иным правовым феноменам, которые содержат, выражают вовне такие «вторичные нормы», имеющие гражданский процессуальный характер, и которые, следовательно, можно относить к числу источников (форм) гражданского процессуального права при наличии у них соответствующих признаков.

Общими чертами всех перечисленных разновидностей гражданских процессуальных правовых норм являются:

– целевая направленность – они направлены на регламентацию порядка рассмотрения и разрешения судами общей юрисдикции отнесенных к их компетенции категорий гражданских дел и порядка осуществления

---

[84] См., например: *Сурилов А.В.* Теория государства и права. Киев–Одесса: Выща шк., 1989. С. 351–352; *Злобин А.В.* Подзаконные нормативные правовые акты как форма современного российского законодательства (вопросы теории): автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 10.

[85] *Шебанов А.Ф.* Форма советского права. С. 93.

процессуальных действий иными лицами в ходе гражданского производства в судах общей юрисдикции;

– предназначенность для длительного, многократного применения неопределенным кругом лиц;

– общеобязательность, влекущая либо возможность применения к их нарушителю санкций, либо наступление для нарушителя неблагоприятных последствий, выражающихся в том числе в недостижении искомой процессуальной цели.

Если гражданская процессуальная норма соответствует указанным критериям, то вне зависимости от вида или типа нормы, форма ее внешнего выражения может рассматриваться в качестве источника (формы) гражданского процессуального права.

В качестве еще одного признака нормы права зачастую выделяется правомерное создание ее государством, или субъектом, уполномоченным на то государством, или признание нормы государством. Однако следует отметить, что теории права известны случаи, когда источником в значении формы права выступают не только правовые акты, получившие официальное (юридическое) признание со стороны государства в таком качестве, но и иные формы внешнего выражения правовых норм. Так, например, правовая доктрина, религиозные нормы в человеческой истории фактически использовались, а обычаи и поныне используются в качестве форм права в отдельных сферах общественной жизни. В связи с этим в работе исследуются не только созданные государством или официально и эксплицитно им признанные источники (формы) гражданского процессуального права, но и те правовые феномены, которые фактически применяются либо могут применяться в данном качестве.

Совокупность вышеприведенных характеристик позволяет дать следующее определение. Источники (формы) гражданского процессуального права – это внешние формы проявления, выражения правовых норм, как первичного, так и вторичного характера, которые придают нормам, регулирующим общественные отношения, возникающие в процессе рассмотрения и разрешения гражданских дел

судами общей юрисдикции, общеобязательность, сообщают им юридическую силу, обеспечивают возможность длительного, неоднократного применения в отношении неопределенного круга лиц.

Завершая настоящую главу, можно сформулировать следующие основные выводы.

1. Применительно к отечественному гражданскому процессуальному праву термины «источник гражданского процессуального права», «источник гражданского процессуального права в значении формы права» и «форма гражданского процессуального права» не вполне пригодны для обозначения форм его внешнего выражения: первый ввиду его многозначности, второй ввиду его громоздкости, а третий ввиду его созвучия с термином «гражданская процессуальная форма».

В связи с этим для обозначения такого явления, как «источник российского гражданского процессуального права в значении формы права», в целях избежания терминологической путаницы вводится термин «источник (форма) гражданского процессуального права».

Под источниками (формами) гражданского процессуального права Российской Федерации предлагается понимать как имеющие легальное закрепление соответствующего статуса, так и не имеющие его, но фактически используемые в соответствующем качестве правовые акты, после фиксации в одном из которых правила, определяющие порядок рассмотрения и разрешения российскими судами общей юрисдикции гражданских дел и осуществления отдельных процессуальных действий в ходе гражданского производства в российских судах общей юрисдикции, приобретают свойства гражданских процессуальных норм.

2. Нормы гражданского процессуального права регламентируют порядок рассмотрения судами общей юрисдикции отнесенных к их компетенции категорий гражданских дел и порядок осуществления процессуальных действий иными лицами в ходе гражданского производства в судах общей юрисдикции.

Под нормами права при этом, прежде всего, понимаются общеобязательные правила поведения, рассчитанные на многократное применение неопределенным кругом лиц. Нормы гражданского процессуального права могут существовать не только в классическом виде нормы-правила, но и в виде нормы-принципа, нормы-цели, нормы-дефиниции, служебной нормы, коллизионной нормы, бланкетной нормы, быть как первичной, так и вторичной нормой.

Общими чертами всех перечисленных разновидностей гражданских процессуальных правовых норм являются их целевая направленность на регламентацию общественных отношений, составляющих предмет гражданского процессуального права, предназначенность для длительного, многократного применения неопределенным кругом лиц и общеобязательность.

3. К источникам (формам) гражданского процессуального права могут относиться не только нормативные правовые акты, но и иные правовые феномены, которые содержат нормы права, регламентирующие общественные отношения, составляющие предмет гражданского процессуального права – совокупность общественных отношений, возникающих в процессе рассмотрения и разрешения гражданских дел судами общей юрисдикции.

Поэтому, решая вопрос о возможности отнесения того или иного правового феномена к числу источников (форм) гражданского процессуального права, не следует отталкиваться исключительно от его отраслевой принадлежности. Если таковой феномен содержит нормы права, регламентирующие порядок рассмотрения судами общей юрисдикции отнесенных к их компетенции категорий гражданских дел и порядок осуществления процессуальных действий иными лицами в ходе гражданского производства в судах общей юрисдикции либо представляет собой бланкетную часть гражданской процессуальной нормы, то его следует признать источником (формой) гражданского процессуального права.

Следовательно, к источникам (формам) гражданского процессуального права, помимо традиционно рассматриваемых в данном качестве актов отраслевого законодательства, следует относить нормативные правовые и иные правовые акты,

содержащие нормы права, определяющие порядок рассмотрения и разрешения судами общей юрисдикции отнесенных к их компетенции категорий гражданских дел и порядок осуществления отдельных процессуальных действий в ходе гражданского судопроизводства в судах общей юрисдикции, либо представляющие собой бланкетную часть гражданской процессуальной нормы, вне зависимости от их отраслевой принадлежности.

Исходя из способа фиксации гражданской процессуальной нормы, следует выделять две группы источников (форм) гражданского процессуального права:

– источники (формы) собственно гражданских процессуальных норм. Нормы, содержащиеся в этих источниках (формах) права, непосредственно определяют содержание общественных правоотношений, составляющих предмет гражданского процессуального права, что выдвигает эти источники (формы) права на первое, доминирующее место в системе источников российского гражданского процессуального права;

– источники (формы) бланкетных гражданских процессуальных норм, предписания которых в результате использования бланкетной конструкции нормы входят в содержание норм гражданского процессуального права (данный вид источников (форм) права, как правило, изначально относится к иным отраслям права, но образует с первой группой источников (форм) права единый регулятор гражданских процессуальных отношений).

2. Нормативные правовые акты как источники (формы) отечественного гражданского процессуального права

2.1. Системность как черта российского законодательства о гражданском судопроизводстве

Как нами отмечалось ранее, возможно выделить несколько типов явлений правовой действительности, которые с разной степенью обоснованности и убедительности позволительно относить к источникам права (в значении форм права) и следующим образом сгруппировать по типу их происхождения:

1) федеральное законодательство (Конституция Российской Федерации (далее Конституция РФ), федеральные конституционные законы, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее ГПК РФ[86]), иные федеральные законы);

2) общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, а также акты международных организаций и международных судов, в первую очередь решения Европейского суда по правам человека;

3) акты национальных судебных органов – акты высших судов (Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации), судебный прецедент и судебная практика;

4) законодательство субъектов Российской Федерации;

5) акты органов местного самоуправления;

6) подзаконные акты;

7) правовой (юридический) обычай, санкционированный либо не санкционированный государством;

8) внутригосударственные нормативные договоры;

9) религиозные догмы, священные тексты;

---

[86] Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

10) положения правовой доктрины и юридической теории.

Не все из вышеперечисленных категорий можно отнести к источникам (формам) именно гражданского процессуального права. Такой статус бесспорно признается только за федеральным законодательством. Вопрос о возможности отнесения иных из вышеперечисленных феноменов к исследуемой категории продолжает вызывать дискуссии в современной юридической науке.

Сосредотачиваясь в настоящей главе исключительно на российском гражданском процессуальном законодательстве, мы полагаем необходимым, прежде чем приступать к анализу законодательства как формы права, обратить внимание на системность, являющуюся одним из основных свойств права в целом и гражданского процессуального права как отрасли российского права.

Исследуя систему источников (форм) гражданского процессуального права, мы непременно заметим существование в ней в качестве довольно значимой, объемной, но не перекрывающей систему полностью, обособленной подсистемы, а именно – системы законодательства о гражданском судопроизводстве в судах общей юрисдикции, которая представляет собой сложную, многоуровневую структуру, пронизанную вертикальными (иерархическими) и горизонтальными связями.

Следует отметить, что совокупность нормативных правовых актов, формирующих гражданское процессуальное законодательство, характеризуется такими системными признаками, как устойчивость, единство и внутренняя целостность (взаимосвязанность элементов), взаимодействие с внешней средой (в качестве таковой можно рассматривать нормы иных отраслей законодательства, а также правила поведения, установленные иными социальными регуляторами), непротиворечивость однопорядковым образованиям, а также иерархичность.

Термин «законодательство» в отечественной специальной юридической литературе понимается различным образом. В самом общем смысле данный термин истолковывается «как система издаваемых полномочными правотворческими органами юридических актов, устанавливающих нормы

права»[87]. В более узком смысле законодательство можно рассматривать как совокупность Конституции Российской Федерации, законов и иных нормативных актов высших органов государственной власти и управления: указов президента, постановлений правительства, постановлений высшего законодательного органа, имеющих нормативный характер. И наконец, данное понятие используется в буквальном, более однозначном и точном значении: как совокупность Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных и федеральных законов Российской Федерации; при этом законы, принятые не на федеральном уровне, этим термином не охватываются, а именуются законодательством субъекта федерации. По мнению ряда исследователей, в том числе Я.Ф. Фархтдинова и Д.Э. Удалова, анализ положений действующего законодательства, в том числе ст. 3 Федерального закона «О судебной системе Российской Федерации»[88], приводит к выводу о том, что рассматриваемый термин, применительно к процессуальному праву, используется законодателем в смысле совокупности исключительно законов, а не совокупности законов и подзаконных нормативных актов[89].

Мы считаем, что более правильно, рассматривая законодательство в качестве источника (формы) гражданского процессуального права, понимать его в буквальном, самом узком из приведенных выше смыслов, т.е. как систему, формирующуюся из нормативных предписаний, содержащихся в Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законах, ГПК РФ, других федеральных законах и кодексах Российской Федерации. Достаточно часто нормы гражданского процессуального характера помещаются в законах, имеющих главной целью регулирование иных, не гражданских, процессуальных правоотношений, что, тем не менее, позволяет отнести такие законы к источникам

---

[87] См.: *Удалов Д.Э.* Источники процессуального права (общетеоретический аспект): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 80.

[88] Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

[89] *Фархтдинов Я.Ф.* Возникновение и развитие источников гражданского процессуального права России. Казань, 2001; *Источники* гражданского процессуального права Российской Федерации: учеб. пособие / Под ред. Я.Ф. Фархтдинова. М.: Городец, 2001. С. 5–6; *Удалов Д.Э.* Указ. соч. С. 80.

гражданского процессуального права, поскольку эти акты в целом, а не отдельные содержащиеся в них статьи, части статей являются формой внешнего выражения норм, нацеленных на регламентацию гражданского судопроизводства в судах общей юрисдикции.

Поскольку система законодательства состоит из обязательных предписаний, содержащихся в нормативных правовых актах, мы считаем необходимым обратиться к понятию «нормативный правовой акт». Легальная дефиниция данного понятия отсутствует, но, например, авторы проекта Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации» предлагали законодательно закрепить следующее определение нормативного правового акта: «письменный официальный документ, принятый (изданный) в определенной форме субъектом правотворчества в пределах его компетенции и направленный на установление, изменение, разъяснение, введение в действие, прекращение или приостановление действия правовых норм, содержащих общеобязательные предписания постоянного или временного характера, распространяющиеся на неопределенный круг лиц и рассчитанные на многократное применение. Правовой акт, или его часть, вносящий изменения в нормативный правовой акт, а также прекращающий его действие, принятый в порядке выполнения контрольных (надзорных) функций, не является нормативным правовым актом»[90].

Несмотря на отсутствие законодательного закрепления понятия «нормативный правовой акт», оно употребляется и расшифровывается в актах органов государственной власти. Так, в Постановлении Государственной Думы Российской Федерации от 11.11.1996 г. № 781-11 ГД нормативный правовой акт определяется как «письменный официальный документ, принятый (изданный) в определенной форме правотворческим органом в пределах его компетенции и направленный на установление, изменение или отмену правовых норм»[91].

---

[90] О нормативных правовых актах в Российской Федерации: проект Федерального закона (подготовлен Минюстом России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 26.12.2014 г.) // СПС КонсультантПлюс.

[91] Об обращении в Конституционный Суд Российской Федерации: постановление Государственной Думы РФ от 11.11.1996 г. № 781-11 ГД // Ведомости Федерального Собрания РФ. 1996. Ст. 1334 (2638).

Верховный Суд Российской Федерации в Постановлении Пленума от 20.01.2003 г. № 2 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» использует следующее определение рассматриваемого термина: «Под нормативным правовым актом понимается изданный в установленном порядке акт управомоченного на то органа государственной власти, органа местного самоуправления или должностного лица, устанавливающий правовые нормы (правила поведения), обязательные для неопределенного круга лиц, рассчитанные на неоднократное применение и действующие независимо от того, возникли или прекратились конкретные правоотношения, предусмотренные данным актом»[92].

В юридической науке единство мнений по поводу определения понятия «нормативный правовой акт» также отсутствует. Как отмечает С.В. Никитин, имеется несколько доктринальных дефиниций, которые использовались в законотворческом процессе и судебной практике для определения нормативного правового акта, при этом в теории права нет не только единой дефиниции для такой важной категории, но нет и единого мнения о количестве и содержании существенных (обязательных) признаков нормативного правового акта. С другой стороны, эти расхождения не являются принципиальными и, по мнению С.В. Никитина, все авторы, независимо от занимаемых позиций, наполняют понятие нормативного правового акта фактически одинаковым содержанием – нормами права (общеобязательными правилами поведения субъектов), а также нормативными предписаниями, направленными на введение в действие, изменение или отмену действия норм права[93].

Мы считаем, что нормативный правовой акт следует определять как официальный документ, принятый управомоченным на то органом в установленной форме, с соблюдением определенной процедуры его принятия, содержащий нормы права, регулирующие общественные отношения путем

---

[92] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 3.

[93] *Никитин С.В.* Судебный контроль за нормативными правовыми актами в гражданском и арбитражном процессе: монография. М.: РАП, Волтерс Клувер, 2010. С. 38–49.

установления, отмены или изменения обязательных правовых предписаний, и подлежащий неоднократному применению. Такие же черты присущи и закону как разновидности нормативных правовых актов, однако закон обладает и дополнительными качествами[94].

Рассуждая о роли нормативных правовых актов как источников (форм) права, следует подчеркнуть их существенное значение в формировании российской правовой системы, относящейся к романо-германской правовой семье. Ведущая роль нормативных правовых актов, прежде всего законов, объясняется наличием у них совокупности существенных преимуществ в сравнении с иными источниками (формами) права. Так они:

– имеют форму выражения и закрепления правовых норм, наиболее удобную для использования лицами, деятельность которых сопряжена с применением права, что обусловлено достаточно простым способом определения юридической силы нормы, которая внешне прямо коррелирует с наименованием вида нормативного правового акта;

– имеют максимально эффективный способ доведения их содержания до сведения всех участников правоотношений, и можно только согласиться с утверждением о том, что «нормативный правовой акт выступает явным приказом суверена»[95];

– «в наибольшей степени отражают свойства права, достоинства и потенциальные возможности правового регулирования»[96];

– оказывают активное влияние на регулируемую сферу общественных отношений в силу особой роли государства как источника законотворческой деятельности, обладающего не только специальным аппаратом для реализации правовых норм, но и способностью обеспечивать данный процесс посредством легальных мер принуждения;

---

[94] См. подробнее: *Самсонов Н.В.* Законодательство как основной источник отечественного гражданского процессуального права // Право и практика. 2018. № 1. С. 155–156.

[95] См.: *Дробышевский С.А., Данцева Т.Н.* Формальные источники права. М.: Норма Инфра-М, 2011. С. 156.

[96] См.: *Гражданский* процесс: учебник / Под ред. М.К. Треушникова. С. 31.

– при наличии государственной воли наиболее эффективно и оперативно реагируют на возникновение новых аспектов общественных отношений (самый яркий пример в истории отечественного правосудия – разрушение всей системы судоустройства и судопроизводства Российской империи Декретом о суде № 1);

– стремятся к непротиворечивости, выражающейся в тенденции, направленной на достижение единообразного понимания и применения правовых установок на всей территории, на которую распространяется их действие.

Исследуя свойства нормативных правовых актов, нельзя пройти мимо такого свойства, как юридическая сила, которая позволяет определить место конкретного акта внутри иерархичной системы данного вида источников (форм) права, с помощью которой можно установить их соотносимость[97] и соподчиненность иным правовым актам[98]. Юридическая сила определяется не произвольно, а обусловливается, в первую очередь, двумя основными формальными обстоятельствами: спецификой правового статуса органов и лиц, принимающих или участвующих в принятии конкретных нормативных правовых актов (поскольку именно через правовой статус определяется место правотворческого органа в системе органов публичной власти) и степенью сложности процедуры их принятия[99]. Так, например, в отечественной юридической литературе отмечается, что уровень юридической силы федеральных законодательных актов различных видов прямо коррелирует со сложностью законодательного процесса, а также характером и особенностями участия тех или иных органов и лиц в нем[100]. Надо полагать, именно поэтому Н.Н. Вопленко разграничивает федеральные конституционные законы и текущие, или просто федеральные законы, в первую очередь обращая внимание на различие в процедуре их принятия[101].

---

[97] См.: *Фарбер И.Е., Ржевский В.А.* Вопросы теории советского конституционного права. Вып. 1. Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1967. С. 70.

[98] См.: *Тихомиров Ю.А.* Курс административного права и процесса. М: Юринформцентр, 1998. С. 145–146.

[99] См.: *Удалов Д.Э.* Источники процессуального права… С. 76.

[100] См.: *Бриксов В.В.* О юридической силе кодифицированных федеральных законов // Журнал российского права. 2003. № 8. С. 90.

[101] *Вопленко Н.Н.* Источники и формы права: учебное пособие. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. С. 38–39.

В связи с этим следует отметить, что в системе нормативных правовых актов, издаваемых органами государства, приоритетное место занимает Конституция Российской Федерации – Основной закон нашей страны, акт высшей юридической силы, представляющий собой основу легитимности власти, или, если выразиться образно, ствол древа российского права, из которого произрастают отдельные ветви (отрасли) права. Именно Конституция Российской Федерации является источником основ правосознания, закрепляет такие определяющие тип системы гражданского судопроизводства и основные черты гражданского процесса судоустройственные и судопроизводственные принципы, как осуществление правосудия только судом, независимость судей и подчинение их только закону, состязательность, гласность судебного разбирательства, равенство всех перед законом и судом. Истоки закрепления в гражданском процессуальном законодательстве таких принципов, как процессуальное равноправие сторон, диспозитивность, инстанционность, доступность судебной защиты и других, мы также можем найти в Конституции Российской Федерации.

И наконец, для целей исследования источников (форм) гражданского процессуального права, законодательства и нормативных правовых актов как видов этих источников важно, что границы законодательства о гражданском судопроизводстве, иерархию в его системе мы можем установить исходя из закрепленных в Конституции Российской Федерации положений. Согласно ст. 71 Конституции гражданское процессуальное законодательство находится в ведении Российской Федерации, из чего следует, что отношения в сфере гражданского судопроизводства могут быть урегулированы исключительно на федеральном уровне, что в настоящее время исключает возможность отнесения к источникам (формам) гражданского процессуального права законодательства субъектов Российской Федерации, актов органов местного самоуправления и внутригосударственных нормативных договоров. В силу ч. 3 ст. 76 Конституции Российской Федерации федеральные законы не могут противоречить федеральным конституционным законам; следовательно, федеральные конституционные законы имеют бóльшую юридическую силу, чем федеральные законы, тем самым

определяется иерархия источников гражданского процессуального права внутри системы законодательства о гражданском судопроизводстве в судах общей юрисдикции.

Более детальные сведения об источниках (формах) гражданского процессуального права содержатся в ст. 1 ГПК РФ, согласно которой порядок гражданского судопроизводства в судах общей юрисдикции определяется Конституцией Российской Федерации, ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», ГПК РФ и другими федеральными законами, принимаемыми в соответствии с ними, а порядок гражданского судопроизводства у мирового судьи – также ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации»; в части второй данной статьи говорится, что в случае если международный договор Российской Федерации вводит правила гражданского судопроизводства, отличные от установленных законом, следует применять правила такого договора.

Вышеизложенные положения ясно показывают место законодательства как основного источника отечественного гражданского процессуального права. По своей правовой природе закон является выражением воли народа, проявлением народного суверенитета, так как его принятие осуществляется либо представительным законотворческим органом – парламентом (состоящим из двух палат Федеральным Собранием Российской Федерации), либо непосредственно гражданами в результате референдума.

Значение закона как главенствующего источника отечественного гражданского процессуального права обусловлено тем, что данный тип нормативных правовых актов либо содержит в себе «первичные (изначальные) правовые нормы»[102], либо представляет собой упорядоченное объединение разрозненных норм, закладывая тем самым основы регулирования в полном объеме[103]. Закон являет собой начало «юридического регулирования» по тому или иному аспекту жизни общества[104].

---

[102] См.: *Алексеев С.С.* Государство и право. Начальный курс. М.: Юрид. лит., 1993. С. 56.
[103] См.: *Удалов Д.Э.* Источники процессуального права… С. 77.
[104] См.: *Венгеров А.Б.* Теория государства и права. М.: Юриспруденция, 1998. С. 122.

Основными признаками закона как нормативного правового акта выступают:

– высшая юридическая сила;

– прямое действие;

– особый процедурный характер принятия;

– стабильный и относительно протяженный характер применения;

– ориентированность на урегулирование наиболее социально значимых сфер общественных отношений;

– происхождение из народного суверенитета, выраженного через непосредственное участие в референдуме или через деятельность уполномоченных и избираемых народом законодательных органов.

Следовательно, главенствующее место в системе источников (форм) российского гражданского процессуального права занимает законодательство о гражданском судопроизводстве в судах общей юрисдикции, представляющее собой довольно значимую, объемную, но не перекрывающую эту систему полностью, обособленную подсистему, иерархичную структуру, в которой можно выделить три уровня нормативных правовых актов: Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы. Эта совокупность нормативных правовых актов, формирующих гражданское процессуальное законодательство, характеризуется такими системными признаками, как устойчивость, единство и внутренняя целостность (взаимосвязанность элементов), взаимодействие с внешней средой (в качестве таковой можно рассматривать нормы иных отраслей законодательства, а также правила поведения, установленные иными социальными регуляторами), непротиворечивость однопорядковым образованиям, а также иерархичность.

2.2. Роль и место Конституции Российской Федерации в системе источников (форм) отечественного гражданского процессуального права

Одна из аксиом юридической науки состоит в том, что Конституция Российской Федерации находится на высшем иерархическом уровне в системе источников (форм) отечественного права[105]. Именно она выступает главным и основополагающим законом Российской Федерации, отправной точкой и ориентиром всего отечественного законодательства. Конституция Российской Федерации, по образному выражению Я.Ф. Фархтдинова, это «основание, стержень и одновременно вершина всего права, фундамент всего его развития»[106]. Обозревая огромное разнообразие нормативно-правовой базы современной России, мы непременно обращаемся к основному закону нашего государства, положения которого следует рассматривать не иначе как эталон права, на основе и в соответствии с которым должно формироваться правовое поле.

Отмечая двойственное заначение Конституции Т.Я. Хабриева говорит, что «она и регулирует общественные отношения, и подготавливает почву для восприятия правосознанием человека и общества тех или иных правовых моделей, которые воплощены не только в ней самой, но и в законодательстве в целом»[107].

---

[105] См.: например: *Хабриева Т.Я.* Толкование Конституции Российской Федерации (теория и практика): дис. ... д-ра. юрид. наук; Толкование Конституции Российской Федерации (теория и практика): автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 1997; *Жилин Г.А.* Конституция Российской Федерации как источник гражданского и арбитражного процессуального права // Журнал конституционного правосудия. 2008. № 3. С. 12–19; *Толстик В.А.* Иерархия источников российского права: дис. ... д-ра. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 163; *Фархтдинов Я.Ф.* Источники гражданского процессуального права Российской Федерации: дис. ... д-ра. юрид .наук. Екатеринбург, 2002. С. 117.

[106] *Фархтдинов Я.Ф.* Конституция Российской Федерации – источник гражданского процессуального права // Вестник ТИСБИ. 2000. № 3. С. 43.

[107] *Хабриева Т.Я.* Конституционное развитие: статика и динамика (к 25-летию Основного закона России) // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 12. С. 10–17.

Как писал В.Ф. Яковлев, «Конституция является прежде всего основным источником публичного права … содержит исходные положения, относящиеся ко всем отраслям публичного права, таким, как … судебное (судоустройственное и процессуальное) … право»[108], Конституция, по его словам, «закрепила основные принципы осуществления государственной власти в Российской Федерации на основе разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, тем самым создав прочную правовую базу для дальнейшего развития судебной реформы»[109].

Поэтому неоспоримо значение Конституции Российской Федерации и для гражданского процесса: она не просто занимает господствующее положение в системе источников (форм) гражданского процессуального права, а определяет основные черты построения этой системы, является юридической базой гражданского процессуального законодательства и имеет стержневое значение для существования, развития и модернизации гражданского судопроизводства в судах общей юрисдикции.

Как справедливо отметил Г.А. Жилин, для определения специфики Конституции Российской Федерации как источника гражданского процессуального права необходимо обращение к тем ее свойствам, которые отсутствуют у других законов. По мнению автора, таковыми особенностями являются: во-первых, статус закона с наивысшей юридической силой; во-вторых, закрепление в Конституции Российской Федерации основополагающих начал общественного строя и организации государственной жизни на современном этапе развития страны; в-третьих, определение направлений общественного развития; в-четвертых, закрепление конкретных конституционных параметров деятельности законодателя и правоприменителя, в том числе и суда[110].

---

[108] *Яковлев В.Ф.* Правовое государство: вопросы формирования. М.: Статут, 2012.

[109] *Яковлев В.Ф.* Избранные труды: В 3 т. Т. 3: Арбитражные суды: становление и развитие. М.: Статут, 2013.

[110] *Жилин Г.А.* Конституция Российской Федерации как источник гражданского и арбитражного процессуального права. С. 12–19.

Обращаясь к основным характеристикам Конституции Российской Федерации как источника (формы) гражданского процессуального права, в юридической литературе принято отмечать, что Конституция является нормативным правовым актом прямого действия, имеющим высшую юридическую силу на территории Российской Федерации, и все остальные нормативные правовые акты, принимаемые в государстве, должны ей соответствовать. Для сферы судопроизводства, в том числе гражданского, особенно значимо, что именно Конституция Российской Федерации определяет строение судебной системы и полномочия судов[111]; закрепляет гарантии прав и свобод гражданина, в том числе и в сфере их судебной защиты; устанавливает юридические основы происходящих в сфере судопроизводства демократических реформ[112].

На значение Конституции Российской Федерации как источника отечественного гражданского процессуального права обращается внимание в тексте Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 г. № 8[113] (далее Постановление), согласно п. 2 которого при разрешении дела суд непосредственно применяет Конституцию в случаях, когда закрепленные ее нормой положения, исходя из ее смысла, не требуют дополнительной регламентации и не содержат указания на возможность их применения при условии принятия федерального закона, а также в случаях выявления Конституционным Судом РФ пробела в правовом регулировании либо образования такого пробела в результате признания нормативного правового акта не соответствующим Конституции Российской Федерации. В случаях, когда статья Конституции Российской Федерации является

---

[111] О тесной взаимосвязи судоустройственного и судопроизводственного законодательства см., например: *Концепции* развития российского законодательства / Под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова. М.: Эксмо, 2010. С. 583–594.

[112] См.: *Фархтдинов Я.Ф.* Источники гражданского процессуального права Российской Федерации. С. 118.

[113] О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 г. № 8 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 1.

отсылочной, суды при рассмотрении дел должны применять закон, регулирующий возникшие правоотношения.

В связи с этим следует отметить, что статьи Конституции преимущественно содержат в себе положения, требующие конкретизации в других нормах позитивного права, а нормы, непосредственно устанавливающие правила поведения, как правило, дублируются в иных нормативных правовых актах.

Все это позволяет некоторым авторам высказывать сомнения в том, что Конституция Российской Федерации является источником права в смысле формы права, так как она не содержит в своем тексте непосредственно применяемых судами отраслевых норм права, а является источником права в смысле основы (материала), служащей для создания норм той или иной отрасли права. Ибо что же это за источник (форма) права, если содержащиеся в нем нормы не применяет суд, рассматривающий конкретное дело? Так, может быть, следует полагать правильными утверждения о том, что положения Конституции «носят в большей степени декларативный, а не непосредственно действующий характер»[114] и «остаются декларативными и бездействующими»[115]?

Постановка таких вопросов вовсе не лишена оснований. Так, Ж.И. Овсепян полагает справедливым признание проблемным в отечественной юридической науке и практической юриспруденции вопроса о непосредственном действии норм Конституции – Основного закона[116].

Однако, по нашему мнению, Конституция Российской Федерации все-таки содержит нормы права, подлежащие непосредственному применению, включая и имеющие гражданско-процессуальное значение, и является по значимости главным источником гражданского процессуального права, как и всех других отраслей права. Логически рассуждая, нельзя не отметить, что, во-первых,

---

[114] См.: *Сасов К.А.* Конституционный Суд в судебной системе: общность задач правосудия и различия в их решении // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 7. С. 25–31.

[115] См.: *Нерсесянц В.С.* Проблема общего блага в постсоциалистической России // Российское правосудие. 2006. № 4. С. 10.

[116] *Овсепян Ж.И.* Теория федерального закона (обыкновенные, или простые, ординарные федеральные законы) как источника права в России в период глобализации // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 11. С. 64–74.

конституционные нормы и нормы отраслевого законодательства соотносятся как общее и особенное, во-вторых, нормативным предписаниям любой отрасли законодательства присуще свойство выступать источником (формой) права в той или иной сфере общественных отношений, следовательно, и Конституция Российской Федерации, текст которой содержит нормы, относящиеся к общим, является источником (формой) права.

Как следует из анализа Конституции Российской Федерации, она содержит два типа норм, имеющих гражданско-процессуальное значение:

1) нормы, непосредственно действующие (при этом не исключается возможность их дублирования в законе), которые, тем не менее, создают основу для законодательного закрепления соответствующих гражданских процессуальных норм;

2) нормы, для реализации которых требуется принятие соответствующего гражданского процессуального закона, развивающего их положения.

Кроме того, если мы обратимся к формально-юридическому методу толкования, то непременно заметим, что правило прямого действия норм Конституции Российской Федерации сформулировано в ч. 1 ст. 15 Конституции Российской Федерации, согласно которой она «имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации». Согласившись с тем, что необходимо «отличать прямое действие Конституции от непосредственного действия прав и свобод»[117], что прямое действие не означает действие непосредственное, обратим внимание на то, что из ч. 2 ст. 15 Конституции Российской Федерации вытекает обязанность органов государственной власти, к которым относится и суд, соблюдать Конституцию Российской Федерации, а соблюдать – означает руководствоваться ее нормами, применять их в практической

---

[117] *Комментарий* к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Л.В. Андриченко, С.А. Боголюбов, Н.С. Бондарь и др.; под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд., пересмотренное. М.: Норма, Инфра-М, 2011 // СПС КонсультантПлюс.

юриспруденции, и именно в указанной статье Конституционный Суд РФ усматривает основание для непосредственного применения Конституции Российской Федерации (п. 2 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 16.06.1998 г. № 19-П[118]).

Рассматривая нормы первого типа, дополнительно следует учитывать, что из ст. 18 Конституции Российской Федерации явственно следует – права и свободы человека и гражданина, закрепляемые в нормах первого типа, являются непосредственно действующими. Конституционные принципы правосудия и судоустройства также подлежат непосредственному применению судами при отправлении правосудия. Вместе с тем, как отмечает В.Д. Зорькин, несмотря на прямое действие Конституции, разрешение правовой ситуации на ее основе не всегда возможно ввиду того, что ее принципы и нормы зачастую слишком абстрактны[119].

В связи с этим, как нами уже отмечалось, присутствующие в главном государственном законе нормы, непосредственно устанавливающие правила поведения субъектов процесса, чаще всего повторяются и конкретизируются в иных нормативно-правовых актах (например, ч. 1 ст. 51 Конституции Российской Федерации, закрепляющая право каждого не свидетельствовать против себя самого и своего супруга, конкретизируется в п. 1, 2 ч. 4 ст. 69 ГПК РФ). Однако, на наш взгляд, из этого вовсе не следует невозможность прямого и непосредственного применения конституционных норм. Подобного рода конституционные положения могут применяться судами и без дополнительной законодательной регламентации, и вряд ли можно всерьез утверждать, что конкретизация конституционного положения в тексте закона исключает право суда сослаться в своем решении на соответствующую статью Конституции Российской Федерации, в результате чего происходит ее непосредственное применение. Более того, применив

---

[118] По делу о толковании отдельных положений ст. 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации: постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.1998 г. № 19-П // Собрание законодательства РФ. № 25. 1998. Ст. 3004.

[119] *Зорькин В.Д.* Конституционный Суд России: доктрина и практика: монография. М.: Норма, 2017. С. 23.

конкретизированную в отраслевом законе конституционную норму, правоприменитель, даже сославшись на статью закона, фактически применяет именно норму Конституции Российской Федерации, но облеченную в иную форму.

Что касается возможного противоречия процессуального закона тем нормам Конституции Российской Федерации, которые он должен развивать, то следует отметить, что ныне действующая редакция вышеуказанного Постановления Пленума ВС РФ от 31.10.1995 г. № 8, на наш взгляд, обостряет вопрос о том, являются ли конституционные предписания формальным, имеющим непосредственное и прямое действие источником гражданского процессуального права в том случае, если имеется закон, детализирующий, развивающий ее положения, но при этом суд приходит к выводу о его неконституционности. Такой вопрос возникает в связи с исключением в 2013 г.[120] из Постановления подпунктов «в)» и «г)», а также принятием новой редакции подпункта «б)» пункта 2, которые ранее предписывали суду, рассматривающему дело, придя к выводу о противоречии закона Конституции Российской Федерации, не применять закон, а применить непосредственно Конституцию Российской Федерации.

Отправной точкой такого подхода явилось Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 1998 г. № 19-П, согласно п. 2 резолютивной части которого суд, рассматривающий дело, выявив несоответствие закона Конституции Российской Федерации, не вправе применить его в конкретном деле, а обязан обратиться с запросом о проверке конституционности такого закона. Несмотря на то что, вынося это Постановление, Конституционный Суд РФ, по образному замечанию В.В. Ершова, выступил «судьей в собственном деле» и

---

[120] О внесении изменений в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.04.2013 г. № 9 // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 6. 2013.

фактически перераспределил полномочия других федеральных судов в свою пользу[121], эта позиция Конституционного Суда РФ, хотя и через продолжительное время, была все-таки воспринята Верховным Судом РФ.

Теперь, по мнению А.Р. Султанова, суды, установив неконституционность нормативного правового акта, должны обратиться в Конституционный Суд РФ и только на основании его решения могут применять Конституцию Российской Федерации вместо неконституционного закона[122]. Более того, в связи с указанным Постановлением Конституционного Суда РФ была высказана точка зрения, согласно которой «Конституционный Суд РФ ограничил прямое действие Основного закона для всех правоприменителей, кроме Конституционного Суда»[123].

С другой стороны, В.М. Жуйков обращает внимание «на появление у суда новой функции оценки судом федеральных законов … суд должен не только истолковать закон, но и оценить его на предмет соответствия Конституции РФ, общепризнанным принципам и нормам международного права, которые имеют над ним приоритет, чтобы в случаях, когда законодатель принял закон с их нарушением, воспрепятствовать реализации его воли, отказав в применении такого закона»[124].

На наш взгляд, решая вопрос о характере действия Конституции Российской Федерации, следует учитывать сформулированную Конституционным Судом РФ в п. 5 мотивировочной части Постановления от 16.06.1998 г. № 19-П правовую позицию, согласно которой «обязанность судов в случаях, если они приходят к выводу о неконституционности закона, для официального подтверждения его неконституционности обращаться в Конституционный Суд Российской Федерации не ограничивает непосредственное применение ими Конституции». То есть в

---

[121] *Ершов В.В.* Признание нормативных правовых актов противоречащими Конституции РФ и федеральным законам: судебная практика // Российская юстиция. 2003. № 5. С. 18–21.

[122] *Султанов А.Р.* Постановления ЕСПЧ в гражданском процессе: перезагрузка? // Вестник гражданского процесса. 2015. № 6. С. 69–91.

[123] См.: *Сасов К.А.* Споры о конституционности налоговых законов: полномочия Конституционного Суда Российской Федерации / Под ред. М.Ф. Ивлиевой. М.: Статут, 2006.

[124] *Судебная* практика в современной правовой системе России: монография / Под ред. Т.Я. Хабриевой, В.В. Лазарева. М.: ИЗиСП, НОРМА, ИНФРА-М, 2018. С. 52.

случае выявления общим судом противоречия подлежащего применению в конкретном деле закона Конституции Российской Федерации суд не вправе объявить такой закон неконституционным, поскольку это является исключительной прерогативой Конституционного Суда РФ, а должен приостановить производство по делу и обратиться с соответствующим запросом в Конституционный Суд РФ. В случае неисполнения обязанности по направлению запроса в Конституционный Суд РФ, что возможно по различным причинам, как объективного, так и субъективного порядка (В.В. Ершов указывает на целый ряд случаев, когда у суда, обнаружившего несоответствие закона Конституции Российской Федерации, нет необходимости обращаться в Конституционный Суд РФ[125]), суд непосредственно применяет в рассматриваемом деле Конституцию Российской Федерации вместо такого закона. При этом следует отметить, что правовым основанием применения судом непосредственно Конституции Российской Федерациив в гражданском процессе служит ч. 2 ст. 11 ГПК РФ, согласно которой «суд, установив при разрешении гражданского дела, что нормативный правовой акт не соответствует нормативному правовому акту, имеющему бóльшую юридическую силу, применяет нормы акта, имеющего наибольшую юридическую силу». То есть при выявлении несоответствия закона Конституции Российской Федерации должна применяться Конституция как акт, имеющий бóльшую юридическую силу. Такую ситуацию, как верно отмечает В.В. Ершов, можно «рассматривать как частный случай преодоления судами иерархических коллизий»[126], одновременно представляющую собой «выход из правовой ситуации, возникшей из-за невыполнения судом обязанности обратиться в Конституционный Суд до разрешения дела»[127].

---

[125] *Ершов В.В.* Прямое применение Конституции РФ. От решения Пленума Верховного Суда РФ до постановления Конституционного Суда РФ // Российская юстиция. 1998. № 9. С. 2–4.

[126] *Ершов В.В.* Конституция РФ как фундаментальный нормативный правовой акт, содержащий основополагающие принципы и нормы российского права, подлежащие прямому применению // Российское правосудие. 2009. № 2. С. 7.

[127] См.: *Сивицкий В.А.* Правовые новеллы в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации в 2011 году: некоторые наблюдения // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 1. С. 129–141.

Мы не подвергаем сомнению необходимость разграничения компетенции возглавляемой Верховным Судом РФ ветви судебной власти и Конституционного Суда РФ. Равно мы не отрицаем обязанность суда общей юрисдикции (арбитражного суда) в вышеуказанных случаях, выявив несоответствие закона, подлежащего применению в конкретном деле, Конституции Российской Федерации, использовать такой механизм, как обращение в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке конституционности такого закона, поскольку суд общей юрисдикции не вправе признать закон неконституционным. Тем не менее, поскольку, как мы показали выше, существует легальная возможность самостоятельного преодоления судами общей юрисдикции иерархических коллизий, в том числе путем непосредственного применения судами Конституции Российской Федерации как акта, имеющего бóльшую юридическую силу, взамен не соответствующего ей закона, то очевидно, что нормы Конституции Российской Федерации могут прямо и непосредственно регулировать гражданские процессуальные правоотношения. Таким образом, следует прийти к выводу, что Конституция Российской Федерации представляет собой прямой, непосредственно действующий источник (форму) гражданского процессуального права, занимающий высшее место в иерархической системе форм российского гражданского процессуального права.

Разрешив вопрос о характере действия Конституции Российской Федерации и развеяв сомнения в обоснованности утверждения о ее прямом и непосредственном действии, обратимся к вопросам классификации норм гражданского процессуального права, содержащихся в Конституции Российской Федерации. Кроме предложенного нами выше разделения на нормы, непосредственно действующие, и нормы, для реализации которых требуется принятие соответствующего гражданского процессуального закона, в юридической науке существуют и иные подходы к такой классификации.

Так, В.А. Толстик, основываясь на таких использованных в Конституции Российской Федерации формах выражения иерархической зависимости ее структурных частей между собой, как «не может противоречить» и «особый

порядок пересмотра и внесения изменений», выделяет в Конституции Российской Федерации как нормативно-правовом акте три иерархических уровня.

1. Глава 1 «Основы конституционного строя». На данном уровне важнейшее значение для гражданского процессуального права имеют положения ст. 2 («признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства»), ч. 2. ст. 4 (закрепление верховенства Конституции и федеральных законов на всей территории Российской Федерации), ст. 10 (о разделении властей), ст. 15 (об источниках права в Российской Федерации и требованиях к ним), ст. 16 (о приоритете положений данной главы по отношению к иным положениям Конституции Российской Федерации и иным нормативно-правовым актам).

2. Главы 2 «Права и свободы человека и гражданина» и 9 – «Конституционные поправки и пересмотр Конституции». На данном уровне находятся такие конституционные нормы гражданского процессуального характера, как положения ст. 19 (принцип равенства перед судом и законом), ст. 46 (право на судебную защиту), ст. 47 (закрепляется значение института подсудности), ст. 48 (право на квалифицированную юридическую помощь), ст. 49 (о правах обвиняемого), ч. 2 ст. 50 (об общих требованиях допустимости средств доказывания) и т.д.

3. Главы 3 «Федеративное устройство», 4 «Президент Российской Федерации», 5 «Федеральное Собрание», 6 «Правительство Российской Федерации», 7 «Судебная власть» и 8 «Местное самоуправление», из которых особое значение для гражданского судопроизводства имеет глава 7, определяющая основы судоустройства и отправления правосудия.

Данная классификация представляется значимой для любой отрасли права как позволяющая разрешать коллизии между конституционными положениями в зависимости от их нахождения на том или ином иерархическом уровне, при этом следует согласиться с В.А. Толстиком в том, что при возникновении конкуренции

форм выражения иерархической зависимости наивысший иерархический приоритет имеет формула «не может противоречить»[128].

Иная классификация предложена Я.Ф. Фархтдиновым, в качестве ее критерия использовалась функциональная нагрузка конституционных норм, и эта классификация представляется нам более уместной для определения места Конституции Российской Федерации в числе источников гражданского процессуального права.

В соответствии с данной классификацией выделяются:

1) Общие нормы правоохранительного характера: правонаделяющие, гарантирующие, охраняющие различные политические, имущественные, личные, трудовые, иные права и свободы граждан и их объединений[129].

К данной группе принадлежат нормы, выступающие гарантиями неотъемлемых прав и свобод человека, такие, как признание прав и свобод человека высшей ценностью; установление обязанности государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина; равная защита частной, государственной, муниципальной и иной собственности; право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Указанные конституционные положения имеют общий, декларативный характер и в большей мере являются основаниями для урегулирования данных отношений иными нормативными правовыми актами, содержащими в себе более детализированный порядок реализации данных прав и обязанностей.

2) Нормы о судебной защите общего характера.

К данной группе относятся, например, положения о непосредственном действии прав и свобод человека, которые определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием; гарантия судебной защиты прав и свобод каждого; право обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные

---

[128] *Толстик В.А.* Иерархия источников российского права. С. 164–169.

[129] *Фархтдинов Я.Ф.* Источники гражданского процессуального права Российской Федерации. С. 119.

средства правовой защиты. К этой же группе относятся положения основного закона нашего государства, закрепляющие неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны и определяющие возможность ограничения тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений только на основании судебного решения.

Указанные положения Конституции Российской Федерации устанавливают судебную защиту наиболее важных прав и свобод человека, тем самым выделяют судебную защиту среди форм защиты права как главный механизм, устраняющий необоснованные ограничения охраняемых прав и свобод.

3) Нормы, имеющие значение непосредственного источника гражданского процессуального права, такие, как положения, устанавливающие право каждого обжаловать в суд решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц.

В целом мы соглашаемся с предложенной Я.Ф. Фархтдиновым классификацией, однако считаем необходимым сделать несколько уточняющих замечаний.

Во-первых, отнесенную ко второй группе норм гарантию равенства прав и свобод человека и гражданина перед законом и судом мы считаем более верным расположить в первой группе. На наш взгляд, данная норма по своей природе является общей нормой правоохранительного характера и принадлежит к первой группе норм в предлагаемой классификации, так как ее функциональная нагрузка состоит в том, что социальная, расовая, национальная, языковая или религиозная принадлежность не могут служить основанием для ограничения прав граждан не только при осуществлении судебной защиты, но при осуществлении любой государственной (и не только государственной) деятельности.

Во-вторых, предложенное наименование третьей группы, на наш взгляд, не вполне корректно. Как мы показали выше, Конституция Российской Федерации представляет собой прямой, непосредственно действующий источник (форму) гражданского процессуального права, занимающий высшее место в иерархической

системе форм российского гражданского процессуального права, и, следовательно, все содержащиеся в ней нормы гражданского процессуального и судоустройственного характера являются составной частью источника (формы) гражданского процессуального права.

И наконец, третью группу конституционных норм в исследуемой классификации следует подразделить на две группы (третью и четвертую), выделив конституционные нормы, провозглашающие центральные принципы правосудия, характерные для любого вида судопроизводства, и конституционные положения процессуального характера, не относящиеся к категории процессуальных принципов.

Содержание конституционных норм третьей группы развивается в рамках отраслевого права, что также подтверждает характеристику Конституции Российской Федерации как основополагающего источника гражданского процессуального права, создающего правовую основу для последующей правотворческой деятельности.

Значительное количество таких норм, имеющих значение непосредственного регулятора процессуального права, относящихся, в том числе, и к гражданскому судопроизводству, содержится в гл. 7 Конституции Российской Федерации «Судебная власть и прокуратура». Так, ст. 118 устанавливает, что отправление правосудия как специфического вида государственной деятельности осуществляется исключительно судебной властью посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Данная норма, развивая положения ст. 10, дает основания определять судебную власть как третью независимую ветвь власти, осуществляемую только судами и в установленной законом процессуальной форме, и формулирует принцип отправления правосудия только судом.

Конституционные нормы о независимости, несменяемости и неприкосновенности судей (ст. 120–122 Конституции Российской Федерации) содержат в себе основные положения, устанавливающие особый статус судей, и выступают гарантией независимости судебной власти, способной реально

принимать решения по делам, не находясь под воздействием каких бы то ни было посторонних факторов или давлением извне. Данные положения получили развитие и конкретизацию в Законе РФ «О статусе судей в Российской Федерации» от 26.06.1992 г.[130] и иных нормативных правовых актах. Согласно положениям вышеупомянутого закона все судьи обладают единым статусом. Соответственно, нормы, закрепляющие гарантии независимости судей, относятся к судьям всех российских судов. Статья 5 указанного закона устанавливает, что суды осуществляют судебную власть, подчиняясь только Конституции Российской Федерации и закону; данный конституционный принцип воспроизводится в ст. 8 ГПК РФ, что, без сомнения, выступает дополнительной гарантией независимости судей и еще раз подтверждает наш тезис о Конституции Российской Федерации как о непосредственно действующем источнике права.

Развитие в отраслевом законодательстве получил и конституционный принцип гласности судопроизводства, закрепленный в ч. 1 ст. 123 Конституции Российской Федерации, согласно которой разбирательство дел во всех судах имеет открытый характер. Слушание дела в закрытом заседании допускается в случаях, предусмотренных федеральным законом, в частности, такой порядок установлен ст. 10 ГПК РФ.

В положениях ст. 12 ГПК РФ развивается конституционный принцип состязательности сторон, который во взаимосвязи с принципом равноправия сторон (ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации) по праву можно назвать одним из важнейших принципов, определяющих весь характер системы гражданского судопроизводства и направления ее дальнейшего развития.

Статьи 124–128 Конституции Российской Федерации, закрепляющие основы построения судебной системы, получают дальнейшее развитие в ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации». Из этих статей Конституции Российской Федерации вытекают такие принципы, как инстанционность, сочетание единоличного и коллегиального рассмотрения дел.

---

[130] Российская юстиция. 1995. № 11.

Помимо положений главы 7 Конституции Российской Федерации к нормам третьей группы справедливо будет отнести ст. 46, закрепляющую право каждого на судебную защиту его прав и свобод, являющуюся, в том числе, одной из предпосылок существования принципа диспозитивности.

Следует отметить, что конституционные принципы правосудия получили развитие в отраслях процессуального права, однако пути и темпы этого развития были различны. Так, Л.А. Воскобитова подчеркивает, что принципы судопроизводства, которые, казалось бы, должны быть едиными уже в силу их конституционно-правовой природы, различаются во всех процессуальных кодексах не только редакционно, но и по их количеству и содержанию[131]. Действительно, в различных процессуальных кодексах принципы правосудия нашли различное закрепление: если в УПК РФ[132] принципам уголовного судопроизводства посвящена отдельная глава Кодекса, то в ГПК РФ и АПК РФ такие принципы оказались закреплены в отдельных статьях. Более того, некоторые принципы цивилистического процесса не имеют прямого закрепления в тексте закона, что вызывает дискуссии в среде процессуалистов (например, не все ученые признают существование принципа объективной истины)[133]. А тот факт, что в принятом последним процессуальном кодексе – КАС РФ – имеется статья, посвященная перечислению принципов, в которой ряд принципов не нашел отражения[134], вызывает некоторое недоумение. В связи с чем нам представляется разумным включение, по образцу УПК РФ, в Общие положения ГПК РФ главы, посвященной исчерпывающей регламентации системы принципов гражданского судопроизводства.

---

[131] *Белякова А.В., Воскобитова Л.А., Габов А.В.* Проблемы развития процессуального права России: монография / Под ред. В.М. Жуйкова. М.: Норма, Инфра-М, 2016.

[132] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

[133] Более подробно о дискуссии см.: *Самсонов Н.В.* Принцип объективной истины сквозь призму взглядов профессора А.Т. Боннера // Современное право. 2017. № 7. С 73–77.

[134] См.: *Ярков В.В.* Принципы административного судопроизводства: общее и особенное // Закон. 2016. № 7. С. 52–60.

К конституционным нормам процессуального характера четвертой группы, т.е. не относящимся к категории процессуальных принципов, следует причислить положение ст. 51 Конституции Российской Федерации, согласно которому никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом. Эта норма непосредственно устанавливает одно из правил получения судебных доказательств, в том числе и в рамках гражданского судопроизводства. Еще одним примером является ч. 1 ст. 47 Конституции Российской Федерации, закрепляющая положение о том, что никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено по закону. Данная норма устанавливает повышенное значение правил родовой и территориальной подсудности гражданских дел, являясь одним из элементов права на судебную защиту и права на законный суд. Указанные положения, будучи закрепленными в главном государственном законе, ни по отдельности, ни в совокупности не являются принципом гражданского процессуального права и не развиваются отраслевым законодательством в такой принцип.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что Конституция Российской Федерации представляет собой прямой, непосредственно действующий источник (форму) гражданского процессуального права, занимающий высшее место в иерархической системе форм российского гражданского процессуального права. Нормы, в ней содержащиеся, одновременно являются и материальным источником гражданского процессуального права, поскольку оказывают воздействие на развитие иных его источников (форм), и непосредственным регулятором гражданских процессуальных правоотношений. В первую очередь воздействие Конституции Российской Федерации как основы (материала) для создания норм данной отрасли права направлено на общие положения гражданского процессуального права, его принципы, процессуальные права и обязанности сторон, состав суда и т.д. Кроме того, следует подчеркнуть отмечаемое Т.Я. Хабриевой «доктринальное значение Конституции РФ 1993 г.», которое «видится, прежде всего, в ее рассмотрении как источника новых

доктрин»[135]. Как источник (форма) гражданского процессуального права Конституция Российской Федерации содержит основополагающие принципы и нормы гражданского процессуального права, которые обеспечивают надежное, стабильное функционирование заложенной в ней модели гражданского судопроизводства.

[135] *Хабриева Т.Я.* Доктринальное значение российской Конституции // Журнал российского права. 2009. № 2. С. 34–38.

2.3. Федеральные конституционные законы как источники (формы) российского гражданского процессуального права

В соответствии с п. «о» ст. 71 Конституции Российской Федерации процессуальное законодательство находится в ведении Российской Федерации. Данное положение развивается в действующем ГПК РФ, начинающемся со статьи, устанавливающей состав законодательства о гражданском судопроизводстве, согласно ч. 1 которой порядок гражданского судопроизводства определяется Конституцией, Федеральным конституционным законом «О судебной системе Российской Федерации» (далее – ФКЗ «О судебной системе»), ГПК РФ и иными федеральными законами.

В связи с этим А.А. Мохов, например, отмечает, что буквальное толкование ст. 1 ГПК РФ позволяет сделать вывод о включении в систему источников гражданского процессуального права лишь одного из федеральных конституционных законов, а именно – ФКЗ «О судебной системе», поскольку иные федеральные конституционные законы не отнесены действующим Кодексом к таким источникам[136]: далее речь в ст. 1 ГПК РФ идет лишь о законах федеральных.

Единства мнений по поводу числа и состава федеральных конституционных законов – источников гражданского процессуального права в юриспруденции нет. Так, в большинстве учебников и учебных пособий по дисциплине «Гражданское процессуальное право» в качестве таковых упоминается лишь названный выше федеральный конституционный закон[137], в то время как в ряде других в таком качестве упоминается более широкий круг федеральных конституционных законов[138].

---

[136] *Мохов А.А.* Федеральные конституционные законы как источники гражданского процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 1. С. 3–5.

[137] *Гражданское* процессуальное право России: учебник / Под ред. П.В. Алексия, Н.Д. Амаглобели. М., 2007. С. 12; *Гражданский* процесс: учебник / Под ред. А.Г. Коваленко, А.А. Мохова, П.М. Филиппова. М., 2010. С. 15–16.

[138] *Гражданское* процессуальное право России: учебник для вузов / Под ред. С.Ф. Афанасьева. М., 2013. С. 36; *Гражданский* процесс: учебник / Под ред. М.К. Треушникова.

Таким образом, вопрос о том, следует ли определять перечень федеральных конституционных законов, входящих в состав источников (форм) гражданского процессуального права, руководствуясь буквальным толкованием ч. 1. ст. 1 ГПК РФ, или нет, представляет определенный научный интерес. Для его решения, на наш взгляд, следует найти ответы на вопросы: включает ли употребляемый в ст. 1 ГПК РФ термин «федеральные законы» только собственно федеральные законы либо данным понятием охватываются и федеральные конституционные законы; что должно являться главным при принятии решения об отнесении того или иного нормативного правового акта к числу источников гражданского процессуального права – включение его в перечень законодательства о гражданском судопроизводстве или правовая природа данного акта и сущность содержащихся в этом акте норм.

Для ответа на первый вопрос, прежде всего, следует обратиться к Конституции Российской Федерации как главному источнику российского права. Анализ, проведенный Н.М. Фаткуллиной, показывает, что в Конституции Российской Федерации термин «федеральный закон» используется в двух значениях. В первом, широком, значении он включает в себя и федеральные конституционные законы, и собственно федеральные законы, во втором, узком, не включает в себя федеральные конституционные законы[139]. В качестве примера использования термина «федеральный закон» в широком смысле следует привести ч. 2 ст. 50 и ч. 1 ст. 120 Конституции Российской Федерации. Их иное прочтение нелепо, ибо предполагает, что указанные конституционные нормы допускают, соответственно, возможность использования при осуществлении правосудия доказательств, полученных с нарушением федеральных конституционных законов, и отсутствие у судьи обязанности подчиняться федеральному конституционному закону. Аналогичный вывод можно сделать и обратившись к содержанию ч. 1 ст. 8 ГПК РФ. Причиной, убеждающей нас в недопустимости буквального истолкования

---

[139] *Фаткуллина Н.М.* Федеральный закон как источник права в системе российского законодательства: вопросы теории и практики // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 4. С. 36–42.

положений ст. 1 ГПК РФ, является присутствие в данной норме текстуального и смыслового расхождения с конституционными положениями, которые включают федеральные конституционные законы в состав федеральных законов. Таким образом, мы видим, что ни Конституция Российской Федерации, ни ГПК РФ как минимум не исключают возможности использования термина «федеральный закон» в широком смысле, включающем в себя и федеральные конституционные законы.

Отвечая на второй вопрос, мы хотим отметить, что, несмотря на огромное значение для юридической науки формально-юридического метода, на упоминаемое единство гражданской процессуальной формы и гражданского процессуального права[140] и даже на распространенность афоризма «тот не юрист, кто не формалист», необходимо признать, что явление правовой действительности, в том числе такое, как федеральные конституционные законы, может быть отнесено к той или иной категории, в данном случае – к источникам (формам) гражданского процессуального права, исходя из его сущности, квинтэссенции его внутреннего содержания, его действительной правовой природы, а не его включения законодателем в тот или иной внешний список, тем более что нельзя исключить наличие ошибок, допущенных при составлении этого списка.

По нашему мнению, существует еще целый ряд федеральных конституционных законов, содержащих нормативные предписания, отнесение которых к источникам (формам) гражданского процессуального права вполне обоснованно в силу их функциональной и смысловой нагрузки и вытекает из существа регулируемых этими федеральными конституционными законами общественных отношений.

---

[140] См.: *Свирин Ю.А.* О единстве гражданской процессуальной формы и гражданского процессуального права // Адвокат. 2014. № 10. С. 26–30.

Безусловно, не все из действующих на сегодняшний день федеральных конституционных законов содержат нормативные предписания, которые позволяют отнести эти законы к источникам (формам) гражданского процессуального права, а только такие, которые выступают в роли конституционной юридической базы для законодательства, регулирующего общественные отношения в сфере правосудия по гражданским делам[141], в связи с чем в данной работе будет дан их перечень.

Первое место в этом списке, несомненно, занимает ФКЗ «О судебной системе», прямо называемый ст. 1 ГПК РФ в числе источников (форм) гражданского процессуального права и имеющий среди них наиболее важное значение, так как в нем детализированы такие конституционные принципы, как принцип независимости судей, принцип равенства всех перед законом и судом, принцип гласности, принцип государственного языка судопроизводства, принцип инстанционности.

Далее мы выявим иные федеральные конституционные законы, содержащие нормативные предписания, регулирующие гражданские процессуальные правоотношения в судах общей юрисдикции и, следовательно, являющиеся источниками (формами) гражданского процессуального права, и, расположив их в хронологическом порядке, исходя из даты принятия закона, кратко охарактеризуем:

– ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»[142] – влияет на определение предметной компетенции общих судов в сфере нормоконтроля, разграничивает полномочия ветвей судебной власти, имеет первоочередное

---

[141] См.: *Жилин Г.А.* Конституция Российской Федерации как источник гражданского и арбитражного процессуального права. С. 12–19.

[142] О Конституционном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

значение для выявления иных источников (форм) гражданского процессуального права, устанавливает такое основание для приостановления производства по делу, как направление судом запроса в Конституционный Суд РФ;

– ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации»[143] – определяет полномочия, порядок образования и деятельности, а также принципы функционирования судов общей юрисдикции и упоминает единство судебной практики как целевую установку при проверке судебных актов в порядке надзора[144];

– ФКЗ «О военных судах в Российской Федерации» – определяет вопросы подведомственности (компетенции) и подсудности дел такой составляющей системы судов общей юрисдикции, как подсистема военных судов;

– ФКЗ «О чрезвычайном положении»[145] и ФКЗ «О военном положении»[146] – определяют правила подсудности в случае введения военного и чрезвычайного положений в стране, что позволяет и их включить в систему источников (форм) гражданского процессуального права;

– ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации»[147] – регламентирует полномочия и порядок деятельности Верховного Суда Российской Федерации как высшей судебной инстанции, а также закрепляет его статус в качестве органа, осуществляющего судебный надзор как за деятельностью судов общей юрисдикции, так и арбитражных судов;

---

[143] О судах общей юрисдикции в Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 7.02.2011 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 898.

[144] См.: *Исаенкова О.В.* В продолжение дискуссии о реорганизации судебной системы // Закон. 2014. № 3. С. 94–97.

[145] О чрезвычайном положении: Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 г. № 3-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2277.

[146] О военном положении: Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 5. Ст. 375.

[147] О Верховном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 5.02.2014 г. № 3-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 6. Ст. 550.

– ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»[148] – закрепляет такие процессуальные права Уполномоченного, как: право на обращение в суд в защиту прав и свобод, нарушенных решениями или действиями (бездействием) государственного органа, органа местного самоуправления или должностного лица; право на участие в процессе лично либо через своего представителя в установленных законом формах; право на обращение в суд с ходатайством о проверке вступившего в законную силу постановления (определения, решения) суда; право отказа от дачи свидетельских показаний по гражданскому делу.

Содержащиеся в указанных федеральных конституционных законах нормативные предписания отчетливо влияют на понимание принципов диспозитивности, состязательности, гласности в гражданском судопроизводстве, их соотношения и взаимодействия; на определение компетенции судов общей юрисдикции; на определение состава лиц, участвующих в деле, круга их процессуальных прав и обязанностей, что дает основание для отнесения таких ФКЗ к числу источников гражданского процессуального права.

Некоторые исследователи, в частности А.А. Мохов, также причисляют к источникам гражданского процессуального права Федеральный конституционный закон «О Правительстве Российской Федерации»[149], поскольку в нем имеются положения об организации гражданского судопроизводства[150]. В ст. 42 данного ФКЗ действительно содержатся указания на порядок финансирования суда для обеспечения полного и независимого отправления правосудия, а также говорится о том, что Правительство исполняет судебные решения. Тем не менее, на наш взгляд, указанные нормы не регламентируют порядок отправления правосудия по гражданским делам в судах общей юрисдикции, не регулируют общественные

---

[148] Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. № 9. Ст. 1011.

[149] О Правительстве Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 17.12.1997 г. № 2-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. № 51. Ст. 5712.

[150] *Мохов А.А.* Федеральные конституционные законы как источники гражданского процессуального права. С. 3–5.

отношения, возникающие между судом и другими участниками гражданского процесса в связи с рассмотрением и разрешением гражданских дел, а следовательно, ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» не может быть отнесен к числу источников (форм) гражданского процессуального права.

Рассуждая о возможности совершенствования гражданского процессуального законодательства уровня федеральных конституционных законов, мы хотели бы поддержать ранее высказывавшееся предложение[151] о закреплении в отдельном федеральном конституционном законе норм, определяющих правила распределения судебной подведомственности, инстанционной компетенции, родовой и территориальной подсудности, тем более что для этого, как отмечает В.М. Жуйков, имеется конституционная основа – ч. 3 ст. 128 Конституции[152].

Однако, на наш взгляд, действуя в данном направлении, не следует останавливаться исключительно на вопросах компетенции, а следует принять нормативный правовой акт на уровне федерального конституционного закона, возможно, под наименованием «Основы цивилистического процесса Российской Федерации», регламентирующий общие положения цивилистического процесса, включающего гражданский и арбитражный процессы, а также административное судопроизводство[153]. Причем прежде всего такой акт должен определять

---

[151] См.: *Виляк О.И.* Проблемы конституционного регулирования судебной компетенции // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 10. С. 17–27; № 11. С. 18–27; № 12. С. 3–11; *Брежнев О.В.* Реформирование судебных инстанций в России: конституционно-правовые аспекты // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 6. С. 70–74.

[152] *Жуйков В.М.* ГПК РФ и другие источники гражданского процессуального права // Российская юстиция. 2003. № 4. С. 10–14.

[153] Более подробно взгляды автора на административное судопроизводство как разновидность цивилистической процессуальной формы изложены в § 6.3 настоящей работы. Также см.: *Самсонов Н.В.* Завершена ли дискуссия о правовой природе административного судопроизводства. С. 201–203; Принцип объективной истины в современном административном и гражданском судопроизводстве. С. 26–29; Цели и задачи цивилистического процесса. С. 68–75; К вопросу о правовой природе административного судопроизводства. С. 151–161.

принципы, на которых осуществляется правосудие в судах общей юрисдикции и арбитражных судах по гражданским делам, иным цивилистическим спорам и делам, рассматриваемым в порядке административного судопроизводства, а также закреплять единообразное для всех отраслей цивилистического процесса понимание процессуальных терминов.

Завершая исследование федеральных конституционных законов в системе источников (форм) гражданского процессуального права, полагаем необходимым упомянуть, что они в иерархии нормативных правовых актов занимают место между Конституцией Российской Федерации и федеральными законами, к которым относится и ГПК РФ, отличаясь от последних усложненной процедурой принятия[154]. Цель издания федеральных конституционных законов – регулирование наиболее важных сфер общественной жизни, развитие, конкретизация и детализация конституционного законодательства[155]. Их особое место подтверждено закрепленным в ч. 3 ст. 76 Конституции Российской Федерации требованием о недопустимости противоречия федеральных законов федеральным конституционным законам.

Кроме того, хочется обратить внимание, что большинство норм федеральных конституционных законов – источников (форм) гражданского процессуального права по своей функциональной нагрузке имеют судоустройственный, а не судопроизводственный характер, т.е. определяют систему, структуру и полномочия судов. Однако, как справедливо отмечает В.М. Жуйков, судоустройственные вопросы находятся в неразрывной связи с аспектами судопроизводственными, так как в отсутствие согласованной рабочей системы судоустройственных и судопроизводственных норм разрешение конкретного дела

---

[154] См.: *Дробышевский С.А., Данцева Т.Н.* Формальные источники права. С. 89.
[155] См.: *Вопленко Н.Н.* Источники и формы права. С. 38.

по существу зачастую бывает весьма затруднительно[156]. К этому мы можем добавить, что такое рассогласование всегда препятствует, а иногда и делает невозможным достижение целей и решение задач гражданского судопроизводства, что исключает нормальное функционирование системы гражданского судопроизводства в целом. Так, например, введенный с 1 октября 2019 г. Федеральным законом от 28.11.2018 г. № 451-ФЗ[157] новый порядок отправления правосудия по гражданским делам на стадии кассационного производства в кассационных судах общей юрисдикции невозможно было бы реализовать без соответствующих изменений в части судоустройства, внесенных в ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»[158].

Именно поэтому состав федеральных конституционных законов - источников (форм) гражданского процессуального права не исчерпывается перечнем, указанным в ч. 1 ст. 1 ГПК РФ ФКЗ «О судебной системе», а определяется исходя из содержания федеральных конституционных законов, из наличия либо отсутствия в них правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере гражданского судопроизводства, возникающие между судом общей юрисдикции и другими участниками гражданского процесса в связи с рассмотрением и разрешением гражданских дел.

---

[156] *Жуйков В.М.* Общая концепция развития процессуального законодательства и законодательства о судоустройстве // Журнал российского права. 2010. № 7. С. 5–17.

[157] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 28.11.2018 г. № 451-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 49 (ч. 1). Ст. 7523.

[158] О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции: Федеральный конституционный закон от 29.07.2018 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 31. Ст. 4811.

2.4. Федеральные законы в системе источников (форм) отечественного гражданского процессуального права

Гражданскому процессуальному праву как самостоятельной отрасли права присуща множественность процессуальных норм, каждая из которых наделена собственной качественной спецификой и индивидуальностью, обладает своими свойствами и сферой применения, отличается от остальных по своему содержанию, предмету регулирования и целевой направленности[159]. Каждая из этих норм находит свое внешнее выражение в том или ином источнике (форме) отечественного гражданского процессуального права, а иногда, как мы продемонстрировали ранее, полное содержание нормы воплощается в нескольких источниках (формах) гражданского процессуального права. Они представляют собой части целостного процессуального механизма, эффективное совершенствование и развитие которого невозможно без познания системных связей между его элементами, что в свою очередь, на наш взгляд, сопряжено с исследованием взаимосвязи категорий «общее» и «особенное» в гражданском процессуальном праве, поскольку любая правовая норма, как и форма ее внешнего выражения в системе права, в том числе и гражданского процессуального, обладает существенным количеством структурных и смысловых связей с иными элементами системы.

Исследуя систему источников (форм) гражданского процессуального права, невозможно не заметить, что ГПК РФ представляет собой ее становой хребет. Данный кодифицированный закон занимает в системе источников гражданского процессуального права ключевую позицию, так как формально закрепляет и систематизирует подавляющую часть гражданских процессуальных нормативных предписаний. Мы не ставим перед собой задачи детально описывать структуру ГПК РФ, а тем более подробно воспроизводить и комментировать его содержание – поступить так означало бы повторять очевидные, многократно описанные в

---

[159] См.: *Шерстюк В.М.* Категории отдельного, общего и особенного в гражданском процессуальном праве // Вестник гражданского процесса. 2015. № 3. С. 8–27.

научной и учебной литературе юридические реалии. Мы также не будем пытаться выявить все законы и иные нормативные акты (если таковые имеются), которые можно было бы отнести к источникам (формам) гражданского процессуального права, и тем более детально анализировать их соотношение с ГПК РФ, ибо выбор подобного пути представлял бы попытку объять необъятное, удалиться от нашего предмета в изучение процессуальных особенностей процедур рассмотрения отдельных категорий гражданских дел. Поэтому здесь мы остановимся лишь на некоторых важных или спорных моментах, касающихся вопроса о роли ГПК РФ как источника (формы) гражданского процессуального права и его соотношении с иными федеральными законами, регламентирующими гражданские процессуальные правоотношения в судах общей юрисдикции.

Рассуждая о значении ГПК РФ, следует обратить внимание на его место в иерархической структуре источников (форм) гражданского процессуального права. Он, несомненно, как и любой иной закон, уступает по своей юридической силе Конституции Российской Федерации, международным договорам Российской Федерации и федеральным конституционным законам, что прямо закреплено соответственно в ч. 1 и 4 ст. 15 и ч. 3 ст. 76 Конституции Российской Федерации. Решая вопрос о соотношении ГПК РФ и других федеральных законов, устанавливающих порядок судопроизводства по гражданским делам в судах общей юрисдикции, следует учитывать существование нескольких точек зрения на проблему соотношения кодифицированного и некодифицированного законодательства.

Согласно одной из них, находящей подтверждение в актах Конституционного Суда РФ, ни один федеральный закон не обладает по отношению к другому федеральному закону большей юридической силой, так как

Конституцией Российской Федерации не определяется и не может определяться иерархия актов внутри одного их вида, в данном случае – федеральных законов[160].

Это воззрение юридической наукой оценивается критически. Так, С.А. Синицын обращает внимание, что подобная позиция Конституционного Суда РФ противоречива, способствует «возникновению коллизий и рассогласованности норм», а «правовые последствия от сохранения этой позиции могут быть лишь негативными: умаление значимости кодифицированных нормативных правовых актов в источниках права, коллизии и противоречия на стадии правоприменения»[161]. В.А. Толстик характеризует ее как необоснованную, полностью игнорирующую господствующую в науке точку зрения о приоритете кодифицированных актов над некодифицированными[162]. Однако, нам представляется, что само по себе распространение и доминирование в науке той или иной точки зрения не является доказательством ее правоты. Истории науки известны случаи подавляющего доминирования взглядов, которые в настоящее время признаны теоретически ошибочными, поэтому далее мы приведем аргументы в обоснование собственного взгляда на затронутую проблему. Кроме того, без выявления приоритета одного из актов одинаковой юридической силы над другим разрешение правовых коллизий неосуществимо, что может затруднить или сделать невозможным правоприменение.

---

[160] По запросу Арбитражного суда города Москвы о проверке конституционности пунктов 1 и 4 части четвертой статьи 20 Федерального закона «О банках и банковской деятельности»: Определение Конституционного Суда РФ от 5.11.1999 г. № 182-О // Собрание законодательства РФ. 1999. № 52. Ст. 6460; По запросу Питкярантского городского суда Республики Карелия о проверке конституционности статьи 26 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций»: Определение Конституционного Суда РФ от 3.02.2000 г. № 22-О // Собрание законодательства РФ. 1999. № 14. Ст. 1532.

[161] *Синицын С.А.* Некоторые тенденции развития российского гражданского законодательства: влияние доктрины и зарубежного опыта // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 5 (54). С. 874.

[162] *Толстик В.А.* Иерархия источников российского права. С. 175–178.

Согласно другой точке зрения, кодексы занимают среди законов место первого среди равных и по своей юридической силе в определенной мере приравниваются к федеральным конституционным законам[163]. Мы полагаем неверным уравнивать кодексы и федеральные конституционные законы, поскольку приоритет последних закреплен Конституцией Российской Федерации. Федеральные конституционные законы отличаются от федеральных законов, во-первых, присущим им предметом регулирования, охватывающим наиболее важные сферы жизни государства и общества, во-вторых, усложненным механизмом их принятия, который требует одобрения федеральных конституционных законов квалифицированным большинством парламента (ст. 108 Конституции Российской Федерации), кодексы же, напротив, принимаются с соблюдением процедуры принятия, установленной для федеральных законов, тем самым, на наш взгляд, достаточно убедительно опровергаются доводы, приводимые в обоснование указанной точки зрения.

Каким же образом следует разрешать коллизии между ГПК РФ и другими федеральными законами, содержащими нормы права, регулирующие гражданские процессуальные правоотношения?

Прежде всего, считаем необходимым отметить отсутствие в Конституции Российской Федерации адресованного законодателю запрета устанавливать приоритет того или иного нормативного правового акта, если такой приоритет не противоречит Конституции Российской Федерации. Отсутствие прямого регулирования вынуждает нас прибегнуть к аналогии с общими принципами права, которые допускают существование такого приоритета. Так, в юриспруденции

---

[163] См.: *Чушнякова Л.Д.* Теоретические вопросы соотношения федерального законодательства и законодательства субъектов Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2000. С. 11; *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Договорное право. Общие положения. 3-е изд., стер. М.: Статут, 2011. Кн. 1. С. 20.

существуют правила разрешения коллизий между нормативными правовыми актами одного уровня, согласно которым признается наличие приоритета специального закона над общим того же уровня и последующего над предыдущим («lex specialis derogat lex generalis» и «lex posterior derogat priori»).

Эти правила применяются и Конституционным Судом РФ, который, например, в Постановлении от 29.06.2004 г. № 13-П[164] указал, что в отношении актов одинаковой юридической силы, в случае коллизии между ними, применяется закон, принятый позже, а специальный закон имеет приоритет перед общим, независимо от времени их принятия. Данные правила являются универсальными, позволяющими разрешить вопрос иерархического приоритета одного закона над другим, и в подавляющем большинстве случаев их достаточно для решения такого вопроса. Однако, по нашему мнению, существование правил разрешения коллизий, называемых также общими принципами права, не исключает существования других правил приоритета, в том числе установленных национальным законодательством.

Поскольку без признания реальности выявления приоритета одного из актов одинаковой юридической силы над другим разрешение правовых коллизий неосуществимо, и, как мы показали выше, возможность определения такого приоритета существует, выражается в виде общих принципов права, признается и широко применяется, в том числе Конституционным Судом РФ, а запрет на установление иных видов такого приоритета отсутствует, мы полагаем допустимым признать правильной законодательную технику, в соответствии с которой в тексте того или иного нормативного правового акта, как правило

---

[164] По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 г. № 13-П // Собрание законодательства РФ. 2004. № 27. Ст. 2804.

кодекса, устанавливается правило о его приоритете над остальными актами того же уровня, регулирующими ту же сферу общественных отношений.

Вышеизложенные умозаключения и анализ содержания ст. 1 ГПК РФ дают нам основания для вывода о приоритете Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации над остальными федеральными законами, на необходимости которого достаточно давно настаивал В.В. Ярков[165],но приоритете не безусловном, а ограниченном рамками специального предмета регулирования, а именно – общественных отношений в сфере определения порядка гражданского судопроизводства в российских судах общей юрисдикции.

Проиллюстрировать преимущественное применение ГПК РФ в сфере гражданского судопроизводства может пример, связанный с попыткой ограничить участие лиц, не имеющих статуса адвоката, в качестве судебных представителей организаций, п. 4 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»[166]. Разрешая возникшую коллизию между указанной нормой и ч. 2 ст. 48 ГПК РФ, которая предоставляет организациям свободу в выборе своих судебных представителей, Верховный Суд РФ указал, что, рассматривая вопрос о допуске представителя организации, суды должны руководствоваться ГПК РФ, который не связывает возможность такого представительства со статусом представителя[167].

Исследуя значение ГПК РФ в системе источников гражданского процессуального права, следует признать, что данный Кодекс, вслед за Конституцией Российской Федерации, закрепляет основные, базовые установки гражданского судопроизводства. Статья 2 ГПК РФ «Задачи гражданского судопроизводства» находится в полном соответствии со ст. 2, 45 и 46 Конституции Российской Федерации, согласно которым человек, его права и свободы выступают

---

[165] *Ярков В.В.* Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992. С. 383.

[166] Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

[167] Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2003 года: обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 7.04.2004 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 7.

высшей ценностью, а обязанностью государства являются признание, соблюдение и зашита прав и свобод человека и гражданина, в связи с чем вся судебная деятельность служит гарантией государственной защиты прав человека.

В числе многочисленных субъектов гражданского процесса на первое место действующим Кодексом, следующим в фарватере Конституции Российской Федерации, выдвигаются физические, затем юридические лица, иные организации и прочие субъекты[168]. Основной задачей гражданского судопроизводства, закрепленной в ГПК РФ, выступает правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и охраняемых законом интересов физических и юридических лиц, а также прав и охраняемых законом интересов Российской Федерации и ее субъектов, с безусловным приоритетом правильности над своевременностью. Именно эти положения ст. 2 ГПК РФ, как пишет Л.А. Терехова, помогают определить «границы поиска и выявления судебной ошибки»[169]. Таким образом, в системе источников гражданского процессуального права ГПК РФ, наряду с Конституцией Российской Федерации, выполняет весьма значимые функции создания ориентиров и формирования целеполагания для судебных органов в сфере осуществления правосудия по гражданским делам[170].

Обратившись к структуре действующего ГПК РФ, мы непременно обнаружим, что хотя в нем отсутствует строгое разделение на общую и особенную части, ряд исследователей допускают использование данных терминов применительно к структуре действующего процессуального законодательства. Так,

---

[168] См.: *Фархтдинов Я.Ф.* Источники гражданского процессуального права Российской Федерации. С. 146.

[169] *Терехова Л.А.* Право на исправление судебной ошибки как компонент судебной защиты: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 10.

[170] Более подробно о целях гражданского судопроизводства см.: *Самсонов Н.В.* Цели и задачи цивилистического процесса. С. 68–75.

В.М. Шерстюк пишет о необходимости тщательного анализа положений действующего ГПК РФ с целью определения наличия в Общей части специальных норм и институтов, которые надо переместить в соответствующие институты Особенной части, а также выявления предпосылок для качественного превращения специальных норм и институтов в общие[171]. Данная идея заслуживает пристального внимания и развития.

Еще К.С. Юдельсон обращал внимание на взаимосвязь общих процессуальных норм, закрепленных в ГПК РФ, и специальных норм, содержащихся как в ГПК РФ, так и в актах материального права (жилищного, семейного, трудового и т.д.)[172]. На наш взгляд, следует обратить внимание, что общие и специальные нормы находятся в системе гражданского процессуального законодательства в различном соотношении. Так, нормативные положения раздела I ГПК РФ «Общие положения» могут быть оценены как общие и по отношению к нормам остальных разделов ГПК РФ, и по отношению к нормативным предписаниям, содержащимся в иных, «не процессуальных» нормативных актах. Подраздел II «Исковое производство» раздела II ГПК РФ содержит множество процессуальных норм, являющихся общими уже по отношению к нормам, регламентирующим движение в апелляции и последующих стадиях гражданского процесса, а также в неисковом производстве. Установленный данным подразделом ГПК РФ порядок рассмотрения дел в исковом производстве является для иных видов гражданского судопроизводства и стадий гражданского процесса базовым, определяющим общие правила судебного разбирательства. Так, согласно ст. 263 ГПК РФ дела особого производства рассматриваются и разрешаются по общим правилам искового производства с особенностями, установленными в IV подразделе ГПК РФ. Подобная отсылочная норма содержится и в ст. 327 ГПК РФ, определяющей порядок рассмотрения дел в суде апелляционной инстанции.

---

[171] *Шерстюк В.М.* Современные проблемы гражданского и административного судопроизводства: Сборник статей. М.: Статут, 2015. С. 19.

[172] *Юдельсон К.С.* Соотношение гражданских процессуальных норм, сосредоточенных в гражданских процессуальных кодексах и кодексах материального права // Проблемы применения Гражданского процессуального кодекса РСФСР. Калинин, 1974. С. 174.

Особое значение ГПК РФ как источника (формы) права дополнительно подтверждается наличием в нем общих положений – отдельной совокупности юридических норм, закрепляющих принципы гражданского процесса и устанавливающих базовые, общие основы судопроизводства. Значимость таких положений признавалась в советской и признается в современной отечественной правовой доктрине[173]. Так, М.Х. Хутыз оценивал формирование общих основ гражданского судопроизводства как одно из важнейших достижений советского законодательства[174]. На наш взгляд, именно наличие общей части или общих положений выступает важнейшим критерием самостоятельности отрасли права. Самостоятельная отрасль права должна иметь общую часть, формулирующую принципы и основные институты данной отрасли: именно общая часть представляет собой высокий уровень нормативных обобщений, присущий кодификации. Нормативный акт, лишенный общей части (общих положений), не может быть признан кодифицированным. Как утверждал С.С. Алексеев, «наличие общей части в акте является свидетельством обособления данной области юридических норм в системе права, а уровень обобщений – показателем ее юридической самобытности, ее места в правой системе»[175].И хотя, по нашему мнению, такой подход придает излишнее значение формальному признаку, тем не менее, он содержит и рациональное зерно.

Если рассматривать системность права в целом, и в частности системность его источников, как «объективное объединение (соединение) по содержательным признакам определенных правовых частей в структурно упорядоченное целостное единство, обладающее относительной самостоятельностью, устойчивостью и автономностью функционирования»[176], то можно заключить, что три последних

---

[173] См.: *Самсонов Н.В.* О связи общего и особенного в гражданском процессуальном праве // Современное право. 2018. № 6. С. 91–96.

[174] *Хутыз М.Х.* Общие положения гражданского процесса. Историко-правовое исследование. М.: Юридическая литература, 1979. С. 3; *Улётова Г.Д.* Возвращаясь к научному наследию профессора М.Х. Хутыза // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 2. С. 57–63.

[175] *Алексеев С.С.* Собрание сочинений. Т. 3. С. 494.

[176] См.: *Керимов Д.А.* Методология права: предмет, функции, проблемы философии права: монография. С. 234–235.

перечисленных признака системы гарантируются именно наличием в ГПК РФ «Общих положений».

О значимости «Общих положений» ГПК РФ в гражданском процессуальном праве свидетельствуют и характеристики некоторых составляющих ее элементов: норм-принципов и норм-дефиниций.

В качестве нормы-принципа можно рассматривать предписание, в лаконичной форме закрепляющее (называющее) и раскрывающее сущность идеи, на которой построен гражданский процесс, призванное устанавливать необходимое соответствие целей и задач правосудия по гражданским делам и средств их достижения в зависимости от объективных потребностей общества[177], как-то: принцип государственного языка судопроизводства (ст. 9 ГПК РФ), принцип гласности (ст. 10 ГПК РФ) и другие. В соответствии с данным типом норм, закрепленных в разделе I «Общие положения» ГПК РФ, выстраивается вся структура предписаний остальных разделов Кодекса. Любая коррекция данных положений повлечет за собой изменение сути гражданско-процессуальных явлений, а соответственно, и изменение остальных разделов. В данном контексте очень уместна метафора Л.Л. Кругликова, сравнившего Общую часть отрасли права с «фундаментом», на котором основываются «стены и крыша» – Особенная часть отрасли[178].

На наш взгляд, правильное месторасположение нормы помогает судьям и иным юристам верно уяснить ее смысл, правильным образом ее истолковать и применить, а также позволит обратить внимание неискушенных в специфике

---

[177] См.: *Малыхин Д.В.* Гражданская процессуальная норма: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 156.

[178] См.: *Уголовное* право России. Особенная часть: учебник / Под ред. Ф.Р. Сундурова, М.В. Талан. М.: Статут, 2012.

гражданского процесса законодателей на ее значение, а следовательно, может уберечь от непродуманных изменений.

Так, например, в 2017 г. была изменена ст. 157 ГПК РФ[179]: из состава принципов гражданского процессуального права исключен принцип непрерывности. Теперь суд общей юрисдикции во время перерыва может рассматривать другие уголовные, гражданские, административные дела, после чего вернуться к рассмотрению прерванного дела и начать рассматривать его не с самого начала, а с того момента когда был объявлен перерыв. Тем самым, несомненно, нарушается принцип концентрации, возрастает риск нарушения других процессуальных принципов; судья, рассматривающий дело, превращается в многостаночника, ведет сеанс одновременной игры, показывает неуважение к лицам, участвующим в деле, которые теперь не могут быть уверены в том, что суд их не только выслушал, но и услышал. На настоящий момент пока сложно точно оценить последствия такого изменения, но наиболее вероятным будет прогноз снижения уровня судебной защиты граждан и организаций, вызываемого неизбежным (вследствие отказа от непрерывности процесса) уменьшением уровня концентрации суда в ходе исследования доказательств и возможным нарушением права стороны быть услышанной судом, что сделает весьма вероятным дальнейшее падение конкурентоспособности отечественной правовой системы.

Одной из немаловажных причин возвращения к дискретному гражданскому процессу, показавшему свою несостоятельность и неэффективность еще в середине XIX в., явилось, на наш взгляд, то, что принцип непрерывности был закреплен во входящей в главу 15 ГПК РФ «Судебное разбирательство» ст. 157 «Непосредственность, устность и непрерывность судебного разбирательства». Нельзя исключать, что если бы эта норма располагалась в подобающем принципам, основным началам, месте – в специальной, посвященной принципам гражданского процесса главе «Общих положений» ГПК РФ, то введение новой редакции ст. 157

---

[179] О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.07.2017 г. № 260-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31 (Ч. I). Ст. 4849.

ГПК РФ, устранившее принцип непрерывности из гражданского процесса и повлекшее существенное его изменение – возвращение к дискретному процессу, не произошло бы так легко.

Продолжая наши рассуждения о необходимости обособления, выделения в отдельной главе принципов гражданского процессуального права, мы считаем необходимым обратить внимание, что в конце XX в. система принципов существенно изменилась. Гражданское судопроизводство в Российской Федерации приобрело вид, в основном отвечающий потребностям современного демократического общества, однако на этом изменения в системе принципов не закончились.

С конца первого десятилетия XXI в., по нашему мнению, несколько уменьшилось влияние принципов состязательности и диспозитивности в гражданском процессе, а в последние годы произошел резкий сдвиг в сторону удешевления, упрощения и ускорения гражданского судопроизводства, несоразмерно большое значение в деятельности судов приобрел принцип процессуальной экономии[180]. Так, с 2013 г. мировым судьям предоставлено право не составлять мотивированные решения по рассмотренным ими делам. На наш взгляд, такое право судьи нарушает не только принципы законности и состязательности, но и принцип независимости судей и подчинения их только закону, отрицательно влияет на качество правосудия, поскольку правильность рассмотрения дела неразрывно связана с мотивированностью решения, ибо

---

[180] Более подробно об изменениях в системе принципов гражданского процесса см.: *Самсонов Н.В.* Некоторые вопросы развития системы принципов российского гражданского судопроизводства // Современная научная мысль. 2017. № 6. С. 279–284; К вопросу о перспективах развития принципов российского гражданского процессуального права // Проблемы судопроизводства в суде первой инстанции по гражданским, арбитражным и административным делам. Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 12 октября 2018 г. / Под ред. Л.В. Войтович, В.И. Кайнова. СПб.: ИД «Петрополис», 2019. С. 310–314.

возможность проверки решения, трудно реализуемая без наличия мотивировочной части решения, сама по себе положительно влияет на его качество и обеспечивает правильность разрешения спора[181]. Отсутствие в решении мотивировочной части затрагивает законные интересы не только участников того дела, по которому оно вынесено, но и всех окружающих, которые, как пишет И.Н. Лукьянова «нуждаются в том, чтобы знать, что завтра в случае необходимости они смогут получить справедливое решение по делу. Такая уверенность появляется только в результате понимания мотивов судебного решения»[182]. Таким образом, отказ от составления мотивированного решения не вполне согласуется с принципами законности и гласности.

С 2016 г. существенно возрос вес приказного производства в гражданском процессе, увеличилось количество требований, по которым выдается судебный приказ. В результате введения п. 1.1. ст. 135 ГПК РФ приказное производство из альтернативной процедуры, предусматривающей выдачу мировым судьей исполнительного документа по бесспорным требованиям без проведения судебного разбирательства, превратилось в обязательную, предшествующую предъявлению иска процедуру, что в свою очередь ограничило диспозитивность в гражданском процессе, поскольку кредитор утратил право выбирать судебную форму защиты нарушенного права по своему усмотрению. Оценивая данные изменения, следует согласиться с О.Н. Шеменевой в том, что «решение

---

[181] Более подробно о взаимосвязи законности судебного постановления и его мотивированности см.: *Самсонов Н.В.* К вопросу о взаимосвязи законности судебного постановления и его мотивированности // Будущее российского права: концепты и социальные практики. V Московский юридический форум. XIV Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения): материалы конференции: В 4 ч. Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. С. 27–31.

[182] *Лукьянова И.Н.* О Концепции единого Гражданского процессуального кодекса (в поисках баланса правовой определенности и справедливого правосудия) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 3. С. 28–33.

законодателя о лишении кредитора права выбора того, по каким правилам ему защищать свое нарушенное или оспариваемое право – искового или приказного производства, представляется крайне неудачным»[183].

В том же году в гражданский процесс было введено упрощенное производство (глава 21.1 ГПК РФ), в котором дело рассматривается судом без вызова сторон, без проведения судебного заседания, по документам, представленным сторонами, выносится только резолютивная часть решения (мотивированное решение выносится только по просьбе сторон или при поступлении жалобы), апелляционные и кассационные жалобы рассматриваются единолично[184]. При этом фактически не действуют принципы устности, гласности и коллегиальности, ограничивается принцип состязательности, в связи с чем закономерно возникает вопрос о том, осуществляется ли вообще правосудие в упрощенном производстве? Этот вопрос становится еще более острым в случае отсутствия мотивированного решения по делу, что еще более сближает упрощенное производство с судебной процедурой взыскания задолженности.

Стремление «к трем ″у″»: упрощению, ускорению, удешевлению, на наш взгляд, было вызвано не только значительно возросшей нагрузкой на систему гражданского судопроизводства, но и во многом забвением того факта, что целью гражданского судопроизводства, «пронизывающей», по словам А.В. Цихоцкого, всю судебную деятельность[185], является защита нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан и других лиц, являющихся субъектами гражданских или иных правоотношений, а лишь затем укрепление законности и правопорядка, предупреждение правонарушений, формирование уважительного отношения к закону и суду. Забвением того, что эти цели достигаются посредством решения задачи – правильного и своевременного рассмотрения и разрешения дел,

---

[183] *Шеменева О.Н.* Критерии отнесения дел к приказному производству: отсутствие спора, очевидность задолженности или согласованное волеизъявление его сторон // Мировой судья. 2016. № 6. С. 29–33.

[184] Более подробно см.: *Самсонов Н.В.* О рассмотрении гражданских дел в упрощенном порядке // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 7. С. 18–21.

[185] *Цихоцкий А.В.* Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам. С. 62.

в которой главным является именно правильное разрешение гражданских дел, так как своевременное, но неправильное рассмотрение дела не только не способствует достижению целей судопроизводства, но и отодвигает или делает вовсе невозможным их достижение. Такой подход уже привел к упрощению процедуры разрешения отводов, исключению института подведомственности, изменению последствий неподсудности дела суду, введению образовательного ценза для судебных представителей, установлению обязательного раскрытия доказательств, увеличению и расширению сферы применения судебных штрафов, существенному сокращению числа случаев, в которых выносится мотивированное решение, расширению сферы действия упрощенного производства и так далее.

При этом многие из перечисленных изменений влекут за собой не столько упрощение судопроизводства, сколько отступление от базовых принципов гражданского процесса: диспозитивности, состязательности, объективной истины, гласности; что может привести к нарушению всей системы принципов.

Поэтому, на наш взгляд, до принятия ранее упомянутого федерального конституционного закона – Основы цивилистического процесса Российской Федерации целесообразно создание в «Общих положениях» ГПК РФ специальной главы, в которой будут зафиксированы, закреплены принципы российского гражданского судопроизводства в судах общей юрисдикции[186].

Что касается норм-дефиниций, то благодаря им реализуется такая важная функция «Общих положений», как достижение формальной определенности процессуальных норм и повышение их эффективности посредством использования при их моделировании разнообразных приемов законодательной техники, основанных на нормотворческой практике юридического языка и стилистики[187]. Примерами норм-дефиниций могут выступать положения ч. 1 ст. 37 ГПК РФ (понятие «гражданская процессуальная дееспособность»), ч. 1 ст. 55 ГПК РФ (понятие «доказательства») и т.д. Однако далеко не все понятия и категории,

---

[186] Более подробно см.: *Самсонов Н.В.* Некоторые вопросы развития системы принципов российского гражданского судопроизводства. С. 310–314.

[187] См.: *Малыхин Д.В.* Гражданская процессуальная норма. С. 159.

используемые в рамках гражданского процессуального законодательства, регламентированы данными нормами.

Так, А.В. Белякова отмечает что в российском процессуальном законодательстве отсутствуют понятия "разумный срок судопроизводства", "длительность судопроизводства", равно как и критерии их определения. Кроме того, она полагает, что появление возможности взыскать компенсацию за нарушение права на судопроизводство в разумный срок поощряет сутяжничество и создаёт дополнительную нагрузку на российские суды[188]. Причина существования таких негативных последствий, на наш взгляд, во многом обусловлена отсутствием легально закрепленных дефиниций данных категорий.

Данный пример наглядно иллюстрирует влияние ГПК РФ как источника (формы) права, а именно его «Общих положений», на гражданский процесс в целом: отсутствие полноценной дефинитивной нормы влечет за собой существенные затруднения при отправлении правосудия. Термин «разумный срок» фигурирует в ч. 1 ст. 136 ГПК РФ (разумный срок для исправления недостатков в случае оставления искового заявления без движения), ч. 1 ст. 323 ГПК РФ (разумный срок для исправления недостатков в случае оставления апелляционной жалобы, представления без движения), п. 2 ст. 333 ГПК РФ (разумный срок для предоставления возражений на частную жалобу) и т.д.

На наш взгляд, эффективность применения данных норм существенно бы увеличилась при фиксации определения этого понятия в «Общих положениях» ГПК РФ, в связи с этим нам видится целесообразным их дополнение статьей, содержащей определения основных правовых феноменов, которые используются в гражданском процессуальном законе.

---

[188] *Белякова А.В.* Механизмы судебной и внесудебной защиты права на судопроизводство в разумный срок: монография. М., 2016.

Переходя к иным федеральным законам – источникам (формам) гражданского процессуального права, следует отметить, что в гражданской процессуальной науке является устоявшимся мнение о тесной взаимосвязи гражданской процессуальной формы, в которой рассматривается конкретное гражданское дело, с защищаемым субъективным материальным правом[189]. И хотя в основе этого мнения лежит утверждение, что «процесс есть только форма жизни закона»[190], которое использовалось в связи с необходимостью ссылаться на классиков марксизма-ленинизма[191], всерьез отрицать влияние актов материального права на процедуру рассмотрения многих категорий гражданских дел в судах вряд ли возможно.

Безусловно, порядок рассмотрения гражданских дел в первую очередь подчинен сосредоточенным в ГПК РФ общим положениям. Однако и практикующие юристы, и представители науки гражданского процессуального права отмечают, что если речь идет о достаточно больших группах дел, разрешаемых на основании норм, относящихся к одной отрасли материального права, то у судебного процесса появляются свои особенности. Эти особенности в некоторых случаях законодательно закрепляются в нормах материального права[192].

Поэтому источниками (формами) отечественного гражданского процессуального права выступают также и другие федеральные законы, регулирующие материальные правоотношения, в том числе законы

---

[189] См.: *Гражданский* процесс: учебник / Под ред. М.К. Треушникова. С. 29; *Гурвич М.А.* Право на иск / Отв. ред. А.Ф. Клейнман. М.: Изд-во АН СССР, 1949.

[190] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения: В 50 т. Т 1: 1839–1844 гг. / подг. И. И. Прейсом. М.: Госполитиздат, 1955. С. 158.

[191] См.: *Боннер А.Т., Фурсов Д.А.* История развития отечественной гражданской процессуальной мысли // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 3. С. 42–47; № 4. С. 44–48; № 5. С. 37–42; № 6. С. 42–47.

[192] См.: *Особенности* рассмотрения и разрешения отдельных категорий гражданских дел (исковое производство) / Под ред. И.К. Пискарева. М.: Городец, 2005. С. 6.

кодифицированные. Законодатель, как пишет О.Н. Шеменева, «включает процессуальные нормы в источники материального права для установления особенностей рассмотрения судами дел, возникающих из регулируемых ими отношений»[193]. Специальные нормы, закрепленные в таких материально-правовых актах, регулируют, по сравнению с содержащимися в ГПК РФ «нормами общими, более узкий круг общественных отношений»[194]. Следует отметить, что подобное сужение сферы действия и такая конкретизация предмета регулирования дает законодателю возможность регламентировать процессуальные отношения более детально, позволяет наиболее полно учитывать специфику материальных отношений дел той или иной категории.

По мнению М.К. Юкова, данное явление обусловлено наличием так называемой «генетической связи» гражданского процессуального права с различными материальными отраслями (трудовым, семейным правом и т.д.)[195]. Как пишет М.А. Рожкова, имеются «юридические факты особого рода (sui generis)», которые создают «юридические последствия и в сфере гражданских, и в сфере процессуальных правоотношений»[196]. Н.М. Кострова отмечает, что существование связей между общими положениями ГПК РФ и специальными процессуальными нормами, содержащимися в материальном праве, особенно важно в свете набирающей силу тенденции к расширению сферы судебной защиты субъективных прав и интересов, что закономерным образом приводит к росту количества специальных процессуальных норм, в том числе и выходящих за рамки кодифицированного процессуального законодательства[197].

---

[193] *Шеменева О.Н.* Роль соглашений сторон в гражданском судопроизводстве. М.: Инфотропик Медиа, 2017; Роль процессуальных соглашений в гражданском судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2017.

[194] См.: *Баулин О.В.* Специальные нормы в гражданском процессуальном праве. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1997. С. 6.

[195] *Юков М.К.* Теоретические проблемы системы гражданского процессуального права: дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1982. С. 40–41.

[196] *Рожкова М.А.* Теории юридических фактов гражданского и процессуального права: понятия, классификации, основы взаимодействия: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 16.

[197] *Кострова Н.М.* Процессуальные особенности гражданских дел в современном законодательстве России: проблемы регулирования // Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов. М.: Статут, 2008. С. 57–68.

Сужение сферы действия и конкретизация предмета регулирования, характерные для специальных процессуальных норм, содержащихся в актах материального права, дают законодателю возможность регламентировать процессуальные отношения более детально, учитывая специфику материальных отношений дел той или другой категории. Положения ГПК РФ далеко не всегда обеспечивают точное разрешение того или иного актуального процессуального вопроса. В связи с этим еще в 2005 г. В.Д. Зорькин обратил внимание на то, что отечественные процессуальные кодексы прописывают судебные процедуры менее подробно, а порой лишь в самой общей форме, в то время как именно процессуальные подробности, точность, детальность скрупулезность процессуальных норм, четкость требований и определенность правил выступают гарантиями равенства сторон в процессе и объективности судебной власти[198]. Поэтому специальные процессуальные нормы, содержащиеся в актах материального права, имеют существенное значение для правильного рассмотрения и разрешения гражданских дел.

Такие нормы могут как исключать действие общих норм, так и конкретизировать их. Например, положения ст. 17 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) об ограничении права на предъявление мужем требования о расторжении брака исключают закрепленное в ст. 22 ГПК РФ общее правило определения судебной компетенции[199]; положения ст. 70 СК РФ конкретизируют правила, содержащиеся в ст. 4 ГПК РФ, применительно к случаю возбуждения судом дел о лишении родительских прав. Таким образом, специальные нормы позволяют учитывать процессуальные особенности каждой конкретной категории дел и гарантируют наиболее эффективное и справедливое отправление правосудия.

Продолжая исследование федеральных законов – источников (форм) гражданского процессуального права, полагаем необходимым отметить, что, по

---

[198] Выступление Председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина на VI Всероссийском съезде судей // Российская юстиция. 2005. № 1/2. С. 13.

[199] О процессуальной природе данной нормы см., например: *Шеменева О.Н.* Соглашение супругов как условие подведомственности суду дела о расторжении брака // Семейное и жилищное право. 2016. № 5. С. 23–26.

нашему мнению, их следует подразделить на две группы. В качестве критерия классификации предлагаем использовать наличие или отсутствие связи содержащихся в этих законах гражданских процессуальных предписаний с особенностями состава участников гражданского судопроизводства и/или со спецификой характера конкретного спорного правоотношения, на регулирование которого нацелено такое предписание.

К первой группе относятся такие федеральные законы, как «О мировых судьях в Российской Федерации»[200], «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»,[201] «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»[202], «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»[203]и другие, регулирующие некоторые отдельные детали судебной компетенции и судебной процедуры вне зависимости от характера спорного правоотношения и состава участников гражданского судопроизводства.

Вторую группу составляют федеральные законы «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг»[204], «О защите прав потребителей»[205], «Об охране окружающей природной среды»[206], «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации»[207], Гражданский, Семейный, Жилищный, Земельный,

---

[200] О мировых судьях в Российской Федерации: Федеральный закон от 17.12.1998 г. № 188-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 51. Ст. 6270.

[201] Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации: Федеральный закон от 22.12.2008 г. № 262-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6217.

[202] О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок: Федеральный закон от 30.04.2010 г. № 68-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2010. № 18. Ст. 2144.

[203] Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2015 г. № 382-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (ч. 1). Ст. 2.

[204]Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг: Федеральный закон от 4.06.2018 г. № 123-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 24. Ст. 3390.

[205] О защите прав потребителей: Закон РФ от 7.02.1992 г. № 2300-1 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 140.

[206] Об охране окружающей среды: Федеральный закон от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

[207] Об основах туристской деятельности в Российской Федерации: Федеральный. закон от 24.11.1996 г. № 132-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 49. Ст. 5491.

Трудовой кодексы РФ и некоторые другие законы, которые регулируют отдельные детали судебной компетенции и судебной процедуры применительно к конкретному виду спорных материальных правоотношений или (и) определенной категории граждан. Законы данной группы к гражданским процессуальным правоотношениям, возникшим в результате обращения в суд за разрешением спора иной материально-правовой категории, не применяются.

Такая классификация может быть практически использована для определения соотношения федеральных законов – источников (форм) гражданского процессуального права и ГПК РФ. При разрешении коллизий между положениями законов первой группы и ГПК РФ следует руководствоваться правилом приоритета, закрепленным в ст. 1 ГПК РФ, поскольку последний является специальным законом, устанавливающим собственный приоритет.

Что касается предписаний законов второй группы, то поскольку они регулируют процессуальные особенности рассмотрения и разрешения гражданских дел, вытекающие из содержания материальных правоотношений, данные законы являются специальными источниками (формами) гражданского процессуального права, что в случае возникновения коллизии между ними и ГПК РФ влечет признание их приоритета**.**

То есть, в отличие от вышеупомянутого нами примера коллизии ГПК РФ и ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», коллизии, возникающие между нормами ГПК РФ и законами второй группы, решаются не в пользу ГПК РФ. Например, конкуренция ст. 4, 22 ГПК РФ и ст. 17 Семейного кодекса РФ приводит к тому, что последняя, в соответствии с правилом «lex specialis derogat lex generalis», исключает возможность возбуждения дел о расторжении брака по заявлению мужа во время беременности жены и в течение года после рождения ребенка, ограничивая судебную компетенцию, установленную ст. 22 ГПК РФ, и право на возбуждение гражданского дела в суде, установленное ст. 4 ГПК РФ.

Из числа актов материального права – источников (форм) права гражданского процессуального следует отметить особую роль Гражданского

кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)[208]. Данный кодекс содержит в себе целый ряд правил, обладающих существенным значением для гражданского судопроизводства, как то: о допустимости доказательств, о доказательственных презумпциях и бремени доказывания, об определении надлежащего истца по тем или иным делам, о праве суда в интересах законности выйти за пределы предмета и оснований иска и т.д.

Именно в ст. 9 ГК РФ заложено материальное основание для существования одного из основополагающих принципов гражданского процесса – принципа диспозитивности. Несмотря на существующие различия между материально-правовым и процессуальным пониманием диспозитивности, на разные границы дозволенного в гражданском праве и гражданском процессе, именно возможность распоряжаться материальными правами обеспечивает возможность распоряжаться ими и ходе судебного процесса путем совершения либо несовершения процессуальных действий, т.е. право свободно реализовать свои процессуальные права. Согласно положениям указанной статьи, граждане и юридические лица осуществляют принадлежащие им права по своему усмотрению, что делает высказанные в юридической науке сомнения в существовании диспозитивности как принципа гражданского процессуального права[209] весьма неубедительными.

Рассматривая вопрос о значении ГК РФ в сфере доказывания, в качестве одного из примеров можно привести норму, содержащуюся в п. 2 ст. 401 ГК РФ, которая определяет, что в делах о возмещении убытков, причиненных ненадлежащим исполнением обязательства, предполагается вина лица, нарушившего обязательство, и, следовательно, бремя доказывания отсутствия вины ответчика лежит не на истце, а на ответчике.

Положения ГК РФ также выступают в качестве материального основания регулирования объема прав и обязанностей сторон процесса и возможности

---

[208] Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 1) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

[209] См.: *Шеменева О.Н.* Рассмотрение гражданских дел мировыми судьями: проблемы совершенствования процессуальной формы: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 146.

прекращения производства по делу в связи с отказом истца от иска. Так, ст. 53.1 ГК РФ позволяет использовать в гражданском процессе конструкцию косвенного иска. А согласно ст. 415 ГК РФ обязательство прекращается освобождением кредитором должника от лежащих на нем обязанностей (прощение долга), если это не нарушает прав других лиц в отношении имущества кредитора. В данной норме конкретизируется общее правило, закрепленное в положениях ст. 39 ГПК РФ, согласно которому суд не принимает отказ истца от иска и не прекращает производство по делу, если это противоречит закону или нарушает права и законные интересы других лиц.

Еще одним весьма значимым для гражданского процессуального права источником является Налоговый кодекс Российской Федерации, регулирующий такие вопросы взимания государственной пошлины в судах общей юрисдикции, как ее размер, порядок уплаты, льготы, процедуру возврата и зачета излишне уплаченных сумм государственной пошлины. Указанные предписания Налогового кодекса РФ являются гражданскими процессуальными и тесно связаны с главой 7 «Общих положений» ГПК РФ – «Судебные расходы».

Значительное количество специальных норм гражданского процессуального права содержится и в Семейном кодексе РФ. Так, нами уже упоминались выше положения ст. 17 и 70 СК РФ, конкретизирующие правила судопроизводства, установленные ГПК РФ.

Следует обратить внимание на Трудовой кодекс РФ[210], содержащий нормы процессуального характера, большая часть которых зафиксирована в главе 60 ТК РФ, регламентирующей рассмотрение и разрешение индивидуальных трудовых споров. и главе 61 ТК РФ, посвященной особенностям разрешения коллективных

---

[210] Трудовой кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

трудовых споров. Содержащиеся в ТК РФ нормы определяют судебную компетенцию[211], сроки обращения в суд, правила распределения судебных расходов и исполнения судебных постановлений по трудовым спорам. Специфика субъектного состава трудового правоотношения, его объекта и содержания также влияет на процедуру рассмотрения дела судом.

Таким образом, нормы, содержащиеся в иноотраслевых федеральных законах, устанавливают как общие, так и специальные правила, учитывают особенности материальных правоотношений, их субъектный состав, вводят «процессуальные льготы» (например, в сфере доказывания), что позволяет более полно учитывать особенности каждой конкретной категории дел, и следовательно, такие нормы имеют существенное значение для верного и своевременного рассмотрения гражданских дел. При этом в случае возникновения коллизий между нормативными правовыми актами одного иерархического уровня, регламентирующими гражданское судопроизводство, вопрос о приоритете одного из этих актов следует разрешать с учетом предложенной нами выше классификации федеральных законов – источников (форм) гражданского процессуального права, вводящей дополнительные условия приоритета.

Вместе с тем некоторые исследователи, в частности В.М. Жуйков, отмечают, что включение норм гражданского процессуального права в различные законы является основанием для возникновения ряда проблем в законодательном

---

[211] Более подробно см.: *Самсонов Н.В.* Подведомственность и подсудность индивидуальных трудовых споров, история и перспективы развития // История и научное прогнозирование развития трудового права и права социального обеспечения. Международная науч.-практич. конференция (Третьи Гусовские чтения) / под общ. ред. Н.Л. Лютова, Ф.О. Сулеймановой; сост. Н.Л. Лютов, Ф.О. Сулейманова. Москва: РГ-Пресс, 2018. С. 312–316; *Пугачёва Н.В.* Некоторые вопросы, связанные с определением подсудности индивидуальных трудовых споров // Актуальные проблемы развития цивилистического процесса. Сб. науч. ст. 2-й Международной научно-практической конференции 12 апреля 2019 года. Ростов-на-Дону: ИП Беспамятнов С.В., 2019. С. 46–50.

регулировании процессуальных отношений, поскольку в данном случае далеко не всегда учитываются базовые положения законодательства о гражданском судопроизводстве и в особенности его терминология. Его вывод о том, что для предотвращения таких ситуаций необходимо минимизировать включение норм гражданского процессуального права в иные, кроме ГПК РФ, федеральные законы и допускать подобное только в случае действительной необходимости и при условии строгого соблюдения основополагающих положений действующего ГПК РФ[212], является логичным и теоретически верным. Однако его пожелание избежать включения гражданских процессуальных норм в акты материального права нам представляется неосуществимым.

Такой вывод побуждает нас настаивать на целесообразности разработки и принятия федерального конституционного закона, содержащего общие положения цивилистического процесса, под которым мы понимаем гражданский, арбитражный процесс и административное судопроизводство[213], или, как минимум, выделения в «Общих положениях» ГПК РФ специальной главы, посвященной фиксации принципов российского гражданского судопроизводства в судах общей юрисдикции, а также включения в ГПК РФ статьи, содержащей нормы-дефиниции, определения основных правовых феноменов, которые используются в гражданском процессуальном законе.

---

[212] *Жуйков В.М.* ГПК РФ и другие источники гражданского процессуального права. С. 10–14.

[213] См.: *Самсонов Н.В.* Цели и задачи цивилистического процесса. С. 68–75; Завершена ли дискуссия о правовой природе административного судопроизводства. С. 201–203; К вопросу о правовой природе административного судопроизводства. С. 151–161.

2.5. Возможность признания подзаконных актов источниками (формами) гражданского процессуального права России

Ныне существующее правовое регулирование отрицает возможность признания источниками гражданского процессуального права таких нормативных правовых актов, как указы Президента РФ, постановления Правительства РФ и акты более низкого иерархического уровня. Эта позиция основывается на положениях п. «о» ст. 71, ч. 1 ст. 120 Конституции и ст. 1 ГПК РФ, совокупное толкование которых неизбежно приводит нас к четкому заключению о невозможности регулирования порядка гражданского судопроизводства в судах общей юрисдикции нормативными правовыми актами более низкого, чем федеральный закон, иерархического уровня. Ни Президент РФ, ни Правительство РФ, ни Федеральное Собрание РФ (кроме случаев принятия законов), ни федеральные органы исполнительной власти, а тем более иные органы и организации не могут устанавливать обязательные для суда правила отправления правосудия, регламентировать порядок судопроизводства, в том числе гражданского, ибо иной подход может привести к подрыву независимости судебной власти.

Тем не менее в новейшей истории отечественного процессуального права такие случаи известны и достаточно подробно описаны в юридической науке[214]. И хотя многие нормативные правовые акты уровнем ниже федерального закона, приводившиеся в качестве примеров источников процессуального права, либо как Указ Президента РФ «О государственной пошлине»[215] в настоящее время утратили силу, либо как административные регламенты не определяли и не определяют порядок гражданского судопроизводства в судах общей юрисдикции и, следовательно, не являются источниками (формами) гражданского

---

[214] См.: *Фархтдинов Я.Ф.* Источники гражданского процессуального права Российской Федерации. С. 111–115; *Удалов Д.Э.* Источники процессуального права (общетеоретический аспект). С. 73–129.

[215] О государственной пошлине: Указ Президента РФ от 17.09.1994 г. № 1930 // Собрание законодательства РФ. 1994. № 22. Ст. 2464.

процессуального права, либо изданы с превышением компетенции и, следовательно, имеют неправовой характер, сама возможность их существования заставляет задуматься о том, чем их появление было вызвано к жизни. Маловероятно, что стремлением органов власти узурпировать судебную власть, желанием ограничить независимость судей или ликвидировать разделение властей[216]. Такие нормативные правовые акты, мы убеждены, появлялись и появляются в связи с тем, что законодатель, связанный достаточно сложным законодательным процессом, не успевает за обусловленными интенсивным развитием информационно-коммуникационных технологий насущными нуждами общества в сфере судопроизводства, не имеет возможности своевременно реагировать на вновь возникающие и изменяющиеся потребности в правовом регулировании в условиях информационного общества.

Эта проблема, состоящая в запаздывании реагирования законодателя на новые вызовы, сохраняет свою актуальность и поныне. Совершенствование материально-технической базы судов, обеспечение судей и аппаратов судов компьютерной техникой, современными системами электронной связи приводит к внедрению в российский гражданский процесс таких достижений информационно-коммуникационных технологий, как электронный документооборот, личный кабинет на сайте суда, видеоконференц-связь, фиксирование хода судебного заседания с помощью аудиопротоколирования и иных технических средств, СМС-сообщения и уведомления с использованием электронной почты. Все большее значение приобретают вопросы информатизации гражданского процесса и, следовательно, правового регулирования порядка использования информационных технологий в гражданском судопроизводстве.

Активное развитие информационных технологий, появление элементов «электронного правосудия», рост научного интереса к «цифровизации» цивилистического процесса вызваны не только развитием уровня техники, но и более глубокими причинами, к которым, на наш взгляд, относятся

---

[216] См.: *Самсонов Н.В.* К вопросу о расширении состава источников гражданского процессуального права. С. 6.

неэффективность и длительность процедур традиционного гражданского судопроизводства, в связи с чем возникает обоснованное ожидание того, что «дижитализация юриспруденции» разгрузит судебную систему, повысит качество разрешения споров и увеличит скорость рассмотрения дел.

Профессор В.В. Ярков, высказываясь об «электронном правосудии», отмечает, что его «позитивное влияние может выразиться в повышении управляемости и в лучшей организации работы судебной системы; в информационной открытости и гласности; в ускорении документооборота и облегчении доступа к суду»[217]. По нашему мнению, в числе возможных преимуществ «электронного правосудия» над традиционным также следует назвать рост гарантий на доступ к правосудию, увеличение возможностей для контроля сторон за движением дела, экономию судебных издержек, при этом нельзя забывать, что обязательность применения информационных технологий может, как пишет Л.А. Терехова, «в ряде случаев … сделать правосудие недоступным»[218].

Информационные технологии, безусловно, предоставляют суду и участникам судопроизводства новые возможности. Однако нельзя забывать, что «"информационность" или "электронность" правосудия не изменяет сущности правосудия как правоприменительной деятельности, в результате которой реализуется судебная власть»[219], и ему, как и традиционному правосудию, присущ ряд недостатков и возможных угроз, что «внедрение информационных технологий в гражданский процесс должно предусматривать взвешенный и осторожный подход, поскольку наряду с преимуществами такие технологии могут нести и

---

[217] *Ярков В.В.* Электронное правосудие // ЭЖ-Юрист. 2006. № 41. С. 3–9.

[218] *Терехова Л.А.* Некоторые аспекты доступности правосудия // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 10. С. 12–17.

[219] См.: *Хисамов А.Х.* Тенденции интеграции информационных технологий в цивилистический процесс // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 229–247.

риски»[220]. Среди таких рисков в юридической науке отмечались: «вторжение в Сеть посторонних лиц, искажение информации, получение ее в подложном виде»[221], легкость внесения в электронные документы изменений, что приводит к сомнениям в их достоверности[222]. В числе опасностей информатизации следует указать возможность утечки информации, в том числе персональных данных лиц, участвующих в деле, возможность несанкционированного доступа посторонних лиц к судебным документам, проблемы, возникающие в процессе идентификации лиц, участвующих в цифровой коммуникации, и т.д.

В качестве одного из негативных примеров, связанных с использованием цифровых доказательств, можно привести подробно проанализированное нами[223] дело Олейниковой Н.А.[224]. В исследованном деле представители налоговых органов, воспользовавшись имевшейся у них технической возможностью, использовали право доступа администратора и без ведома истца зарегистрировали личный кабинет на ее имя, не предоставив истице доступа в этот личный кабинет. В дальнейшем представители налоговых органов, понимая ущербность своей позиции, разместили в личном кабинете, зарегистрированном ими без уведомления налогоплательщика, документ, послуживший основанием для отказа в удовлетворении административного иска, причем время, когда это было сделано, достоверно установить не удалось[225].

---

[220] См.: *Брановицкий К.Л.* Использование информационных технологий в контексте оптимизации гражданского судопроизводства // Закон. 2018. № 1. С. 59–70

[221] См.: *Ярков В.В.* Электронное правосудие. С. 3–9.

[222] См.: *Боннер А.Т.* Доказательственное значение информации, полученной из Интернета // Закон. 2007. № 12. С. 85–98.

[223] См.: *Самсонов Н.В.* Некоторые вопросы оценки электронных доказательств в цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9. № 2. С. 40–54.

[224] Архив Ленинского районного суда г. Ростова-на-Дону. Гражданское дело №2а-1563 за 2017 г.

[225] *Самсонов Н.В.* Некоторые вопросы оценки электронных доказательств в цивилистическом процессе. С. 40–54.

Подобных ситуаций, вызываемых активным внедрением в гражданский процесс новых электронных технологий, достаточно много. Как отмечает В.И. Чамуров, поскольку единого порядка рассмотрения документов, имеющих источником своего происхождения электронный документооборот, в качестве доказательств не существует, многие судьи отказываются рассматривать подобные документы или принимают их в частном порядке, предъявляя собственные требования[226], что и произошло в ходе рассмотрения приведенного в качестве примера дела, причем зачастую требований, самолично изобретаемых судьями, для оценки электронных доказательств недостаточно.

Поэтому в целях недопущения наступления негативных последствий, возникающих при развитии элементов электронного правосудия, мы считаем необходимым обеспечить не только надлежащее техническое оснащение, но и выверенное, тщательное и подробное регулирование порядка обращения в суды в электронном виде, порядка подачи в суд электронных документов, порядка использования современных, технологически актуальных способов уведомления лиц, участвующих в деле, о движении гражданских дел, о ходе судебного разбирательства, порядка определения достоверности и доказательственной силы электронных документов, а также порядка проведения судебных заседаний дистанционно, в удаленном режиме и порядка верификации информации, поступающей в суды в электронном виде.

Фрагментарное регламентирование процедуры совершения указанных действий, регламентирование в самых общих чертах можно обнаружить в ГПК РФ, однако содержащиеся в нем положения, даже после вступления в силу изменений, внесенных Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти»[227],

---

[226] *Чамуров В.И.* Электронные документы в сети Интернет как доказательства в российском судопроизводстве // Информационное право. 2013. № 4. С. 32–34.

[227] Собрание законодательства РФ. 2016. № 26 (Ч. 1). Ст. 3889.

не являются детальными и не регулируют электронные процедуры достаточно полно и тем более исчерпывающе.

В настоящее время принят ряд актов, более подробно регламентирующих некоторые аспекты использования информационных технологий в цивилистическом процессе.

Так, механизм использования СМС-извещений для уведомления участников гражданского, административного и уголовного судопроизводства о месте, дате и времени рассмотрения дела в суде был впервые определен в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9.02.2012 г. № 3 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации»[228], а затем развит и усовершенствован в Приказе Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 25.12.2013 г. № 257 «Об утверждении Регламента организации извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщений»[229]. Эти акты явились одной из первых попыток регулирования порядка использования цифровых технологий в судопроизводстве.

Впоследствии появилась регламентация иных действий, которые могут совершаться в электронном виде. Положения процессуального законодательства, регулирующие использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов, были детализированы в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов»[230], а для судов общей юрисдикции дополнительно в Приказе Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 г. № 251 «Об

---

[228] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.
[229] Бюллетень актов по судебной системе. 2014. № 2.
[230] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 4.

утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа»[231] и Приказе Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 11.09.2017 г. № 168 «Об утверждении Порядка подачи мировым судьям документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа»[232].

Однако наиболее качественная регламентация процесса использования электронных доказательств в цивилистическом процессе содержится в Инструктивных указаниях Госарбитража СССР от 29.06.1979 г. № И-1-4 «Об использовании в качестве доказательств документов, представленных с помощью электронно-вычислительной техники», предписывающих воспринимать их на общих основаниях в качестве письменных доказательств, но в то же время устанавливающих дополнительные требования к их оформлению и порядку представления[233]. Таким образом, современное правовое регулирование вопросов «электронного правосудия» нельзя признать совершенным, следовательно, эти акты нуждаются в доработке.

В юридической науке подчеркивается тот факт, что указанные приказы вводят новые процессуальные правила, в частности о допустимости подачи некоторых процессуальных документов в электронной форме только с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи[234]; кроме того, по мнению Е.С. Смагиной, данные правила отражают особенности обращения различных органов в суды общей юрисдикции[235].

---

[231] Бюллетень актов по судебной системе. 2017. № 2.

[232] Бюллетень актов по судебной системе. 2017. № 10.

[233] См.: *Мошков Е.А.* Понятие электронного документа и его применение в качестве доказательства в гражданском и арбитражном судопроизводстве Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 9. С. 30–34.

[234] См.: *Загидуллин М.Р., Решетникова И.В., Ситдиков Р.Б.* Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации // Вестник гражданского процесса. 2017. № 2. С. 73–111.

[235] *Смагина Е.С.* Новые обязанности органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 3. С. 11–14.

Использование вышеперечисленных актов вызывает ряд вопросов, связанных вовсе не с качеством вводимого этими актами регулирования, но с необходимостью определения места самих этих актов в системе источников (форм) гражданского процессуального права, наличием сомнений в вопросе о правомерности их существования. Дело в том, что к источникам отечественного процессуального права, бесспорно, относятся только Конституция Российской Федерации, федеральные (федеральные конституционные) законы и международные договоры РФ. Вопрос о возможности отнесения иных правовых феноменов, в том числе подзаконных актов, к источникам процессуального права остается дискуссионным в юридической науке и отрицательно решен законодателем.

Вопросы о месте указанных актов, нацеленных на регламентацию порядка использования цифровых технологий, в системе источников процессуального права, об их значении не следует недооценивать. С практической точки зрения важно четко представлять, является ли то или иное явление правовой действительности источником (формой) права, и если да, то входит ли оно в число источников (форм) процессуального права и как иерархически соотносится с другими источниками. С одной стороны, эти акты не перечислены в ст. 1 ГПК РФ, в связи с чем не признаются в качестве источников (форм) гражданского процессуального права, что существенно затрудняет их использование. С другой стороны, фактическое существование подобных подзаконных нормативных правовых актов – источников (форм) гражданского процессуального права – отрицать невозможно: они стали объективной реальностью правоприменительной деятельности.

Представляется, что стремление полностью избежать издания таких актов в качестве временной меры, действующей до принятия надлежащего закона, иллюзорно, поскольку иногда необходимо срочно, не дожидаясь получения результатов законодательного процесса, каким-то образом осовременивать и модернизировать детали судебной процедуры, восполнять неожиданно выявленные недочеты законодательного регулирования. Нынешняя же ситуация,

когда подзаконный правовой акт согласно требованиям закона не может быть источником гражданского процессуального права, но фактически им является, нам представляется нетерпимой и требующей законодательного разрешения.

Следовательно, наступление прогнозируемого Т.Я. Хабриевой и Н.Н. Черногором результата воздействия цифровизации на сферу правового регулирования в виде изменения «в частности соотношения сфер законодательного и подзаконного регулирования»[236] неизбежно. В связи с этим мы предлагаем, как уже было не раз в постсоветской истории, использовать опыт России дореволюционной и закрепить в Общих положениях ГПК РФ в качестве источника (формы) гражданского процессуального права вспомогательный источник, аналогичный обязательным постановлениям, существовавшим в Российской империи. Обязательные постановления до 1917 г. издавались судебным ведомством и/или министром юстиции. К ним относились наказы и инструкции, в которых суды самостоятельно устанавливали правила внутреннего распорядка и делопроизводства, не противоречащие закону. Министр юстиции мог в некоторых случаях изменять эти правила, а также устанавливать отдельные детали судебной процедуры, в первую очередь касающиеся финансовых аспектов судопроизводства (например, правил приема, расходования и хранения денежных сумм)[237].

Как нам представляется, целесообразно включение в состав источников гражданского процессуального права актов, условно называемых нами «обязательные постановления». Такие акты могли бы издаваться (как это и происходит в действительности) Верховным Судом РФ, Судебным департаментом при Верховном Суде РФ и утверждаться Председателем или Президиумом Верховного Суда РФ и, возможно, согласовываться министром юстиции РФ. Закрепление в тексте ст. 1 ГПК РФ «обязательных постановлений» в качестве актов, определяющих порядок гражданского судопроизводства, позволит, не противореча закону, устанавливать правила внутреннего распорядка судов, их

---

[236] *Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н.* Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1 (253). С. 97.

[237] См.: *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского процесса. С. 17–18.

делопроизводства, определять отдельные вспомогательные детали судебной процедуры, аналогичные нетрадиционным формам судебных извещений и вызовов (СМС-уведомления), а также инновационные, дополнительные способы осуществления процессуальных действий (подобные правилам направления процессуальных документов в электронном виде).

Во избежание негативных последствий, которые могут возникнуть при таком саморегулировании судебной системой своей деятельности по отправлению правосудия, следует предусмотреть обязательность государственной регистрации указанных «обязательных постановлений» в Министерстве юстиции РФ и направление Верховным Судом РФ в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта закона о внесении в ГПК РФ изменений, тождественных временным правилам, содержащимся в «обязательном постановлении».

На наш взгляд, реализация такого предложения, направленного на расширение состава источников гражданского процессуального права, устранит имеющийся конфликт между положениями ст. 1 ГПК РФ и существующей правовой действительностью и на законных основаниях позволит оперативно восполнять отсутствие детальной регламентации новых отношений, обнаруженное судебной практикой, а также заполнять выявленные ею лакуны, что будет способствовать обеспечению быстрого и эффективного реагирования на предоставляемые современными технологиями возможности облегчения для граждан доступа к правосудию, ускорению движения процесса путем достижения точности процессуальных норм, четкости требований и определенности процессуальных правил, обеспечению детального закрепления отдельных правовых моментов, имеющих значение для эффективного отправления правосудия.

При этом, видимо, следует заранее законодательно закрепить сферу применения указанных «обязательных постановлений». С одной стороны, на наш взгляд, представляется если не целесообразным, то допустимым использовать их для нормативного регулирования порядка использования «информационных» либо

«цифровых технологий» в судопроизводстве в целях фиксации, хранения, воспроизведения и передачи информации. С другой стороны, следует ввести законодательный запрет на применение содержащегося в них нормативного регулирования к технологиям, предназначенным для анализа и обработки информации. Необходимость такого запрета, по нашему мнению, обусловливается существованием обоснованных сомнений в способности «информационных», «цифровых технологий» осуществлять взамен человека когнитивную, познавательную деятельность, направленную на определение круга обстоятельств, имеющих значение для дела, и установление фактических обстоятельств дела[238].А это, в свою очередь, позволяет предположить вероятность возникновения коллизий между используемыми технологиями и присущей судье-человеку совокупностью необходимых нравственных и иных качеств, связанных прежде всего с наличием представлений о справедливости, которые еще долго, а может быть и никогда, не удастся запрограммировать для судьи робота[239] и которые, в свою очередь, являются основой судейского усмотрения.

Кроме того, в процессуальном законодательстве необходимо предусмотреть обязанность судов по выяснению обстоятельств, связанных с созданием электронных доказательств, и разработать дополнительные критерии проверки достоверности электронных доказательств[240].

Нам представляется, что реализация таких предложений позволит быстро и эффективно реагировать на предоставляемые современными технологиями возможности облегчения для граждан доступа к правосудию, а с другой стороны, четко очертит сферу применения «обязательных постановлений» и оградит граждан от неблагоприятных ситуаций, вызванных излишне стремительной цифровизацией нашей жизни.

---

[238] См.: *Цифровые* технологии и цивилистический процесс: проблемы взаимовлияния / К.Л. Брановицкий, И.Г. Ренц, Ал.В. Незнамов, Ан.В. Незнамов, В.В. Ярков. // Herald of The Euro-Asian Law Congress. 2018. № 2. С. 63.

[239] См.: *Клеандров М.И.* Размышления на тему: может ли судьей быть робот? // Российское правосудие. 2018. № 6. С. 21.

[240] См.: *Самсонов Н.В.* Некоторые вопросы оценки электронных доказательств в цивилистическом процессе. С. 40–54.

Исследуя возможность отнесения подзаконных нормативных правовых актов к числу источников (форм) отечественного гражданского процессуального права, вряд ли следует обходить вниманием вопрос о региональных, местных актах.

Нынешняя редакция п. «о» ст. 71 Конституции Российской Федерации относит процессуальное законодательство к исключительному ведению Российской Федерации, что не дает ни малейших оснований для рассмотрения региональных актов в качестве элементов системы источников (форм) отечественного гражданского процессуального права. Тем не менее вопрос о рациональности иного подхода, предполагающего возможность передачи части полномочий в области регламентации гражданского судопроизводства на региональный уровень, заслуживает теоретического обсуждения, и предпосылки для этого имеются в многовековой истории российского государства.

Так, Устав гражданского судопроизводства учитывал региональную специфику, существовавшую в Российской империи – пятая его книга была посвящена судопроизводству в Закавказском крае, в губерниях Варшавского судебного округа и прибалтийских губерниях[241], которое отличалось от общероссийского[242].

Подобное отсутствие единого пространственного континиума гражданского судопроизводства было характерно и для советского гражданского процесса. В советский период существовала двухуровневая система источников (форм) гражданского процессуального права, состоявшая из общесоюзного (Основы гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик[243]) и республиканского (гражданские процессуальные кодексы союзных республик) законодательства.

Однако, несмотря на наличие длительной исторической традиции регулирования на региональном уровне, нам представляется, что в современных

---

[241] См.: *Гольмстен А.Х.* Учебникъ Русскаго Гражданскаго Судопроизводства. СПб.: Типографія В.С. Балашева, 1885. С. 6.

[242] См.: *Самсонов Н.В.* Источники гражданского процессуального права в дореволюционной России // Вестник Томского университета. Право. 2018. № 27. С.140–148.

[243] Ведомости Верховного Совета СССР. 1961. № 50. Ст. 526.

условиях предпосылки для возрождения региональной регламентации гражданского судопроизводства отсутствуют. Следует четко представлять, что в случае передачи субъектам федерации компетенции в сфере гражданского процессуального права существенно возрастет опасность нарушения фундаментального конституционного принципа равенства всех перед законом и судом (ст. 19 Конституции Российской Федерации). Региональные различия в порядке совершения процессуальных действий могут повлечь, например, возникновение неразрешимых проблем при определении компетенции (подсудности) либо укоренение разных стандартов доказывания, что поставит возможность получения судебной защиты в зависимость от места рассмотрения дела, что недопустимо.

Завершая исследование возможности включения подзаконных нормативных правовых актов в систему источников (форм) отечественного гражданского процессуального права, следует обратить внимание на высказанные в процессуальной науке идеи о «подзаконных нормативных договорах». Так Я.Ф. Фархтдинов предлагал: «К подзаконным нормативным договорам, являющимся источниками права, следует отнести соглашения сторон об изменении подведомственности (ст. 27 ГПК) и подсудности (ст. 120) гражданских дел. Возможность заключения подобных соглашений предусмотрена в законодательном порядке, и они обязательны для судов, других органов и т.д.»[244].

С данными идеями вряд ли можно согласиться.

В юридической науке устоялся взгляд на нормативный договор как на особую разновидность нормативного акта[245] или самостоятельный вид правового

---

[244] *Фархтдинов Я.Ф.* Источники гражданского процессуального права Российской Федерации. С. 344.

[245] См.: *Парфенова Т.А.* Нормативный договор как источник российского права: история и современность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. С. 7.

акта, регулирующая роль которого не отождествляет, но сближает его с нормативным правовым актом[246]. В связи с этим в некоторых отраслях права нормативный договор признается их формой. Так, абсолютно справедливы взгляды Е.А. Ершовой, рассматривающей нормативные правовые договоры, «в качестве одной из форм российского трудового права»[247], однако то, что применимо к трудовому праву, не всегда применимо к праву гражданскому процессуальному. Следует обратить внимание, что поскольку «нормативный договор как форма права – есть соглашение, устанавливающее нормы, обязательные не только для сторон договора, но и для субъектов, чья воля непосредственно в данном договоре не выражена»[248], то участниками нормативного договора как соглашения, «включающего в себя общеобязательные нормы … могут быть только субъекты правотворчества, наделенные согласно Конституции Российской Федерации и законам нормотворческими функциями, имеющими соответствующие полномочия»[249].

Соглашения сторон об изменении подведомственности или подсудности вышеуказанным требованиям к субъектному составу не соответствуют, правил поведения, обязательных для неопределенного круга лиц не содержат, «а распространяют свое действие лишь на участников конкретных процессуальных правоотношений»[250]. Как справедливо отмечает М.А. Фокина, «изменяя территориальную подсудность, стороны устанавливают индивидуальную модель

---

[246] См.: *Толкачев Е.А.* Нормативный договор в российской правовой системе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 8.

[247] *Ершова Е.А.* Источники и формы трудового права в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 9, 290–233.

[248] См.: *Кулакова Ю.Ю.* Нормативный договор в системе форм российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 9.

[249] См.: *Горшенева Ю.А.* Нормативный договор как источник права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 8.

[250] См.: *Жилин Г.А*. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы: монография. М.: Проспект, 2010.

регулирования их поведения, которая становится для них обязательной»[251]. О.Н. Шеменева, в свою очередь, определяет процессуальные соглашения «как согласованные процессуальные действия сторон и иных лиц, участвующих в деле, направленные на выбор одного из предусмотренных законом альтернативных правил рассмотрения и разрешения гражданских дел, выступающие в роли юридических фактов»[252]. Следовательно, подобные соглашения не являются ни нормативными договорами, ни источниками (формами) отечественного гражданского процессуального права.

К внутригосударственным нормативным договорам, бесспорно, относятся договоры о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти ее субъектов. Однако такие договоры в силу уже упомянутого п. «о» ст. 71 Конституции Российской Федерации не могут передавать полномочия в сфере регулирования процессуальных отношений субъекту РФ или регулировать эти отношения иначе, чем установлено федеральным законодательством, и не содержат гражданские процессуальные нормы. Следовательно, этот вид внутригосударственных нормативных договоров, как и другие (коллективные договоры, отраслевые соглашения и т.д.) не могут признаваться источниками (формами) гражданского процессуального права, поскольку не содержат в своем тексте соответствующих норм.

Завершая исследование системы нормативных правовых актов как подсистемы источников (форм) российского гражданского процессуального права, можно сформулировать следующие основные выводы.

1. В системе источников (форм) российского гражданского процессуального права главное место занимает законодательство о гражданском судопроизводстве в судах общей юрисдикции, представляющее собой довольно значимую,

---

[251] *Фокина М.А.* Договорные элементы в цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. 2020. № 2. Т.10. С. 126.

[252] *Шеменева О.Н.* Критерии разграничения гражданско-правовых договоров и процессуальных соглашений // Журнал российского права. 2019. № 4. С. 61–68.

объемную, но не перекрывающую эту систему полностью обособленную подсистему, иерархичную структуру, в которой выделяется три уровня нормативных правовых актов: Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы. Эта совокупность нормативных правовых актов, формирующих гражданское процессуальное законодательство, характеризуется такими системными признаками, как устойчивость, единство и внутренняя целостность (взаимосвязанность элементов), взаимодействие с внешней средой (в качестве таковой рассматриваются правила поведения, установленные нормами иных отраслей законодательства и иными социальными регуляторами), непротиворечивость однопорядковым образованиям, а также иерархичность.

Значение закона как главенствующего источника отечественного гражданского процессуального права обусловлено тем, что данный тип нормативных правовых актов содержит в себе «первичные (изначальные) правовые нормы» либо представляет собой упорядоченное объединение разрозненных норм, закладывая тем самым основы регулирования в полном объеме.

2. Конституция Российской Федерации представляет собой источник (форму) права, прямо и непосредственно регулирующий гражданские процессуальные правоотношения в судах общей юрисдикции и занимающий высшее иерархическое место в системе источников (форм) российского гражданского процессуального права.

Кроме того, нормы, в ней содержащиеся, оказывают воздействие на развитие иных источников (форм) российского гражданского процессуального права. В первую очередь, воздействие Конституции Российской Федерации, как основы (материала) для создания норм данной отрасли права, направлено на общие положения гражданского процессуального права, его принципы, процессуальные права и обязанности сторон, состав суда и т.д. Как источник (форма) гражданского процессуального права Конституция Российской Федерации обеспечивает надежное функционирование заложенной в ней модели гражданского судопроизводства.

3. При выявлении несоответствия гражданского процессуального закона, подлежащего применению в конкретном деле, Конституции Российской Федерации суд общей юрисдикции обязан обратиться в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке конституционности такого закона. Однако поскольку Конституция Российской Федерации содержит нормы, непосредственно регулирующие гражданские процессуальные отношения, то в исключительных, не терпящих промедления случаях суд может самостоятельно преодолеть такую иерархическую коллизию путем непосредственного применения Конституции Российской Федерации как акта, имеющего большую юридическую силу. Для исключения возможности вторжения общих судов в компетенцию Конституционного Суда РФ следует прямо закрепить в ГПК РФ, что подобное решение не влечет объявление закона, не соответствующего, по мнению суда, рассмотревшего дело, Конституции Российской Федерации, неконституционным, но приводит к возникновению у суда, рассмотревшего дело, безусловной обязанности обратиться в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке конституционности данного закона. В случае невыявления Конституционным Судом РФ неконституционности такого закона вынесенное решение подлежит пересмотру по новым обстоятельствам, для чего следует добавить соответствующее основание пересмотра в ч. 4 ст. 392 ГПК РФ.

4. Предлагается следующая авторская классификация норм гражданского процессуального права, содержащихся в Конституции Российской Федерации, с учетом их функциональной нагрузки:

1) общие нормы правоохранительного характера;

2) нормы о судебной защите общего характера;

3) конституционные нормы процессуального характера, провозглашающие центральные принципы правосудия;

4) конституционные нормы процессуального характера, не относящиеся к категории процессуальных принципов.

5. Состав федеральных конституционных законов – источников (форм) гражданского процессуального права не исчерпывается перечнем, содержащимся

в ГПК РФ, а определяется исходя из содержания федеральных конституционных законов, из наличия либо отсутствия в них правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере гражданского судопроизводства, возникающие между судом общей юрисдикции и другими участниками гражданского процесса в связи с рассмотрением и разрешением гражданских дел.

Значение федеральных конституционных законов для регламентации гражданского судопроизводства в судах общей юрисдикции состоит в том, что содержащиеся в них нормативные предписания отчетливо влияют на понимание принципов диспозитивности, состязательности, гласности в гражданском судопроизводстве, их соотношения и взаимодействия; на определение компетенции судов общей юрисдикции; на определение состава лиц, участвующих в деле, круга их процессуальных прав и обязанностей.

Статью 1 ГПК РФ после слов «Федеральным конституционным законом "О судебной системе Российской Федерации"» следует дополнить словами «и иными федеральными конституционными законами».

6. Предлагается принять нормативный правовой акт на уровне федерального конституционного закона, возможно, под наименованием «Основы цивилистического процесса Российской Федерации», регламентирующий общие положения цивилистического процесса, включающего гражданский и арбитражный процессы, а также административное судопроизводство. Причем, прежде всего, такой акт должен определять принципы, на которых осуществляется правосудие в судах общей юрисдикции и арбитражных судах по гражданским делам, иным цивилистическим спорам и делам, рассматриваемым в порядке административного судопроизводства, а также закреплять единообразное для всех отраслей цивилистического процесса понимание процессуальных терминов.

Предлагается до принятия федерального конституционного закона – Основы цивилистического процесса Российской Федерации – включить в «Общие положения» ГПК РФ, во-первых, специальную главу, в которой будут зафиксированы, закреплены принципы российского гражданского судопроизводства в судах общей юрисдикции, во-вторых, статью, содержащую

нормы-дефиниции, т.е. определения основных правовых терминов, которые используются в гражданском процессуальном законе.

7. Делается вывод о приоритете Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации над остальными федеральными законами, но приоритете не безусловном, а ограниченном рамками специального предмета регулирования, а именно – общественными отношениями в сфере гражданского судопроизводства в российских судах общей юрисдикции.

Федеральные законы иной отраслевой принадлежности могут содержать нормы гражданского процессуального права, устанавливающие как общие, так и специальные правила гражданского судопроизводства, учитывающие особенности материальных правоотношений, их субъектный состав, вводящие «процессуальные льготы» (например, в сфере доказывания). Это позволяет более полно учитывать особенности каждой конкретной категории дел, и следовательно, такие нормы имеют существенное значение для верного и своевременного рассмотрения гражданских дел, а законы, в которых они содержатся, являются источниками (формами) гражданского процессуального права.

Предлагается авторская классификация федеральных законов – источников (форм) гражданского процессуального права. В качестве критерия классификации предлагается использовать наличие или отсутствие связи содержащихся в этих законах гражданских процессуальных предписаний с особенностями состава участников гражданского судопроизводства и/или со спецификой характера конкретного спорного правоотношения, на регулирование которого нацелено такое предписание.

К первой группе относятся федеральные законы, устанавливающие процессуальные правила, действующие независимо от характера спорного правоотношения и состава участников гражданского судопроизводства.

Вторую группу составляют федеральные законы, которые регулируют элементы гражданского процесса и судебную компетенцию применительно к конкретному виду спорных материальных правоотношений или (и) определенной категории граждан. Законы данной группы к гражданским процессуальным

правоотношениям, возникшим в результате обращения в суд за разрешением спора иной материально-правовой категории, не применяются.

Данная классификация может быть практически использована для определения соотношения федеральных законов – источников (форм) гражданского процессуального права и ГПК РФ. При разрешении коллизий между положениями законов первой группы и ГПК РФ следует руководствоваться правилом приоритета, закрепленным в ст. 1 ГПК РФ, поскольку последний является специальным законом, устанавливающим собственный приоритет. Что касается законов второй группы, то, поскольку они содержат специальные гражданские процессуальные нормы, в случае возникновения коллизии между ними и ГПК РФ следует признавать их приоритет.

8. Вопрос о возможности отнесения подзаконных актов к источникам (формам) гражданского процессуального права остается дискуссионным в юридической науке и отрицательно решен законодателем, тем не менее их фактическое существование отрицать невозможно, более того, их существование объективно необходимо.

Предлагается, во-первых, ввести для всех субъектов правотворчества прямой законодательный запрет принимать подзаконные нормативные правовые акты, регламентирующие гражданское судопроизводство.

Во-вторых, закрепить в гражданском процессуальном законодательстве право Президиума Верховного Суда РФ утверждать «обязательные постановления Верховного Суда РФ», которые будут представлять собой вспомогательные, восполнительные источники (формы) гражданского процессуального права временного характера. Ввести обязательность государственной регистрации данных актов в Министерстве юстиции РФ и официального их опубликования в порядке, существующем для постановлений Пленума Верховного Суда РФ. Установить обязанность Верховного Суда РФ незамедлительно после их публикации направить в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проект закона о внесении в гражданское процессуальное законодательство изменений, тождественных временным правилам,

содержащимся в «обязательном постановлении». Ограничить срок действия обязательных постановлений одним годом с момента их публикации или моментом отклонения соответствующего законопроекта Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации. Определить сферу возможного применения «обязательных постановлений», отнеся к ней вспомогательные детали судебной процедуры, прежде всего регулирование порядка использования «информационных» либо «цифровых технологий» в судопроизводстве в целях фиксации, хранения, воспроизведения и передачи информации, осуществления дистанционного правосудия, подчеркнув невозможность введения «обязательными постановлениями» правил, противоречащих действующему процессуальному законодательству.

3. Судебные акты и система источников (форм) российского гражданского процессуального права

3.1. Значение судебной практики и судебного прецедента для отечественного гражданского процессуального права

В специальной юридической литературе, в процессуальных документах и в повседневном общении юристы зачастую не всегда уместно используют такие термины, как «судебная практика» и «судебный прецедент», используют как синонимы, не всегда релевантно и иногда недостаточно четко представляя их истинное значение. Более того, ссылками на наличие судебной практики и/или судебного прецедента делаются попытки обосновать не только иски и возражения против исков, но и судебные решения. В сознании многих практикующих юристов, в том числе судей, судебный прецедент и судебная практика фактически приравнены к закону, а иногда и стоят выше, чем закон.

По мнению С.Л. Дегтярева, в научном сообществе до сих пор не сформулированы такие системообразующие признаки данных правовых явлений, которые позволили бы провести четкую границу между судебной практикой как источником права и иными источниками, в частности законом и прецедентом[253].

Мы не можем согласиться с подобными умозаключениями и полагаем, что граница между судебной практикой, представляющей собой совокупность судебных решений, и законодательством, представляющим собой в широком смысле совокупность законов и подзаконных актов, как типами юридических феноменов, теоретически могущих выступать источниками (формами) права, очевидна и ярко выражена. Эта граница заметна в механизме их формирования, во внешней форме, порядке опубликования и вступления в силу составляющих их актов. Безусловно, явно отличны и органы, создающие столь различные правовые феномены, поэтому мы полагаем, что нет надобности уделять внимание описанию

---

[253] *Дегтярев С.Л.* Судебная деятельность как источник гражданского процессуального и арбитражного процессуального права // Российский юридический журнал. 2012. № 3. С. 173–179.

указанной границы. В то же время проблема разграничения понятий «судебная практика» и «судебный прецедент» является достаточно актуальной. Все это побуждает нас обратиться к детальному изучению данных феноменов, исследовать их правовую природу, значение и соотношение с источниками (формами) гражданского процессуального права.

Мы считаем необходимым отметить, что судебная практика и судебный прецедент представляют собой близкие, но не тождественные явления правовой действительности, соотносящиеся как некое множество элементов, которым присущи некоторые определенные общие, существенные для их характеристики свойства, и отдельный элемент, входящий в это множество. И судебная практика, и судебный прецедент оказывают существенное влияние на развитие различных элементов гражданской процессуальной формы, поскольку судебная деятельность, результат которой оформляется в виде судебных актов (решений, определений, постановлений), выступает не только итогом рассмотрения и разрешения конкретных гражданских дел, но и влияет на практику применения процессуальных норм, воздействует на процесс развития как гражданского судопроизводства в целом, так и отдельных институтов гражданского процессуального права.

В связи с этим мы остановимся на вопросах, связанных с возможностью включения судебных актов судов общей юрисдикции (судебного прецедента и судебной практики) в систему источников (форм) гражданского процессуального права. Этот, безусловно, значимый для теории гражданского процессуального права и практики гражданского судопроизводства вопрос, на наш взгляд, не прояснен в достаточной мере в юридической научной и специальной литературе. Данный факт справедливо заслуживает негативной оценки, поскольку практически во всех научных трудах, связанных с исследованием проблем источников гражданского процессуального права, в том или ином контексте используется термин «судебная практика», элементом которой, согласно позициям некоторых авторов, выступает, в том числе, и судебная практика судов первой инстанции –

как федеральных судов общей юрисдикции, так и мировых судей[254]. Вероятно, отсутствие исчерпывающей научной разработки данного вопроса объективно обусловлено достаточно явно выраженным и длительно существующим в отечественной научной среде негативным отношением к возможности признания формой права различных итоговых актов, принимаемых в процессе деятельности ординарных судов, особенно судов первой инстанции.

Д.Я. Малешин указывает, что для исследования специфики фактического использования судебных решений в качестве источника права следует разграничивать такие категории, как судебный прецедент и судебная практика. Употребление данных понятий в качестве синонимов неоправданно, поскольку между ними существует явная несхожесть, неоднократно упоминаемая в различных исследовательских работах[255], и мы не можем не согласиться с такой точкой зрения.

Следует отметить, что понятие «судебная практика» в среде ученых-юристов является дискуссионным, даваемые ему дефиниции изменялись вместе с развитием отечественной юридической науки. Так, С.Н. Братусь и А.Б. Венгеров определяли судебную практику как такую деятельность суда, результатом которой становится толкование норм права в процессе их применения судом при разрешении конкретных дел[256]. Таким образом, по их мнению, далеко не всякое применение судом закона к конкретному правоотношению формирует судебную практику, основным критерием для положительного решения вопроса о включении того или иного судебного акта в категорию судебной практики является присутствие в нем элемента правотолкования, направленного на раскрытие содержания применяемой нормы и устраняющего тем самым возможные проблемы в восприятии законодательства судами в дальнейшем. Подобный подход, позволяющий обосновывать выводы о причислении судебной практики в предлагаемом

---

[254] См.: *Ткачева Н.Н.* К вопросу об отнесении судебной практики по гражданским делам к источникам гражданского процессуального права // Современное право. 2013. № 10. С. 88–91.

[255] *Малешин Д.Я.* Гражданская процессуальная система России. М.: Статут, 2011. С. 228.

[256] *Судебная* практика в советской правовой системе. / Отв. ред. С.Н. Братусь. М.: Юридическая литература, 1975. С. 16.

указанными авторами понимании к источникам (формам) права, нам, тем не менее, представляется сложно применимым в практической юриспруденции, поскольку он не позволяет заблаговременно определить конкретные акты, составляющие судебную практику (для решения вопроса о возможности отнесения судебного акта к судебной практике необходимо провести анализ данного акта на предмет выявления в нем элемента правотолкования).

Иной, развернутый подход к пониманию судебной практики высказал С.С. Алексеев, который рассматривал данную категорию как «объективированный опыт реализации права, складывающийся в результате деятельности компетентных органов по применению юридических норм»[257], и разделял ее на три основные формы: текущую, прецедентную и руководящую. По его мнению, текущая практика представляет собой практику первичную, опыт применения законодательства, выраженный в решениях судов по конкретным юридическим делам. Прецедентную практику С.С. Алексеев рассматривал как опыт применения законодательства, выраженный в решениях высших судебных органов по конкретным делам, имеющим принципиальный характер, и поэтому наиболее остро отражающих спорные вопросы применения закона, вызывающие затруднения у нижестоящих судов. Результатом такой практики является создание образца толкования нормы, выработка определенного положения о применении нормы права по аналогичным делам. Руководящая же практика, с его точки зрения, представляет собой опыт применения законодательства, выраженный в особых актах центральных судебных и иных юрисдикционных органов (постановлениях Пленума Верховного Суда), в которых данные практики обобщенно, вторично формулируются в виде конкретизирующих норму предписаний[258]. На наш взгляд, именно в этой предложенной С.С. Алексеевым классификации можно обнаружить предпосылки выявления оснований для разделения понятий «судебная практика» и «судебный прецедент», которые мы и сформулируем далее.

---

[257] *Алексеев С.С.* Собрание сочинений. Т. 3. С. 470.
[258] *Алексеев С.С.* Общая теория права. Т 1. С. 350–355.

В.В. Молчанов, в свою очередь, выделяет судебную практику, представляющую собой опыт применения законодательства судами первого и второго звена по конкретным делам, а также выраженный в решениях мировых судей, в качестве отдельного вида судебной практики[259].

Так, С.Н. Братусь и А.Б. Венгеров заявляли о необходимости «со всей решительностью отвергнуть мысль о том, что к судебной практике относится любое решение народного суда, определение кассационной либо надзорной судебной инстанции или даже сумма решений по конкретной группе дел»[260], т.е. в качестве судебной практики как юридического феномена, имеющего значение, выходящее за пределы индивидуальных, правоприменительных актов, рассматривали исключительно решения высших судов.

Мы, в целом соглашаясь с В.В. Ярковым и А.В. Цихоцким, которые определяют судебную практику как деятельность судов любого уровня по применению норм процессуального и материального права, объективно существующую в соответствующих процессуальных актах (решениях, определениях, постановлениях)[261], как результат функционирования судов всех звеньев отечественной судебной системы[262], считаем необходимым обратить внимание на особый характер постановлений Пленума Верховного Суда РФ и обзоров судебной практики, утверждаемых Президиумом Верховного Суда РФ. В связи с этим полагаем правильным ограничить возможность отнесения судебных актов к судебной практике в узком смысле слова следующими иерархическими границами – от вынесенного мировым судьей решения по конкретному гражданскому делу в первой инстанции до постановления Президиума Верховного Суда РФ, вынесенного в порядке надзора.

---

[259] См.: *Гражданский* процесс: учебник / Под ред. М.К. Треушникова. С. 42.

[260] См.: *Судебная* практика в советской правовой системе / Отв. ред. С.Н. Братусь. С. 8.

[261] См.: *Ярков В.В.* Статус судебной практики в России: некоторые вопросы // Тенденции развития гражданского процессуального права России: Сб. науч. ст. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2008. С. 55.

[262] См.: *Цихоцкий А.В.* Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам: дис. … д-ра юрид. наук. Новосибирск, 1997. С. 165.

Специфика же постановлений Пленума Верховного Суда РФ и обзоров судебной практики, утверждаемых Президиумом Верховного Суда РФ, вытекает из их непроцессуального характера, из того, что они принимаются не в порядке гражданского судопроизводства и не являются актами, вынесенными по конкретным делам, а представляют собой результат анализа совокупности таких актов, основанный на изучении суммы судебных ошибок, допущенных при рассмотрении конкретных дел, и/или тенденций развития судебной практики, что, по нашему мнению, не позволяет поставить их в один ряд с решениями судов по конкретным делам, которые, как мы указали выше, и составляют судебную практику, в связи с чем проблема правовой природы указанных актов Верховного Суда РФ заслуживает отдельного от рассматриваемого в данном параграфе вопроса исследования.

Нет оснований для отнесения к судебной практике в узком смысле слова и актов Конституционного Суда РФ и Европейского суда по правам человека, которые не только принимаются вне гражданской процессуальной формы, но и обладают ярко выраженными особенностями, вытекающими из природы данных органов, резко отличной от природы судов общей юрисдикции.

Таким образом, мы полагаем, что в целях исследования системы источников (форм) гражданского процессуального права необходимо разделять судебную практику судов общей юрисдикции по гражданским делам в широком и узком смысле слова. В широком смысле слова она представляет собой совокупность всех судебных постановлений (решений, постановлений и определений, в том числе промежуточных), принимаемых всеми судебными органами, как национальными,

так и международными, включая и акты, принимаемые не в связи с рассмотрением и разрешением конкретных дел[263].

Судебную практику судов общей юрисдикции по гражданским делам в узком смысле слова составляют единственно вступившие в законную силу судебные постановления, принятые мировыми судьями и судами общей юрисдикции в процессе гражданского судопроизводства при разрешении конкретных гражданских дел. Для исследования источников (форм) гражданского процессуального права мы считаем целесообразным оценивать судебную практику в узком смысле, поскольку судебная практика в широком смысле слова представляет собой разноуровневую и разнонаправленную совокупность неравноценных актов, что делает ее исследование в этих целях бесперспективным.

Кроме того, учитывая ранее отмеченную нами необходимость выделения в качестве отдельных категорий актов Конституционного Суда РФ, Европейского суда по правам человека, постановлений Пленума Верховного Суда РФ и обзоров судебной практики, утверждаемых Президиумом Верховного Суда РФ, следует подчеркнуть недопустимость их рассмотрения в составе судебной практики в узком смысле слова, что обусловлено их принципиально отличным от иных актов, составляющих судебную практику, характером, проявляющимся в том, что

---

[263] Отметим, что ряд исследователей также причисляют к судебной практике наряду с непосредственной деятельностью судов и теоретические исследования, посвященные изучению различных процессуальных аспектов. Так, В.М. Жуйков рассматривает судебную практику по гражданским делам как «деятельность судов по применению законодательства при рассмотрении конкретных гражданских дел и как использование опыта и результатов этой деятельности», в том числе и в научных исследованиях. Однако нам такое усложнение сущности рассматриваемого явления представляется излишним, поскольку в теории государства и права давно выделяется такой вид источников (форм) права, как правовая доктрина и теоретические воззрения (научные взгляды). – См.: *Жуйков В.М.* Судебная защита прав граждан и юридических лиц. С. 5.

указанные акты принимаются вне процессуальной формы и не в процессе разрешения гражданских дел по существу[264].

С.Л. Дегтярев подчеркивает, и в этом с ним нельзя не согласиться, что хотя судебная практика, безусловно, сыграла значительную роль в формировании современных нам процессуальных правил поведения субъектов гражданского производства, а также продолжает оказывать существенное влияние на законодательный процесс и во многом определять внутреннее убеждение судей в ходе рассмотрения дел, исчерпывающее определение данного понятия в отечественной правовой действительности отсутствует[265].

Поэтому в целях настоящего исследования логически верно рассматривать судебную практику в узком смысле слова как совокупность судебных постановлений, принятых судами общей юрисдикции при рассмотрении и разрешении конкретных дел, представляющую собой результат правоприменительной деятельности судов разного уровня, очерченную иерархическими границами – от принятых судом первой инстанции решений и определений по конкретным делам до вынесенных Президиумом Верховного Суда РФ постановлений в порядке надзора. При этом судебную практику следует именовать сложившейся, если она выражает общепринятый, устоявшийся способ разрешения определенной категории гражданских дел или применения правовой нормы в сходных правовых ситуациях, тем самым устраняя возможные проблемы в дальнейшем восприятии, толковании и применении судом норм права.

Переходя к понятию «судебный прецедент», следует отметить, что, несмотря на имеющиеся высказывания о нем как о понятии родовом, имеющем неопределенную природу и потому теоретически дискуссионном и практически контрпродуктивном[266], нельзя закрывать глаза на распространенность

---

[264] Указанные акты могут рассматриваться как руководящие разъяснения высших судебных органов, акты официального толкования права или источник (форма) права, о чем мы считаем необходимым высказаться далее, в одном из следующих параграфов.

[265] *Дегтярев С.Л.* Судебная деятельность как источник гражданского процессуального и арбитражного процессуального права. С. 173–179.

[266] См.: *Ершов В.В.* Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: монография. М.: РГУП, 2017. С. 476.

употребления этого понятия в теоретической и практической юриспруденции, на невозможность его исключения из юридической терминологии, и поэтому мы всёетаки попытаемся определить природу такого явления правовой действительности, как судебный прецедент, что, в свою очередь, возможно, позволит использовать данное понятие более рационально и эффективно.

Следует отметить, что наиболее часто судебный прецедент понимается как решение суда по конкретному делу, обязательное для иных нижестоящих или равных судов в тождественной правовой ситуации.

Хотя судебный прецедент как источник (форма) права изначально не был присущ континентальной системе права, к которой принадлежит право российское, нельзя не заметить, что в результате объективно существующих процессов глобализации и конвергенции правовых систем, выражающихся во взаимном проникновении феноменов, присущих одной системе, – в другую, элементы прецедентного права внедряются в российскую правовую систему. Оценивая эти процессы, следует согласиться с Х.И. Гаджиевым, который говорит об исключительной роли взаимного обогащения (cross-fertilization), в том числе, для модернизации и эволюции национального права[267].

При этом утверждения о сущностной несовместимости судебного прецедента с российской правовой системой, о том, что «структурные и содержательные особенности прецедента (case law) свидетельствуют о бессмысленности и невозможности его имплантации в иную правовую традицию»[268], по-прежнему будет полностью справедливыми, если рассматривать

---

[267] *Гаджиев Х.И.* Роль судебной аргументации в эволюции законодательства и правоприменения // Журнал российского права. 2020. № 9. С. 91–105.

[268] См.: *Синицын С.А.* Судебная практика как важнейший фактор развития законодательства: опыт российского и зарубежного права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 1 (62). С. 106.

в качестве судебного прецедента решения не высших судебных органов, а иных, нижестоящих, судов.

А потому мы согласны с А.Ф. Черданцевым, который трактует судебный прецедент как «положение, содержащееся в решении высшей судебной инстанции по конкретному делу, обязательное для иных судов при разрешении аналогичных дел»[269], в той части, в которой он относит к судебному прецеденту результаты деятельности исключительно высших судов.

Н.А. Подольская предлагает расширенную характеристику данной категории: «Судебный прецедент – это решение суда высшей инстанции по конкретному делу, вынесенное по первой, апелляционной или кассационной инстанции или в процессе нормативного или казуального толкования правовых норм, опубликованное в периодическом издании, не только являющееся актом применения права, но и содержащее норму(ы) права, обязательную для применения как этим же судом, так и судом равной юрисдикции и нижестоящим судом»[270]. С таким определением сложно полностью согласиться, поскольку, во-первых, казуальное токование, как следует из самого его наименования, обязательно для конкретной ситуации (данного дела)[271], во-вторых, возникает вопрос: можно ли приравнивать публикацию в любом периодическом издании к официальному опубликованию, и в-третьих, из данного определения не вполне ясно, идет ли в нем речь о норме(ах) права, воспроизводимой судом в тексте судебного постановления, или о норме(ах) права, сформулированной судом при разрешении конкретного дела. Кроме того, данная дефиниция не учитывает, что судебному прецеденту как источнику (форме) права всегда присуще качество устойчивости, т.е. судебное решение, рассматриваемое в данном качестве, должно обладать свойством окончательности и сохранять свою силу в течение

---

[269] *Черданцев А.Ф.* Теория государства и права: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2000. С. 189.

[270] *Подольская Н.А.* К вопросу о понятии прецедента как источника права // Судебная практика как источник права. М.: Юрист, 2000. С. 149.

[271] См.: *Василевич Г.А.* Толкование (разъяснение) нормативных правовых актов: понятие, виды, юридические последствия // Журнал российского права. 2017. № 2. С. 5–13.

неопределенно продолжительного периода времени, в то время как решение, принятое судом, даже Верховным Судом РФ, в результате рассмотрения конкретного дела по первой (естественно, вступившее в законную силу, ибо не вступившие в законную силу судебные постановления не обладают свойством обязательности даже в качестве судебных актов) либо апелляционной инстанции, сложно назвать таковым ввиду возможности его пересмотра в кассации, а решение, принятое кассационной инстанцией, также может быть пересмотрено, хотя и в экстраординарном (надзорном) порядке[272], т.е. качество устойчивости у них недостаточно выражено для положительного решения вопроса о возможности признания их судебным прецедентом как источником (формой) права.

Несмотря на то, что еще В.С. Нерсесянц отмечал своеобразие судебного прецедента как источника права, состоящее «не только в специфике правила прецедента, но также в том, что современное его содержание в Англии существенно отличается от «классического» его аналога, а его интерпретация в других англоязычных странах не во всем соответствует английскому образцу»[273], мы полагаем возможным определить судебный прецедент как окончательное, т.е. не подлежащее пересмотру другими судами, судебное постановление по конкретному делу, признаваемое государством в качестве обязательного в тождественной правовой ситуации, которым равные или нижестоящие суды должны неоднократно руководствоваться при разрешении аналогичных дел, и для обеспечения применения которого процессуальным законом установлено, что отклонение от такого прецедента является основанием для отмены или пересмотра судебных постановлений по аналогичным делам, рассмотренным равными либо

---

[272] О сущности надзорного производства см., например: *Терехова Л.А.* Надзорное производство в гражданском процессе: проблемы развития и совершенствования. М.: Волтерс Клувер, 2009.

[273] См.: *Нерсесянц В.С.* Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов / Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М.: Норма, 2004. С. 269.

нижестоящими судами, и которое в результате представляет собой санкционированную государством форму выражения сформулированной судом нормы права[274].

После разграничения судебной практики и судебного прецедента следует отметить, что их значение достаточно ярко выражено внешне в том, что одним из оснований типологизации правовых систем являются место и значение актов органов судебной власти в системе источников (форм) права, характерных для той или иной правовой системы. Подавляющее большинство национальных правовых систем можно отнести к одному из двух типов, которые в зависимости от места их возникновения называются континентальная и островная; от названия доминировавших при их зарождении языков – романо-германская и англо-саксонская; от типа преобладающей в них процессуальной формы судопроизводства – инквизиционная (следственная) и состязательная; и наконец, в зависимости от места судебных прецедентов в системе источников (форм) права – система статутного (кодифицированного) и система общего (прецедентного) права. Несмотря на происходящее в последние десятилетия сближение этих систем, на их конвергенцию, проявляющуюся в первой из них в признании судебного правотворчества, а во второй системе – в росте значения законодательства в числе присущих ей источников права, нельзя не заметить, что именно применение или, напротив, отказ от применения и признания судебной практики и/или судебного прецедента в качестве источников (форм) права, распространенность и значимость данных феноменов определяющим образом влияют на отнесение той или иной национальной правовой системы к системе общего (прецедентного) или к системе статутного (кодифицированного) права.

На наш взгляд, проблема включения либо не включения судебной практики и судебного прецедента в состав источников (форм) гражданского процессуального права во многом обусловлена тем, что однозначное понимание

---

[274] См.: *Самсонов Н.В.* К вопросу о месте и значении судебной практики и судебного прецедента в отечественном гражданском процессуальном праве // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10. Вып. 2. С. 293–310.

данных явлений правовой действительности как форм права в принципе не характерно для классической модели системы континентального права, к которой относится и правовая система Российской Федерации. Тем не менее наличие подобной дискуссии, ее острота, объявление ее бесконечной[275] сами по себе подчеркивают особую роль судебных актов как в правоприменительной деятельности в целом, так и в сфере отечественного гражданского судопроизводства в частности.

Начавшиеся после распада Советского Союза глубокие изменения отечественной правовой системы определили необходимость поиска новых подходов к познанию сущности права, а отход от мертвенно-догматичного марксистского понимания его источников придал новый импульс уже давно ведущейся в юридической науке дискуссии о роли судебной (юридической) практики в регулировании общественных отношений. И хотя в течение двух последних десятилетий данный вопрос активно обсуждается в юридической литературе, суть разногласий между исследователями, представляющими различные позиции, аналогична сформулированной в российском правоведении еще на рубеже XIX–XX вв. и, на наш взгляд, во многом зависит от мировоззренческих взглядов и субъективного правопонимания исследователя.

Л.И. Петражицкий, проведя анализ воззрений российских правоведов своего времени, указывал, что многие ученые расценивают судебную практику как особый источник (форму) права (вид позитивного права); другие, не отрицая значения судебной практики как источника (формы) права, причисляют ее к праву обычному; а ряд исследователей в принципе отрицают значение судебной практики как источника (формы) права, обосновывая это тем, что задача судов заключается не в создании, а в применении действующих норм права[276].

---

[275] См.: *Абушенко Д.Б.* Судебное усмотрение в гражданском и арбитражном процессе. М.: Норма, 2002. С. 29.

[276] *Петражицкий Л.И.* Общая теория права: Серия классики истории и философии права. СПб.: Лань, 2000. С. 452.

Данная классификация научных взглядов на указанный феномен может считаться актуальной и до настоящего времени, в современной процессуальной науке также имеются сторонники признания сложившейся судебной практики разновидностью правового обычая. Однако, как отмечает Г.И. Жилин, при исследовании системы источников гражданского процессуального права данный вопрос имеет второстепенный характер, а основная исследовательская проблема обнаруживается в сфере соотношения правотворчества и правоприменения в деятельности судов в целом[277], и мы не можем не присоединиться к такой позиции. Кроме того, считаем, что для решения вопроса о возможности отнесения исследуемых феноменов к источникам (формам) права необходимо решить вопрос о наличии у них свойства обязательности и его границах.

Отсюда проистекает следующее разделение научных взглядов: ученые-юристы, рассматривающие судебную деятельность исключительно как сферу применения норм права, не относят ни судебную практику, ни судебный прецедент к формально-юридическим источникам права в целом и гражданского процессуального права в частности[278]. Напротив, их оппоненты полагают, что судам присущи не только правоприменительные, но и правотворческие функции[279].

---

[277] *Жилин Г.А.* Источники гражданского и арбитражного процессуального права // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2007. № 6 / Под ред. В.В. Яркова. СПб.: Юридическая книга, 2008. С. 73–92.

[278] См.: *Авдюков М.Г.* Принцип законности в гражданском процессе. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. С. 194; *Боннер А.Т.* 1) Избранные труды: В 7 т. М.: Проспект, 2017. Т. 2: Источники гражданского процессуального права. С. 13–14, 332–334; 2) Законность и справедливость в правоприменительной деятельности. М.: Российское право, 1992. С. 230; *Ершов В.В.* Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. С. 457–477; *Комиссаров К.И.* Роль судебной практики в последовательном развитии законодательства. Межвузовский сб. науч. тр. Свердловск: Изд-во Свердловского ун-та, 1988. С. 26; *Фархтдинов Я.Ф.* Источники гражданского процессуального права. С. 136–154.

[279] См.: *Жилин Г.А.* 1) Соотношение публичного и частного в деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия по гражданским делам // Теоретические и практические проблемы в теории гражданской юрисдикции. Межвузовский сб. науч. тр. Екатеринбург, 1998. С. 43; 2) Решения Европейского суда по правам человека в системе

Так, например, П.А. Гук указывает, что судебная власть во всех ее проявлениях, как одна из ветвей государственной власти, осуществляет не только правосудие, но и функцию «своеобразного судебного правотворчества»[280]. Данная позиция представляется более сложной для логического обоснования, так как существующая в Российской Федерации система разделения властей наделяет судебную ветвь государственной власти правоприменительной, а не правотворческой компетенцией. Однако в ее поддержку можно привести тот аргумент, что система разделения властей не существует в чистом виде, исполнительная власть, также как и законодательная, занимается правотворчеством, причем достаточно активно, в том числе в сфере гражданского судопроизводства.

Новейшая история России знает случаи, когда акты исполнительной власти являлись и источниками гражданского процессуального права[281].

Причина, по которой такие акты могут возникать, на наш взгляд, состоит в том, что принцип разделения властей в современной России проявляется не в адресованном исполнительной и судебной ветвям власти запрете создавать

источников гражданского и арбитражного процессуального права // Журнал конституционного правосудия. 2009. № 1. С. 23–29; *Жуйков В.М.* 1) Судебная защита прав граждан и юридических лиц. С. 145, 153–157; 2) К вопросу о судебной практике как источнике права // Судебная практика как источник права. М.: Юристъ, 2000. С. 78–90; *Иванов С.А.* Трудовое право переходного периода: новые источники // Государство и право. 1996. № 1. С. 43–52; *Наумов А.В.* Судебный прецедент как источник уголовного права // Российская юстиция. 1994. № 1. С. 8–11; *Судебная* практика в советской правовой системе. / Отв. ред. С.Н. Братусь. С. 55.

[280] *Гук П.А.* Судебный прецедент как источник права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 3.

[281] См.: *Фархтдинов Я.Ф.* Источники гражданского процессуального права Российской Федерации. С. 111–115. Более подробно см.: *Самсонов Н.В.* 1) Некоторые вопросы источников гражданского процессуального права // Актуальные проблемы развития гражданского права и гражданского процесса: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. 22 февр. 2018 г. / Редкол. А.В. Герасимов и др. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2018. С. 193–200; 2) К вопросу о расширении состава источников процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 8. С. 3–8.

нормативные предписания (следует отметить, что такой прямой запрет в позитивном праве отсутствует), а в разграничении компетенции между существующими ветвями власти и установлении такой иерархии нормативных правовых актов, в которой приоритетом обладают акты власти законодательной. Поэтому в настоящее время обоснование невозможности судебного правотворчества ссылкой на существование в Российской Федерации принципа разделения властей нам представляется теоретически полемичным и малоэффективным практически.

Вместе с тем мы полагаем, что по-прежнему нет достаточных оснований для отнесения судебной практики ординарных судов общей юрисдикции (вопрос о такой возможности применительно к актам экстраординарной, надзорной инстанции будет рассмотрен далее) ни к судебному прецеденту[282], ни к иным источникам (формам) российского гражданского процессуального права. Тем не менее, по нашему мнению, значение таких судебных постановлений по гражданским делам в формировании отечественной правовой системы значительно возросло в последнее десятилетие. Эта тенденция во многом связана с принятием 22 декабря 2008 г. и дальнейшей последовательной реализацией на практике Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», который обеспечил достаточно широкую возможность ознакомления с актуальными сведениями о состоявшихся судебных постановлениях, с их полным содержанием для всех, в первую очередь для ученых и практикующих юристов, в то время как ранее ознакомиться с судебными актами по конкретному делу, составляющими судебную практику, как правило, могли лишь участники данного дела.

Указанный закон стал прорывом в сфере открытости правосудия вообще и гражданского судопроизводства в частности, возвел реализацию принципа гласности на принципиально новый уровень и стал важным шагом на пути приближения отечественного судопроизводства к международным стандартам

---

[282] Сравнительный анализ судебного прецедента и судебной практики см., например: *Загайнова С.К.* Судебный прецедент: проблемы правоприменения. М.: Норма, 2002.

судебной защиты. Дело в том, что опубликование обширной и разнообразной (согласно обзору судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2019 г., размещенному на сайте Судебного департамента при Верховном Суде РФ, за 2019 г. было окончено 24,8 млн гражданских дел (в 2018 г. – 21,6 млн)[283] информации о судебной практике федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей по гражданским делам позволяет как ученым-процессуалистам, так и практикам максимально полно использовать опыт рассмотрения конкретных дел судами различных инстанций в своей профессиональной деятельности.

Кроме того, наличие свободного доступа к такому громадному массиву судебных постановлений позволяет взять на вооружение судебную практику в качестве критерия правильности и истинности научных выводов, ибо, как отмечал Н.Н. Вопленко, в индивидуальном опыте правоприменения по конкретным делам, представляющем результат коллективного правоприменительного творчества, всегда имплицитно присутствует практика более высокого порядка как результат реализации нормативного требования единообразного рассмотрения и разрешения дел[284]. Это позволяет своевременно ставить перед юридической наукой задачи, требующие теоретической проработки и научного разрешения, и заставляет еще раз задуматься о значении судебной практики начального уровня. Поскольку из всей совокупности судебных актов именно практика судов первой инстанции особенно активно реагирует на процессы, происходящие в нашем обществе, то именно она обладает наиболее существенным значением для определения направлений совершенствования гражданского судопроизводства и, безусловно, должна приниматься во внимание и подлежать тщательному анализу при разработке законодателем новелл гражданского процессуального права, т.е.

---

[283]Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2019 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2020/Obzor_sudebnoy_statistiki_o_deyatelnosti_federalnih_sudov_obshchey_yurisdiktsii_i_mirovih_sudey_v_2019_godu.pdf, свободный. – (дата обращения: 10.08.2020 г.).

[284] *Вопленко Н.Н.* Источники и формы права. С. 66.

является одним из источников права в смысле материалов, служащих основой для законодательства. Однако она, несомненно, в настоящий момент не является источником в значении формы права, так как не создает новые правила поведения, рассчитанные на неопределенный круг лиц, и не является обязательной для лиц, не участвовавших в деле.

Мы полагаем, что также можно согласиться с предложенной Н.Н. Ткачевой образной характеристикой судебной практики как своеобразной категории «правосудия в действии», объективного выражения реализации норм материального и процессуального права и признать, что судебная практика действительно представляет собой опыт судебного правоприменения в масштабе государства[285] и именно в этом проявляется ее значение для отечественной правовой системы.Вне всякого сомнения, это значение существенно возрастет, если будет реализовано предложение М.Е. Глазковой и Н.Н. Черногора о наделении высших судов и общероссийских органов судейского сообщества полномочиями по проведению правового мониторинга, в том числе практики реализации процессуальных норм, на постоянной основе[286].

Следует, однако, отметить, что наличие единообразной судебной практики по той или иной категории дел и информации о ней не является гарантией устранения пробелов, верного применения и толкования норм права. Более того, имеется в нашей правовой реальности и разнонаправленная судебная практика, когда по делам одной и той же категории в условиях аналогичных фактических обстоятельств выносятся различные судебные постановления. Единство судебной практики по некоторым категориям дел отсутствует не только на общероссийском уровне – она может существенно отличаться и в границах одного субъекта федерации. К тому же имеются случаи «колебания» судебной практики, в том числе случаи разворота судебной практики на 180 градусов, причем случаи,

---

[285] *Ткачева Н.Н.* К вопросу об отнесении судебной практики по гражданским делам…С. 88–91.

[286] См.: *Судебная* практика в современной правовой системе России: монография / Под ред. Т.Я. Хабриевой. С. 119.

продиктованные не изменением законодательства, а изменением понимания текущей ситуации, достаточно часто предопределенные своеобразным осмыслением необходимости обеспечения приоритета государственных интересов.

Таким образом, признание за судебной практикой статуса источника права в отсутствие четких законодательных критериев, определяющих возможности и границы судебного нормотворчества, с высокой степенью вероятности может привести к появлению полного и бесконтрольного судейского усмотрения, близкого к произволу, об опасности которого предупреждал еще Е.В. Васьковский[287]. Кроме того, следует учитывать то обстоятельство, что, согласно наблюдениям С.А. Синицына и К.Б. Ярошенко, «усмотрение отдельных судей в обход или противоречие действующему закону формирует малопонятные параллельные правовые пространства и измерения, хотя в действительности таковые и могли явиться основой для обоснования конкретных законодательных инициатив, а не создания коллизий между законодательством и практикой его применения»[288]. При этом проблема обостряется возможным наложением проблемы усмотрения на проблему оценочных понятий, о котором пишет Р.О. Опалев[289].

Все это, по нашему разумению, в условиях необходимости обеспечения единообразия в толковании и применении судами норм права (п. 3 ст. 391.9 ГПК) делает желательным продолжение теоретических дискуссий о наличии либо отсутствии возможности признания судебной практики источником (формой) права в будущем, о пределах судейской дискреции, границах судебного правотворчества при ее формировании, однако не дает оснований для признания за

---

[287] *Васьковский Е.В.* Руководство к толкованию и применению законов. Практическое пособие для начинающих юристов. М.: Городец, 1997. С. 102–103.

[288] См.: *Судебная* практика в современной правовой системе России: монография / Под ред. Т.Я. Хабриевой. С. 201.

[289] См.: *Опалев Р.О.* Оценочные понятия в арбитражном и гражданском процессуальном праве. М.: Волтерс Клувер, 2008.

судебной практикой статуса источника (формы) гражданского процессуального права в настоящее время.

Продолжая исследование такого правового феномена, как судебный прецедент, следует вспомнить слова Г.Ф. Шершеневича, который еще на заре XX в. писал, что каждое судебное решение может обладать двойным значением: «оно разрешает тот конкретный случай, который вызвал судебную деятельность, и оно может стать правилом разрешения подобных случаев на будущее время»[290]. В первом случае речь идет о правоохранительной функции судебного решения, направленной на обеспечение защиты конкретного нарушенного права и компенсации последствий такого нарушения, а также об индивидуальном регулировании поведения, выраженном в непосредственном воздействии решения на материальные правоотношения и правовой статус лиц, участвующих в деле[291]. Во втором случае судебное решение можно рассматривать как значимый для других судов ориентир, применяемый при разрешении подобных дел, или обязательный для употребления и использования другими судами образец применения и толкования нормы права в тождественной ситуации.

Кроме того, нельзя упускать из виду, что судебное решение, ставшее для других судов обязательным образцом, оказывает влияние на поведение граждан, организаций и иных участников правоотношений, поскольку они в своей деятельности вынуждены его учитывать, имея в виду, что при возникновении правового конфликта, влекущего обращение в суд, он будет разрешен в соответствии с имеющимся первообразом. Таким образом, судебный акт, обладающий признаками судебного прецедента, приобретает свойство регулятора общественных отношений, обязательного для всех их участников.

Рассматривая возможность существования судебного прецедента в отечественной правовой системе, непременно стоит отметить, что актуальное

---

[290] *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.) М.: СПАРК, 1995. С. 83.

[291] См.: *Гражданское* процессуальное право России: учебник / Под. ред. О.В. Исаенковой. М.: Норма, 2009. С. 260.

российское законодательство не содержит в себе ни одной нормы, которая напрямую и однозначно одобряла бы или запрещала рассматривать данный феномен в качестве источника (формы) права. Следует обратить внимание, что единственная норма, которая могла бы содержать соответствующее правовое регулирование, а именно ст. 1 ГПК РФ, определяющая состав законодательства о гражданском судопроизводстве, не содержит такого прямого запрета, что оставляет достаточный простор для дискуссий по данному вопросу в научном сообществе; более того, указанная статья, как следует из ее наименования, определяет не состав источников (форм) гражданского процессуального права, а состав именно законодательства о гражданском судопроизводстве, к которому (даже в широком понимании значения термина «законодательство») ни судебная практика, ни судебный прецедент отнесены быть не могут.

О.Н. Коростелкина, рассматривая свойство обязательности судебных актов, представляющих собой судебный прецедент, указывает, что он приобретает свойство нормативности в определенных условиях, как то: придание ему свойств общеобязательности посредством особых предписаний либо сложившегося обыкновения, принятие решения определенным, уполномоченным на то судебным органом (как правило, высшим судом), доведение данного решения до всеобщего сведения. Кроме того, она отмечает, что такие положения судебных актов должны быть обязательны не только для данного суда и иных судебных органов, «но и для всех правоприменителей, организаций и граждан, иначе они не могут выступать действительными источниками права»[292]. Подобный взгляд на свойство обязательности судебных постановлений, безусловно, верен и не оспаривается, когда мы рассматриваем их в качестве актов правосудия, однако вызывает у

---

[292] *Коростелкина О.Н.* Судебная практика и судебный прецедент в системе источников российского права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 102.

принципиальных противников судебного правотворчества бурные возражения, когда речь идет об отнесении их к такому виду источников (форм) права, как судебный прецедент. Обязательность судебного прецедента означает, что судебное решение приравнивается к правовой норме и является источником права[293].

С.К. Загайнова обращает внимание на смешанный характер правовой природы судебных актов: рассматривая конкретные гражданские дела с участием персонально определенного круга участников гражданского процесса, суд, с одной стороны, занимается правоприменительной деятельностью и его акты имеют правоприменительный характер, однако, с другой стороны, по ее мнению, в рамках гражданского и арбитражного процесса судебная власть осуществляет контроль за законодательной и исполнительной ветвями власти, в связи с чем судебные решения имеют неперсонифицированный характер, распространяются на неограниченный круг субъектов, что свидетельствует о прецедентном характере таких судебных актов[294]. Мы полагаем данный вывод актуальным и в настоящее время, сделанным вовсе не в связи с существованием в гражданском процессе ныне исключенного и перекочевавшего в КАС РФ производства по делам о признании недействующими нормативных правовых актов полностью или в части.

Сторонники противоположной позиции утверждают, что акты высших судебных органов лишены нормотворческого характера. Так, в одном из авторитетных учебников по гражданскому процессу В.В. Молчанов, последовательно выступая против признания судебного нормотворчества, отмечает, что высшая судебная инстанция толкует содержание соответствующей

---

[293] См.: *Процессуальное* право: энциклопедический словарь: конституционный процесс, гражданский процесс, арбитражный процесс, административный процесс, уголовный процесс / Отв. ред. Т.Е. Абова и др. М.: Норма, 2003. С. 403.

[294] *Загайнова С.К.* 1) Судебные акты в механизме реализации судебной власти в гражданском и арбитражном процессе. М.: Волтерс Клувер, 2007; 2) Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе: теоретические и прикладные проблемы: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 17–18.

правовой нормы и устанавливает порядок ее применения, при этом ее постановления, «не являясь источниками права, конкретизируют, разъясняют действующие правовые нормы, тем самым оказывая регулирующее воздействие на правоприменительную деятельность»[295]. Д.А. Туманов, отрицая принадлежность судебного прецедента к источникам российского гражданского процессуального права, расценивает акты высших судебных органов как «нормы о нормах» или как «прецедент правоприменения», который следует понимать как «выраженную в актах высших судебных инстанций позицию по решению того или иного юридического вопроса (например, о применении процессуальной аналогии), которая рассматривается нижестоящими судами как образец при решении этих вопросов в последующем»[296].

Нам представляется, что подобные рассуждения не только не вполне убедительно опровергают тезисы о возможности отнесения судебного прецедента к источникам (формам) гражданского процессуального права, но и, наоборот, могут быть использованы для их обоснования, ибо они подчеркивают регулятивный характер актов высших судебных органов[297]. Ведь в своих актах высшие суды в процессе толкования права могут выявить иной, ранее неочевидный смысл старой нормы, прийти к выводам о необходимости расширения сферы ее применения, вывести «норму о нормах»[298], заполнить имеющийся пробел в законодательстве, создав тем самым новые, ранее не существовавшие правила поведения.

Граница между результатами такой деятельности судов и созданием новой нормы, нового правила поведения законодателем весьма призрачна. Для судов и иных участников гражданских процессуальных правоотношений принципиальная,

---

[295] См.: *Гражданский* процесс: учебник / Под ред. М.К. Треушникова. С. 47.

[296] *Туманов Д.А.* Пробелы в гражданском процессуальном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 9–10.

[297] См.: *Самсонов Н.В.* К вопросу о месте и значении судебной практики и судебного прецедента в отечественном гражданском процессуальном праве. С. 293–310.

[298] Под нормой о нормах мы вслед за А.Ф. Черданцевым понимаем специальные коллизионные нормы. – См.: *Черданцев А.Ф.* Толкование права и договора: Учебное пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. С. 176.

а не формальная разница между установлением высшим судом обязательного образца для решения того или иного вопроса в последующем или, иными словами, введением высшим судом обязательных правил поведения в той или иной ситуации, с одной стороны, и установлением законодателем обязательного образца поведения в подобных ситуациях, с другой стороны, не ощутима.

На наш взгляд, выявление ранее неочевидного смысла старой нормы, расширение сферы ее применения, введение «нормы о нормах» создают новое правило поведения. Использовав механизм толкования существующей юридической нормы, а тем более применив аналогию закона или аналогию права (что также невозможно без толкования) для заполнения пробелов в правовом регулировании (при разрешении конкретного дела), избежать существования которых невозможно[299], суд не просто применяет конституционные положения, общие и отраслевые принципы права, существующие законоположения и на их основе выносит решение. Используя указанные механизмы, суд приспосабливает принципы права и существующие нормы права к конкретной ситуации, создавая тем самым новый порядок, образец процессуальных действий – новое правило поведения, в законодательстве не существующее, а обязательность этих постановлений делает неизбежной необходимость придерживаться этого правила для неопределенного круга лиц, а не только для участников конкретного судебного процесса[300], и поскольку таковая обязательность гарантируется государством, это означает создание новых правил поведения для неопределенного круга лиц, рассчитанных на неопределенный срок, т.е. создание новой нормы права. В результате судья становится творцом права[301].

---

[299] См.: *Жуйков В.М.* Проблемы гражданского процессуального права. М.: Городец, 2001. С. 71.

[300] Эта норма становится обязательной не только для судов, рассматривающих аналогичные дела, но и для иных субъектов гражданских процессуальных правоотношений, поскольку при принятии решения о совершении тех или иных действий они, несомненно, будут учитывать позицию Президиума Верховного Суда РФ и действовать сообразно ей, как если бы они ориентировались на норму закона.

[301] См.: *Брановицкий К.Л., Ренц И.Г., Ярков В.В.* Судебное правотворчество в условиях пандемии коронавируса: нонсенс или необходимость? // Закон. 2020. № 5. С. 117.

В итоге практическая разница между созданием новой нормы или расширением сферы применения уже существующей нормы высшим судом и созданием новой нормы или расширением сферы действия той же нормы законодателем путем принятия соответствующего закона исчезает.

Если же мы обратимся к поискам элементов регулирования правил создания и применения такого правового феномена, как судебный прецедент, в позитивном праве, то непременно заметим, что толкование содержания нормативных положений п. 3 ст. 391.9 и п. 5 ч. 4 ст. 392 ГПК позволяет сделать вывод о том, что на законодательном уровне уже признается обязательность использования судебных постановлений (постановлений Президиума Верховного Суда РФ), вынесенных по конкретному делу (судебного прецедента), в качестве образца в тождественной правовой ситуации. Далее мы продемонстрируем, что при этом создание обязательного для неопределенного круга лиц правила поведения, рассчитанного на неопределенный срок, создание новой нормы права в форме судебного прецедента не только возможно теоретически, но уже имеет практическое воплощение.

В качестве примера таких судебных актов мы можем привести Постановления Президиума Верховного Суда РФ от 30.11.2016 г. № 11ПВ16 и № 14ПВ16[302]. Указанными постановлениями были отменены судебные постановления, состоявшиеся по рассмотренным судами общей юрисдикции искам (аналогичным по требованиям, но не тождественным по субъектному составу), в которых истцы (физические лица) требовали возложить на одного из ответчиков (застройщиков) обязанность приобрести в собственность за плату у другого соответчика (городской администрации) земельные участки, объединить их и заключить с истцами договоры участия в долевом строительстве многоквартирного жилого дома на объединенных земельных участках, а также возложить на городскую администрацию обязанность выдать разрешение на строительство на образованном в результате такого объединения земельном участке.

---

[302] СПС КонсультантПлюс.

Застройщиками были заявлены встречные иски об установлении в отношении указанных в первоначальных исках земельных участков вида разрешенного использования «для строительства жилого комплекса», установлении кадастровой стоимости этих земельных участков, равной их рыночной стоимости, и, кроме того, содержащие требования о выкупе этих земельных участков у городской администрации и прекращении их аренды, о регистрации права собственности на данные земельные участки, об объединении этих земельных участков, о постановке на государственный кадастровый учет земельного участка, образованного в результате объединения указанных в иске земельных участков, о регистрации права собственности на вновь образованный земельный участок, о возложении на городскую администрацию обязанности выдать разрешение на строительство объекта и разрешения на ввод его в эксплуатацию после завершения строительства. Как видно из текстов Постановлений Президиума Верховного Суда РФ, формулировка требований, заявленных первоначальными истцами, была такова, что не позволила судам первой инстанции безошибочно опознать их как иски о правах на земельные участки, которые в соответствии со ст. 30 ГПК РФ предъявляются в суд по месту их нахождения. Вероятность судебной ошибки увеличилась еще и потому, что требования истцов не были перечислены в п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 г. (все так?) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»[303], содержащем перечень исков о правах на недвижимое имущество, а также в связи с отсутствием указания на то, что этот перечень не является исчерпывающим. В результате в анализируемых постановлениях Президиума Верховного Суда РФ было указано, что для исков о любых правах на недвижимое имущество установлена исключительная подсудность по месту нахождения этого имущества, а перечень исков о таких правах, изложенный в п. 2 ранее упомянутого совместного Постановления Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего

[303] Бюллетень Верховного Суда РФ. № 7. 2010.

Арбитражного Суда РФ, не является исчерпывающим. Данное в указанных постановлениях Президиума Верховного Суда РФ максимально расширительное понимание категории «иск о правах на недвижимое имущество» стало обязательным для отечественных судов, причем не только для судов общей юрисдикции, но и для арбитражных судов, которые в обоснование своих выводов прямо ссылаются на постановления Президиума Верховного Суда РФ от 30.11.2016 г. № 11ПВ16 и от 30.11.2016 № 14ПВ16[304], что еще раз подтверждает неоднократность применения и обязательность действия в отношении неопределенного круга лиц правил поведения, сформулированных в этих постановлениях, т.е. создание новой нормы права.

В качестве аргумента против отнесения постановлений Президиума Верховного Суда РФ к источникам (формам) права, видимо, следует рассмотреть довод относительно того, что постановления, названные в вышеприведенном примере, не были официально опубликованы. Действительно, такое обязательно присущее источнику (форме) права свойство, как общеобязательность, неразрывно связано с его общеизвестностью и доступностью. Часть 3 ст. 15 Конституции Российской Федерации предусматривает, что «любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения». И хотя акты высших судов не относятся к числу нормативных правовых актов, мы, тем не менее, глубоко убеждены, что в том случае, когда постановления Президиума Верховного Суда РФ затрагивают права, свободы и обязанности человека и гражданина, в частности право на доступ к правосудию, они должны быть официально опубликованы, чего не произошло в реальности. Тем не менее в

[304]См. например: По делу № А10-7487/2017: постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 26.02.2018 г. № 04АП-189/2018 // СПС КонсультантПлюс.

данном конкретном случае участники сходных правоотношений были проинформированы о наличии постановлений Президиума Верховного Суда РФ путем размещения их текста на сайте Верховного Суда РФ[305]. Кроме того, по нашему мнению, данный недостаток возник как раз в результате отсутствия эксплицитного закрепления статуса источника права за постановлениями Президиума Верховного Суда РФ и его можно достаточно легко устранить путем усовершенствования п. 6 ч. 7 ст. 2 Федерального конституционного закона от 5.02.2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», который уже предусматривает публикацию судебных актов Верховного Суда РФ, дополнив их указанием на обязательность официального опубликования постановлений Президиума Верховного Суда РФ, устанавливающих образец разрешения определенной категории дел, а также указанием на возможность применения подобных актов судами только в случае официального их опубликования. Ибо в ином случае применение таких постановлений в качестве основания для отмены или изменения судебных постановлений в порядке надзора или основания для пересмотра дел по новым обстоятельствам может нарушить принцип правовой определенности и право участников процесса на эффективное судебное разбирательство, поскольку неосведомленность лиц, участвующих в аналогичных делах, о позиции высшего судебного органа не позволит им соизмерять свое поведение и принимаемые ими в процессе решения с постановлениями Президиума Верховного Суда РФ, содержащими вновь созданные обязательные для неопределенного круга лиц правила поведения, рассчитанные на неопределенный срок.

Положительно разрешив вопрос о принадлежности постановлений Президиума Верховного Суда РФ, вынесенных по конкретным делам в порядке надзора, к источникам (формам) гражданского процессуального права, причем не просто признав их фактическую роль в данном качестве, но и отметив хотя и имплицитное, но, тем не менее, легальное закрепление за ними такого статуса в п.

---

[305] Банк судебных решений [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1502726, свободный. – (Дата обращения: 4.10.2018 г.).

3 ст. 391.9 и п. 5 ч. 4 ст. 392 ГПК, можно задаться вопросами, аналогичными тем, которые задают ученые, исследующие акты Конституционного Суда РФ в системе источников права, а именно: какая часть исследуемых постановлений является источником права? Где здесь «ratio decidendi» (прямое, обязательное основание решения, принципы, основы, на которых принимается решение), а где «obiter dictum» (попутно сказанное)?

По этому поводу М.Ш. Пацация справедливо отмечает, что «…в нынешних условиях любое … суждение вышестоящего суда о норме права, которое можно отнести к толкованию закона, как правило, и в общем-то небезосновательно, воспринимается нижестоящим судом как обязательное указание»[306]. Однако мы полагаем, дело не только в этом, и даже не в том, что судьи в подавляющем большинстве случаев весьма лояльно и уважительно относятся к актам высших судебных органов, боясь отмены своих постановлений.

Причина лежит в ином: мы убеждены, что постановления Президиума Верховного Суда РФ, вынесенные по конкретным делам в порядке надзора, и фактически, и с точки зрения права являются источником (формой) права в целом, его внешним выражением, внешней формой существования права, содержащей внутри себя «ratio decidendi», и выделять в них обязательную и необязательную часть будет суд, рассматривающий конкретное дело. Именно этот суд определит, что следует считать «ratio decidendi», а что «obiter dictum» для разрешения конкретного рассматриваемого им дела. В вышеприведенном Постановлении Президиума Верховного Суда РФ от 30.11.2016 г. № 14ПВ16, кроме уже выявленного «ratio decidendi» в виде расширения понятия «иск о правах на

---

[306] *Пацация М.Ш.* К вопросу о законодательных мерах по укреплению процессуальных гарантий независимости нижестоящего суда в контексте права вышестоящего суда на дачу обязательных указаний о толковании закона // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9. № 3. С.45–60.

недвижимое имущество», можно выделить и другое обязательное для судов правило, состоящее в том, что при определенных обстоятельствах судебные постановления о прекращении производства по делу, вынесенные в связи с отказом от иска, подлежат отмене без инициативы как истцов, отказавшихся от иска, так и других лиц, участвовавших в указанных делах[307].

Таким образом, при разрешении одной категории дел суд может применить в качестве «ratio decidendi» одну часть постановления Президиума Верховного Суда РФ, а при разрешении другой – другую часть, и то что в первом случае воспринимается как «obiter dictum», на самом деле представляет собой «ratio decidendi» для другой правовой ситуации. Исходя из этого, можно расценить деятельность суда по выявлению обязательной и необязательной для него при рассмотрении конкретного дела части постановления Президиума Верховного Суда РФ как сходную с его же деятельностью по выбору подлежащей применению гражданской процессуальной нормы из актов материального права, являющихся источниками (формами) права гражданского процессуального[308].

Следовательно, вопрос о признании формой гражданского процессуального права постановлений Президиума Верховного Суда РФ в целом следует решать так же, как и о признании формой гражданского процессуального права акта материального права в целом, а не только его отдельных норм, закрепляющих процессуальные правила. Например, СК РФ содержит ст. 17 и 70, содержащие правила, конкретизирующие соответственно положения ст. 22 ГПК о судебной подведомственности и ст. 4 ГПК о составе лиц, имеющих право предъявить иск,

---

[307] Послужившие основанием для прекращения производств по делам заявления первоначального и встречного истцов об отказе от, соответственно, первоначального и встречного иска, поступили в суды после отмен решений судов, которыми были удовлетворены их исковые требования, по вновь открывшимся обстоятельствам. Определения судов первой инстанции об отмене собственных решений по вновь открывшимся обстоятельствам были отменены Президиумом ВС РФ, и эти отмены повлекли отмену определений о прекращении производства по делу. При этом для отмены указанных определений, насколько нам удалось обнаружить, не было процессуального повода, так как никто из участвовавших в делах лиц соответствующих жалоб или заявлений не подавал.

[308] См.: *Самсонов Н.В.* К вопросу о месте и значении судебной практики и судебного прецедента в отечественном гражданском процессуальном праве. С. 293–310.

что позволяет признать данный кодекс не только формой материального, но и формой гражданского процессуального права.

С формально-юридической точки зрения также отсутствуют достаточные основания для углубления в дискуссию по этому поводу, поскольку из содержания п. 3 ст. 391.9 и п. 5 ч. 4 ст. 392 ГПК можно сделать вывод об обязательности постановлений Президиума Верховного Суда РФ, а не их части. Новая норма, возникающая в процессе достижения единообразного толкования и применения судами норм права либо определения (изменения) практики применения правовой нормы, возникает и становится обязательной для неопределенного круга лиц, т.е. нормой права, в результате придания ей такого качества постановлением Президиума Верховного Суда РФ.

При этом следует обратить внимание, что отмечаемая В.М. Жуйковым незначительность числа рассматриваемых Президиумом Верховного Суда РФ гражданских дел (таких дел рассматриваются «буквально единицы») ведет к уменьшению значения роли Президиума Верховного Суда РФ «в обеспечении единства судебной практики и законности» по гражданским делам «по сравнению с той ролью, которую в системе арбитражных судов играл Высший Арбитражный Суд РФ»[309]. Меньший, нежели у бывшего ВАС РФ потенциал Президиума ВС РФ в сфере «обеспечения начала правовой определенности в судебной жизни, а также единства практики по гражданским делам» отмечают также С.Ф. Афанасьев и А.В. Малько[310].

Однако, по нашему мнению, это обстоятельство не влияет на возможность отнесения вынесенных Президиумом ВС РФ в порядке надзора постановлений по конкретным делам к источникам (формам) гражданского процессуального права. Незначительность числа рассматриваемых Президиумом Верховного Суда РФ гражданских дел ведет, с одной стороны, к количественному уменьшению роли

---

[309] *Жуйков В.М.* О некоторых проблемах развития процессуального законодательства и законодательства о судоустройстве // Журнал российского права. 2017. № 8. С. 135–150.

[310] *Малько А.В., Афанасьев С.Ф.* «Правовая жизнь» в контексте деятельности нового Верховного Суда Российской Федерации // Российская юстиция. 2018. № 4. С. 46–48.

данного источника (формы) гражданского процессуального права в механизме регулирования гражданских процессуальных правоотношений, с другой стороны – то обстоятельство, что они принимаются по наиболее важным, принципиальным вопросам, подчеркивает их исключительность, делает весомей каждый акт данного типа.

Хотя приведенные примеры в сфере гражданского процессуального права пока немногочисленны, тем не менее они уже есть, а значит, вновь могут появиться в будущем, и нижестоящие суды обязаны руководствоваться правилами разрешения конкретных правовых казусов, содержащимися в таких постановлениях, и даже пересматривать свои вступившие в законную силу решения при определении либо изменении в постановлении Президиума Верховного Суда РФ практики применения правовой нормы, что действующая редакция ГПК РФ относит к новым обстоятельствам, являющимся основанием для пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений. Механизмом, обеспечивающим на государственном уровне обязательность таких постановлений, является институт пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений в порядке надзора.

Поэтому мы считаем необходимым согласиться с Е.А. Борисовой в том, что вопрос о роли судебного прецедента как источника права на практике решен независимо от продолжающейся дискуссии[311], судебный прецедент в виде постановлений Президиума Верховного Суда РФ, вынесенных по конкретным делам, существует в современной России.

Однако необходимо подчеркнуть, что это решение закреплено в гражданском процессуальном праве отнюдь не эксплицитно и применимо исключительно в

---

[311] *Борисова Е.А.* Судебная практика как источник гражданского процессуального права // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2004. № 3. С. 179.

отношении постановлений Президиума Верховного Суда РФ, вынесенных по конкретным делам, которыми, как мы показали выше, в процессе толкования создается новая норма права, но не в отношении утверждаемых Президиумом обзоров судебной практики.

Более того, как следует из Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 17.10.2017 г. № 24-П[312], применение постановлений Президиума Верховного Суда РФ в качестве актов, обязательных для нижестоящих судов (т.е. такой формы права, как судебный прецедент), допустимо при соблюдении ряда таких дополнительных условий, как:

– наличие в соответствующем постановлении Президиума Верховного Суда РФ прямого указания на придание сформулированной в нем правовой позиции[313] обратной силы применительно к делам со схожими фактическими обстоятельствами;

– недопустимость придания обратной силы толкованию правовых норм, ухудшающему положение граждан как слабой стороны в их правоотношениях (пенсионных, жилищных, социальных и др.) с органами государственной власти, местного самоуправления и т.д.

-–соблюдение установленного законом процессуального срока[314].

По нашему мнению, именно наличие таких дополнительных условий, а желательно – их законодательное закрепление, позволит эффективно использовать судебный прецедент (постановления Президиума Верховного Суда РФ, вынесенные по конкретным делам) в качестве источника (формы) права, сохранив принцип разделения властей и избежав опасности судебного произвола.

---

[312] По делу о проверке конституционности пункта 5 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д.А. Абрамова, В.А. Ветлугаева и других: Постановление Конституционного Суда РФ от 17.10.2017 г. № 24-П // Собрание законодательства РФ. 2017. № 44. Ст. 6569.

[313] О теоретическом понятии «правовых позиций» см.: *Зайцев В.В., Зайцев О.В.* Правовые позиции: понятие и юридическое значение // Право и экономика. 2014. № 8. С. 4–8.

[314] См.: *Самсонов Н.В.* Действие принципов правовой определенности и res judicata в гражданском процессе (в свете Постановления Конституционного Суда РФ от 17.10.2017 г. № 24-П) // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 3. С. 6–11.

Вести же речь о возможности признания источником права судебной практики, даже включенной в обзор, утвержденный постановлением Президиума Верховного Суда РФ, по нашему убеждению, в настоящее время преждевременно, поскольку смысл п. 5 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ не предполагает возможности отмены вступивших в законную силу судебных постановлений по новым обстоятельствам в связи с определением (изменением) практики применения правовой нормы Судебной коллегией Верховного Суда РФ по итогам рассмотрения другого дела в кассационном порядке. Примерно также, логически верно, Конституционный Суд РФ мотивировал свою правовую позицию, изложенную в уже упомянутом Постановлении от 17.10.2017 г. № 24-П.

И существующее положение вещей, при котором судебная практика не может быть признана источником гражданского процессуального права, как мы полагаем, не в состоянии было исправить предлагавшееся ранее Верховным Судом РФ, но впоследствии исключенное из законопроекта № 48690-7 изменение п. 5 ч. 4 ст. 392 ГПК, нацеленное на включение в число оснований для пересмотра по новым обстоятельствам такого основания, как «определение либо изменение практики применения правовой нормы, содержащееся в … обзоре судебной практики Верховного Суда РФ, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ». Однако, поскольку в дальнейшем не исключается возможность повторения подобной попытки расширения оснований для пересмотра судебных постановлений по новым обстоятельствам, следует отметить, что такое предложение изначально представляется теоретически дискуссионным, так как, во-первых, включение в обзоры судебной практики, утверждаемые Президиумом Верховного Суда РФ, судебных актов, вынесенных Судебными коллегиями Верховного Суда РФ по конкретным делам, не изменяет их свойств, ибо, решая вопрос о включении в обзор того или иного судебного акта, Президиум Верховного Суда РФ само дело не рассматривает; во-вторых, нельзя отрицать тот факт, что в отличие от постановления Президиума Верховного Суда РФ, вынесенного по конкретному делу, все иные судебные акты, вынесенные по делу, включая определения Судебных коллегий Верховного Суда РФ, могут быть пересмотрены в порядке

надзора, т.е. для отечественной системы гражданского судопроизводства не являются окончательными[315].

Без всякого сомнения, решая вопрос о допустимости признания источником (формой) гражданского процессуального права обзоров судебной практики, утверждаемых постановлениями Президиума Верховного Суда РФ, следует учитывать реальную возможность возникновения разнонаправленной практики судебных коллегий Верховного Суда РФ по делам, вытекающим из сходных или даже тождественных правоотношений, что критически снижает уровень правовой определенности таких обзоров и препятствует их использованию в качестве источников (форм) гражданского процессуального права.

К этому можно добавить, что включение в обзоры судебной практики постановлений Президиума Верховного Суда РФ, вынесенных по конкретным делам, также не изменяет их правовой природы, и судебным прецедентом – источником (формой) права является постановление Президиума Верховного Суда РФ по конкретному делу, а не тот обзор, в который оно включено, также как не становится источником (формой) права учебник, в который включёны выдержки из текста закона.

Что же касается постановлений нижестоящих судов, то, по нашему мнению, нет оснований для включения судебных актов судов первой, апелляционной и кассационной инстанции в состав источников (форм) права, поскольку такие решения судов общей юрисдикции и арбитражных судов могут быть оспорены и пересмотрены в установленных федеральным законом процессуальных процедурах и, соответственно, не обладают свойством окончательности; не предусмотрена и обязательность официального опубликования таких решений (с которой, по нашему убеждению, не следует смешивать размещение информации о деятельности судов в Интернете), что также исключает для иных правоприменителей обязанность следования им при разрешении других дел. Возможность же опубликования отдельных судебных решений или извлечений из

---

[315] См.: *Самсонов Н.В.* К вопросу о месте и значении судебной практики и судебного прецедента в отечественном гражданском процессуальном праве. С. 293–310.

них, как справедливо отмечают А.И. Дихтяр и Н.А. Рогожин, не выступает достаточной гарантией для реализации положений, содержащихся в ст. 15 Конституции РФ[316].

Кроме того, Конституционный Суд РФ уже достаточно давно и однозначно выразил свое негативное отношение к возможности включения судебных актов судов первой, апелляционной и кассационной инстанции в состав источников (форм) права. В п. 4 Постановления Конституционного Суда РФ от 16.08.1998 г. № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации» указано, что решения судов общей юрисдикции и арбитражных судов не имеют общеобязательного значения, они не обязательны для иных судов по другим делам так как. суды самостоятельно осуществляют толкование подлежащих применению нормативных предписаний, следуя при этом Конституции РФ и федеральному закону. В то же время распространять вышеуказанные выводы на постановления Президиума Верховного Суда РФ, вынесенные в порядке надзора, на наш взгляд, недопустимо, поскольку придающие последним обязательный характер положения п. 3 ст. 391.9 и п. 5 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ законодательно закреплены после принятия Конституционным Судом РФ Постановления № 19-П и являются, образно говоря, выражением воли суверена в лице законодательного органа, делегирующего соответствующие полномочия Президиуму Верховного Суда РФ, обусловленной экстраординарным характером его деятельности в качестве суда надзорной инстанции.

Таким образом, опираясь на проведенный анализ вышеизложенных мнений, правовых позиций Конституционного Суда РФ и современного законодательства, можно сделать вывод том, что в настоящее время как судебная практика, так и судебный прецедент судов общей юрисдикции de jure не признаны источниками (формами) гражданского процессуального права (за исключением постановлений Президиума Верховного Суда РФ, имплицитно признанных таковыми на

---

[316] *Дихтяр А.И., Рогожин Н.А.* Источники права и судебная практика // Юрист. 2003. № 1. С. 3.

законодательном уровне), и утверждение о том, что ни единичный, ни многократный судебный прецедент не создает права, а является простым актом применения нормы права[317], в целом (исключая постановления Президиума Верховного Суда РФ, вынесенные в порядке надзора по конкретным делам), с точки зрения юридического позитивизма, сохраняет свою актуальность и по сей день.

Тем не менее, как справедливо отмечают В.В. Момотов, Г.Д. Улётова, С.А. Маркова-Мурашова, признание судебного прецедента источником (формой) права прежде всего связано с формирующимся в настоящее время новым типом правопонимания, который должен отвечать потребностям и уровню развития современной жизни[318].

В связи с этим хотим отметить, что хотя постановления Президиума Верховного Суда РФ, вынесенные по конкретным делам (как мы уже показали выше), имплицитно признаны источником права на законодательном уровне, тем не менее, по нашему убеждению, такое признание в целях повышения эффективности отечественного гражданского судопроизводства следует перевести в разряд эксплицитных. Для этого ст. 1 ГПК РФ «Законодательство о гражданском судопроизводстве» следует переименовать в «Источники (формы) гражданского процессуального права» и уже сегодня включить указанные постановления в состав источников (форм) гражданского процессуального права и на законодательном уровне предусмотреть обязательность их официального опубликования.

Таким образом, судебная практика и судебный прецедент это близкие, но не тождественные явления правовой действительности.

Судебная практика в узком смысле слова применительно к гражданскому процессуальному праву представляет собой совокупность вступивших в законную

---

[317] См.: *Зивс С.Л.* Источники права. С. 177.

[318] *Момотов В.В., Улётова Г.Д., Маркова-Мурашова С.А.* Применение института аналогии в материальном и процессуальном праве России: история и современность // Современное право. 2011. № 10. С. 3–12.

силу судебных постановлений, принятых мировыми судьями и судами общей юрисдикции при рассмотрении и разрешении конкретных дел, охватывающую результат правоприменительной деятельности судов разного уровня, очерченный иерархическими границами – от принятых судом первой инстанции решений и определений по конкретным делам до вынесенных Президиумом Верховного Суда РФ постановлений в порядке надзора. Эту совокупность можно именовать сложившейся судебной практикой, если она выражает общепринятый, устоявшийся способ разрешения определенной категории гражданских дел или применения правовой нормы в сходных правовых ситуациях, тем самым устраняя возможные проблемы в дальнейшем восприятии, толковании и применении судом норм права.

Судебным прецедентом в гражданском процессуальном праве является судебное постановление по конкретному делу, содержащее созданные судом, вынесшим данное постановление, правила поведения, являющиеся для участников гражданских процессуальных правоотношений обязательными образцами совершения процессуальных действий в тождественной правовой ситуации, которыми равные или нижестоящие суды обязаны неоднократно руководствоваться при рассмотрении аналогичных дел и для обеспечения обязательности которых процессуальным законом установлено, что отклонение от таких образцов является основанием для отмены или пересмотра судебных постановлений по аналогичным делам, рассмотренным равными либо нижестоящими судами.

В настоящее время ни судебная практика, ни судебный прецедент судов общей юрисдикции de jure не являются источниками (формами) гражданского процессуального права, за исключением вынесенных в порядке надзора постановлений Президиума Верховного Суда РФ по конкретным делам, имплицитно признанных таковыми на законодательном уровне. В связи с чем предлагается перевести такое признание в разряд эксплицитных путем переименования ст. 1 ГПК РФ «Законодательство о гражданском судопроизводстве» в «Источники (формы) гражданского процессуального права»

и включения указанных постановлений в состав источников (форм) гражданского процессуального права, и введения на законодательном уровне обязательности их официального опубликования, а также регламентировать условия и порядок их применения в качестве источника (формы) права[319].

[319] См.: *Самсонов Н.В.* К вопросу о месте и значении судебной практики и судебного прецедента в отечественном гражданском процессуальном праве. С. 293–310.

3.2. Акты конституционного правосудия и система источников (форм) российского гражданского процессуального права

В юридической науке неоднократно отмечалось значение роли Конституционного Суда РФ в отечественной правовой системе. В.Д. Зорькин указывает, что Конституционный Суд РФ, представляя собой судебный орган конституционного контроля, задает ориентиры для развития отечественной правовой системы, ее законотворчества и правоприменительной практики по вектору, согласующемуся с актуальным пониманием прав и свобод человека и гражданина, тем самым укрепляя позиции «российского права как составной части единого европейского правового пространства», базирующегося на Римской конвенции о защите прав человека и основных свобод[320]. Оценивая деятельность Конституционного Суда РФ, Т.Я. Хабриева пишет, что он «действует в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции РФ. Обеспечение верховенства и прямого действия Конституции РФ – одна из важных целевых особенностей Конституционного Суда РФ»[321].

Велико значение актов Конституционного Суда РФ и для отечественного гражданского процесса. Как отмечает Н.В. Пугачёва, его решения способствуют «совершенствованию используемых в цивилистическом процессе процессуальных форм путем раскрытия конституционного содержания права на судебную защиту и выявления значения принципов судопроизводства»[322].

---

[320] *Зорькин В.Д.* Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2004. № 12. С. 3–9.

[321] *Хабриева Т.Я.* Конституция как основа законности в Российской Федерации // Журнал российского права. 2009. № 3. С. 3–11.

[322] *Пугачёва Н.В.* Некоторые вопросы, связанные с определением подсудности индивидуальных трудовых споров С. 49.

Между тем на сегодняшний день в современной правовой доктрине присутствуют различные взгляды на правовую природу Конституционного Суда РФ. Некоторые исследователи определяют Конституционный Суд РФ как «квазисуд»[323]. Другие полагают, что Конституционный Суд РФ имеет двойственную природу: с одной стороны, он является органом правосудия, с другой – высшим органом конституционного контроля, высшим органом государственной власти[324]; выступает как носитель не только судебной власти, но и других государственных властей[325], что в итоге позволяет обоснованно заявлять: Конституционный Суд РФ – это «больше чем суд»[326].

Отличие Конституционного Суда РФ от иных судебных органов заключается в том, что он защищает права, свободы и охраняемые законом интересы граждан, организаций и других субъектов не путем разрешения индивидуальных правовых споров, а посредством осуществления контроля за конституционностью законов и ряда иных правовых актов, действующих на территории Российской Федерации. Разрешая дела о соответствии Конституции нормативных актов высших федеральных органов законодательной и исполнительной ветвей власти и иных дел, отнесенных ст. 3 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» к его компетенции, Конституционный Суд РФ решает исключительно вопросы права.

---

[323] См.: *Ливеровский А.А., Петров М.В.* Органы конституционного нормоконтроля как «квазисуды» // Журнал конституционного правосудия. 2010. № 3. С. 23–27.

[324] См.: *Эбзеев Б.С.* Конституционный Суд Российской Федерации – судебный орган конституционного контроля // Вестник Конституционного Суда Российской. 1995. № 2–3. С. 82; *Лазарев Л.В.* Конституционно-правовые основы организации и деятельности Конституционного Суда Российской Федерации // Государство и право. 1996. № 6. С. 4.

[325] См.: *Марченко М.Н.* Конституционный Суд Российской Федерации и особенности его решений // Актуальные вопросы государства и права в Российской Федерации и в Республике Македонии: сб. науч. ст. Вып. 1 / Отв. ред. А.Е. Шерстобитов. М.: Статут, 2006. С. 80–100; *Гравина А.А.* Акты Конституционного Суда РФ и законодательство о судебной власти // Журнал российского права. 2011. № 10. С. 47–54.

[326] См.: *Бондарь Н.С.* Конституционный Суд России: не «квазисуд», а больше, чем суд // Журнал конституционного правосудия. 2010. № 3. С. 28–33.

Я.Ф. Фахтдинов отмечал, что с институциональной точки зрения Конституционный Суд является одним из высших государственных органов, функционирующим наравне с иными высшими органами государственной власти Российской Федерации, независимость и самостоятельность которого предопределена действующим законодательством[327].

Обратившись к закрепленному в ст. 125 Конституции Российской Федерации и ст. 3 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» перечню полномочий Конституционного Суда РФ, а также к определению, содержащемуся в ст. 1 указанного закона, можно прийти к выводу, что, несмотря на различные взгляды на правовую природу указанного органа и на справедливо отмечаемую ее двойственность, Конституционный Суд РФ представляет собой высший судебный орган, прямо воздействующий на законодательную (нормотворческую) деятельность высших органов власти.

Правотворческий это или правоприменительный орган? В.В. Ершов, полемизируя с учеными, отстаивающими взгляд на Конституционный Суд РФ как на правотворческий орган, в обоснование противоположной позиции отметил, что во время выступления 6 декабря 2016 г. на IX Всероссийском съезде судей даже В.Д. Зорькин признал Конституционный Суд РФ, «не правотворческим, а правоприменительным органом»[328]. Однако, на наш взгляд, из данного выступления не следует столь категоричный вывод. Наоборот, по нашему разумению, из указанной речи В.Д. Зорькина следует, что Конституционный Суд РФ, не являясь судом в обычном смысле слова, включен в систему судебной власти, а по функциональному характеру конституционная юстиция приближается к законодательному органу, который тоже может пересматривать и корректировать законы[329].

---

[327] *Фархтдинов Я.Ф.* Источники гражданского процессуального права Российской Федерации. С. 305.

[328] *Ершов В.В.* Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. С. 557.

[329] Съезд судей // Выступление Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина на IX всероссийском съезде судей [Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://www.ssrf.ru/page/22581/detail/, свободный. – (Дата обращения: 11.05.2018 г.).

При этом мы хотим подчеркнуть недопустимость смешения понятий законотворчество и правотворчество. Как пишут Н.Н. Черногор и М.В. Залоило, «в узком смысле под правотворчеством принято понимать деятельность компетентных органов власти (государственных, муниципальных и др.), организаций, граждан по разработке и принятию, изменению, отмене нормативных правовых актов. Широкое понимание правотворчества включает в себя также процесс познания и оценки правовых потребностей общества и государства и создание в соответствии с выявленными потребностями новых нормативных правовых актов, изменение и отмену действующих»[330]. Таким образом, правотворчество даже при узком его понимании гораздо шире законотворчества и включает последнее в свой состав.

Многонациональный народ Российской Федерации нельзя отнести ни к законодательным органам, ни к органам правотворческим, но, тем не менее, он создал нормативный правовой акт, являющийся основой всего российского права, приняв 12 декабря 1993 г. всенародным голосованием Конституцию Российской Федерации, являющуюся не по названию, но по своей правовой природе Основным законом России. Президент, Правительство, иные органы исполнительной власти издают указы, постановления, приказы и тому подобные акты, содержащие нормы права, т.е. являются творцами права, при этом не являясь законодателями. Невозможность отнесения указанных субъектов к числу законодателей, невозможность охарактеризовать их деятельность как законодательную сама по себе не исключает для указанных органов возможности осуществлять правотворческую функцию.

Правовая система любого государства состоит не только из законов и даже не только из нормативных правовых актов, а включает в себя и иные правовые феномены, например, международные договоры, локальные акты, обычаи, прецеденты и т.д., которыми устанавливаются общеобязательные правила

---

[330] *Черногор Н.Н., Залоило М.В.* Актуальные проблемы правотворчества: учебное пособие. М.: Ин-т законодат. и сравнит. правоведения при Правительстве РФ: ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2018. С. 23.

поведения для неопределенного круга лиц, т.е. создаются нормы права. Как правило, они нуждаются в санкционировании со стороны государства, но такое санкционирование не делает их актами законодательными (исключая случаи прямого включения их содержания в текст закона). Поэтому аргумент о том, что орган, не являющийся законодательным, не может быть органом правотворческим, нам представляется неубедительным.

Таким образом, мы видим тесную взаимосвязь правовой природы Конституционного Суда РФ и правовой природы его актов и полагаем, что в первую очередь следует составить четкое и исчерпывающее понятие о такой категории, как акты Конституционного Суда РФ, прежде всего, о его решениях.

Термин «решение Конституционного Суда» есть родовое обозначение любого принимаемого им акта, отвечающего установленным ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» критериям[331]. Иначе говоря, решением Конституционного Суда РФ является каждый акт, принимаемый в его заседании, выражающий волю суда либо констатирующий в соответствии с законом определенные обстоятельства[332].

В соответствии с действующим законодательством существует несколько видов решений Конституционного Суда РФ. ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» выделяет два основных вида решений Конституционного Суда РФ: «итоговые решения» и «определения»[333]. В свою очередь, итоговые решения Конституционного Суда РФ подразделяются на постановления и заключения.

В ст. 3 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» законодателем закреплен перечень вопросов, по существу которых суд вправе именем Российской Федерации вынести свое решение в форме постановления, в

---

[331]См.: *Фархтдинов Я.Ф.* Источники гражданского процессуального права Российской Федерации. С. 306.

[332]См.: *Эбзеев Б.С.* Конституция. Правовое государство. Конституционный Суд. М.: Закон и право, 1997. С. 162–163.

[333] Кроме того, согласно ст. 71 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», в заседаниях Конституционного Суда также принимаются решения по вопросам организации его деятельности, что, однако, выходит за рамки предмета, исследуемого в настоящей работе.

частности вопросы о конституционности нормативных актов органов государственной власти или договора между органами государственной власти, о конституционности законов, примененных (по жалобам граждан или их объединений) либо подлежащих применению (по запросам судов) в конкретном деле, о конституционности выносимого на референдум вопроса, о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека.

Заключения Конституционного Суда РФ представляют собой итоговые решения по запросам о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения Президента Российской Федерации в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления, и по делам, в которых проверяется порядок возбуждения процедуры референдума.

Все прочие акты Конституционного Суда РФ принимаются в форме определений, особое место среди которых занимают принимаемые в порядке конституционного судопроизводства так называемые определения с «позитивным» содержанием. По мнению ряда исследователей, таких, как Н.В. Витрук, И.В. Сухинина, и других, в данном типе определений Конституционный Суд РФ, «формально отказывая в принятии обращения к рассмотрению в публичном заседании, решает конституционно-правовую проблему по существу с вытекающими последствиями»[334]. Г.А. Жилин также обращает внимание на особое место данного типа определений, указывая, что в результате принятия таких определений происходит изменение или полная дисквалификация дефектной правовой нормы, что благоприятным образом сказывается на правовой системе в целом[335].

---

[334] Цит. по: *Овсепян Ж.И.* Источники (формы) российского права в период международной глобализации: монография. М.: Проспект, 2016. С. 269.

[335] *Жилин Г.А.* Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы. С. ?.

В качестве примера подобного рода определений следует привести Определение Конституционного Суда РФ от 5.03.2009 г. № 278-О-П[336], которым был выявлен конституционно-правовой смысл п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ, состоящий в том, что судья не вправе отказать в принятии иска о взыскании с государства сумм в возмещение вреда, причиненного правосудием, и в том случае, если вина судьи в незаконных действиях (бездействии), повлекших не разрешение спора в рамках гражданского судопроизводства по существу либо нарушение разумных сроков судебного разбирательства, установлена не приговором суда, а иным судебным актом. Подобного рода определения, равно как и постановления Конституционного Суда РФ являются общеобязательными, а выявленный в них конституционно-правовой смысл оспариваемого законоположения является единственно допустимым в правоприменительной практике[337].

Обозначая место актов Конституционного Суда РФ в механизме правового регулирования, нельзя не согласиться с утверждением о том, что данные акты имеют особое значение, которое обусловлено ролью этого органа по отношению к Конституции РФ, занимающей главенствующее место в иерархической системе

---

[336] По жалобе гражданина Ивентьева Сергея Ивановича на нарушение его конституционных прав положением пункта 1 части первой статьи 134 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 5.03.2009 г. № 278-О-П // Вестник Конституционного Суда РФ. № 5. 2009.

[337] С 29 декабря 2016 г., т.е. с момента вступления в силу Федерального конституционного закона от 28.12.2016 г. № 11-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон "О Конституционном Суде Российской Федерации"», определения, в которых впервые выявляется конституционно-правовой смысл нормы, Конституционным Судом РФ не принимаются. Их место занято сходными по своей сути постановлениями Конституционного Суда РФ, в которых Конституционный Суд РФ признает нормативный акт соответствующим Конституции Российской Федерации в данном Конституционным Судом РФ истолковании. Такое истолкование является обязательным, поскольку суды общей юрисдикции, арбитражные суды не вправе применять такой нормативный акт или его отдельные положения в истолковании, расходящемся с истолкованием, данным Конституционным Судом РФ в своем постановлении. – См.: Собрание законодательства РФ. 2017. № 1 (Ч. I). Ст. 2.

источников гражданского процессуального права[338]. Между тем, несмотря на их значимость, в научном сообществе вопрос о юридической природе решений Конституционного Суда РФ, их правовом статусе и их соотношении с понятием «источник (форма) права» остается дискуссионным.

Н.Н. Вопленко, отмечая исключительную роль для правоприменительной практики особого рода «синтеза толкования и правоприменения», наблюдаемого в решениях Конституционного Суда РФ, называет его правотворческим толкованием[339].

Ряд исследователей, в том числе Х.И. Гаджиев, являются сторонниками признания решений Конституционного Суда РФ источником (формой) права[340], причем некоторые рассматривают их как разновидность правовых актов, содержащих в себе общеобязательные правила поведения, ориентированные на регулирование общественных отношений[341].

При этом некоторые исследователи, например, Н.С. Бондарь, Б.А. Страшун, В.А. Сивицкий, Е.А. Терюкова, трактуют содержащиеся в решениях Конституционного Суда РФ правила поведения как специфические нормы права (нормы особого характера, нормы права доктринального назначения, квазинормы)[342].

---

[338] См.: *Жилин Г.А.* Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы. С. ? .

[339] *Вопленко Н.Н.* Источники и формы права. С. 85.

[340] *Гаджиев Х.И.* Толкование норм Конституции и закона конституционными судами: На примере Азербайджанской Республики и Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 251.

[341] См.: *Жилин Г.А.* Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы. С. ?.

[342] *Бондарь Н.С.* Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда РФ как источников права // Журнал российского права. 2007. № 4. С. 75–81; *Сивицкий В.А., Терюкова Е.А.* Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источники конституционного права Российской Федерации // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1997. № 3. С. 75; *Федеральное* конституционное право России: Основные источники / Сост. и авт. вступ. ст. Б.А. Страшун. М.: Норма, 1996.

Другие авторы, признавая нормативный характер решений Конституционного Суда РФ, причисляют их к категории судебного прецедента. Так, например, Н.Л. Гранат и В.В. Лазарев прямо относят решения Конституционного Суда РФ к сфере правотворчества и указывают, что данный орган на законном основании создает судебный прецедент в Российской Федерации[343]. О.В. Зайцев, в свою очередь, пишет, что постановления Конституционного Суда РФ не могут считаться ни доктриной, ни прецедентом[344], однако, обращая внимание на их исключительность, отмечает, что решения Конституционного Суда РФ сближаются с правовыми нормами настолько тесно, что граница между ними становится условной[345].

Данные умозаключения нам представляются не вполне верными, так как мы убеждены в необходимости разграничения судебных прецедентов, с одной стороны, и таких актов высших судебных органов, как решения Конституционного Суда РФ и постановления Пленума Верховного Суда РФ, с другой стороны. В.Д. Зорькин также говорит о решениях Конституционного Суда РФ не как о прецеденте в строго юридическом смысле слова, а об их прецедентном значении[346]. Х.И. Гаджиев обращает внимание, что «Конституционный Суд РФ стремится к соблюдению последовательности собственной практики», но при этом не провозглашает «доктринальное признание прецедента»[347].

---

[343] См.: *Общая* теория права и государства / Под ред. В.В. Лазарева. С. 192–194.

[344] *Зайцев О.В.* Правовая природа и значение правовых позиций конституционного суда Российской Федерации // Вестник Тверского государственного университета. 2017. № 4. С. 156–163.

[345] *Зайцев О.В.* Роль судебных решений (прецедентов) и судебной практики в регулировании общественных отношений // Вестник гражданского процесса. 2018. № 2. Т. 8. С. 106.

[346] *Зорькин В.Д.* Конституционный Суд России. С. 343, 346.

[347] *Гаджиев Х.И.* Судебные доктрины и эффективность правоприменения // Журнал российского права. 2019. № 6 (270). С. 22.

Некоторые ученые, в частности Н.В. Витрук, приходят к выводу, что решения Конституционного Суда РФ в силу их специфики нельзя в полной мере причислить ни к одному из существующих источников права и считают необходимым относить их к самостоятельным источникам права[348].

Б.С. Эбзеев отмечает, что, хотя решения Конституционного Суда РФ формально считаются имеющими силу только для тех дел, в связи с которыми они были вынесены, в действительности они выступают источниками права[349].

Р.З. Лившиц также признает решения Конституционного Суда РФ в качестве источника права, так как действие данных решений фактически распространяется на неопределенный круг лиц[350].

И это действительно так. А.А. Сергеев отмечает, что Конституционный Суд РФ, распространяя собственные правовые позиции, изложенные в своих же прежних решениях, на иные правоотношения с иным составом лиц, сам свои собственные решения признает источником права, отличающимся от иных судебных актов[351].

Такая оценка вытекает из содержания Постановления Конституционного Суда РФ от 16.06.1998 г. № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации», согласно которому только Конституционный Суд РФ вправе проверять конституционность нормативных правовых актов, перечисленных в ст. 125 Конституции, а его решения о признании нормативных правовых актов недействующими в силу их неконституционности, являясь официальными, общеобязательными и окончательными, действуют во времени, пространстве и по кругу лиц так же, как решения нормотворческого органа, имеют общее значение нормативных актов и

---

[348] *Витрук Н.В.* Конституционное правосудие в России (1991–2001 гг.). Очерки теории и практики. М.: Городец-Издат, 2001. С. 104–124.

[349] *Эбзеев Б.С.* Конституция. Правовое государство. Конституционный Суд. С. 163.

[350] *Лившиц Р.З.* Судебная практика как источник права: сб. ст. / Отв. ред. Б.Н. Торопонин. М.: Институт государства и права Российской Академии наук, 1997. С. 3–15.

[351] *Сергеев А.А.* Источники российского права: вопросы классификации и некоторые тенденции развития // Российский юридический журнал. 2017. № 5 (116). С. 10.

обязывают как суды, так и иных правоприменителей действовать в соответствии с изложенными в решениях Конституционного Суда РФ правовыми позициями.

Представители противоположной точки зрения отрицают нормативный характер актов Конституционного Суда РФ и, соответственно, возражают против их признания источником (формой) права.

Например, Д.Э. Удалов достаточно убедительно обосновав вывод об отсутствии признаков судебного прецедента у решений Конституционного Суда РФ, полагает, что их нельзя рассматривать не только в качестве судебного прецедента, но и вообще как источник российского права[352]. Мы, в свою очередь, полагаем, что отсутствие у актов Конституционного Суда РФ совпадающих признаков лишь с одним из правовых феноменов – судебным прецедентом, входящих в совокупность явлений правовой действительности, имеющих общее наименование «источники (формы) права», не является достаточным основанием для абсолютного исключения возможности отнесения указанных актов к данной совокупности.

О.Ю. Котов, анализируя юридическую природу решений Конституционного Суда РФ и их влияние на гражданское судопроизводство, приходит к выводу о невозможности однозначного отождествления их юридической природы ни с нормотворчеством, ни с правоприменением и подчеркивает, что они не становятся ни частью конституционной нормы, ни самостоятельным источником права. По его мнению, они представляют собой общеобязательные, принятые во исполнение Конституции Российской Федерации особые решения государственного органа, констатирующие конституционность или неконституционность норм законодательства, на основе выводов о содержании того или иного права, сделанных исходя из известных конституционных принципов[353].

---

[352] *Удалов Д.Э.* Источники процессуального права… С. 156–157.

[353] *Котов О.Ю.* Влияние решений Конституционного Суда России на гражданское судопроизводство. М.: Городец-Издат, 2002. С. 54–56.

Следовательно, решения Конституционного Суда РФ рассматриваются им не в качестве источников права, а в качестве своего рода общеобязательных оценочных суждений.

К такому же выводу ранее пришел и создатель либертарно-юридической теории права и государства В.С. Нерсесянц, который указывал, что согласно действующей Конституции отмена нормативного правового акта (равно как и его принятие и изменение) выступают прерогативой правотворческих органов, а не суда. Суд же обладает правом лишь давать юридическую оценку и характеристику того или иного нормативно-правового акта в отношении его конституционности, в связи с чем решение судебного органа о несоответствии того или иного акта Конституции Российской Федерации является основанием для отмены этого акта компетентным правотворческим органом, а не самой его отменой[354].

Несомненно, с формально-юридической точки зрения признание Конституционным Судом РФ нормы закона или иного правового акта неконституционными не означает их отмены или изменения де-юре, это относится к прерогативе законодателя. Однако по сути с подобными взглядами сложно согласиться, поскольку признание той или иной части нормативного правового акта не соответствующей Конституции Российской Федерации исключает такие нормы из правовой системы России, что по правовым последствиям равносильно отмене нормы принявшим ее органом.

В сфере гражданского процессуального права применение неконституционного акта, разрешение на его основе конкретного дела судом говорит о незаконности судебного решения и является основанием для отмены такого решения. Таким образом, как минимум резолютивная часть решений

---

[354] *Нерсесянц В.С.* Суд не законодательствует и не управляет, а применяет право (о правоприменительной природе судебных актов) / Судебная практика как источник права: сб. ст. / Отв. ред. Б.Н. Торопонин. С. 34–41.

Конституционного Суда РФ, содержащая его окончательные выводы о признании нормативного правового акта не соответствующим Конституции Российской Федерации, является источником права, а сам Конституционный Суд РФ в этом случае является «негативным законодателем»[355].

Однако этим роль Конституционного Суда РФ в правотворчестве не исчерпывается. Как отмечает М.В. Баглай, в результате рассмотрения ряда дел Конституционный Суд РФ вынужден был признать рассматриваемые им положения закона неконституционными и тем самым прекращать их действие. В результате такого решения возникает определенный информационный и правовой «вакуум», который нуждается в немедленном заполнении[356]. Таким образом можно заметить, что, несмотря на то что Конституционный Суд РФ не является в прямом смысле этого слова «законодателем», в ряде случаев он вынужден принимать в целях заполнения возникающего законодательного пробела временную норму, действие которой длится до принятия соответствующего нормативного правового акта.

Более того, достаточно часто Конституционный Суд РФ формально оставив норму неизменной, выявляет ее конституционно-правовой смысл, который, как правило, существенно отличается от смысла, придававшегося этой норме сложившейся правоприменительной практикой, тем самым фактически создает новое общеобязательное правило поведения, формой внешнего выражения которого (источником, в значении формы права) является постановление Конституционного Суда РФ.

Так, например, Конституционный Суд РФ своим Постановлением от 30.11.2012 г. № 29-П «По делу о проверке конституционности положений части пятой статьи 244.6 и части второй статьи 333 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.Г. Круглова,

---

[355] См.: *Туманов В.А.* Предисловие. Конституционный Суд Российской Федерации: Постановления. Определения. 1992–1996. М., 1997. С. 5.

[356] *Баглай М.В.* Конституционное правосудие в России состоялось // Российская юстиция. 2001. № 10. С. 4.

А.В. Маргина, В.А. Мартынова и Ю.С. Шардыко», выявив конституционно-правовой смысл оспариваемых положений ч. 5 ст. 244.6 и ч. 2 ст. 333 ГПК РФ, признал эти нормы не противоречащими Конституции Российской Федерации и обязал законодателя внести изменения в гражданское процессуальное законодательство в части регулирования порядка рассмотрения частных жалоб, представлений прокурора и указал, что до внесения таких изменений указанные нормы подлежат применению в том конституционно-правовом истолковании, которое указано в данном Постановлении[357].

Аналогичным образом в Постановлении Конституционного Суда РФ от 17.10.2017 г. № 24-П был выявлен, раскрыт, определен конституционно-правовой смысл п. 5 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, существенно отличающийся от смысла, ранее придававшегося указанным положениям правоприменительной практикой. При этом Конституционный Суд РФ установил те признаки, наличие которых (дополнительно к признакам, установленным в процессуальном законе) делает постановления Верховного Суда РФ основанием для пересмотра по новым обстоятельствам. В результате принятия указанного Постановления, во-первых, стала недопустимой, незаконной отмена вступивших в законную силу судебных постановлений по новым обстоятельствам в связи с определением (изменением) практики применения правовой нормы Судебной коллегией Верховного Суда РФ по итогам рассмотрения иного гражданского дела в кассационном порядке. Данное понимание положений п. 5 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ является общеобязательным и единственно допустимым в правоприменительной практике. Во-вторых, федеральному законодателю предписано закрепить в п. 5 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ положения о возможности такого пересмотра только в течение установленного законом процессуального срока, если в соответствующем постановлении Верховного Суда РФ имеется прямое указание на придание сформулированной в нем правовой позиции обратной силы применительно к делам со схожими фактическими обстоятельствами и если такой пересмотр не придает обратную силу

[357]Собрание законодательства РФ. 2012. № 51. Ст. 7323.

толкованию, ухудшающему положение слабой стороны, например, граждан в их пенсионных, жилищных, социальных и тому подобных правоотношениях с государственными и муниципальными органами. В-третьих, дано новое содержание принципам правовой определенности и res judicata в гражданском процессе[358].

Возвращаясь к анализу взглядов сторонников отнесения актов Конституционного Суда РФ к источникам права следует обратить внимание на точку зрения, высказанную Х.И. Гаджиевым и состоящую в том, что эти акты «имеют равную юридическую силу с конституционными нормами»[359]. Такие взгляды были поддержаны, например, М.В. Пресняковым, который заявляет о наличии у правовых позиций Конституционного Суда РФ юридической силы конституционно-правовых норм, поскольку, по его мнению, они, «составляя неразрывное единство с текстом Конституции, образуют так называемую реальную или фактическую конституцию»[360]. Нам же подобное возвышение роли актов конституционного правосудия представляется излишне поэтичным и несколько поспешным, не отражающим существующие правовые реалии и размывающим само понятие Конституции. По нашему мнению, можно обоснованно вести речь о признании за актами Конституционного Суда РФ подобного статуса только в том случае, если такие акты будут содержать дополнения и разъяснения к Конституции и оформляться как поправки к ней, что в существующей отечественной правовой системе является невозможным.

На сегодняшний день акты Конституционного Суда РФ составляют неразрывное единство с текстом закона, конституционность которого была предметом проверки в ходе осуществления конституционного правосудия и, по всей видимости, могут быть признаны источником (формой) той отрасли права, к

---

[358] Более подробно см.: *Самсонов Н.В.* Действие принципов правовой определенности и res judicata в гражданском процессе. С. 6–11.

[359] *Гаджиев Х.И.* Толкование норм Конституции и закона конституционными судами. С. 247.

[360] *Пресняков М.В.* Виды источников конституционного права: типичные и нетипичные формы права // Российская юстиция. 2017. № 7. С. 14.

которой относится подвергнутый проверке закон, но не становятся составной частью Конституции.

Более того, уравнивание решений Конституционного Суда РФ с текстом Конституции Российской Федерации, предложение рассматривать их как составную ее часть противоречат самой природе Конституции Российской Федерации как нормативного правового акта, принятого всенародным голосованием, являющегося основой отечественной правовой системы и имеющего высшую юридическую силу, в отношении которого действует специальный порядок внесения в нее изменений, нацеленный на обеспечение максимальной устойчивости и стабильности текста Конституции Российской Федерации. Признание же за решениями Конституционного Суда РФ юридической силы конституционно-правовых норм, в силу большого и ежегодно увеличивающегося объема первых, повлечет размывание самой Конституции Российской Федерации.

Нам представляется логичным предложенный Я.Ф. Фархтдиновым способ определения правовой природы актов Конституционного Суда РФ путем сопоставления компетенции, содержания и формы деятельности данного органа с аналогичными признаками органов законодательных. По его мнению, положения п. «о» ст. 71 Конституции Российской Федерации указывают, что источником отечественного гражданского процессуального права выступает исключительно федеральное законодательство[361]. Развивая это положение, Я.Ф. Фархтдинов отмечает, что порядок гражданского судопроизводства в Российской Федерации определяется ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», ГПК РФ и иными законами. Статья 1 ГПК РФ также содержит упоминание о верховенстве международных договоров Российской Федерации над внутренним процессуальным законодательством. Среди перечисленных источников гражданского процессуального права отсутствуют нормативные акты высших

[361] *Фархтдинов Я.Ф.* Источники гражданского процессуального права Российской Федерации. С. 310.

органов исполнительной власти, также в числе таковых не указаны постановления Конституционного Суда РФ.

Мы полагаем, что п. «о» ст. 71 Конституции говорит лишь об отнесении судоустройства и процессуального законодательства к ведению Российской Федерации, но не называет федеральное законодательство единственным источником отечественного гражданского процессуального права. По всей видимости, именно такое понимание указанной конституционной нормы позволяет Я.Ф. Фархтдинову прийти в итоге к теоретически верному умозаключению о том, что постановления Конституционного Суда РФ имеют не только нормативный характер, но и являются источниками гражданского процессуального права[362].

Именно к такому выводу можно прийти, оценив решения Конституционного Суда РФ на предмет соответствия ряду критериев, выводимых из присущих нормативным правовым актам как источникам (формам) права характеристик:

1) Нормативные правовые акты возникают в результате деятельности компетентных государственных органов, осуществляемой в пределах их полномочий.

Хотя Конституционный Суд РФ не включен в число законодательных либо правотворческих органов и прямо не уполномочен издавать нормативные правовые акты, вводящие новые нормы, в том числе нормы о гражданском судопроизводстве, он является государственным органом и действует в рамках установленной Конституцией Российской Федерации и российским законодательством компетенции.

2) Принятие нормативных правовых актов происходит в соответствии с определенным процедурным порядком.

Осуществляемый Конституционным Судом РФ конституционный контроль реализуется посредством особой процедуры (конституционного судопроизводства) в целях обеспечения верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации на всей территории РФ. Порядок

---

[362] См.: Там же. С. 316.

рассмотрения дел, относящихся к компетенции Конституционного Суда РФ, определяется Конституцией Российской Федерации (ст. 118, 125), ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» и Регламентом Конституционного Суда РФ.

3) Нормативный правовой акт есть акт, направленный на установление, изменение или отмену нормы права, т.е. его сутью является внесение корректив в систему правил поведения общего характера.

Нам представляется интересной позиция А.Ф. Черданцева, который, отмечая, что Конституционный Суд РФ формально не относится к числу правотворческих органов, тем не менее признает его фактическим участником процесса правотворчества, поскольку данный процесс предполагает не только создание новых норм, но и изменение, и отмену действующих. В соответствии с законодательно закрепленными за ним полномочиями Конституционный Суд РФ своим решением может признать законы, указы Президента РФ и иные нормативные правовые акты не соответствующими действующей Конституции Российской Федерации, в силу чего, как мы уже отмечали выше, данные акты утрачивают свою юридическую силу и прекращают свое действие в качестве регулятора общественных отношений. Данные действия Конституционного Суда Российской Федерации, безусловно, вносят существенные изменения в систему норм права. К этому следует добавить, что, несмотря на наличие у государственного органа или должностного лица, принявших признанный не соответствующим Конституции Российской Федерации нормативный правовой акт, обязанностей по его отмене либо его изменению (ч. 4 ст. 79 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»), устранение такого дефектного акта из правовой системы России происходит на основании акта Конституционного Суда РФ (ч. 3 ст. 79 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

4) Нормативному правовому акту присуща документальная оформленность.

Согласно ст. 74 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» все постановления и заключения Конституционного Суда РФ излагаются в форме отдельных документов с обязательным указанием мотивов их принятия. Статья 75

данного закона также содержит четкие требования к форме изложения решения Конституционного Суда РФ.

5) Нормативный правовой акт обладает юридической силой.

Согласно ст. 6 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» решения Конституционного Суда РФ имеют обязательный характер на всей территории Российской Федерации для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений.

6) Обязательным признаком нормативного правового акта является его информационная доступность, т.е. такой акт должен подлежать опубликованию; данный критерий вытекает из ст. 15 Конституции Российской Федерации, согласно которой любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не были официально опубликованы для всеобщего сведения.

Согласно ст. 78 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», все постановления и заключения Конституционного Суда РФ подлежат незамедлительному опубликованию в официальных изданиях органов государственной власти, а иногда и субъектов Российской Федерации (в случаях признания неконституционными их законов). Решения Конституционного Суда РФ публикуются в таких официальных периодических изданиях, как «Вестник Конституционного Суда Российской Федерации», «Российская газета», «Собрание законодательства РФ», а при необходимости и в иных изданиях.

Такое соответствие актов Конституционного Суда РФ вышеприведенным критериям, характерным для нормативного правового акта, не являясь абсолютно полным, тем не менее позволяет с достаточной степенью убедительности обосновывать точку зрения на них как на источник (форму) права.

Однако прежде чем завершить исследование данного вопроса, следует отметить, что в юридической науке продолжается достаточно острая дискуссия по вопросу о том, какая часть акта конституционного правосудия является

источником права: только лишь резолютивная его часть или и правовые позиции, содержащиеся в его мотивировочной части.

Отсутствует единство мнений и относительно содержания понятия «правовая позиция Конституционного Суда РФ», и относительно обоснованности его употребления. Крайние, полярные взгляды на это понятие высказывают, с одной стороны, Г.А. Гаджиев, полагающий, что это само кристаллизованное право, выявленное Конституционным Судом РФ[363], с другой стороны – В.В. Ершов, считающий использование термина «правовая позиция» неоправданным и контрпродуктивным[364]. Обе вышеприведенные позиции, на наш взгляд, не вполне удобны для описания исследуемого феномена, первая – в силу излишней поэтичности, вторая – в силу того, что термин «правовая позиция» не только прочно вошел в словарь ученых-юристов, но используется и в законодательных, и в судебных актах.

Интересную попытку дать дефиницию указанному термину предпринял П.А. Гук; по его мнению, правовая позиция представляет собой правовую оценку нормативно-правового содержания проверяемого закона на соответствие Конституции Российской Федерации, итогом которой становятся правовые выводы, содержащие правила поведения, принципы, толкование, изложенные в судебном акте, разрешающие правовую неопределенность и направленные на урегулирование общественных отношений[365]. Однако данное определение нам представляется неполным.

---

[363] *Гаджиев Г.А.* Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 1999. № 3. С. 85.

[364] *Ершов В.В.* Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. С. 445–446.

[365] *Гук П.А.* Судебная практика как форма судебного нормотворчества в правовой системе России: общетеоретический анализ: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2012. С. 28–29.

Мы полагаем возможным согласиться с С.П. Мавриным, который определяет правовую позицию Конституционного Суда РФ как «высказанные в его решениях аргументированные точки зрения, мнения, суждения, умозаключения или выводы Конституционного Суда РФ относительно конституционно-правовых принципов, правовых идей и иных фундаментальных правовых конструкций, которыми руководствовался Конституционный Суд РФ, принимая решение по конкретному делу, и которыми надлежит руководствоваться в дальнейшем субъектам правотворчества и правоприменения при регулировании соответствующих общественных отношений»[366].

М.Н. Марченко справедливо отмечает, что правовые позиции Конституционного Суда РФ формулируются и в резолютивной, и в мотивировочной частях его решений, что, по его мнению, при рассмотрении вопроса об источниках права позволяет рассматривать в качестве таковых именно решения Конституционного Суда РФ, а не его отдельные правовые позиции, содержащиеся в той или иной части решения[367].

Л.Г. Бирюкова, на наш взгляд, вполне верно обращает внимание на единство мотивировочной и резолютивной частей решений Конституционного Суда РФ, в каждой из которых содержатся нормативные положения[368].

По нашему мнению, более убедительно выглядит аргументация ученых, отстаивающих воззрения на содержащиеся как в резолютивной, так и в мотивировочной части акта Конституционного Суда правовые позиции как на обязательную для правоприменителя часть акта конституционного правосудия, являющуюся к тому же источником (формой) права.

Акты конституционного правосудия в целом, как мы показали выше, фактически являются источником (формой) права, и выделять в них обязательную

---

[366] *Маврин С.П.* Некоторые соображения о понятии правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. 2010. № 4. С. 12–18.

[367] *Марченко М.Н.* Судебное правотворчество и судейское право. М.: Проспект, 2008. С. 132–133.

[368] *Бирюкова Л.Г.* Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник права: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004. С. 83, 147.

и необязательную часть как источника (формы) именно гражданского процессуального права будет суд, рассматривающий конкретное дело, и применительно к конкретному делу. Именно этот суд определит, что применительно к разрешаемому им правовому конфликту следует считать «ratio decidendi» (прямыми, обязательными основаниями его решения, теми принципами, основами, на которых принимается решение), а что «obiter dictum» (попутно сказанным), какую правовую позицию, содержащуюся в решении Конституционного Суда РФ, следует применить при разрешении конкретного рассматриваемого им дела. Нельзя исключать вероятность того, что при разрешении одного типа споров общий суд воспримет в качестве «ratio decidendi» одну часть акта конституционного правосудия, а при разрешении другого типа споров другую часть. Подобным образом на этот процесс могут повлиять и иные различия между сходными гражданско-правовыми спорами (например, различия в субъектном составе). Таким образом, мы расцениваем деятельность суда по выявлению обязательной и необязательной для него при рассмотрении конкретного дела части постановления Конституционного Суда РФ как сходную с его же деятельностью по выбору подлежащей применению гражданской процессуальной нормы из актов материального права, являющихся источниками (формами) права гражданского процессуального. Ведь, насколько нам известно, в науке гражданского процессуального права нет дискуссии о том, что является его источником – Гражданский кодекс РФ в целом или ст. 162 данного Кодекса, содержащая правило о допустимости свидетельских показаний в случае несоблюдения простой письменной формы сделки. И как при неправильном применении нормы права его может поправить вышестоящий суд, то таким же образом вышестоящий суд может поправить суд нижестоящий при использовании последним той части постановления Конституционного Суда РФ, которая не является «ratio decidendi».

Поэтому применительно к проблеме разграничения «ratio decidendi» и «obiter dictum» следует согласиться с М.А. Фокиной, полагающей, что в «постановлениях Конституционного Суда РФ обязательное значение имеет не только резолютивная,

но и мотивировочная часть»[369], и для различных категорий гражданских дел различные части его решений будут являться обязательными.

С формально-правовой точки зрения следует отметить, что действующее законодательство также говорит об обязательности решений Конституционного Суда РФ, а не их части, что решения и другие акты Конституционного Суда РФ выражают правовую позицию судей и что сам Конституционный Суд РФ может рассматривать и разрешать дела на основании правовых позиций, содержащихся в ранее принятых постановлениях Конституционного Суда РФ, без проведения слушания. Кроме того, толкование Конституции Российской Федерации, данное Конституционным Судом РФ, является официальным и обязательным для всех субъектов, участвующих в правоотношениях (ст. 6, ст. 47.1, п. 11 ст. 75, ч. 3 ст. 79, ст. 106 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»), а признание Конституционным Судом РФ закона, примененного в конкретном деле, не соответствующим Конституции Российской Федерации, является основанием для пересмотра решения по гражданскому делу (п. 3 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ).

И наконец,представляется логичным затронуть еще один аспект исследуемой проблемы. Ряд исследователей, в частности В.Д. Зорькин, В.А. Сивицкий, А.Н. Станкин, обращают внимание на то, что в случае дисквалификации дефектной правовой нормы неизбежно возникает вопрос о том, каким образом должны регулироваться общественные отношения, которые ранее были регламентированы неконституционным законом. В таком случае, по их мнению, необходимо применение постановления Конституционного Суда РФ[370]. Отечественные суды

---

[369] *Фокина М.А.* Роль судебной практики в совершенствовании доказывания по гражданским делам // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 4. С. 20–25.

[370] *Зорькин В.Д.* Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации. С. 4; *Сивицкий В.А., Терюкова Е.Ю.* Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права Российской Федерации. С. 75; *Станкин А.Н.* К вопросу о правовой природе решений Конституционного Суда России // Новая правовая мысль. 2006. № 1. С. 22.

также нередко ссылаются в своих решениях на постановления Конституционного Суда РФ и содержащиеся в них правовые позиции как на источник права[371]. Абзац 4 ст. 79 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» предписывает применять в таком случае Конституцию РФ в истолковании, данном ее положениям Конституционным Судом РФ. При этом формой внешнего выражения норм отраслевого права, возникших в процессе такого истолкования, по нашему мнению, являются постановления Конституционного Суда РФ, которые в связи с этим и применяются (правомерно) общими судами как источник (форма) права.

В качестве еще одного примера использования актов Конституционного Суда РФ в роли источника гражданского процессуального права мы считаем возможным привести его Постановление от 21.04.2010 г. № 10-П[372], в котором в отношении предыдущей редакции ст. 328 ГПК РФ была высказана правовая позиция, состоящая в том, что суд апелляционной инстанции правомочен отменить решение мирового судьи, который рассмотрел дело в отсутствие кого-либо из лиц, участвующих в деле и не извещенных о времени и месте судебного заседания, или разрешил вопрос о правах и об обязанностях лиц, не привлеченных к участию в деле, и направить дело мировому судье на новое рассмотрение[373]. Данное решение Конституционного Суда РФ, содержащее новую гражданскую процессуальную

---

[371] Кассационное определение Верховного Суда РФ от 6.07.2017 г. № 66-КГ17-6; Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 2.02.2017 г. № АПЛ16-588; Определение Верховного Суда РФ от 12.12.2017 г. № 57-КГ17-20 // СПС КонсультатПлюс.

[372] По делу о проверке конституционности части первой статьи 320, части второй статьи 327 и статьи 328 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданки Е.В. Алейниковой и общества с ограниченной ответственностью «Три К» и запросами Норильского городского суда Красноярского края и Центрального районного суда города Читы: постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2010 г. № 10-П // Собрание законодательства РФ. 2010. № 19. Ст. 2357.

[373] Подробнее см.: *Терехова Л.А.* Заключение по жалобам гр-ки Алейниковой Е.В., ООО "Три К" на нарушение их конституционных прав положением ч. 1 ст. 320 ГПК РФ; запросам Норильского городского суда Красноярского края и Центрального районного суда г. Читы о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 43, ч. 2 ст. 327 и ст. 328 ГПК РФ // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2010. № 2 (23). С. 168–176.

норму, реализовывалось судами общей юрисдикции не только применительно к решениям мировых судей. Более того, оно реализовывалась и в период действия нынешней редакции ст. 328 ГПК РФ[374]. Так, Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ, установив, что обжалуемое решение вынесено без надлежащего извещения заявителей о времени рассмотрения дела, признала, что заявители были лишены гарантированного ст. 46 Конституции Российской Федерации права на доступ к правосудию, и со ссылкой на указанное Постановление Конституционного Суда РФ отменила решение Санкт-Петербургского городского суда от 31.01.2012 г. и направила дело на новое рассмотрение[375]. Следовательно, официально опубликованными Постановлением Конституционного Суда РФ от 21.04.2010 г. № 10-П, как и ранее упоминавшимся Постановлением от 30.11.2012 г. № 29-П были созданы общеобязательные, рассчитанные на неоднократное применение правила поведения в ходе гражданского судопроизводства для неопределнного круга лиц, т.е. введены новые нормы гражданского процессуального права.

Таким образом, мы приходим к выводу, что решения Конституционного Суда РФ в указанных случаях фактически уже выступают источниками (формами) отечественного гражданского процессуального права, хотя, на наш взгляд, имеется насущная необходимость закрепления такого их статуса в тексте процессуального законодательства, а также в тексте ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» в целях упрощения процедуры их применения в данном качестве.

---

[374] Более подробно об этом, а также о причинах отказа от этой практики см.: *Самсонов Н.В.* О праве суда апелляционной инстанции отменить решение суда первой инстанции и направить дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции // Российский судья. 2014. № 5. С. 24–27.

[375] Об отмене решения Санкт-Петербургского городского суда от 31.01.2012 г. и направлении на новое рассмотрение дела о признании недействующими отдельных положений Закона Санкт-Петербурга от 19.01.2009 г. № 820-7 и Закона Санкт-Петербурга от 16.02.2009 г. № 29-10: Определение Верховного Суда РФ от 18.04.2012 г. № 78-АПГ12-3 // СПС КонсультантПлюс.

Что же касается актов конституционного правосудия, издаваемых конституционными и уставными судами субъектов Российской Федерации, то в силу положений п. «о» ст. 71 Конституции Российской Федерации, относящих регулирование вопросов судоустройства и процессуального законодательства к исключительному ведению Российской Федерации, вопрос о возможности отнесения указанных актов к источникам (формам) отечественного гражданского процессуального права решается однозначно отрицательно. Кроме того, в связи с упразднением конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации с 1 января 2023 г. утрачивает свою актуальность[376].

[376] О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы: Федеральный конституционный закон от 8.12.2020 г. № 7-ФКЗ // Российская газета. 2020. № 280.

3.3. Проблемы признания постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации источниками (формами) гражданского процессуального права России

Несмотря на признаваемое всеми исследователями и практикующими юристами значение постановлений Пленума Верховного Суда РФ для отечественной правовой системы в целом и для гражданского судопроизводства в частности как явления правовой действительности, оказывающего влияние на все аспекты их функционирования и развития, начиная от правоприменения на уровне судов первой инстанции и заканчивая влиянием на определение основных тенденций правовой политики всего государства, на сегодняшний день отсутствует единая оценка их правовой природы.

Как уже отмечалось нами ранее, постановления Пленума Верховного Суда РФ (далее – постановления ПВС) среди актов, принимаемых судами общей юрисдикции, выделяются своим особым характером, проявляющимся в том, что этими постановлениями не разрешаются конкретные гражданские дела. Следовательно, они не могут быть отнесены к судебным прецедентам, которыми, по нашему мнению, являются только судебные постановления, вынесенные по конкретным делам.

В.М. Жуйков, выделяя отличия разъяснений Пленума Верховного Суда РФ от судебного прецедента, отмечает, что эти разъяснения даются правомерно – на основании ст. 126 Конституции РФ; что они значительно эффективнее судебного прецедента, так как являются более обобщенными и многогранными, могут быть даны Верховным Судом РФ заблаговременно, до возникновения конкретных дел, когда неясность закона очевидна, позволяя предупреждать судебные ошибки, а не исправлять их; что они не касаются конкретных дел и носят общий характер, затрагивают лишь вопросы права, а вопросы фактов оставляют в исключительной

компетенции судов, рассматривающих конкретные дела[377]. На наш взгляд, основным признаком, отличающим постановления ПВС от судебных прецедентов и иных судебных актов, будет именно обобщающая направленность толкования закона и универсальность основанных на ней выводов.

В рамках настоящей работы нас в первую очередь интересует возможность отнесения постановлений ПВС к источникам (формам) гражданского процессуального права. На современном этапе развития юридической мысли все большее число исследователей склоняется к тому, чтобы признать постановления ПВС источниками (формами) права. Нам представляется, что подобного рода эволюция, по словам В.М. Жуйкова, могла бы способствовать достижению максимально верного и единообразного применения федерального законодательства всеми судами Российской Федерации, что в свою очередь позитивным образом скажется на эффективности российского судопроизводства[378]. Как отмечает М.А. Фокина, в условиях реформирования социальных отношений необходимость законодательного признания правотворческих функций суда как инструмента быстрого реагирования на появление новых социальных институтов является закономерной[379]. Тем не менее в научном сообществе по сию пору нет единодушного ответа на вопрос о возможности признания постановлений ПВС источниками отечественного гражданского процессуального права.

Начало дискуссии о правовом значении актов высших судебных органов, направленных на толкование закона с целью обеспечения его единообразного применения судами, было положено еще в конце XIX в. после проведения Судебной реформы 1864 г. Решения Сената, являвшегося высшим судебным

---

[377] *Жуйков В.М.* Роль разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации в обеспечении единства судебной практики и защиты прав человека. Предисловие к первому изданию // Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по гражданским делам / Е.А. Борисова, С.А. Герасименко, Б.А. Горохов и др.; под ред. В.М. Жуйкова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА, 2008.

[378] Там же. С. 15.

[379] *Фокина М.А.* Роль судебной практики в совершенствовании доказывания по гражданским делам. С. 20–25.

органом Российской империи, оказывали значительное влияние на правоприменительную деятельность, что вызывало дискуссии относительно их правотворческого характера.

Для разрешения существовавших затруднений, сопряженных с определением юридического статуса разъяснений высших судебных инстанций, ученые-процессуалисты предлагали использовать различные правовые конструкции.

Так, например, А.Х. Гольмстен вел речь о существовании гражданско-процессуального обычного права, которое, по его мнению, вырабатывалось как самостоятельная форма права и практикой волостных судов, и наказами министерства юстиции[380]. И.Е. Энгельман механистически объединял в одном параграфе своего учебника источники гражданского процессуального права и кассационные решения Сената[381].

Наиболее интересными представляются взгляды Е.В. Васьковского, который рассматривал судебную практику в качестве вспомогательного источника процессуального права. Основой такого умозаключения являлась позиция Сената, признававшего за своими разъяснениями, даваемыми при кассационном разрешении дела, а также за определениями, даваемыми с целью разъяснения вопросов, неодинаково разрешаемых судами или возбуждающими сомнения на практике, «обязательное значение» для всех подведомственных ему судебных учреждений. Эти разъяснения и определения публиковались, чтобы служить руководством к единообразному истолкованию и применению законов. При этом Е.В. Васьковский обращал внимание на то, что хотя такой вывод не соответствует букве закона, однако, поскольку он принимается к руководству всеми судами в

---

[380] *Гольмстен А.Х.* Указ. соч. С. 26–27.
[381] *Энгельманъ И.Е.* Указ. соч. С. 1–7.

Российской империи, то с ним необходимо считаться[382]. Нам представляется, что следует согласиться с Г.Д. Улётовой, считающей, что из взглядов дореволюционных процессуалистов на проблему определения правовой природы актов высших судебных органов именно воззрения Е.В. Васьковского[383] сохраняют свою актуальность до настоящего времени.

В советский период в научной литературе также уделялось значительное внимание проблеме определения места и значения актов высших судебных органов, их руководящих разъяснений, принимаемых ими актов толкования права и судебной практики в целом. Их влияние на процесс совершенствования законодательства не отрицалось[384], т.е. в таком значении эти акты и судебная практика могли рассматриваться как источник права. Однако вопрос о возможности отнесения указанных актов к источникам в значении формы права давал повод для оживленной дискуссии.

Большинство исследователей того времени однозначно придерживались позиций юридического позитивизма, исходя из положений ст. 1 и 12 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик, не включавших эти акты ни в состав законодательства о гражданском судопроизводстве, ни в состав актов, применяемых судом при разрешении гражданских дел, отрицали возможность причисления постановлений Пленума Верховного Суда к числу источников гражданского процессуального права[385]. Так, А.Ф. Клейнман отмечал: «Верховный Суд СССР является лишь высшим судебным органом и как таковой не

---

[382] *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского процесса. С. 18–19.

[383] *Улётова Г.Д.* Научное наследие Е.В. Васьковского – надежный ориентир для дальнейшего совершенствования отечественного гражданского процесса // Современное право. 2016. № 10. С. 103–111.

[384] См.: *Судебная* практика в советской правовой системе. С. 286–302.

[385] См.: *Хускивадзе О.Ч.* Источники гражданского процессуального права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1981. С. 5, 11.

уполномочен заниматься правотворчеством»[386]. Некоторые авторы отрицали даже обязательность указаний высших судов о толковании права для нижестоящих судов[387].

Тем не менее существовала и противоположная точка зрения, сторонники которой либо признавали акты высших судебных органов относящимися к источникам (формам) права[388], либо предлагали признать судебную практику одним из источников советского права[389].

Однако большинство ученых-юристов значение судебной практики, включая постановления высших судов, в деятельности судов признавали, но не как источника (формы) права, а расценивали данный феномен либо как прецедент толкования правовой нормы[390], наделенный ограниченной обязательностью[391], либо как некий суррогат нормативного правового акта, в основе которого лежит аналогия закона или аналогия права[392], либо как некую интерпретационную норму, обязательность которой имеет не формальный, а фактический (логический) характер[393].

---

[386] *Клейнман А.Ф.* Основные вопросы кодификации советского гражданского процессуального права // Социалистическая законность и задачи советской юридической науки: тезисы Межвузовского научного совещания (март 1957 года). М., 1957. С. 18.

[387] См.: *Строгович М.С.* Проверка законности и обоснованности судебных приговоров. М.: Изд. АН СССР, 1956. С. 250; *Комиссаров К.И.* Обязательность толкования закона судом второй инстанции // Советская юстиция. 1960. № 6. С. 50.

[388] См.: *Гражданский* процесс / Под. ред. К.С. Юдельсона. М.: 1972. С. 18; *Тишкевич И.С.* Являются ли руководящие указания Пленума Верховного Суда СССР источником права // Советское государство и право. 1955. № 6. С. 29–36; *Гражданское* судопроизводство / Под. ред. В.М. Семёнова. Свердловск, 1974. С. 11–12.

[389] См.: *Вильнянский С.И.* Значение судебной практики в гражданском праве // Ученые труды ВИЮН. Вып 9. 1947. С. 244–245.

[390] См.: *Венгеров А.Б.* О прецеденте толкования правовой нормы // Ученые записки ВНИИСЗ. М., 1966. Вып. 6. С. 3.

[391] См.: *Гурвич М.А.* Избранные труды. Классика российской процессуальной науки. Т. 1. Краснодар: Совет. Кубань, 2006. С. 592–593.

[392] См.: *Боннер А.Т.* Избранные труды. Т. 2. С. 8–14.

[393] См.: *Черданцев А.Ф.* Правовое регулирование и конкретизация права: сб. науч. трудов. Вып. 30. Свердловск, 1974. С. 33–34.

Изменение в конце прошлого века общественно-политического строя, отказ от марксистских догматов повлекли за собой изменение парадигмы юридической науки в части ее отношения к источникам (формам) права. Тогда В.В. Ярков выдвинул идею о необходимости расширения круга источников гражданского процессуального права за счет «сложившихся положений и обычаев судебной практики, объективированных в постановлениях, разъяснениях и решениях общего характера и по конкретным делам Верховного Суда»[394], идею рациональную, но в тот момент воспринятую как преждевременную и не нашедшую своего воплощения в позитивном праве.

На наш взгляд, для определения правового значения постановлений ПВС и для решения вопроса о возможности причисления их к источникам (формам) права прежде всего необходимо обратиться к законодательству, регламентирующему деятельность Верховного Суда РФ и тем самым определяющему черты и свойства высшего органа судебной власти.

В ст. 126 Конституции Российской Федерации прямо говорится о полномочиях Верховного Суда РФ давать разъяснения по вопросам судебной практики, однако такая характеристика разъяснений, как «руководящие», в тексте нынешней Конституции отсутствует. Эти конституционные положения развиваются в ч. 7 ст. 2 и в п. 1 ч. 3 ст. 5 ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», согласно которым Верховный Суд в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации дает судам разъяснения по вопросам судебной практики на основе ее изучения, анализа и обобщения.

В указанных нормах Конституции Российской Федерации и ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» прямо не закреплено наличие у судебной ветви власти правотворческой функции, что дает некоторым авторам основание, со ссылкой на принцип разделения властей, отрицать возможность причисления актов Верховного Суда РФ к числу источников гражданского процессуального права.

---

[394] *Ярков В.В.* О совершенствовании гражданско-процессуального законодательства // Государство и право. 1992. № 2. С. 150.

Однако нам вывод о несоответствии судебного нормотворчества действительному назначению судебных органов представляется несколько поспешным.

Следует заметить, что система разделения властей нигде в мире не существует в чистом виде, исполнительная власть занимается правотворчеством, причем, как мы уже отмечали ранее, достаточно активно, в том числе в сфере гражданского судопроизводства[395]. В качестве примеров такого правотворчества из относительно недавнего прошлого можно привести такие подзаконные акты, как Указ Президента РФ от 17.09.1994 г. № 1930 «О государственной пошлине» [396] и Постановление Правительства РФ от 14.02.2003 г. № 100 «Об уполномоченном органе в делах о банкротстве и в процедурах банкротства и регулирующем органе, осуществляющем контроль за саморегулируемыми организациями арбитражных управляющих»[397], влияние которых на гражданское судопроизводство уже описано в специальной литературе[398]. В настоящее время действуют изданные Судебным департаментом при Верховном Суде РФ (о принадлежности которого к органам исполнительной или судебной власти идет дискуссия[399]) подзаконные нормативные правовые акты – приказы «Об утверждении Регламента организации извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщений»[400], «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов

---

[395] См.: *Самсонов Н.В.* Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации как источник отечественного гражданского процессуального права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. 10. Вып. 2. С. 145.

[396] Собрание законодательства РФ. 1994. № 22. Ст. 2464.

[397] Собрание законодательства РФ. 2003. № 7. Ст. 659.

[398] См.: *Фархтдинов Я.Ф.* Источники гражданского процессуального права Российской Федерации. С. 111–115; *Удалов Д.Э.* Источники процессуального права… С. 73–129.

[399] См.: *Административное* право России: курс лекций / Под ред. Н.Ю. Хаманевой. М.: Проспект, ТК Велби, 2008. С. 658–659; *Вдовенков В.М.* Актуальные вопросы судоустройства в Российской Федерации: по материалам Дальневосточного региона: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2004. С. 13.

[400] Об утверждении Регламента организации извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщений: приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 25.12.2013 г. № 257 // Бюллетень актов по судебной системе. 2014. № 2.

в электронном виде, в том числе в форме электронного документа»[401], вводящие новые правила в части извещения лиц, участвующих в деле, и подачи некоторых процессуальных документов в электронной форме, соответственно[402].

Исходя из этого, неизбежен вывод о том, что принцип разделения властей в современной Российской Федерации проявляется не в запрете исполнительной и судебной ветвям власти создавать нормы права (такой прямой запрет в позитивном праве отсутствует), а в разделении полномочий между ветвями власти и в установлении приоритета законов над актами иных ветвей власти. Кроме того, по нашему убеждению, недопустимо смешивать парные понятия права и закона, правотворчества и законотворчества, нельзя забывать, что последние категории в этих парах гораздо уже. Вряд ли можно оспорить тот факт, что правовая система любого государства включает в себя не только законы и нормативные правовые акты, но и иные правовые явления (международные договоры, локальные акты, обычаи, прецеденты и т.д.), в которых содержатся общеобязательные правила поведения для неопределенного круга лиц, т.е. нормы права.

Более того, даже если рассматривать исключительно писаное, позитивное право, представив его состоящим исключительно из законов и подзаконных актов, то маловероятна ситуация, в которой эти законы и акты не потребуют интерпретации. В большинстве случаев законодатель не в состоянии предусмотреть все возможные правовые ситуации, возникающие в реальном мире,

---

[401] Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа: приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27.12.2016 г. № 251 // Бюллетень актов по судебной системе. 2017. № 2.

[402] О содержательных недостатках указанных актов см., например: *Афанасьев С.Ф., Жирнова Н.А., Филимонова М.В.* Информационно-правовая составляющая СМС-извещения участников гражданского судопроизводства // Администратор суда. 2018. № 3. С. 3–6; *Афанасьев С.Ф., Борисова В.Ф.* О некоторых новеллах электронного документооборота в современном цивилистическом судебном процессе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 10. С. 51–54.

что зачастую и является причиной возникновения правовых конфликтов в обществе, и до тех пор, пока не будет выработана судебная позиция по спорным вопросам, содержание права будет неопределенным. По этому поводу Л.Ф. Лесницкая справедливо пишет, что «в ряде случаев правильное применение законодательства возможно лишь в сочетании содержания конкретной нормы права с разъяснениями, данными по ее применению в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ»[403]. И это действительно так. Еще Р. Иеринг справедливо указывал, что кроме норм, содержащихся в законах, имеются нормы, которые можно вывести из закона путем его толкования,[404] и такое толкование, как правило, дается органами судебной власти, создающей судебную практику. Такая логика приводит нас к выводу о возможности создания в процессе судебного толкования норм писаного права иных норм – субсидиарных (восполнительных) правовых норм, которые облекаются в форму судебных актов.

Как говорит о судебных решениях, составляющих судебную практику, высшим, обобщающим результатом которой являются постановления ПВС, В.В. Долинская: «Это юридически значимые действия, которые соответствуют принципам права и непосредственным установлениям законодательства ... То есть это не только акты применения права, но и источники права (не законодательства!)»[405].

Таким образом, использование ссылки на принцип разделения властей в качестве аргумента против признания судебного правотворчества нам представляется недостаточным, и мы соглашаемся с Т.Н. Нешатаевой, которая

---

[403] См.: *Судебная* практика в современной правовой системе России: монография / Под ред. Т.Я. Хабриевой. С. 214.

[404] *Иеринг Р.* Дух римского права на различных ступенях его развития. Ч. 1 СПб.: Тип. В. Безобразова и Ко, 1875. С. 29.

[405] *Долинская В.В.* Судебные акты в праве России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 1. С. 3–13.

полагает, что судебная власть не может существовать без возможности правового воздействия на действительность и поэтому ей генетически присуще свойство создания общеобязательных правил поведения[406].

Следует обратить внимание на то, что представители высших судебных инстанций последовательно, на протяжении десятилетий, поддерживают идею о правотворческом характере выносимых ими постановлений. Так, Председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев отмечает: «Законодательно-нормативный путь формирования российского права не исключает возможности развития прецедентного права»[407]. Аналогичное мнение высказывалось бывшим Председателем ныне упраздненного Высшего Арбитражного Суда РФ А.А. Ивановым: «Судебное толкование требуется, прежде всего, тогда, когда качество законов является низким. Поэтому через судебное толкование и обеспечивается правовая стабильность»[408]. А вести речь о высоком качестве принимаемых законов в настоящее время не станут даже самые убежденные апологеты законодательной власти.

Отметим также, что роль постановлений ПВС по вопросам судебной практики отражена и в действующем процессуальном законодательстве. Так, в ч. 4 ст. 170 АПК РФ указано, что мотивировочная часть решения суда может содержать ссылки на постановления Пленума Верховного Суда по вопросам судебной практики[409]. В ст. 198 ГПК РФ, устанавливающей требования к содержанию решения суда, аналогичные положения до недавнего времени отсутствовали. Такое различие в регулировании близких отраслей цивилистического процесса представлялось неоправданным представителям не только юридической науки, но и судебной системы. По этой причине в п. 4 Постановления Пленума Верховного

---

[406] *Нешатаева Т.Н.* К вопросу об источниках права - судебном прецеденте и доктрине // Судебная практика как источник права. М.: Юрист, 2000. С. 97.

[407] *Лебедев В.М.* Судебная власть в современной России: проблемы становления и развития. СПб.: Лань, 2001. С. 215.

[408] *Иванов А.А.* Суды должны понимать истинную цель сделок // Время новостей. 2005. № 218. С. 6.

[409] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

Суда РФ от 19.12.2003 г. № 23 «О судебном решении» указывается, что судам при составлении мотивировочной части решения следует учитывать акты высших судебных органов, в том числе «постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, принятые на основании ст. 126 Конституции Российской Федерации и содержащие разъяснения вопросов, возникших в судебной практике при применении норм материального или процессуального права, подлежащих применению в данном деле»[410]. Соответственно, Верховный Суд РФ, как и Сенат ранее, настаивал и настаивает на обязательности своих постановлений для нижестоящих судов. Следовательно, поскольку сам Верховный Суд РФ исходит из обязательного характера постановлений ПВС (слова «следует учитывать» в данном контексте иначе как императивное предписание, не допускающее игнорирования или индифферентности, расценить нельзя), то эти постановления становятся обязательными для российских судов и иных субъектов гражданских процессуальных правоотношений.

Более того, Верховный Суд РФ предпринимает меры к повышению уровня легального обоснования такой обязательности, в связи с чем им было выдвинуто предложение о внесении изменений в ч. 4 ст. 198 ГПК РФ, синхронизирующих содержание данной нормы с содержанием аналогичной нормы АПК РФ. В настоящее время эти предложения уже воплощены в тексте федерального закона. В результате в текст ГПК РФ включено указание на возможность включения в мотивировочную часть решения суда общей юрисдикции ссылок на постановления ПВС по вопросам судебной практики, постановления Президиума Верховного Суда РФ, а также на утвержденные Президиумом Верховного Суда РФ обзоры судебной практики (анализ обоснованности таких изменений был проведен нами в статье «Действие принципов правовой определенности и res judicata в гражданском процессе (в свете Постановления Конституционного Суда РФ от 17.10.2017 г. № 24-П)»)[411].

---

[410] Российская газета. 2003. № 260.

[411] См.: *Самсонов Н.В.* Действие принципов правовой определенности и res judicata в гражданском процессе. С. 6–11.

Продолжая размышлять о значении постановлений ПВС, об их обязательности, кроме вышеуказанных норм следует обратиться к п. 3 ст. 391.9 ГПК РФ, который закрепляет в качестве основания для отмены или изменения судебных постановлений в порядке надзора нарушение «единообразия в толковании и применении судами норм права», а, как известно, именно в постановлениях ПВС фиксируются результаты обобщения и анализа судебной практики. Эти результаты могут касаться различных проблем судебного правоприменения, как вытекающих из особенностей того или иного вида гражданского судопроизводства (например, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2016 г. № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве»)[412], так и присущих той или иной стадии гражданского процесса (например, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.12.2012 г. № 31 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений»)[413], либо связанных с рассмотрением отдельных категорий гражданских дел (например, Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20.04.2006 г. № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей»)[414], либо возникающих в ходе реализации отдельных процессуальных моментов (например, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.12.2012 г. № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов»)[415]. Как мы можем увидеть, в постановлениях ПВС содержится обозначение того русла, по которому должна следовать судебная практика и отклонение от которого влечет за

---

[412] Российская газета. 2017. № 6.
[413] Российская газета. 2012. № 295.
[414] Российская газета. 2006. № 92.
[415] Российская газета. 2012. № 292.

собой крах результатов судебного разбирательства по конкретному делу, проявляющийся в отмене вынесенных по делу решений, определений и постановлений.

Противники признания обязательности постановлений ПВС для судов, в частности Б.А. Булаевский, отмечают, что «любой судья имеет право, изучив правовую позицию высшего суда и аргументировав, почему в конкретном деле она неприменима, отказаться от нее и сформулировать свою»[416].

Однако, как мы полагаем, никто не будет отрицать, что судья, рассматривающий гражданское дело, исследовав его обстоятельства и изучив нормативный правовой акт, вправе аргументировать, почему этот акт не применим в рассматриваемом деле и применить другой закон либо решить дело с применением аналогии закона или аналогии права. Следовательно, моделируемая ситуация говорит лишь о значении судейского усмотрения при разрешении конкретного дела, о наличии у судьи права анализировать обстоятельства дела, выбирать и толковать применимые нормы права, выявлять их смысл с учетом разъяснений, данных Верховным Судом РФ в постановлении Пленума, определять допустимо или нет их применение в конкретном деле в таком смысле.

Интересный взгляд на проблему толкования Верховным Судом РФ нормативных актов излагает Л.А. Грось, которая полагает, что его руководящие разъяснения не являются нормами права, а являются актами «официального толкования нормативных актов, которые не могут по своей юридической силе превосходить закон, поэтому в ситуации, когда возникает коллизия между законом и актом его толкования, суд должен применять закон, обосновав собственное его толкование»[417]. По данному поводу считаем необходимым отметить, что в тех случаях, когда закон ясен, когда его толкование не требуется, в постановлениях ПВС зачастую дословно воспроизводится его текст, и вопрос о возникновении

---

[416] *Булаевский Б.А.* Судебная практика как средство устранения неопределенности в гражданском праве // Гражданское законодательство и судебная практика: проблемы взаимодействия: монография / Отв. ред. В.Л. Слесарев. М.: Проспект, 2017. С. 380–381.

[417] *Грось Л.А.* Влияние норм материального права на гражданское процессуальное право (научно-практические проблемы): дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 1999. С. 455.

коллизии в таком случае представляется иллюзорным. Если же закон темен, неясен, то его смысл без толкования невозможно установить, и фактически существует пробел в правовом регулировании, а коллизия, о которой было упомянуто выше, представляется мнимой. По своей сути это коллизия не между законом и толкованием, данным высшим судебным органом, а между этим толкованием и толкованием, даваемым иным правоприменителем (например, судом первой инстанции).

Я.Ф. Фартхдинов, анализируя законодательство о Верховном Суде РФ, отмечает, что разъяснения Пленума Верховного Суда РФ не являются руководящими и не могут иметь обязательной силы для несудебных органов[418]. Действительно, буквальное толкование текста Конституции Российской Федерации и законодательства о высших судебных органах, как ранее действовавшего, так и актуального, позволяет сделать такой вывод.

Однако при этом автор не учел два немаловажных момента. Во-первых, обсуждая проблему обязательности постановлений ПВС применительно к гражданским процессуальным отношениям, следует принимать во внимание, что суд является их непременным участником, причем обладающим властными полномочиями в отношении иных субъектов этих правоотношений, без санкции которого гражданский процесс не возникнет, а возникнув, не будет переходить из одной стадии в другую. Таким образом, обязательные для суда правила, содержащиеся в постановлении ПВС, становятся обязательными для всех участников гражданского судопроизводства, и предполагать обратную возможность представляется несколько наивным. Во-вторых, наличие в России развитой системы судебного контроля за деятельностью государственных органов и должностных лиц, существование достаточно эффективной процедуры рассмотрения судами заявлений (административных исковых заявлений) граждан и организаций об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти и местного самоуправления, должностных лиц,

---

[418] *Фархтдинов Я.Ф.* Источники гражданского процессуального права Российской Федерации. С. 282.

государственных или муниципальных служащих, иных органов и организаций, наделенных государственными или иными публичными полномочиями, вынуждает указанных субъектов, привлекаемых в случае судебного обжалования изданных ими актов в качестве административных ответчиков (ранее – заинтересованных лиц), руководствоваться в своей деятельности теми разъяснениями законодательства, которые содержатся в постановлениях ПВС. В подтверждение такого вывода можно привести отмечаемые не только сторонниками, но противниками отнесения постановлений ПВС к источникам права случаи восполнения высшей судебной инстанцией пробелов в правовом регулировании[419], признание фактического наличия в них общих положений, имеющих нормативный характер[420], т. е. элементов правотворчества.

Можно ли обосновать обязательность постановлений ПВС самим местом ВС РФ в системе общих судов? По мнению Т.В. Соловьевой, признающей обязательный характер постановлений ПВС, ссылки на «руководящее положение ВС РФ» для обоснования такой обязательности недостаточно, поскольку суды в Российской Федерации независимы, подчиняются только Конституции Российской Федерации и закону и «нельзя превозносить правовое положение суда одного уровня над другим»[421]. Однако, на наш взгляд, нельзя и не обращать внимания на существование иерархии в судебной системе, на наличие институтов пересмотра судебных постановлений, которые дают вышестоящим судам, при наличии процессуальных поводов, право отменять постановления судов нижестоящих, на обязанность судов, рассматривающих дело по первой инстанции, правильно и

---

[419] Там же. С. 283.

[420] Там же. С. 284.

[421] *Соловьева Т.В.* К вопросу об обязательном характере постановлений Пленума Верховного Суда РФ // Современное право. 2010. № 12. С. 96–99.

единообразно истолковывать закон, что делает необходимым учет позиций Верховного Суда РФ.

Как справедливо отмечает О.В. Зайцев, игнорирование разъяснений, содержащихся в постановлении ПВС, может привести к неправильному истолкованию закона, что, в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 330 ГПК, является основанием для отмены или изменения решения суда уже в апелляционном порядке[422], и данное обстоятельство является еще одним аргументом в пользу умозаключения об обязательном характере постановлений ПВС.

Следовательно, можно согласиться с мыслью И.Ю. Богдановской о том, что суды, развивающие право, всегда имеют статус высших судов и именно наличие такого статуса отличает их от судов, не вносящих вклад в развитие права[423].

Кроме того, следует вновь обратиться к содержанию п. 5 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, из которого также вытекает обязательность постановлений ПВС. Согласно указанной норме нижестоящие суды обязаны пересматривать свои вступившие в законную силу решения при наличии новых обстоятельств, к которым закон относит определение либо изменение в постановлении ПВС практики применения правовой нормы.

Таким образом, суды обязаны руководствоваться содержащимися в постановлениях ПВС правовыми позициями, вне зависимости от того что они из себя представляют – буквальное толкование существующих норм или новые нормы права, созданные в результате судебного правотворчества. При отклонении от таких правовых позиций их решения могут быть отменены и пересмотрены (при наличии процессуального повода) на любой из проверочных стадий гражданского судопроизводства. В результате обязательность норм права, содержащихся в постановлениях ПВС, становится чуть ли не выше чем обязательность тех норм права, формой внешнего выражения которых является закон.

---

[422] *Зайцев О.В.* Роль судебных решений (прецедентов) и судебной практики в регулировании общественных отношений. С. 119.

[423] *Богдановская И.Ю.* Источники права на современном этапе развития «общего права»: дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2007. С. 204.

Вышеуказанные положения Конституции Российской Федерации и законодательства, в том числе процессуальные, определяющие полномочия Верховного Суда РФ, являются нормативным основанием для аргументации научной позиции об обязательности разъяснений, содержащихся в постановлениях ПВС, для нижестоящих судов, что коррелирует с проблемой отнесения данных актов к источникам (формам) права, однако ее не исчерпывает, так как само по себе признание обязательности того или иного акта не является достаточным основанием для объявления его источником (формой) права. Следует согласиться с В.В. Молчановым в том, что «суть рассматриваемой проблемы находится не в плоскости обязательности или необязательности» постановлений ПВС, содержащих разъяснения высшей судебной инстанции по вопросам гражданского процессуального права, «а в том, являются ли данные положения самостоятельными регуляторами общественных отношений, возникающих в сфере судопроизводства»[424]. Действительно, именно критерий самости, новизны правовой нормы в вопросе регулирования общественных отношений является отправной точкой в определении юридического статуса постановлений ПВС, их причисления или не причисления к источникам (формам) отечественного гражданского процессуального права, и именно такая постановка вопроса препятствует прекращению дискуссии о возможности судебного правотворчества[425].

Я.Ф. Фартхдинов, поддерживая авторов, отрицающих наличие у разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации характера источника права, заявлял, что по смыслу ст. 1 ГПК РСФСР (аналогичный смысл имеет и ст. 1 ГПК РФ) источниками гражданского процессуального права являются только Конституция Российской Федерации и федеральные законы, а также международные договоры РФ по вопросам гражданского процесса[426]. Такой

---

[424] См.: *Гражданский* процесс: учебник / Под ред. М.К. Треушникова. С. 45.

[425] См.: *Самсонов Н.В.* Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации как источник отечественного гражданского процессуального права. С. 150.

[426] *Фархтдинов Я.Ф.* Источники гражданского процессуального права Российской Федерации. С. 279–280.

подход является, на наш взгляд, излишне формальным, и даже буквальное прочтение ст. 1 ГПК РФ не позволяет сделать однозначный вывод о невозможности отнесения постановлений ПВС к источникам гражданского процессуального права, так как в данной статье речь идет не о всей совокупности источников права, а только лишь о законодательстве о гражданском судопроизводстве, также в этой статье отсутствует указание на то, что содержащийся в ней перечень является закрытым.

Еще один противник отнесения актов высших судебных органов к источникам (формам) права, В.В. Ершов, исходя из верного утверждения С.С. Алексеева о том, что суд творит право не произвольно, а опираясь на Конституцию и закон, задается вопросом – творит ли суд при этом право, и отвечает на свой вопрос отрицательно[427].

Нам такой категоричный вывод представляется несколько поспешным. Бесспорно, что нормативные правовые акты, первыми из которых являются Конституция и закон, содержат нормы права. С другой стороны, право, безусловно, находит свое внешнее выражение в нормативных правовых актах, однако оно, по нашему мнению, не сводимо исключительно к совокупности принципов и норм права[428], тем более писаных и закрепленных в актах высшей юридической силы – Конституции Российской Федерации и федеральных законах. Мы полагаем более убедительным и соответствующим правовой действительности взгляд на право как на сложную систему, включающую в себя не только принципы права и правовые нормы, но и, как отмечал Р. Давид, определенный понятийный фонд; систему, соединяющую нормы в определенные группы, использующую определенные способы создания и толкования норм, связанную с определенной концепцией социального строя[429], а также правосознание.

---

[427] *Ершов В.В.* Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. С. 461.

[428] Там же. С. 376.

[429] *Давид Р., Жоффре-Спинози К.* Основные правовые системы современности: перев. с фр. В.А. Туманова. М.: Международные отношения, 1996. С. 19.

М.Н. Марченко также справедливо полагает, что «ни один из видов правотворческой деятельности не обходится и не может обойтись без соответствующего воздействия на него правосознания как одного из видов общественного сознания, представляющего собой психическое отражение в сознании законодателя, правоприменителя, толкователя права и других лиц правовой действительности»[430]. От себя можем добавить, что не только правотворчество, но и правоприменение невозможно без влияния правосознания, ведь зачастую именно степень понимания норм, толкование права судами, его отражение в сознании судей определяет лицо права, саму его суть, и изменение толкования влечет за собой изменения в правоприменении. Совершенно реальной представляется ситуация, в которой смысл нормы и, следовательно, практика ее применения могут существенно отличаться при буквальном толковании и при аксиологическом толковании (толковании, при котором справедливость и неотъемлемые права человека являются приоритетом), либо целевом толковании (толковании, предполагающем выяснение истинных целей законодателя).

В.В. Молчанов, отрицая возможность отнесения судебной практики, в том числе постановлений ПВС, к источникам права, мотивирует свое утверждение тем, что суд только толкует содержание существующей правовой нормы, расширяя при применении аналогии закона сферу ее употребления, а при использовании аналогии права устанавливая возможность реализации принципов осуществления правосудия в определенной правовой ситуации[431]; при этом он не выделяет особенности применения аналогии закона и аналогии права судами различных уровней.

В противовес этой позиции Г.А. Жилин обращает внимание на такие отличия и отмечает, что при помощи аналогии закона или права нижестоящие суды не создают правила общего поведения, которые рассчитаны на неоднократное применение в отношении неопределенного круга субъектов гражданского судопроизводства, они действуют в условиях конкретной правовой ситуации,

---

[430] *Марченко М.Н.* Судебное правотворчество. С. 97.
[431] См.: *Гражданский* процесс: учебник / Под ред. М.К. Треушникова. С. 47.

которую разрешают, руководствуясь законами, регулирующими сходные отношения, либо закрепленными в законодательных актах принципами правосудия. Принятые в результате разрешения конкретных дел с помощью аналогии закона или права постановления Президиума Верховного Суда РФ могут иметь прецедентное значение. Иной характер, по его мнению, имеют правоположения судебной практики, содержащие правила преодоления пробелов в законодательном регулировании, которые сформулированы судебной практикой и санкционированы Верховным Судом Российской Федерации в других исходящих от него документах (постановлениях Пленума ВС РФ) в качестве ориентира для разрешения аналогичных типовых правовых ситуаций. При этом в обоих случаях «формально-юридическим источником права будет не сама по себе аналогия закона или права, а судебные акты, в которых сформулированы соответствующие правоположения»[432].

Вместе с тем, ведя речь о правоположениях, следует признать правильность поздних умозаключений С.С. Алексеева, который заявлял: «Правоположение, как ни играй словами, – это тоже норма, во всяком случае – с того момента, как только выработанное судами положение начинает применяться ими в качестве типизированного решения данной жизненной ситуации»[433]. Именно это и происходит в случае принятия Верховным Судом РФ постановлений Пленума, в них содержатся выработанные Верховным Судом РФ положения, которые применяются судами при рассмотрении и разрешении гражданских дел.

Н.Н. Вопленко рассматривает правоположения как феномены, которые в силу авторитета правоприменительного органа, сформулировавшего их в процессе толкования и применения права, их значимости для последующей юридической практики, в силу типичности правоприменительной ситуации приобретают значение прецедента и выходят за рамки правоприменения[434].

---

[432] *Жилин Г.А.* Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы. С. ?.

[433] *Алексеев С.С.* Собрание сочинений: В 10 т. Т. 5: Линия права. Отдельные проблемы концепции. С. 412-413.

[434] *Вопленко Н.Н.* Указ. соч. С. 74–75.

М.Н. Марченко отмечает, что формой, способом выражения правоположений, вырабатываемых судебной практикой, выступают не прецеденты, а вбирающие в себя опыт функционирования судебных инстанций «нормативные судебные акты» – постановления Конституционного Суда РФ и постановления Пленума Верховного Суда РФ[435], которые и являются источником (формой) права.

Поэтому под правоположениями, по нашему мнению, следует понимать вырабатываемые в ходе юридической (судебной) практики устоявшиеся типовые правила поведения или образцы совершения процессуальных действий, которые являются неотъемлемой, составной частью судебной практики, но в силу авторитета правоприменительного органа, их создавшего, типичности правоприменительной ситуации, значимости сформулированных в результате толкования правил в реальности становятся обязательными для последующей юридической практики, тем самым приобретая черты юридических норм. Поэтому термин правоположения следует рассматривать как эвфемизм термина «норма права», применение которого для обозначения правовых норм, созданных в результате судебного правотворчества, было обусловлено господством жесткого позитивизма. Формой же существования правовых норм, созданных в результате судебного правотворчества (правоположений), являются постановления Пленума Верховного Суда РФ, которые при отсутствии надлежащего законодательного регулирования способны приобрести значение первичного источника (формы) права.

Соответственно, мы полагаем, что толкование норм права, в том числе с использованием аналогии закона либо аналогии права, само по себе не является источником права, а представляет собой метод, с помощью которого создаются

---

[435] *Марченко М.Н.* Судебное правотворчество. С. 108–111.

правовые нормы, осуществляется судебное правотворчество. А вот постановления ПВС, в которых зафиксированы результаты такого толкования и которые являются официальными, обязательными к руководству и подлежащими публикации документами, представляют собой внешнюю форму выражения норм права, и их следует относить к источникам (формам) права[436].

Я.Ф. Фархдинов также уподоблял постановления ПВС правоположениям, однако расценивал их как промежуточный правовой феномен, не имеющий значения первичного источника права, а являющийся вспомогательным актом, способствующим правильному применению закона судом, как феномен, не тождественный правовым нормам полностью, но приближающийся к ним. Это сближает его позицию с позицией Е.В. Васьковского и позволяет прийти к выводу, что Я.Ф. Фархдинов максимально приблизился к восприятию и формулированию идеи о постановлениях ПВС как вспомогательном источнике (форме) права[437].

Д.А. Туманов, справедливо отмечая, что в российской правовой системе официальное толкование играет весьма важную, а порой определяющую роль, приходит к выводу, что постановления ПВС источником права не являются, а представляют собой авторитетно-эталонное правоприменение нормативных правовых актов[438].

На наш взгляд, можно справедливо вести речь о правоприменительном характере судебных актов только в тех случаях, когда они вынесены при разрешении конкретных дел. Постановления ПВС, напротив, с данным процессом связаны весьма опосредованно. Они не возникают в ходе непосредственного рассмотрения тех или иных дел, а представляют собой результаты обобщения высшим судом деятельности нижестоящих судебных органов, которые они сами после официального опубликования и используют в своей деятельности. Однако

---

[436] См.: *Самсонов Н.В.* Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации как источник отечественного гражданского процессуального права. С. 152.

[437] *Фархтдинов Я.Ф.* Источники гражданского процессуального права Российской Федерации. С. 286–287.

[438] *Туманов Д.А.* Юридическое толкование и пробелы в гражданском процессуальном праве // Право и политика. 2006. № 6. С. 52–53.

используют не как акты правоприменения, а, можно сказать, как акты, содержащие в себе авторитетно-эталонное правопонимание не только нормативных правовых актов, но и права в целом, в том числе как акты, содержащие общеобязательные правила поведения и потому являющиеся источниками (формами) права.

Как нам представляется, верный взгляд на эту проблему выражал А.Т. Боннер, который, приведя в качестве примеров ряд постановлений ПВС, отмечает, что поскольку ПВС по сути дела вводит новые или серьезно изменяет существующие правила и его разъяснения обязательны для судов, то говорить только о толковании законодательства здесь не приходится[439].

Рассмотрим еще один аргумент противников отнесения актов высших судебных органов к источникам (формам) права. Они утверждают, что эти акты являются вторичными актами и поэтому не могут быть названы источниками (формами) права. Так, Я.Ф. Фархтдинов писал, что многократность применения постановлений Пленума носит производный характер, поскольку зависит от продолжительности действия закона или отдельного его предписания, содержание которого разъясняется в постановлении, а при прекращении действия нормативного правового акта завершается действие и постановлений ПВС, разъяснявших порядок его применения[440].

Однако, на наш взгляд, следует задаться вопросом – нет ли среди юридических феноменов, бесспорно относящихся к источникам (формам) права, актов вторичных? Нам представляется, что такие феномены существуют, и на самом различном уровне. В отечественной правовой системе указы Президента РФ и постановления Правительства РФ вторичны по отношению к федеральному

---

[439] *Боннер А.Т.* Избранные труды. Т. 2. С. 11.

[440] *Фархтдинов Я.Ф.* 1) Источники гражданского процессуального права Российской Федерации. С. 287; 2) Возникновение и развитие источников гражданского процессуального права России. Казань, 2001; 3) Виды источников гражданского процессуального права // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2002. № 1. С. 9–14.

законодательству, даже федеральные конституционные законы являются вторичными по отношению к Конституции Российской Федерации. Так, например, исключение из Конституции Российской Федерации ст. 127 сделало неизбежным изменение Федерального конституционного закона от 28.04.1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации»[441] в части регулирования деятельности Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, и даже если бы после внесения в Конституцию Российской Федерации изменений, исключивших Высший Арбитражный Суд РФ из числа высших судебных органов, в этот закон не были своевременно внесены поправки, этот закон прекратил бы свое действие в этой части. Следовательно, признак вторичности не является принципиальным препятствием к отнесению того или иного правового феномена к числу источников (форм) права, хотя справедлива их классификация по данному признаку. Судебное правотворчество, как правило, заполняет пробелы в правовом регулировании. Поэтому постановления ПВС, как и иные акты, являющиеся формой внешнего выражения правовых норм, созданных в результате судебного правотворчества, представляется вполне справедливым именовать субсидиарными (восполнительными) источниками (формами) права.

Одним из наиболее явных, на наш взгляд, примеров создания Верховным Судом РФ гражданских процессуальных норм является то обстоятельство, что после опубликования Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14.02.2000 г. № 9 «О некоторых вопросах применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих»[442], которое содержало совершенно новое толкование правил о подсудности дел военным судам, существенно изменилась их компетенция. Статья 25 ГПК РФ и п. 1 ч. 1 ст. 7 Федерального конституционного закона от 23.06.1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» относили к подсудности военных судов «гражданские и административные дела о защите нарушенных и (или) оспариваемых прав, свобод и охраняемых законом интересов военнослужащих

---

[441] Собрание законодательства РФ. 1995. № 18. Ст. 1589.
[442] Российская газета. 2000. № 39.

Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов (далее – военнослужащие), граждан, проходящих военные сборы, от действий (бездействия) органов военного управления, воинских должностных лиц и принятых ими решений». Такие дела возбуждались путем подачи жалобы на неправомерные действия и рассматривались по правилам главы 24.1. ГПК РСФСР как жалобы на действия государственных органов, общественных организаций и должностных лиц, нарушающие права и свободы граждан. Однако в вышеуказанном Постановлении ПВС было дано такое «толкование» норм гражданского процессуального права о подсудности дел военным судам в совокупности с нормами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих, которое позволило отнести к их подсудности дела по жалобам и искам лиц, уволенных с военной службы[443], а также иски воинских частей о возмещении ущерба, причиненного военнослужащим воинской части.

Можно ли в данном случае признать, что суд не сотворил право? Утверждать, что не было создано новое нормативное предписание, а лишь расширена сфера применения уже существующей юридической нормы? Нам представляется, что нет. Текст указанных норм Федерального конституционного закона от 23.06.1999 г. № 1-ФКЗ и ГПК РФ остался без изменений, но эти нормы стали толковаться и применяться судами иным образом, т.е. право, и в данном случае гражданское процессуальное право, изменилось, а Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.02.2000 г. № 9 явно выступило в качестве источника (формы) гражданского процессуального права.

Другой не менее яркий пример правотворчества Верховного Суда РФ в сфере гражданского судопроизводства был явлен в 2012 г., когда Пленум Верховного

---

[443] Имелись в виду иски и жалобы бывших военнослужащих на действия (бездействие) органов военного управления, воинских должностных лиц и принятые ими решения, нарушившие их права, свободы и охраняемые законом интересы в период прохождения ими военной службы, военных сборов (например, дела по искам и жалобам граждан, уволенных с военной службы, о восстановлении на военной службе, о взыскании невыданного денежного и иных видов довольствия, поскольку их права нарушены в период прохождения ими военной службы).

Суда РФ принял Постановление от 19.06.2012 г. № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции», согласно пунктам 37, 38, которого суд апелляционной инстанции вправе отменить судебное постановление и направить дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, если:

– суд первой инстанции нарушил правила подсудности, а лицо, подавшее жалобу (представление), во-первых, заявляло об этом нарушении в суде первой инстанции, либо ввиду не привлечения к участию в деле или ненадлежащего уведомления о времени и месте судебного заседания было лишено возможности сделать такое заявление, во-вторых, указывает на это нарушение в апелляционной жалобе;

– в результате нарушения правил подсудности, установленных п. 1 ч. 1 ст. 26 и ч. 1 ст. 30 ГПК РФ, отсутствовала возможность собирать, исследовать и оценивать доказательства, соответственно содержащие сведения, составляющие государственную тайну, или находящиеся по месту расположения недвижимого имущества, что могло привести к вынесению судом неправильного по существу решения;

– решение об отказе в удовлетворении иска (заявления) в связи с пропуском срока исковой давности или срока обращения в суд принято судом первой инстанции в предварительном судебном заседании (абзац второй ч. 6 ст. 152 ГПК РФ) без исследования и установления иных фактических обстоятельств дела и является незаконным и (или) необоснованным.

Таким образом, Верховный Суд РФ при отсутствии в действующем гражданском процессуальном законодательстве права суда апелляционной инстанции отменить судебное постановление и направить дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции (ст. 328 ГПК РФ в редакции Федерального закона от 9.12.2010 г. № 353-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации»[444], определяющая перечень

[444] Собрание законодательства РФ. 2010. № 50. Ст. 6611.

полномочий суда апелляционной инстанции не предусматривает такого правомочия) разъяснил, что суд апелляционной инстанции все-таки вправе отменять обжалуемые решения и передавать дело в суд первой инстанции для рассмотрения по существу в вышеуказанных ситуациях. В данном случае текст указанных норм ГПК РФ также остался без изменений. Закон до настоящего времени не предоставляет судам апелляционной инстанции такого права, однако это правомочие на практике реализуется на основании упомянутого Постановления[445].

Вышеприведенные примеры, на наш взгляд, наглядно показывают, что Верховный Суд РФ все-таки творит право, создает новые правовые нормы и его постановления являются источником (формой) права.

В связи с изложенным может возникнуть вопрос о том, законны ли такие действия Верховного Суда РФ? Нам представляется, что да, поскольку Верховный Суд РФ действует в пределах своих полномочий, установленных ст. 126 Конституции Российской Федерации, п. 1 ч. 7 ст. 2 и п. 1 ч. 3 ст. 5 ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», а возникновение в ходе их реализации новых норм является, по-видимому, объективным процессом, обусловленным самой логикой существования и развития отечественной правовой системы. Более того, законом предусмотрено существование таких достаточно эффективных процессуальных механизмов, обеспечивающих обязательность постановлений ПВС, как кассационное и надзорное производства, а также пересмотр судебных постановлений по новым обстоятельствам. И наоборот, какие-либо специальные механизмы, позволяющие нижестоящим судам, а равно и иным участникам гражданского судопроизводства, игнорировать такие постановления в своей деятельности или не соглашаться с ними отсутствуют.

Еще один аргумент, обосновывающий позицию о необходимости отнесения постановлений ПВС к источникам (формам) права, связан с тем, что такие

---

[445] См.: *Самсонов Н.В.* О необходимости расширения полномочий суда апелляционной инстанции в гражданском процессе // Научные труды. Российская Академия юридических наук. Вып. 15. М., 2015. С. 890–894.

постановления невозможно преодолеть или отменить с использованием процессуальных механизмов в рамках существующей судебной системы, возглавляемой Верховным Судом РФ. Однако это не говорит о бесконтрольности судебного правотворчества и не дает оснований опасаться произвольного создания норм права Верховным Судом РФ. Хотим заметить, что механизм контроля за судебным правотворчеством был практически найден еще в 2010 г., когда Конституционный Суд РФ принял Постановление от 21.01.2010 г. № 1-П[446]. Предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ по данному делу являлись положения п. 1 ст. 311 и ч. 1 ст. 312 АПК РФ в их истолковании, данном Пленумом Высшего Арбитражного Суда РФ в Постановлении от 14.02.2008 г. № 14. Этим Постановлением Конституционный Суд РФ, с одной стороны, фактически признал наличие у высших органов судебной власти правотворческих функций, поскольку оценивал проверяемую норму закона не в ее буквальном смысле, а в той интерпретации, которую этой норме дал в своем постановлении Пленум ВАС РФ, а с другой стороны, продемонстрировал возможность эффективного использования механизма конституционного контроля над законодательными актами для контроля за судебным правотворчеством, на предмет соответствия его результатов Конституции Российской Федерации, что является еще одним весомым аргументом для отнесения постановлений ПВС к источникам (формам) права.

Рассматривая вопрос о необходимости официального (легального) включения постановлений ПВС в число источников (форм) отечественного гражданского процессуального права с утилитарной, практической, точки зрения, мы хотим отметить, что пробелы в праве, неопределенность правовых норм, наличие двусмысленностей и неясностей есть черты, неизменно присущие даже самой стабильной законодательной системе в связи с тем, что ни один, даже самый

---

[446] По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Производственное объединение «Берег», открытых акционерных обществ «Карболит», «Завод «Микропровод» и «Научно-производственное предприятие «Респиратор»: постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2010 г. № 1-П // Собрание законодательства РФ. 2010. № 6. Ст. 699.

совершенный, законодатель не может предусмотреть все возможные варианты развития общественных отношений и предугадать появление новых потенциальных объектов правового регулирования. Мы считаем, что отмеченные И.Ю. Богдановской такие свойства судебного прецедента, как его гибкость, способность «более детально урегулировать общественные отношения, в том числе перестраивать национальное право при взаимодействии с другими культурами, обеспечивают его активную роль»[447], также являются чертами, присущими и постановлениям ПВС. Именно Верховный Суд Российской Федерации является тем органом, который на федеральном уровне первым сталкивается со спорными вопросами, в том числе в сфере гражданского судопроизводства, порожденными эволюцией общественных отношений, за которыми законодательство, будучи системой достаточно статичной, в своем развитии просто не успевает. Вышеописанное положение вещей в сочетании с тем, что (как мы, надеюсь, убедительно показали выше) правотворческая функция является неотъемлемой частью практики Верховного Суда РФ, и тем обстоятельством, что фактически творимое им право уже в настоящее время находит свое внешнее выражение (фиксируется) в постановлениях ПВС, позволяет прийти к выводу о наличии насущного требования легализации их статуса как одного из видов источников (форм) гражданского процессуального права.

Однако следует оговориться, что такой вывод не вписывается в концепцию правового позитивизма (как бы ее ни именовали авторы), отождествляющую право и закон и полагающую в качестве аксиомы, что нет права вне закона, тем более в рамки марксистской идеологии, понимающей право как возведенную в закон волю господствующего класса. Между тем, как справедливо указывает М.А. Фокина, в настоящее время «с теоретических позиций закон перестал быть единственным источником права»[448]. Кроме того, нам мыслится, что невозможно получить полное

---

[447] *Богдановская И.Ю.* Источники права на современном этапе развития «общего права». С. 213.

[448] *Фокина М.А.* Роль судебной практики в совершенствовании доказывания по гражданским делам. С. 20–25.

представление об источниках (формах) гражданского процессуального права, используя исключительно формально-юридический подход.

По этой причине при изучении проблем источников (форм) права необходимо использовать и аксиологический (ценностный) подход к пониманию права, рассматривающий право сквозь призму гуманизма, как значимый для всего общества феномен, нацеленный на достижение справедливости и предполагающий восприятие явлений правовой действительности через человеческие ценности, через дух права. Используя же указанный подход, к иному выводу, кроме как к выводу о признании за постановлениями ПВС статуса источника (формы) права, прийти сложно, поскольку именно они выявляют этот дух, очерчивают реальные контуры аксиологического поля отечественной правовой системы. И действительно, судья применяет право, руководствуясь не только буквальным содержанием текста нормативного правового акта, но и результатами его толкования, которые зависят от имеющихся у него навыков толкования и правоприменения, сформировавшихся под влиянием присущих тому или иному судье мировоззрению[449] и правосознанию, включающих представления о справедливости, разумности, нравственности, целесообразности и пределах судебного усмотрения, что дает право на существование выражений, подобных такому, как «закон это то, что говорят о нем судьи». И именно постановления ПВС как результат работы коллективного разума судебной системы, плод размышлений и труда наиболее подготовленных и квалифицированных судей по анализу и обобщению судебной практики на высшем уровне формируют правосознание и правопонимание судей, создают условия для обеспечения единообразия судебной практики, заполняют пробелы и пустоты в праве, устраняют неопределенность, неясность, двусмысленность права, в том числе путем создания новых правовых норм, а с другой стороны, являются надежным барьером, позволяющим избежать перерождения судейского усмотрения в произвол суда.

---

[449] См., например: *Зайцев В.В., Рыбаков В.А.* О мировоззренческом аспекте методологии гражданского права // Сборник научных статей: Методологические проблемы цивилистических исследований. Ежегодник. / Ред. А.В. Габов, В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. М., 2017. С. 22–32.

Подводя итог вышеизложенному, мы можем прийти к выводу, что постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, не являясь ни актами законодательными, ни иными нормативными правовыми актами, ни судебными прецедентами, ни международными договорами, ни обычаем (судебным обычаем), представляют собой принятые высшей судебной инстанцией на основании предоставленных Конституцией Российской Федерации и законами полномочий и основанные на высшем (в иерархическом понимании) уровне обобщения и анализа судебной практики разъяснения высшего судебного органа, имеющие руководящий, обязательный для всех судов общей юрисдикции и всех иных участников гражданских процессуальных правоотношений характер. Постановления ПВС представляют собой акты, в которых Верховный Суд РФ в результате официального толкования права (далеко выходящего за рамки буквального толкования действующего законодательства), выявления его смысла, исходя из духа права и закона, познаваемого сквозь призму общечеловеческих ценностей, с использованием в качестве методов толкования аналогии закона или аналогии права создает новые правила поведения для неопределенного круга лиц, и эти правила, разъясняющие неясные, темные положения нормативных правовых актов, конкретизируют оценочные понятия, устанавливают ограничительное или расширительное толкование, восполняют пробелы или устраняют противоречия в действующем законодательстве и, будучи закрепленными в официальном, подлежащем публикации документе, обязательны для неоднократного применения и исполнения неопределенным кругом лиц.

Таким образом, хотя на сегодняшний день отсутствует эксплицитно-официальное (легальное) закрепление такого свойства у постановлений ПВС, их принципиальное значение для своевременного разъяснения процессуальных норм и практики их применения, а также соответствие признакам источника (формы) права позволяют положительно решить вопрос о признании за постановлениями ПВС официального статуса источника (формы) гражданского процессуального права. А для устранения проблем в их применении в указанном качестве следует прямо закрепить их фактический статус в процессуальном законе, так как это уже

сделано, например, в ст. 1 ГПК Казахстана: «нормативные постановления Конституционного Совета и Верховного Суда Республики Казахстан являются составной частью гражданского процессуального права»[450]. Такое решение, кроме того, позволит вывести из тени и урегулировать такие важные проблемы, присущие вообще судейскому праву, как определение моментов начала и окончания действия постановлений ПВС во времени, возможность ретроспективного применения, возможность преодоления их силы иными органами, установление контроля над высшей судебной инстанцией в целях ограничения возможного произвола с ее стороны, а также их субсидиарный (восполнительный) характер.

Завершая исследование судебных актов, еще раз подчеркнем основные положения и выводы.

1. Толкование норм права, в том числе с использованием аналогии закона либо аналогии права, само по себе не является источником (формой) права, а представляет собой метод, с помощью которого создаются правовые нормы, осуществляется судебное правотворчество. Термин «правоположения» следует рассматривать как эвфемизм термина «норма права», применение которого для обозначения правовых норм, созданных в результате судебного правотворчества, было обусловлено господством жесткого позитивизма.

Формой существования созданных в результате судебного правотворчества гражданских процессуальных норм могут выступать исключительно акты высших судов, обладающие свойствами общеобязательности, окончательности и неизменности, а именно: постановления Конституционного Суда РФ и его определения с позитивным содержанием, а также постановления Пленума Верховного Суда РФ и постановления Президиума Верховного Суда РФ, вынесенные в порядке надзора.

Судебное правотворчество, как правило, заполняет пробелы в правовом регулировании, однако признак вторичности не является принципиальным

---

[450] Кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/m/document?doc_id=34329053#sub_id=10000, свободный. – (Дата обращения: 6.02.2020 г.).

препятствием к отнесению того или иного правового феномена к числу источников (форм) права, хотя справедлива их классификация по данному признаку. Существующие эффективные процессуальные механизмы обеспечивают обязательность указанных актов высших судов и не позволяют нижестоящим судам, а равно и иным участникам гражданского судопроизводства, игнорировать их в своей деятельности вне зависимости от того, что эти акты из себя представляют – первичный или вторичный источник (форму) права, содержат ли они буквальное толкование существующих норм или новые нормы права, созданные в результате судебного правотворчества.

2. Судебная практика и судебный прецедент представляют собой явления правовой действительности, соотносящиеся как некое множество элементов, которым присущи некоторые определенные общие, существенные для их характеристики свойства, и отдельный элемент, входящий в это множество.

Под судебной практикой в узком смысле слова, применительно к гражданскому процессуальному праву, понимается совокупность вступивших в законную силу судебных постановлений, принятых мировыми судьями и судами общей юрисдикции при рассмотрении и разрешении конкретных дел, охватывающая результат правоприменительной деятельности судов разного уровня, очерченный иерархическими границами – от принятых судом первой инстанции решений и определений до вынесенных Президиумом Верховного Суда РФ постановлений в порядке надзора. Эту совокупность можно именовать сложившейся судебной практикой, если она выражает общепринятый, устоявшийся способ разрешения определенной категории гражданских дел или применения правовой нормы в сходных правовых ситуациях, тем самым устраняя возможные проблемы в дальнейшем восприятии, толковании и применении судом норм права.

Под судебным прецедентом в гражданском процессуальном праве следует понимать судебное постановление по конкретному делу, содержащее созданные судом, вынесшим данное постановление, правила поведения, являющиеся для участников гражданских процессуальных правоотношений обязательными

образцами совершения процессуальных действий в тождественной правовой ситуации, которыми равные или нижестоящие суды обязаны неоднократно руководствоваться при рассмотрении аналогичных дел и для обеспечения обязательности которых процессуальным законом установлено, что отклонение от таких образцов является основанием для отмены или пересмотра судебных постановлений по аналогичным делам, рассмотренным равными либо нижестоящими судами.

Делается вывод, что и судебная практика, и судебный прецедент оказывают существенное влияние на развитие различных элементов гражданской процессуальной формы, поскольку судебная деятельность, результат которой оформляется в виде судебных актов (решений, определений, постановлений), выступает не только итогом рассмотрения и разрешения конкретных гражданских дел, но и влияет на практику применения процессуальных норм, воздействует на процесс развития как гражданского судопроизводства в целом, так и отдельных институтов гражданского процессуального права. В настоящее время ни судебная практика, ни судебный прецедент судов общей юрисдикции de jure не являются источниками (формами) гражданского процессуального права, за исключением вынесенных в порядке надзора постановлений Президиума Верховного Суда РФ по конкретным делам, которые имплицитно уже признаны таковыми на законодательном уровне.

3. Постановления Конституционного Суда РФ, его определения с позитивным содержанием, постановления Пленума Верховного Суда РФ и Постановления Президиума Верховного Суда РФ, вынесенные в порядке надзора, в которых фиксируются нормы гражданского процессуального права, имплицитно на законодательном уровне уже признаны таковыми источниками (формами) гражданского процессуального права.

Постановления Президиума Верховного Суда РФ, вынесенные в порядке надзора, представляют собой судебный прецедент, а Постановления Конституционного Суда РФ, его определения с позитивным содержанием и постановления Пленума Верховного Суда РФ, ввиду их принципиально иного

характера, проявляющегося в том, что указанные акты принимаются вне гражданской процессуальной формы и не в процессе разрешения гражданских дел по существу, представляют собой иные, особые, формы гражданского процессуального права. При этом источником (формой) гражданского процессуального права является весь акт высшего судебного органа, включая и мотивировочную, и резолютивную части.

Роль этих актов – восполнительно-корректирующая по отношению к иным источникам (формам) гражданского процессуального права. Акты высших судов восполняют пробелы в тех случаях, когда содержат первичные нормы гражданского процессуального права, и исправляют недостатки (корректируют правовое регулирование), когда в них содержится вторичная норма права. Положение этих актов в системе источников (форм) гражданского процессуального права является динамичным и определяется местом тех источников (форм), которые восполняются или корректируются указанными актами высших судов.

Общеобязательность данных восполняюще-корректирующих источников (форм) для применения в гражданском процессе обеспечивается существующими эффективными процессуальными механизмами, не позволяющими нижестоящим судам, а равно и иным участникам гражданского судопроизводства, игнорировать их в своей деятельности, вне зависимости от того, что эти акты содержат – первичную или вторичную норму права.

Предлагается эксплицитно закрепить данный статус указанных актов в тексте ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», тексте ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» и тексте гражданского процессуального законодательства, а также регламентировать условия и порядок их применения в качестве источника (формы) права.

4. Решения Конституционного Суда РФ де-факто являются источниками (формами) отечественного гражданского процессуального права, обладающими в их системе особым статусом, в тех случаях, когда в них:

– содержатся окончательные выводы о признании гражданской процессуальной нормы не соответствующей Конституции Российской Федерации – «негативное законотворчество», при этом в целях заполнения возникающего пробела Конституционным Судом РФ кроме «негативной» может создаваться временная норма, действующая до принятия соответствующего нормативного правового акта;

– при формальном оставлении гражданской процессуальной нормы неизменной выявляется ее конституционно-правовой смысл, который, как правило, существенно отличается от смысла, придававшегося этой норме сложившейся правоприменительной практикой, чем фактически создается новое общеобязательное правило поведения.

5. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, не являясь ни актами законодательными, ни иными нормативными правовыми актами, ни судебными прецедентами, ни международными договорами, ни обычаем (судебным обычаем), представляют собой принятые высшей судебной инстанцией на основании предоставленных Конституцией Российской Федерации и законами полномочий и основанные на высшем (в иерархическом понимании) уровне обобщения и анализа судебной практики разъяснения высшего судебного органа, имеющие руководящий, обязательный для всех судов общей юрисдикции и всех иных участников гражданских процессуальных правоотношений характер. Постановления ПВС представляют собой акты, в которых Верховный Суд РФ в результате официального толкования права (далеко выходящего за рамки буквального толкования действующего законодательства), выявления его смысла, исходя из духа права и закона, познаваемого сквозь призму общечеловеческих ценностей, с использованием в качестве методов толкования аналогии закона или аналогии права может создавать новые правила поведения для неопределенного круга лиц, и эти правила, разъясняющие неясные, темные положения нормативных правовых актов, конкретизируют оценочные понятия, устанавливают ограничительное или расширительное толкование, восполняют пробелы или устраняют противоречия в действующем законодательстве и, будучи

закрепленными в официальном, подлежащем публикации документе, обязательны для неоднократного применения и исполнения неопределенным кругом лиц, что позволяет относить постановления ПВС к субсидиарным (восполнительным) источникам (формам) гражданского процессуального права, как правило вторичным, но при отсутствии надлежащего законодательного регулирования способным стать первичными.

6. Разграничиваются постановления Пленума Верховного Суда РФ, постановления Президиума Верховного Суда РФ, вынесенные в порядке надзора по конкретным делам, которые относятся к (восполнительным) источникам (формам) гражданского процессуального права, как правило вторичным, но при отсутствии надлежащего законодательного регулирования способным стать первичными, с одной стороны, и обзоры судебной практики Верховного Суда РФ, утвержденные Президиумом Верховного Суда РФ, не являющиеся таковыми, с другой стороны.

Вынесенные в порядке надзора постановления Президиума Верховного Суда РФ по конкретным делам представляют собой имплицитно признанный в Российской Федерации судебный прецедент. При этом незначительность числа рассматриваемых Президиумом Верховного Суда РФ гражданских дел ведет, с одной стороны, к количественному уменьшению роли данного источника (формы) гражданского процессуального права в механизме регулирования гражданских процессуальных правоотношений, с другой стороны– то обстоятельство, что они принимаются по наиболее важным, принципиальным вопросам, подчеркивает их исключительность, делает весомей каждый акт данного типа.

Постановления Пленума Верховного Суда РФ имеют особую правовую природу, поскольку принимаются вне гражданской процессуальной формы, и представляют собой основанные на высшем (в иерархическом понимании) уровне обобщения и анализа судебной практики акты, принятые высшей судебной инстанцией на основании предоставленных Конституцией Российской Федерации и законами полномочий, в которых могут создаваться новые обязательные для

неоднократного применения и исполнения неопределенным кругом лиц правила поведения в гражданском судопроизводстве.

Официальное, эксплицитное признание статуса указанных актов Верховного Суда РФ как источников (форм) гражданского процессуального права позволит решить такие присущие судейскому праву проблемы, как определение моментов начала и окончания их действия во времени, возможность ретроспективного применения, возможность преодоления их силы иными органами, установление контроля над актами Верховного Суда РФ в целях ограничения возможного произвола с его стороны, а также прямо закрепить субсидиарный (восполнительный) характер таких актов.

4. Международно-правовые феномены и российское гражданское процессуальное право

4.1. Международное право и российское гражданское процессуальное право: проблемы соотношения

Значение таких феноменов международного права, как общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры, акты международных судов, для гражданского судопроизводства признается повсеместно и в юридической науке, и в практической юриспруденции, что, тем не менее, не уменьшает числа и степени накала споров, ведущихся не только по поводу их соотношения[451], в том числе иерархического, с явлениями отечественной правовой системы в целом и различных отраслей российского права, не исключая и гражданского процессуального, в частности, но и по поводу состава и конкретного содержания общепризнанных принципов и норм международного права, а также формы (форм) их существования, их выражения вовне.

Мы полагаем, это связано с тем, что, как отмечают С.Ф. Афанасьев и М.А. Викут, законодательная техника, использованная при написании Конституции Российской Федерации и Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации»[452], не дает ответа ни на вопрос о соотношении международного и внутригосударственного права, ни на вопрос о последствиях несогласованности международных и конституционных правовых положений в сфере российского гражданского судопроизводства[453].

---

[451] См.: *Самсонов Н.В.* Международное право и система источников гражданского процессуального права // II Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы развития цивилистического процесса»: сборник научных статей международной научно-практической конференции 12 апреля 2019 г. Ростов н/Д.: ИП Беспамятнов, 2019. С. 16.

[452] О международных договорах Российской Федерации: Федеральный. закон от 15.07.1995 г. № 101-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 29. Ст. 2757.

[453] *Викут М.А., Афанасьев С.Ф.* К вопросу о реализации части 4 статьи 15 Конституции РФ в сфере российского гражданского судопроизводства (проблемы теории и практики применения) // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 3. С. 36–44.

Следует отметить, что значение этих вопросов в последние десятилетия существенно возросло. Это произошло, с одной стороны, в связи с движением мировой экономики в направлении глобализации и более полным включением России в этот процесс, с другой стороны, в связи с тем, что ужасающие последствия второй мировой войны привели правительства и общественность большинства стран к осознанию необходимости защиты человека и его прав, в том числе на международном уровне, а понимание такой необходимости, в свою очередь, повлекло рост числа и значения международных норм, появление международного контроля за соблюдением прав человека и в результате вызвало изменение взглядов на соотношение международных правовых норм и принципов с системой отечественного гражданского процессуального права.

Обратившись к дореволюционным трудам отечественных ученых по гражданскому процессу, в том числе содержащим главы и параграфы, специально посвященные источникам (формам) гражданского процессуального права, мы убедимся, что в них нормы и акты международного права упоминаются достаточно редко[454], не всегда включаются в состав источников и при этом речь идет исключительно о таком феномене международного права, как международные договоры (конвенции).

Так, Е.А. Нефедьев, рассуждая в своем учебнике русского гражданского судопроизводства о современных ему источниках русского процессуального права, отмечает, что таковыми «служат: Учреждение судебных установлений и Устав гражданского судопроизводства, внесенные, по последнему изданию, в 1-ю ч. XVI тома; т. X ч. 1-я, насколько она касается судопроизводства; 2 ч. XVI т., насколько постановления этого закона остались неотмененными реформой»[455], и при этом не упоминает о нормах и актах международного права.

---

[454] См.: *Васьковский Е.В.* Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Статут, 2016; *Нефедьев Е.А*. 1) Учебникъ Русскаго Гражданскаго Судопроизводства. М.: Типографія ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета, 1902; 2) Избранные труды по гражданскому процессу. Краснодар: Совет Кубань, 2005; *Яблочков Т.М.* Учебникъ Русскаго Гражданскаго Судопроизводства. Изд. 2-е, доп. Ярославль: Книгоизд-во И.К. Гассанова, 1912; *Энгельманъ И.Е.* Указ. соч.

[455] *Нефедьев Е.А.* Учебникъ Русскаго Гражданскаго Судопроизводства. С. 41.

А.Х. Гольмстен, рассуждая о правилах действия процессуальных законов, обращает внимание на такую особенность процессуального положения иностранцев, не состоящих на русской службе и не владеющих в России недвижимым имением, как возложение на них следующей обязанности, предусмотренной п. 5 ст. 571 Устава гражданского судопроизводства: при обращении с иском в российский суд предварительно обеспечить судебные издержки по делу и возможные убытки ответчика. А далее отмечает, что после присоединения России к Гаагской конвенции[456] это требование в отношении подданных ряда стран отменено[457]. Это позволяет утверждать о существовавшем приоритете международного договора, а именно конвенций, в которых участвовала Российская империя, над внутренним процессуальным законодательством – Уставом гражданского судопроизводства.

Е.В. Васьковский в посвященном источникам процессуального права параграфе своего учебника, отмечая специфику процессуальных законов, их отличие от законов, регулирующих материальные правоотношения, в качестве цели первых называл «опредѣленіе устройства и образа дѣйствій органовъ государственной власти — судовъ». Далее он говорил, что процессуальные законы имеют «обязательное значеніе только для судовъ того государства, где они изданы, и не подлежать примѣненію за предѣлами его территоріи», но это правило

---

[456] Речь идет о Гаагской конвенции 17 июля 1905 г., ст. 11 которой уничтожает cautio judicatum solvi (судебный залог, перевод мой) для подданных договаривающихся сторон под условием, что они имеют domicilium (место пребывания, перевод мой) в том государстве, где предъявляют иск. Силою Конвенции отменяется сила п. 5 ст. 571 УГС против подданных государств, представители которых подписали конвенцию. Цит. по Устав гражданского судопроизводства (Сводъ Законов. Т. XVI ч. 1, изд. 1914 г.) съ законодательными мотивами, разъясненіями Правительствующаго Сената и комментаріями русскихъ юристовъ, извлеченными изъ научныхъ и практическихъ трудов по гражданскому праву и судопроизводству (по 1 Сентября 1915 года): В 2 т. / Сост. И.М. Тютрюмовъ. Изд. 4-е, испр. и доп. Пг.: Изд. юрид. кн. магазина И.И. Зубкова под фирмою «Законоведение», 1916. Т. 1. С. 1171.

[457] *Гольмстен А.Х.* Указ. соч. С. 23–25.

подлежит изменению при заключении «особой конвенціи»[458]. Тем самым он подчеркнул, что процессуальный закон, в том числе правила его действия в пространстве, могут быть изменены международным договором.

В советский период отечественная юридическая наука из всех феноменов международного права в качестве источников (форм) гражданского процессуального права по-прежнему рассматривала исключительно договоры и конвенции. Так, А.Ф. Клейнман включал договоры и конвенции советского правительства с иностранными правительствами в состав источников процессуального права «в специальном смысле слова», ставя их в перечне источников на восьмое место, после указов президиумов верховных советов союзных и автономных республик[459]. А.Т. Боннер также включал акты международного права в систему источников советского гражданского процессуального права, но при этом упоминает только «международные договоры и соглашения, регулирующие вопросы оказания взаимной помощи государств по гражданским делам»[460], а ведя речь об устранении пробелов в праве, упоминает возможность использования для этого принципов права, не акцентируя внимание на общепризнанных принципах международного права[461].

При этом вопрос о возможности включения актов международного права в систему советского гражданского процессуального права решался не всегда положительно. Например, в «Курсе советского гражданского процессуального права» отмечается, что «Советское гражданское процессуальное право представляет собой единую систему общесоюзных и республиканских гражданских процессуальных норм, обеспечивающих осуществление правосудия

---

[458] *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского процесса. С. 12–13.
[459] *Клейнман А.Ф.* Избранные труды. Т. 2. С. 441.
[460] *Боннер А.Т.* Избранные труды. Т. 2. С. 6.
[461] Там же. С. 75.

по гражданским делам, выполнение задач советского гражданского судопроизводства»[462], а акты международного права (договоры и конвенции) в составе этой системы не значатся и упоминаются только в восьмом разделе, посвященном положению иностранцев в советском гражданском процессе и сотрудничеству с судами иностранных государств в области правосудия по гражданским делам, в котором рассматривается комплекс вопросов процессуального характера с «иностранным или международным элементом»[463], подлежащих разрешению с учетом конвенций, международных договоров и соглашений, заключенных советским государством.

В свою очередь О.Ч. Хускивадзе относит к источникам гражданского процессуального права правовые акты, изданные уполномоченными государственными органами в рамках предоставленной им компетенции, с помощью которых устанавливаются, изменяются или отменяются нормы, регламентирующие порядок производства в суде по гражданским делам, при этом она включает в систему источников гражданского процессуального права не только «законы, указанные в статье 1 Основ, но и другие общесоюзные и республиканские нормативные акты, устанавливающие (в пределах, предусмотренных процессуальным законом) нормы гражданского процессуального права»,[464] но не упоминает при этом о международных договорах или иных международных актах как об источниках советского гражданского процессуального права.

---

[462] *Курс* советского гражданского процессуального права: Теоретические основы правосудия по гражданским делам. Т. 1. С. 72.

[463] *Курс* советского гражданского процессуального права: Судопроизводство по гражданским делам: В 2 т. / М.М. Богуславский, Р.Е. Гукасян, П.П. Гуреев, А.А. Добровольский и др.; ред. кол.: П.П. Гуреев, А.А. Добровольский, А.А. Мельников (отв. ред.), В.С. Тадевосян, П.Я. Трубников М.: Наука, 1981. Т. 2. С. 357.

[464] *Хускивадзе О.Ч.* Источники гражданского процессуального права. С. 9, 13.

По этой причине мы можем согласиться с проанализировавшим взгляды отечественных ученых XIX–XX вв. на систему источников гражданского процессуального права С.В. Васильевым в том, что «советская правовая доктрина в целом давала негативный ответ на вопрос, может ли международный договор занимать определенное место в системе источников внутригосударственного (национального) права»[465], однако считаем необходимым дополнить, что в советский период интерес к актам международного права существенно возрос, тем не менее он по-прежнему ограничивался сферой международного гражданского процесса[466], в которой устанавливались особенности и исключения в общем порядке рассмотрения гражданских дел при появлении в нем иностранных субъектов процессуальных отношений. Как пишет Н.И. Марышева, «термин "международный" в данном случае условен, поскольку речь идет не о международных, наднациональных судах, а о рассмотрении гражданских дел судами того или иного государства, в России – российскими судами»[467].

Такое классическое, изначальное, сохранявшееся столетиями восприятие актов международного права обусловлено тем, что защита прав и законных интересов участников гражданских (в широком смысле слова – частноправовых) правоотношений, которые в качестве своих субъектов не имеют иностранных элементов, как правило, может осуществляться только во внутренних судах государства, в рамках только национального гражданского процесса, в порядке,

---

[465] *Васильев С.В.* Источники гражданского процессуального права: генезис научных взглядов. // Актуальные проблемы современного развития гражданского, арбитражного и административного судопроизводств: сб. ст. по материалам Международной науч.-практ. конференции: В 2 ч. / Под общ. ред. В.П. Очередько, Л.В. Войтович, В.И. Кайнова. СПб.: ИД «Петрополис», 2013. С. 62–70.

[466] Несмотря на то что понятие международный гражданский процесс остается дискуссионным, а в юридической науке продолжаются споры о том, что он из себя представляет и к какой отрасли права относится, мы считаем возможным использовать данный термин для обозначения гражданского процесса, осуществляемого в соответствии с нормами национального процессуального законодательства, но с особенностями, возникающими в связи с наличием международных договоров, которые определяют требования, предъявляемые к документам, судебным доказательствам, срокам извещения сторон, особенностям признания и исполнения иностранных судебных решений и т.д.

[467] *Международное* частное право: учебник / В.Н. Борисов, Н.В. Власова, Н.Г. Доронина и др.; отв. ред. Н.И. Марышева. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2018. С. 691.

установленном для гражданского судопроизводства этим государством, что не исключает использование внутренними судами международных норм или норм иностранного права, регулирующих материальные правоотношения.

Что же касается гражданских процессуальных правоотношений, то согласно общему правилу, для регламентации порядка судопроизводства используется lexfori – закон суда, или закон места судебного разбирательства, в соответствии с которым процедура определяется местом суда (forum regit processum). Связано это с тем, что внутригосударственное гражданское процессуальное право регламентирует деятельность внутригосударственных судов. Независимость от иностранного права, от иностранных судов и наличие собственной судебной системы, которая осуществляет правосудие, разрешает споры по собственному (национальному) закону – необходимый признак суверенного государства.

Однако, как справедливо отмечает Х. Шак, национальное процессуальное право не является неограниченно приспособленным для реализации любого материального права. Это действительно так: при рассмотрении спора с иностранным элементом может возникнуть необходимость применения иностранного материального права, к чему национальное процессуальное право не всегда приспособлено надлежащим образом и не всегда обеспечивает адекватный уровень защиты нарушенных прав. Эта необходимость, по его мнению, вступает в некоторый конфликт с тем обстоятельством, что при применении lexfori «происходит равное обращение с неравными вещами, а именно правовой спор с участием иностранного элемента рассматривается как чисто национальный спор», чего зачастую бывает недостаточно ввиду существующей связи процессуальных норм с материальным правом. Из этого неизбежно следует вывод о том, что «международное гражданское процессуальное право должно оставлять пространство для применения иностранного процессуального права»[468]. В результате действия такого же механизма, по нашему мнению, обусловливается и

[468] *Шак Х.* Международное гражданское процессуальное право: учебник / Пер. с нем. М.: БЕК, 2001. С.18–20.

применение международного права в национальном гражданском судопроизводстве.

В итоге возникает ситуация, в которой из-за того, что как минимум один из участников спора связан с иностранной правовой системой, объективируется международный гражданский процесс, т.е. деятельность, связанная с судебной или иной юрисдикционной защитой прав участников гражданского оборота, в котором присутствует иностранный элемент[469], и представляющая собой часть гражданского процесса[470], для регламентации которой национального законодательства, как правило, недостаточно. Необходимость применения международного права возникает также при совершении отдельных трансграничных процессуальных действий: допросе свидетелей, вручении извещений и вызовов, истребовании документов, исполнении решений и т.д.

Именно поэтому международное право, причем исключительно в форме международных договоров и конвенций, первоначально применялось единственно в международном гражданском процессе, а вопросы взаимодействия иных феноменов международного права с гражданским процессуальным правом, равно как и вопросы расширения влияния международного права на иные области гражданского судопроизводства, не представляли существенного интереса.

Впоследствии такие факторы, как необходимость развития внешнеэкономических связей страны, с одной стороны, и стремление не просто декларативно провозгласить, но и реально обеспечить достойный уровень прав и свобод человека и гражданина на территории России – с другой, привели к фиксации в Конституции Российской Федерации статуса не только международных договоров Российской Федерации, но и общепризнанных принципов и норм международного права как составной части отечественной правовой системы, а также закреплению приоритета правил, установленных

---

[469] См.: *Арбитражный* процесс: учебник / А.В. Абсалямов.

[470] См.: *Николюкин С.В.* Международный гражданский процесс и международный коммерческий арбитраж: учебник. М.: Юстиция, 2017.

международным договором Российской Федерации, над правилами, предусмотренными законом (ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации).

Далее отметим, что права и свободы человека и гражданина гарантируются в России национальной Конституцией, внутренним законодательством, а также общепризнанными принципами и нормами международного права (ч. 1 ст. 17 Конституции Российской Федерации). Эти права и свободы подлежат защите, в случае исчерпания внутригосударственных средств которой каждый вправе обратиться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека (ч. 3 ст. 46 Конституции Российской Федерации). Наличие такой возможности обеспечивает существенное влияние норм международного права на отечественное судопроизводство, в том числе гражданское, поскольку объективно вызывает движение отечественной системы судопроизводства в направлении, соответствующем более высоким стандартам. Это приводит к тому, что, как справедливо отмечает Е.Ю. Зарубаева, международно-правовые нормы могут выступать не только в качестве норм материального права, но и устанавливать процессуальные правила, в том числе в тех делах, в которых не участвует иностранный элемент[471].

Россия в тексте своей Конституции провозглашает общепризнанные принципы и нормы международного права составной частью собственной правовой системы, участвует в большом числе международных договоров и конвенций, которые также объявляет входящими в эту систему. Указанные принципы, нормы и договоры затрагивают многие важные аспекты национального права, в том числе и гражданского процессуального. Более того, существует ряд международных договоров и конвенций, специально посвященных вопросам судопроизводства, не только применяемых российскими судами общей юрисдикции при рассмотрении гражданских дел, но и имеющих в силу положений ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации и ч. 2 ст. 1 ГПК РФ приоритет над национальным процессуальным законом. Тем не менее в отечественном

---

[471] *Зарубаева Е.Ю.* Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры в правовой системе России: дис. … канд. юрид. наук. М., 2003. С. 159.

правоведении в целом и науке гражданского процессуального права в частности обосновываются различные воззрения не только на проблему соотношения норм международного права и российского гражданского процессуального права, но и на саму возможность признания источниками (формами) гражданского процессуального права таких феноменов международного права, как общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры и обычаи.

Так, В.В. Молчанов, ссылаясь на вышеуказанные положения российской Конституции и ГПК РФ, рассматривает международные договоры как источники отечественного гражданского процессуального права[472].

А.А. Демичев и О.В. Исаенкова также полагают, что «ГПК РФ (ч. 2 ст. 1) относит к источникам гражданского процессуального права нормы международного договора РФ, устанавливая их приоритет над правилами российского гражданского судопроизводства»[473], и причисляют международный договор к традиционным источникам гражданского процессуального права Российской Федерации[474].

И.В. Воронцова в результате глубокого исследования норм международного права, имеющих значение для гражданского судопроизводства, приходит к выводу, «что к источникам гражданского процессуального права относятся международные соглашения и договоры с участием РФ, ратифицированные либо ставшие обязательными для РФ в связи с присоединением или другим предусмотренным законом способом, определяющие порядок оказания взаимной правовой помощи по гражданским делам и (либо) регулирующие иные вопросы гражданского процесса»[475].

---

[472] См.: *Гражданский* процесс: учебник / Под ред. М.К. Треушникова. С. 33.

[473] *Гражданское* процессуальное право России: учебник / Под ред. О.В. Исаенковой. С. 37.

[474] *Демичев А.А., Исаенкова О.В.* Нетрадиционные источники гражданского процессуального права России // ЭЖ-Юрист. 2006. № 33. // СПС КонсультантПлюс.

[475] *Воронцова И.В.* Нормы международного права как источник гражданского процессуального права: дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2002. С. 145.

Противоположный взгляд на указанную проблему высказывал Я.Ф. Фархтдинов, который, поставив вопрос о правовой природе международных договоров в сфере гражданского судопроизводства, попытался обосновать утверждение о том, что поскольку «нормы международного гражданского процесса являются элементом системы международного права» и, в отличие от норм национального права, устанавливаются совместной волей нескольких государств, то положения ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации «не означают утраты нормой международного права своей самостоятельности и обособленности», равно как не означают и того, что «нормы международного права механически становятся внутригосударственными, а международные договоры – источниками внутригосударственного гражданского процессуального права»[476]. Не делает, по его убеждению, международные договоры источником гражданского процессуального права и ратификация, в результате которой международный договор хотя и приобретает обязательную для национального суда силу, но остается включенным в систему международного права и не подлежит встраиванию в иерархическую систему права внутригосударственного[477].

Несмотря на то что вышеприведенные рассуждения совпадают с положениями доктрины международного права о месте источников международного права в правовой системе Российской Федерации[478], мы полагаем, что в современный период, когда упоминание о глобализации не только мировой

---

[476] *Фархтдинов Я.Ф.* Источники гражданского процессуального права Российской Федерации. С. 190.

[477] Там же. С. 184–193.

[478] См.: *Ганюшкин Б.В.* Проблемы трансформации и имплементации международно-правовых норм в отечественной доктрине международного права // Общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры в практике конституционного правосудия: материалы Всероссийского совещания (Москва, 24 декабря 2002 г.). М.: Международные отношения, 2004. С. 77; *Марочкин С.Ю.* Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2011.

экономики, но и о глобализации права[479], а также исследование разных аспектов глобализационных процессов[480] стало не просто очевидным трендом, но актуальным направлением в правовой науке, не следует абсолютизировать утверждения о невозможности того или иного акта принадлежать к различным системам права, о невозможности того или иного феномена выступать источником, в значении формы права, в различных системах права.

Как говорит С.Ю. Марочкин, «в условиях глобализации концепция объективных границ международного права должна отойти в прошлое. Сегодня оно создает права и обязательства не только для государств, но и непосредственно для физических и юридических лиц, имеет прямое действие во внутригосударственной сфере»[481]. Соглашаясь с этим утверждением, мы считаем необходимым дополнить, что, на наш взгляд, отсутствие непроницаемых для норм права границ между правовыми системами обусловлено самой сущностью права. Право – это система правовых норм, имеющих свое внешнее выражение в источниках права[482]. Право проявляется, становится доступным для восприятия и осознания не в одном, а во многих источниках (формах) права, каждый из которых в свою очередь содержит, как правило, более одной нормы права, представляющей

---

[479] Глобализация права представляет собой этап развития современного права, вызванный глобализационными процессами, происходящими в современном мире, а именно появлением информационного общества и формированием наднациональных правовых институтов, влияющий как на систему международного права, так и на национальные правовые системы и подталкивающий их к достаточно интенсивному сближению.

[480] См.: *Безбородов Ю.С.* Универсализация и локализация международно-правового регулирования в условиях глобализации // Российский юридический журнал. 2013. № 3. С. 26–30; *Гаврилов О.А., Колдаева Н.П., Лукьянова Е.Г., Поленина С.В.* Воздействие глобализации на правовую систему России // Государство и право. М.: Наука, 2004. № 3. С. 5–15; *Глобализация* и интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе (правовое и экономическое исследование): монография / Под ред. Т.Я. Хабриевой. М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2014; *Малюшин А.А.* Изменение роли судебной практики в условиях правовой глобализации // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 1. С. 27–32; *Торосян В.Р.* Правовая система России в условиях глобализации и межгосударственной унификации правовых стандартов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 5.

[481] *Марочкин С.Ю.* Соотношение юридической силы норм международного и внутригосударственного права в правовой системе Российской Федерации // Российский журнал международного права. 1997. № 2. С. 43–44.

[482] См.: *Цечоев В.К., Швандерова А.Р.* Теория государства и права: учебник. М.: Прометей, 2017.

собой общеобязательное правило поведения, рассчитанное на неоднократное применение неопределнным кругом лиц. Эти нормы мы можем представить в качестве составных частей, блоков, элементов, из которых собирается право. Но ведь даже реальный блок или кирпич может быть составной частью двух домов, двух квартир, если у них общая стена. К чему принадлежит входная дверь в квартиру? Это и часть подъезда, и часть квартиры. Подобные явления мы можем наблюдать и в праве: например, нормы материального права об ответственности достаточно часто выступают одновременно и нормами процессуального права, устанавливающими исключения из общего правила распределения обязанностей по доказыванию (доказательственные презумпции).

Точно так же, если мы возьмем для примера один из источников международного права, а именно такую его форму, как международные договоры, то увидим, что такие договоры, заключенные по вопросам гражданского процесса, содержат нормы международного права, которые, как нам представляется, одновременно можно рассматривать и как нормы внутренние, поскольку они не просто оказывают влияние на национальное судопроизводство, но и являются регулятором гражданских процессуальных правоотношений, реализуемых в российских судах, встраиваются в систему российского гражданского процессуального права, тем самым выступают как источник (форма) внутригосударственного гражданского процессуального права, не переставая быть при этом источником права международного. Возможность такого вывода вовсе не противоречит дуалистической теории международного права[483], поскольку

---

[483] Согласно дуалистической теории международное право и внутригосударственное право представляют собой две самостоятельные системы права, функционирующие раздельно, изолированные друг от друга, друг с другом не пересекающиеся, каждая из которых обладает своими особенностями. Первая из этих систем регулирует отношения между суверенными государствами, а вторая действует внутри государства и регулирует отношения его граждан и организаций друг с другом и с властью. – См.: *Конституционно-правовые* основы антикоррупционных реформ в России и за рубежом: учебно-методический комплекс / С.А. Авакьян, О.И. Баженова, О.А. Ежукова и др.; отв. ред. С.А. Авакьян. М.: Юстицинформ, 2016; *Международное* право. Общая часть: учебник / Г.Я. Бакирова, П.Н. Бирюков, Р.М. Валеев и др.; отв. ред. Р.М. Валеев, Г.И. Курдюков. М.: Статут, 2011.

предполагает существование двух правовых систем, частично пересекающихся, но, тем не менее, самостоятельных.

В подтверждение вышеприведенного тезиса о возможности правового феномена выступать в качестве источника (формы) права различных правовых систем считаем необходимым вновь обратиться к нормам позитивного права. Как мы уже отмечали, российская Конституция прямо включила общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации в отечественную правовую систему в качестве ее составной части, установив приоритет международного договора при возникновении коллизий между его правилами и федеральным законом (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ). Эти конституционные положения воспроизводится в ч. 1, 2 ст. 5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации». Более того, в ч. 3 указанной статьи содержится правило о непосредственном действии на территории России официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующих издания внутригосударственных актов для их применения. ГПК РФ также закрепляет приоритет правил гражданского судопроизводства, установленных международным договором Российской Федерации, над внутренним законодательством о гражданском судопроизводстве (ч. 2 ст. 1 ГПК РФ), а нарушение прав и свобод человека и гражданина, гарантированных в том числе общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации, называет в числе оснований для отмены судебных постановлений в порядке надзора (п. 1 ст. 391.9 ГПК РФ).

Таким образом, мы видим, что характерные для позднесоветского периода развития юридической науки рассуждения о том, что источники международного права и источники внутригосударственного права представляют собой автономные

и разнопорядковые системы[484], не отражают современного положения вещей, равно как и академичная монистическая теория[485]. Ученые-конституционалисты отмечают, что чистые монистическая и дуалистическая теории представляют собой идеальные модели и поэтому «давно не отражают реальную картину соотношения международного права и внутригосударственного права», а, действуя в современном мире «априорно, не могут предложить системных решений для преодоления правовых коллизий, каждая из которых имеет уникальный характер»[486]. Следует отметить, что некоторые иностранные конституционалисты по поводу этих «идеальных» теорий высказываются еще более резко. Так, А. фон Богданди заявляет, что «монизм и дуализм должны прекратить существование как доктринальные и теоретические понятия, используемые для анализа взаимодействия между международным и внутренним правом. Это зомби из прошлого; настало время им упокоиться»[487].

Данный вывод, пожалуй, справедлив и для нашей правовой системы. Актуальное российское законодательство, на наш взгляд, весьма последовательно утверждает концепцию приоритета международно-правовых норм над национальными, включая их при этом в отечественную правовую систему[488].

---

[484] См. *Зивс С.Л.* Указ. соч. С. 225.

[485] Монистическая теория исходит из существования одного единого всеобщего правопорядка, единой системы права, в рамках которой международное право и право внутригосударственное, являясь элементами целого, занимают свое собственное, конкретное место. Согласно этой теории международное право может регулировать внутригосударственные отношения и применяться национальными судами, другими правоприменителями непосредственно, если это было предусмотрено создателями соответствующих международно-правовых норм или допускается внутренним правом государства, что отражено в его законодательстве. – См.: *Конституционно-правовые* основы антикоррупционных реформ в России и за рубежом / Отв. ред. С.А. Авакьян; *Международное* право / Отв. ред. Р.М. Валеев. .

[486] См.: *Конституционно-правовые* основы антикоррупционных реформ в России и за рубежом / Отв. ред. С.А. Авакьян.

[487] *Богданди А.,фон.* Доктринальный конструктивизм в прошлом и будущем: стратегия ответа на насущные вопросы, стоящие перед конституционно-правовой наукой в Европе // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 1. С. 48.

[488] Советское правоведение исходило из принципа приоритета советского права и содержало в ряде нормативно-правовых актов бланкетные нормы или положения о применении международных договоров при их коллизии с внутригосударственным правом. – См.: *Барциц И.Н.* Международное право и правовая система России // Журнал российского права. 2001. № 2. С. 61–71.

Следовательно, международные нормы могут непосредственно действовать в национальной правовой системе, в том числе регулировать гражданские процессуальные отношения, возникающие в российских судах общей юрисдикции, поэтому нам представляется возможным исследовать вопрос о том, какие из форм внешнего выражения норм международного права следует рассматривать как источники (формы) российского гражданского процессуального права.

4.2. Соотношение общепризнанных принципов и норм международного права с системой источников (форм) российского гражданского процессуального права

Как мы видим, вопросом о возможности включения норм международного права в систему национального гражданского процессуального права спорные вопросы взаимодействия международных правовых норм с системой отечественного гражданского процессуального права не исчерпываются. Если международные договоры, как правило, рассматриваются в качестве источников (форм) отечественного гражданского процессуального права, то правовой статус двух иных элементов, включенных российской Конституцией в отечественную правовую систему, – общепризнанных норм и принципов международного права – на сегодняшний день не установлен достаточно четко.

С одной стороны, Т.Н. Нешатаева говорит о непреложности приоритета как писаных, так и обычных международно-правовых норм характера jus cogens (сверхимперативных) и над международными договорами, и над национальными законами, которые в случае противоречия нормам jus cogens объявляются, как она полагает, «юридически недействительными»[489]. Данные рассуждения позволяют ей поставить общепризнанный принцип (международную сверхимперативную норму) выше всех позитивных источников права и выстроить такую иерархию норм: международный принцип, норма Конституции, норма позитивного права (международный договор, закон), положения судебных прецедентов и т.д. По ее мнению, судья при противоречии нормы писаного права естественному принципу «вынужден применить общепризнанный принцип права, отрицая позитивное правило (или умалчивая о нем)»[490], тем самым она не просто включает указанные феномены в систему источников (форм) российского гражданского

---

[489] *Нешатаева Т.Н.* Решения Европейского суда по правам человека: новеллы и влияние на законодательство и правоприменительную практику: монография. М.: Норма, ИНФРА-М, 2013. С. 42.

[490] *Нешатаева Т.Н.* Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права // Вестник ВАС РФ. № 3. 2004. С. 125–127.

процессуального права, но и предлагает рассматривать их как явления с максимально возможной юридической силой.

Что же представляют собой эти супернормы, стоящие, по мнению Т.Н. Нешатаевой, на высшей иерархической ступени в системе источников и отменяющие (при возникновении коллизии) правила судопроизводства, установленные Конституцией Российской Федерации, процессуальным законом и/или международным договором?

В российской Конституции и федеральном законодательстве не содержится указаний на то, что следует понимать под общепризнанными принципами и нормами международного права, отсутствуют и характеризующие их признаки.

Попытку определить указанные понятия предпринял Верховный Суд РФ, который в п. 1 Постановления Пленума от 10.10.2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»[491] предложил под общепризнанными принципами международного права понимать основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо, отнеся к ним, в частности, принцип всеобщего уважения прав человека и принцип добросовестного выполнения международных обязательств, а под общепризнанной нормой международного права – правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательного.

Следует обратить внимание, что Верховный Суд РФ при этом умолчал о форме, в которой существуют, закрепляются, выражаются эти принципы и нормы. В связи с этим мы полагаем необходимым рассмотреть формы, в которых эти нормы и принципы существуют, поскольку разумно предположить, что они могут существовать как в писаном праве, так и в обычном, закрепляться как в тексте международных договоров и конвенций, так и в форме международных обычаев.

---

[491] Российская газета. 2003. № 244.

Определить, что представляет собой императивная норма общего международного права, мы можем, обратившись к Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года (вступила в силу для СССР с 29 мая 1986 г.), которая так именует нормы, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, нормы, отклонение от которых недопустимо, а изменение которых возможно только последующей нормой общего международного права такого же характера (ст. 53)[492].

Рассматривая вопрос о возможности признания международного обычая, содержащего общепризнанные принципы и нормы международного права, источником (формой) гражданского процессуального права, следует отметить, что такая характеристика, как общепризнанность принципа и нормы, существующих в форме обычая, мировым сообществом государств в целом, является излишне неопределенной и неприемлема для использования в целях регламентации гражданского судопроизводства.

По всей видимости, «в целом» означает не всеми, а большинством, но насколько убедительным должно быть это большинство? И главный вопрос – должна ли Россия находиться в составе этого большинства? В юридической науке на этот счет высказаны самые разные точки зрения[493].

---

[492] Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 37. Ст. 772.

[493] См.: *Ануфриева Л.П.* Конституция РФ и международное право: теоретический взгляд на понятие «общепризнанные принципы и нормы международного права», или О принципах права вообще и о принципах в международном праве // Lex russica. 2018. № 11. С. 122–133; *Воронцова И.В.* Место и значение норм международного права в системе источников гражданского процессуального права. С. 84–116; *Мереуцэ Р.И.* Принципы и нормы международного права в правовых системах стран СНГ // Российская юстиция. 2014. № 6. С. 66–69; *Пацация М.Ш.* Об основаниях отмены или изменения судебных постановлений в надзорном порядке в гражданском процессе // Закон. 2014. № 9. С. 128–149; *Умнова-Конюхова И.А.* Современное понимание предмета конституционного права в условиях бинарного развития внутригосударственного (национального) и международного права // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10. С. 151–161.

Нам представляется несомненным, что главным является не то, «признана или нет конкретная норма убедительным большинством государств»[494] или преобладающим большинством, включающим все крупнейшие державы, внушительным и в количественном, и в качественном отношении, представляющим все основные политические и правовые системы[495], а то, что норма воспринимается Российской Федерацией в качестве общепризнанного принципа или общепризнанной нормы[496].

Следует обратить внимание и на позицию Н.В. Витрука, полагавшего, что универсальное признание какой-либо нормы подавляющим большинством государств не порождает само по себе обязанности государства соблюдать эту норму, если она не отражена во внутреннем праве[497].

И.Н. Барциц, проанализировав конституционную формулу «общепризнанные принципы и нормы международного права», приходит к выводу, «что подобные принципы и стандарты должны быть признаны самой Российской Федерацией»[498].

За аналогией, подтверждающей этот вывод, можно обратиться и к Венской конвенции о праве международных договоров, в ст. 34 которой содержится общее правило, касающееся третьих государств, т.е. государств, не участвующих в договоре, конвенции, не принимавших декларацию: «Договор не создает обязательств или прав для третьего государства без его на то согласия». Следовательно, правила, содержащиеся, например, в конвенции,

---

[494] См.: *Марочкин С.Ю.* Применение судами норм международного права при разрешении гражданских и арбитражных дел // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. № 4 (2005) / Под ред. д.ю.н., проф. В.В. Яркова. СПб.: Изд. дом С.-Петербургского гос. ун-та, 2006. С. 495.

[495] См.: *Воронцова И.В.* Место и значение норм международного права в системе источников гражданского процессуального права. С. 84–116.

[496] См.: *Завражнов Е.В.* Проблемы применения норм международного права при отправлении правосудия // Применение норм международного права в деятельности судов и правоохранительных органов Российской Федерации: материалы Всероссийской научно-практической конференции (24 февраля 2005 г.). Омск: Омский юридический институт, 2005. С. 119.

[497] См.: *Конституционное* право: учебник / Под ред. В.В. Лазарева. М., 1999. С. 90–92.

[498] *Барциц И.Н.* Международное право и правовая система России. С. 61–71.

ратифицированной практически всеми государствами мира, не обязательны для государства, не участвовавшего в конвенции.

Соответственно, по нашему убеждению, и признание группой государств некоего обычая принципом не может и не должно придавать обязательного характера этому обычаю для государств, его не признающих в указанных качествах. Допущение же противного позволит той или иной группе государств навязывать остальным чуждые и неприемлемые для них обычаи в качестве обязательных. Более того, необходимо учитывать, что «появление неких новых конституционных ценностей (как то: конституционно-сексуальное равенство, равенство однополых браков, которое уже сегодня признано законами 46 государств мира, 26 из которых являются членами Совета Европы)» вызывает, по мнению Н.С. Бондаря, социокультурное противостояние[499].

В условиях такого противостояния, как мы полагаем, возрастает значение права государства самостоятельно определять важнейшие направления своего развития, тем более в сфере судоустройства и судопроизводства.

По этой причине наиболее убедительным выглядит умозаключение Д.Е. Петрова о том, что «сближение национальных систем не должно выражаться в навязывании своей воли более влиятельными субъектами международной интеграции и в подавлении национальных интересов других юридически равноправных участников международного сообщества» и, следовательно, возможно вхождение в российскую систему права только тех общепризнанных принципов и норм международного права, «в отношении которых Россия в установленных законом формах выразила согласие на их обязательность для

---

[499] *Бондарь Н.С.* Конституция России в современную эпоху глобальных перемен: от политических иллюзий к юридическому реализму. Серия «Библиотека судебного конституционализма». Вып. 9. М.: Юрист, 2018. С. 24.

себя»[500]. Как пишут Н.Н. Черногор и Д.А. Пашенцев, «нормы международного права создаются непосредственно его субъектами, прежде всего государствами, путем согласования своей воли, ценностей и интересов»[501], таким образом, сложно говорить об обязательности нормы международного права без проявления воли государства.

Для национальной правовой системы в целом и для судебной системы в первую очередь важно признание принципа и/или нормы общепризнанными со стороны национального государства. Крайне маловероятной выглядит ситуация, в которой принимаемая и признаваемая международным сообществом в целом норма международного права будет применена во внутреннем праве суверенным государством, если эта норма им не признается, тем более в такой важной сфере общественной жизни страны, как гражданское судопроизводство.

Поэтому для придания обязательного характера подобным международно-правовым феноменам мы считаем необходимым наличие четко выраженного согласия государства на использование той формы международного права, в которой они содержатся.

Следовательно, в целом верное суждение Е.Ю. Степкина о том, что «прямое действие международных норм санкционировано нашим государством и основано на его суверенном праве допускать в качестве регуляторов правоотношений нормы иных систем права (международного и иностранного)»[502], нуждается в уточнении. Действительно, без такого санкционирования невозможно действие международных норм на территории суверенного государства. В сущности, в

---

[500] *Петров Д.Е.* Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015. С. 424, 435.

[501] *Черногор Н.Н., Пашенцев Д.А.* Правовой порядок: доктринальные подходы, методы и актуальные направления исследования // Журнал российского права. 2017. № 8 (248). С. 10.

[502] *Степкин Е.Ю.* Соотношение норм конституционного права России и международного права при обеспечении личных прав человека и гражданина: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 18.

самом общем виде санкция на применение международных норм содержится в ст. 15 Конституции Российской Федерации, однако ее недостаточно ни для применения конкретной нормы международного права, конкретного принципа международного права, даже самого общепризнанного, в гражданском судопроизводстве, ни для включения конкретного международно-правового феномена в число источников (форм) российского гражданского процессуального права, но требуется соблюдение ряда дополнительных условий[503].

Перечень таких дополнительных условий для успешного применения международных норм и принципов во внутреннем праве сформулировал, например, А.И. Бойко. По его мнению, во-первых, такое решение может приниматься только государством, во-вторых, правовые системы должны быть высоко стандартизированы, в-третьих, международные нормы и правила должны соответствовать Конституции, в-четвертых, необходимо подобрать оптимальные технические приемы имплементации (ратификация, инкорпорация и пр.)[504].

Нам представляется, что в этом перечне надо разграничить две группы условий.

К первой группе следует отнести условия, которые, во-первых, оцениваются с неизбежным присутствием определенной степени субъективизма, так, на наш взгляд, правосознание лица, определяющего степень стандартизированности правовых систем, уровень его правовой грамотности во многом будет влиять на результат такой оценки. А во-вторых, условия, несоблюдение либо ненадлежащее соблюдение которых, как, например, выбор не наиболее, а наименее технически оптимального способа имплементации, само по себе не исключает возможности применения международных норм и принципов во внутреннем праве, хотя, возможно, и приведет к менее эффективному их применению, что позволяет рассматривать эти условия как факультативные.

---

[503] См.: *Самсонов Н.В.* Международное право и система источников гражданского процессуального права. С. 18

[504] *Бойко А.И.* Системная среда уголовного права: автореф. дис … д-ра юрид. наук. М., 2008 С. 37.

Во вторую группу следует включить условия:

– о необходимости наличия санкции государства на применение конкретных международных норм и принципов во внутреннем праве;

– о соответствии таких феноменов Конституции Российской Федерации.

Несоблюдение данных условий исключает допуск феноменов международного права во внутреннее правовое поле, следовательно, данная группа содержит условия обязательные.

Проверку исполнения указанных условий для использования международных норм и принципов во внутренних целях на практике осуществить невозможно без наличия недвусмысленно выраженного согласия государства на их применение. Поэтому данные условия могут быть реализованы в процессе заключения государством международных договоров. Именно надлежащая фиксация международных норм и принципов в международном договоре, во-первых, однозначно подтверждает санкционирование государством их применения во внутреннем праве, во-вторых, позволяет достичь приемлемого для правоприменителя уровня правовой определенности содержащихся в них норм, в-третьих, в соответствии со ст. 125 Конституции Российской Федерации допускает возможность проверки такого договора, до его вступления в силу, на соответствие российской Конституции. Следовательно, перечень обязательных условий необходимо дополнить условием об обязательном созвучии международных норм и принципов требованиям принципа правовой определенности[505].

С учетом существования вышеперечисленных условий, без которых, по нашему убеждению, применение международных норм и принципов во внутреннем праве невозможно, мы ни с вышеприведенным утверждением

---

[505] См.: *Самсонов Н.В.* Общепризнанные принципы и нормы международного права в системе источников (форм) российского гражданского процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 6. С. 10.

Т.Н. Нешатаевой о приоритете обычных международно-правовых норм, даже обладающих, по ее мнению, характером jus cogens, над международными договорами и национальными законами[506], ни с И.В. Воронцовой, полагающей, что «приоритетное значение в системе международных норм, применяемых в качестве источников гражданского процессуального права, имеют нормы jus cogens, т.е. общепризнанные принципы международного права», и отрицающей «необходимость их фиксации в международном договоре»[507], не можем согласиться в той мере, в какой указанные авторы декларируют абсолютный приоритет международных норм и принципов, существующих исключительно в форме международного обычая, в системе источников (форм) гражданского процессуального права.

Более того, как мы неоднократно упоминали, источник (форма) права – это внешняя форма выражения норм права. Поэтому мы, рассматривая феномены международного права применительно к внутреннему гражданскому процессу, не можем принять, видимо, справедливое для международного права, утверждение В.В. Ершова, который выделяет и в некоторой степени противопоставляет, с одной стороны, «основополагающие (общие) принципы международного права, являющиеся самостоятельной фундаментальной формой международного права», и «специальные принципы международного права, содержащиеся в иных формах международного права, в том числе международных договорах и обычаях международного права», с другой стороны[508].

Весьма сложно также согласиться с позицией Ж.И. Овсепян, которая, с одной стороны, говорит, что «в отличие, допустим, от международных договоров общепризнанные принципы и нормы – специфический источник международного права». Автор сначала указывает на специфику общепризнанных принципов и

---

[506] *Нешатаева Т.Н.* Решения Европейского суда по правам человека: новеллы и влияние на законодательство и правоприменительную практику. С. 42.

[507] *Воронцова И.В.* Место и значение норм международного права в системе источников гражданского процессуального права. С. 84–116.

[508] *Ершов В.В.* Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. С. 575.

норм международного права, отграничивая их от международных договоров, а затем обращает внимание на возможность существования этих феноменов в различных формах, к каковым, как мы полагаем, относится и форма международного договора. Далее, описав существующие в юридической науке точки зрения на возможность формальной определенности общепризнанных принципов и норм международного права, автор объявляет все имеющиеся взгляды не альтернативными, а взаимодополняющими друг друга и отмечает, что «общепризнанные (общие) принципы и нормы международного права часто являются элементами содержания иных форм (источников) международного права и в то же время могут выступать как самостоятельные формы (источники) регулирования»[509].

В данных и подобных рассуждениях, как весьма точно отмечает Г.М. Вельяминов, «смешиваются разнопорядковые критерии: общепризнанные (общие) принципы и нормы международного права», с одной стороны, и международные договоры Российской Федерации, с другой, из которых только последние, по его мнению, если они являются правообразующими и должным образом трансформированными «в правовую систему Российской Федерации могут трактоваться как источники права»[510].

Следует заметить, что корень причины допускаемого смешения формы и содержания, к сожалению, находится в тексте Конституции Российской Федерации. Как справедливо отметила по данному поводу Н.М. Юрова, «Конституция РФ ставит внешнюю форму выражения нормы права – международный договор и содержание – общепризнанные принципы и нормы (как часть системы права) – в один ряд, на одну ступень, что совершенно недопустимо»[511].

---

[509] *Овсепян Ж.И.* Статус общепризнанных принципов и норм международного права в конституционно-правовой системе России // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 7. С. 15–26.

[510] *Вельяминов Г.М.* Право национальное и международное. М.: РГ-пресс, 2017. С. 92–93.

[511] *Юрова Н.М.* Международное гражданское процессуальное право: теоретические основы имплементации норм в правовой системе Российской Федерации. М.: Волтерс Клувер, 2008 // СПС КонсультантПлюс

Как нам представляется, нельзя не принимать во внимание, что такой подход ведет к уравниванию, смешиванию содержания (принцип, норма) и формы (договор, обычай), при этом непонятно, где находят свое воплощение «основополагающие (общие) принципы международного права», если они не содержатся в международных договорах и обычаях, откуда, из какого «юридического эфира» или «поля правовой энергии» их следует получать?[512]

Таким образом, мы полагаем, что теоретически более верно рассматривать в качестве источника (формы) права не сами общепризнанные принципы и нормы международного права (содержание), а те внешние формы, в которых они зафиксированы, а именно: международные договоры, обычаи и акты международных организаций[513].

Следовательно, сами по себе принципы международного права и его нормы, несмотря на их общепризнанность, к источникам (формам) гражданского процессуального права не относятся, а из всей совокупности международно-правовых феноменов необходимо выделить исключительно те акты и иные явления правовой действительности, в которых принципы и нормы международного права нашли свое внешнее выражение, в которых они содержатся, закреплены, зафиксированы, и именно эти феномены надлежит анализировать на предмет определения возможности отнесения их к источникам (формам) российского гражданского процессуального права.

---

[512] См.: *Самсонов Н.В.* Общепризнанные принципы и нормы международного права в системе источников (форм) российского гражданского процессуального права. С. 9.

[513] При этом нельзя, вслед за А.Н. Морозовым, не упомянуть то обстоятельство, что гл. 2 «Права и свободы человека и гражданина» Конституции РФ «полностью соответствует стандартам защиты прав человека, заложенным важнейшими международными договорами о защите прав человека и основных свобод», и, следовательно, также является источником (формой), но внутреннего права, в которой находят свое выражение общепризнанные принципы и нормы международного права. – См.: *Морозов А.Н.* Конституционное отражение общепризнанных принципов и норм международного права // Журнал российского права. 2018. № 7. С. 33–45.

Следует оговориться, что хотя принципы международного права и его нормы сами по себе к источникам (формам) гражданского процессуального права не относятся, мы считаем возможным согласиться с И.С. Метловой в том, что они в правовой системе России играют весьма существенную роль, которая проявляется в их использовании законодателем на этапе правотворчества в качестве источника права[514], т.е. источника права в значении материала, положенного в его основу.

В данном случае, как в результате наблюдения за правотворчеством современных парламентариев точно заметил К.Л. Брановицкий, «речь идет о несложном, но очень знакомом выборе между интернационализацией (глобализация через сближение) и национализацией собственного законодательства. При этом последнюю даже при наличии большого желания осуществить гораздо сложней, чем использовать готовые, признанные и в некотором смысле универсальные правовые конструкции»[515]. Таким образом, можно прийти к выводу, что простота этого выбора во многом подвигает национального законодателя к использованию упомянутых конструкций, содержащих общепризнанные принципы и нормы международного права, в качестве источника права в значении материала, из которого заимствуются правовые конструкции.

Но при этом мы считаем необходимым уточнить, что, во-первых, законодатель может использовать указанные феномены как источник заимствования, а не обязан, что вполне согласуется с закрепленным в п. 1 ст. 2 Устава ООН принципом суверенного равенства всех членов Организации Объединенных Наций, во-вторых, использовать в качестве источника права, но не в значении формы внешнего выражения права, а в значении силы, побуждающей законодателя развивать и совершенствовать отечественное гражданское процессуальное право, в значении идей, определяющих направление такого

---

[514] *Метлова И.С.* Решения Европейского суда по правам человека в системе источников российского права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 80.

[515] *Брановицкий К.Л.* Сближение гражданского процессуального права в Европейском союзе и на постсоветском пространстве (сравнительно-правовой аспект): дис. ... д-ра. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. С. 21.

развития и совершенствования, а также материалов, являющихся основой для формирования норм отечественного законодательства о гражданском судопроизводстве.

Таким образом, общепризнанные принципы и нормы международного права, несмотря на их значимость для гражданского процесса, как мы уже отмечали, сами по себе не являются источником (формой) права, а, напротив, содержатся, выражаются, фиксируются в правовых феноменах, являющихся источниками (формами) права. Следовательно, и на вопрос о возможности рассмотрения этих принципов и норм в качестве источника (формы) внутреннего гражданского процессуального права следует ответить отрицательно, но надлежит рассмотреть вопрос о возможности отнесения к таковым источникам тех явлений правовой действительности, в которых эти принципы и нормы нашли свое внешнее выражение и посредством которых они вводятся, включаются в систему гражданского процессуального права Российской Федерации.

Форма существования общепризнанных принципов и норм международного права.

Переходя к исследованию форм существования принципов и норм международного права, которые, возможно, выступают в качестве источников (форм) российского гражданского процессуального права, считаем целесообразным начать с анализа такого явления, как международные договоры.

Наиболее значимыми для отечественного гражданского процесса нам представляются такие акты писаного международного права, как:

Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 10.12.1948 г.[516]);

Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4.11.1950 г., ратифицирована Россией в 1998 г.[517]);

Конвенция по вопросам гражданского процесса (заключена в г. Гааге 1.03.1954 г., СССР присоединился к Конвенции 28.10.1966 г., вступила в силу для СССР 26.07.1967 г.[518]);

Венская конвенция о дипломатических сношениях (заключена в г. Вене 18.04.1961 г., ратифицирована СССР в 1964 г., вступила в силу для СССР 24.04.1964 г.[519]);

Конвенция, отменяющая требование легализации иностранных официальных документов (заключена в г. Гааге 5.10.1961 г., СССР присоединился к Конвенции в 1991 г.[520]);

Венская конвенция о консульских сношениях (заключена в г. Вене 24.04.1963 г., СССР присоединился к Конвенции в 1989 г.[521]);

---

[516] Российская газета. 1995. № 67.

[517] О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней: Федеральный закон от 30.03.1998 г. № 54-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 14. Ст. 1514.

[518] Нота министра иностранных дел СССР министру иностранных дел Нидерландов о присоединении СССР к Конвенции по вопросам гражданского процесса // Собрание постановлений Правительства СССР. 1967. № 20. Ст. 145.

[519] О ратификации Венской конвенции о дипломатических сношениях: указ Президиума ВС СССР от 11.02.1964 г. № 2208-VI // Ведомости ВС СССР. 1964. № 8. Ст. 97.

[520] О присоединении Союза Советских Социалистических Республик к Гаагской конвенции 1961 года, отменяющей требование легализации иностранных официальных документов: постановление ВС СССР от 17.04.1991 г. № 2119-1 // Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 17. Ст. 496.

[521] О присоединении Союза Советских Социалистических Республик к Венской конвенции о консульских сношениях 1963 года: указ Президиума ВС СССР от 16.02.1989 г. № 10138-XI // Ведомости ВС СССР. 1989. № 9. Ст. 61.

Конвенция о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам (заключена в г. Гааге 15.11.1965 г., Российская Федерация присоединилась к Конвенции в 2001 г.[522]);

Европейская конвенция об информации относительно иностранного законодательства (заключена в г. Лондоне 7.06.1968 г., вступила в силу для СССР 13.05.1991 г.[523]);

Конвенция о получении за границей доказательств по гражданским или торговым делам (заключена в г. Гааге 18.03.1970 г., Российская Федерация присоединилась к Конвенции в 2001 г.[524]);

Конвенция Организации Объединенных Наций о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности (Вместе с «Толкованиями в отношении определенных положений Конвенции») (заключена в г. Нью-Йорке 2 декабря 2004 г., Россия подписала Конвенцию в 2006 г.[525], в настоящее время Конвенция в силу не вступила[526]);

---

[522] О присоединении Российской Федерации к Конвенции о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам: Федеральный закон от 12.02.2001 г. № 10-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 7. Ст. 615.

[523] Бюллетень международных договоров. 2000. № 1. С. 22–32.

[524] О присоединении Российской Федерации к Конвенции о получении за границей доказательств по гражданским или торговым делам: Федеральный закон от 12.02.2001 г. № 11-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 7. Ст. 616. (См.: *Марышева Н.И.* Присоединение России к Гаагским конвенциям 1965 и 1970 годов по вопросам гражданского процесса // Журнал российского права. № 6. 2001. С. 66–73.)

[525] О подписании Конвенции Организации Объединенных Наций о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности: распоряжение Правительства РФ от 27.10.2006 г. № 1487-р // Собрание законодательства РФ. 2006. № 45. Ст. 4720.

[526] О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации: Федеральный закон от 3.11.2015 г. № 297-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015 № 45. Ст. 6198.

Соглашение стран СНГ о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности (заключено в г. Киеве 20.03.1992 г., ратифицировано Россией в 1992 г.[527]);

Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена между государствами – членами Содружества Независимых Государств в г. Минске 22.01.1993 г., ратифицирована Российской Федерацией в 1994 г.[528], вступила в силу для Российской Федерации 10.12.1994 г.);

Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (заключена в г. Минске 26.05.1995 г., ратифицирована Россией в 1995 г.[529]);

Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь «О равных правах граждан» (заключен в г. Москве 25.12.1998 г., ратифицирован Россией в 1999 г.[530]);

Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь «О создании Союзного государства» (заключен в г. Москве 8.12.1999 г., ратифицирован Россией в 2000 г.[531]).

Указанные международные акты затрагивают многие аспекты национального гражданского процесса, в том числе определяют положение иностранных лиц в российском гражданском процессе, регулируют подсудность дел с иностранным участием, вопросы, связанные с реализацией судебного

---

[527] О ратификации Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности: постановление ВС РФ от 9.10.1992 г. № 3620-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 44. Ст. 2472.

[528] О ратификации Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам: Федеральный закон от 4.08.1994 г. № 16-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 15. Ст. 1684.

[529] О ратификации Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека: Федеральный закон от 4.11.1995 г. № 163-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 45. Ст. 4239.

[530] О ратификации Договора между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о равных правах граждан: Федеральный закон от 1.05.1999 г. № 89-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1999. № 18. Ст. 2215.

[531] О ратификации Договора о создании Союзного государства: Федеральный закон от 2.01.2000 г. № 25-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2000. № 2. Ст. 146.

иммунитета, получением за рубежом судебных доказательств, направлением и исполнением судебных поручений, а также вопросы, регулирующие применение российскими судами норм иностранного права, порядок признания и исполнения решений иностранных судов и арбитражей.

Кроме того, Россией заключен целый ряд двусторонних договоров о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам. Как пишет Н.И. Марышева, правовая помощь представлет собой важнейшую составляющую правового сотрудничества государств, включающую, в том числе, содействие, оказываемое судами одного государства судам другого в связи с рассмотрением гражданских дел[532]. Эти договоры устанавливают правила оказания правовой помощи путем вручения документов и выполнения поручений о совершении отдельных процессуальных действий. Последний из договоров данного типа, на момент написания данного параграфа, был подписан с Республикой Мали в г. Москве 31.08.2000 г.[533].

Однако международные договоры – это основная, но не единственная форма права, в которой содержатся общепризнанные принципы и нормы международного права. Так, в уже упомянутом Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 г. № 5 говорится, что содержание этих принципов и норм может раскрываться, в частности, в документах ООН и ее специализированных учреждений (п. 1). Кроме того, Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. сохраняет значение норм международного обычного права по вопросам, не решенным в Конвенции.

Таким образом, к источникам (формам) права, содержащим общепризнанные принципы и нормы международного права, могут относиться международные

---

[532] *Марышева Н.И.* Международная правовая помощь по гражданским и уголовным делам: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук в форме научного доклада. М., 1996. С. 2, 29–40.

[533] По данным СПС КонсультантПлюс данный договор не вступил силу.

договоры, международные обычаи, а также документы ООН и ее специализированных учреждений, иных международных организаций.

Данный факт позволяет, например, Г.М. Вельяминову, вести речь о том, что «формула «общепризнанные принципы и нормы международного права» с очевидностью прямо равнозначна понятию обычного международного права, как оно сформулировано в ст. 38 Статуса Международного суда ООН»[534]. Однако мы считаем, что с этим выводом вряд ли можно согласиться, поскольку из указанной статьи следует, что Международный суд ООН[535], решая переданные ему споры, применяет целый ряд источников, в числе которых отдельно поименованы: в пункте b) – «международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы», а в пункте c) – «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями»[536]. Такое выделение указанных феноменов в разных пунктах статьи, наряду с таким же специальным указанием в отдельных пунктах других источников: международных конвенций, судебных решений и доктрины, напротив, говорит о необходимости различать данные феномены, а вовсе не свидетельствует об убедительности утверждений о существовании равнозначности общепризнанных принципов и норм международного права и международного обычая. Мы полагаем, что в данном случае уже сам Г.М. Вельяминов допускает смешение разнопорядковых критериев: формы и содержания.

Несмотря на то что обычаи, в том числе международные обычаи, достаточно часто применяются судами при рассмотрении гражданских дел, они, как правило,

---

[534] *Вельяминов Г.М.* Право национальное и международное. С. 94.

[535] Старейший из ныне существующих международных судов, начал работу в 1946 г., заменив Постоянную палату международного правосудия, существовавшую с 1920 г. под покровительством Лиги Наций.

[536] Статут Международного суда принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945 г. // Действующее международное право. Документы: В 2 т. / Сост.: Колосов Ю.М., Кривчикова Э.С. М.: Юрайт, Международные отношения, 2007. Т. 1. С. 797–811.

являются обычаями делового оборота и несут в себе нормы материального, а не процессуального права и, соответственно, не являются его источниками (формами).

Рассуждая же о международном обычае как источнике (форме) именно внутреннего гражданского процессуального права, следует учитывать следующее замечание И.В. Воронцовой: «в случаях, когда речь идет об обычаях, – это всегда устная форма»[537]. Нам видится, что в подобной ситуации весьма сложно, а порой невозможно, отличить международный обычай – юридически обязательное правило, поддержанное государством в лице его органов (opinio juris)[538], от международного обыкновения, под которым следует понимать «общепринятую практику государств, не имеющую юридически обязательного характера»[539].

Так, например, А.В. Вялков, называя положение о том, что «российский суд при необходимости может напрямую применять международный обычай, выраженный в той или иной форме, при рассмотрении гражданско-правовых споров», устоявшимся, далее, исследуя международные обычаи, касающиеся отказа иностранного государства от судебного иммунитета, приводит целый ряд примеров, из которых следует, что вовсе неясно, какую именно норму та или иная страна считает нормой международного обычая[540].

Таким образом, определить, что международный обычай уже сформировался и содержит общепризнанную норму международного права, подлежащую

---

[537] *Воронцова И.В.* Место и значение норм международного права в системе источников гражданского процессуального права. С. 84–116.

[538] См.: *Нешатаева Т.Н.* Слышать жизнь: действие актов международного суда в национальных правовых системах // Международное правосудие. 2018. № 1. С. 53–66. (Здесь следует задаться вопросом – что это должны быть за органы и в какой форме должна осуществляться такая поддержка. Ответ на этот вопрос, как нам представляется, можно найти в российской Конституции и процессуальном законодательстве. Более подробно см.: *Самсонов Н.В.* аконодательство как основной источник отечественного гражданского процессуального права. // Право и практика. 2018. № 1. С. 155–156.)

[539] См.: *Щукин А.И.* Принципы осуществления правосудия по гражданским делам с участием иностранных лиц // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 4. С. 96–108; № 5. С. 94–107.

[540] *Вялков А.В.* Судебные иммунитеты иностранных государств на стадии признания и приведения в исполнение решений арбитражей в России // Международное правосудие. 2017. № 4. С. 89–121.

применению в качестве регулятора гражданского судопроизводства, можно только в условиях наличия явно выраженного в письменной форме согласия государства. При этом, если положения обычая, регламентирующего гражданское судопроизводство в национальных судах, текстуально закреплены в международном договоре, то источником (формой) права становится именно текст договора, в котором сформулированы положения, устанавливающие обязательные правила поведения. Если же в международном договоре или акте внутреннего права содержится отсылка к международному обычаю, то тогда он теоретически может выступать в качестве источника (формы) права, однако при этом возникают проблемы, связанные с определением его содержания, его соответствием принципу правовой определенности, к которым мы вернемся несколько позже.

Что же касается решений международных организаций, имеющих обязательный характер, то следует отметить, что ни Конституция Российской Федерации, ни российское законодательство не определяют их место во внутригосударственной правовой системе. Данное обстоятельство позволяет согласиться с А.Н. Морозовым в том, что, несмотря на отмечаемое им тяготение данных актов, «ввиду сложившейся международной практики, к квазинормативному характеру», они «не обладают юридической силой, а тем более, согласно сложившейся теории международного права, не пользуются приоритетом по отношению к законодательству». Причем считаем необходимым отметить, что подобный подход не является чем-то характерным исключительно для развития российской юридической науки на этапе суверенной демократии[541].

---

[541] Этот вывод согласуется даже с практикой судов США, которые первыми начали применять Всеобщую декларацию прав человека в самых разнообразных делах, используя ее при толковании норм национального права для повышения убедительности и легитимности своих выводов. Как отмечает А.С. Исполинов, общий тренд судов на сегодня состоит в отказе воспринимать Декларацию как некий свод норм международного права. В 2004 г. Верховный суд США в своем решении по делу Sosa v. Alvarez-Machain установил, что Декларация не может служить основанием для исков в судах США, поскольку **является необязательной резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН** (выделено мной) и поэтому не носит императивного характера. После этого решения американские суды стали значительно реже использовать Декларацию при разрешении дел. – См.: *Исполинов А.С.* Правовой статус Всеобщей декларации прав человека (к 70-летию принятия) // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 4. С. 100–107.

Таким образом, хотя акты международных организаций и международные обычаи, на наш взгляд, бесспорно, являются источниками (формами) международного права, применяемыми в межгосударственных отношениях, на вопрос о возможности их отнесения к источникам (формам) отечественного гражданского процессуального права, видимо, стоит ответить отрицательно. К такому ответу нас подталкивают все те же положения ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, в которой акты международных организаций и международные обычаи не упоминаются и согласно которой только международные договоры имеют приоритет над федеральными законами.

Следовательно, у суда, рассматривающего конкретное дело, отсутствуют правовые основания для применения актов международных организаций и международных обычаев в случае установления коллизии между ними и процессуальным законом, поскольку положения, содержащиеся в ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, в совокупности с ее ст. 120 о том, что судьи в Российской Федерации независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону, препятствуют непосредственному применению в гражданском судопроизводстве актов международных организаций и международных обычаев, не зафиксированных в международном договоре.

Кроме того, применению общепризнанных принципов и норм международного права, не зафиксированных текстуально в международном договоре, препятствует то обстоятельство, что имеются существенные разногласия по поводу их количества, состава и содержания, и такая неопределенность, в отсутствие фиксации общепризнанных принципов и норм международного права в актах позитивного права, вовсе не благоприятствует их применению судами общей юрисдикции. И дело вовсе не в низкой квалификации наших судей, не в том, что, как говорил С.Ю. Марочкин, выяснение содержания обычая «не под силу внутригосударственным судам (за исключением, может быть, Конституционного Суда РФ)»[542] (мы считаем наших судей достаточно ответственными и

---

[542] *Марочкин С.Ю.* Соотношение юридической силы норм международного и внутригосударственного права в правовой системе Российской Федерации. С. 40.

квалифицированными для решения любых возникающих в рамках их компетенции вопросов), а в том, что при выявлении состава и точного нормативного содержания общепризнанных принципов и норм международного права, не нашедших своего отражения в позитивном праве, практически недостижим приемлемый для гражданского судопроизводства уровень соответствия принципу правовой определенности, что особенно важно применительно к процессуальному праву как праву публичному.

Так, несмотря на то что, например, И.И. Лукашук утверждает: «Общепризнанные принципы и нормы достаточно хорошо известны»[543], другие исследователи, в частности Г.М. Даниленко, говорят обратное: «следует иметь в виду, что традиционно вопрос установления наличия и точного нормативного содержания ″общепризнанных принципов и норм международного права″ вызывает многочисленные споры даже среди специалистов по международному праву»[544]. В связи с этим мы считаем необходимым отметить, что в юридической науке и в практической юриспруденции возможно существование различных подходов к пониманию состава и содержания общепризнанных принципов международного права, особенно в связи с их использованием в конкретных отраслях национального права.

Следует отметить, что большинство ученых-юристов находят консенсус в том, что признают существование как минимум десяти таких принципов, которые, однако, зафиксированы в письменной форме, в отношении же общепризнанных принципов и норм международного права, не имеющих письменного выражения, даже такое относительное согласие отсутствует.

---

[543] *Лукашук И.И.* Конституция России и международное право // Общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры в практике конституционного правосудия: материалы Всероссийского совещания (Москва, 24 декабря 2002 г.) / Под ред. М.А. Митюкова, С.В. Кабышева, В.К. Бобровой и А.В. Сычевой. С. 43.

[544] *Даниленко Г.М.* Комментарий к ч. 4 ст. 15 Конституции РФ 1993 г. // Конституция Российской Федерации. Научно-практический комментарий / Под ред. и со вступит. ст. академика Б.Н. Топорнина. М.: Юристъ, 1997. С. 160–164.

Содержание Устава ООН и Декларации о принципах международного права 1970 г. позволяет определить следующий перечень основных принципов международного права:

– принцип неприменения силы и угрозы силой;

– принцип территориальной целостности государств;

– принцип нерушимости государственных границ;

– принцип мирного разрешения международных споров;

– принцип всеобщего уважения прав человека без различия расы, пола, языка и религии;

– принцип равноправия и самоопределения народов;

– принцип невмешательства в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государств;

– принцип сотрудничества государств;

– принцип суверенного равенства государств;

– принцип добросовестного выполнения обязательств[545].

Обратив внимание на этот признаваемый большинством ученых список, мы заметим, что бóльшая часть перечисленных в нем общепризнанных принципов международного права не имеет отношения к судебной процедуре, к порядку рассмотрения гражданских дел государственными судами общей юрисдикции. Выделив же из этого списка принципы, имеющие непосредственное значение для гражданского судопроизводства, мы непременно обнаружим, что эти основные начала, а именно: принцип всеобщего уважения прав человека и принцип добросовестного выполнения международных обязательств, зафиксированы в международных договорах[546], которые и являются формой их внешнего выражения, т.е. источником в значении формы права.

---

[545] См.: *Воронцова И.В.* Место и значение норм международного права в системе источников гражданского процессуального права. С. 88.

[546] См., например: Конвенция о защите прав человека и основных свобод; Договор стран СНГ «О создании Экономического союза» 1993 года; Договор о Евразийском экономическом союзе 2014 года; Договор о согласии и сотрудничестве между Российской Федерацией и Канадой 1992 года // СПС КонсультантПлюс.

Подобное закрепление указанных принципов, по нашему мнению, вызвано не чем иным, как желанием избежать правовой неопределенности. И такой подход не является чем-то исключительным. Например, согласно п.п. а) п. 1 ст. 38 Статута Международный суд ООН обязан решать переданные ему споры в первую очередь на основании международных конвенций, устанавливающих правила, определенно признанные спорящими государствами[547].

Как мы полагаем, прямое текстуальное закрепление общепризнанных принципов и норм международного права в международном договоре является способом, позволяющим бесспорно установить определенность выраженного государством согласия на их признание и применение в качестве регулятора гражданского судопроизводства, т.е. на включение их в состав источников (форм) внутреннего гражданского процессуального права. Кроме того, именно такое их закрепление позволяет (в идеале) установить и определенность содержания этих норм и принципов. Однако такая фиксация изменяет, преобразует форму их внешнего выражения – из нормы, принципа, существующих в форме международного обычая, они становятся нормой, принципом, существующими в форме международного договора.

Следует отметить, что не зафиксированные в международном договоре принципы и нормы международного права, даже если их можно вывести из положений актов международных организаций и/или распознать в международных обычаях, нам, с практической точки зрения, представляется бесперспективным рассматривать в качестве регуляторов, применимых в национальном гражданском процессуальном праве. К тому есть две причины.

---

[547] Статут Международного суда.

Во-первых, единый перечень общепризнанных принципов международного права, тем более в сфере гражданского процесса, не сформирован[548], что в отсутствие легального или договорного закрепления какой-либо максимы не позволяет воспринимать эту максиму как принцип. Как известно, еще С.С. Алексеев отмечал невозможность признания правовыми принципами никаких идей, не получивших закрепления в законе[549]. Именно такой подход, требующий нормативного закрепления принципов, применяемых в сфере гражданского судопроизводства, полностью согласуется с парадигмой науки гражданского процессуального права[550], хотя, по нашему мнению, его следует расширить за счет признания допустимости закрепления принципов в международных договорах. Указанное обстоятельство, по нашему мнению, исключает применение не закрепленных прямо или косвенно в писаном праве положений в качестве начал гражданского судопроизводства, тем более начал, имеющих приоритет над действующим внутригосударственным процессуальным законодательством.

Во-вторых, принципы международного права, действительно являющиеся общепризнанными и признаваемые Россией в качестве таковых, закреплены не только в международных договорах, ставших обязательными для России в результате принятия федерального закона, но и в международных договорах, ратифицированных СССР и ставших обязательными для Российской Федерации в

---

[548] См.: *Гражданское* процессуальное право: учебник / Под общ. ред. Л.В. Тумановой. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. С. 76.

[549] *Алексеев С.С.* Общая теория права. Т.1. С. 261–263.

[550] См.: *Боннер А.Т.* Избранные труды: В 7 т. М.: Проспект, 2017. Т. 3: Принципы гражданского процессуального права. Применение нормативных актов в гражданском процессе. С. 8–9; *Гражданский* процесс: учебник / Под ред. М.К. Треушникова. С. 52–53; *Гурвич М.А.* Советский гражданский процесс. М.: Тип. Красная звезда, 1950. С. 25; *Сахнова Т.В.* Курс гражданского процесса. 2-е изд. С. 107; *Чечина Н.А.* 1) Избранные труды по гражданскому процессу. СПб.: Изд. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004; 2) Основные направления развития науки советского гражданского процессуального права. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. С. 83; *Шерстюк В.М.* Парные категории в гражданском процессуальном праве (на примере принципов отрасли права) // Вестник гражданского процесса. 2017. № 5. С. 29–44.

силу правопреемства, а также в актах национального права. Так, еще в 1986 г. СССР, присоединившись к Венской конвенции о праве международных договоров, признал принципы равноправия и самоопределения народов, суверенного равенства и независимости всех государств, невмешательства во внутренние дела государств, запрещения угрозы силой или ее применения и всеобщего уважения и соблюдения прав человека и основных свобод для всех принципами международного права[551]. А такие, имеющие значение для гражданского судопроизводства, общепризнанные принципы международного права, как принцип всеобщего уважения прав человека и принцип добросовестного выполнения международных обязательств, отражены в Конституции Российской Федерации и национальном законодательстве, которые и являются источником (формой) российского гражданского процессуального права. При этом, как обращает внимание Т.Я. Хабриева, глава Конституции Российской Федерации о правах человека соответствует нормам международных актов[552].

Далее следует обратить внимание на то, что и действующее международное право, и доктрина международного права выделяют два вида (категории) таких принципов – «основные и отраслевые общепризнанные принципы международного права»[553], в связи с чем эта разница в подходах, в понимании только усугубляется, множится число феноменов правовой действительности, относимых теми или иными правоведами к общепризнанным принципам международного права, в итоге этот термин начинает использоваться как заклинание, как магическая формула, помогающая обосновать свою позицию.

И такое весьма разнообразное понимание в отсутствие формального закрепления и четко выраженного согласия государства на их применение препятствует признанию и использованию общепризнанных принципов и норм

---

[551] Венская Конвенция о праве международных договоров: заключена в Вене 23.05.1969 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1986. № 37. Ст. 772.

[552] *Хабриева Т.Я.* Теория современного основного закона и российская Конституция // Журнал российского права. 2008. № 12 (144). С. 17.

[553] См.: *Зимненко Б.Л.* 1) Международное право и правовая система Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук М., 2006. С. 28; 2) Международное право и правовая система Российской Федерации. Курс лекций. М.: РАП; Статут, 2010.

международного права, не закрепленных в международных договорах или иных актах позитивного права, в качестве положений, определяющих порядок гражданского судопроизводства в национальных судах общей юрисдикции ввиду отсутствия ясности в том, существует ли такой принцип или норма и каково их содержание.

В качестве примера такого рода можно привести феномен эстоппеля[554], т.е. правила, согласно которому лицо в силу противоречивого, непоследовательного поведения утрачивает право ссылаться на какие-либо факты в обоснование своих притязаний[555]. Так, Ж.И. Седова и Н.В. Зайцева рассматривают эстоппель как общепризнанный принцип международного права, применяемый в том числе в процессуальном праве, отмечая однако, что в судебных актах происходит «размывание границ между «отказом от права» … и «ситуацией эстоппель»[556]. О.Н. Шеменёвой эстоппель также понимается как «принцип, т.е. идея о том, что недобросовестное и противоречивое поведение должно влечь утрату права на возражение»[557].

Представляется, что сама возможность отнесения эстоппеля к принципам не бесспорна, в связи с чем заслуживает внимания позиция К.А. Роор, обращающей внимание на следующее: «Принципами права являются основные идеи,

---

[554] Юридический энциклопедический словарь / Гл. ред. А.Я. Сухарев. 2-е изд., доп. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 523.

[555] Например, В.А. Короткова определяет эстоппель в общих чертах как правовой механизм для обеспечения последовательности поведения … в соответствии с которым, если одно лицо повело себя таким образом, что заставило другого поверить в определенное состояние дел, оно может быть обязано придерживаться созданного им впечатления. – См.: *Короткова В.А.* Эстоппель в гражданском праве // Опыты цивилистического исследования: сб. ст. М.: Статут, 2018. Вып. 2. С. 231–312.

[556] *Седова Ж.И., Зайцева Н.В.* Принцип эстоппель и отказ от права в коммерческом обороте Российской Федерации. М.: Статут, 2014.

[557] *Шеменева О.Н.* Принцип эстоппель и требование добросовестности при осуществлении доказательственной деятельности по гражданским делам // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 345.

руководящие начала, которые служат ориентиром правового регулирования. Принципы права не могут быть сформулированы в виде запрета, поскольку в таком случае они перестают быть ориентиром и начинают непосредственно регулировать отношения. В данном случае эстоппель сформулирован в виде запрета противоречивого поведения, за нарушение которого наступает санкция в виде отказа в защите права (потери права)», что позволяет ей прийти к верному выводу о недопустимости рассматривать эстоппель в качестве принципа[558].

Сочтя такие рассуждения убедительными, мы согласимся с ней в том, что неверно определять эстоппель в качестве принципа. Очевидно, что непоследовательное, противоречивое поведение, поведение, вводящее в заблуждение другую сторону, является разновидностью недобросовестного поведения, и, следовательно, эстоппель представляет собой вид необлагоприятных последствий, наступающих для лица, не соблюдающего принцип добросовестности, и не может рассматриваться как самостоятельный, отдельный, общепризнанный принцип международного права.

Каким же образом эстоппель появился в отечественном гражданском процессе? Ведь нельзя отрицать, что эстоппель, хотя и не получил широкого распространения в отечественном гражданском судопроизводстве, тем не менее существует и ему уделяется все более пристальное внимание представителями российской науки гражданского процессуального права.

Попытаемся исследовать его проявления. В качестве первого примера можно привести правило, устанавливающее, что решение суда первой инстанции может быть отменено с направлением дела на новое рассмотрение по мотивам неподсудности только если лицо, обжалующее решение в апелляционном порядке,

---

[558] *Роор К.А.* Понятие и сущность эстоппеля // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 7. С. 71–81.

заявляло о неподсудности этого дела в суде, рассмотревшем его по первой инстанции, либо было лишено такой возможности. Это правило представляет собой не что иное, как правило «эстоппель», согласно которому апеллянт утрачивает право ссылаться на факт неподсудности дела суду в обоснование своей апелляционной жалобы (представления), если он при рассмотрении этого дела в суде первой инстанции на эти обстоятельства не ссылался[559], т.е. вел себя в гражданском процессе непоследовательно. Это правило появилось в российском гражданском судопроизводстве и стало применяться отечественными судами общей юрисдикции вовсе не в результате того, что эстоппель является общепризнанным принципом международного права, а в результате того, что это правило было сформулировано как гражданская процессуальная норма в п. 37 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.06.2012 г. № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции»[560], которое и является в данном случае источником (формой) гражданского процессуального права.

Еще одним примером попытки представить некий феномен общепризнанным принципом международного права, но проявившимся не в юридической теории, а в практической юриспруденции (в практике международных судов) является ситуация, нашедшая свое отражение в Постановлении ЕСПЧ от 14.03.2013 г. по делу «Олейников против Российской Федерации»[561]. В 2004 г. В.Б. Олейников обратился в российский суд с иском к Хабаровскому отделению торгового представительства Посольства КНДР о взыскании задолженности по договору займа. Районный суд возвратил исковое заявление В.Б. Олейникова, и это определение было оставлено в силе вышестоящим судом, поскольку отсутствовало

---

[559] См.: *Самсонов Н.В.* О праве суда апелляционной инстанции отменить решение суда первой инстанции и направить дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции. С. 24–27.

[560] Российская газета. 2012. № 147.

[561] Дело Олейников (Oleynikov) против Российской Федерации (жалоба № 36703/04): постановление ЕСПЧ от 14.03.2013 г. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2014. № 1.

предусмотренное ч. 1 ст. 401 ГПК РФ (в редакции, действовавшей до 1 января 2016 г.) предварительное согласие КНДР на рассмотрение требования истца к торговому представительству КНДР национальными судами.

В результате заявитель обратился в ЕСПЧ, который, рассмотрев дело, признал, что «в результате уклонения российских судов от рассмотрения иска заявителя» Российская Федерация допустила нарушение ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, гарантирующей право на справедливое судебное разбирательство.

Принятие ЕСПЧ указанного Постановления достаточно ярко продемонстрировало сложности с определением состава и содержания не закрепленных в ратифицированных Российской Федерацией международных договорах общепризнанных принципов и норм международного права и невозможность их использования в качестве положений, регулирующих порядок гражданского судопроизводства в российских судах.

В Российской Федерации в момент предъявления иска В.Б. Олейниковым действовали процессуальные правила, устанавливающие запрет на рассмотрение такого рода исков в судах общей юрисдикции при отсутствии согласия иностранного государства. Теоретическим обоснованием такого запрета выступала унаследованная от СССР концепция абсолютного судебного иммунитета государства, согласно которой суверенные государства обладают одинаковой верховной властью, а поскольку «par in parem non habet imperium» (равный над равным власти не имеет), то другие государства и не рассматриваются в качестве обычного субъекта гражданского права.

Эта концепция была закреплена в советском законодательстве и включала «в себя:

а) судебный иммунитет в узком смысле слова – саму неподсудность одного государства суду другого;

б) иммунитет от предварительного обеспечения иска;

в) иммунитет от принудительного исполнения судебного решения»[562].

Таким образом, одно государство считалось изъятым из-под юрисдикции другого и даже в случае участия в коммерческой деятельности не приравнивалось автоматически к субъектам внутреннего права. В результате требовалось практически по всем гражданским делам получать отдельно согласие иностранного государства на рассмотрение его дела судом, отдельно на применение обеспечительных мер и отдельно на исполнение судебных решений против этого государства.

Однако во многих странах концепция абсолютного иммунитета иностранных государств не признавалась и не признается, а действует концепция ограниченного, или функционального, иммунитета, согласно которой государство обладает иммунитетом только при совершении публично-правовых актов, когда оно выступает в качестве суверена, а при участии в экономическом обороте, осуществлении коммерческой деятельности привилегии на него не распространяются, и государство ставится в такое же положение, как любой другой участник гражданского оборота[563].

2 декабря 2004 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Конвенцию о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности, в преамбуле которой отражено, что ее участники считают юрисдикционные иммунитеты государств и их собственности получившими общее признание в качестве одного из принципов обычного международного права[564], а в части III устанавливаются

---

[562] См.: *Курс* советского гражданского процессуального права: Судопроизводство по гражданским делам. Т. 2. С. 375.

[563] Более подробно об иммунитете иностранного государства см.: *Хлестова И.О.* Проблемы юрисдикционного иммунитета иностранного государства: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003; *Гражданский* процесс: учебник / Под ред. М.К. Треушникова. С. 639.

[564] Конвенция Организации Объединенных Наций о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности (Вместе с Толкованиями в отношении определенных положений Конвенции): Заключена в г. Нью-Йорке 2.12.2004 г.

правила функционального иммунитета. Данная Конвенция в 2006 г. подписана Россией, но, тем не менее, не вступила в силу и не стала обязательной для Российского государства, а ст. 4 Конвенции предусматривает отсутствие у нее обратной силы.

Как отмечает И.О. Хлестова, происходило неуклонное расширение сферы применения функционального иммунитета иностранного государства и сужение сферы применения абсолютного[565]. Можно предположить, что фактическое признание функционального иммунитета иностранных государств в качестве одного из принципов обычного международного права произошло задолго до его формального закрепления в Конвенции. Возможно, именно это позволило ЕСПЧ в п. 57 Постановления от 14.03.2013 г. поименовать правила о государственном иммунитете общепризнанными нормами публичного международного права.

Как указывает Д.В. Кайсин, в вышеприведенном решении ЕСПЧ признал, что Россия приняла ограниченный иммунитет как принцип обычного права и, по его мнению, в силу положений ч. 4 ст. 15 Конституции РФ данный принцип является составной частью правовой системы РФ[566].

Несколько иной, более взвешенный, взгляд на это решение высказывает А.В. Вялков. Он полагает, что ЕСПЧ в деле «Олейников (Oleynikov) против Российской Федерации» признал предоставление иностранному государству судебного иммунитета преследующим законную цель соблюдения нормы международного обычая, но непропорциональным этой цели, поскольку эта норма, эволюционировав, обязывала предоставлять иностранным государствам ограниченный иммунитет, а не абсолютный[567].

Нам представляется, что ЕСПЧ в данном решении не высказывал прямо и однозначно позиции, признающей именно ограниченный иммунитет иностранного государства общепризнанным принципом или нормой международного права, а

---

[565] *Хлестова И.О.* Проблемы юрисдикционного иммунитета иностранного государства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. С. 8.

[566] *Кайсин Д.В.* Иммунитет государства и защита иностранных государственных капиталовложений в России // Закон. 2015. № 5. С. 158–163.

[567] *Вялков А.В.* Судебные иммунитеты иностранных государств… С. 89–121.

говорил о признании в таковом качестве иммунитета иностранного государства без конкретизации того, в каких пределах этот иммунитет должен предоставляться – дословно: «It follows that measures taken by a High Contracting Party which reflect generally recognized rules of public international law on State immunity cannot in principal be regarded as imposing a disproportionate restriction on the right of access to court as embodied in Article 6 § 1»[568].

ЕСПЧ в своем решении также отметил, что применение абсолютного иммунитета государства за последние годы явно размывается (п. 61), и сделал, на наш взгляд, ошибочный вывод о принятии Российской Федерацией ограниченного иммунитета как принципа обычного международного права (п. 67). Такой вывод ЕСПЧ основывает лишь на том, что Президент России «дважды, в заключении от 13.05.1998 г. и письме от 23.06.1999 г., прямо указывал, что ограниченный иммунитет составляет обычную норму международного права, а принцип абсолютного иммунитета является устаревшим», а также на позиции высших судов России.

Нам представляется, что в данном случае мотивировка, использованная ЕСПЧ для обоснования решения, является неубедительной. Для однозначного вывода о том, что Россия признала то или иное положение в качестве обычной нормы международного права, даже юридически корректных заключений и/или писем главы государства явно недостаточно[569]. Тем более их недостаточно для замены прямо закрепленных в гражданском процессуальном законодательстве правил абсолютного иммунитета иностранного государства ограниченным

---

[568] Отсюда следует, что меры, принятые Высокой Договаривающейся Стороной, отражающие общепризнанные нормы публичного международного права об иммунитете государства, в принципе не могут рассматриваться как наложение несоразмерного ограничения права на доступ к суду, закрепленного в пункте 1 статьи 6 Конвенции (перевод мой).

[569] Нам представляется, что заявлять о безошибочности заключения от 13.05.1998 г. непредвзятому правоведу весьма затруднительно. Чего стоит цитируемая в п. 31 Постановления от 14.03.2013 г. фраза о том, что Российская Федерация может рассматривать Европейскую конвенцию об иммунитете государств от 16.05.1972 г. (в которой Россия не участвует – прим. авт.) **как кодифицированный свод обычных норм международного права** (выделено мной). Мы полагаем, что вряд ли можно так именовать региональное соглашение, в котором не участвует значительное число стран региона.

иммунитетом. Указание в заключениях и/или письмах, даже составленных от имени Президента РФ, на то или иное положение как на общепризнанный Россией принцип (норму) международного права не может объявлять то или иное явление ни принципом гражданского процесса, ни нормой, регламентирующей гражданское судопроизводство, поскольку подобные письма и заключения сами не являются источниками (формами) гражданского процессуального права. Признание противного позволит допустить значительную неопределенность в правовом регулировании и противоречит принципу независимости судей и системе разделения властей.

Приведенные ЕСПЧ ссылки на решения высших судов РФ также неубедительны. Конституционный Суд РФ в Определении от 2.11.2000 г. № 255-О указал всего-навсего на необходимость в конкретном случае проверить, имел место или нет отказ иностранного государства от иммунитета[570], что вовсе не противоречит концепции абсолютного иммунитета. Всерьез же рассуждать о значении информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18.01.2001 г. № 58 «Обзор практики разрешения арбитражными судами споров, связанных с защитой иностранных инвесторов»[571] применительно к гражданскому судопроизводству, тем более в значении, позволяющем не применять норму ГПК РФ, представляется излишним. При этом следует обратить внимание, что, принимая указанное решение, ЕСПЧ не заметил совершенно иную позицию Верховного Суда РФ, высказанную в Постановлении Президиума от 1.08.2007 г. №

---

[570] По жалобе гражданки Калашниковой Марины Сергеевны на нарушение ее конституционных прав статьей 435 ГПК РСФСР: определение Конституционного Суда РФ от 2.11.2000 г. № 255-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2001. № 2.

[571] Вестник ВАС РФ. 2001. № 3.

13пв-06[572] и состоящую в отнесении именно абсолютного судебного иммунитета иностранного государства к общепризнанным принципам международного права.

Кроме того, нам представляется, что позиция самого ЕСПЧ эволюционировала излишне быстро. Как можно усмотреть из текста Постановления ЕСПЧ от 21.06.2011 г. по делу «Зылков (Zylkov) против Российской Федерации»[573], Европейский суд в момент рассмотрения этого дела ещ не сформулировал вывод о принятии Российской Федерацией ограниченного иммунитета как принципа обычного международного права, поскольку содержание п. 28 указанного Постановления позволяет прийти к заключению об убежденности ЕСПЧ в обязательности принципа абсолютного иммунитета.

В итоге мы можем заметить, что абсолютный судебный иммунитет был заменен в российском гражданском судопроизводстве функциональным иммунитетом вовсе не в связи с тем, что он стал общепризнанным принципом международного права, сформировавшимся в форме обычая, не закрепленного в международном договоре, и не в связи с подписанием Конвенции ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности, и не в связи с Постановлением ЕСПЧ от 14.03.2013 г.[574]

Это произошло в результате того, что в новых экономических условиях у России возникла потребность в обеспечении эффективной защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц, вступающих в гражданско-правовые

---

[572] Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 1.08.2007 г. № 13пв-06 // СПС КонсультантПлюс.

[573] Дело Зылков (Zylkov) против Российской Федерации (жалоба № 5613/04): Постановление ЕСПЧ от 21.06.2011 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2012. № 3.

[574] См.: *Самсонов Н.В.* Судебный иммунитет иностранного государства и право на судебную защиту // Проблемы гражданского права и процесса: сб. науч. ст. Вып. 4 / ГрГУ им Я. Купалы. Гродно: ГрГУ, 2019. С. 215–222.

отношения с иностранным государством[575]. В результате был принят Федеральный закон от 3.11.2015 г. № 297-ФЗ «О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации»[576], а в ГПК РФ введена глава 45.1. «Производство по делам с участием иностранного государства»[577]. Отсюда следует, что источником (формой) российского гражданского процессуального права выступили отечественные федеральные законы, установившие новые границы судебного иммунитета иностранных государств, а не общепризнанные принципы и нормы международного права и не упомянутые Конвенция ООН или решение ЕСПЧ.

Таким образом, мы видим, что в описанных нами случаях, как и во многих других, отраслевые принципы гражданского судопроизводства содержатся, закрепляются, находят свое внешнее выражение не в международных обычаях, не в актах международных организаций, а в международных договорах, актах национального законодателя или актах отечественных высших судов.

Тем не менее и вышеуказанная Конвенция ООН, и решение ЕСПЧ выступили в качестве весьма значимых и содержательных источников права, но источников в значении побудительной силы для законодателя, формирующей основные направления модернизации отечественного процессуального права, и в значении материалов, служащих основой для его изменения. Силой, наконец-то подтолкнувшей федерального законодателя к отказу от взгляда на теорию ограниченного иммунитета иностранного государства как на теорию, вредную для

---

[575] См.: *Щукин А.И.* Новеллы в правовом регулировании производства по делам с участием иностранного государства в судах общей юрисдикции и арбитражных судах // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 9. С. 63–70.

[576] Собрание законодательства РФ. 2015. № 45. Ст. 6198.

[577] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации»: Федеральный закон от 29.12.2015 г. № 393-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (ч. 1). Ст. 13.

нашей страны[578], и принятию вышеуказанных федеральных законов от 3.11.2015 г. № 297-ФЗ и от 29.12.2015 г. № 393-ФЗ[579].

В данном аспекте, учитывая скорость, с какой менялось представление об общепризнанности той или иной формы иммунитета иностранного государства в качестве принципа, сопоставляя этот процесс с процессом формирования представлений об основных правах и свободах человека и учитывая их значимость для гражданского судопроизводства, представляется весьма уместным упомянуть замечание Г.М. Вельяминова о скороспелости культа основных прав и свобод человека. Данный «культ», равно как и «его международно-правовая ипостась возникли и закрепились буквально на наших глазах и вряд ли успели столь скоропалительно обрести статус норм обычного права», что позволяет вести речь о прямом действии прав и свобод человека лишь при условии их закрепления в Конституции Российской Федерации или международном договоре[580].

В связи с изложенным следует обратить внимание, что имеющий непосредственное значение для гражданского судопроизводства и зафиксированный в международных договорах Российской Федерации принцип всеобщего уважения прав человека также закреплн в ст. 2 Конституции Российской Федерации как положение о том, что: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Более того, российская Конституция развивает данный принцип, наполняет его конкретным содержанием, определяет, какие права и свободы человека следует уважать, без чего действие данного принципа было бы невозможно.

Таким образом, нам представляется очевидным, что не закрепленные в ставшем обязательном для России международном договоре положения могут

---

[578] См.: *Демидов И.А.* Государство как субъект международного частного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 5.

[579] Доклад о результатах мониторинга правоприменения в Российской Федерации за 2015 год // Бюллетень Минюста РФ. № 1. 2017 (начало); Бюллетень Минюста РФ. № 2. 2017 (продолжение); Бюллетень Минюста РФ. № 3. 2017 (окончание).

[580] *Вельяминов Г.М.* Указ. соч. С. 92–93.

одними учкными-правоведами и судьями восприниматься как являющиеся общепризнанными принципами и нормами международного права, а другими – как не имеющие подобного статуса. В первом случае практически неизбежно появление существенных различий в понимании их содержания, что приведет к неоднозначному их применению и, как следствие, нарушению принципа правовой определенности[581]. В связи с этим международный обычай не может быть использован в качестве общеобязательного правила поведения, регламентирующего гражданское судопроизводство, и выступать в качестве источника (формы) российского гражданского процессуального права.

Вследствие изложенного мы приходим к выводу, что из числа упоминаемых в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ международно-правовых феноменов, входящих в отечественную правовую систему, только международные договоры могут представлять собой источники (формы) отечественного гражданского процессуального права, а общепризнанные принципы и нормы международного права могут применяться для регламентации гражданского судопроизводства, если они зафиксированы, т.е. имеют свое внешнее выражение, в международном договоре Российской Федерации.

---

[581] Указанный принцип нацелен на обеспечение верховенства права и предполагает необходимость обеспечения государством стабильности правового регулирования, соответствия его критериям определенности, ясности и недвусмысленности правовой нормы, недопустимость внесения произвольных изменений в существующую систему норм. – Более подробно см.: *Самсонов Н.В.* Действие принципов правовой определенности и res judicata в гражданском процессе. С. 6–11.

4.3. Международные договоры в системе источников (форм) российского гражданского процессуального права

Рассматривая международный договор как источник (форму) отечественного гражданского процессуального права, следует задаться вопросом: любой ли договор из множества видов международных договоров может выступать в подобном качестве или он должен для этого обладать какими-либо специфическими признаками.

Прежде всего, следует отметить, что мы, отрицая возможность отнесения не закрепленных в международных договорах общепризнанных принципов и норм международного права к источникам отечественного гражданского процессуального права, не отрицаем их статуса как источников (форм) права международного, признаем, что международный договор, входя и в национальную правовую систему, и в систему международного права, должен соответствовать общепризнанным принципам международного права[582].

Как отметил В.В. Ершов, «суд, рассматривающий конкретные споры, не вправе применять международные договоры РФ, не соответствующие основополагающим (общим) принципам и нормам международного права»[583]. Следовательно, в качестве первого искомого специфического признака, которому должен соответствовать международный договор – источник (форма) отечественного гражданского процессуального права, следует выделить соответствие такого договора общепризнанным принципам международного права, нормам jus cogens.

Далее, как видно из п. 2 ст. 1 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», Российской Федерацией могут заключаться три вида международных договоров: межгосударственные, межправительственные

---

[582] См.: *Самсонов Н.В.* Общепризнанные принципы и нормы международного права в системе источников (форм) российского гражданского процессуального права. С. 7–11.

[583] *Ершов В.В.* Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. С. 581.

договоры и договоры межведомственного характера. Межгосударственные договоры Российской Федерации заключаются от имени Российской Федерации, межправительственные договоры заключаются по вопросам, относящимся к ведению Правительства РФ и от имени Правительства РФ, а договоры межведомственного характера заключаются от имени федеральных органов исполнительной власти, которые, представляя государство в международных отношениях, ограничиваются вопросами, входящими в их компетенцию[584].

Нам представляется, что для определения возможности отнесения вышеприведнных видов международных договоров к источникам (формам) гражданского процессуального права необходимо учитывать следующий ряд обстоятельств. Поскольку регулирование гражданского судопроизводства не относится ни к ведению Правительства РФ, ни к компетенции федеральных органов исполнительной власти РФ, то иные, помимо межгосударственных, международные договоры, как то: межправительственные и межведомственные – не могут содержать правила, определяющие порядок гражданского судопроизводства в судах общей юрисдикции, а следовательно, быть обязательными для суда и иных участников гражданских процессуальных правоотношений по процессуальным вопросам. На сегодняшний день порядок гражданского судопроизводства в российских судах определяется нормативными правовыми актами уровнем не ниже федерального закона, а акты, исходящие от Правительства РФ, а тем более от федеральных органов исполнительной власти, в системе нормативных правовых актов Российской Федерации находятся на более низком иерархическом уровне и не могут изменять федеральный закон. Следовательно, к источникам (формам) российского гражданского процессуального права можно относить только межгосударственные договоры.

Такой подход, по нашему убеждению, согласуется и с Венской конвенцией о праве международных договоров, которая содержит не только положения о том,

---

[584] См.: *Тиунов О.И., Каширкина А.А., Морозов А.Н.* Статус международных межведомственных договоров Российской Федерации // Журнал российского права. 2007. № 1. С. 115–128.

что «каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться» (ст. 26), и о том, что «участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора» (ст. 27), но и положения, допускающие ссылаться на то обстоятельство, что согласие государства на обязательность для него договора было выражено в нарушение того или иного положения внутреннего права, касающегося компетенции заключать договоры, как на основание недействительности его согласия, если данное нарушение было явным и касалось нормы его внутреннего права особо важного значения (ст. 46). Нам представляется, что гражданское процессуальное право – как право, содержащее нормы, обеспечивающие судебную защиту граждан и организаций, – является правом особо важного значения, а заключение межправительственного или межведомственного договора по вопросам гражданского процесса для российского государства объективно и очевидно является явным нарушением компетенции.

Следовательно, следующим специфическим признаком, позволяющим отнести международный договор к источникам (формам) гражданского процессуального права, является то, что он должен быть межгосударственным договором Российской Федерации, ибо заключение договора именно в такой форме позволит избежать возможного оспаривания обязательности заключенного международного договора по вопросам гражданского процесса ввиду отсутствия компетенции у органа, его заключившего.

Исходя из вышеприведенных логических рассуждений об иерархии правовых актов, регламентирующих порядок гражданского судопроизводства в судах общей юрисдикции, и компетенции органов, принимающих такие акты, а также о месте международных договоров в иерархической системе источников (форм) гражданского процессуального права, вполне обоснованными представляются положения статей 14, 15 и 21 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», согласно которым международные договоры Российской Федерации, в том числе те, к которым Россия присоединяется, подлежат ратификации, если их исполнение требует

изменения действующих или принятия новых федеральных законов, если они устанавливают иные правила, чем предусмотрены законом, и/или их предметом являются основные права и свободы человека и гражданина. А поскольку все международные договоры в сфере гражданского процесса касаются прав и свобод человека, то они именно в силу этого и подлежат ратификации.

Как абсолютно верно заметил И.Н. Барциц, «Именно в момент ратификации международного договора Россия принимает на себя все обязательства по нему»[585].

С учетом вышеизложенного, поскольку все международные договоры, устанавливающие правила в сфере гражданского судопроизводства в судах общей юрисдикции касаются прав и свобод человека, в качестве третьего специфического признака, позволяющего отнести международный договор к источникам (формам) гражданского процессуального права следует выделить необходимость выражения согласия на обязательность такого договора для применения на территории Российской Федерации путем его ратификации, оформленной принятием федерального закона.

В качестве четвертого признака, необходимого для признания международного договора источником (формой) гражданского процессуального права, мы можем указать то обстоятельство, что международный договор не должен требовать издания внутригосударственных актов для его применения, т.е. должен быть самоисполнимым. В противном случае, если издание таковых требуется, то источником внутригосударственного права в значении формы права будет именно такой внутригосударственный акт, а международный договор будет выступать источником в значении силы, побуждающей к созданию данной формы права.

Продолжая выявление специфических признаков международного договора как источника (формы) гражданского процессуального права, следует обратить внимание на то, что любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина (в том числе право на доступ к

---

[585] *Барциц И.Н.* Международное право и правовая система России. С. 61–71.

правосудию, право на судебную защиту), не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения. В ходе гражданского судопроизводства реализуется право на судебную защиту, право на доступ к правосудию. Следовательно, на основании ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, ч. 1 и 2 ст. 5, ст. 14, п. «а» ч. 1 ст. 15 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», ч. 2 ст. 1 ГПК РФ если международным договором устанавливаются правила гражданского судопроизводства, то для того, чтобы эти нормы могли быть использованы как регулятор гражданского судопроизводства, чтобы они стали обязательными для российских судов общей юрисдикции и других участников гражданских процессуальных правоотношений, такой договор должен быть официально опубликован в Российской Федерации.

Вопрос о необходимости официального опубликования международных договоров Российской Федерации рассматривался Конституционным Судом РФ в связи с жалобой гражданина И.Д. Ушакова на неконституционность п. 1 ст. 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации». Заявитель 10 июля 2010 г. после таможенного оформления товаров и уплаты таможенных платежей в сумме 1529 руб. 78 коп. пересек таможенную границу и ввез растаможенные товары на территорию России для личного пользования.

Впоследствии таможенный орган, проверив правильность платежей, пришел к выводу, что таможенные платежи должны были рассчитываться иначе, по правилам, установленным международным договором от 18.06.2010 г.[586], с 1.07.2010 г. вводившим более высокие ставки таможенных платежей. В результате с И.Д. Ушакова были взысканы 46 769 руб. 1 коп. недоимки и пени за просрочку ее уплаты.

---

[586] О порядке перемещения физическими лицами товаров для личного пользования через таможенную границу Таможенного союза и совершения таможенных операций, связанных с их выпуском: соглашение между Правительством Российской Федерации, Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Казахстан от 18.06.2010 г. // СПС КонсультантПлюс.

Поводом для жалобы И.Д. Ушакова послужило то, что указанный международный договор в момент пересчета таможенных платежей применялся временно, на основании п. 1 ст. 23 Закона «О международных договорах Российской Федерации». Поскольку в силу ст. 30 этого же Закона официальному опубликованию подлежали только вступившие в силу для Российской Федерации международные договоры, то международный договор от 18.06.2010 г. не был официально опубликован.

Рассмотрев жалобу заявителя, Конституционный Суд РФ в постановлении по данному делу высказал правовую позицию, состоящую в том, что после завершения процедуры ратификации международные договоры Российской Федерации, в том числе те из них, предметом которых являются основные права и свободы человека и гражданина, подлежат официальному опубликованию. Данное требование имеет принципиальное конституционно-правовое значение, поскольку такие договоры, обладая приоритетом перед российскими законами, прямо воздействуют на нормативно-правовое регулирование в России, в том числе на содержание прав и свобод человека и гражданина, и именно официальное опубликование позволяет каждому «получить достоверную информацию о содержащихся в нем правилах, соотнести их с правилами, установленными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, и иметь возможность оценить последствия их внутригосударственного применения», а неопубликованные международные договоры «не могут считаться удовлетворяющими принципам правового государства, юридического равенства и правовой определенности как необходимым конституционным критериям защиты прав и свобод человека и гражданина на территории Российской Федерации». Российская Федерация может допустить временное применение международного договора, при этом он по своим юридическим последствиям приравнивается к международным договорам, вступившим в силу, следовательно, подлежит официальному опубликованию, без чего невозможно его непосредственное

применение[587]. Тем самым Конституционный Суд РФ постановил, что применение международного договора либо его части без его официального опубликования невозможно ни в качестве постоянно действующего акта, ни в качестве временного акта.

Таким образом, мы приходим к выводу, что международный договор может быть признан источником (формой) российского гражданского процессуального права, если он отвечает следующим специфическим условиям: во-первых, соответствует общепризнанным принципам международного права, во-вторых, является межгосударственным договором, заключенным от имени Российской Федерации, в-третьих, стал обязательным для применения на территории Российской Федерации ввиду выражения согласия на его обязательность путем принятия федерального закона, за исключением международных договоров, ратифицированных СССР и ставших обязательными для Российской Федерации в силу правопреемства, в-четвертых, он является самоисполнимым, т.е. не требует издания внутригосударственных актов для его применения, и, в-пятых, официально опубликован в Российской Федерации.

Место международных договоров в системе источников (форм) отечественного гражданского процессуального права.

Одной из главных проблем, сопряженных с интеграцией международных договоров не просто в правовую систему Российской Федерации, а в систему отечественного гражданского процессуального права, является проблема

---

[587] По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина И.Д. Ушакова: постановление Конституционного Суда РФ от 27.03.2012 г. № 8-П // Собрание законодательства РФ. 2012. № 15. Ст. 1810.

определения их места, их иерархического положения, их правового статуса в этой системе. К сожалению, единый взгляд на проблему соотношения международных и внутренних правовых актов в современной юридической науке отсутствует.

Так, например, Е.Ю. Зарубаева поднимает вопрос о том, что будет иметь приоритет в случае возникновения коллизии между Конституцией Российской Федерации и источником международного права[588].

М.В. Пресняков приводит в качестве примеров высказывания ряда ученых, которые, имея в основе своих рассуждений положения ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации о приоритете международного договора над законом и рассматривая российскую Конституцию как акт, по своей сути также относящийся к законам, делают вывод о наличии высшей юридической силы в России не у Конституции Российской Федерации, а у международных договоров и соглашений, которые, по мнению таких авторов, и возглавляют российскую правовую систему[589], и такая ситуация не зря представляется М.В. Преснякову тревожной.

Возвращаясь к уже цитировавшимся утверждениям Т.Н. Нешатаевой о наличии такой иерархии: международный принцип, норма Конституции, норма позитивного права (международный договор, закон), положения судебных прецедентов и т.д.[590] – следует вновь отметить, что, на наш взгляд, в данной иерархии смешивается содержание (принцип, норма) и форма (Конституция, международный договор, закон), форма, которая и может содержать положения, относимые к общепризнанным принципам международного права. Следовательно, если устранить из предложенной иерархии указанное противоречие, то мы будем вынуждены признать, что те международные договоры, в которых эксплицитно содержатся либо из которых выводятся имплицитно закрепленные общепризнанные принципы международного права, имеют приоритет над Конституцией Российской Федерации, что не согласуется с принципом

---

[588] *Зарубаева Е.Ю.* Указ. соч. С. 93.

[589] *Пресняков М.В.* Наравне с Конституцией: источники права, обладающие высшей юридической силой в Российской Федерации // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 96–108.

[590] *Нешатаева Т.Н.* Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права. С. 125–127.

государственного суверенитета и не отражает существующей правовой действительности.

Вследствие этого мы предпочитаем согласиться с позицией о более высокой юридической силе Конституции РФ по отношению к нормам международного права, которая не только, как отмечает Г.А. Жилин, разделяется большинством ученых-правоведов[591], но и высказывается высшими судами России[592], поскольку участие Российской Федерации в международном договоре не означает отказа от государственного суверенитета, а следовательно, от приоритета Конституции Российской Федерации.

Кроме того, в ч. 6 ст. 125 Конституции Российской Федерации устанавливается, что не соответствующие российской Конституции международные договоры Российской Федерации не подлежат введению в действие и применению, т.е. прямо закрепляется приоритет Конституции Российской Федерации над международными договорами. Эти положения развиваются в ст. 22 Федерального закона от 15.07.1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации»[593], согласно которой согласие на обязательность для России международного договора, требующего изменения Конституции Российской Федерации, возможно только после внесения соответствующих поправок в Конституцию Российской Федерации, т.е. обязательным для России может стать только договор, соответствующий

---

[591] См.: *Жилин Г.А*. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы; *Тарибо Е.В.* Судебный конституционный нормоконтроль: осмысление российского опыта: монография. М.: НОРМА, 2018; *Умнова И.А., Алешкова И.А.* Применение Конституции РФ судами общей юрисдикции: актуальные вопросы теории и практики: монография. М: РГУП, 2016.

[592] См., например: По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 г. № 21-П // Собрание законодательства РФ. 2015. № 30. Ст. 4658.

[593] Собрание законодательства РФ. 1995. № 29. Ст. 2757.

Конституции Российской Федерации, тем самым гарантируется ее высшая юридическая сила. Необходимо учитывать также, что именно Конституция Российской Федерации вводит международные договоры в российскую правовую систему, наделяет международные договоры юридической силой, большей, чем закон, и это еще раз подтверждает ее более высокую юридическую силу, поскольку не низший наделяет полномочиями высшего, а наоборот. Таким образом, Конституция Российской Федерации находится на высшем месте в иерархической системе источников (форм) национального права, в том числе гражданского процессуального.

Следующий вопрос, который возникает в связи с необходимостью определить место международных договоров в системе источников (форм) отечественного гражданского процессуального права, это вопрос об их соотношении с федеральными конституционными законами.

Рассуждая о силе норм международного права в имеющей иерархическое построение отечественной правовой системе, следует согласиться с В.Д. Зорькиным, отмечающим, что международные договоры не отменяют национальный закон – их приоритет имеет место только в сфере правоприменения, а полная подчиненность им российских законов Конституцией Российской Федерации не предусмотрена[594], и принять за основу абсолютно справедливое утверждение С.В. Никитина о том, что вопрос соотношения российских нормативных правовых актов с источниками международного права должен рассматриваться в плоскости коллизионного права[595].

Естественно, что сторонники приоритета норм международного права над Конституцией Российской Федерации предполагают существование такого же приоритета и над федеральными конституционными законами. Однако и среди ученых, не подвергающих сомнению принцип верховенства Конституции

---

[594] *Зорькин В.Д.* Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации. С. 3–9.

[595] *Никитин С.В.* Косвенный судебный нормоконтроль: понятие и проблемы реализации // Журнал российского права. 2014. № 1. С. 88–101.

Российской Федерации на территории России, существуют различные точки зрения о положении международных договоров в российской правовой системе относительно федеральных конституционных законов.

Так, Г.А. Жилин, толкуя положения Конституции Российской Федерации, приходит к выводу о том, что правило ч. 4 ее ст. 15 о более высокой юридической силе международного договора Российской Федерации имеет в виду закон любого уровня, в том числе федеральный конституционный закон, и не распространяется только на саму Конституцию Российской Федерации[596].

П.А. Лаптев абсолютно верно отмечает: «как следует из Конституции РФ, федеральные конституционные законы обладают большей юридической силой, чем обычные федеральные законы, но уступают конституционным положениям. В силу ч. 3 ст. 76 Конституции Российской Федерации «федеральные законы не могут противоречить федеральным конституционным законам». Федеральные конституционные законы принимаются исключительно в случаях, специально предусмотренных Конституцией Российской Федерации (ст. 108 Конституции). В силу ч. 3 ст. 128 Конституции Российской Федерации «полномочия, порядок образования и деятельности Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и иных федеральных судов устанавливаются федеральным конституционным законом»[597]. Однако в следующем предложении своей работы, без приведения каких-либо мотивов для такого вывода, на наш взгляд, парадоксально, утверждает приоритет международного договора Российской Федерации над федеральными конституционными законами.

Т.Т. Алиев, признавая, что международные договоры не являются вышестоящими по отношению к Конституции Российской Федерации на том основании, что федеральные конституционные законы являются одним из видов федеральных законов, имеют бóльшую юридическую силу, чем последние, но

---

[596] *Жилин Г.А.* Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы.

[597] *Лаптев П.А.* Международный договор Российской Федерации и Конституция Российской Федерации: проблема иерархии // Российская юстиция. 2009. № 2. С. 12–14.

уступают по своей силе конституционным положениям, также приходит к выводу о необходимости отдавать приоритет ратифицированному международному договору перед федеральным конституционным законом в случае возникновения коллизии между ними[598]. Данный вывод нам представляется малоубедительным, не следующим неизбежно из приведенной посылки, поскольку автором вопрос о юридической силе международного договора не исследуется, его юридическая сила не сравнивается с юридической силой федерального конституционного закона.

Другая позиция сводится к обоснованию точки зрения о расположении международных договоров в отечественной правовой системе между федеральными конституционными законами и федеральными законами.

Так, Г.М. Даниленко обратил внимание на то, что «Конституция, как правило, точно упоминает конституционные законы в других положениях, неуказание их в ч. 4 ст. 15 может быть истолковано таким образом, что нормы договоров не находятся выше норм конституционных законов»[599], в связи с чем он пришел к выводу о более низком статусе международных договоров по сравнению с Конституцией Российской Федерации и федеральными конституционными законами.

Д.Н. Бахрах и А.Л. Бурков, исследуя место Конвенции о защите прав человека и основных свобод в российском законодательстве, в результате толкования термина «федеральный закон» приходят к выводу о том, что «положения Конвенции как договора, ратифицированного Российской Федерацией, превалируют только над обычным федеральным законом, но не над

---

[598] *Алиев Т.Т.* Место международных норм в иерархии источников гражданского процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 4. С. 27–31.

[599] Danilenko G. The New Russian Constitution and International Law // American Journal of International Law. 1994. № 88. P. 466.

федеральным конституционным законом. Поэтому можно сказать, что Конвенция находится между федеральными конституционными законами и федеральными законами»[600].

В.И. Цой, проанализировав нормы, определяющие подсудность гражданских дел военным судам, расположенным за пределами России, приходит к выводу, что эти суды при определении родовой подсудности гражданских дел, прежде всего, должны руководствоваться положениями Федерального конституционного закона от 23.06.1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» и лишь затем международными соглашениями[601].

Мы, склоняясь к принятию данной позиции, состоящей в признании приоритета правил, содержащихся в международных договорах, над правилами, содержащимися в иных источниках (формах) права Российской Федерации, за исключением Конституции Российской Федерации и федеральных конституционных законов, тем не менее не можем согласиться с Д.П. Стригуновой в том, что такой приоритет является очевидным[602], в связи с чем считаем необходимым дополнительно обосновать свою позицию.

Действительно, с одной стороны, в результате анализа Конституции Российской Федерации можно установить, что термин «федеральный закон» в ее тексте используется как в широком (включающем в себя и федеральные конституционные законы, и федеральные законы), так и в узком значении (не включает в себя федеральные конституционные законы)[603]. Так, например, в ч. 2 ст. 50 и ч. 1 ст. 120 Конституции РФ термин «федеральный закон» используется в широком смысле, поскольку иное прочтение предполагает возможность

---

[600] *Бахрах Д.Н., Бурков А.Л.* Конвенция о защите прав человека и основных свобод в российском законодательстве и практике рассмотрения административных дел // Журнал российского права. 2010. № 6. С. 67–78.

[601] *Цой В.И.* К вопросу о подсудности гражданских дел военным судам, расположенным за пределами Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 5. С. 9–14.

[602] *Стригунова Д.П.* Межгосударственное соглашение как источник правового регулирования международных коммерческих договоров // Современное право. 2016. № 8. С. 135–140.

[603] См.: *Фаткуллина Н.М.* Указ. соч. С. 36–42.

использования при осуществлении правосудия доказательств, полученных с нарушением федеральных конституционных законов, и отсутствие у судьи обязанности подчиняться федеральному конституционному закону соответственно. И, видимо, как раз наличие такого «широкого» использования в Конституции Российской Федерации термина «федеральный закон» позволяет ряду ученых настаивать на приоритете международного договора над федеральным конституционным законом.

С другой стороны, при решении этого вопроса необходимо учитывать, что федеральные конституционные законы принимаются в силу требования самой Конституции Российской Федерации и являются ее логическим продолжением, конкретизируя, уточняя и развивая сами конституционные нормы. Именно поэтому они в иерархии национальных нормативных правовых актов занимают место между российской Конституцией и федеральными законами, отличаясь от последних усложненной процедурой принятия[604], которая обеспечивает их более авторитетное положение, большую юридическую силу, выражающуюся в закрепленном в ч. 3 ст. 76 Конституции Российской Федерации требовании о недопустимости противоречия федеральных законов федеральным конституционным законам. Мы полагаем, что именно с помощью понятия юридической силы, которая проистекает из таких обстоятельств, как правовой статус органа, принимающего или участвующего в принятии правового акта, форма акта и степень сложности процедуры его принятия, можно определить место конкретного акта внутри системы источников (форм) права[605].

В связи с этим сложно согласиться с О.В. Кабановой, утверждающей, что «всякий международный договор имеет приоритет перед нормативными правовыми актами того органа, которым была признана обязательность такого международного договора для РФ, и другими нижестоящими актами»[606].

---

[604] См.: *Дробышевский С.А., Данцева Т.Н.* Указ. соч. С. 89.

[605] См.: *Самсонов Н.В.* Законодательство как основной источник отечественного гражданского процессуального права. С. 155–156.

[606] *Кабанова О.В.* Международные правовые акты – источники конституционного права России // Власть Закона. 2017. № 4. С. 129–138.

Мы полагаем, что при определении места международных договоров в системе источников (форм) отечественного гражданского процессуального права использования одного критерия (места органа, актом которого была признана обязательность международного договора, в иерархии органов государственной власти) недостаточно. Необходимо учитывать все критерии, влияющие на определение юридической силы правового акта – правовой статус органа, принявшего решение, форму, в которой принято решение (федеральный конституционный закон или федеральный закон о ратификации), а также сложность процедуры его принятия в совокупности.

Обратив же внимание на процедуру, мы увидим, что для принятия федерального закона о ратификации международного договора, делающего данный договор обязательным для России, достаточно простого большинства голосов общего числа депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ и более половины голосов общего числа членов Совета Федерации Федерального Собрания РФ. В то время как для принятия федерального конституционного закона необходимо, чтобы за него проголосовало не менее двух третей общего числа депутатов Государственной Думы и не менее трех четвертей общего числа членов Совета Федерации.

Следовательно, с учетом того, что федеральные конституционные законы принимаются только по вопросам, предусмотренным самой Конституцией Российской Федерации, и после принятия Федеральным Собранием РФ не могут быть отклонены Президентом РФ, имеют более сложную процедуру принятия, их следует рассматривать как неотъемлемое продолжение Конституции Российской Федерации, в отличие от федеральных законов, которыми ратифицируется и признается обязательным для России международный договор, в том числе и касающийся вопросов гражданского судопроизводства. Как абсолютно верно пишет В.А. Толстик, юридическая сила норм международного права должна приравниваться к актам, которыми эти нормы вводятся в правовую систему

Российской Федерации, т.е. в исследуемом случае – федеральному закону[607] (в узком смысле этого слова). В противном случае заключение международного договора, с последующим признанием его обязательности для Российской Федерации, будет представлять собой механизм, с помощью которого возможно добиться обхода установленной Конституцией Российской Федерации процедуры принятия и изменения федеральных конституционных законов, поскольку позволит изменять правила, ими предусмотренные, без получения на это согласия квалифицированного большинства в палатах Федерального Собрания РФ.

Нам также представляется, что вышеприведенная ссылка П.А. Лаптева на положения ч. 3 ст. 128 Конституции Российской Федерации логично обосновывает тезис, обратный его утверждению о приоритете международных договоров над федеральными конституционными законами, поскольку полномочия, порядок образования и деятельности высших судов в суверенном государстве должны определяться сувереном, в нашем случае – народом Российской Федерации. Как показывает история, высшие органы государственной власти, к которым, безусловно, относятся и высшие суды, могут создаваться в порядке, определенном международным договором, в том случае, если это государство не суверенно, а в результате катастрофического военного поражения оккупировано либо находится под внешним управлением и т.п.[608], что к современной России не применимо.

Вышеприведенные теоретические рассуждения, на наш взгляд, полностью совпадают с официальной позицией российского государства, не только выраженной в уже упомянутых актах высших судов, но четко и недвусмысленно озвученной на международной арене, например, в § 151 Доклада Рабочей группы по присоединению Российской Федерации к Всемирной торговой организации. В

---

[607] *Толстик В.А.* Указ. соч. С. 421.

[608] Примером такого рода является «позиция японского правительства по вопросу о соотношении Конституции и международного права. По его мнению, одни договоры подчинены Конституции, а другие обладают перед ней приоритетом. К первым относятся двусторонние политические и экономические договоры, ко вторым – договоры, содержащие «принятые нормы международного права», и договоры, которые касаются «вопросов жизненно важного значения для судьбы государства», такие как **акт о капитуляции или мирный договор**» (выделено мной). – См.: *Мереуцэ Р.И.* Принципы и нормы международного права в правовых системах стран СНГ. С. 66–69.

этом параграфе зафиксировано разъяснение Представителя Российской Федерации о том, что в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Он заявил, что в соответствии с положениями статей 12 и 13 Федерального закона от 15.07.1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» международные договоры Российской Федерации заключаются от имени Российской Федерации (межгосударственные договоры), либо от имени Правительства Российской Федерации (межправительственные договоры), либо от имени федеральных органов исполнительной власти (договоры межведомственного характера). С момента вступления международного договора в силу, посредством процедуры ратификации либо иной процедуры, он становится обязательным к применению на всей территории Российской Федерации. Хотя международный договор не имеет высшей юридической силы по отношению к Конституции Российской Федерации или федеральным конституционным законам, в соответствии со ст. 15 Конституции Российской Федерации в случае возникновения противоречия между положениями международного договора и федерального закона, принятого как до, так и после вступления в силу международного договора, действуют положения международного договора. Он пояснил, что с даты ратификации Российской Федерацией Протокола о присоединении, включающего Соглашение ВТО и другие обязательства, принятые Российской Федерацией как часть условий присоединения к ВТО, он становится неотъемлемой частью правовой системы Российской Федерации. Органы судебной власти Российской Федерации будут толковать и применять его положения. Таким образом, международные договоры Российской Федерации, в отношении которых согласие Российской Федерации на участие в них выражено путем принятия федерального закона (как в случае Протокола о присоединении Российской Федерации), имеют приоритет при применении перед всеми предыдущими и последующими федеральными законами, равно как и перед всеми подзаконными нормативными правовыми актами (указами и распоряжениями Президента Российской Федерации, постановлениями и распоряжениями Правительства

Российской Федерации, актами федеральных органов исполнительной власти). Если суд высшей инстанции установит, что положение нормативного правового акта, за исключением Конституции и федеральных конституционных законов, противоречит положениям международного договора Российской Федерации, такое положение будет признано недействительным и не подлежащим применению. Никаких дополнительных действий по отмене данного положения не требуется, и орган, ответственный за издание такого положения, будет обязан начать процедуру приведения его в соответствие с требованиями международного договора»[609].

Кроме того, подтверждением верности изложенного нами подхода к определению иерархического соотношения международных договоров с внутригосударственными источниками (формами) права является Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 8.12.1999 г. «О создании Союзного государства»[610]. Одной из целей Союзного государства является «формирование единой правовой системы демократического государства» (ч. 1 ст. 2). Как справедливо отмечает С.В. Бахин, предусматриваемая Договором система актов выглядит достаточно сложной и требующей совершенствования, поскольку в ней не определяется соотношение законов и декретов Союза с международными договорами Беларуси и России[611]. Однако для нашего исследования важно, что ч. 2 ст. 60 Договора устанавливает приоритет норм союзного закона или декрета над нормами внутреннего права при возникновении противоречий между ними, за исключением норм, содержащихся в конституциях и конституционных актах государств-участников. Следовательно, даже в рамках Союзного государства Российская Федерация, пользуясь своим суверенным правом, обеспечивает приоритет действия национальной Конституции и федеральных конституционных

---

[609] СПС КонсультантПлюс.

[610] Собрание законодательства РФ. 2000. № 7. Ст. 786.

[611] См.: *Современное* международное частное право в России и Евросоюзе: монография / А. Алиев, Ю. Базедов, М.П. Бардина и др.; под ред. М.М. Богуславского, А.Г. Лисицына-Светланова, А. Трунка. М.: Норма, 2013. Кн. 1.

законов, что также подтверждает нашу точку зрения о наличии у международных договоров приоритета исключительно над федеральными законами.

Таким образом, мы можем резюмировать, что в качестве источника (формы) российского гражданского процессуального права могут выступать официально опубликованные межгосударственные договоры Российской Федерации, ставшие обязательными для России в результате принятия федерального закона, либо ратифицированные СССР и ставшие обязательными для Российской Федерации в силу правопреемства, соответствующие общепризнанным принципам и нормам международного права jus cogens либо содержащие такие принципы и нормы, определяющие правила гражданского судопроизводства, отличные от порядка гражданского судопроизводства, установленного законодательством Российской Федерации, и не требующие издания внутригосударственных актов для их применения; при этом международный договор как форма права иерархически стоит выше внутренних источников (форм) права Российской Федерации (в том числе выше Гражданского процессуального кодекса РФ), за исключением Конституции Российской Федерации и федеральных конституционных законов.

Наличие кардинально противоположных взглядов в отечественном правоведении, которые объективно затрудняют применение международного права судами общей юрисдикции при рассмотрении гражданских дел, побуждает нас предложить подробно закрепить вышеприведенные условия действия международного права в тексте законодательства о гражданском судопроизводстве.

Именно такое технико-юридическое решение позволит не просто согласовать положения ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации с концепцией государственного суверенитета, но и более активно использовать в гражданском судопроизводстве общие цивилизационные ценности, которые содержит в себе международное право, в частности право каждого на справедливое судебное разбирательство.

Значение Европейской Конвенции по правам человека для отечественного гражданского процессуального права.

Исследуя международные договоры, имеющие отношение к сфере гражданского судопроизводства в судах общей юрисдикции, невозможно обойти вниманием Конвенцию о защите прав человека и основных свобод[612], более известную как Европейская Конвенция по правам человека (далее – ЕКПЧ, Конвенция), в которой, как отмечает Н.Н. Черногор, впервые получили развитие основные стандарты правосудия[613].

Указанная Конвенция была заключена в Риме 4 11.1950 г., а 3.03.1953 г. вступила в силу. Данный документ, с оговоркой и заявлениями, касающимися уголовного процессуального законодательства и дисциплинарной ответственности военнослужащих, был ратифицирован Федеральным законом от 30.03.1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» и вступил в силу для России 5.05.1998 г. Оговорок и заявлений, касающихся гражданского судопроизводства или цивилистического процесса в целом, Россией не высказывалось.

Как мы показали выше, источником отечественного гражданского процессуального права, в значении формы внешнего выражения права, являются не сами общепризнанные принципы и нормы международного права, а международные договоры Российской Федерации, в которых эти принципы и нормы находят свое внешнее выражение. Повторимся, что международный договор для отнесения его к источникам (формам) российского гражданского процессуального права должен соответствовать следующим критериям:

– должен являться межгосударственным договором Российской Федерации,

– должен быть официально опубликован,

---

[612] Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

[613] *Черногор Н.Н.* Стандарты правосудия в условиях глобализации // Гражданское общество и правовое государство. 2013. Т. 1. С. 108.

– должен стать обязательным для России в результате принятия федерального закона, либо в силу правопреемства, если он был ратифицирован СССР,

– должен соответствовать общепризнанным принципам и нормам международного права jus cogens либо содержать такие принципы и нормы,

– не должен требовать издания внутригосударственных актов для его применения (быть самоиспонимым).

Такие международные договоры могут вводить правила гражданского судопроизводства, обязательные к применению в российских судах общей юрисдикции, отличные от порядка гражданского судопроизводства, предписанного законодательством Российской Федерации. Эти правила обладают большей юридической силой, чем правила гражданского судопроизводства, закрепленные в федеральном законе, но меньшей, чем закрепленные в федеральном конституционном законе.

Конвенция представляет собой международный договор, полностью соответствующий признакам источника (формы) российского гражданского процессуального права, и должна применяться судами в этом качестве с учетом ее приоритета над федеральными законами в случае возможной конкуренции.

В связи с этим следует признать в сущности правильной высказанную еще в 1979 г. Европейским судом по правам человека идею о том, что «внутреннее законодательство должно соответствовать Конвенции, включая общие принципы, выраженные или подразумеваемые в ней. В основе обсуждаемой формулы лежат понятия справедливой и надлежащей процедуры…[614]». Однако, по нашему мнению, эту формулу, выражающую идею об обязательном соответствии национального законодательства Конвенции, следует уточнить, выявив, как именно выражается в Конвенции принцип всеобщего уважения прав человека, что следует понимать под «подразумеваемыми принципами», насколько верно распространять эту формулу на гражданское судопроизводство, поскольку

---

[614] Винтерверп (Winterwerp) против Нидерландов (жалоба № 6301/73): постановление ЕСПЧ от 24.10.1979 // СПС КонсультантПлюс.

изначально она завершалась словами «… идея в том, что любая мера, лишающая человека свободы, должна исходить от соответствующего органа, осуществляться им и не быть произвольной»[615], т. е. речь шла о необходимости соответствия внутреннего законодательства Конвенции в делах, связанных с лишением свободы.

Вышеизложенное, без сомнения, не исключает закрепленного ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации статуса общепризнанных принципов международного права как составной части российской правовой системы. Однако повторимся: ни в Конституции Российской Федерации, ни в иных национальных и международных актах не уточняется ни количество, ни состав этих принципов, ни их содержание. В среде ученых-правоведов также отсутствует единство взглядов по этим вопросам. Тем не менее никем не отрицается, что общепризнанные принципы и нормы международного права оказывают «существенное влияние не только на процессы правотворчества внутри государства, но и на содержание норм внутригосударственного права»[616], в том числе регламентирующих все виды отечественного судопроизводства и, естественно, судопроизводство гражданское. Как писал В.Ф. Яковлев, многое из подходов к пониманию судебного процесса, заложеных в ЕКПЧ, было реализовано в России при осуществлении судебных реформ[617].

Влияние общепризнанных принципов международного права становится еще более актуальным ввиду наличия в гражданском процессуальном законодательстве легального подтверждения его воздействия на гражданское судопроизводство. Как отмечалось выше, непосредственное значение для отечественного гражданского процессуального права имеют поименованные в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 г. № 5 такие общепризнанные принципы международного права, как принцип всеобщего уважения прав человека и принцип добросовестного выполнения международных обязательств. Соответственно, их

---

[615] Там же.

[616] См.: *Нормы* права: теоретико-правовое исследование: монография / Ю.Р. Барышникова.

[617] *Яковлев В.Ф.* Избранные труды. Т. 3.

нарушение влечет отмену судебных постановлений в порядке надзора (п. 1 ст. 391.9 ГПК РФ).

Эти два принципа, как отмечает С.В. Крохалев, «представляют собой наиболее широко распространенные правила, несущие одновременно заряд императивности. Это принципы действительно международного публичного порядка».[618] Со справедливостью второй части данного утверждения не согласиться невозможно. Однако особенности юридического конструирования всех, а не только поименованных в упомянутом Постановлении Пленума ВС РФ общепризнанных принципов международного права, состоящие, в частности, в том, что эти принципы, как отмечает М.Ш. Пацация, «по общему правилу … включают гипотезу и диспозицию, но не содержат санкции, формулируются в качестве абсолютно неопределенных»[619], вызывают своеобразие процесса их реализации, поэтому, на наш взгляд, несомый данными принципами заряд императивности не следует преувеличивать. Более того, вряд ли можно признать императивность принципа, содержание которого является неопределенным.

Раскрыть существо наиболее важного для отечественного гражданского судопроизводства принципа всеобщего уважения прав человека можно, обратившись к ЕКЧП, п. 1 ст. 6 которой закрепляет в составе прав человека и основных свобод, гарантируемых государствами-участниками, право на справедливое судебное разбирательство, что в свою очередь является важнейшим средством обеспечения принципа всеобщего уважения прав человека.

Положения данного пункта в части, имеющей отношение к гражданскому процессу, нам представляется уместным привести дословно: «каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях … имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Судебное решение объявляется публично,

---

[618] *Крохалев С.В.* Категория публичного порядка в международном гражданском процессе. СПб.: ИД СПбГУ, 2006. // СПС КонсультантПлюс.

[619] *Пацация М.Ш.* Об основаниях отмены или изменения судебных постановлений в надзорном порядке в гражданском процессе. С. 128–149.

однако пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части по соображениям морали, общественного порядка или национальной безопасности в демократическом обществе, а также когда того требуют интересы несовершеннолетних или для защиты частной жизни сторон, или – в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо – при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия».

Для того чтобы получить надлежащее представление о праве на справедливое судебное разбирательство применительно к гражданскому судопроизводству, мы полагаем необходимым выявить, каким значением при рассмотрении гражданских дел в судах общей юрисдикции надлежит наполнять следующие категории: во-первых, «спор о гражданских правах и обязанностях» и, во-вторых, собственно «справедливое, публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона». Разрешение этих вопросов, выявление сущности указанных категорий позволит четко определить соответственно сферу действия права на справедливое судебное разбирательство и обнаружить содержание этого права, его сущность и основные черты. Найти нужный ответ нам позволит, прежде всего, анализ решений Европейского суда по правам человека, правовые позиции которого в силу ст. 1 вышеупомянутого Закона «О ратификации Конвенции…» обязательны для России по вопросам, касающимся толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней. Однако при этом необходимо учитывать, гибкость толкования, даваемого ЕСПЧ, которая дает по словам Л.А. Тереховой, «основания для упрека в том, что при заключении договора о присоединении к Конвенции государство исходило из иного толкования норм»[620].

Приступая к определению сферы действия используемого в Конвенции понятия «споры о гражданских правах и обязанностях», следует обратить

---

[620] *Терехова Л.А.* 1) Применение постановлений Европейского суда по правам человека в практике российских судов // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2016. № 2 (47). С. 144; 2) Новые и вновь открывшиеся обстоятельства в гражданском и административном судопроизводстве: монография. М.: Проспект, 2017.

внимание на то, что его можно понимать по-разному. Английский и французский языки, на которых составлен официальный текст Конвенции, несут разные оттенки смысла. Так, английская фраза «civil rights and obligations» содержит публично-правовой смысл, а французская «d'une caractere civile» отражает их частноправовой характер[621]. Уже одного этого достаточно для того, чтобы утверждать, что понятие «споры о гражданских правах и обязанностях» не может толковаться сообразно исключительно внутреннему праву государства-ответчика и зависеть от того, какой государственный орган согласно национальному праву может разрешить дело.

Таким образом, упоминаемый в Конвенции спор о гражданских правах и обязанностях, как мы полагаем, представляет собой тяжбу[622], правовой конфликт, разрешаемый в суде, возникший из разногласий нескольких лиц, юридически заинтересованных в установлении наличия или отсутствия того или иного права, обязанности, их существа и содержания, возникновения, изменения или прекращения правоотношений. К категории споров о гражданских правах и обязанностях, безусловно, следует относить иски, заявления, вытекающие из частноправовых отношений в их классическом понимании, т.е. вытекающие из гражданских, семейных и т.п. правоотношений, например, связанные с защитой права собственности от экспроприации – принудительного отчуждения имущества

---

[621] См.: *Мак-Брайд Дж.* Понятие справедливого судебного разбирательства и его основные элементы // Европейские стандарты права на справедливое судебное разбирательство и российская практика / Под общ. ред. А.В. Деменевой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 9.

[622] ТЯЖА, позднее ТЯЖБА – сущ. Спор или судебное дело. – См.: *Исаев М.А.* Толковый словарь древнерусских юридических терминов: от договоров с Византией до Соборного Уложения царя Алексея Михайловича (IX–XVII вв.): учебное пособие. 2-е изд. испр. и доп. М.: Статут, 2017. С. 191.

для государственных нужд[623], а кроме того, иски, последствия каковых влияют на права и обязанности, имеющие частноправовой характер. Например, к нарушающим гражданские права следует относить административные решения, ограничивающее или запрещающие строительство, что влияет на право собственности, которое в силу своего частноправового характера подлежит защите[624], а также административные решения об отказе во включении в список очередников на получение жилья, отказе выдать необходимые документы для получения государственного жилищного сертификата для приобретения жилья в выбранном регионе[625].

Как отмечает Л.Б. Алексеева, в настоящее время практически любой имущественный иск может рассматриваться как «спор о гражданских правах и обязанностях», если в его основе лежит предполагаемое нарушение имущественных прав, вне зависимости от того, в соответствии с каким национальным законодательством (гражданским, жилищным, семейным или административным) такой спор подлежит разрешению[626].

К рассматриваемой категории относятся и дела, связанные с реализацией гражданами права на труд, в том числе вытекающие из процедуры получения (отзыва) в административном порядке разрешений и лицензий на осуществление

---

[623] Дело «Волчкова и Миронов (Volchkova and Mironov) против Российской Федерации» (жалобы № 45668/05 и 2292/06): постановление ЕСПЧ от 28.03.2017 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. (Российское издание.) 2018. № 5.

[624] Спорронг (Sporrong) и Лоннрот (Lonnroth) против Швеции (жалобы № 7151/75 и 7152/75): постановление ЕСПЧ от 23.09.1982 г. // *Европейский* Суд по правам человека. Избранные решения. М.: Норма, 2000. Т. 1. С. 395–416.

[625] Дело «Лапин (Lapin) против Российской Федерации» (жалоба № 16152/03): постановдение ЕСПЧ от 20.09.2011 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 9.

[626] См: *Европейский* Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1 / Отв. ред. В.А. Туманов. М.: Норма, 2002 С. 85.

профессиональной деятельности или иными формами государственного контроля над частной профессиональной деятельностью[627].

Что же касается возможности применения п. 1 ст. 6 ЕКПЧ к делам, возникшим при прохождении государственной службы, то особый характер отношений между государством и госслужащим, особая связь, основанная на доверии и лояльности, привязывающая их к государству, делают невозможным отнесение таких споров к категории споров о гражданских правах и обязанностях, что, однако, должно подтверждаться «функциональным критерием», проявляющимся в обладании заявителем «частицей суверенной власти государства»[628]. Таким образом, возможность отнесения споров, проистекающих из прохождения государственной службы, к спорам о гражданских правах и обязанностях сопряжена с наличием специфики предназначения и особенностей характера полномочий и обязанностей государственного служащего. По этой причине споры между административными органами и лицами, занимающими в них должности, связанные с осуществлением определяемых публичным правом полномочий, исключены из сферы действия п. 1 ст. 6 ЕКПЧ.

Однако здесь есть два немаловажных момента. Во-первых, действие данной статьи распространяется на споры с аналогичным субъектным составом, касающиеся права на зарплату, на пособия и тому подобные[629]. Во-вторых, хотя споры между государством и военнослужащими (сотрудниками полиции и т.д.) не являются «гражданскими» в чистом виде, необходимо учитывать то

---

[627] Кениг (Konig) против Федеративной Республики Германии (жалоба № 6232/73): постановление ЕСПЧ от 28.06.1978 г. // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. М.; Норма, 2000. Т. 1. С. 149–167.

[628] Дело «Канаев (Kanayev) против Российской Федерации» (жалоба № 43726/02): постановленин ЕСПЧ от 27.07.2006 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. (Российское издание.) 2007. № 12. С. 71–80.

[629] Дело «Вильхо Эскелинен (Vilho Eskelinen) и другие против Финляндии» (жалоба № 63235/00): постановление ЕСПЧ от 19.04.2007 г.// СПС КонсультантПлюс.

обстоятельство, что если иск (жалоба) заявителя были приняты к рассмотрению и рассматривались национальными судами в рамках обычного гражданского судопроизводства, из этого неизбежно следует вывод о признании национальным законодательством за такими субъектами возможности обращения к судебной защите прав и интересов, вытекающих из подобных правоотношений, из чего явствует наличие у военнослужащего (сотрудника полиции и т.д.) права на справедливое судебное разбирательство, подлежащее защите в рамках Конвенции[630].

Кроме того, как видно из сложившейся судебной практики ЕСПЧ, п. 1 ст. 6 ЕКПЧ охватывает и сферы, не имеющие имущественной окраски, например, право на жизнь, на охрану здоровья, на здоровую окружающую среду, физическую неприкосновенность, право на установление отцовства, правила организации школьного обучения для детей и т.д. Право на справедливое судебное разбирательство распространяется на все споры, подлежащие судебной защите в соответствии с внутригосударственным законодательством[631], и эти требования следует рассматривать как относящиеся к гражданским правам и обязанностям (в значении неуголовных дел) независимо от того, защищаются ли такие права Конвенцией.

Вместе с тем, не все споры, влекущие имущественные последствия, рассматриваются ЕСПЧ в качестве относящихся к гражданским правам и обязанностям. Следует учитывать существование правовых позиций ЕСПЧ о том, что налоговые споры, несмотря на их имущественный характер и материальные

---

[630] Дело «Васильченко (Vasilchenko) против Российской Федерации» (жалоба № 34784/02): постановление ЕСПЧ от 23.09.2010 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2011. № 8.

[631] По делу «Ловрич против Хорватии (Lovric v. Croatia)» (жалоба № 38458/15): инф. о постановлении ЕСПЧ от 04.04.2017 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. (Российское издание.) 2017. № 9.

последствия, которые они неизбежно имеют для налогоплательщиков, выходят за пределы гражданских прав и обязанностей, подразумеваемых в п. 1 ст. 6 ЕКПЧ[632], и о том, что процедуры высылки иностранных граждан не касаются спора о «гражданских правах», невзирая на то, какое существенное влияние оказывают решения о выдворении на личную и семейную жизнь высылаемого, а также на реализацию его трудовых прав[633]. Нам представляется, что такая практика является как минимум непоследовательной и что абсолютно прав Л. Лукайдес, который, критикуя своих коллег, говорит: «абсурдно признать, что судебные гарантии предназначались лишь для определенных прав, в частности прав частных лиц, и не для прочих законных прав и обязанностей, включая все права в отношении администрации, в которых особо необходим независимый судебный контроль для защиты лиц от государственных органов власти»[634].

Поэтому мы соглашаемся с М.Е. Глазковой в ее выводе о недопустимости лишения лиц, чьи права в сфере административных (публичных) правоотношений были нарушены, такой основополагающей гарантии, как право на судебную защиту, лишь потому, что эти споры не упоминаются в Конвенции[635], но считаем необходимым дополнить данный тезис уточнением, что судебная защита предполагает справедливость судебного разбирательства.

---

[632] Дело «Феррацини (Ferrazzini) против Италии» (жалоба № 44759/98): постановление ЕСПЧ от 12.07.2001 г. // СПС КонсультантПлюс.

[633] Дело «Бердзенишвили и другие (Berdzenishvili and Others) против Российской Федерации» (жалобы № 14594/07, 14597/07, 14976/07, 14978/07, 15221/07, 16369/07 и 16706/07): постановление ЕСПЧ от 20.12.2016 г. // Российская хроника Европейского Суда. 2017. № 4.

[634] *Лукайдес Л.* Справедливое судебное разбирательство. Комментарий к п. 1 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод // Российская юстиция. 2004. № 2. С. 8–20.

[635] *Глазкова М.Е.* Применение европейских стандартов отправления правосудия в российском арбитражном процессе: монография. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Анкил, 2012.

Таким образом, мы полагаем, что упоминаемые в п. 1 ст. 6 ЕКПЧ гражданские права и обязанности следует рассматривать как не относящиеся к уголовному процессу, понимать максимально широко, включая в них не только денежно-имущественные права, но и личные неимущественные права, другие нематериальные блага[636] и субъективные права личного характера, в том числе в сфере публичных правоотношений. Полагаем необходимым относить к спорам о гражданских правах и обязанностях практически весь объем дел, рассматриваемых в судах общей юрисдикции по правилам ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ. При этом мы признаем, что спор должен быть серьезным и существенным, т.е. нарушение права должно быть не только реальным с чисто юридической точки зрения, но и иметь уровень тяжести, заслуживающий рассмотрения в международном суде[637], а также определять судьбу отстаиваемого права непосредственно.

Детерминировав сферу действия права на «справедливое, публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона», следует выявить сущность, содержание этого права. В результате анализа текста Конвенции и практики Европейского суда по правам человека можно заметить, что современное понимание права на справедливое судебное разбирательство включает в себя несколько элементов, среди которых мы можем выделить:

– право на доступ к судебной процедуре;

– право на справедливое рассмотрение дела в разумный срок;

– право на независимый и беспристрастный суд, созданный в соответствии с законом;

– право на рассмотрение дела тем судом и тем судьей, к подсудности которых оно относится;

---

[636] Дело «Андрушко (Andrushko) против Российской Федерации» (жалоба № 4260/04): постановление ЕСПЧ от 14.10.2010 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2011. № 8.

[637] Дело «M.N. и другие (M.N. and Others) против Сан-Марино» (жалоба № 28005/12): постановление ЕСПЧ от 07.07.2015 г. // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2015. № 11(23).

– право на публичность (гласность) судопроизводства;

– право принимать участие в рассмотрении дела;

– право иметь равные возможности с противной стороной.

Из этого перечня видно, что термин «право на справедливое судебное разбирательство» может быть использован в двух значениях: в широком (общем), охватывающем все перечисленные элементы, и в узком, под которым понимается собственно право на справедливое рассмотрение дела судом, его процессуальные элементы.

В общем значении право на справедливое судебное разбирательство следует приравнять к праву на доступ к правосудию[638], т.е. праву каждого лица, являющегося субъектом цивилистических правоотношений, либо в случаях, предусмотренных национальным законодательством, иных правоотношений, иметь возможность инициировать судебное рассмотрение дела в защиту своих законных интересов, нарушенных или оспариваемых прав и свобод и получить справедливую и эффективную судебную защиту.

Этот доступ к суду должен быть непосредственным, не ограниченным непреодолимыми юридическими либо фактическими препятствиями, а судебная процедура должна осуществляться с соблюдением всех перечисленных в п. 1 ст. 6 Конвенции условий. При этом непосредственный доступ к суду не означает гарантированного права на личное присутствие в суде по гражданским делам (предоставления обязательной возможности лично, физически явиться в судебное заседание), но предусматривает право на эффективное участие в процессе с использованием института представительства в условиях равенства сторон[639]. Заявитель должен иметь возможность обратиться именно в суд, а не какой-либо

---

[638] См.: *Афанасьев С.Ф.* Право на справедливое судебное разбирательство: теоретико-практическое исследование влияния Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод на российское гражданское судопроизводство: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2010. С. 117, 18, 120–123.

[639] Дело «Ларин (Larin) против Российской Федерации» (жалоба № 15034/02): постановление ЕСПЧ от 20.05.2010 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2010. № 12.

иной орган (к должностному лицу), разрешающий либо не разрешающий обращение истца (заявителя) в суд.

Что же касается возможных юридических и фактических препятствий для обращения в суд, то само по себе их наличие не ликвидирует право на доступ к правосудию. В частности, мы не можем согласиться с авторами, утверждающими, что оставление судами искового заявления без движения, в том числе в связи с непредставлением истцом документов, предусмотренных ст. 132 ГПК РФ, формально не препятствуя повторному обращению в суд, фактически создает преграды в доступе к правосудию, нарушает основополагающие принципы гражданского судопроизводства и затягивает процесс реализации права на обращение в суд[640]. Рассуждая подобным образом, можно дойти до утверждений, что уплата государственной пошлины в размере, равном стоимости пачки сигарет[641], или обязанность предъявлять иск в письменной форме ограничивают доступ к правосудию. Государство не просто вправе, но и обязано, в целях избежания анархии в судопроизводстве, а также в целях повышения эффективности судебной защиты устанавливать требования к исковому заявлению, к его форме, содержанию, наличию и составу приложения к нему; обусловливать возможность рассмотрения заявлений, исков, жалоб уплатой государственной пошлины, однако все эти ограничения должны быть разумными,

---

[640] См.: *Борисова В.Ф.* Процессуальные гарантии доступности правосудия при обращении в суд общей юрисдикции // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 5. С. 56–60; *Муховатова А.* Судейский шлагбаум на исковом пути // Домашний адвокат. 2003. № 19. С. 15–17.

[641] Статья 333.19 Налогового кодекса РФ, на день написания данного параграфа, определяла размер государственной пошлины, уплачиваемой физическими лицами при подаче апелляционной жалобы и (или) кассационной жалобы, суммой в 150 рублей.

предопределенными законной целью и не носить характер непреодолимых[642], исключающих возможность судебной защиты.

Мы считаем необходимым согласиться с Е.А. Наховой в том, что право на беспрепятственный доступ к правосудию (право на справедливое судебное разбирательство в широком значении) не только признается международным сообществом в качестве фундаментального, но и гарантируется в Российской Федерации Конституцией[643], однако не считаем возможным вслед за ней рассматривать это право как самостоятельный принцип, но готовы видеть в нем лишь необходимый элемент, составляющий часть права на справедливое судебное разбирательство, в свою очередь являющегося проявлением такого общепризнанного принципа международного права, как принцип всеобщего уважения прав человека, и гарантирующий, обеспечивающий существование этого принципа.

Таким образом, толкование Конвенции дает основания полагать, что в узком смысле слова право на справедливое судебное разбирательство (право на справедливое отправление правосудия) охватывает право на справедливую судебную процедуру, которая связана с законностью, независимостью и беспристрастностью суда, публичностью (гласностью) процесса и разумностью его срока. Данные условия справедливого судебного разбирательства, бесспорно, закреплены не только в Конвенции, но и в институтах и нормах, содержащихся в национальных источниках (формах) российского гражданского процессуального права, однако некоторые из них, как, например, правило о разумном сроке судопроизводства, были сформулированы под воздействием Конвенции.

В сущности говоря, то, что определяющая содержание права на справедливое судебное разбирательство ст. 6 Конвенции позволяет вводить принцип

---

[642] См., например: «Аль-Дулими и «Монтана менеджмент Инк.» (Al-Dulimi and Montana Management Inc.) против Швейцарии» (жалоба № 5809/08): постановление ЕСПЧ от 26.11.2013 г.// Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. № 3.

[643] *Нахова Е.А.* Стороны, заявители как субъекты доказательственной деятельности в цивилистическом и административном судопроизводстве Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 2. С. 224–232.

справедливости судебного разбирательства в состав принципов национального гражданского процесса, придает ЕКПЧ значение важнейшего источника (формы) российского гражданского процессуального права, источника настолько значимого, что, как отмечает Я.С. Гришина, присоединение России к Конвенции повлекло «перемены, которые отразились на российском гражданском судопроизводстве»[644], и, как нам видится, во многом продолжает определять направления его развития и пути совершенствования.

В связи с чем нелишним будет вспомнить справедливое замечание В.В. Яркова об увеличении значимости процессуальных норм как гарантии реализации права на справедливое судебное разбирательство[645].

Поскольку текст Конвенции позволяет нам установить содержание этого права, в том числе с учетом практики применения ЕКПЧ, отраженной в постановлениях Европейского суда по правам человека, в которой выделяются такие не упомянутые прямо в тексте Конвенции условия справедливого отправления правосудия, как равенство сторон в состязательном процессе, надлежащее уведомление участников процесса о времени и месте рассмотрения дела, ограничение круга принимаемых судом доказательств только доказательствами, добытыми законным путем, вынесение законного и обоснованного решения, принцип правовой определенности, запрет на вмешательство в деятельность суда, нам следует рассматривать Конвенцию не просто как одно из наиболее важных явлений для отечественной правовой системы, повлиявшее на многие стороны правовой жизни России, но и как источник (форму) гражданского процессуального права, акт, непосредственно влияющий на порядок отправления правосудия по гражданским делам в отечественных судах общей юрисдикции.

---

644 *Гришина Я.С.* Рецензия на книгу И.В. Воронцовой «Судебная практика и международные договоры как источники гражданского процессуального права: монография» // Вестник гражданского процесса. 2012. № 3. С. 305–312.

645 *Ярков В.В.* Познание и доказывание процессуальных юридических фактов // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2002–2003. № 2. СПб.: ИД СПб гос. ун-та, 2004. С. 144.

4.4. Проблемы признания решений Европейского суда по правам человека источниками (формами) гражданского процессуального права России

Уже прошло более 20 лет с тех пор, как Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод ратифицирована и вступила в силу для Российской Федерации. Согласно закону о ее ратификации Россия автоматически (ipso facto и без специального соглашения) признала юрисдикцию Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ, Европейский суд, Суд) по вопросам толкования и применения Конвенции, а также Протоколов к ней в случаях выявления нарушения их положений со стороны Российской Федерации. Тем не менее такое формальное признание обязательности решений ЕСПЧ для России оставляет открытым вопрос о правовой природе этих решений, а также пределах, свойствах их обязательности. Как пишет Н.Н. Черногор, «требования к качеству реализации судебной защиты прав и законных интересов лиц в ходе судопроизводства, сформулированные Европейским судом на основе положений Конвенции с учетом ее целей, обретают значение «европейских стандартов отправления правосудия» и подлежат соблюдению всеми странами – членами Совета Европы (в том числе, Российской Федерацией)», с другой стороны, этот же автор обращает внимание на то, что «международные стандарты правосудия постоянно уточняются, а сами стандарты могут быть использованы в качестве средства ограничения суверенитета отдельных государств в интересах экономически доминирующих стран»[646] и отмечает существование «определенных противоречий между содержанием европейских стандартов правосудия и государственных гарантий их реализации»[647].

---

[646] *Черногор Н.Н.* Стандарты правосудия в контексте судебной правовой политики // Судебная правовая политика в России и зарубежных странах: коллективная монография. СПб.: Астерион, 2019. С. 48.

[647] Там же. С. 49.

Это и побуждает нас обратиться к вопросу о возможности отнесения решений Европейского суда к источникам (формам) гражданского процессуального права.

Как отмечают В.А. Туманов и О.С. Чернышова, государства – участники Конвенции взяли на себя обязанность уважать, соблюдать и обеспечивать права и свободы, предусмотренные Конвенцией, в отношении каждого человека, находящегося под их юрисдикцией, что предполагает ответственность государства перед ЕСПЧ за допущенные нарушения указанных прав и свобод, а на основании решения Суда – и перед тем, чьи права оказались нарушенными и не защищенными национальным правом[648], т.е. однозначно признается обязательность решений ЕСПЧ как правоприменительных актов, но при этом вопрос о возможности их использования в качестве источника (формы) права решен далеко не так четко и однозначно, вывод об отнесении актов ЕСПЧ к нетрадиционным источникам гражданского процессуального права[649] не приближает нас к решению данного вопроса.

Европейский суд рассматривает заявления любых лиц (граждан стран – участниц Конвенции, граждан иных стран, лиц без гражданства, юридических лиц, неправительственных организаций и любых групп частных лиц) на нарушение принадлежащих именно им прав, свобод и законных интересов, при этом в качестве ответчика привлекается государство, под юрисдикцией которого находится заявитель. ЕСПЧ, как правило, не исследует и не оценивает фактические и правовые ошибки, допущенные национальным судом, т.е. не осуществляет проверку обоснованности национальных судебных решений. Судебные ошибки являются предметом рассмотрения в тех случаях, когда Судом рассматривается жалоба на нарушение гарантий права на справедливое судебное разбирательство, закрепленных в ст. 6 ЕКЧП, при этом проверяется исключительно судебный

---

[648] См.: *Европейский* Суд по правам человека. Указ. соч. С. 239.

[649] См.: *Гражданский* процессуальный кодекс Российской Федерации в схемах с комментариями: научно-практическое учебное пособие / Н.И. Маняк; отв. ред. Г.Д. Улётова. 7-е изд., доп. и перераб. СПб.: Изд-во «Юридический центр», 2018. С. 70–71.

процесс, соблюдение в ходе процесса права на справедливый суд, выявляются недостатки судебной процедуры, приведшие к нарушению указанного права. Поэтому следует согласиться с Л.А. Тереховой, которая характеризует механизм защиты, реализуемый ЕСПЧ, как «субсидиарный … по отношению к национальной системе судопроизводства»[650].

По результатам рассмотрения жалоб ЕСПЧ вправе принимать одно из двух видов решений: ординарные постановления по конкретным делам, нацеленные на защиту обратившегося в Европейский суд лица, и так называемые «пилотные постановления». Последние выносятся на основании правила 61 Регламента (Правил процедуры) Европейского суда по правам человека[651] в исключительных случаях, если при рассмотрении жалобы в государственной системе ответчика будет выявлено наличие структурной проблемы либо иного подобного недостатка функционирования, который послужит или может послужить в будущем основанием для подачи других подобных жалоб. «Пилотные постановления» обладают особенными свойствами, не характерными для правоприменительных национальных судебных решений, а именно: в них определяется природа установленной структурной проблемы и меры общего характера, которые государство-ответчик обязано применить, чтобы устранить не только само нарушение, но и причины, приведшие к возможности такого нарушения[652]. Эти меры, как правило, включают в себя изменение национального законодательства, приведение его в соответствие с тем пониманием прав и свобод, закрепленных в Конвенции, которое высказывает Европейский суд.

Обязательный, ввиду добровольного признания юрисдикции, для России характер имеют оба вида постановлений ЕСПЧ. Вместе с тем формальная обязательность обоих типов постановлений Европейского суда не снимает вопросы

---

[650] *Терехова Л.А.* Право на исправление судебной ошибки как компонент судебной защиты. С. 20.

[651] СПС КонсультантПлюс.

[652] См.: *Рожкова М.А., Афанасьев Д.В., Тай Ю.В.* Порядок рассмотрения жалоб в Европейском суде по правам человека. М.: Статут, 2013. Серия «Практика Европейского суда по правам человека: комментарии, судебные прецеденты». Кн. 2.

об их правовой природе, возможности отнесения их национальными правоприменителями к судебным прецедентам, а равно о границах, пределах их обязательности и прецедентности. До сего дня дискуссия о правовой природе решений Европейского суда, об условиях их обязательности для России не отошла в область истории. Существующие в правовой доктрине научные позиции показывают, с одной стороны, практически единодушное осознание значения Конвенции и решений ЕСПЧ для национального права, в том числе гражданского процессуального, признание их существенного влияния на правовую систему России как государства, входящего в Совет Европы, а с другой стороны, демонстрируют отсутствие единства в определении правовой природы и юридического статуса решений ЕСПЧ, наличие различных взглядов на возможность их отнесения к источникам (формам) права, характер, степень и пределы их обязательности.

Характеризуя правовую природу решений ЕСПЧ, значительная часть исследователей сходятся во мнении о прецедентном значении обоих видов постановлений, понимая под этим существенно различающиеся правовые феномены[653]. Одни, по всей видимости, даже прямо не говоря об этом, вкладывают в слова «прецедентное значение» понимание прецедента как источника (формы) права, выражающего вовне правила поведения обязательного характера, рассчитанные на неоднократное применение неограниченным кругом лиц. Другие высказываются о прецеденте как о полезном примере, применяемом в силу убедительности содержащегося в нем толкования права. Третьи не акцентируют свое внимание на возможности отнесения актов ЕСПЧ к числу источников (форм) права, ограничиваясь констатацией их обязательности для Российской Федерации и сосредоточиваясь на практических аспектах производства в Суде и исполнения его решений.

Прежде всего, на обязательности, непреложности «прецедентов Суда» в качестве источника (формы) права для национальных судов настаивают

---

[653] См., например: *Иодковский Э.В.* Решения Европейского Суда по правам человека в гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 14–58.

представители ЕСПЧ, полагающие, что это соответствует интересам правовой определенности и обеспечивает соблюдение принципа равенства всех перед Конвенцией[654], что в итоге позволяет им видеть в ЕСПЧ не правоприменителя, а правотворца, разрабатывающего наднациональные положения в области прав человека[655], и даже создающего новое право[656].

Как отмечает судья ЕСПЧ Лех Гарлицки, текст ЕКПЧ, принятый более пятидесяти лет назад, не может содержать ответы на многие современные вопросы и вызовы, связанные с защитой прав человека. Однако прецедентное право, создаваемое Европейским судом, приспосабливает ее положения к современным условиям, что, по его мнению, привело к трансформации применения Конвенции в применение прецедентного права ЕСПЧ[657].

Многие видные представители отечественной юридической науки поддерживают изложенные воззрения.

Так, В.Д. Зорькин, исследуя влияние ЕСПЧ на российскую правовую систему, отмечает, что ее составной частью оказываются выработанные Судом принципы применения и толкования Европейской Конвенции по правам человека, что позволяет ему заявлять о существовании прецедентного права Европейского

---

654 См.: *Вильдхабер Л.* Отношения между Европейским Судом по правам человека и национальными судебными органами // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 1. С. 87–89.

655 См.: *Микеле де Сальвиа*. Европейская Конвенция по правам человека. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2004. С. 85.

656 См.: *Mahoney P.* Marvellous Richness of Diversity or Invidious Cultural Relativism // 19 Human Rights Law Journal. 1998. P. 2.

657 *Гарлицкий Л.* Сотрудничество и конфликт (несколько наблюдений из практики взаимодействия Европейского Суда по правам человека и национальных органов конституционного правосудия) // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 1 (54). С. 43.

суда[658] и прецедентном характере его решений[659], которые, по его выражению, фактически расцениваются Конституционным Судом РФ как источник права[660].

С.П. Маврин отмечает, что решения ЕСПЧ, являющиеся разновидностью прецедентного права, изначально не были присущи континентальному европейскому праву, но, тем не менее, в качестве нового источника права вошли в правовые системы различных европейских стран романо-германской правовой семьи, в том числе систему российского национального права, где выполняют функцию одного из важнейших источников права[661].

Г.А. Жилин считает, что решения ЕСПЧ соотносятся с прецедентом и правовой позицией как форма и содержание и не только являются формально-юридическим источником права, в том числе гражданского процессуального, но и привлекают внимание к нормам, противоречащим Конвенции[662].

Т.Т. Алиев, исследуя механизмы прецедентного правового регулирования в России, отмечает, что после введения в ГПК РФ института пересмотра по новым обстоятельствам (к которым в настоящее время относятся и установление Европейским судом нарушения положений Конвенции в конкретном деле)

---

[658] *Зорькин В.Д.* Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации. С. 3–9.

[659] *Зорькин В.Д.* Конституционный Суд и развитие гражданского права // Российский судья. 2012. № 3. С. 5–13.

[660] *Зорькин В.Д.* 1) Конституционный Суд России в европейском правовом поле // Журнал российского права. 2005. № 3. С. 3–9; 2) Национальные интересы, современный миропорядок и конституционная законность // Актуальные проблемы развития судебной системы и системы добровольного и принудительного исполнения решений Конституционного Суда РФ, судов общей юрисдикции, арбитражных, третейских судов и Европейского суда по правам человека: сб. науч. ст. СПб., Краснодар: Юрид. центр Пресс, 2008. С. 54.

[661] *Маврин С.П.* Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: природа и место в национальной правовой системе // Журнал конституционного правосудия. 2010. № 6. С. 23–33.

[662] *Жилин Г.А.* Решения Европейского суда по правам человека в системе источников гражданского и арбитражного процессуального права. С. 28–29.

судебный прецедент (в том числе в виде актов ЕСПЧ) был, по сути, легализован на законодательном уровне и ему придана обратная сила[663].

По мнению С.Ф. Афанасьева, с формальной точки зрения постановления ЕСПЧ следует отнести к источникам внутреннего права, в том числе и российского гражданского процессуального, а именно к «нетипичным национальным правовым источникам». Окончательные решения ЕСПЧ по вопросам толкования и применения Конвенции при выявлении нарушения международного договора со стороны России входят в систему формально-юридических источников российского гражданского процессуального права как особый комплементарный, т.е. дополнительный, добавочный источник прецедентной природы, с помощью которого «формируются не нормы, но важнейшие правовые начала (принципы), обязательные к дальнейшему использованию судами в ходе рассмотрения и разрешения гражданских дел». Эти принципы, по мнению автора, прямо в Конвенции не значатся, но выкристаллизовываются Судом из ее содержания[664].

В.М. Шерстюк говорит о предписанной законом обязательности для судьи, рассматривающего конкретное дело, толкования, содержащегося в решениях и постановлениях ЕСПЧ[665].

Необходимо также упомянуть и исследовательскую позицию А.Т. Боннера и О.Ю. Котова, согласно которой обязательность учета решений ЕСПЧ

---

[663] *Алиев Т.Т.* Механизмы прецедентного правового регулирования в Российской Федерации // Современное право. 2018. № 1. С. 75–80.

[664] *Афанасьев С.Ф.* Право на справедливое судебное разбирательство: теоретико-практическое исследование влияние Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод на российское гражданское судопроизводство: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2010. С. 117, 18, 120–123.

[665] *Шерстюк В.М.* Парные категории в гражданском процессуальном праве (на примере принципов отрасли права). С. 29–44.

свидетельствует о том, что, «по существу, они носят характер правовых норм, хотя и своеобразных и не вполне обычных для российского менталитета»[666].

В.И. Анишина расценивает решения ЕСПЧ как новый судебный источник права, обладающий свойствами нормативности, исполнимости и обязательности, получаемый российскими судами без вмешательства других ветвей государственной власти, поскольку он может быть положен в основу судебного решения независимо от мнения законодателя[667].

В совместном труде И.В. Воронцовой и Т.В. Соловьевой высказывается убеждение в том, что решения ЕСПЧ, вынесенные по делам, по которым Судом было признано нарушение прав и свобод человека, по смыслу норм Конвенции являются источниками российского права наряду с самой Конвенцией, несмотря на возникающее у авторов впечатление об отсутствии у российских судов знания как о нормах последней, так и о решениях ЕСПЧ[668].

С.З. Женетль отмечает, что поскольку решения ЕСПЧ окончательны, не изменяются иными судебными инстанциями, а сформулированные в них правила толкования автоматически включаются в российскую правовую систему, их следует рассматривать не только как правоприменительные, но и как нормативные акты[669].

О.И. Рабцевич полагает, что поскольку Российская Федерация признает юрисдикцию ЕСПЧ, а принимаемые данным Судом решения имеют обязательный

---

[666] *Боннер А.Т., Котов О.Ю.* Принцип правовой определенности в практике Европейского суда по правам человека // Закон. 2010. № 4. С. 199.

[667] *Анишина В.И.* Влияние решений Европейского суда по правам человека на российское правосудие // Международное публичное и частное право. 2007. № 3. С. 59–62.

[668] *Воронцова И.В., Соловьева Т.В.* Постановления Европейского суда по правам человека в гражданском процессе Российской Федерации / Под ред. О.В. Исаенковой. М.: Волтерс Клувер, 2010.

[669] *Женетль С.З.* Акты Европейского суда как источник административно-процессуальных и административно-процедурных норм // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 12. С. 15.

характер в том случае, если Российская Федерация выступает стороной по рассматриваемому делу, то после присоединения Российской Федерации к Конвенции возникает необходимость включить прецеденты Европейского суда в число источников российского права[670].

М.Б. Лобов усматривает практически полное преодоление ранее существовавших принципиальных и доктринальных возражений относительно прямого действия решений Суда, проявляющееся во введении в подавляющем большинстве европейских стран возможности пересмотра внутренних судебных решений на основании констатации Европейским судом нарушений Конвенции, а кроме того, повсеместное изменение сложившейся судебной практики в странах – членах Совета Европы, приведение ее в соответствие с принятыми Судом постановлениями[671].

И.С. Метлова в своем диссертационном исследовании приходит к выводу, что решения ЕСПЧ следует считать «источниками права – судебными прецедентами, а не актами толкования или применения права», так как признание Россией юрисдикции Суда и провозглашение этого факта в законе о ратификации Конвенции подтверждает законодательное закрепление за решениями ЕСПЧ статуса источника (формы) права, что, по ее мнению, выгодно оттеняет статус его решений от решений российских высших судебных органов, в отличие от которых решения ЕСПЧ действительно представляют собой прецедент[672].

Т.В. Соловьева, соглашаясь с тем, что судебный прецедент в России не является источником права, отмечает, что постановлениям ЕСПЧ, как актам,

---

[670] *Рабцевич О.И.* Право на справедливое судебное разбирательство: международное и внутригосударственное правовое регулирование: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С. 176.

[671] *Лобов М.* Прямое действие постановлений Европейского Суда по правам человека во внутреннем праве: сравнительный обзор // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 1.С. 89.

[672] *Метлова И.С.* Указ. соч. С. 8–9, 87, 83.

включающим правила толкования Конвенции, являющейся источником права, содержащим в себе международные нормы, придается несколько иное значение, в связи с чем подчеркивает обязательность их характера для всех органов государственной власти, в том числе судов, обязанных не только учитывать, но также выполнять и применять решения Европейского суда[673].

А.Р. Султанов, исходя из того, что ЕСПЧ руководствуется собственной прецедентной практикой и не связан субъектным составом прецедента[674], а его правовые позиции обязательны в части толкования и применения Конвенции, приходит к выводу о том, что игнорирование актов Европейского суда чревато выявлением новых нарушений Конвенции, и, следовательно, Россия должна принимать практику ЕСПЧ не только в отношении России, но и в отношении других стран, в том числе сформированную «по делам, рассмотренным до присоединения России к Конвенции»[675].

Панораму вышеизложенных научных взглядов следует дополнить тем, что даже сторонники признания общеобязательности правовых позиций ЕСПЧ, наличия у них «erga omnes эффекта»[676] зачастую не исключают права

---

[673] *Соловьева Т.В.* Постановления Верховного Суда РФ, Конституционного Суда РФ и Европейского суда по правам человека в сфере гражданского судопроизводства и порядок их реализации: монография / Под ред. О.В. Исаенковой. М.: Статут, 2011.

[674] Данный подход представляется единственно верным и возможным, соответствующим принципу правовой определенности, поскольку толкование положений Конвенции не должно находиться в зависимости от субъектного состава дела, рассматриваемого Судом. Однако данное положение вещей, само по себе, без учета воздействия иных факторов, не свидетельствует ни о правотворческом характере постановлений Европейского суда по правам человека, ни о том, что его акты являются источником (формой) российского гражданского процессуального права.

[675] *Султанов А.Р.* Европейские правовые стандарты, уроки истории и правоприменительная практика. М.: Статут, 2012. С. 271.

[676] «Erga omnes» в переводе с латинского «по отношению ко всем; для всех». – См.: *Латинские* термины в современном международном праве: Латинско-русский, Русско-латинский словарь / Н.В. Маршалок, И.Л. Ульянова. М.: Статут, 2015. С. 37.)

«Erga omnes эффект» – обязанность государств как субъектов международного права перед всем мировым сообществом, всеми его членами.– См.: *Черниченко С.В.* Взаимосвязь

национального государства правомерно отступать от обязательств по правовым позициям ЕСПЧ в рамках широкой свободы усмотрения, которой они пользуются на соответствующих правовых основаниях, закрепленных как в Конвенции, так и в самих правовых позициях ЕСПЧ[677]. Таким образом, вопросы о характере обязательности правовых позиций ЕСПЧ, об их правовой природе и о возможности их отнесения к источникам (формам) права остаются открытыми.

Однако, как мы отмечали выше, в юридической науке высказывается и противоположная точка зрения, базирующаяся во многих случаях либо на позитивистском подходе к пониманию права, либо на принципиальном скепсисе относительно возможности судебного правотворчества, но, тем не менее, отражающая, возможно, более реальный, более трезвый взгляд на процессы взаимодействия ЕСПЧ и отечественных судов и связанные с этим проблемы, возникающие в ходе исполнения и имплементации постановлений Европейского суда в российскую правовую систему.

Так, В.В. Ершов, исходя из ряда теоретических и правовых аргументов, озвучивает вывод: «"судебный прецедент" и "правовые позиции" судов не являются в России самостоятельными источниками права»[678]. Кроме того, данный автор обращает внимание на то, что, по его мнению, компетенция ЕСПЧ ограничена правом буквального толкования Конвенции. В процессе толкования «суд не творит новое право, а лишь уясняет существующее право для себя и разъясняет его для других». В случае с деятельностью Европейского суда – он

императивных норм международного права (jus cogens) и обязательств erga omnes // Московский журнал международного права. 2012. № 3(87). С. 10–13.

[677] См.: *Липкина Н.Н.* К вопросу об erga omnes эффекте правовых позиций Европейского Суда по правам человека // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 1 (102). С. 243–244.

[678] *Ершова Е.А., Ершов В.В.* Прецеденты толкования Европейского суда по правам человека // Антология научной мысли: к 10-летию Российской академии правосудия: сб. ст. / Отв. ред. В.В. Ершов, Н.А. Тузов. М.: Статут, 2008. С. 592–602.

также в процессе рассмотрения дел уясняет, более глубоко познает Конвенцию для себя и разъясняет содержание ее положений, ее суть для других. Согласно выводам автора, «федеральный законодатель также отнес постановления ЕСПЧ к разновидности индивидуальных судебных актов, а не к одной из форм международного права», которые однако должны учитываться в своей деятельности российскими органами государственной власти, местного самоуправления и другими лицами[679].

Аналогичный подход высказывают А.Х. Абашидзе и Е.С. Алисиевич, которые полагают, что функционирование Суда нацелено на толкование, с помощью которого он выражает свое отношение к рассматриваемой проблеме и вырабатывает правовые стандарты, но не прецеденты[680].

В.А. Туманов обращал внимание на то, что роль ЕСПЧ не следует преувеличивать и придавать его актам правотворческий характер, поскольку Европейский суд не вправе давать императивные указания независимому государству[681]. Далее, исследуя вопросы автономного толкования понятий в практике ЕСПЧ, В.А. Туманов оттеняет тот факт, что Суд толкует права, свободы и их гарантии очень свободно и расширительно, пользуясь возможностью «беспрепятственно корректировать и даже радикально изменять свои собственные прецеденты»[682]. В другой работе указанный автор вновь отмечает, что, несмотря на неоспоримое влияние практики Суда на национальные законотворчество и

---

[679] *Ершов В.В.* Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. С. 488–491.

[680] *Абашидзе А.Х., Алисиевич Е.С.* Право Совета Европы. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. М.: Международные отношения, 2007. С. 167–174.

[681] *Туманов В.А.* Европейский Суд по правам человека. Очерк организации и деятельности. М.: Норма, 2001. С. 47–48, 89.

[682] *Туманов В.А.* Автономное толкование понятий в практике Европейского Суда по правам человека // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2003. № 3. С. 78–84.

правоприменение, неверно рассматривать решения ЕСПЧ как обязательный прецедент для отечественных судов[683].

Л.Ф. Лесницкая, размышляя об основаниях пересмотра судебных постановлений по гражданским делам по новым обстоятельствам, приходит к выводу, что такой пересмотр в связи с вынесением ЕСПЧ решения должен быть увязан с тем конкретным решением, по которому заявитель обращался в Европейский суд, и это основание связано с конкретными судебными постановлениями по делу и не носит прецедентного характера ввиду того, что отечественная «система права не рассматривает судебные решения в качестве прецедента и соответственно не признает их источником права»[684].

В.А. Канашевский, подчеркивая недопустимость недооценки значения актов Европейского суда, безусловно отражающих общеевропейские юридические магистральные направления и тем самым влияющих на законодательство государств – участников Конвенции, в том числе и России, тем не менее на вопрос о том, относится ли судебный прецедент к источникам российского права, отвечает отрицательно, полагая, что результаты работы наднационального судебного учреждения не могут являться формой внутреннего права и, соответственно, не рассматривает решения ЕСПЧ как источник права[685].

М.Я. Любченко полагает верным отнесение решений Европейского суда к такому правовому феномену, как информационный прецедент, представляющий собой правило толкования, не являющееся самостоятельным источником права, но

---

[683] *Туманов В.А.* Европейский Суд по правам человека и Россия. Избранное. М.: Норма; ИНФРА-М, 2010. С. 699.

[684] *Лесницкая Л.Ф.* Некоторые проблемы пересмотра судебных постановлений в суде общей юрисдикции // Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов. М.: Статут, 2008. С. 356–376.

[685] *Канашевский В.А.* Прецедентная практика Европейского суда по правам человека как регулятор гражданских отношений в Российской Федерации // Журнал российского права. 2003. № 4. С. 125–126.

учитываемое при толковании конвенционных норм[686] и наиболее точно, по его мнению, характеризующийся как «мягкое право», которое способно влиять на субъектов правоотношений в силу высокого авторитета органа, принявшего соответствующий акт, а также убедительности и логичности его аргументов[687].

Б.Л. Зимненко, исходя из того, что Европейский суд при рассмотрении дела вправе только установить факт нарушения государством-ответчиком Конвенции или Протоколов к ней и в случае выявления такого нарушения присудить заявителю справедливую компенсацию, относит решения и постановления ЕСПЧ к результатам не правотворческой, а правоприменительной деятельности, не содержащим каких-либо правовых норм, что не позволяет, по его мнению, «обоснованно говорить о существовании прецедентного права Суда»[688].

М.Н. Марченко, справедливо, на наш взгляд, критикуя деятельность ЕСПЧ за его чрезмерную политизированность и отражение в его актах исключительно западного понимания прав и свобод, обращает внимание на то, что вопрос о включении решений Суда в правовую систему России остается открытым и его следует рассматривать, учитывая разнообразие взглядов на понятие прецедента. Все решения ЕСПЧ, вынесенные по конкретным делам, утверждает автор, можно рассматривать как прецедент только в «бытовом» смысле, воспринимая их в качестве полезного примера, который юридически ни к чему не обязывает лиц, не выступавших стороной по делу[689].

---

[686] *Любченко М.Я.* Постановления Европейского суда по правам человека – источник гражданского процессуального права России? // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 2. С. 4.

[687] *Любченко М.Я.* Постановления Европейского суда по правам человека как «мягкое право» (soft law) // Вестник гражданского процесса. 2017. № 3. С. 256–270.

[688] *Зимненко Б.Л.* Международное право и правовая система РФ. М.: Статут, РАП, 2006. С. 307.

[689] *Марченко М.Н.* Юридическая природа и характер решений Европейского суда по правам человека // Государство и право. 2006. № 2. С. 11–19.

После обзора теоретических воззрений и выводов о месте и роли решений ЕСПЧ в российской правовой системе полагаем уместным обратить внимание на то значение, которое придается исследуемым актам Европейского суда по правам человека высшими судебными органами России.

Так, Конституционный Суд РФ довольно часто ссылается на решения ЕСПЧ[690], указывая, что решения последнего выступают составной частью отечественной правовой системы в той части, в которой в них толкуется содержание закрепленных в Конвенции прав и свобод[691], а также в той степени, в которой они выражают общепризнанные принципы и нормы международного права[692], соответственно, необходимо согласование понимания той или иной нормы с решениями ЕСПЧ[693].Однако, мы хотим отметить, что включенность в состав национальной правовой системы вовсе не тождественна включению в национальную систему источников (форм) права.

Даже беглый обзор практики Верховного Суда Российской Федерации позволяет заметить, что в своих решениях и определениях он неоднократно ссылается на решения ЕСПЧ[694]. Кроме того, в ряде постановлений Пленума ВС РФ

---

[690] См.: *Зорькин В.Д.* Конституцию надо менять лишь тогда, когда ее уже нельзя не менять // Закон. 2006. № 11. С. 95–97.

[691] По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижнекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 5.02 2007 г. № 2-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2007. № 3.

[692] См.: *Зорькин В.Д.* Интеграция европейского конституционного пространства: вызовы и ответы // Журнал российского права. 2006. № 12. С. 19.

[693] По делу о проверке конституционности пункта 1 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Альбатрос»: постановление Конституционного Суда РФ от 6.07.2018 г. № 29-П // Собрание законодательства РФ. 2018. № 29. Ст. 4529.

[694] См., например: Определение Верховного Суда РФ от 4.04.2016 г. № 25-КГ16-3; Определение Верховного Суда РФ от 24.07.2017 г. № 46-КГ17-24; Решение Верховного Суда РФ от 29.03.2018 г. по делу № АКПИ18-259 // СПС КонсультантПлюс.

нижестоящим судам даются указания относительно необходимости принимать во внимание практику ЕСПЧ, а также учитывать его правовые позиции при отправлении правосудия по гражданским делам[695]. Так, в Постановлении «О судебном решении» указывается, что судам наряду с законом, которым они руководствовались, и постановлениями высших судебных органов Российской Федерации следует учитывать постановления ЕСПЧ, в которых дано толкование положений Конвенции, подлежащих применению в рассматриваемом деле, однако в какой мере учитывать и воспринимать их в качестве правового феномена, какого типа – не указывается.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» отмечается, что, поскольку Россия признает юрисдикцию ЕСПЧ обязательной, применение судами Конвенции должно осуществляться с учетом практики Европейского суда, окончательные постановления которого «являются обязательными для всех органов государственной власти Российской Федерации, в том числе и для судов». Кроме того, суды должны содействовать обеспечению исполнению российским государством обязательств, вытекающих из ЕКПЧ, в том числе путём вынесения частных определений в адреса организаций и должностных лиц, в случае выявления нарушения прав и свобод, гарантированных Конвенцией.

И наконец, в п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав

---

[695] См., например: О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 г. № 11 // Российская газета. 2016. № 260; О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 г. № 3 // Российская газета. 2005. № 50.

человека и основных свобод от 4.11.1950 г. и Протоколов к ней»[696] прямо говорится об обязательности для судов правовых позиций ЕСПЧ, которые содержатся в его окончательных постановлениях, принятых в отношении Российской Федерации. При этом Верховный Суд РФ, как пишет Л.А. Терехова, «исходит из того, что судьи должны знать Конвенцию и практику ее применения»[697]. Что же касается правовых позиций ЕСПЧ, содержащихся в его актах, принятых в отношении иных государств, то прямого указания об их обязательности в Постановлении Пленума ВС РФ не имеется, однако отмечается, что эти позиции должны учитываться судами.

Данный подход со стороны российских высших судов, по нашему мнению, дает полное основание полагать, что на сегодняшний день применение норм, содержащихся в разделе I ЕКПЧ, а также норм Протоколов Конвенции должно осуществляться с учетом их толкования, содержащегося в решениях Европейского суда, тем не менее однозначно обязательный характер имеют далеко не все решения ЕСПЧ, а только принятые в отношении России.

Такое свойство источника права, как обязательность, является лишь одним из необходимых признаков источника права в значении формы права, но не единственным. Обязательностью обладают многие правовые феномены. Так, например, согласно ч. 2 ст. 13 ГПК «вступившие в законную силу судебные постановления, а также законные распоряжения, требования, поручения, вызовы и обращения судов являются обязательными для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, граждан, организаций и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации», однако законодательное закрепление их обязательности как акта применения права и наличие механизма его принудительного исполнения не делает указанные

---

[696] Российская газета. 2013. № 145.

[697] *Терехова Л.А.* Новые и вновь открывшиеся обстоятельства в гражданском и административном судопроизводстве: монография. Москва: Проспект, 2017. // СПС КонсультантПлюс

судебные акты источником (формой) права. Рассуждая подобным образом, мы придем к выводу, что самого по себе признания обязательности решений Европейского суда недостаточно для отнесения их к источникам (формам) гражданского процессуального права, тем более что из вышеизложенного не следует неизбежное и однозначное признание обязательности решений ЕСПЧ именно в этом качестве, а не как правоприменительных, индивидуальных актов.

В связи с этим следует обратить внимание на то, какое значение для России, для ее правовой системы, имеют ординарные постановления ЕСПЧ по конкретным делам.

Для этого можно обратиться, например, к вынесенному Европейским судом 17.01.2008 г. Постановлению по делу Рякиба Бирюкова, в котором ЕСПЧ (в период действия ГПК РСФСР) установил, что объявление судами первой и кассационной инстанций в судебных заседаниях только резолютивных частей своих постановлений по делу заявителя, при отсутствии обеспечения публичности решения какими-либо иными средствами, нарушает «контроль со стороны общественности за деятельностью судебных органов с целью обеспечения права на справедливое судебное разбирательство», в связи с чем в деле заявителя «имело место нарушение пункта 1 Статьи 6 Конвенции в части несоблюдения властями Российской Федерации требования публичного объявления судебных решений»[698].

Таким образом, Европейский суд выявил действительно серьезную проблему[699], присутствовавшую в российском правовом регулировании. Корнем данной проблемы, существовавшей до сравнительно недавнего времени в отечественном процессуальном законодательстве, являлось противоречие между

---

[698] Дело «Рякиб Бирюков (Ryakib Biryukov) против Российской Федерации» (жалоба № 14810/02): постановление ЕСПЧ от 17.01.2008 г. // Российская хроника Европейского Суда. 2009. № 1.

[699] На наш взгляд, нельзя отрицать, что гласность, публичность судебного разбирательства защищает не только тяжущиеся стороны, но и все общество от тайного правосудия, что особенно важно для России, имевшей соответствующий, весьма печальный опыт в первой половине XX в. Гласность, публичность, открытость правосудия, без которых невозможно существование демократического общества, не только поддерживают доверие общества к судам, судебной системе, но и способствуют отправлению справедливого правосудия, соблюдению надлежащей судебной процедуры, выступают гарантией принципа законности.

принципом гласности гражданского судопроизводства (ст. 9 ГПК РСФСР, ст. 10 ГПК РФ), включающим принцип публичности судебного разбирательства, что корреспондирует п. 1 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, с одной стороны, и положениями гражданского процессуального законодательства (ст. 203, 213 ГПК РСФСР, ст. 199, 214 ГПК РФ), предусматривающими возможность оглашения только резолютивной части решения, а также ранее действовавшими инструкциями по судебному делопроизводству (п. 181, 184 Временной Инструкции по делопроизводству в районном суде[700], п. 16.1, 16.4 временной Инструкции по делопроизводству в верховных судах республик, краевых и областных судах, судах городов федерального значения, судах автономной области и автономных округов[701], п. 12.1, 12.4 Инструкции по делопроизводству в районном суде[702], п. 12.6 Инструкции по судебному делопроизводству в верховных судах республик, краевых и областных судах, судах городов федерального значения, судах автономной области и автономных округов[703]), которые фактически ограничивали круг лиц, имеющих право на ознакомление с полным текстом решения, лицами, участвующими в деле, и лицами, права и законные интересы коих были нарушены судебными актами, т.е. исключали возможность ознакомления общественности, публики с такими судебными постановлениями по гражданским делам, с другой стороны.

Таким образом, несмотря на действующий в российском гражданском судопроизводстве принцип гласности, по значительной части гражданских дел,

---

[700] Об утверждении Временной Инструкции по делопроизводству в районном суде: приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29.01.1999 г. № 8 // СПС КонсультантПлюс.

[701] Об утверждении временной Инструкции по делопроизводству в верховных судах республик, краевых и областных судах, судах городов федерального значения, судах автономной области и автономных округов: приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.1999 г. № 169 // СПС КонсультантПлюс.

[702] Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде: приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29.04.2003 г. № 36 // Российская газета. 2004. № 246.

[703] Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в верховных судах республик, краевых и областных судах, судах городов федерального значения, судах автономной области и автономных округов: приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 15.12.2004 г. № 161 // СПС КонсультантПлюс.

рассматриваемых судами общей юрисдикции, в открытом судебном заседании объявлялась только резолютивная часть решения, полный текст которого изготавливался позднее и ознакомиться с ним мог только крайне ограниченный круг лиц. В результате данной коллизии общество не имело возможности узнать о содержании полного текста ряда судебных решений по гражданским делам, и мотивы (как фактические, так и правовые), по которым суд пришел к тому или иному решению по конкретному делу, выводились из-под общественного контроля.

Впоследствии, несмотря на принятие Федерального закона от 22.12.2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», предусматривающего размещение текстов решений российских судов в Интернете для всеобщего сведения, Европейский суд вновь обратился к этой проблеме в деле «Малмберг и другие (Malmberg and Others) против Российской Федерации». В данном деле власти России признали применимость выводов по делу «Рякиб Бирюков против Российской Федерации» к рассматриваемому делу, но в то же время обратили внимание Европейского суда на то, что нарушения по делам заявителей допущены до вступления в силу Федерального закона от 22.12.2008 г. № 262-ФЗ (введен в действие с 1.07.2010 г.), на принятие которого и введение в действие потребовалось «довольно много времени». Рассмотрев жалобы, ЕСПЧ 15.01.2015 г. принял постановление, в котором установил в деле Малмберг и других заявителей нарушения Конвенции[704], аналогичные выявленным в деле «Рякиб Бирюков против Российской Федерации», но допущенные уже в период действия ГПК РФ.

Таким образом, Российская Федерация к моменту рассмотрения данного дела ЕСПЧ приняла закон, устраняющий возможность нарушения Конвенции, привела внутреннее гражданское процессуальное законодательство в соответствие с ЕКПЧ, а Европейский суд в деле Малмберг и других лишь признал, что в прошлом имело

---

[704] Дело «Малмберг и другие (Malmberg and Others) против Российской Федерации» (жалобы № 23045/05, 21236/09, 17759/10 и 48402/10): постановление ЕСПЧ от 15.01.2015 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. № 5.

место нарушение прав граждан. Тем самым ЕСПЧ, как нам представляется, явно продемонстрировал правоприменительный характер своих решений.

Безусловно, постановления ЕСПЧ по делам «Рякиб Бирюков против Российской Федерации» и «Малмберг и другие против Российской Федерации» высветили серьезную проблему, существовавшую в отечественном гражданском судопроизводстве, и первое из них, видимо, способствовало ее устранению, выступив побудительной силой к принятию Федерального закона от 22.12.2008 г. № 262-ФЗ.

Но выступили ли данные постановления Европейского суда источником (формой) права? Ввели ли они дополнительные меры, направленные на обеспечение, восполнение публичности судебного разбирательства по гражданским делам при оглашении только резолютивной части решения? Стали ли формой внешнего выражения норм, регулирующих такой порядок? Представляют ли они сами по себе правило поведения, ставшее обязательным для российских судов общей юрисдикции и иных субъектов гражданских процессуальных правоотношений? На все поставленные вопросы следует ответить отрицательно и, рассматривая вопрос о значении решений Европейского суда для отечественной правовой системы, следует разграничивать их значение как актов индивидуального характера, в каковом качестве они и являются обязательными, и значение как правового регулятора, как источника (формы) права.

Принятие Европейским судом указанных постановлений не привело ни к отказу от установленного ст. 199 ГПК РФ правила, допускающего объявление только резолютивной части решения, ни к обязательному размещению текстов российских судебных решений для всеобщего сведения. Более того, если реально смотреть на вещи, и не могло привести к подобному результату. Благое пожелание, «не дожидаясь изменения национальных законов, применять нормы международного права, в том числе в толковании, данном ЕСПЧ»[705], на практике, по нашему мнению, не может быть реализовано в сфере гражданского

---

[705] См.: *Султанов А.Р.* Европейские правовые стандарты, уроки истории и правоприменительная практика. С. 286.

судопроизводства без прямого, эксплицитного закрепления на уровне не ниже федерального закона статуса актов Европейского суда как источника (формы) гражданского процессуального права.

Тем не менее, указанные постановления побудили власти Российской Федерации к принятию мер по совершенствованию национального законодательства, нацеленных на ликвидацию выявленной ЕСПЧ коллизии. Для решения обнаруженной Европейским судом проблемы потребовалось создание нового внутреннего источника (формы) права – Федерального закона от 22.12.2008 г. № 262-ФЗ. Подобные меры, служащие предупреждению аналогичных нарушений, совершенно необходимы и обязательны, тем более что в делах Рякиба Бирюкова, Малмберг и других были нарушены не только положения Конвенции, но и, в первую очередь, положения внутреннего гражданского процессуального законодательства, закрепляющие действие принципа гласности судебного разбирательства в отечественном судопроизводстве. Но обязательны не в значении юридической обязательности, предусматривающей возможность применения к лицу, не исполнившему такую обязанность, мер ответственности, а в значении моральной обязанности, обусловленной собственным стремлением создать более совершенную судебную систему, обязанности государства «принимать все доступные меры для создания внутреннего и международного порядка, необходимого для полного осуществления прав и свобод граждан, предусмотренных конституцией»[706].

Мы думаем, что именно здесь будет уместно возвратиться к тому обстоятельству, что ЕСПЧ по результатам рассмотрения жалоб принимает одно из двух видов решений: ординарные постановления по конкретным делам, нацеленные на защиту обратившегося в Европейский суд лица, и так называемые пилотные постановления, в которых, кроме всего прочего, как справедливо отмечает О.В. Зайцев, содержатся «нормативные» предписания государству-ответчику и целью принятия которых «является содействие скорейшему и

---

[706] См.: *Василевич Г.А.* Указ. соч. С. 5–13.

наиболее эффективному устранению сбоев, затрагивающих права человека, а также побуждение государства-ответчика к разрешению индивидуальных дел, вытекающих из той же структурной проблемы на национальном уровне»[707].

Т.Н. Нешатаева расценивает эти два вида окончательных постановлений Суда как «два предельно различающихся вида прецедента: жесткий и мягкий», относя к первым «пилотные постановления», которые принимаются «по вопросам нарушения основополагающих (естественных) прав человека, затрагивающих широкие круги населения» и которыми ЕСПЧ обязывает государство-ответчика «применить системные меры по предотвращению нарушения основных прав, поменять норму права таким образом, как указывается решением международного суда». Следовательно, «мягкий прецедент», по ее мнению, предполагает восстановление прав заявителя путем выплаты ему компенсации и не содержит требований об изменении закона, в то время как «жесткий прецедент» дополнительно предписывает государству-ответчику изменить национальное законодательство, создать новое позитивное правовое регулирование, соответствующее ЕКЧП в толковании, данном Европейским судом[708]. Нам представляется, что логика таких рассуждений подтверждает наш вывод об отсутствии у ординарных постановлений или «мягкого прецедента», в терминологии Т.Н. Нешатаевой, свойств источника права.

По мнению других ученых, появление «пилотных постановлений» обусловлено намерением Европейского суда решить внутренние организационные проблемы, связанные с непомерной нагрузкой, возникшей в результате

---

[707] *Зайцев О.В.* Роль судебных решений (прецедентов) и судебной практики в регулировании общественных отношений. С. 112, 130.

[708] *Нешатаева Т.Н.* Решения Европейского суда по правам человека: новеллы и влияние на законодательство и правоприменительную практику; *Дьяченко Е.Б., Мысливский П.П., Нешатаева Т.Н.* Евразийская интеграция: роль Суда / Под ред. Т.Н. Нешатаевой. М.: Статут, 2015.

поступления огромного числа жалоб, многие из которых являются однотипными[709]. Для достижения этой цели ЕСПЧ счел возможным предписывать суверенным государствам действия по изменению национальных правовых актов, тем самым, как отмечает М.Я. Любченко, вышел за пределы своих полномочий, определенных Конвенцией[710]. Действительно, обратившись к анализу положений Конвенции, определяющих статус Европейского суда, мы увидим, что согласно ст. 46 ЕКПЧ государства – участники Конвенции обязаны исполнять окончательные постановления Европейского суда, вынесенные по тем делам, в которых они являются сторонами, однако ст. 32 ЕКПЧ относит к ведению ЕСПЧ вопросы толкования и применения Конвенции, но не национального законодательства стран – участниц Конвенции, поэтому утверждение о превышении Европейским судом своей компетенции при вынесении «пилотных постановлений» представляется не лишенным оснований.

На наш взгляд, именно обратив внимание на судьбу «пилотных постановлений» ЕСПЧ, на исполнение и восприятие российским государством «жесткого прецедента», можно попытаться решить вопрос о характере и степени обязательности его решений, уяснить, насколько слова о признании юрисдикции Европейского суда обязательной соответствуют понятию юридической обязанности, дающейся в учебниках по теории государства и права[711], как меры должного (обязанного) поведения участника правоотношения, обеспеченной возможностью применения принуждения, а насколько – понятию обязанности

---

[709] См.: *Buyse A.* The Pilot Judgment Procedure at the European Court of Human Rights: Possibilities and Challenges // Greek Law Journal. 2009. № 57. P. 1890–1902.

[710] *Любченко М.Я.* Постановления Европейского суда по правам человека как «мягкое право» (soft law). С. 256–270.

[711] См.: *Цечоев В.К., Швандерова А.Р.* Указ. соч.; *Мелехин А.В.* Теория государства и права: учебник. М.: Маркет ДС, 2007; *Конституционное* право: университетский курс: учебник: В 2 т. / С.В. Арбузов, Т.В. Бережная, И.А. Володько и др.; под ред. А.И. Казанника, А.Н. Костюкова. М.: Проспект, 2015. Т. 1.

нравственной, моральной (если употребление этих слов допустимо в отношении государства), обязанности, возложенной на себя самостоятельно и исполняемой добровольно, связанной с собственной убежденностью в правильности именно такого поведения или проистекающей из господствующих в обществе морально-этических установок.

В качестве одного из примеров успешной реализации «пилотного постановления» можно привести Постановление ЕСПЧ от 15.01.2009 г. по делу «Бурдов (Burdov) против Российской Федерации (№ 2)» (жалоба № 33509/04)[712]. Рассмотрев дело, Европейский суд, в том числе, решил, что российские власти должны «ввести эффективное внутреннее средство правовой защиты», которое бы обеспечивало адекватную и достаточную компенсацию за неисполнение (несвоевременное исполнение) судебных постановлений. Ранее ЕСПЧ неоднократно в своих ординарных постановлениях устанавливал факты нарушения российскими судами права граждан на судебное разбирательство в разумные сроки, а также права на своевременное исполнение судебных решений и констатировал отсутствие эффективных внутригосударственных средств правовой защиты, могущих обеспечить адекватное и достаточное возмещение ущерба в связи с длительным неисполнением судебных постановлений[713]. Однако именно принятие Постановления по делу Бурдова побудило отечественного законодателя принять федеральные законы от 30.04.2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (далее – закон «О компенсации за нарушение

---

[712] Российская хроника Европейского суда // Приложение к «Бюллетеню Европейского суда по правам человека». Специальный выпуск. 2009. № 4. С. 79–106.

[713] Практика Европейского суда по правам человека за 2009 – 2010 годы по делам в отношении Российской Федерации в связи с нарушением права на разумные сроки судебного разбирательства и/или исполнение судебного решения в разумные сроки // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 3. С. 28–40.

права на судопроизводство в разумный срок») и от 30.04.2010 г. № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»[714], которыми впервые в российской истории было закреплено право участников судебных процессов на получение денежной компенсации за необоснованно продолжительное рассмотрение и разрешение дел с их участием или необоснованно длительное исполнение судебных актов и определен процессуальный порядок реализации указанного права.

Однако уже 23.12.2010 г. сфера действия закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок» была ограничена совместным Постановлением Пленумов ВС РФ и ВАС РФ[715]. Компенсация взыскивалась за неисполнение государством только тех судебных актов, которые возлагали на государство обязанность производить денежные выплаты из бюджета. В результате, как отмечает А.И. Ковлер, «эффект Закона о компенсациях оказался половинчатым, ибо не защищал права граждан, в отношении которых государство не исполняло так называемые обязательства «в натуре», а это квартиры льготникам и военнослужащим, инвалидные коляски и специальный транспорт для инвалидов, услуги ЖКХ и т.д.»[716], что в итоге привело к принятию нового «пилотного постановления» ЕСПЧ.

Этим постановлением явилось Постановление ЕСПЧ от 1.07.2014 г. «Герасимов и другие (Gerasimov and Others) против Российской Федерации»

---

[714] Собрание законодательства РФ. 2010. № 18. Ст. 2145.

[715] О некоторых вопросах, возникших при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок: постановления Пленума Верховного Суда РФ № 30, Пленума ВАС РФ № 64 от 23.12.2010 г. // Российская газета. 2011. № 5.

[716] *Ковлер А.И.* Герасимов и другие против России – новое «пилотное постановление» Европейского суда // Международное правосудие. 2014. № 3. С. 3–10.

(жалобы № 29920/05, 3553/06, 18876/10, 61186/10, 21176/11, 36112/11, 36426/11, 40841/11, 45381/11, 55929/11, 60822/11)[717], согласно которому Россия обязывалась учредить такие эффективные внутригосударственные «средства правовой защиты, которые обеспечат адекватное и достаточное возмещение за неисполнение или несвоевременное исполнение внутригосударственных судебных решений, предусматривающих исполнение обязательств в натуре государственными органами». В целях исполнения указанного Постановления ЕСПЧ был принят Федеральный закон от 19.12.2016 г. № 450-ФЗ[718], содержащий положения, прямо предписывающие выплату указанного возмещения за неисполнение обязательств в натуре государственными органами, т.е. внутреннее законодательство было приведено в соответствие с принципами ЕКПЧ в той трактовке, которую давал им Европейский суд.

В данных случаях указания ЕСПЧ, его «нормативные предписания», содержащиеся в «пилотных постановлениях», послужили основой для изменения федерального законодательства, в том числе законодательства о гражданском судопроизводстве, и, безусловно, указанные постановления Европейского суда выступили в качестве значимых источников гражданского процессуального права, но источников в значении побудительной силы[719] для законодателя, источников права в значении материалов, послуживших основой для изменения отечественного законодательства. Однако на вопрос о том, явились ли указанные «пилотные постановления» источниками российского гражданского

---

[717] Бюллетень Европейского суда по правам человека. (Российское издание.) 2014. № 11. С. 104–137.

[718] О внесении изменений в Федеральный закон «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» в части присуждения компенсации за нарушение права на исполнение в разумный срок судебного акта, предусматривающего исполнение государством требований имущественного и (или) неимущественного характера: Федеральный закон от 19.12.2016 г. № 450-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 52 (Часть V). Ст. 7499.

[719] Характер действия этой побудительной силы, ее обязательность для России в юридическом смысле слова, способность принудить государство-ответчика к исполнению в данном случае не имеют значения, ибо, на наш взгляд, требование ЕСПЧ совпало с интересами российского общества и соответствовало парадигме развития отечественной правовой системы, что привело к добровольному восприятию данного Европейским судом толкования принципов ЕКПЧ.

процессуального права в значении формы права, следует ответить отрицательно. Дело в том, что ни само решение ЕСПЧ по делу Бурдова, ни содержащиеся в нем правовые позиции не были имплементированы в отечественную правовую систему, не применялись судами непосредственно, в отличие от вышеуказанного совместного Постановления Пленумов ВС РФ и ВАС РФ № 30/64, новое правило поведения, регулирующее порядок выплаты компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок, в том виде, как оно понималось ЕСПЧ, не было создано, что в итоге и привело к принятию Европейским судом Постановления от 1.07.2014 г. по делу Герасимова и других.

Некоторые российские суды, обосновывая свои позиции ссылками на ЕКПЧ и практику ЕСПЧ, пытались толковать закон «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок» расширительно, как предусматривающий право на компенсацию за несвоевременное исполнение любого решения против государства, в том числе решения о присуждении обязанности в натуре, однако такие судебные решения неизменно отменялись высшими судебными инстанциями. В пресс-релизе ЕСПЧ отмечалось: «Прогрессивные толкования Закона о компенсации в свете Конвенции не имеют ни малейших шансов преобладать над устоявшейся практикой Верховного Суда, который отменяет такие решения нижестоящих судов как не соответствующие закону»[720], т.е. эти постановления, оказав влияние на процесс создания новых норм права, все-таки не стали внешней формой их выражения, и вряд ли теоретически верно рассматривать их как прецедент, тем более жесткий.

В связи с чем следует отметить справедливость утверждений В.В. Комарова, обращающего внимание на отсутствие у ЕСПЧ и Комитета министров Совета Европы возможностей принуждения государств к применению тех или иных мер

---

[720] Цит по: *Ковлер А.И.* Герасимов и другие против России …С. 3–10.

общего характера – изменению национального законодательства и общей практики его применения, невзирая на усиление механизма реализации решений Европейского суда в Протоколе № 14 Конвенции, предусмотревшем возможность рассмотрения ЕСПЧ дел, касающихся невыполнения собственных решений (перевод мой)[721].

Таким образом, по нашему мнению, сам факт существования пилотных постановлений свидетельствует о том, что обычное постановление – это сигнал Европейского суда российскому государству о наличии проблем в законодательстве либо правоприменительной практике. В случае если государство своевременно не отреагировало на этот сигнал, то следующий шаг ЕСПЧ – принятие пилотного постановления, которое более настойчиво, чем ординарное, побуждает государство к устранению нарушений Конвенции, как правило, путем принятия акта, изменяющего внутреннее право, каковой акт и станет источником (формой) права. Кроме того, следует учитывать, что Европейский суд своим постановлением (в отличие от Конституционного Суда РФ) не устраняет дефектную норму из российской правовой системы, а только констатирует нарушение права, и, в необходимых случаях, присуждает денежную компенсацию заявителю. В результате в качестве источника в значении формы права пилотные постановления ЕСПЧ отечественной судебной системой не воспринимаются и не действуют непосредственно, без чего и нельзя вести речь о восприятии их в этом качестве российской правовой системой.

Следовательно, для того чтобы рассматривать пилотные постановления ЕСПЧ в качестве источника (формы) гражданского процессуального права, существует еще менее оснований, чем для отнесения к источникам ординарных постановлений. Наличие же в отдельных судебных решениях ссылок на постановления и правовые позиции ЕСПЧ объясняется не их признанием в качестве источника (формы) права, а убедительностью содержащегося в них толкования Конвенции для судей, разрешающих конкретные гражданские споры.

---

[721] *Курс* цивільного процессу: підручник / В.В. Комаров, В.А. Бігун, В.В. Баранкова та ін.; за ред. В.В. Комарова. Харків: Право, 2011. С. 63.

Кроме проблем с определением типа, уровня и пределов обязательности решений Европейского суда, во многом обусловливающих фактическое неприятие отечественной судебной системой в частности и российской правовой системой в целом исследуемого правового феномена в качестве источника (формы) права, следует отметить еще ряд объективных препятствий отнесения их к источникам (формам) права.

В качестве первого препятствия следует назвать то обстоятельство, что сама Конвенция, равно как и внутреннее законодательство, включая и закон о ее ратификации, не дают четкого ответа на вопрос о правовой природе решений ЕСПЧ, об их характере. Как отмечает В.В. Комаров, Совет Европы, в принципе, воздерживается от определенного, четкого урегулирования последствий принятия решений Европейским судом (перевод мой)[722]. Можем отметить, что ни из содержания ЕКПЧ, ни из Регламента Европейского суда, ни из других актов невозможно сделать однозначный вывод о том, что решения ЕСПЧ представляют собой правовой феномен, обязательность которого рассчитана на неоднократное применение в отношении неопределенного круга лиц, либо являются актами исключительно индивидуального характера, обязательными к применению в отношении конкретных заявителей по конкретным жалобам.

Это обстоятельство существенно отличает акты Европейского суда от актов Конституционного Суда РФ, полномочия которого четко закреплены в Конституции Российской Федерации, предусматривающей в частности (ч. 6 ст. 125), что признанные неконституционными законы, другие нормативные правовые акты или отдельные их положения утрачивают силу, а международные договоры не подлежат введению в действие и применению. Поэтому мы не можем

---

[722] См.: *Позовне* провадження: монографія / В.В. Комаров, Д.Д. Луспеник, П.І. Радченко та ін.; за ред. В.В. Комарова. Харьков: Право, 2011. С. 36.

согласиться с теми авторами, которые ставят решения ЕСПЧ на один уровень с решениями Конституционного Суда РФ.

Более того, в актах Европейского суда, помимо вышеупомянутых нами утверждений об их обязательности и прецедентном характере[723], можно обнаружить указания на то, что в задачу Суда входит именно установление фактов нарушения в отношении заявителей положений Конвенции, а не абстрактный контроль над примененным национальным законодательством[724], и, как мы продемонстрировали выше, даже «пилотные постановления» сами по себе не создают новых правил поведения, а лишь инициируют процесс их появления, что также затрудняет безоговорочное отнесение постановлений ЕСПЧ к источникам (формам) права.

Далее следует отметить, что и национальное законодательство не дает оснований для отнесения решений ЕСПЧ к источникам (формам) права. В п. 4 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ речь идет о возможности пересмотра «конкретного дела, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в ЕСПЧ».

Мы ранее, в том числе ссылками на п. 3 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, обосновывали принадлежность решений Конституционного Суда РФ к уже фактически существующим источникам (формам) отечественного гражданского процессуального права. Предвосхищая обвинения в непоследовательности и иные контраргументы, считаю необходимым обратить внимание на следующее: указанная норма относит признание примененного в конкретном деле закона неконституционным к числу новых обстоятельств, служащих основанием для пересмотра решения по делу, по которому заявитель обращался в Конституционный Суд; и действительно, эта норма по своей сути аналогична

---

[723] См., например: п. 137 Дело «Полякова и другие (Polyakova and Others) против Российской Федерации» (жалоба № 35090/09 и три других): постановление ЕСПЧ от 7.03.2017 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2018. № 8.

[724] См.: Дело «Бацанина (Batsanina) против Российской Федерации» (жалоба N 3932/02): постановление ЕСПЧ от 26.05.2009 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2010. № 2; Дело «Королев (Korolev) (№ 2) против Российской Федерации» (жалоба № 5447/03): постановление ЕСПЧ от 1.04.2010 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2010. № 10.

норме, содержащейся в п. 4 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ, который к новым обстоятельствам относит установление Европейским судом нарушения Конвенции. Согласимся, что и в том, и в другом случае при буквальном толковании этих норм речь идет о пересмотре одного, конкретного, дела.

Однако необходимо учитывать, что к выводу относительно наличия свойств и признаков источника (формы) гражданского процессуального права у решений Конституционного Суда РФ нас привела не одна только эта норма, а целый ряд изложенных в третьей главе настоящей работы правовых и логических оснований. В числе таких правовых оснований, например, следует вновь упомянуть положения ст. 79 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», а именно ее абзаца третьего, согласно которому судебные решения, основанные на признанном неконституционным законе, не подлежат исполнению, а в предусмотренных законом случаях должны быть пересмотрены. Кроме того, необходимо учитывать содержание четвёетого абзаца этой статьи, согласно которому отечественные суды не вправе руководствоваться законом (нормативным актом), признанным постановлением Конституционного Суда РФ не соответствующим Конституции РФ, и не вправе при отправлении правосудия истолковывать такой закон иначе, чем Конституционный Суд РФ.

В результате же принятия Европейским судом постановления, в котором удовлетворяется жалоба заявителя, наступают совершенно иные последствия. Как совершенно справедливо в данном случае отмечает А.Р. Султанов, «если ЕСПЧ устанавливает, что нормативные акты не соответствуют Конвенции, – это не влечет их автоматической дисквалификации»[725], в то время как признание нормативного правового акта не соответствующим Конституции Российской Федерации, бесспорно, дисквалифицирует этот акт, исключает его из правового поля.

Более того, основной задачей Европейского суда является установление факта нарушения конвенционного права определенного гражданина в конкретномслучае и восстановление этого права. Тогда как для Конституционного

---

[725] *Султанов А.Р.* Европейские правовые стандарты, уроки истории и правоприменительная практика. С. 283.

Суда РФ нарушение права определенного гражданина в конкретном деле – это скорее повод для возбуждения производства по делу в порядке конкретного нормоконтроля, в котором будет решен вопрос о конституционности либо неконституционности нормы, а в необходимых случаях выявлен ее конституционно-правовой смысл.

Данные обстоятельства не дают оснований уравнивать решения Европейского суда с постановлениями Конституционного Суда РФ, несмотря ни на присущее им свойство обязательности, ни на наличие в ГПК РФ п. 4 ч. 4 ст. 392.

Кроме того, как следует из положений ст. 46 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, понимаемых с учетом принятой 19.01.2000 г. Рекомендацией Комитета министров Совета Европы № R (2000) 2[726], не всякое нарушение Конвенции, выявленное ЕСПЧ, влечет пересмотр судебных постановлений. В качестве основных условий, необходимых для пересмотра решения национального суда, Л.А. Терехова выделяет: «1) грубые процессуальные нарушения, влекущие сомнения по поводу обоснованности результата судебного разбирательства; 2) нарушения, имеющие серьезные последствия для заявителя, которые не могут быть устранены присуждением денежной компенсации»[727].

Верховный Суд РФ, рассматривая возможность пересмотра российских судебных актов в связи с принятием решения ЕСПЧ в п. 17 Постановления Пленума от 27.06.2013 г. № 21 разъясняет, что такой пересмотр возможен, «если заявитель продолжает испытывать неблагоприятные последствия такого акта» и его нарушенные права и свободы не восстановлены. Наряду с этим необходимо одновременное наличие одного из следующих условий: решение суда, о пересмотре которого ставится вопрос, противоречит Конвенции по существу; российским судом допущено нарушение ЕКПЧ процессуального характера,

---

[726] По пересмотру дел и возобновлению производства по делу на внутригосударственном уровне в связи с решениями Европейского суда по правам человека (Вместе с Пояснительной запиской к Рекомендации) (Принята 19.01.2000 г. на 694-м заседании представителей министров): рекомендация N R (2000) 2 Комитета министров Совета Европы // Журнал российского права. 2000. № 9. С. 61–64.

[727] *Терехова Л.А.* Место Европейского Суда по правам человека в механизме судебной защиты гражданских прав // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2014. № 1 (38). С. 95.

которое ставит под сомнение результаты рассмотрения дела. При этом, решая вопрос о пересмотре, судам необходимо учитывать причинно-следственную связь между нарушением Конвенции и «неблагоприятными последствиями, которые продолжает испытывать заявитель».

Поэтому, исходя из указанных положений, справедливым представляется умозаключение о том, что постановления ЕСПЧ следует рассматривать как обязательные акты индивидуального характера, но не как акты, рассчитанные на неоднократное применение и устанавливающие правила поведения для неопределенного круга лиц.

Помимо этого, следует учитывать, что в результате периодического появления противоречий между сложившимся, устоявшимся пониманием прав и свобод в российской национальной правовой системе и осознанной необходимостью защиты суверенитета России как государства – участника Конвенции, а также присущей нашему отечеству системы правовых, моральных, нравственных ценностей, с одной стороны, и придаваемым в результате толкования Европейским судом нормам Конвенции смыслом – с другой. В условиях, когда, как отмечает Х.И. Гаджиев, текст Конвенции весьма лаконичен, а ЕСПЧ «заполняет правовой вакуум, постигая все новые смыслы норм Конвенции»[728], в Российской Федерации был вынужденно создан механизм разрешения таких противоречий.

С этой целью был принят Федеральный конституционный закон от 14.12.2015 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»[729], которым предусмотрено рассмотрение Конституционным Судом РФ дел о возможности исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека, к каковыми относятся решения Европейского суда по правам человека, в случае если такое решение основано на положениях международного договора

---

[728] *Гаджиев Х.И.* Судебное правотворчество в международном правосудии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 3 (70). С. 119, 129.

[729] Собрание законодательства РФ. 2015. № 51 (часть I). Ст. 7229.

Российской Федерации в истолковании, расходящемся с Конституцией Российской Федерации. И более того, с 4 июля 2020 г. в новой редакции ст. 79 Конституции Российской Федерации прямо закреплено, что «решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации»[730].

Рассуждая о возможном конфликте компетенций ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ, необходимо обратить внимание на то, что, определяя возможность исполнения решения Европейского суда, Конституционный Суд РФ не выступает по отношению к ЕСПЧ судом вышестоящей инстанции, поскольку не проверяет правильность такого решения, не контролирует соблюдение Европейским судом процедуры рассмотрения дела, не осуществляет пересмотр дела и не отменяет решение, а устанавливает, соответствует ли положениям Конституции Российской Федерации то толкование, которое ЕСПЧ дал в этом решении нормам Конвенции. Основанием для такого законодательного решения является то, что исключительное право толковать Конституцию Российской Федерации, имеющую приоритет над международными договорами, принадлежит Конституционному Суду РФ. Таким образом, в реальности конфликт между компетенциями Европейского суда и Конституционного Суда РФ отсутствует, их компетенции не пересекается, последний осуществляет проверку соответствия положений международного договора Конституции Российской Федерации в том смысле, который придается такому договору правоприменительной практикой.

Основания для такого рода регулирования имеются и в международном праве. Как обращают внимание Н.А. Громошина, А.А. Остроумов,

---

[730] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1.07.2020 г.) // URL: http://www.pravo.gov.ru. 04.07.2020.

Е.Г. Стрельцова, из содержания третьего раздела Венской конвенции от 23 мая 1969 г. о праве международных договоров можно сделать вывод о наличии права толкования ЕКПЧ у любого правоприменительного органа и об отсутствии приоритетного права ее толкования у Европейского суда, который «решает частный вопрос соответствия нормы одному конкретному региональному международному акту»[731], не учитывая взаимосвязь этой нормы с национальной правовой системой. Поэтому следует признать, что российская судебная система не является вторичной, второсортной по отношению к ЕСПЧ, а составляющие ее суды также имеют право толкования Конвенции, поэтому Конституционный Суд РФ вправе толковать ее положения во взаимосвязи с положениями российской Конституции.

Таким образом, можно констатировать, что в России возник и функционирует процессуальный механизм, который, в целях «защиты собственной конституционной идентичности»[732] устанавливает своего рода контроль Конституционного Суда РФ не столько над решениями Европейского суда, а за соответствием положений международного договора Конституции Российской Федерации в том смысле, который придается такому договору правоприменительной практикой ЕПСЧ. Данный механизм тем более необходим, поскольку «решения наднационального Суда приобретают все более политизированный характер»[733], что в сочетании с наблюдаемой в практике ЕСПЧ

---

[731] *Громошина Н.А., Остроумов А.А., Стрельцова Е.Г.* Существует ли противоречие между п. 3 и п. 4 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ? (Возможна ли конкуренция между постановлениями ЕСПЧ и постановлениями КС РФ, вынесенными по вопросу применения российскими судами конкретной нормы в рамках одного и того же дела (на примере дела Маркина)?) // Вестник гражданского процесса. 2014. № 3. С. 253–267.

[732] См.: *Зорькин В.Д.* Конвенция о правах человека в российской правовой системе: проблемы имплементации // Журнал конституционного правосудия. 2016. № 1 (49). С. 1.

[733] См.: *Воронцова И.В.* Место и значение норм международного права в системе источников гражданского процессуального права. С. 54.

тенденцией – при толковании положений Конвенции не просто раскрывать сущность прав человека и основных свобод, а вносить в их объем и содержание изменения и существенные уточнения[734] – может быть неприемлемо для национального правопорядка.

В результате осуществления такого контроля Конституционный Суд РФ может принять, в том числе, постановление о полной или частичной невозможности исполнения решения ЕСПЧ, что является препятствием для совершения любых действий, направленных на его исполнение. Данное обстоятельство позволяет высказывать обоснованные сомнения в абсолютном соответствии постановлений ЕСПЧ таким качествам, как окончательность, неизменность и исполнимость. Более того, как указывает Л.А. Терехова, созданы «объективные затруднения на пути исполнения постановлений ЕСПЧ, ″поле неопределенности″ для судов при решении, в принципе, типично процессуального вопроса»[735].

Так, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 6.12.2013 г. № 27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда»[736] было указано, что если суд, решая вопрос о пересмотре судебного постановления по новым обстоятельствам в связи с установлением ЕСПЧ нарушения Конвенции в конкретном деле, придет к выводу о невозможности исполнения такого постановления, он обязан приостановить производство по делу и обратиться с запросом в Конституционный Суд РФ.

---

[734] См.: *Газаева А.А.* Право на самозащиту в интерпретации Европейского суда по правам человека и Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 4. С. 21–24; *Алисиевич Е.С.* 1) О значении толкования Европейским судом положений Конвенции о защите прав человека // Право и политика. 2005. № 7 С. 64; 2) Основания обращения в Европейский суд по правам человека // Корпоративный юрист. 2006. № 2. С. 49–51.

[735] *Терехова Л.А.* Постановление Европейского Суда по правам человека как основание для пересмотра решения национального суда // Правоприменение. 2017. Т. 1. № 1. С. 173–183.

[736] Собрание законодательства РФ. 2013. № 50. Ст. 6670.

В другом постановлении Конституционный Суд РФ указал, что «правовые позиции Европейского суда, содержащие оценки национального законодательства либо касающиеся необходимости изменения его положений», как следует из ч. 1 ст. 4, ч. 1 ст. 15 и ст. 79 Конституции РФ, «не отменяют для российской правовой системы приоритет Конституции Российской Федерации и потому подлежат реализации в рамках этой системы только при условии признания высшей юридической силы именно Конституции Российской Федерации». Соответственно, акты ЕСПЧ не могут исполняться «Российской Федерацией в части возлагаемых на нее мер индивидуального и общего характера, если толкование нормы международного договора, на котором основано это решение, нарушает соответствующие положения Конституции Российской Федерации»[737].

Как отмечает Н.С. Бондарь, в тех случаях, когда, рассмотрев конкретное дело, Европейский суд выносит постановление, содержанием которого «неправомерно – с конституционно-правовой точки зрения – затрагиваются принципы и нормы Конституции, Россия может в порядке исключения отступить от выполнения возлагаемых на нее обязательств»[738].

Нам представляется, что под таким отступлением, прежде всего, надлежит подразумевать отказ от обязательства по исполнению решений Европейского суда по правам человека автоматически (ipso facto и без специального соглашения).

---

[737] Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 N 21-П "По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней", пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации", частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы" // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015 № 6.

[738] *Бондарь Н.С.* Конституция России в современную эпоху глобальных перемен. С. 40.

Следовательно, если Конституционный Суд РФ придет к выводу, что постановление ЕСПЧ основано на толковании Конвенции, противоречащем Конституции Российской Федерации, т.е. имеются противоречия между выявленным Европейским судом и далеко не явным, ввиду национальной, культурной, мировоззренческой, религиозной специфики, для отечественных правотворцев и правоприменителей смыслом Европейской Конвенции по правам человека и Конституцией Российской Федерации, такое постановление не подлежит исполнению[739].

В качестве еще одного примера такого рода следует привести Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 г.[740], которым исполнение постановления ЕСПЧ от 4.06.2013 г. по делу «Анчугов и Гладков против России» было признано невозможным как в части мер общего характера, направленных на внесение изменений в российское законодательство, позволяющих ограничивать в избирательных правах не всех осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, так и в части мер индивидуального характера в отношении заявителей. Указанное постановление является одним из первых, но не единственным примером, когда Конституционный Суд РФ санкционировал неисполнение постановления Европейского суда в России ввиду несоответствия последнего положениям Конституции. Таким образом, постановление ЕСПЧ может быть не только не воспринято российской правовой системой как источник

---

[739] Об утверждении Обзора практики Конституционного Суда Российской Федерации за третий и четвертый кварталы 2015 года: решение Конституционного Суда РФ от 28.01.2016 г. // СПС КонсультантПлюс.

[740] По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации: постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 г. № 12-П // Собрание законодательства РФ. 2016. № 17. Ст. 2480.

(форма) права, но и не исполнено отечественными судами даже как индивидуальный акт, защищающий права и свободы конкретных лиц.

Помимо уже названных объективных препятствий к включению решений ЕСПЧ в число источников (форм) гражданского процессуального права следует признать, что по сравнению с Европейской Конвенцией по правам человека, Российская Конституция и российское законодательство устанавливают больший объем прав и свобод. Связано это с тем, что, как отмечает Микеле де Сальвиа, формулировка закрепленных в Конвенции прав и свобод исключает конкретику при определении их содержания[741]. Именно это позволяет нам утверждать, что отечественное процессуальное законодательство закрепляет более детальный, более проработанный, более приспособленный для нужд отечественного гражданского судопроизводства механизм их судебной защиты, устанавливает процессуальную форму, включающую более четкие, более совершенные гарантии обеспечения права на справедливое судебное разбирательство, чем Конвенция, и, следовательно, нарушение Европейской Конвенции по правам человека неизбежно влечет и нарушение российских правовых норм. Что собственно и произошло, как нами было показано выше, в рассмотренных ЕСПЧ делах «Рякиб Бирюков против Российской Федерации» и «Малмберг и другие против Российской Федерации».

В результате постановления ЕСПЧ в подавляющем большинстве случаев не только не вступают в конфликт, но и согласуются с нормами внутреннего отечественного права, в связи с чем отсутствует необходимость их имплементации в российское законодательство. Именно этим и объясняется ничтожно малое число случаев признания Конституционным Судом РФ невозможности исполнения решений Европейского суда, и вряд ли оправданны опасения И.В. Воронцовой, касающиеся того, что дефрагментация «международного судебного права» станет тенденцией[742].

---

[741] *Микеле де Сальвиа.* Европейская Конвенция по правам человека. С. 67.

[742] *Воронцова И.В.* Место и значение норм международного права в системе источников гражданского процессуального права. С. 67.

Наиболее характерным примером, иллюстрирующим ситуацию, когда установленное Европейским судом нарушение Конвенции представляет собой одновременно и нарушение норм российского законодательства, правил российского гражданского судопроизводства, является Постановление ЕСПЧ от 31.05.2016 г. «Ольга Назаренко (Olga Nazarenko) против Российской Федерации».

Ольга Назаренко, проживавшая в то время на острове Шикотан, входящем в состав Курильских островов, обратилась в Южно-Курильский районный суд Сахалинской области, расположенный на острове Кунашир, с иском о восстановлении на работе. Суд мог проводить судебные заседания не только по месту своего нахождения на острове Кунашир, так как судом, для повышения уровня доступа к правосудию, организовывались выездные судебные заседания на острове Шикотан. Истица была уведомлена телеграммой о времени очередного судебного заседания, однако в нарушение п. 2 ч. 1 ст. 114 ГПК РФ место судебного заседания в уведомлении указано не было. Дозвонившись за два дня до даты начала судебного заседания в суд, истица выяснила место судебного заседания – здание районного суда на острове Кунашир. Затем Назаренко, узнав о том, что паром между островами не будет ходить, заявила ходатайство об отложении судебного заседания в связи с отсутствием у нее возможности явиться в суд. Южно-Курильский районный суд отказал в удовлетворении указанного ходатайства, поскольку, по мнению суда, явка в судебное заседание представителя ответчика опровергла изложенные в ходатайстве истицы сведения, и рассмотрел дело в назначенное время, отказав в удовлетворении иска. Это решение было оставлено без изменения Сахалинским областным судом.

Европейский суд, рассмотрев жалобу Назаренко, учел изложенные обстоятельства дела, а также то, что заявительница не получила копии возражений ответчика, ходатайство об отложении заявила впервые, а отсутствие транспортного сообщения подтвердила справкой транспортной компании. В результате ЕСПЧ пришел к выводу о существовавшей необходимости личной явки Назаренко на судебное заседание для ознакомления с доводами другой стороны и ответа на них, в связи с чем признал отложение судебного заседания по ее ходатайству

необходимым условием справедливого судебного разбирательства и, на наш взгляд, вполне обоснованно установил нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции в ее деле[743].

Приведенное Постановление ЕСПЧ, безусловно, следует рассматривать в качестве обязательного, но обязательного как правоприменительный акт и подлежащего исполнению именно в этом качестве, как основание для пересмотра вынесенных по делу судебных постановлений. В то же время, следует задаться вопросом, выступают ли решения Европейского суда в делах, подобных делу Назаренко, в качестве источника (формы) гражданского процессуального права? Создана ли исследуемым Постановлением новая норма права? По всей видимости, нет. Безусловно, можно вести речь, что в этом решении выражаются «субпринцип равенства процессуальных возможностей сторон по делу» и «субпринцип раскрытия материалов»[744]. Однако необходимо учесть два момента: первый – указанные «субпринципы» эксплицитно (ст. 12 ГПК РФ) или имплицитно (п. 2 ч. 2 ст. 149 ГПК РФ) закреплены в российском гражданском процессуальном праве; второй – причиной нарушения Российской Федерацией Конвенции в деле Назаренко явились вовсе не недостатки ГПК РФ, а отступление отечественных судов общей юрисдикции от правил судопроизводства, установленных национальным процессуальным законодательством, а именно ст. 12, ст. 35, п. 2 ч. 1 ст. 114, п. 2 ч. 2 ст. 149, ст. 167, ст. 169, п. 2 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ, т.е. имела место ошибка в правоприменении. Мы не собираемся здесь вдаваться в обсуждение причин, по которым данные нарушения не стали очевидными для российских судов, но именно это побудило Назаренко к обращению в ЕСПЧ и в конечном итоге привело к принятию Постановления.

Соответственно, в этом и подобных случаях Европейский суд вовсе не создает новую норму права, а фактически исправляет недостатки отечественного

---

[743] Дело «Ольга Назаренко (Olga Nazarenko) против Российской Федерации» (жалоба N 3189/07): постановление ЕСПЧ от 31.05.2016 г. // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2017. № 1(37).

[744] См.: *Соловьев А.А., Опалев Р.О.* Административная юстиция в зарубежных государствах: особенности функционирования отдельных институтов административного судопроизводства: монография. М.: Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 2017.

судебного правоприменения, т.е. его постановления выступают не как источники (формы) гражданского процессуального права, а как правоприменительные акты, а источником (формой) гражданского процессуального права, подлежащим применению в деле Назаренко, выступает ГПК РФ.

Далее следует отметить, что такое необходимо присущее источнику (форме) права свойство, как общеобязательность, неразрывно связано с общеизвестностью и доступностью источника (формы) права, а это предполагает информированность участников правоотношений о его наличии. Согласно ч. 3 ст. 15 Конституции Российской Федерации, «Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения». Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 31.10.1995 г. № 8 также обращает внимание, что в случае несоблюдения условия об опубликовании суды не вправе основывать свои решения на таких актах.

Хотя выше речь идет об обязательности официального опубликования законов и иных нормативных правовых актов, нам представляется правильным распространить это правило на все акты, устанавливающие правила поведения, если они затрагивают права, свободы и обязанности человека и гражданина. Следовательно, это правило необходимо распространить и на все акты, регламентирующие гражданское судопроизводство в судах общей юрисдикции, которое, в том числе, служит для защиты этих прав и свобод. Таким образом, функцию акта, определяющего порядок гражданского судопроизводства, может выполнять только такое предписание, которое доступно к восприятию каждым желающим, что в современном государстве достигается посредством опубликования правовых актов в официальных средствах массовой информации, а решения ЕСПЧ в России официально не публикуются.

Несмотря на то что Комитет министров Совета Европы рассматривает простую публикацию постановлений ЕСПЧ как достаточную для обеспечения

необходимых изменений в праве и практике[745], нам представляется, что отсутствие официального опубликования актов Европейского суда невозможно восполнить каким-либо иным способом доведения их содержания до всеобщего сведения. Так, например, Бюллетень Европейского Суда по правам человека хотя и публикует полные тексты решений, принятых ЕСПЧ против России, представляет собой не официальное издание, а «Базовый научно-аналитический журнал, посвященный праву Совета Европы и его важнейшей составляющей – практике Европейского Суда по правам человека»[746] и, соответственно, публикация в данном издании не гарантирует надлежащим образом соответствие опубликованного в нем текста действительному содержанию решения ЕСПЧ.

Проблему представляет и отсутствие официальных переводов ряда решений Суда, что является самостоятельным препятствием на пути к их использованию в качестве источника (формы) гражданского процессуального права. Эту проблему не в состоянии решить ни использование компьютерных программ лингвистического перевода, ни улучшение языковых познаний судей, ни даже публикации в СПС «КонсультантПлюс», «Гарант» и на порталах органов власти (что само по себе предполагает существование нескольких альтернативных баз решений ЕСПЧ, которые могут отличаться между собой), ни введение «презумпции достоверности перевода, на который ссылается сторона»[747]. Нам представляется, что все перечисленные меры не в состоянии заменить официальный перевод, опубликованный в официальном издании, и не могут быть

---

[745] Цит. по: *Жаркова О.С.* К вопросу об опубликовании в России постановлений ЕСПЧ и их использовании в правоприменительной практике // Вестник гражданского процесса. 2015. № 5. С. 226–240.

[746] Бюллетень Европейского Суда по правам человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа свободный: http://echr.today/journals/byulleten_evropeyskogo_suda_po_pravam_cheloveka/, – (Дата обращения 5.01.2020 г.).

[747] См.: *Жаркова О.С.* К вопросу об опубликовании в России постановлений ЕСПЧ… С. 226–240.

признаны приемлемыми и достаточными средствами обнародования актов, затрагивающих права, свободы, обязанности человека и гражданина.

Мы полагаем, что отсутствие гарантии аутентичности текста делает невозможным его использование в качестве источника (формы) права и, как справедливо отмечает И.В. Рехтина, «ставит под сомнение их легитимность и противоречит требованиям Конституции»[748], поэтому следует прийти к выводу, что отсутствие официального перевода и официального опубликования актов ЕСПЧ на русском языке является еще одним аргументом против признания за ними статуса источника (формы) права в Российской Федерации.

Вслед за этим следует рассмотреть возможный довод сторонников отнесения актов ЕСПЧ к источникам (формам) права, состоящий в том, что их неприятие в искомом качестве, а равно их неисполнение не являются абсолютным аргументом против их причисления к источникам (формам) права, а свидетельствуют лишь о низкой правовой культуре российского общества, в котором даже закон, нормативный правовой акт могут не исполняться.

Данный тезис не представляется убедительным, поскольку наличие исключений не опровергает общего правила, неисполнение закона не отменяет факт внешнего выражения таким законом общеобязательного правила поведения. Для постановлений Европейского суда, наоборот, общее правило – это то, что они являются прежде всего индивидуальными, правоприменительными актами, а затем – побудительной силой для реформирования отечественной системы гражданского судопроизводства, для совершенствования гражданского процессуального законодательства, но никогда не выступают в качестве формы внешнего выражения гражданского процессуального права.

---

[748] *Рехтина И.В.* Постановления Европейского суда по правам человека в гражданском судопроизводстве России: теоретические и практические аспекты: монография. М., 2018. С. 11.

Как отмечает Г. Ресс (Georg Ress – судья ЕСПЧ с 1998 по 2004 г.), постановления Европейского суда, отражая основные нормы международного права, демонстрируют, выявляют нарушение Конвенции, гарантированных ею прав человека, но не обладают свойствами erga omnes, а, напротив, имеют декларативный характер и оказывают ориентирующее воздействие[749]. На декларативность характера решений ЕСПЧ указывает также А.С. Исполинов, отмечающий, что в его решениях «лишь устанавливается сам факт нарушения государством своих обязательств по Конвенции, но не предписывается никаких конкретных мер, кроме выплаты (и то не всегда) относительно скромной компенсации заявителю»[750]. На наш взгляд, осведомительный характер перманентно присущ актам Европейского суда в связи с отсутствием в мировом сообществе действенного аппарата принуждения, способного понудить независимое государство к исполнению его решений.

Несмотря на провозглашение обязательности юридической силы постановлений ЕСПЧ, а также утверждений о подкреплении этой обязательности коллективным международным механизмом принуждения и о наличии механизма контроля за выполнением наднациональных судебных постановлений[751], все меры, доступные осуществляющему этот контроль Комитету министров Совета Европы, сводятся к дипломатическому, моральному или политическому давлению, которое в отношении России на сегодняшний день показало свою весьма малую эффективность. Общеизвестные внешнеполитические причины и так внесли целый ряд осложнений в нормальный ход взаимоотношений России и Совета Европы, поэтому крайне маловероятным представляется использование в отношении России высшей меры воздействия на государство-нарушителя, каковой является исключение его из Совета Европы, тем более что даже реализация такой меры, как

---

[749] *Ress G.* The Effect of Decision or Judgments of the European Court of Human Rights in the Domestic Legal Order // Texas International Law Journal. 2005. № 40. P. 371, 375, 378.

[750] *Исполинов А.С.* Исполнение решений международных судов: теория и практика // Международное правосудие. 2017. № 1. С. 57.

[751] См.: *Европейское* право. Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека: учебник для вузов / Отв. ред. Л.М. Энтин. Изд 3-е, пересмотр. и доп. М.: Норма, 2011. С. 363–364.

нам видится, не обеспечит принудительного исполнения решений ЕСПЧ при отсутствии политической воли со стороны Российской Федерации. Кроме того, следует отметить, что подавляющее большинство постановлений ЕСПЧ вполне согласуются с Конституцией Российской Федерации и ее правовой системой, в связи с чем добровольно исполняются Россией. Поэтому можно уверенно констатировать отсутствие необходимости и возможности создания действенных механизмов, которые могли бы реально обеспечить прямое и непосредственное действие постановлений Европейского суда в условиях расхождения таких постановлений с российской Конституцией.

Таким образом, мы приходим к выводу, что постановления ЕСПЧ в существующей отечественной правовой действительности не обладают рядом свойств, необходимо присущих такому правовому феномену, который с уверенностью может быть включен в перечень источников (форм) российского гражданского процессуального права, и, следовательно, акты Европейского суда не могут быть признаны таковыми без разрешения вышеуказанных проблем. Характеристика уровня обязательности постановлений ЕСПЧ в юридическом смысле позволяет отечественным высшим судам применять их для мотивировки своих актов и рекомендовать к применению ординарными отечественными судами в силу убедительности содержащегося в них толкования положений Конвенции, но не в силу того, что они являются источником (формой) права. Решения ЕСПЧ могут применяться и применяются участниками гражданского судопроизводства для обоснования своих позиций, требований и возражений, а также учитываются судами при толковании норм права для повышения убедительности и легитимности своих умозаключений, используются в целях мотивировки своих выводов в судебных постановлениях по гражданским делам, но не в силу обязательности решений ЕСПЧ для применения в качестве формы права, не в силу того, что в них содержится новая или отменяющая закрепленную в писаном праве норму норма права, а в силу продуманности, логичности, верности содержащихся в них позиций и выводов.

Изложенное позволяет расценивать акты ЕСПЧ как прецеденты толкования, как источник (форму) «мягкого права», под которым, как правило, понимаются «юридически необязательные правила или инструменты, состоящие из законоподобных (law-like) обещаний или заявлений, не отвечающих требованиям жесткого закона (hard law), интерпретирующих юридически обязательные правила или создающие ожидания относительно будущего поведения»[752], что говорит о невозможности отнесения актов ЕСПЧ к источникам (формам) российского гражданского процессуального права.

Тем не менее мы не считаем подобную ситуацию препятствием теоретическому обоснованию необходимости и желательности включения постановлений Европейского суда в состав источников (форм) отечественного гражданского процессуального права в будущем и обеспечению возможности двигаться в данном направлении, создавать для этого необходимые условия. В частности, одним из первых шагов на этом пути могло бы стать решение вопроса об официальных публикациях решений ЕСПЧ, переведенных на русский язык.

Постановления Европейского суда, и не только «пилотные», являются, по нашему мнению, одним из весьма значимых и содержательных источников гражданского процессуального права в значении побудительной силы для законодателя, формирующей основные направления модернизации отечественного процессуального права, и в значении материалов, служащих основой для изменения отечественного законодательства. В связи с чем нам представляется необходимым вести работу, направленную на исследование возможностей ликвидации препятствий к включению постановлений ЕСПЧ в число источников (форм) отечественного гражданского процессуального права, «поскольку именно

---

[752] См.: *Любченко М.Я.* Постановления Европейского суда по правам человека как «мягкое право» (soft law). С. 256–270.

этот орган толкует Европейскую конвенцию по правам человека, расширяя, а иногда существенно модифицируя, казалось бы, устоявшуюся систему международных стандартов, предъявляемых к современным судебным системам стран – участниц Конвенции»[753], и играет значительную роль в формировании и совершенствовании понимания базовых принципов отправления правосудия по гражданским делам в духе Конвенции, определении проблемных мест, существующих в отечественном гражданском судопроизводстве.

Завершая настоящую главу, считаем необходимым сформулировать следующие основные положения и выводы.

1. В современный период, характеризующийся процессами глобализации, непроницаемые для норм права границы между правовыми системами отсутствуют, поэтому не следует абсолютизировать утверждения о невозможности того или иного феномена выступать источником (формой) права в различных системах права.

Международно-правовые феномены, например, договоры, заключенные по вопросам гражданского процесса, содержат нормы международного права, которые одновременно можно рассматривать и как нормы внутренние, поскольку они не просто оказывают влияние на национальное судопроизводство, но и являются регулятором гражданских процессуальных правоотношений, реализуемых в российских судах, тем самым эти феномены выступают как источник (форма) внутригосударственного гражданского процессуального права, не переставая быть при этом источником права международного.

2. Такая характеристика, как общепризнанность принципа и нормы, существующих в форме обычая, мировым сообществом государств в целом, является излишне неопределенной и неприемлема для использования в целях регламентации гражданского судопроизводства. Для придания обязательного

---

[753] См.: *Улётова Г.Д.* Апелляция, кассация, надзор сквозь призму времени. Интервью с судьей судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда, кандидатом юридических наук, заслуженным юристом России Н.И. Маняком // Современное право. 2016. № 8. С. 63–70.

характера подобным международно-правовым феноменам необходимо, чтобы они воспринимались в качестве таковых Российской Федерацией.

Предложены критерии, при соответствии которым (в их совокупности) международные принципы и нормы могут быть использованы в качестве регуляторов гражданских процессуальных правоотношений:

– наличие явно выраженной санкции государства на применение международного принципа или нормы во внутреннем праве;

– соответствие международных принципов и норм Конституции Российской Федерации;

– созвучие международных принципов и норм принципу правовой определенности.

Отсутствие формального закрепления и четко выраженного согласия государства на их применение, неопределенность содержания, исключающая возможность их проверки на предмет соответствия Конституции Российской Федерации, могут препятствовать применению в национальном гражданском процессе общепризнанных принципов и норм международного права, не закрепленных в международных договорах или иных актах позитивного права, в качестве положений, определяющих порядок гражданского судопроизводства в российских судах общей юрисдикции, ввиду отсутствия ясности в том, существует ли такой принцип или норма и каково их содержание.

Таким образом, сами по себе принципы международного права и его нормы, несмотря на их общепризнанность, к источникам (формам) гражданского процессуального права не относятся. В искомом качестве следует рассматривать не общепризнанные принципы и нормы международного права (содержание), а те внешние формы, в которых они зафиксированы, закреплены.

3. У национального суда, рассматривающего гражданское дело, отсутствуют правовые основания для непосредственного применения актов международных организаций и международных обычаев в случае установления коллизии между ними и процессуальным законом, следовательно, они источниками (формами) отечественного гражданского процессуального права не являются.

Прямое текстуальное закрепление в международном договоре правил, сформировавшихся в виде международного обычая, позволяет бесспорно установить наличие выраженного государством согласия на их признание и применение в качестве регулятора гражданского судопроизводства, а также (в идеале) установить определенность содержания этих норм и принципов. Однако такая фиксация изменяет, преобразует форму их внешнего выражения – из нормы, принципа, существующих в форме международного обычая, они становятся нормой, принципом, существующими в форме международного договора.

Принципы и нормы международного права, действительно являющиеся общепризнанными и признаваемые Россией в качестве таковых, как например, принципы всеобщего уважения прав человека и добросовестного выполнения международных обязательств, закреплены в международных договорах Российской Федерации, а также отражены в Конституции Российской Федерации и национальном законодательстве.

В связи с тем, что ни Конституция Российской Федерации, ни российское законодательство не определяют место решений международных организаций, имеющих обязательный характер, во внутригосударственной правовой системе, а международные обычаи не соответствуют указанным критериям, обосновывается, что из числа форм международного права только международные договоры могут выступать источниками (формами) внутригосударственного гражданского процессуального права, не переставая при этом быть источником права международного.

Таким образом, из числа упоминаемых в ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации международно-правовых феноменов, входящих в отечественную правовую систему, только международные договоры могут представлять собой источники (формы) отечественного гражданского процессуального права, а общепризнанные принципы и нормы международного права могут применяться для регламентации гражданского судопроизводства, если они зафиксированы, т.е. имеют свое внешнее выражение в международном договоре Российской Федерации.

4. Выявлены и сформулированы условия, совокупность которых позволяет включать международные договоры в систему источников (форм) российского гражданского процессуального права, и определяется их место в этой системе.

Международный договор, содержащий нормы, определяющие правила гражданского судопроизводства в российских судах общей юрисдикции, приобретает свойства источника (формы) российского гражданского процессуального права, если он одновременно:

– является межгосударственным договором Российской Федерации (заключен от имени Российской Федерации) и стал обязательным для России в результате принятия федерального закона либо ратифицирован СССР и стал обязательным для России в силу правопреемства;

– соответствует общепризнанным принципам и нормам международного права juscogens либо содержит такие принципы и нормы, определяющие правила гражданского судопроизводства;

– обладает свойством самоисполнимости, т.е. не требует издания внутригосударственных актов для его применения;

– официально опубликован в Российской Федерации.

Такие международные договоры могут вводить правила гражданского судопроизводства, обязательные к применению в российских судах общей юрисдикции, отличные от порядка гражданского судопроизводства, предписанного законодательством Российской Федерации. Эти правила обладают большей юридической силой, чем правила гражданского судопроизводства, установленные федеральным законом (в том числе в Гражданском процессуальном кодексе РФ), но меньшей, чем содержащиеся в Конституции Российской Федерации и федеральном конституционном законе.

Предлагается закрепить в законодательстве о гражданском судопроизводстве вышеприведенные требования к международным договорам и их место в системе источников (форм) российского гражданского процессуального права.

5. Конвенция о защите прав человека и основных свобод представляет собой международный договор, полностью соответствующий указанным в предыдущем

пункте признакам источника (формы) российского гражданского процессуального права, и должна применяться судами в этом качестве с учетом ее приоритета над федеральными законами в случае возможной конкуренции.

Конвенция закрепляет право на справедливое судебное разбирательство, включающее в себя право на справедливую судебную процедуру, связанную с законностью, независимостью и беспристрастностью суда, публичностью (гласностью) процесса и разумностью его срока, что создает основу для введения принципа справедливости судебного разбирательства в состав принципов национального гражданского процесса. В результате ЕКПЧ приобретает значение важнейшего источника (формы) российского гражданского процессуального права.

6. В России возник и функционирует процессуальный механизм, который, в целях «защиты собственной конституционной идентичности», устанавливает своего рода контроль Конституционного Суда РФ, но не над решениями Европейского суда, а за соответствием положений международного договора (ЕКПЧ) Конституции Российской Федерации в том смысле, который придается такому договору правоприменительной практикой ЕСПЧ.

В ходе осуществления такого контроля Конституционный Суд РФ может прийти к выводу, что постановление ЕСПЧ основано на толковании ЕКПЧ, противоречащем Конституции Российской Федерации, т.е. имеются противоречия между выявленным Европейским судом и далеко не явным, ввиду национальной, культурной, мировоззренческой, религиозной специфики, для отечественных правотворцев и правоприменителей смыслом Европейской Конвенции по правам человека и Конституцией Российской Федерации, и принять, в том числе, постановление о полной или частичной невозможности исполнения решения ЕСПЧ, что является препятствием для совершения любых действий, направленных на его исполнение.

В результате постановление ЕСПЧ может быть не только не воспринято российской правовой системой как источник (форма) права, но и не исполнено

отечественными судами даже как индивидуальный акт, защищающий права и свободы конкретных лиц.

7. Решения ЕСПЧ во многих случаях послужили основой для изменения федерального законодательства о гражданском судопроизводстве и, безусловно, указанные постановления Европейского суда выступили в качестве значимых источников гражданского процессуального права, но источников в значении побудительной силы для законодателя. При этом выводы ЕСПЧ совпадали с интересами российского общества и соответствовали парадигме развития отечественной правовой системы, что и обусловило добровольность их восприятия Россией.

Включение решений ЕСПЧ в состав национальной правовой системы вовсе не тождественно их включению в национальную систему источников (форм) права. Задачей Европейского суда является установление факта нарушения конвенционного права определенного гражданина в конкретном случае и восстановление этого права, а не создание новой нормы национального права. То есть они являются прежде всего индивидуальными, правоприменительными актами, а лишь затем побудительной силой для реформирования национальной системы гражданского судопроизводства.

Постановления ЕСПЧ, как «ординарные», так и «пилотные», не обладают рядом свойств, необходимо присущих такому правовому феномену, который может быть включен в перечень источников (форм) российского гражданского процессуального права. Характеристика уровня обязательности постановлений ЕСПЧ в юридическом смысле позволяет отечественным высшим судам применять их для мотивировки своих актов и рекомендовать к применению ординарными отечественными судами в силу убедительности содержащегося в них толкования положений Конвенции, но не в силу того, что они являются источником (формой) права. Решения ЕСПЧ могут применяться и применяются участниками гражданского судопроизводства для обоснования своих позиций, требований и возражений, а также учитываются судами при толковании норм права для повышения убедительности и легитимности своих умозаключений, используются

в целях мотивировки своих выводов в судебных постановлениях по гражданским делам, но не в силу обязательности решений ЕСПЧ для применения в качестве формы права, не в силу того, что в них содержится новая или отменяющая закрепленную в писаном праве норму норма права, а в силу продуманности, логичности, аподиктичности содержащихся в них позиций и выводов решений Европейского суда.

Следовательно, акты Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) следует рассматривать как один из весьма значимых и содержательных источников гражданского процессуального права в значении побудительной силы для законодателя, формирующей основные направления модернизации отечественного процессуального права; в значении материалов, служащих основой для изменения отечественного законодательства; как источник «мягкого права», но не источник (форму) отечественного гражданского процессуального права.

Акты ЕСПЧ не входят в национальную систему источников (форм) гражданского процессуального права, поскольку его постановления, как «ординарные», так и «пилотные», являясь важным маркером, указывающим на неполадки в национальной правовой системе, не содержат общеобязательных, распространяющихся на неопределенный круг лиц правил, регламентирующих порядок разрешения гражданских дел судами общей юрисдикции либо порядок совершения отдельных процессуальных действий в ходе гражданского судопроизводства.

Для повышения уровня их обязательности предлагается положительно решить вопрос об официальном переводе и опубликовании решений ЕСПЧ в Российской Федерации.

5. Нетрадиционные или нетипичные источники гражданского процессуального права

Ряд источников (форм) права, а именно обычай (правовой, юридический обычай), религиозные нормы (тексты священных книг, каноны) и правовую доктрину (юридическую науку, тексты авторитетных ученых-юристов), в современной научной юридической литературе принято именовать нетрадиционными источниками права. Зачастую в этот же список включают уже рассмотренные нами выше акты судебного правотворчества (судебную практику, судебный прецедент, правовые позиции судов, акты высших судебных органов), а также принципы права[754].

Прежде всего, необходимо отметить, что обобщающее наименование указанной группы источников (форм) права – «нетрадиционные», на наш взгляд, несколько неточно и не отражает действительного положения вещей. По нашему убеждению, обычай и религиозные нормы, как, собственно говоря, и судебный прецедент, в глобально-историческом осмыслении выступают не только наиболее традиционными, но и самыми первыми источниками (формами) права, предшествовавшими письменному законодательству, afortiori – конституциям и кодифицированным законам.

Так, например, как отмечается в литературе, в некоторых правовых семьях, прежде всего в исламской, и в настоящее время к источникам (формам) права относятся религиозные нормы, которые, как правило, сформулированы в священных текстах. Однако нам представляется верным тезис А.Я. Курбатова о том, что допустимое в монорелигиозном государстве недопустимо в многоконфессиональном[755].

---

[754] См.: *Демичев А.А., Исаенкова О.В.* Нетрадиционные источники гражданского процессуального права России.

[755] *Курбатов А.Я.* Защита прав и законных интересов в условиях «модернизации» правовой системы России. М.: Юстицинформ, 2013.

В Российской Федерации реализована модель светского государства (ст. 14 Конституции Российской Федерации), согласно которой церковь и любые иные религиозные организации полностью отделены от государства, независимы от него, равны между собой и перед законом. Отсутствуют и иные правовые основания для их влияния на государство и общество, что выражается в запрещении признания какой-либо религии государственной либо господствующей, в нейтральности (беспристрастности) государства в вопросах веры и совести. Таким образом, основания для рассмотрения религиозных текстов в качестве источников (форм) российского гражданского процессуального права в современной России отсутствуют.

Обыкновение именовать религиозные нормы, доктрину и обычай нетрадиционными источниками права имеет свои корни в идеологии, присущей отличавшейся большим своеобразием семье так называемого социалистического права, и было обусловлено политически мотивированным отрицанием на государственном уровне нормативного значения этих источников, а также борьбой с «пережитками» предыдущих социально-экономических формаций. Так, в частности, мотивом негативного отношения к обычному праву, по словам С.Л. Зивса, выступало его свойство консервировать обычаи, существовавшие в прошлом, что было неприемлемо для строителей нового, социалистического общества[756]. Для других же правовых систем вышеперечисленные источники (формы) права являлись вполне традиционными, и поскольку указанные идеологические факторы сегодня практически полностью устранены из отечественной правовой жизни, постольку подразделение источников (форм) права на традиционные и нетрадиционные нам представляется устаревшим.

Поэтому мы предпочитаем вести речь об источниках (формах) права типичных и нетипичных, характерных или нехарактерных для той или иной правовой системы, для той или иной отрасли права. При этом, используя такую классификацию, всегда необходимо указывать, для какой конкретно правовой

---

[756] *Зивс С.Л.* Указ. соч. С. 153.

системы или отрасли права исследуемый феномен является нехарактерным (нетипичным). Например, религиозные тексты являются типичным источником (формой) исламского права[757] и совершенно не характерны для европейских правовых систем. Применение обычая характерно для права гражданского (торгового), но не типично для российского уголовного права.

Таким образом, рассуждая об обычаях, религиозных текстах и правовой доктрине с целью разрешения вопроса о возможности их отнесения к источникам (формам) гражданского процессуального права, нам видится теоретически верным именовать эту группу правовых феноменов нетипичными источниками.

---

[757] В качестве примера можно привести выдержку из мотивировочной части одного из решений суда эмирата Дубай: «Священный Коран есть идеальный закон, и долг каждого мусульманина составляет следование этому закону вопреки любому другому. Поэтому ни один акт не подлежит применению, если он противоречит Корану, даже в том случае, если был принят в системе ООН. Незнание норм Корана кем бы то ни было есть глубокое духовное заблуждение, которому не может быть оправдания». – Цит. По: *Пучков В.О.* Извинительное незнание иностранного закона как основание освобождения от гражданско-правовой ответственности в российском и зарубежном праве // Информационно-аналитический журнал «Арбитражные споры». 2018. № 1. С. 151–162.

5.1. Обычай в российском гражданском процессуальном праве

В современной российской юридической науке высказываются различные мысли по поводу того, какая из форм права была исторически первой. Так, с одной стороны, С.А. Дробышевский и Т.Н. Данцева, отдавая пальму первенства судебному прецеденту и нормативному правовому акту, заявляют, что «правовой обычай никогда не являлся и не в состоянии быть первым в истории формальным источником права»[758]. С другой стороны, А.Н. Вылегжанин и Р.А. Каламкарян справедливо обращают внимание на то, что обычное право появилось раньше государства[759]. Т.Н. Нешатаева также подчеркивает, что «обычное регулирование отношений – самая древняя форма права и, как доказывает история, вечная»[760].

Как бы то ни было, по нашему мнению, в числе нетипичных источников (форм) отечественного права одним из самых древних является правовой обычай. Эта форма права регулировала общественные отношения еще до момента возникновения государственности на территории России, регламентирует их и в настоящий период, а гражданские процессуальные правоотношения, как мы показали в первом параграфе настоящей работы, – со времени появления первых судов и до начала XX в.

Этимологически «обычай» есть некоторое правило поведения, основанное на длительности и многократности его применения, используемое во многих сферах человеческой деятельности, не исключая и той, что охватывается правом[761]. Следует учитывать, что обычаев существует множество. Есть обычаи семейные,

---

[758] *Дробышевский С.А., Данцева Т.Н.* Указ. соч. С. 158.

[759] *Вылегжанин А.Н., Каламкарян Р.А.* Значение международного обычая в современном международном праве // Московский Журнал международного права. 2012. № 2. С. 7.

[760] *Нешатаева Т.Н.* Решения Европейского суда по правам человека: новеллы и влияние на законодательство и правоприменительную практику. С. 47.

[761] См.: *Храмов Д.В.* Нетрадиционные источники российского частного права: общетеоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010. С. 107.

родовые, национальные, религиозные, торговые и т.д. Г.В. Мальцев обращает внимание на то обстоятельство, что обычай всегда выступает элементом определенной нормативно-регулятивной системы, «как одна из форм действующих в обществе нормативных регуляторов – правовых, моральных, религиозных и иных»[762]. Поэтому мы полагаем, что использование в юриспруденции термина «обычай» без дополнительной конкретизации является излишне неопределенным, и, следовательно, исследуя обычай, используемый в качестве правового регулятора общественных отношений, необходимо употреблять термин «правовой (юридический) обычай».

В научной литературе нет единого подхода к определению категории «правовой обычай». Вместе с развитием научной мысли, со сменой исторических периодов менялись и предлагаемые исследователями дефиниции.

И.А. Покровский рассматривал правовой обычай как «непосредственное проявление народного правосознания, норму, свидетельствующую о своем существовании самим фактом неуклонного применения»[763].

Г.Ф. Шершеневич также обращал внимание на то, что обычай есть «выражение предшествовавшего ему народного правосознания»[764].

Как «ряд постоянных и однообразных соблюдений какого-либо правила в течение более или менее продолжительного времени» определял обычай Д.И. Мейер[765].

В число трех основных видов права, выработанных в процессе создания ровного, упорядоченного и справедливого общественного строя, наряду с законом

---

[762] *Мальцев Г.В.* Очерк теории обычая и обычного права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. Ростов на/Д.: Издательство СКАГС, 1999. С. 9.

[763] *Покровский И.А.* История римского права. СПб.: Издательско-торговый дом «Летний сад». Журнал «Нева». 1999. С. 52.

[764] *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. Т.1–2. С. 37.

[765] *Мейер Д.И.* Русское гражданское право. Пг.: типография «Двигатель», 1914. С. 54.

и правительственным распоряжением И.А. Ильин включал юридический обычай, под которым он понимал правовые нормы, признанные правоприменяющими органами[766].

С.А. Голунский и М.С. Строгович акцентировали внимание на следующих признаках обычая: присущее ему значение правила поведения; соблюдение в силу установившейся привычки; обеспечение его силы многократностью применения в течение долгого времени[767].

Исследовавший формы советского права А.Ф. Шебанов описывал обычай как «более или менее устойчивые, исторически сложившиеся правила (нормы) общественного поведения людей, их образа жизни, быта, которые устанавливаются в обществе в результате многократного применения этих правил людьми, передаются ими от поколения к поколению и охраняются силой общественного мнения», тем самым добавив к характеристикам обычая такой признак, как гарантированность его действия силой общественного мнения[768].

На рациональное начало возникновения каждого обычая указывал Б.Я. Токарев, который дополнил существующее в доктрине определение обычая критерием «социальной значимости», приписываемой данной норме поведения членами общества[769].

Правовой обычай как «юридическую норму, получившую обязательную силу вследствие долгого применения ее на практике и привычке к ней народа» охарактеризовал В.М. Хвостов, который также заявил, что основанием для обязательности обычая выступает не предписание власти, а привычка к нему

---

[766] *Ильин И.А.* Теория права и государства. М.: Зерцало, 2003.

[767] *Голунский С.А., Строгович М.С.* Теория государства и права. М.: Юрид. изд. НКЮ СССР, 1940. С. 168.

[768] *Шебанов А.Ф.* Форма советского права. С. 46.

[769] *Токарев Б.Я.* Советское право и обычаи в их связи и развитии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1970. С. 3.

населения[770]. Такой подход, на наш взгляд, весьма неубедителен, поскольку игнорирует грань между правом и неправом.

От правовых обычаев необходимо отграничивать обыкновения – широко распространенную, общую, но не обязательную для сторон практику поведения, за которой, в отличие от правового обычая, не признается юридически обязательный характер и которая не является нормой права. Такую, как, например, нормы международной вежливости[771]. Юридический обычай следует отличать и от заведенного порядка (существующей практики), который, подобно обыкновению, не создает норму права, не рассматривается как источник (форма) права, а лишь подтверждает существование определенного порядка исполнения обязательств между конкретными участниками правоотношений (например, взаимоотношений между контрагентами). Как отмечает В.А. Лаптев, применение заведенного порядка (существующей практики) и обыкновений, в отличие от юридических обычаев, зависит исключительно от воли обеих сторон[772], что позволяет рассматривать нам данные феномены как неправовые обычаи.

Необходимость четкого разграничения неправовых обычаев и обычаев правовых привела к закреплению в правовой доктрине главного отличительного признака правовых обычаев – санкционирование последних государственными органами, приобретение ими правовых характеристик в связи с действиями государства.

Так, Д.А. Керимов указывал, что исключительно санкция государственной власти служит основанием для превращения обычая в правовой обычай как одну из форм права, «молчаливое общественное утверждение» в качестве источника

---

[770] *Хвостов В.М.* Общая теория права. Элементарный очерк. М.: Университет. тип., 1905. С. 83.

[771] См.: *Борисов А.Б.* Указ. соч. С. 458–459.

[772] *Лаптев В.А.* Локальный правовой обычай как источник регулирования предпринимательских отношений // Lex russica. 2017. № 4. С. 110–119.

юридической нормативной силы правового обычая исследователем не признавалось[773].

Именно санкционирование обычая средствами государственной власти, по верному замечанию С.А. Салтыковой, добавляет к его свойству внутренней обязательности (обусловленной влиянием общественного мнения) обязательность внешнюю, обеспечиваемую силой принуждения государственных органов[774].

В связи с этим следует заметить, что утверждение Г.Г. Небратенко, заявившего: «Отсутствие или недостаточность государственного принуждения не снижают императивности обычного права…»[775], можно признать верным исключительно для традиционного общества. В современном государстве, использующем письменное право, тем более в государстве правовом, обычай, для того чтобы стать общеобязательным правилом поведения, приобрести свойства юридического обычая, должен быть санкционирован, признан государством.

В.В. Лазарев выделяет два основных способа признания правовых обычаев государством: прямое закрепление в тексте нормативного правового акта или косвенное закрепление, исходя из смысла, «духа» законодательства[776].

В.М. Сырых полагает, что особенной чертой обычая как источника права является придание ему общеобязательного значения законом либо иным нормативным правовым актом, в котором говорится, что при регулировании соответствующего правоотношения следует руководствоваться существующими обычаями, при этом содержание обычая в тексте закона не приводится, поскольку

---

[773] *Керимов Д.А.* Источники советского социалистического права: дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1950. С. 201.

[774] *Салтыкова С.* Зарождение древнерусского права // Российская юстиция. 1997. № 1. С. 59–63.

[775] *Небратенко Г.Г.* Обычно-правовая система традиционного общества: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. Махачкала, 2011. С. 31.

[776] *Лазарев В.В.* Пробелы в праве и пути их устранения. М.: Юридическая литература, 1974. С. 138.

в таком случае он теряет статус обычая и становится ординарным правовым установлением[777].

Выделяющий законодательное, правоприменительное и молчаливое санкционирование обычаев государством Н.В. Лисицин говорит о предпочтительности такого способа санкционирования, как закрепление обычаев в кодексах[778]. При этом автор упускает из виду, что включение обычной нормы в текст кодекса, закона, равно как и любого другого нормативного правового акта, международного договора или иного акта, преобразует эту норму из обычной в норму, содержащуюся в ином источнике (форме) права.

Кроме того, рассматривая возможность текстуального закрепления обычая в акте писаного права, можно признать справедливость замечания И.В. Рехтиной и М.В. Кардашова: «изменение формального выражения правовой нормы не всегда ведет к изменению ее содержания»[779]. Однако необходимо признать, что, несмотря на сохранение содержания нормы неизменным, обязательность этой нормы будет неразрывно связана с юридической силой акта, в котором текстуально закреплено содержание обычая, и формой внешнего выражения нормы будет именно такой акт.

Таким образом, источником (формой) права может выступать не любой обычай, а только правовой (юридический), каковым он становится в том случае, если приобретает обязательную силу в результате санкции государства. При этом мы полагаем, что предметом санкции выступает не сам обычай, а именно допущение государством возможности его применения в том или ином

---

[777] *Сырых В.М.* Теория государства и права: учебник для вузов. М.: Былина, 1998. С. 97.

[778] *Лисицин Н.В.* Обычаи российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 20.

[779] *Рехтина И.В., Кардашов М.В.* Динамика гражданского процессуального законодательства России под воздействием постановлений Европейского суда по правам человека // Российская юстиция. 2011. № 2. С. 24–27.

правоотношении путем введения в закон или иной источник права нормы, отсылающей к обычаю.

Исследуя вопрос о формах санкционирования обычаев государственной властью, следует отметить, что ряд ученых выделяют в качестве такой формы судебное решение. В частности, С.А. Голунский заявлял: «Достаточно судам начать систематически применять тот или иной обычай, чтобы этот способ превратился в правовую норму. Исторически первоначальное образование права во вновь образующихся государствах шло именно таким путем»[780].

Однако данная точка зрения не нашла поддержки большинства исследователей того периода применительно к советской правовой системе. Так, О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский отмечали, что санкционирование судами обычаев может признаваться лишь в тех государствах, где судебный прецедент выступает в качестве официально признаваемой формы права, в то время как в советском государстве он формой не являлся[781].

Современная юридическая мысль отказалась от абсолютного отрицания возможности судебного санкционирования правового обычая. Так, о возможности придания обычаям юридического, общеобязательного значения путем фактического государственного признания в судебных решениях и иных актах государственных органов говорил С.С. Алексеев[782].

По мнению Т.Н. Нешатаевой, «обычай создается практикой … коллективным опытом, который чаще всего устанавливается и переводится в словесную форму именно судьями»[783].

С.В. Бошно отмечает, что обычай «вне процедуры санкционирования… не пользуется защитой со стороны государства, не учитывается судами», а затем,

---

[780] *Голунский С.А.* Обычай и право // Советское государство и право. 1939. № 3. С. 51.

[781] *Иоффе О.С., Шаргородский М.Д.* Вопросы теории права. М.: Госюриздат, 1961. С. 129.

[782] *Алексеев С.С.* Право: азбука-теория-философия: Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. С. 78.

[783] *Нешатаева Т.Н.* Решения Европейского суда по правам человека: новеллы и влияние на законодательство и правоприменительную практику. С. 48.

классифицируя отдельные виды санкционирования в зависимости от органа, его осуществляющего, выделяет:

– «санкционирование законодательным органом путем закрепления в бланкетной норме отсылки к правовому обычаю в связи с конкретными отношениями»;

– «санкционирование судебными органами путем а) непосредственного использования в качестве основания обычая без разрешения законодателя (молчаливое санкционирование) и б) выработки определенного порядка разрешения дел, сложившегося в обыкновение судебной практики»[784].

Мы полаем, что в последнем случае необоснованно смешиваются существенно различающиеся категории: обычай и обыкновение. На наш взгляд, применительно к гражданскому процессу, в том случае если определенный порядок разрешения процессуальных вопросов складывается во многих или даже всех судах, в отношениях с различными лицами, участвующими в деле, как например, порядок размещения судей, сторон и иных лиц, участвующих в деле, в зале судебного заседания, теоретически более верно вести речь не о правовом обычае, а об обыкновении, а если такой порядок сложился в конкретном суде – о заведенном порядке. Причем и обыкновение, и заведенный порядок юридически необязательны, не подкрепляются государственной санкцией и правовую норму не создают.

Рассуждая о возможности судебного санкционирования обычая, следует учитывать отличия в характере и правовой природе судебных актов, принимаемых судами различных уровней. Как мы писали ранее, к источникам (формам) права следует относить только постановления Конституционного Суда РФ, постановления Пленума Верховного Суда РФ и постановления Президиума Верховного Суда РФ. Иные судебные акты норму права не создают, свойствами источника (формы) права не обладают и, следовательно, не могут сообщить обычаю то, что не присуще им самим – свойства источника (формы) права.

---

[784] *Бошно С.В.* Форма права: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2005. С. 174, 178.

Наличие в решениях высших судов отсылок к обычаям связано с тем, что обычай к моменту принятия решения уже стал правовым в результате законодательного санкционирования. Таким образом, наряду с законодательным санкционированием только при санкционировании применения обычая высшими судами России путем включения в указанные категории судебных актов отсылок к обычаю можно вести речь о приобретении обычаем свойств правового обычая и рассматривать его как источник (форму) той или иной отрасли права.

Встречаются и высказывания о допустимости признания реальности существования несанкционированных правовых обычаев. Так, по мнению И.А. Мироновой, «санкционирование есть категория позитивистского типа правопонимания», подразумевающего отождествление права и законодательства, в связи с чем автор, исходя из теории «правового плюрализма», «поскольку в современной правовой деятельности используются обычаи, не допущенные к применению в тексте нормативного документа», отвергает позицию о невозможности придания обычаям юридической силы без санкционирования со стороны государства[785]. Мы полагаем такое утверждение весьма спорным. Обязательность нормы обусловлена возможностью принудительного исполнения либо наступления ответственности (неблагоприятных последствий) для нарушителя этой нормы. Решение о применении мер ответственности или возложении неблагоприятных последствий если и не принимается судом, то может быть обжаловано в суд, и у суда должны быть законные основания для таких действий, что исключает применение обычая, не признанного государством.

Кроме того, по этому поводу следует обратить внимание на позицию Д.В. Храмова, который, отмечая, что в настоящее время в России имеется

---

[785] *Миронова И.А.* Правовой обычай как источник современного публичного права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 54–55.

тенденция к применению норм, исходящих не от государства, а складывающихся независимо от него, подчеркивает, что такие нормы не соответствуют критерию формальной определенности, и приходит к выводу, что нормы, имеющие негосударственное происхождение, должны государством признаваться, поскольку право выражает его волю[786].

Мы полагаем, что правовая система правового государства, несмотря на распространение правового плюрализма, должна соответствовать принципу правовой определенности, быть непротиворечивой, базироваться на легитимных источниках права и, следовательно, может включать в качестве источников (форм) права только санкционированные государством правовые обычаи, которые, не противореча закону, сосуществуют с ним, выполняя функцию дополнения положений закона, либо устанавливают норму в условиях отсутствия законодательного регулирования, не противореча общим началам и смыслу закона.

Таким образом, наряду с такими признаками правового обычая, как длительность существования, систематичность, неоднократность применения и санкционирование обычая государством, мы считаем необходимым выделить в качестве необходимых условий отнесения обычая к источникам (формам) права его соответствие признакам правовой определенности и непротиворечивость закону.

Признавая абсолютную правильность выводов В.В. Ершова, говорящего, что «обычное право это не «доправо» или «предправо», а самостоятельная форма современного национального права»[787], далее в целях нашего исследования необходимо разрешить вопрос о том, является ли правовой обычай источником (формой) гражданского процессуального права.

---

[786] *Храмов Д.В.* Указ. соч. С. 106.

[787] *Ершов В.В.* Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. С. 537.

Этот вопрос в науке гражданского процессуального права занимает достаточно скромное место. Большинство ученых-процессуалистов либо не исследуют пристально указанный вопрос, ограничиваясь упоминанием того, что «обычаи как регуляторы общественных отношений используются судами общей юрисдикции в целом ряде случаев»[788], либо кратко упоминают о невозможности отнесения правового обычая к источникам (формам) гражданского процессуального права.

Наиболее полно мотивируют подобную позицию А.А. Демичев и О.В. Исаенкова, отмечая: «применение правовых обычаев характерно для отраслей частного права. Гражданское процессуальное право представляет собой отрасль публичного права, а отсылки к обычаям не делается ни в ГПК РФ, ни в других нормативно-правовых актах, составляющих гражданское процессуальное законодательство»[789].

Однако подобной мотивировки на сегодняшний день, по нашему разумению, недостаточно, поскольку имеются исследования, в которых доказывается наличие у правового обычая свойств источника публичного права[790], а ст. 11 ГПК РФ все-таки упоминает обычаи.

Кроме того, нельзя не упомянуть, что А.Т. Боннер исследовал гражданские процессуальные (юридические судебные) обычаи и, отрицательно отвечая на прямой вопрос о возможности их отнесения к источникам права, тем не менее приводил ряд примеров, когда такие обычаи, по его мнению, регулируют

---

[788] См.: *Малышкин А.В.* Обычаи и традиции в судебной практике судов общей юрисдикции // Российский судья. 2013. № 3. С. 6–10.

[789] *Демичев А.А., Исаенкова О.В.* Нетрадиционные источники гражданского процессуального права России.

[790] См.: *Миронова И.А.* Правовой обычай как источник современного публичного права. С. 9–12, 170–176.

гражданские процессуальные правоотношения, прежде всего, «обрядовую» сторону процесса[791].

В.В. Самсонов, исследовавший принцип состязательности в отечественном гражданском процессуальном праве, говорит об огромном влиянии обычаев на процессуальное право России, российского гражданского процесса и рассматривает состязательность как правовой обычай[792].

Таким образом, вопрос о значении возникающих при рассмотрении гражданских дел судами общей юрисдикции устойчивых многократно повторяющихся образцов (форм, стандартов) поведения, о возможности объявления их правовыми обычаями, об их соотношении с источниками (формами) гражданского процессуального права представляет определенный теоретический и практический интерес, и мы считаем необходимым сформулировать следующую позицию.

Во-первых, следует повториться – не санкционированные государством обычаи не являются правовыми и не могут быть признаны источником (формой) права, поскольку не являются обязательными и их несоблюдение не влечет правовых последствий. Так, при коллегиальном рассмотрении дел в отечественных судах председательствующий, как правило, размещается посередине, тем не менее соблюдение такого порядка размещения судей необязательно для нормального хода процесса, абсолютно для него безразлично и отступление от него не влечет никаких последствий, следовательно, такой порядок представляет собой сложившееся обыкновение.

Гражданское процессуальное законодательство содержит единственную санкцию на применение судами обычаев при рассмотрении гражданских дел – в ст. 11 ГПК РФ, которая допускает применение исключительно обычаев делового оборота.

---

[791] *Боннер А.Т.* Избранные труды. Т. 2. С. 48–50, 77–80, 173–180.

[792] *Самсонов В.В.* Состязательность в гражданском процессуальном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 8–21, 170–176.

Эта процессуальная норма, как и все положения данной статьи, регламентирует порядок применения норм материального права, но вовсе не нацелена на определение порядка гражданского судопроизводства в федеральных судах общей юрисдикции. В своем исследовании применения обычаев в судебной практике А.В. Малышкин отмечает, что «обычаи как регуляторы общественных отношений используются судами общей юрисдикции в целом ряде случаев»[793], но все приведенные им примеры касаются обычаев, относящихся к материальному (гражданскому, семейному) праву.

Следует обратить внимание на назревшую необходимость приведения ст. 11 ГПК РФ, определяющей применимое при разрешении гражданских дел материальное право, в соответствие с положениями последнего. Дело в том, что термин «обычай делового оборота», ранее использовавшийся в Гражданском кодексе РФ, с 2012 г. заменен термином «обычай»[794], а, например, в Семейном кодексе РФ термин «обычай делового оборота» и не употреблялся, в данном кодексе речь всегда шла о «национальном обычае» (ст. 58). Следовательно, суд, рассматривающий гражданское дело, вправе применить к материальным отношениям сторон любой санкционированный законом обычай, а не только указанный в ст. 11 ГПК РФ «обычай делового оборота». В связи с этим для устранения возможных коллизий с материальным правом из данной статьи следует исключить слова «делового оборота».

Таким образом, поскольку в ст. 11 ГПК РФ речь идет о применении норм материального права, а не норм права гражданского процессуального, это подтверждает существование обычая как формы права, поскольку Гражданский

---

[793] *Малышкин А.В.* Обычаи и традиции в судебной практике судов общей юрисдикции. С. 6–10.

[794] О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2012 г. № 302-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7627.

кодекс РФ допускает его использование, что позволяет признать правовой обычай источником отечественного права в целом, но не дает оснований для его причисления к источникам российского гражданского процессуального права.

Кроме ГПК РФ, норма, отсылающая к обычаям, которые могут учитываться в судах, содержится в ч. 2 ст. 14 Федерального закона от 30.04.1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»[795]. Однако согласно этой норме обычаи малочисленных народов всего лишь могут учитываться судами при рассмотрении дел, в которых представители малочисленных народов выступают в качестве истцов либо ответчиков, при условии, что такие обычаи не противоречат ни законодательству Российской Федерации, ни законодательству субъектов Российской Федерации.

Кроме того, необходимо учитывать целевую направленность данной нормы, которая, как указывает Т.А. Захарова, связана с рассмотрением судами дел, возникших из обстоятельств, обусловленных традиционным образом жизни, традиционной охотой[796]. Оценивая эту норму, необходимо помнить, что «судопроизводство как вид государственной деятельности, регулируемой исключительно из федерального центра, нуждается в единообразии (ст. 71 Конституции Российской Федерации)[797]». Следовательно, в этой норме также речь не идет об обычаях, определяющих порядок гражданского судопроизводства, и иное ее понимание нарушит основополагающие для судопроизводства принципы равенства всех перед законом и судом (ст. 19 Конституции РФ) и равноправия сторон в гражданском процессе (ст. 12 ГПК РФ).

Во-вторых, прямое включение содержания правового (юридического) обычая в текст нормативного правового или иного акта превращает норму, сложившуюся в качестве обычной, в норму писаного права, в норму,

---

[795] Собрание законодательства РФ. 1999. № 18. Ст. 2208.

[796] *Захарова Т.А.* Обычаи коренных малочисленных народов и федеральное законодательство // Журнал российского права. 2018. № 4. С. 26–34.

[797] См.: *Жевак И.И.* Осуществление субъективных процессуальных прав в свете новых источников гражданского процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 3. С. 12–16.

содержащуюся не в правовом обычае, но в ином источнике (форме) права. В этом случае можно вполне справедливо рассматривать обычай как источник в значении силы, повлиявшей на создание этого иного источника (формы) права, как возможную базу для возникновения новых правовых норм, но не как форму права.

Так, достаточно давно сложившиеся в гражданском процессе правила уважительного поведения по отношению к судебной власти и ее представителям – вставать при входе судей в зал судебного заседания, обращаться к судьям со словами: «Уважаемый суд!», стоя выслушивать решения суда и определения, которыми заканчивается дело без вынесения решения, стали нормой гражданского процессуального законодательства (ст. 158 ГПК РФ). До включения этих норм в текст процессуального закона они не были обязательны для участников судопроизводства, не обеспечивались принудительной силой государства, их несоблюдение не влекло ни ответственности, ни неблагоприятных процессуальных последствий для нарушителей, следовательно, они не могли быть причислены к правовым обычаям, а представляли собой обыкновения. В современных условиях заявлять о существовании такого «профессионального правового обычая в публичном праве», как «обычай вставать при появлении в зале судьи»[798], или утверждать, что «обычаем, закрепленным в нормах процессуального права, является положение о том, что по результатам рассмотрения заявления, ходатайства суд выносит определение»[799], некорректно. Так, лица, присутствующие в зале судебного заседания, встают при входе судьи в зал не в силу обычая, но в силу прямого указания закона, а суд разрешает заявленные ходатайства, вынося свои постановления в форме определений, не в связи с существованием обычая, а в силу положений ст. 224 ГПК РФ, согласно которой судебные постановления, не разрешающие дело по существу (именно к таким постановлениям и относятся постановления, принимаемые по результатам рассмотрения заявлений и ходатайств), выносятся в форме определений суда.

---

[798] *Миронова И.А.* Правовой обычай как источник современного публичного права. С. 80.
[799] Там же. С. 138.

В-третьих, следует учитывать, что некоторые нормы и принципы гражданского процессуального права закреплены в тексте процессуального закона не прямо, но имплицитно, они буквально не называются, но выводятся из целого ряда законодательных норм, а иногда из их общего смысла. Поэтому необходимо признать, что состязательная форма разрешения споров не являлась и не является «одним из устоявшихся обычаев», как утверждает В.В. Самсонов[800], как не является обычаем ярко выраженный диспозитивный характер гражданского процесса.

В-четвертых, смешение правового (юридического, судебного) обычая, всегда являющегося неписаным правом, обычая, сложившегося в конкретном суде (ususfori), и судебной практики недопустимо, на что указывал еще Е.В. Васьковский[801]. Вопрос о возможности отнесения таких элементов писаного права, как судебная практика, судебный прецедент, акты высших судов, к источникам (формам) гражданского процессуального права исследовался нами в третьей главе настоящей работы, и относить данные феномены к неписаному праву, к правовым обычаям оснований не имеется.

Что же касается образцов поведения, сложившихся в конкретном суде или даже группе судов, то также нет оснований для их отнесения к правовым обычаям, поскольку обычай должен быть известен подавляющему большинству членов той или иной группы (религиозный обычай – членам конфессии, национальный – представителям этноса, гражданско-правовой обычай – участникам соответствующего рынка) и восприниматься как правило поведения.

В-пятых, как справедливо отмечает В.М. Баранов, обычай является правилом поведения, возникшим в результате постоянного и единообразного повторения

---

[800] *Самсонов В.В.* Состязательность в гражданском процессуальном праве С. 12.
[801] *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского процесса. С. 17.

фактических отношений[802], однако особенностью гражданского процесса является то, что отношения, реализуемые в его ходе, всегда «властеотношения» и возможны только в правовой форме[803]. Кроме того, вряд ли можно вести речь о формировании стереотипа поведения сторон, повторении фактических отношений в гражданском процессе, в котором количество дел с идентичным субъектным составом минимально[804]. Тем более нет оснований соглашаться с Я.В. Трофимовым, полагающим, что повторение «на территории России в течение длительного времени неопределенным кругом истцов и судей» неправильного поведения в ходе гражданского процесса «означает, что перед нами правовой обычай со всеми своими признаками. Причем правовой обычай, вредный для всех и применяемый вместо юридического закона»[805]. Рассматривая приводимые данным автором примеры, следует признать, что в них идет речь либо о мнимых ошибках, которые являются таковыми исключительно по мнению автора, либо о тиражировании ошибок, причины которого могут быть различными и не являются предметом исследования в данной работе.

Таким образом, в гражданском процессе, являющемся в Российской Федерации публичной отраслью права, правовой (юридический) обычай, который мог бы стать источником (формой) права, регулирующим порядок рассмотрения гражданских дел в судах общей юрисдикции, не возникает. Складывающиеся в деятельности судов обыкновения, применительно к гражданскому процессуальному праву, следует рассматривать лишь как возможную основу для возникновения новых правовых норм, как силу, влияющую на создание той или иной нормы, содержащейся в формах писаного права, но не как форму права.

---

[802] См.: *Теория* государства и права: учебник / Под ред. В.К. Бабаева. М.: Юрист, 1999. С 268.

[803] См.: *Гражданский* процесс: учебник / Под ред. М.К. Треушникова. С. 100.

[804] Даже при наличии «серийного» истца, отягощенного синдромом сутяжничества и обращающегося исключительно в один и тот же суд, ответчики, скорее всего, будут разные.

[805] *Трофимов Я.В.* Правовой обычай и гражданское судопроизводство в современной России // Мировой судья. 2012. № 3. С. 17–19.

5.2. Правовая доктрина и ее значение для отечественного гражданского процессуального права

В современных условиях развитие гражданского процессуального права, его судоустройственных и судопроизводственных аспектов должно базироваться на научном подходе, ибо использование метода проб и ошибок дорого обходится как стране, обществу в целом, так и отдельным лицам, нуждающимся в судебной защите своих прав и законных интересов. В связи с этим возрастает значение юридической науки, гражданской процессуальной правовой доктрины. Все чаще употребляются термины «доктринальный», «доктринальная позиция», «процессуальная доктрина», которые зачастую противопоставляются процессуальному закону. Как нам представляется, ни у кого не вызовет возражений утверждение о том, что правовая доктрина представляет собой юридический феномен, оказывающий существенное воздействие на правовую жизнь любого общества, активно влияющий на развитие и совершенствование национальных правовых систем, формирование современного права, правосознания и правоприменительной практики. Тем не менее в юридической теории наличествуют значительные разногласия относительно правовой природы данного феномена, его признаков, свойств и места в системе права, высказываются противоположные взгляды на эти и аналогичные вопросы, по-разному оцениваются регулятивные свойства правовой доктрины, ее соотношение с системой источников (форм) права, само понятие «правовая доктрина» наполняется различным смыслом[806].

---

[806] О широком и узком понимании правовой доктрины см.: *Судебные* доктрины в российском праве: теория и практика: монография / П.П. Серков, В.В. Лазарев, Х.И. Гаджиев и др.; отв. ред. В.В. Лазарев, Х.И. Гаджиев. М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2020. С. 12.

Поэтому, обращаясь к исследованию соотношения правовой доктрины с системой источников (форм) российского гражданского процессуального права, прежде всего необходимо отметить полисемичность термина «правовая доктрина». В словарях и энциклопедиях доктрина определяется как производное от латинского doctrina, означающего «учение, научная или философская теория, политическая система, руководящий принцип»[807], «совокупность признанных научных или официальных взглядов на цели, задачи, принципы и основные направления обеспечения чего-либо»[808]. Термин «доктрина» используется во многих сферах жизни общества и в каждой из них приобретает свое особенное значение. Так, например, в сфере обороны действует военная доктрина, на стыке экономики и государственной безопасности – доктрина продовольственного суверенитета, в сфере международных отношений известна получившая правовое оформление в принятой в ходе 2-й Гаагской конференции 1907 г. конвенции Драго–Портера доктрина Драго, которая устанавливает принцип недопустимости вооруженного вмешательства одного государства в дела другого для взыскания международных долгов[809].

В области права, правового регулирования термин «правовая доктрина» и его синоним – «юридическая доктрина» используются достаточно длительно, что, однако, не привело к единообразному пониманию и не исключает существования нескольких отличающихся значений, в числе которых, например, А.А. Зозуля выделяет:

– правила и ориентиры, используемые для решения многообразных государственных и правовых проблем;

– принадлежащие перу наиболее известных юристов доктринальные тексты, излагающие их взгляды на те или иные проблемы права, содержащие толкование права;

---

[807] Энциклопедический словарь / Гл. ред. Б.А. Введенский. Изд 3-е: В 2 т. М.: Советская энциклопедия, 1963. Т. 1: А – Маскарон. С. 343.

[808] Юридическая энциклопедия / Л.В. Тихомиров, М.Ю. Тихомиров. М.: Изд-во М.Ю. Тихомирова, 2005. С. 293.

[809] См.: Юридический словарь / Гл. ред. С.Н. Братусь, Н.Д. Казанцев, С.Ф. Кечекьян, Ф.И. Кожевников, В.Ф. Коток, П.И. Кудрявцев, В.М. Чхиквадзе. М.: Госюриздат, 1953. С. 186.

– официальные документы, концептуально значимые для построения и деятельности систем, обеспечивающих национальную безопасность;

– системы научно-философских воззрений на государство и право, включая политико-правовые учения;

– господствующая в юридическом сообществе система форм восприятия и понимания права – теоретическая составляющая национальной правовой системы[810].

Несколько по-иному формулирует возможно присущие термину «юридическая доктрина» значения Е.В. Вавилин:

«а) учение (теория) как совокупность теоретических положений о правовых явлениях; б) государственная программа (концепция) регулирования тех или иных отношений, постановка целей, задач, определение средств их реализации; в) совокупность общих начал, исходных конституирующих принципов права, поддерживаемых или санкционированных государством; г) руководящие теоретические принципы, основополагающие дефиниции; д) научные труды юристов»[811].

Мы, однако, считаем, что в целях исследования правовой доктрины в ее соотношении с источниками (формами) гражданского процессуального права целесообразно исключить из вышеприведенной палитры смыслов:

во-первых, значения, излишне неопределенные, такие, как «правила и ориентиры, используемые для решения проблем»;

во-вторых, значения, отсылающие к феноменам государственного происхождения, таким, как принятые за последние годы различные доктрины,

---

[810] *Зозуля А.А.* Доктрина в современном праве: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 27–28.

[811] *Вавилин Е.В.* Тенденции развития отечественной правовой доктрины: механизм осуществления гражданских прав // Научные труды РАЮН: В 3т. М., 2008. Вып. 8. Т. 1. С. 87.

концепции и программы, утверждаемые или одобряемые Президентом[812] или Правительством[813] РФ, ибо указанные акты представляют собой официальные политические документы квазиюридического характера[814] и сближаются до степени смешения с нормативными правовыми актами, что, на наш взгляд, препятствует рассмотрению указанных документов в качестве проявлений правовой доктрины, характеризующейся негосударственным происхождением;

в-третьих, общие начала, дефиниции и принципы, которые, как мы уже отмечали ранее, не могут сами по себе выступать в качестве источника (формы) права, поскольку представляют собой содержание той внешней формы выражения права, в которой они прямо или косвенно зафиксированы. По всей вероятности, действительно возможны ситуации, в которых, как отмечает А.С. Федина, содержание принципов развивается быстрее формы, поскольку выявление истинного содержания принципов прямо связано с развитием науки, а форма, в которой они выражаются, с развитием законодательства[815]. Тем не менее, по нашему мнению, данное обстоятельство, связанное с различными темпами развития указанных явлений, только подчеркивает недопустимость смешения формы и содержания и, напротив, обусловливает необходимость различать сам правовой принцип и ту форму, в которой он находит свое внешнее выражение.

А.А. Васильев ограничивается выделением меньшего числа значений правовой доктрины, полагая, что ее можно рассматривать как:

– юридическую науку в целом или ее часть;

---

[812] О доктрине развития российской науки: указ Президента РФ от 13.06.1996 г. № 884 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 3005; Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 5.12.2016 г. № 646 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 50.С ст. 7074.

[813] Об Экологической доктрине Российской Федерации: распоряжение Правительства РФ от 31.08.2002 г. № 1225-р // Собрание законодательства РФ. 2002. № 36. Ст. 3510.

[814] См.: *Зозуля А.А.* Доктрина в современном праве. С. 124.

[815] *Федина А.С.* Форма и содержание принципов гражданского процессуального права // Журнал российского права. 2014. № 11. С. 107–114.

– учение о праве или идеальном правопорядке;

– господствующие в том или ином обществе представления о праве, его роли и ценности[816].

Последнее из приведенных значений нам также представляется неприемлемым для целей данного исследования по следующим причинам. Во-первых, в силу его неопределенности, поскольку российское общество разделено на классы, страты, национальные и религиозные сообщества, в которых представления о праве могут радикально различаться. Наиболее распространенное из этих представлений может в корне не совпадать с представлениями господствующего слоя либо, имея всеобщий характер, быть нигилистическим, антиправовым, (как, например, выраженное в пословице «Закон – что дышло: куда повернул, туда и вышло» убеждение в способности властей предержащих использовать право в своих интересах). Такие представления о праве не могут претендовать ни на роль правовой доктрины, ни на включение в ее состав в качестве элемента в силу их неправового характера и/или ненаучного происхождения. Во-вторых, необходимо учитывать, что «представления о праве, его роли и ценности» неизбежно в своем развитии складываются в систему политических, правовых и т.п. взглядов, которая именуется идеологией[817], а в соответствии с ч. 2 ст. 13 Конституции РФ никакая идеология не может быть обязательной. Следовательно, допущение использования термина «правовая доктрина» в приведенном смысле исключает возможность признания ее обязательности на территории Российской Федерации, что в свою очередь делает нерациональными дальнейшие исследования, нацеленные на выявление наличия у правовой доктрины в таком понимании признаков источника (формы) права.

Поэтому мы считаем возможным в данном исследовании рассматривать термин «правовая доктрина» исключительно в его узком значении, соответствующем устоявшимся в российском правоведении представлениям о

---

[816] *Васильев А.А.* Правовая доктрина как источник права: историко-теоретические вопросы: дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2007. С. 19–20.

[817] См.: Энциклопедический словарь / Гл. ред. Б.А. Введенский. Т. 1. С. 402.

данном явлении и подчеркивающем его связь с юридической наукой. Так, по точному замечанию Т.М. Пряхиной, отечественная юридическая наука традиционно рассматривает доктрину как систематизированное учение, целостную концепцию, научную теорию, выступающую основой программного действия[818].

По определению Т.Я. Хабриевой, доктрина представляет собой авторитетный взгляд ученых, выраженный в форме принципов, теорий, концепций[819].

Как устойчивую авторитетную научную теорию, лежащую в основе формирования и функционирования большинства элементов правовой системы, описывает правовую доктрину Е.О. Мадаев[820].

В.С. Нерсесянц рассматривал доктрину в качестве учения о форме права, его общей концепции, отдельных положениях и системе права в целом, разрабатывающего и обосновывающего юридико-познавательные формы (принципы, понятия, термины, конструкции, способы, средства, приемы и т.д.) и трактовку позитивного права (его источников, системы и структуры, его действия и восстановления и т.д.)[821].

Н.М. Чепурнова и А.В. Серёгин считают, что правовая доктрина представляет собой совокупность юридических взглядов и методологических положений, которые ориентированы на разрешение правовых споров и формирование правовых позиций по наиболее значимым для общества вопросам[822].

---

[818] *Пряхина Т.М.* Конституционная доктрина современной России: дис. ... д-ра. юрид. наук. Саратов, 2004. С.5.

[819]. *Хабриева Т.Я.* Доктринальное значение российской Конституции. С. 34.

[820] *Мадаев Е.О.* Доктрина в правовой системе Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. Иркутск, 2012. С. 122.

[821] *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства. М.: ИНФРА-М, 1999. С. 382.

[822] *Чепурнова Н.М.* Теория государства и права: учеб. пособие / Н.М. Чепурнова, А.В. Серёгин. М.: ЕАОИ, 2007. С. 244.

С.В. Бошно представляет доктрину как «комплекс теоретических положений, отражающих сложившееся научное мнение, которое в силу своей глубины и авторитетности востребовано общественной практикой и выступает регулятором общественных отношений»[823].

Мы, кроме того, убеждены, что в условиях методологического плюрализма, академической свободы и при отсутствии монополии на научную истину[824] рассматривать правовую доктрину как нечто единое, нечто цельное и монолитное несколько нелогично. Нам представляется вполне справедливым предположить, что правовая доктрина не может существовать в единственном числе и рассматриваться исключительно как общетеоретический феномен.

Поэтому мы считаем возможным поддержать О.В. Зайцева и Р.В. Пузикова в их предложении о необходимости подразделять правовые доктрины по содержанию на общеправовые доктрины, доктрины отдельных отраслей права[825] и доктрины отдельных правовых институтов[826].

К первым, на наш взгляд, следует относить доктрину позитивного права, доктрину естественного права, концепции интегративного правопонимания и другие. К отраслевым правовым доктринам относятся доктрина конституционного права, гражданско-правовая доктрина, гражданская процессуальная доктрина и т.д. Следует отметить, что формирование отраслевых доктрин, безусловно, зависит от вида общеправовой доктрины, в рамках которой они формируются, но как и появление новых отраслей права, появление новых юридических доктрин всегда обусловлено насущными потребностями общества, необходимостью более глубокого, системного регулирования и изучения той или иной сферы

---

[823] *Бошно С.В.* Указ. соч. С. 18.

[824] См.: *Зайцев В.В., Демиева А.Г.* О некоторых проблемах научной новизны в цивилистических исследованиях (на примере диссертационных работ) // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. Т. 1. № 1. С. 64–86.

[825] См.: Зайцев О.В. Современные проблемы доктрины гражданского права: монография. М.: Негосударственное образовательное учреждение дополнительного образования «Институт консультирования и тренинга "Статус"» (Оренбург), 2017. 88 с. ; Зайцев О.В. Проблемные вопросы доктрины гражданского права // Вестник пермского университета. 2014. № 1 (23). С. 111–117.

[826] *Пузиков Р.В.* Юридическая доктрина в сфере правового регулирования: проблемы теории и практики: дис. … канд. юрид. наук. Тамбов, 2003.

общественных отношений. При этом, как мы полагаем, появление отраслевой правовой доктрины предшествует формированию новой отрасли права. Так, например, обособлению исполнительного права от гражданского процессуального предшествовала достаточно непростая дискуссия, одним из результатов которой явилась «разработка целостной концепции законодательства об исполнительном производстве на основе комплексного изучения источников исполнительного права, а также анализа действующей системы правового регулирования деятельности органов принудительного исполнения в Российской Федерации и отдельных зарубежных странах», что создало основу для определения «направлений и тенденций ее развития»[827].

К доктринам отдельных правовых институтов следует относить доктрину судебного прецедента, учение об иске, учение о доказательствах[828] и т.д.

Осознавая отсутствие в современной юридической науке общепризнанной позиции по вопросу о сущности и значении правовой доктрины, признавая невозможность ее исчерпывающей характеристики в данной работе и не претендуя на полноту охвата всех сущностных черт правовой доктрины, мы полагаем необходимым дать собственное определение.

Доктрина гражданского процессуального права, по нашему убеждению, представляет собой характеризующуюся внутренним единством, сформированную в результате теоретического осмысления объективного состояния отечественного гражданского судопроизводства совокупность теоретических взглядов ученых-юристов, признанных в юридической науке обоснованными, по поводу сегодняшнего состояния и перспектив развития гражданского судопроизводства, действительного содержания актов, регулирующих гражданские процессуальные правоотношения, а также различных аспектов правоприменения в ходе гражданского процесса, включающую в себя комментарии к законодательству и судебной практике, объяснения различных дискуссионных аспектов гражданского

---

[827] См.: *Улётова Г.Д.* Источники исполнительного права Российской Федерации. С. 6.

[828] См.: *Фокина М.А.* Механизм доказывания по гражданским делам: дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2011.

процессуального права, но не ограничивающуюся этим и имеющую свое внешнее выражение в научных трудах наиболее авторитетных ученых-процессуалистов.

В целом на сегодняшний день в отечественном правоведении нет единого мнения о том, выступает ли правовая доктрина источником современного российского права, однако в последние годы появляется все больше специалистов в области теории государства и права, рассматривающих доктрину как источник (форму) права. Напротив, в науке гражданского процессуального права к возможности признания доктрины источником (формой) данной отрасли права отношение скорее отрицательное.

В научных работах, посвященных исследованиям в области гражданского процессуального права, употребляются слова «доктрина», «процессуальная доктрина», «доктрина гражданского процессуального права», но, как правило, термин «доктрина» используется в качестве синонима слов «наука», «теория», «учение»[829], а правовая доктрина, процессуальная доктрина не рассматриваются в качестве отраслевого источника (формы) права.

Например, А.Ф. Воронов подчеркивает, что «доктрина не тот источник, которым можно пользоваться и на который можно ссылаться при рассмотрении дел»[830].

А.А. Демичев и О.В. Исаенкова, понимающие под правовой доктриной труды авторитетных юристов, на которые при вынесении решений суды могут ссылаться как на законы, – отмечают, что она источником права в силу сложившейся исторической традиции не признается[831].

---

[829] Здесь необходимо учитывать, что далеко не вся наука является доктриной, как и не все имеющиеся теории, учения являются научными.

[830] *Воронов А.Ф.* Содержание экономической деятельности // Вестник гражданского процесса. 2017. № 6. С. 13–33.

[831] *Демичев А.А., Исаенкова О.В.* Нетрадиционные источники гражданского процессуального права России.

М.Ш. Пацация рассматривает процессуальную доктрину, наряду с правовыми подходами ЕСПЧ и КС РФ, как составную часть правовой идеологии, которая влияет на судебно-правовое развитие в аспекте дискреционных полномочий должностных лиц суда, и отмечает при этом, что доктрина представляет собой ее наиболее слабую часть[832].

Ю.А. Свирин и Е.В. Леус не относят правовую доктрину к числу источников гражданского процессуального права[833].

Во многих авторитетных учебниках по гражданскому процессу правовая доктрина в числе источников гражданского процессуального праване упоминается[834].

Тем не менее мы полагаем, что исследование возможности наличия у правовой доктрины черт, характерных для источника (формы) гражданского процессуального права, представляет собой теоретический и практический интерес, поскольку:

– ряд исследователей в области общей теории государства и права, такие как А.А. Васильев[835], Н.Н. Вопленко[836], А.А. Зозуля[837], С.В. Бошно[838], видят в правовой доктрине источник (форму) отечественного права либо фактор, непосредственно влияющий на правотворческую и правоприменительную деятельность. Следовательно, если правовая доктрина может быть признана источником

---

[832] *Пацация М.Ш.* О дискреционных полномочиях должностных лиц Верховного Суда РФ в гражданском и арбитражном процессах // Вестник гражданского процесса. 2015. № 5. С. 10–61.

[833] *Свирин Ю.А., Леус Е.В.* К вопросу об источниках гражданского процессуального права // Современное право. 2015. № 3. С. 73–78.

[834] См.: *Гражданский* процесс: учебник для студентов высших юридических учебных заведений / Отв. ред. В.В. Ярков. 10-е изд., доп. и перераб. М.: Статут, 2017; *Гражданский* процесс: Учебник / Под ред. М.К. Треушникова. С. 100.

[835] *Васильев А.А.* Правовая доктрина как источник права: историко-теоретические вопросы. С. 8.

[836] *Вопленко Н.Н.* Указ. соч. С. 18.

[837] *Зозуля А.А.* Указ. соч. С. 10.

[838] *Бошно С.В*. Указ. соч. С. 17–18.

(формой) отечественного права в целом, то она может выступать в аналогичном качестве и для отдельной его отрасли;

– в исторически обозримом периоде правовая доктрина уже являлась признанным источником (формой) права. Так, В.В. Скитович и В.В. Седельник отмечают, что в Древнем Риме главным источником права был не закон – lex, а деятельность магистратов и ученых-юристов, правовые нормы создавались судебной властью и доктриной[839]; Д.Я. Малешин пишет, что вплоть до конца XIX в. одним из основных источников скандинавского права, наряду с обычаем, являлась доктрина[840];

– в некоторых государствах доктрина является источником (формой) права и в настоящее время. В связи с этим А.Я. Курбатов обращает внимание на то, что в англосаксонской правовой семье особые полномочия судов обосновываются именно положениями доктрины, которая в данной совокупности национальных правовых систем традиционно относится к источникам права[841]; а В.Ю. Артемов и В.И. Лафитский, отмечая недостаточную кодифицированность законодательства Саудовской Аравии, указывают на присущую мусульманско-правовой доктрине роль источника права[842].

Кроме того, следует заметить, что, несмотря на отсутствие упоминаний о правовой доктрине, равно как и о юридической науке, в ГПК РФ, ряд норм гражданского процессуального законодательства посвящен судебному правотолкованию. Правотолкование же, в свою очередь, является одной из функций правовой доктрины, которая проявляется в том, что тексты, составляющие гражданскую процессуальную доктрину, содержат значительное число комментариев к законодательству, правоприменительной практике, а также разъяснения, толкование, анализ гражданского процессуального права в целом и его отдельных положений.

---

[839] *Скитович В.В., Седельник В.В.* Гражданское право и гражданский процесс: взаимозависимость и самостоятельность // Журнал российского права. 2011. № 5. С. 40–48.

[840] *Малешин Д.Я.* Методология гражданского процессуального права. М.: Статут, 2010.

[841] *Курбатов А.Я.* Указ. соч. 172 с.

[842] *Правосудие* в современном мире: монография / Под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. М.: Норма, Инфра-М, 2012.

Так, в п. 5 ч. 1 ст. 390 ГПК РФ закреплено правомочие суда кассационной инстанции отменить либо изменить обжалуемые постановления и принять новое судебное постановление, если нижестоящим судом допущена ошибка в толковании норм материального права. Проверка правильности применения и толкования не только норм материального, но и норм процессуального права согласно ч. 2 ст. 390 ГПК РФ также отнесена к компетенции кассационной инстанции. Из п. 5 ч. 1 и ч. 2 ст. 391.12 ГПК РФ следует, что аналогичными полномочиями обладает и надзорная инстанция – Президиум Верховного Суда РФ, а нарушение судебным постановлением единообразия в толковании и применении норм права, что возможно при наличии в судебном акте противоречий относительно разъяснений, данных Верховным Судом РФ в постановлениях Пленума или Президиума[843], п. 3 ст. 391.9 ГПК РФ включается в число оснований для отмены или изменения судебных постановлений в порядке надзора.

Нам представляется очевидным, что толкование права, осуществляемое нижестоящими судами, равно как разъяснение права Верховным Судом РФ в постановлениях Пленума и постановлениях Президиума, сопряжено с обращением не только к действующему законодательству, но и к достижениям юридической науки, к правовой доктрине, что прямо свидетельствует о ее значимости для правового регулирования и правоприменения.

Кроме того, отнесение того или иного текста к источникам (формам) права в юридической деятельности, а тем более в судопроизводстве, может выступать критерием правомерности тех или иных действий, основанием для оценки легальности поведения и/или принятого решения. Поэтому мы полагаем, что вопрос о возможности включения правовой доктрины в систему источников (форм) гражданского процессуального права имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

---

[843] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3: утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 25.11.2015 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 3, 4.

Между тем, к нашему сожалению, использование трудов ученых-процессуалистов для обоснования судами того или иного процессуального решения скорее представляет редкостное исключение, нежели устоявшееся правило, и связано это, как нам видится, прежде всего с отсутствием у процессуальной доктрины тех черт, которые являются необходимыми для источника (формы) гражданского процессуального права, а именно таких, как соответствие требованиям правовой определенности и обязательности, а также с отсутствием механизма применения доктринальных положений в гражданском судопроизводстве.

В судебных решениях, как правило, содержатся ссылки на Конституцию, законы, иные нормативные правовые акты, акты высших судов, но не на научные труды и положения правовой доктрины, хотя последние могут быть использованы и используются судами при решении тех или иных процессуальных вопросов. Ссылки на работы известных юристов встречаются в судебных решениях исключительно как способ дополнительной аргументации, и это скорее исключение, чем правило.

Связано это с тем, что, как справедливо отмечает О.В. Зайцев, объективно невозможно определить совокупность качественных характеристик научного труда, позволяющих ему обладать признаками источника (формы) права. Авторитетность ученого или научной школы таковыми не являются, поскольку в современной науке имеется множество примеров достаточно жесткой критики, высказываемой уважаемыми, авторитетными учеными в отношении позиций друг друга[844]. В связи с чем встает не разрешимый на практике вопрос: кто будет определять, является ли тот или иной текст научным или квазинаучным?

---

[844] *Зайцев О.В.* Становление и развитие современной доктрины гражданского права в России: дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2017. С. 63–64.

Так, В.А. Хохлов, понимающий под доктриной систему взглядов отдельных ученых или групп ученых, относительно трактовки определенного правового феномена отмечает, что доктрина всегда выражает субъективное (индивидуальное) научное мнение, хотя это мнение и является аргументированным[845]. Именно такая субъективность, сопряженная с наличием в гражданской процессуальной науке противоположных точек зрения, каждая из которых подтверждается разной степени убедительности доводами, и позволяет рассматривать гражданскую процессуальную доктрину как нечто недостаточно определенное для использования в качестве источника (формы) права.

Кроме того, возникает принципиально важный, но риторический вопрос: могут ли ученые-юристы, не обладающие законодательной или судебной властью, создавать нормы, которые сами по себе будут общеобязательными?

Как мы отмечали в предыдущих главах, в Конституции и действующем законодательстве можно усмотреть разной степени эксплицитности основания для признания легального права на нормотворчество за Конституционным Судом РФ и Верховным Судом РФ. В отношении доктрины ситуация совершенно иная. Следует осознать, что признание правовой доктрины источником (формой) права фактически расширит круг субъектов правотворческой деятельности, однако неясно, кто и на каком основании может наделить ученых-юристов полномочиями формулировать, создавать общеобязательные правила поведения, неисполнение которых повлечет за собой юридическую ответственность.

Мы полагаем, что для признания доктрины источником (формой) гражданского процессуального права у судов должны существовать легальные, подтверждаемые ссылками на закон, пусть даже содержащий имплицитные, как в случае с актами высших судов, основания для вывода о ее общеобязательности. Поэтому мы проанализируем законодательство на предмет возможности выявления признаков прямого или косвенного закрепления в гражданском

---

[845] *Российское* предпринимательское право: учебник / Под ред. В.А. Хохлова. М.: РИОР, 2009. С. 15.

процессуальном законе необходимости обращения к правовой доктрине как источнику (форме) права.

Так, например, встречаются рассуждения, в которых делается верный промежуточный вывод: поскольку ч. 5 ст. 11 ГПК РФ допускает применение судом норм иностранного права, а в соответствии со ст. 195 ГПК РФ решение суда должно иметь обоснованный характер, то российский суд должен обращаться к исследованию и толкованию применяемых норм зарубежного права. Далее, исходя из закрепленного в ч. 4 ст. 1 ГПК РФ права суда применять аналогию закона, также абсолютно верно утверждается необходимость применения в гражданском судопроизводстве положений ч. 1 ст. 14 АПК РФ, согласно которым суд при применении норм иностранного права должен установить содержание этих норм, в том числе в понимании, согласующемся с доктриной, существующей в соответствующем государстве. Однако следующий в этой цепочке рассуждений вывод о том, что иностранная правовая доктрина «в указанном случае используется наряду с такими источниками, как нормы законодательства и судебная практика»[846], т.е. является источником (формой) отечественного права, нам представляется неприменимым к российскому гражданскому процессуальному праву, поскольку в ст. 14 АПК РФ, как и в ст. 11 ГПК РФ, речь идет о применении норм материального, но не процессуального права.

Следовательно, вышеприведенная цепочка рассуждений может лишь привести к выводу о том, что иностранной правовой доктрине в определенных случаях могут быть присущи свойства, характерные для источника (формы) той или иной отрасли материального права, но эти рассуждения не могут служить основанием для вывода об отнесении правовой доктрины к источникам (формам) гражданского процессуального права.

Кроме того, подобные рассуждения не решают проблему отсутствия у правовой доктрины свойства правовой определенности, так как не дают ответа на

---

[846] См.: *Шуберт Т.Э.* Роль доктрины в законотворчестве и правоприменении (на примере Конституционного Суда Российской Федерации) // Журнал российского права. 2017. № 2. С. 48–56.

вопрос, какой именно текст, какую из многих юридических теорий следует признать доктринальной, а какую нет, по какому критерию можно отличить научные положения, за которыми следует признать силу нормы права, от положений, сформулированных в качестве научных гипотез.

При этом следует обратить внимание на абсолютно верное, подчеркивающее значение правовой доктрины умозаключение Т.Н. Нешатаевой о том, что «теоретические исследования являются важнейшим источником знания при восполнении в порядке аналогии закона или аналогии права многочисленных пробелов законодательства»[847]. Но мы хотим подчеркнуть, что именно источником знания, но не источником в значении формы права.

Поэтому нельзя согласиться с Т.Э. Шуберт, которая, обратив внимание на общепринятую среди юристов практику – обращаться к комментариям законодательства, полагает, что доктрина «в полном объеме восполняет правовые пробелы, развивает право и формулирует новые правоположения»[848]. Юристы, включая судей и представителей законодательных органов, действительно достаточно часто обращаются к комментариям законодательства, содержащим доктринальные тексты, однако эти тексты сами по себе не восполняют пробелы в праве, а предлагают возможные варианты их заполнения. С таким же успехом судьи могут положить в основу решения не доктринальные положения, а собственные рассуждения.

Описываемые в юридической литературе случаи использования судами отдельных положений правовых доктрин для мотивировки своих решений в действительности не демонстрируют судейского восприятия доктрины в качестве источника (формы) права. Подобные ссылки, по нашему мнению, представляют собой лишь один из дополнительных аргументов, не имеющий решающего характера, используемый наряду с правилами логики и бытового здравого смысла,

---

[847] *Нешатаева Т.Н.* К вопросу об источниках права - судебном прецеденте и доктрине. С. 110.

[848] *Шуберт Т.Э.* Доктрина, законодательство, судебная практика: вопросы взаимовлияния: монография. М.: ИНФРА-М, 2018. С. 12.

и зачастую являются проявлением либо недостаточного знания процессуального законодательства, либо отсутствия желания прямо на него ссылаться.

Так, приводимые в качестве подобного примера факты мотивировки судами своих выводов «теорией плодов отравленного дерева», согласно которой «все осуществленные процессуальные действия и полученные результаты после приобретения доказательств с нарушением закона … не могут оцениваться как допустимые, относимые и достоверные»[849], на самом деле представляют результат поэтического переложения общеизвестного правила логики, согласно которому из неверной посылки может следовать все, что угодно, в том числе даже правильный вывод.

Более того, так называемая «теория плодов отравленного дерева», которая когда-то, возможно, и была впервые сформулирована в тексте, созданном ученым-юристом, а затем признана частью правовой доктрины, в настоящее время в гражданском процессуальном праве полностью поглощена правилом о том, что полученные с нарушением закона доказательства не могут быть положены в основу судебного решения ввиду отсутствия у них юридической силы, т.е. нормой, прямо закрепленной в ч. 2 ст. 55 ГПК РФ, который и является формой внешнего выражения права.

Нет ни малейших оснований соглашаться с позицией В.В. Дервоеда, который утверждает, что если доктринальные положения включаются в структуру какого-нибудь иного источника права, содержащего нормы права, т.е. формы права, то доктрина должна рассматриваться как полноценный источник права[850].

В данном случае мы видим наглядное проявление такого подмеченного С.В. Бошно свойства правовой доктрины, как стремление раствориться в других источниках и формах права[851]. Положения, сформулированные в доктрине, в юридической науке, после их включения в текст закона получают свое внешнее

---

[849] См.: *Сокольская Л.В., Анисимов А.П.* Проблемы легализации правовой доктрины в Российской Федерации // Современное право 2019 № 4 С. 8.

[850] *Дервоед В.В.* Доктрина (наука) в качестве источника права в Республике Беларусь: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2006. С. 11.

[851] *Бошно С.В.* Указ. соч. С. 270.

выражение в форме нормативного правового акта, а после их включения в текст судебного постановления – в форме судебного прецедента или иного акта, фиксирующего результаты судебного правотворчества.

Случаи обращения к правовой доктрине для обоснования применимых к гражданскому процессуальному праву правовых позиций можно обнаружить в практике Конституционного Суда РФ, состоящего из известных отечественных ученых-юристов, которые при осуществлении конституционного правосудия обращаются к авторитетным научным источникам.

Так, в п. 3.1. Постановления Конституционного Суда РФ от 18.11.2014 г. № 30-П[852] упоминается современная доктрина справедливого правосудия, ссылка на которую использована для обоснования вывода о том, что принципы законности, конфиденциальности, диспозитивности, состязательности, равноправия сторон, независимости и беспристрастности третейских судей являются фундаментальными, но их проявление в третейском разбирательстве в силу негосударственной природы третейского суда имеет свои особенности, состоящие в следующем:

– принцип законности означает в том числе, что к основаниям для отмены решения третейского суда либо отказа в его исполнении является вынесение им решения а) с нарушением основополагающих принципов российского права; б) по спору, не могущему быть предметом третейского разбирательства в соответствии с федеральным законом;

– принцип диспозитивности имеет более широкое содержание, чем в гражданском судопроизводстве.

Создана ли таким выводом Конституционного Суда РФ новая норма (нормы) процессуального права? Нам представляется, что нет. Достаточно ли было бы Конституционному Суду РФ для того, чтобы прийти к аналогичным выводам,

---

[852] По делу о проверке конституционности положений статьи 18 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», пункта 2 части 3 статьи 239 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 10 Федерального закона «О некоммерческих организациях» в связи с жалобой открытого акционерного общества «Сбербанк России»: постановление Конституционного Суда РФ от 18.11.2014 г. № 30-П // Собрание законодательства РФ. 2014. № 47. Ст. 6634.

сослаться на положения гражданского процессуального законодательства? Нам представляется, что да.

В ГПК РФ прямо закреплено, что рассмотрение третейским судом спора, не могущего быть предметом третейского разбирательства, является основанием для отмены решения третейского суда (ст. 421) или отказа в выдаче исполнительного листа на его принудительное исполнение (ст. 426). В этих же статьях ГПК РФ в качестве соответствующих оснований, на момент принятия Конституционным Судом РФ указанного постановления, называлось нарушение третейским судом основополагающих принципов российского права. Большая же диспозитивность третейского производства вытекает из положений процессуального законодательства и законодательства об арбитраже (третейском разбирательстве). Таким образом, в данном случае упоминание доктрины явилось факультативным и не может рассматриваться как пример ее использования в качестве источника (формы) гражданского процессуального права.

Упоминание в ч. 2 п. 6 Постановления Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 г. № 21-П доктрины свободы усмотрения (margin of appreciation), предполагающей, что государство имеет всю полноту «публичной власти для установления и осуществления эффективных мер защиты и обеспечения реализации»[853] прав, закрепленных в Европейской конвенции по правам человека, также не привело к созданию новой нормы гражданского процессуального права.

Не была создана новая норма права и использованием в п. 2 Постановления Конституционного Суда РФ от 11.07.2017 г. № 20-П ссылки на доктрину процессуального права для дополнительного обоснования отсутствия несовместимости «универсального (общего) характера принципа присуждения судебных расходов лицу, в пользу которого состоялось судебное решение, с теми или иными формами проявления дифференциации правил распределения судебных расходов». Сделанный в данном Постановлении итоговый вывод о неконституционности оспариваемых норм в той мере, в какой они, по смыслу,

---

[853] См.: *Гюлумян В.Г.* Принципы толкования Европейской конвенции прав человека (критика и защита) // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 3. С. 6–18.

придаваемому правоприменительной практикой, фактически исключали возможность присуждения судебных расходов истцу (административному истцу) при отсутствии возражений противной стороны, даже в тех случаях, когда права истца (административного истца) были нарушены в результате ошибки, «допущенной при формировании методики определения кадастровой стоимости или при ее применении к конкретному объекту недвижимости»[854], и (или) судебные расходы не связаны с процессуальным поведением истца (административного истца) после обращения в суд, непосредственно ссылками на доктрину не обосновывался. Таким образом, процессуальная доктрина и в этом случае была использована не как форма права, а как источник знаний о праве.

Однако нельзя исключить в будущем возможности создания новой нормы гражданского процессуального права Конституционным либо Верховным Судом РФ с использованием ссылок на правовую доктрину, причем не просто с ее упоминанием в качестве одного из дополнительных доводов, но с включением ее в число аргументов, необходимых для сотворения такой нормы. В подобном случае будет необходимо вновь вспомнить об уникальности, исключительности доктрины как источника права, специфика которого, как справедливо обращает внимание М.Ю. Емелин, состоит в стремлении слиться с другими источниками (формами) права, раствориться в них, превратиться в результат правотворческой деятельности, направленной на создание нормативного правового акта, или судебный прецедент, устанавливающий определенную практику разрешения той или иной категории споров[855]. Поэтому мы полагаем, что даже такая ситуация не даст нам оснований вести речь о приобретении доктриной свойств источника права в значении формы права, поскольку доктринальные положения, использованные

---

[854] По делу о проверке конституционности положений статьи 111, части 5 статьи 247 и пункта 2 части 1 статьи 248 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, частей 1 и 2 статьи 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданки Н.Б. Слободяник и федерального государственного бюджетного учреждения «Российский сельскохозяйственный центр»: постановление Конституционного Суда РФ от 11.07.2017 г. № 20-П // Собрание законодательства РФ. 2017. № 30. Ст. 4726.

[855] *Емелин М.Ю.* Правовая доктрина в системе источников общего права: на основе анализа правовой системы США: дис. ... канд. юрид. наук. Пенза, 2015. С. 38.

для создания новой нормы права, в этом случае неминуемо преобразуются в одну из форм судебного правотворчества.

Научные работы не могут рассматриваться как феномен, самодостаточный для обоснования судебных решений. Так, например, в Определении Верховного Суда РФ от 29.05.2001 г. № 83-Г01-08 ссылка суда первой инстанции «на учебник теории государства и права под редакцией доктора юридических наук Алексеева С.С. и на комментарий к статье 116 ГПК РСФСР (под редакцией Сергеева Д.А. и Рыжакова А.П.)» признана неправомерной, «поскольку учебники и комментарии к законодательству не являются источниками права и в силу ст. 10 ГПК РСФСР[856] не могут применяться судом непосредственно в качестве обоснования судебного решения»[857].

Имеющиеся примеры успешной, эффективной работы научно-консультативных советов при законодательных органах и различных судах[858], случаи обращения законодательной и судебной власти в научные учреждения с просьбами дать заключение, консультацию по тем или иным сложным правовым вопросам не означают, что выводы, сформулированные в таких заключениях, консультациях, обязательны во время принятия закона либо судебного постановления. Так, например, закрепленный в § 75 Регламента Конституционного Суда РФ[859] механизм взаимодействия Конституционного Суда РФ с научными

---

[856] Аналог ст. 11 ГПК РФ (примеч. авт.).

[857] Отдельные положения Закона Брянской области «О законах и иных нормативных правовых актах Брянской области» правомерно признаны противоречащими федеральному законодательству, так как в них указывается на придание официальным актам – разъяснениям областной Думы той же юридической силы, что и областным законам: Определение Верховного Суда РФ от 29.05.2001 г. № 83-Г01-08 // СПС КонсультатПлюс.

[858] Например, Научно-консультативный совет при Верховном Суде РФ действует для подготовки научно обоснованных рекомендаций по принципиальным вопросам судебной практики на основании ст. 19 Федерального конституционного закона от 5.02.2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации».

[859] Регламент Конституционного Суда РФ // Вестник Конституционного Суда РФ. № 4. 2016.

организациями и гражданами, осуществляющими научную деятельность, безусловно, расширяет возможности использования юридической доктрины и подтверждает тезис, что «решение суда не может быть принято без единства доктрины и практики, а доктрина, в свою очередь, невозможна без науки»[860], но, наоборот, как и содержание Положения о Научно-консультативном совете при Верховном Суде РФ[861], ярко свидетельствует о рекомендательном характере научных заключений amicus curiae (друзей суда), что само по себе достаточно убедительно подтверждает отсутствие обязательного характера у правовой доктрины.

Таким образом, правовая доктрина, безусловно, выступает источником в материальном смысле данного слова, прежде всего источником знаний о праве, некой базовой правовой материей, служащей основой для возникновения права в форме закона, судебного прецедента или иной форме. Правовая доктрина может помогать в выявлении нормы права, содержащейся в той или иной форме права, однако сама не является формой внешнего выражения норм гражданского процессуального права, новых общеобязательных правил поведения, действующих в отношении неопределенного круга лиц, не создает, так как не обладает для этого необходимыми определенностью и обязательностью. При включении положений юридической доктрины в акт того или иного государственного органа они, конечно, приобретают обязательность, равную обязательности такого акта, но при этом положения доктрины растворяются в том акте, в который они были включены, поглощаются им, принимают форму, присущую акту, поглотившему их.

---

[860] См.: *Бондарь Н.С., Джагарян А.А.* Правосудие: ориентация на Конституцию: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2018. // СПС КонсультантПлюс.

.[861] Об утверждении Положения о Научно-консультативном совете при Верховном Суде Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7.08.2014 г. № 8 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2014. № 10.

При этом нельзя недооценивать значимость доктрины для развития гражданского процессуального права, формирования его аналитического, системного понимания, необходимого для устранения возникающих в ходе его развития недостатков, а также для разрешения правовых коллизий. Влияние правовой доктрины на процессуальное законодательство во многом обусловлено значением формирующих ее научных изысканий. Достижения научной мысли, отраженные в доктрине, как пишет Х.И. Гаджиев, «должны проникать и влиять на законодательство и правоприменение»[862]. Динамично реагируя на изменения в общественной жизни, наука оказывает опосредованное воздействие и на законодателя, и на правоприменителя, прежде всего формируя правосознание субъектов права, в первую очередь судей и других юристов, субъектов, которые своей деятельностью создают право.

Поэтому доктрину гражданского процессуального права следует рассматривать как источник законотворчества, системосоздающий феномен, являющийся теоретико-методологической основой правовой системы, феномен, предлагающий перспективные модели процедуры рассмотрения гражданских дел в судах общей юрисдикции, феномен, влияющий на духовные, ментальные ценности, прежде всего на правосознание судей, практикующих юристов и иных участников гражданского процесса. Мы полагаем, что именно доктрина гражданского процессуального права, научные исследования в области судоустройства и гражданского судопроизводства, отражающие реальные потребности российского общества, в будущем позволят вывести наше правосудие на новый, более высокий уровень правоприменения, сопоставимый с лучшими мировыми стандартами.

Завершая настоящую главу, считаем необходимым еще раз привести основные положения и выводы.

1. Используемое в юридической науке для обозначения одной из групп источников (форм) права наименование – «нетрадиционные» – несколько неточно

---

[862] *Гаджиев Х.И.* Судебные доктрины и эффективность правоприменения. С. 15.

и не отражает действительного положения вещей. Такие составляющие эту группу феномены, как обычай, религиозные нормы и правовая доктрина, выступают наиболее традиционными для многих правовых систем. А обычай и религиозные нормы исторически являются самыми первыми источниками (формами) права, предшествовавшими письменному законодательству, а fortiori – конституциям и кодифицированным законам.

Поскольку явления, составляющие эту группу, выступают наиболее традиционными для многих правовых систем, предлагается именовать эту группу нетипичными (нехарактерными) источниками, указывая, для какой конкретно правовой системы или отрасли права исследуемый феномен является нехарактерным (нетипичным). Составляющие эту группу обычаи, религиозные тексты и правовая доктрина в Российской Федерации не являются формами внешнего выражения норм гражданского процессуального права, но могут выступать основой для возникновения новых правовых норм, для создания той или иной нормы, содержащейся в правовых актах.

2. Источником (формой) права может выступать не любой обычай, а только правовой (юридический), приобретающий обязательную силу в результате санкционирования государством. Правовой обычай, не противореча закону, сосуществует с ним, выполняя функцию дополнения положений закона либо устанавливая норму в условиях отсутствия законодательного регулирования, не противореча общим началам и смыслу закона.

Санкционирование правового обычая осуществимо путем введения в закон или иной акт[863] нормы, отсылающей к обычаю. При прямом включении сформировавшегося в форме обычая правила поведения в текст акта, санкционирующего его применение, несмотря на сохранение содержания правила поведения неизменным, обязательность этой нормы будет проистекать из юридической силы акта. В результате норма, сложившаяся в качестве обычной,

---

[863] Наряду с законодательным санкционированием только при санкционировании применения обычая высшими судами России путем включения в указанные категории судебных актов отсылок к обычаю можно вести речь о приобретении обычаем свойств правового обычая и рассматривать его как источник (форму) той или иной отрасли права.

превращается в норму писаного права, в норму, содержащуюся не в правовом обычае, но в ином источнике (форме) права.

Правовой обычай необходимо отграничивать от обыкновения[864] и заведенного порядка[865], которые юридически не обязательны, не подкрепляются государственной санкцией и правовую норму не создают.

В гражданском процессуальном праве, являющемся в Российской Федерации публичной отраслью права, правовой (юридический) обычай, который мог бы стать источником (формой) права, регулирующим порядок рассмотрения гражданских дел в судах общей юрисдикции, не возникает. Складывающиеся в деятельности судов обыкновения, применительно к гражданскому процессуальному праву следует рассматривать лишь как возможную основу для возникновения новых правовых норм, влияющую на создание той или иной нормы, содержащейся в формах писаного права, но не как форму права.

Суд, рассматривающий гражданские дела, вправе применять к материальным отношениям сторон любые санкционированные законом обычаи, а не только указанный в ст. 11 ГПК РФ «обычай делового оборота». В связи с этим для устранения коллизий с материальным правом из данной статьи следует исключить слова «делового оборота».

3. Доктрина гражданского процессуального права представляет собой характеризующуюся внутренним единством, сформированную в результате научного осмысления объективного состояния отечественного гражданского судопроизводства совокупность теоретических взглядов ученых-юристов, признанных в юридической науке обоснованными, по поводу сегодняшнего состояния и перспектив развития гражданского судопроизводства, действительного содержания актов, регулирующих гражданские процессуальные правоотношения, а также различных аспектов правоприменения в ходе

---

[864] Обыкновение – широко распространенная, общая, но не обязательная для сторон практика поведения, за которой, в отличие от правового обычая, не признается юридически обязательный характер и которая не является нормой права.

[865] Заведенный порядок (общепринятая практика) – существование определенного порядка исполнения обязательств между конкретными участниками правоотношений (например, взаимоотношений между контрагентами).

гражданского процесса, включающую в себя комментарии к законодательству и судебной практике, объяснения различных дискуссионных аспектов гражданского процессуального права, но не ограничивающуюся этим и имеющую свое внешнее выражение в научных трудах наиболее авторитетных ученых-процессуалистов.

Правовая доктрина может помогать в выявлении нормы права, содержащейся в той или иной форме права, однако сама не является формой внешнего выражения норм гражданского процессуального права, новых общеобязательных правил поведения, действующих в отношении неопределенного круга лиц, не создает, так как не обладает для этого необходимыми определенностью и обязательностью. При включении положений юридической доктрины в акт того или иного государственного органа они, конечно, приобретают обязательность, равную обязательности такого акта, но при этом положения доктрины растворяются в том акте, в который они были включены, и поглощаются им, принимают форму, присущую акту, поглотившему их.

Таким образом, доктрину гражданского процессуального права следует рассматривать как источник знаний о праве, служащий основой для возникновения права в форме закона, судебного прецедента или иной форме, как системосоздающий феномен, являющийся теоретико-методологической основой правовой системы, феномен, предлагающий перспективные модели правовой реальности, судоустройства и гражданского судопроизводства, правового регулирования процедуры рассмотрения гражданских дел в судах общей юрисдикции, феномен, влияющий на духовные, ментальные ценности, прежде всего на правосознание судей, практикующих юристов и иных участников гражданского процесса. Толкование права, осуществляемое судами, сопряжено с обращением не только к действующему законодательству, но и к достижениям юридической науки, к правовой доктрине, что прямо свидетельствует о ее значимости для правового регулирования и правоприменения.

6. Проблемы и перспективы развития системы источников (форм) гражданского процессуального права

6.1. Основные черты и сущностные характеристики системы источников (форм) гражданского процессуального права

Как мы продемонстрировали в предыдущей части настоящей работы, состав источников (форм) российского гражданского процессуального права не ограничен актами, упоминаемыми в ст. 1 ГПК РФ. Напротив, непоименованные в данной статье феномены, содержащие гражданские процессуальные нормы, являются не изолированными, а наряду с актами, поименованными в ст. 1 ГПК РФ, образуют целостную систему источников (форм) российского гражданского процессуального права.

Для исследования свойств этой системы следует обратиться к понятию системность права, которое Д.А. Керимов определяет как «объективное объединение (соединение) по содержательным признакам определенных правовых частей в структурно упорядоченное целостное единство, обладающее относительной самостоятельностью, устойчивостью и автономностью функционирования»[866].

Далее, переходя на отраслевой уровень, заметим, что В.М. Шерстюк определяет систему гражданского процессуального права как «обусловленную единством гражданских процессуальных отношений, внутренне согласованную совокупность гражданских процессуальных норм, институтов и других, относительно самостоятельных, структурных подразделений этой отрасли права, объединенных в единое целое устойчивыми типовыми связями»[867], и такое определение не вызывает обоснованных возражений.

---

[866] *Керимов Д.А.* Методология права: предмет, функции, проблемы философии права: монография. 3-е изд., перераб. и доп. М.: СГА, 2003. С. 251.

[867] *Шерстюк В.М.* Система советского гражданского процессуального права (вопросы теории). М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 19.

На основании данных определений, а также общих положений отечественной правовой доктрины можно заключить, что системность является одним из наиболее существенных свойств как гражданского процессуального права, так и его источников (форм).

В последние годы гражданское процессуальное право активно развивается. Возникают и исчезают целые институты и объединения институтов, меняется состав и содержание принципов гражданского процесса, следовательно, меняется, развивается и система его источников, форм его внешнего выражения[868]. Однако, как отмечают ряд исследователей, при этом по причинам недостатков методологии, наличия неопределенности на концептуальном уровне зачастую появляются новые проблемы, ошибки в регулировании, что порой приводит к нарушению целостности и единства системы гражданского процессуального права[869] и снижает динамику его развития в целом[870]. В связи с этим актуализируются вопросы, касающиеся исследования системы гражданского процессуального права, в том числе системы его источников (форм).

В современной юридической науке существует два основных подхода к изучению системности гражданского процессуального права, существование которых обусловлено глубиной и сложностью данного понятия, сочетающего в себе как многообразие элементов, так и наличие между ними глубоких системообразующих связей, обеспечивающих их единообразие.

---

[868] См.: *Самсонов Н.В.* К вопросу о системности гражданского процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 10. С. 6.

[869] См.: *Шерстюк В.М.* 1) Современные проблемы гражданского и административного судопроизводства: Сб. ст. М.: Статут, 2015. С. 83–84; 2) Основные проблемы системы гражданского процессуального права: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 1989.

[870] См.: *Малешин Д.Я.* Гражданская процессуальная система России. М.: Статут, 2011.

Первый подход основан на исследовании иерархического строения системы и отдельного анализа каждого из ее элементов, одним из которых являются источники (формы) гражданского процессуального права. Отправной точкой данного подхода является введенное М.В. Шерстюком понятие «уровень строения системы», которое имеет основное значение для уяснения «целостности, состава и структуры отрасли права, ее внутренней согласованности и непротиворечивости»[871]. В системе гражданского процессуального права в соответствии с данным подходом можно выделить от трех до пяти уровней.

Так, Я.Ф. Фархтдинов полагал, что в гражданском процессуальном праве институты объединяются в единую отрасль права, минуя подотрасли[872], т.е. выделял, считая базовым элементом системы правовую норму, три уровня. М.В. Шерстюком предложено более дробное деление: правовая норма, институт, объединение институтов, правовой комплекс, подотрасль – данное деление, на наш взгляд, наиболее точно отражает исследуемую структуру. Каждый уровень строения системы гражданского процессуального права «имеет свой предмет регулирования и является ее относительно самостоятельным структурным подразделением»[873], что отражается и на системе его источников (форм). Однако помимо отличительных признаков каждому уровню системы присущи и общие черты, интегративные свойства.

Актуальность данного подхода подчеркивается существующим делением норм гражданского процессуального права на общие и специальные по причине многоуровневого характера системы. В российском гражданском процессуальном праве можно выделить условную общую часть, состоящую из I раздела ГПК РФ – «Общие положения» (гл. 1–10), а также условную особенную часть, которая

---

[871] *Шерстюк В.М.* Современные проблемы гражданского и административного судопроизводства. С. 69.

[872] *Фархтдинов Я.Ф.* Источники гражданского процессуального права. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1989. С. 59.

[873] *Шерстюк В.М.* Современные проблемы гражданского и административного судопроизводства.

включает нормы, регламентирующие движение дела по процессуальным стадиям, и положения, определяющие порядок рассмотрения гражданских дел, относящихся к тому или иному виду гражданского судопроизводства, либо устанавливающие особенности рассмотрения той или другой категории гражданских дел.

Стоит отметить, что в целом такое «расчлененное» исследование системных компонентов позволяет избежать путаницы в установлении реальных системообразующих связей между ними, имеет своей целью достижение более полного и правильного понимания сути функционирования и развития различных правовых явлений.

Второй подход предполагает изучение системности гражданского процессуального права с акцентом на формы проявления взаимосвязанности, взаимосогласованности и взаимодействия норм единой системы права[874]. Ряд исследователей-правоведов, в том числе В.М. Семенов, подчеркивают, что характер связей между системообразующими компонентами, обусловливающий их единство, не менее важен при исследовании правовых систем, нежели изучение отдельно взятых свойств каждого из них[875], изучение системности права именно с данных позиций имеет существенное значение для понимания природы гражданского процессуального права.

Полагаем, что данные подходы не только не являются взаимоисключающими, но, напротив, при совместном использовании дают наиболее целостную и полную картину системности исследуемых феноменов.

Значимость системности обусловлена, во-первых, спецификой предмета российского гражданского процессуального права, каковым выступают общественные отношения, возникающие между судом общей юрисдикции и иными субъектами в сфере гражданского судопроизводства. Являясь сложной комплексной системой, такие общественные отношения требуют системности

---

[874] См.: *Черданцев А.Ф.* Системность норм права // Сборник ученых трудов СЮИ. 1970. Вып. 12. С. 47.

[875] *Семенов В.М.* К вопросу о ценности гражданского процессуального права и гражданской процессуальной формы // Краткая антология уральской процессуальной мысли: 55 лет кафедре гражданского процесса УрГЮА / Под ред. В.В.Яркова. Екатеринбург, 2004. С. 106.

норм права, их регулирующих, следовательно, источники (формы) отечественного гражданского процессуального права также должны отвечать требованиям системности.

Во-вторых, использование индуктивного метода, т.е. исследования отдельных, частных элементов с целью установления общих закономерностей, позволяет верифицировать ранее сформулированные гипотезы о свойствах системы в целом.

В-третьих, при реформировании правовой системы изменение одного ее элемента, в силу взаимосвязанности и взаимозависимости составляющих систему элементов, должно влечь за собой последовательное и закономерное преобразование других, в противном случае возможно рассогласование системы (что в настоящий момент проявляется, например, в определенном рассогласовании приказного и упрощенного производства).

Таким образом, системность позволяет как обеспечить отсутствие противоречий между источниками (формами) права, содержащими нормы, регулирующие процессуальные действия одного этапа, стадии гражданского процесса, добиться корреспонденции этих норм, так и определить четкую последовательность действий следующего уровня в зависимости от результата предшествующих действий, т.е. создать условия для своевременного и эффективного отправления правосудия на всех его стадиях.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что о системности образования, в нашем случае системности гражданского процессуального права и его источников (форм), можно вести речь при наличии совокупности следующих признаков: 1) относительная автономность функционирования; 2) внутреннее единство, согласованность и непротиворечивость; 3) взаимосвязанность элементов; 4) устойчивость.

Как и любая система, гражданское процессуальное право является «совокупностью взаимосвязанных элементов, обособленной от среды и

взаимодействующей с ней как одно целое»[876]. При этом единство и системность норм гражданского процессуального права определяется как внешними, так и внутренними предпосылками. В качестве внешней среды можно рассматривать нормы смежных отраслей права, а также правила поведения, установленные иными, в том числе внеправовыми, социальными, регуляторами. Непротиворечивость же норм гражданского процессуального права вышеупомянутым однопорядковым системам обеспечивается за счет таких внешних факторов, как экономический базис государства, его общественный строй, государственная воля и т.д.[877] Кроме того, данные факторы формируют относительно постоянные условия, в рамках которых и развивается система источников (форм) гражданского процессуального права, являющаяся внешним проявлением его норм, в отдельно взятый период времени, что придает ей дополнительную устойчивость.

Однако наряду со свойством непротиворечивости, обеспечивающим успешное взаимодействие системы с однопорядковыми образованиями, еще одной обязательной характеристикой системы, отвечающей за качество ее функционирования, является внутренняя согласованность всех элементов системы. В условиях потенциального существования различных подходов к урегулированию общественных отношений, являющихся предметом гражданского процессуального права, гарантом обеспечения единства его норм выступают основополагающие принципы права. М.К. Юков отмечает, что «принципы обеспечивают единство права в том смысле, что, пронизывая право в целом, они устраняют его несогласованности»[878].

Еще один системный признак совокупности норм гражданского процессуального права, отражающийся в системе его источников (форм), – взаимосвязанность элементов – достигается за счет наличия множества системообразующих связей. В соответствии с теорией А.Ф. Черданцева о

---

[876] См.: *Перегудов Ф.И., Тарасенко Ф.П.* Введение в системный анализ. М.: Высшая школа, 1989. С. 82.

[877] См.: *Юков М.К.* Указ. соч. С. 60.

[878] Там же. С. 61.

«разделении труда» между нормами права, наряду с отраслевым разделением труда между отраслями права, предопределяющим «деление права как целого на отдельные части», существует также функциональное разделение труда, обеспечивающее наличие реальных связей между отдельными правовыми институтами и нормами. Именно такое разделение труда между нормами права и их специализация придают нормам качество системности, предполагающее не столько классификацию норм права по отдельным его частям, сколько «связь норм права с другими нормами и их теснейшее взаимодействие в процессе регулирования общественных отношений»[879].

Углубляющееся разделение труда между нормами, по мнению С.С. Алексеева, является «существенным для понимания их функциональных связей»[880]. Процесс специализации норм гражданского процессуального права, т.е. их разделение на общие нормы, регулирующие в обобщенном виде определенные элементы общественных отношений и образующие основное содержание общих институтов, и специальные, устанавливающие конкретный объем прав и обязанностей участников процесса[881], приводит к их дифференциации, т.е. к «расщеплению, расслоению норм права и <…> появлению на этой основе новых, в целях более детального, конкретизированного регулирования»[882], эти процессы объективно не могут не отражаться во внешнем проявлении гражданских процессуальных норм, т.е. в источниках (формах) гражданского процессуального права.

Общие и специальные нормы гражданского процессуального права, как отдельные его элементы, соединены между собой комплексом системообразующих связей, поэтому, рассматривая формы внешнего выражения его норм, следует учитывать влияние внутрисистемных связей. Такие связи могут иметь как явный характер, так и косвенно вытекать из смысла и содержания тех или иных норм. Примером явной связи может послужить специальное указание в ряде общих норм

---

[879] *Черданцев А.Ф.* Системность норм права. С. 48.
[880] *Алексеев С.С.* Структура советского права. М.: Юридическая литература, 1975. С. 39.
[881] См.: *Юков М.К.* Указ. соч. С. 62.
[882] Там же. С. 17.

на детализированную регламентацию отношений другими специальными нормами (так, ст. 37 ГПК РФ устанавливает, что гражданская процессуальная дееспособность принадлежит в полном объеме гражданам, достигшим возраста восемнадцати лет, однако в случаях, предусмотренных федеральным законом, несовершеннолетние вправе лично защищать в суде свои права, свободы и законные интересы).

Отражение связи между общими и специальными нормами гражданского процессуального права возможно и иными общими нормами: нормами-принципами, нормами-задачами, коллизионными нормами (например, ст. 1 ГПК РФ устанавливает, что производство по гражданским делам ведется в соответствии с федеральными законами, действующими во время рассмотрения дела или совершения отдельных процессуальных действий). Смысловая связь между общими и специальными нормами гражданского процессуального права зачастую фиксируется законодателем путем расположения норм в одном институте, включением в один источник, например, в один закон, а также близостью названия статей и даже расположением различных, но близких норм в одной статье нормативного акта в качестве ее составных частей.

Наличие сложных системных связей между общими и специальными нормами является подтверждением системности гражданского процессуального права, формой проявления взаимосвязанности, взаимосогласованности и взаимодействия элементов системы. Внутренняя целостность и единство системы поддерживаются также принципами права. Взаимосвязь отдельных элементов системы достигается благодаря наличию системообразующих связей норм права, выполняющих две важные задачи: с одной стороны, они способствуют дифференциации правовых норм и подразделению их на институты, что содействует упорядочиванию отдельных компонентов системы, а также заполняет существующие правовые пробелы, а, с другой – выступают гарантией единства норм в рамках рассматриваемой правовой общности.

Может прозвучать парадоксально, но дифференциация также обеспечивает единство системы. Как отметил применительно к разграничению гражданского и

административного судопроизводств А.В. Юдин, «дифференциация проявляется в создании норм», обеспечивающих «исключение конкуренции требований», а следовательно, недопущении параллельного разрешения тождественных споров и принятия противоречивых судебных актов[883]. Чем больше нормы права дифференцируются, тем более прочные системообразующие связи между ними устанавливаются, что обусловлено возрастающим количеством точек соприкосновения при делении единого целого, т.е. изначальной общности предмета регулирования. Таким образом, дифференциация и единство норм не только не являются противоречием, но и, напротив, обеспечивают системность норм гражданского процессуального права. Мы полагаем, что процесс дифференциации выполняет важные системосохраняющие и системоупрочивающие функции, и это, безусловно, положительно сказывается на укреплении устойчивости системы гражданского процессуального права, позволяя достаточно убедительно обосновывать если не появление суперотрасли – судебного права[884], то наличие, как минимум, цивилистического процессуального права[885].

При этом следует учитывать неизбежность существования различного типа связей между источниками (формами) гражданского процессуального права, которые позволяют разрешать коллизии, возникающие в процессе применения гражданских процессуальных норм.

Из вышеизложенного можно заключить, что системность отечественного гражданского процессуального права является его основополагающей

---

[883] *Юдин А.В.* Режимы совместного и раздельного рассмотрения исковых требований в рамках гражданского и административного судопроизводства // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 8. С. 88–99.

[884] См.: *Мурадьян Э.М.* Судебное право. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2007; *Скитович В.В.* Концепция судебного права: опыт критического переосмысления. С. 5–25.

[885] Более подробно о цивилистическом процессе см.: *Самсонов Н.В.* 1) Завершена ли дискуссия о правовой природе административного судопроизводства // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 201–203 2) Принцип объективной истины в современном административном и гражданском судопроизводстве // Административное право и процесс. 2019. № 2. С. 26–29; 3) Цели и задачи цивилистического процесса // Современное право. 2017. № 11. С. 68–75; 4) К вопросу о правовой природе административного судопроизводства // Административное судопроизводство: проблемы и перспективы развития: Сб. науч. тр. М.: РГУП, 2019. С. 151–161.

характеристикой и проявляется (как минимум должна проявляться) как в системности норм, составляющих данную отрасль права, так и в системности актов, в которых содержатся эти нормы. Таким образом, качество системности присуще не только гражданскому процессуальному праву в целом, но и формам его существования, формам его внешнего проявления, выражения вовне, следовательно, логично утверждать, что источники (формы) гражданского процессуального права также образуют взаимосвязанную совокупность или систему. Их совокупность обладает всеми основными признаками системности: устойчивостью системы, ее единством и внутренней целостностью, взаимодействием с внешней средой и непротиворечивостью однопорядковым образованиям. В качестве основных, сущностных черт этой системы следует также выделить иерархичность, стремление к непротиворечивости и, кроме того, диалектическое сочетание таких на первый взгляд противоположных качеств, как устойчивость к внешнему воздействию и возможность приспосабливаться к изменениям правовой действительности.

6.2. Вопросы построения системы источников (форм) гражданского процессуального права и перспективы ее развития

Развитие гражданского процессуального права, безусловно, отражается на системе его источников (форм), которая, стихийно изменяясь, тем не менее проявляет устойчивость к внешнему воздействию, что, однако, не отменяет ни потребности в совершенствовании данной системы, ни необходимости отражать происходящие в ней изменения в позитивном праве.

Следует согласиться с Ф.М. Гаджиновой в том, что именно «изменение внешней среды ведет к необходимым коррективам системы источников права» и эта «коррекция есть залог ее (т.е. системы – добавлено мной) устойчивости и надежности»[886].

В связи с этим нам представляется, что развитие системы источников (форм) российского гражданского процессуального права, как и любой иной системы, обусловливается внешними факторами, в которых эта система функционирует: государственной политикой в сфере правосудия в целом и гражданского судопроизводства в частности, изменениями в общей системе источников (форм) национального права, развитием правовой доктрины, колебаниями судебной практики и т.д.

Рассматривая возможность включения новых элементов в функционирующую систему, будет уместно обратить внимание на системную закономерность, выявленную М.Н. Марченко и вполне применимую, на наш взгляд, к системе источников (форм) любой отрасли права. Данный автор, развивая мысль Д.А. Керимова о том, что выпадение элемента из системы негативно влияет на её качества[887], приходит к выводу, что в этом случае система «снижает или полностью утрачивает свою эффективность»[888]. Поэтому к процессу

---

[886] *Гаджинова Ф.М.* Источники права и их система в современном российском праве: дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. С. 87–88.

[887] *Керимов Д. А.* Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. М.: Аванта+, 2000.

[888] *Марченко М.Н.* О признаках «системы» и системном характере права // Вестник Московского городского педагогического университета. 2010. № 1 (5). С. 41–54.

реформирования следует подходить продуманно, осторожно, взвешенно. Нельзя не учитывать, что изменения системы, осуществляемые путем включения в нее новых элементов, целесообразны только в том случае, если эти элементы включаются в ее конструкцию, не разрушая при этом внутренние системообразующие связи, существующие в ней, либо заменяют такие связи новыми, влекущими усовершенствование системы, повышение ее эффективности.

Следовательно, включение в систему источников (форм) российского гражданского процессуального права новых элементов должно быть вызвано действительными потребностями правового регулирования, обусловленными целями и задачами гражданского судопроизводства, а не субъективными пожеланиями или доктринальными идеями, и происходить, в первую очередь, за счет актов, уже фактически выполняющих данные функции и имплицитно уже вкрапленных в систему. Эти акты необходимо эксплицитно ввести в систему источников (форм) отечественного гражданского процессуального права, для обеспечения ее устойчивости и эффективности функционирования. Кроме того, необходимо закрепить положения о взаимовлиянии и соотношении актов, содержащих действующие нормы гражданского процессуального права, и отразить результаты этого процесса в позитивном праве[889].

Рассматривая вопросы построения системы источников (форм) отечественного гражданского процессуального права, ее дальнейшего

---

[889] Перечень реально существующих источников (форм) отечественного гражданского процессуального права в позитивном праве отсутствует. Более того, в ст. 1 ГПК РФ, несмотря на ее название, отсутствует полный, исчерпывающий перечень актов, составляющих законодательство о гражданском судопроизводстве. Еще сложнее обнаружить в позитивном праве четкие положения о взаимовлиянии и соотношении актов, содержащих действующие нормы гражданского процессуального права. Таким образом, действительно существующие источники (формы) российского гражданского процессуального права отражаются в позитивном праве как в старом, разбитом и помутневшем зеркале, которое существенно искажает реальность.

совершенствования и отображения этих вопросов в позитивном праве, прежде всего необходимо четко обозначить, что Конституция Российской Федерации не просто занимает высшее иерархическое место в системе источников (форм) российского гражданского процессуального права, но прямо и непосредственно регламентирует гражданские процессуальные правоотношения в судах общей юрисдикции.

Полагаем, что следует прямо закрепить в процессуальном законе право на её непосредственное применение судами общей юрисдикции[890]. Бесспорно, что в большинстве случаев при выявлении несоответствия гражданского процессуального закона, подлежащего применению в конкретном деле, Конституции Российской Федерации, суд общей юрисдикции обязан обратиться в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке конституционности такого закона. Однако поскольку Конституция Российской Федерации содержит нормы, непосредственно регулирующие гражданские процессуальные отношения, то в исключительных, не терпящих промедления случаях, при очевидности такого несоответствия для суда, рассматривающего дело, этот суд может самостоятельно преодолеть возникшую иерархическую коллизию путем непосредственного применения Конституции Российской Федерации как акта, имеющего бóльшую юридическую силу.

Следует также закрепить в тексте процессуального закона, что подобное решение не влечет объявление закона, не соответствующего, по мнению суда, рассмотревшего дело, Конституции Российской Федерации, неконституционным. В целях обеспечения защиты прав и интересов лиц, участвующих в деле, следует предусмотреть для них возможность обращения в Конституционный Суд РФ с запросом о подтверждении конституционности закона, не примененного в конкретном деле, в связи с выводом суда общей юрисдикции о его несоответствии Конституции Российской Федерации, для чего следует дополнить ч. 2 ст. 125

---

[890] См.: *Самсонов Н.В.* Непосредственное действие Конституции России в процессе разрешения споров судами // Российское правосудие. 2019. № 2. С. 23–28.

Конституции Российской Федерации и ст. 84 ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» соответствующими положениями.

В случае реализации указанного предложения необходим процессуальный механизм реального восстановления нарушенных прав и интересов лиц, участвующих в деле, при принятии Конституционным Судом РФ решения о подтверждении конституционности закона, не примененного в конкретном деле. Таким механизмом, на наш взгляд, может выступать институт пересмотра по новым обстоятельствам, для чего следует добавить соответствующее основание пересмотра в ч. 4 ст. 392 ГПК РФ.

На втором уровне системы источников (форм) гражданского процессуального права находятся федеральные конституционные законы.

Статья 1 ГПК РФ среди актов, занимающих уровень федерального конституционного закона, и определяющих порядок гражданского судопроизводства, называет только один – ФКЗ «О судебной системе». Мы полагаем, что такая редакция не соответствует существующей правовой реальности, поскольку состав федеральных конституционных законов – источников (форм) гражданского процессуального права должен определяться, исходя из их содержания, из наличия либо отсутствия в них правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере гражданского судопроизводства, возникающие между судом общей юрисдикции и другими участниками гражданского процесса в связи с рассмотрением и разрешением гражданских дел. Иной подход может являться препятствием для применения гражданских процессуальных норм, содержащихся в федеральных конституционных законах, не упомянутых в ст. 1 ГПК РФ. В связи с этим полагаем необходимым ст. 1 ГПК РФ после слов «Федеральным конституционным законом "О судебной системе Российской Федерации"» дополнить словами «и иными федеральными конституционными законами».

Кроме того, для обеспечения устойчивого развития системы источников (форм) гражданского процессуального права следует принять нормативный правовой акт на уровне федерального конституционного закона – Основы

цивилистического процесса Российской Федерации, регламентирующий общие положения цивилистического процесса, включающего гражданский и арбитражный процесс, а также административное судопроизводство (необходимость такого решения подробно обосновывается нами в параграфах 2.3, 2.4 и 6.3). Такой акт должен определять состав применяемых источников (форм) права, принципы, на которых осуществляется правосудие в судах общей юрисдикции и арбитражных судах по гражданским делам, иным цивилистическим спорам и делам, рассматриваемым в порядке административного судопроизводства, а также закреплять единообразное для всех отраслей цивилистического процесса понимание процессуальных терминов.

На третьем уровне системы находятся международные договоры Российской Федерации, которые могут выступать в качестве источников (форм) гражданского процессуального права, если они содержат гражданские процессуальные нормы и:

во-первых, соответствуют общепризнанным принципам и нормам международного права jus cogens либо содержат такие принципы и нормы;

во-вторых, являются межгосударственными договорами, заключенными от имени Российской Федерации и стали обязательными для применения на территории Российской Федерации ввиду выражения согласия на их обязательность путем принятия федерального закона, за исключением международных договоров, ратифицированных СССР и ставших обязательными для Российской Федерации в силу правопреемства;

в-третьих, являются самоисполнимыми, т.е. не требуют издания внутригосударственных актов для их применения;

в-четвертых, официально опубликованы в Российской Федерации.

Данные условия необходимо подробно закрепить в позитивном праве, как условия, необходимые для применения норм, содержащихся в международных договорах, в целях регламентации гражданского судопроизводства. Следует четко и однозначно определить, что содержащиеся в них правила гражданского судопроизводства имеют приоритет над правилами, содержащимися во внутренних источниках (формах) российского гражданского процессуального

права, за исключением содержащихся в Конституции Российской Федерации и федеральных конституционных законах.

Четвертый уровень системы источников (форм) гражданского процессуального права составляют федеральные законы, среди которых, в связи с необходимостью разрешать возникающие между ними коллизии, следует выделять три группы.

Первая группа – Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, имеющий приоритет над остальными федеральными законами, содержащими гражданские процессуальные нормы, но приоритет не безусловный, а ограниченный рамками специального предмета регулирования, который составляют общественные отношения в сфере определения порядка гражданского судопроизводства в российских судах общей юрисдикции. В условиях отсутствия Основ цивилистического процесса Российской Федерации, целесообразность принятия которых обосновывалась нами ранее, следует включить в ГПК РФ специальную главу, в которой будут закреплены принципы гражданского судопроизводства в судах общей юрисдикции, а также статью, содержащую нормы-дефиниции.

Остальные федеральные законы, содержащие гражданские процессуальные нормы, следует подразделить еще на две группы, исходя из наличия или отсутствия в них связи содержащихся в этих законах гражданских процессуальных предписаний с особенностями состава участников гражданского судопроизводства и/или со спецификой характера конкретного спорного материального правоотношения, на регулирование которого нацелен такой закон.

Ко второй группе следует отнести законы, регламентирующие некоторые отдельные детали судебной компетенции и судебной процедуры вне зависимости от характера спорного материального правоотношения и состава участников гражданского судопроизводства. Третью группу составляют законы, которые регулируют отдельные детали судебной компетенции и судебной процедуры применительно к конкретному виду спорных материальных правоотношений или (и) определенной категории граждан и не применяются к гражданским

процессуальным правоотношениям, возникшим в результате обращения в суд за разрешением спора иной категории.

При возникновении коллизий (конкуренции) между положениями законов второй группы и ГПК РФ следует руководствоваться последним, поскольку ГПК РФ является специальным законом, устанавливающим собственный приоритет в сфере регулирования гражданских процессуальных отношений в судах общей юрисдикции. Для разрешения же коллизий норм, содержащихся в ГПК РФ, с предписаниями законов третьей группы следует признать приоритет этих специальных законов, поскольку они регулируют процессуальные особенности рассмотрения и разрешения гражданских дел, вытекающие из содержания материальных правоотношений, и являются специальными по отношению к ГПК РФ, устанавливая исключения и изъятия из общих правил гражданского судопроизводства.

Кроме того, говоря об иноотраслевых законах как источниках (формах) гражданского процессуального права нужно отметить следующее. Включение гражданских процессуальных норм в такие акты обладает определенными достоинствами, проявляющимися в том, что концентрация и материальных, и процессуальных норм в одном источнике (форме) права дает возможность более полно ознакомить с информацией об особенностях правового регулирования конкретную категорию граждан, обладающих определенным статусом или являющихся участниками определенного вида материальных правоотношений, что повышает регулятивный потенциал такого акта.

Тем не менее недостатки такого подхода, проявляющиеся в существовании реальной опасности рассогласования системы гражданского процессуального права, перечеркивают его достоинства. В современных условиях имеется вероятность того, что нарастающая волна вновь и вновь появляющихся исключений, в том числе исключений, ограничивающих сферу действия принципов гражданского процесса, похоронит под собой гражданскую процессуальную форму.

Поэтому по-прежнему актуальной остается мысль В.М. Жуйкова о необходимости «минимизировать включение норм гражданского процессуального права в другие, кроме ГПК, федеральные законы – делать это только тогда, когда это действительно необходимо, и обязательно с соблюдением основополагающих положений ГПК»[891].

Пятый уровень системы источников (форм) гражданского процессуального права – подзаконные нормативные правовые акты, акты более низкого, чем федеральный закон, иерархического уровня. Мы продемонстрировали фактическое существование актов данного уровня в параграфе 2.5 настоящей работы, где также обосновали невозможность избежать их появления в будущем, сочетающуюся с объективно существующей потребностью правового регулирования общественных отношений такими актами. Пандемия 2020 г., в условиях которой была сделана попытка регулировать отдельные процессуальные вопросы актами невнятной правовой природы, но утвержденными Президиумом ВС РФ[892], подтвердила вышеприведенные выводы.

В связи с этим необходимо исправить существующую в отечественном гражданском процессуальном праве ситуацию, когда подзаконный правовой акт в силу указаний закона не может быть его источником (формой), но фактически им является. Для чего мы предлагаем:

– во-первых, ввести для всех субъектов правотворчества прямой законодательный запрет принимать подзаконные нормативные правовые акты, регламентирующие гражданское судопроизводство;

---

[891] *Жуйков В.М.* ГПК РФ и другие источники гражданского процессуального права. С. 10–14.

[892] Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020 г. // СПС КонсультантПлюс; Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории РФ COVID-19 № 2: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020 г. // СПС КонсультантПлюс.

– во-вторых, закрепить в гражданском процессуальном законодательстве право Президиума Верховного Суда РФ издавать «обязательные постановления Верховного Суда РФ», которые будут представлять собой вспомогательные, восполнительные источники (формы) гражданского процессуального права временного характера.

Вместе с тем, предоставляя Верховному Суду РФ право путем принятия «обязательных постановлений» регламентировать гражданское судопроизводство, необходимо предусмотреть ряд условий реализации этого права, которые необходимы для предотвращения возможной узурпации правотворческих полномочий судебной системой, а именно:

– подчеркнуть невозможность введения «обязательными постановлениями» правил, противоречащих действующему процессуальному законодательству;

– определить сферу возможного применения «обязательных постановлений», отнеся к ней вспомогательные детали судебной процедуры, прежде всего регулирование порядка использования «информационных» либо «цифровых технологий» в судопроизводстве в целях фиксации, хранения, воспроизведения и передачи информации, осуществления дистанционного правосудия;

– ввести обязательность их официального опубликования в порядке, существующем для Постановлений Пленума Верховного Суда РФ;

– установить обязанность Верховного Суда РФ незамедлительно после их публикации направить в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проект закона о внесении в гражданское процессуальное законодательство изменений, тождественных временным правилам, содержащимся в «обязательном постановлении»;

– ограничить срок действия «обязательных постановлений» одним годом с момента их публикации или моментом отклонения соответствующего законопроекта Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации.

Таким образом, мы видим систему источников (форм) гражданского процессуального права, состоящую из феноменов пяти типов, каждый из которых может находиться только на одном четко определенном иерархическом уровне, соединенном с другими жесткой субординационной связью – назовем их стационарными.

Однако эта система будет неполной, если не включить в нее выявленные нами в настоящей работе источники (формы) права, имплицитно уже вкрапленные в систему, которые следует называть динамичными, субсидиарными или восполнительно-корректирующими, место которых в системе определяется исходя из места в системе того стационарного источника (формы) гражданского процессуального права, который восполняется либо корректируется. К данному типу, на наш взгляд, следует отнести акты Конституционного Суда РФ, постановления Пленума Верховного Суда РФ и постановления Президиума Верховного Суда РФ, вынесенные по конкретным гражданским делам.

Прежде всего, в числе таких восполнительно-корректирующих источников (форм) гражданского процессуального права следует назвать такие акты Конституционного Суда РФ, как его постановления и определения с позитивным содержанием.

Эти акты выполняют функцию источника (формы) права, корректируя или восполняя законы, включая федеральные конституционные, и иные нормативные правовые акты высших органов власти, во-первых, в случае признания закона не соответствующим Конституции Российской Федерации, вне зависимости от того, вводит ли Конституционный Суд РФ в своем постановлении, каким образом должны регулироваться общественные отношения, ранее регламентированные неконституционным законом, или нет. Во-вторых, в случае выявления Конституционным Судом РФ конституционно-правового смысла оспариваемых положений закона, отличного от смысла, придававшегося этим нормам сложившейся правоприменительной практикой, при формальном сохранении положений, содержащихся в проверяемом законе, неизменными. Следует заметить,

что во втором случае акты Конституционного Суда РФ могут попутно корректировать и иные восполнительно-корректирующие источники (формы) права (акты Верховного Суда РФ), что выводит акты Конституционного Суда РФ на первое место в числе таких источников.

После завершения Конституционным Судом РФ проверки конституционности закона (федерального конституционного закона) полный состав проверенной нормы формируется из положений проверенного закона и положений акта Конституционного Суда РФ, которым завершилась эта проверка. Поскольку акты Конституционного Суда РФ корректируют, исправляют проверяемый на конституционность закон, то следует признать, что, несмотря на неразрывное единство с проверенным законом, акты Конституционного Суда РФ имеют большую юридическую силу, чем проверяемый закон. Следовательно, место конкретного акта Конституционного Суда РФ в системе источников (форм) гражданского процессуального права прямо связано с местом проверенного на конституционность акта и находится выше того стационарного уровня, который занимает проверенный акт.

Во всех указанных случаях Конституционный Суд РФ, корректируя законодательство о гражданском судопроизводстве, обеспечивает его непротиворечивость российской Конституции, удерживает это законодательство в конституционно-правовом поле, в результате его акты выполняют в системе источников (форм) гражданского процессуального права важную системосохраняющую функцию.

Следующими двумя типами восполнительно-корректирующих источников (форм) гражданского процессуального права являются постановления Пленума Верховного Суда РФ и постановления Президиума Верховного Суда РФ, вынесенные по конкретным делам, которые, несмотря на то что исходят от одного органа, имеют разную правовую природу.

Как мы показали в нашей работе, постановления Пленума Верховного Суда РФ создаются в процессе обобщения и анализа судебной практики, в процессе официального толкования норм права, а постановления Президиума Верховного

Суда РФ – при рассмотрении конкретных гражданских дел в порядке надзора. Однако, несмотря на столь значительные различия в процедуре принятия, эти акты для системы источников (форм) гражданского процессуального права характеризуются сущностным единством, которое проявляется в том, что при их создании Верховный Суд РФ, исходя из духа права и закона, выявляет смысл нормы права, толкует ее, в том числе с использованием аналогии закона и/или аналогии права. В результате Верховный Суд РФ устраняет регулятивную недостаточность законодательства о гражданском судопроизводстве, ликвидирует его противоречивость и неопределенность, разъясняет неясные, темные положения нормативных правовых актов, заполняет пробелы в правовом регулировании, конкретизирует оценочные понятия, устанавливает ограничительное или расширительное толкование норм права. Как пишет Л.Ф. Лесницкая, «в ряде случаев правильное применение законодательства возможно лишь в сочетании содержания конкретной нормы права с разъяснениями, данными по ее применению в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ»[893]. При этом толкование права, использование аналогии закона и/или аналогии права представляют собой методы, механизмы, с помощью которых по результатам толкования создаются новые, вторичные, самостоятельные нормы права, восполняющие и корректирующие законодательство о гражданском судопроизводстве.

Результаты этой деятельности фиксируются в постановлениях Пленума и постановлениях Президиума Верховного Суда РФ, вынесенных по конкретным делам. Многие нормы гражданского процессуального законодательства, как было показано в главе третьей настоящей работы, становятся бездефектными и практически применимыми только после появления соответствующих актов Верховного Суда РФ, в которых фиксируются эти вторичные гражданские процессуальные нормы.

Разница между этими актами Верховного Суда РФ обусловлена существенными различиями внешней стороны процесса подготовки и принятия

---

[893] См.: *Судебная* практика в современной правовой системе России: монография / Т.Я. Хабриева. С. 214.

данных актов, проявляющимися в том, что постановления Президиума Верховного Суда РФ принимаются в гражданской процессуальной форме, а постановления Пленума вне ее, а вовсе не их местом в системе источников (форм) гражданского процессуального права.

Постановления Пленума Верховного Суда РФ являются официальными, обязательными к руководству и подлежащими опубликованию документами. Суды и иные участники гражданского судопроизводства обязаны руководствоваться содержащимися в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ «правоположениями» вне зависимости от того, что они из себя представляют – буквальный пересказ или толкование существующих норм либо же новые нормы права, созданные по итогам толкования норм права и анализа судебной практики.

Постановления Президиума Верховного Суда РФ, вынесенные по конкретным делам, представляют собой судебный прецедент, т.е. окончательное, не подлежащее пересмотру другими судами судебное постановление по конкретному делу, признаваемое государством в качестве обязательного в тождественной правовой ситуации, которым равные или нижестоящие суды должны неоднократно руководствоваться при разрешении аналогичных дел и для обеспечения применения которого процессуальным законом установлено, что отклонение от такого прецедента является основанием для отмены или пересмотра судебных постановлений по аналогичным делам, рассмотренным равными либо нижестоящими судами, и которое в результате представляет собой санкционированную государством форму выражения сформулированной судом нормы права[894].

Обязательность этих актов обеспечивается такими процессуальными механизмами, как апелляционное, кассационное и надзорное производства, а также пересмотр судебных постановлений по новым обстоятельствам, в связи с определением либо изменением в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации или постановлении Президиума Верховного Суда

---

[894] См.: *Самсонов Н.В.* К вопросу о месте и значении судебной практики и судебного прецедента в отечественном гражданском процессуальном праве. С. 293–310.

Российской Федерации практики применения правовой нормы, что не позволяет судам, а равно и иным участникам гражданского судопроизводства, игнорировать созданные данными постановлениями нормы права.

Следовательно, после принятия указанных актов полный состав гражданской процессуальной нормы формируется из положений откорректированного, путем конкретизации, восполнения пробелов и т.п., закона и положений, содержащихся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ или постановлении Президиума Верховного Суда РФ, вынесенных по конкретному делу и являющихся продолжением восполненного акта. Таким образом, место данных актов в системе источников (форм) гражданского процессуального права прямо связано с местом федерального конституционного закона, международного договора или закона, подвергшегося корректировке, и поскольку положения, содержащиеся в указанных постановлениях Верховного Суда РФ, не могут противоречить положениям восполненного акта, их место находится ниже второго, третьего или четвертого стационарного уровня этой системы.

Необходимо подчеркнуть, что Верховный Суд РФ этими актами восполняет, корректирует (путем конкретизации, восполнения пробелов, расширения или ограничения сферы применения норм и т.п.) законодательство о гражданском судопроизводстве, обеспечивает его внутреннюю непротиворечивость, в результате эти акты выполняют в системе источников (форм) гражданского процессуального права важную стабилизирующую функцию.

Поскольку нельзя полностью исключить теоретическую возможность возникновения коллизии или конкуренции между постановлениями Пленума и постановлениями Президиума Верховного Суда РФ, то, рассмотрев их иерархическое соотношение, следует признать большую юридическую силу первых. Такой вывод следует, во-первых, из более высокого иерархического уровня Пленума Верховного Суда РФ, что подтверждается содержанием статей 3, 5, 6 ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации». Во-вторых, ст. 391.9 ГПК РФ в качестве основания для отмены или изменения судебных постановлений в порядке надзора устанавливает нарушение единообразия в толковании и

применении судами норм права, критерии которого могут задаваться и задаются в действительности постановлениями Пленума Верховного Суда РФ, представляющими собой судебные акты, имеющие наиболее высокий уровень авторитета, обобщения и анализа. Иными словами, ст. 391.9 ГПК РФ устанавливает обязанность Президиума Верховного Суда РФ отменить или изменить судебное постановление не соответствующее постановлению Пленума Верховного Суда РФ. Следовательно, при возникновении коллизии или конкуренции между постановлением Пленума и постановлением Президиума Верховного Суда РФ суд должен руководствоваться первым.

Резюмируя изложенные взгляды на строение системы источников (форм) российского гражданского процессуального права неизбежен вывод, что в этой системе существенно возрастает значение ее динамичных элементов – постановлений Конституционного Суда РФ, постановлений Пленума Верховного Суда РФ, постановлений Президиума Верховного Суда РФ. Эти элементы обеспечивают устойчивость системы, выполняют роль стабилизирующего, системосохраняющего механизма, который делает возможным устранение внутрисистемных противоречий, позволяет избежать «войны источников»[895] и ликвидирует регулятивную недостаточность гражданского процессуального законодательства.

В связи с этим необходимо, чтобы за постановлениями Конституционного Суда РФ, постановлениями Пленума Верховного Суда РФ, постановлениями Президиума Верховного Суда РФ, в настоящее время имплицитно действующими в качестве источников (форм) российского гражданского процессуального права, этот реально присущий им статус был закреплен эксплицитно, путем прямого отражения в тексте процессуального законодательства, где одновременно с этим необходимо:

---

[895] См.: *Баглай М.В.* Конституционное право Российской Федерации. М., 1997. С. 12.

– прямо закрепить субсидиарный (восполнительный) характер постановлений Пленума Верховного Суда РФ и постановлений Президиума Верховного Суда РФ;

– определить моменты начала и окончания действия постановлений Конституционного Суда РФ, постановлений Пленума Верховного Суда РФ и постановлений Президиума Верховного Суда РФ во времени;

– установить условия, при которых допустимо ретроспективное применение данных актов;

– предусмотреть процедуру преодоления их силы иными органами;

– прямо закрепить порядок возбуждения производства, нацеленного на осуществление Конституционным Судом РФ контроля за результатами правотворческой деятельности Верховного Суда РФ.

Таким образом, система источников (форм) российского гражданского процессуального права состоит из семи типов правовых актов, из которых пять занимают в этой системе стационарное место и находятся на иерархически расположенных уровнях:

– Конституция Российской Федерации,

– федеральные конституционные законы,

– международные договоры Российской Федерации,

– федеральные законы,

– подзаконные нормативные правовые акты.

Два оставшихся типа представляют собой восполнительно-корректирующие источники (формы) гражданского процессуального права – постановления Конституционного Суда РФ и его определения с позитивным содержанием, а также постановления Пленума и постановления Президиума Верховного Суда РФ, вынесенные по конкретным делам. Место данных правовых феноменов в системе является динамичным и определяется местом восполняемых или корректируемых ими стационарных источников (форм) гражданского процессуального права.

Развитие же указанной системы должно состоять в полном отражении указанных уровней и реально существующих между ними связей, прежде всего иерархических, в позитивном праве.

6.3. Перспективы развития системы источников (форм) гражданского процессуального права в свете тенденций унификации и дифференциации цивилистического процесса

Современное состояние системы отечественного гражданского процессуального права весьма отчетливо отражает результаты дифференциации и унификации гражданского судопроизводства. Естественно, что эти два антиколлинеарных вектора развития цивилистического процесса воздействуют и на систему источников (форм) гражданского процессуального права, поэтому необходимо рассмотреть, как эти тенденции влияют на состояние существующих и создание новых источников (форм) процессуального права.

Тенденция дифференциации судопроизводства по гражданским делам привела к тому, что в 1992 г. с появлением самостоятельной ветви судебной власти – арбитражных судов появился самостоятельный судебный процесс – арбитражный. С этого времени и по сегодняшний день производство по гражданским и административным делам в арбитражных судах регламентируется соответствующим процессуальным кодексом, а многочисленные научные споры о соотношении гражданского процессуального права и арбитражного процесса, описанные нами в первой главе настоящей работы, на наш взгляд, привели к утверждению позиции о самостоятельном характере арбитражного процессуального права. В итоге в конце XX в. в России сформировались две отрасли права, самостоятельность которых в 2020 г. получила конституционное оформление в результате закрепления в ч. 2 ст. 118 Конституции Российской Федерации арбитражного судопроизводства как одноуровневой с гражданским судопроизводством формы реализации судебной власти. Возникли и параллельно существуют соответствующие им системы источников (форм) права (гражданского процессуального и арбитражного процессуального), которые содержат нормы, регулирующие весьма близкие, во многом тождественные по правовой природе, но отличающиеся по субъектному составу правоотношения, возникающие в связи с

рассмотрением однородных категорий дел в различных системах государственных судов.

Как, безусловно, справедливо отмечают В.М. Жуйков и М.О. Долова, «в силу принципа юридического равенства однородные по своей юридической природе отношения должны регулироваться одинаковым образом», из чего следует, что «унификация процессуального закона является общим правилом, а специализация требует обоснования»[896]. В силу этого общего правила тенденция унификации нашла свое зримое, вещественное выражение – была разработана Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации[897] (далее ЕГПК, Концепция), у которой имелись достаточно весомые объективные предпосылки к воплощению в тексте закона.

Тем не менее, несмотря на проведение «полномасштабного социального эксперимента», предшествовавшего созданию Концепции, который позволил длительное время сравнивать два процессуальных кодекса, закрепляющих одинаковые цели гражданского судопроизводства, – АПК РФ и ГПК РФ и по результатам этого сравнения выявить наиболее оптимальное, эффективное и соответствующее целям гражданского судопроизводства регулирование для использования в ходе унификации указанных кодексов[898], Концепция оказалась далека от совершенства и потребовала значительной доработки.

На наш взгляд, одним из основных ее недостатков явилась отмеченная рядом выдающихся ученых неопределенность «в вопросе о соотношении нового единого ГПК и Кодекса административного судопроизводства РФ», и именно

---

[896] *Жуйков В.М., Долова М.О.* Актуальные проблемы унификации процессуального законодательства // Журнал российского права. 2019. № 8. С. 121–135.

[897] Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 8.12.2014 г. № 124(1)) // СПС КонсультантПлюс.

[898] См.: *Громошина Н.А.* Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 104.

существование неопределенности по этому принципиально важному вопросу привело к тому, что «ряд положений Концепции носит условный характер, а сама Концепция воспринимается как незавершенная»[899].

Возможно именно эта неопределенность и незавершенность помешала движению по вектору, направленному на унификацию гражданского судопроизводства, которое было временно приостановлено. Напротив, был принят Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ), т.е. вновь возобладала тенденция к дифференциации. В результате существенно изменился становой хребет системы источников (форм) гражданского процессуального права – ГПК РФ, ряд глав которого утратил силу.

После вступления в 2015 г. в силу КАС РФ между представителями науки административного права и учеными-процессуалистами развернулся спор о существе судопроизводства, регулируемого КАС РФ, об отраслевой принадлежности административного судопроизводства и его соотношении с гражданским судопроизводством и административным правом.

Так, С.В. Никитин отмечает, что административное судопроизводство, несмотря на свое наименование, не является частью (институтом) административного права и процесса, а относится к одному из видов цивилистического (неуголовного) правосудия[900]. Аналогичных взглядов придерживается С.Ф. Афанасьев, настаивающий на существовании «единства

---

[899] См.: *Габов А.В., Ганичева Е.С., Глазкова М.Е., Жуйков В.М., Ковтков Д.И., Лесницкая Л.Ф., Марышева Н.И., Шелютто М.Л.* Концепция единого Гражданского процессуального кодекса: предложения Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ // Журнал российского права. 2015. № 5. С. 5–25.

[900] См.: *Ярков В., Боннер А., Никитин С., Туманова Л., Тай Ю., Архипов Д., Овчарова Е., Голубок С., Чумаков А., Подоксенов М., Гаврилов Е., Буланов М., Щербаков Н., Плешанова О.* Кодекс административного судопроизводства: ожидания и перспективы // Закон. 2015. № 9. С. 18–32.

современного цивилистического процесса, которое охватывает собой гражданское, арбитражное и административное судопроизводство»[901]

Представители противоположной позиции заявляют о «формировании новой административно-процессуальной формы», называя административное судопроизводство частью «общей системы административно-правового регулирования»[902].

Авторы-процессуалисты ведут речь об административном судопроизводстве «как подотрасли гражданского процессуального права»[903], а административисты – как о «его служебной роли по отношению к административному праву»[904].

Мы полагаем, что ответы, полученные в ходе этой, еще не завершенной, дискуссии о квинтэссенции административного судопроизводства, об отраслевой принадлежности правоотношений, регулируемых КАС РФ, прямо повлияют на выбор оптимальной модели унификации гражданского судопроизводства, что предопределит правильность конкретных, практических шагов на этом направлении и непременно найдет отражение в системе источников (форм) гражданского процессуального права. Эти ответы тем более значимы, что наука гражданского процессуального права не исключает возможности поглощения административного судопроизводства административным правом, в качестве неблагоприятного, но вероятного итога его развития[905].

---

[901] *Афанасьев С.Ф.* Охранительное производство как самостоятельный вид административного судопроизводства // Административное право и процесс. 2018. № 10. С. 17.

[902] См.: *Старилов Ю.Н.* Административное судопроизводство и административные процедуры: к системному взаимодействию и надлежащему уровню правовой регламентации // Административное право и процесс. 2018. № 3. С. 7–23.

[903] См.: *Административное* судопроизводство: Учебник для студентов высших учебных заведений по направлению «Юриспруденция» (специалист, бакалавр, магистр) / Под ред. В.В. Яркова. М.: Статут, 2016.

[904] См.: *Зеленцов А.Б., Ястребов О.А.* Судебное административное право: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М.: Статут, 2017.

[905] См.: *Терехова Л.А.* Дрейф административного судопроизводства // Вестник гражданского процесса. 2020. № 3. С. 31–32.

Следует ли отождествлять административное судопроизводство с административным правом, исходя из схожести их названий? Нам представляется, что на данный вопрос следует ответить отрицательно, поскольку не название определяет сущность исследуемого феномена. Мы, вслед за С.С. Алексеевым, считаем необходимым определять правовую природу исследуемого феномена через такие юридические характеристики, которые позволяют увидеть его структуру, место и роль среди других правовых явлений в соответствии с его социальной природой[906].

Говоря о возможности отнесения административного судопроизводства к тому или иному типу судебного процесса, необходимо учитывать, что тип процесса прежде всего определяется типом того охранительного отношения, которое в нем реализуется. В юридической науке традиционно выделяются уголовно-правовой (криминалистический) и гражданско-правовой (цивилистический) типы судопроизводства (судебного процесса).

В связи с этим верным представляется анализ, проведенный В.М. Жуйковым: «Правоотношения, возникающие не из совершенного гражданином правонарушения, а, напротив, из действия, решения или акта государственного органа, по своей сути сродни цивилистическому типу, а не уголовно-правовому ‹…› личность в ее взаимоотношениях с государством выступает не как объект государственной деятельности, а как равноправный субъект, который может защищать свои права и свободы всеми не запрещенными законом способами (ч. 2 ст. 45 Конституции РФ) и спорить с государством в лице любых его органов. Таким образом, возможность заинтересованного лица обжаловать принятые органами государственной власти, органами местного самоуправления и их должностными лицами решения, включая нормативные правовые акты, воплощающая как индивидуальный (частный) интерес, связанный с восстановлением нарушенных прав, так и публичный интерес, направленный на поддержание законности и

---

[906] *Алексеев С.С.* Общие дозволения и запреты в советском праве. М.: Юридическая литература, 1998. С. 227.

конституционного порядка, является неотъемлемой характеристикой нормативного содержания права каждого на судебную защиту, одной из необходимых и важнейших его составляющих»[907]. Таким образом, адекватное понимание права на судебную защиту позволяет определить тип охранительного отношения, реализуемого в административном судопроизводстве, как имеющий цивилистическую природу. Исходя из этого и следует определять место административного судопроизводства, что позволит выбрать верное направление унификации процессуальных отраслей права и, в конечном счете, верный вектор развития системы источников (форм) гражданского процессуального права.

С другой стороны, представители науки административного права, настаивая на своей позиции, трактуют административный процесс как двуединый процесс, говоря о существовании «а) административно-процедурного неюрисдикционного процесса, связанного с реализацией административной функции государства при разрешении бесспорных административных дел, и б) административно-юрисдикционного процесса, предназначение которого состоит в разрешении конфликтных административных дел. В свою очередь этот юрисдикционный процесс подразделяется на административно-юрисдикционный процесс в системе исполнительной власти и судебный административный процесс, выступающий как основная форма защиты и восстановления нарушенных субъективных публичных прав и контроля за законностью»[908].

При подобном подходе, на наш взгляд, необоснованно смешиваются, совмещаются несовместимые феномены, а именно: деятельность органов исполнительной власти, осуществляемые ими для достижения своих целей административные процедуры уравниваются с деятельностью судов, с судопроизводством. Такое смешение совершенно недопустимо, поскольку, как говорит Н.А. Громошина, «между указанными процедурами есть четкий водораздел... Государственная деятельность, в рамках которой осуществляется

---

[907] *Проблемы* развития процессуального права России: монография / Под ред. В.М. Жуйкова.

[908] См.: *Зеленцов А.Б., Ястребов О.А.* Судебное административное право.

судебная власть (правосудие, судопроизводство), есть совершенно особая, обладающая исключительными свойствами и характеристиками деятельность. Не выделять ее, не поднимать на должный уровень либо ставить рядом с ней на равных деятельность других государственных органов, например, органов исполнительной власти, означает игнорировать произошедшие перемены, отрицать существо принципа разделения властей и Конституцию государства»[909].

По этой причине надо четко отграничивать судебную деятельность по отправлению правосудия, к которой наряду с административным судопроизводством относятся гражданский и арбитражный процессы, от иных видов государственной деятельности, даже осуществляемой судами.

Обратившись к позитивному праву, мы непременно увидим, что в положениях ст. 71 и 72 Конституции РФ четко различаются процессуальное законодательство, к которому относится законодательство об административном судопроизводстве, с одной стороны, и административное, административно-процессуальное законодательство, с другой стороны. Отраслевое законодательство также различает административное судопроизводство и административное, административно-процессуальное законодательство (производство по делам об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции), оставляя последнее в рамках КоАП РФ и не относя его к предмету регулирования КАС РФ (ч. 5 ст. 1 КАС РФ).

С другой стороны, раздел III АПК РФ включает и дела об административных правонарушениях, рассматриваемые в судах общей юрисдикции по правилам КоАП РФ, и дела, возникающие из публичных правоотношений, рассматриваемые в судах общей юрисдикции по правилам КАС РФ. Это позволяет ряду ученых отождествлять административное судопроизводство и производство по делам об

---

[909] См.: *Проблемы* развития процессуального права России: монография / Под ред. В.М. Жуйкова.

административных правонарушениях либо теоретически обосновывать существование смешанного процесса[910]. Нам более убедительным представляется взгляд, состоящий в том, что арбитражный суд, назначая административное наказание, выполняет чуждую ему карательную функцию[911], а «возможное движение административного судопроизводства в сторону производства по делам о привлечении к административной ответственности» вслед за Л.А. Тереховой следует признать опасным[912], поскольку это приведет к снижению уровня процессуальных гарантий для граждан и организаций, которые из равноправных участников судопроизводства будут переведены в разряд субъектов, ожидающих административного наказания[913].

Далее, обратившись к сравнению целевых установок в различных отраслях процессуального права, следует отметить, что термин «цель», используемый в ст. 2 ГПК РФ, отсутствует в тексте ст. 2 АПК РФ, ст. 3 КАС РФ, ст. 1.2 КоАП РФ, где законодатель в категорию «задачи» объединил целевые установки разного порядка. Тем не менее анализ закрепленных в вышеуказанных нормах целевых установок позволяет сделать вывод о несовпадении наиболее значимых целей и задач, зафиксированных в КАС РФ и в КоАП РФ, и об их совпадении в ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ. Та целевая установка, которую мы можем назвать главной целью административного судопроизводства, идентична главной цели гражданского судопроизводства и главной цели арбитражного процесса и заключается в защите нарушенных или неправомерно оспариваемых прав, свобод и законных интересов лиц, спор которых подлежит разрешению судом. Именно эта целевая установка является общей целью всех видов цивилистического процесса, что также позволяет

---

[910] См., например: *Лусегенова З.С.* Современная модель административного правосудия // Судья. 2015. № 6. С. 17–20.

[911] См.: *Приходько И.А.* Доступность правосудия в арбитражном и гражданском процессе: основные проблемы. СПб.: Издательство юридического факультета С.-Петербургского государственного университета, 2005. С. 495.

[912] *Терехова Л.А.* Дрейф административного судопроизводства. С. 30, 45–46.

[913] *Терехова Л.А.* Судебное административное процессуальное право v. Административное судебное право // Правоприменение. 2019. Т. 3. № 3. С. 132.

рассматривать административное судопроизводство как вид цивилистического процесса.

Целевой же установкой и уголовного процесса, и производства по делам об административных правонарушениях является разрешение вопроса о применении к виновному лицу санкций в виде наказания за совершенное правонарушение, где инициатором процесса выступает государство в лице уполномоченных государственных органов[914], на которые и возлагается обязанность доказывания, с учетом действия презумпции невиновности.

Неоспоримое сходство имеется у преступления и административного правонарушения (проступка), граница между которыми является достаточно подвижной. Весьма близки такие правовые феномены, как уголовная и административная ответственность, уголовное и административное наказание.

Поэтому следует признать, что рассмотрение судами дел об административных правонарушениях осуществляется по уголовно-правовому типу, и правоотношения, возникающие между судом и правонарушителем после совершения последним административного правонарушения, с точки зрения их властного содержания, аналогичны уголовным процессуальным правоотношениям.

Целевые установки цивилистического процесса, составляющие предмет судебной деятельности в гражданском судопроизводстве, совершенно иные и они связаны вовсе не с назначением наказания, а с разрешением спора о праве или разрешением правового конфликта. А поскольку именно «предмет судебной деятельности, будучи фундаментальной процессуальной категорией, служит критерием отграничения форм судопроизводства друг от друга»[915], то для определения правовой природы дел, рассматриваемых в административном

---

[914] См.: *Аргунов В.В.* Каким быть особому производству по административным делам: к проекту изменений в КАС РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 3. С. 62–75.

[915] См.: *Ильин А.В.* Об одной эвристической точке зрения, касающейся сходства прямого конституционного и административного судебного нормоконтроля // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 4 (131). С. 37.

судопроизводстве, необходимо выяснить, характерно ли для этих дел разрешение споров о праве.

Г.А. Жилин утверждает, что в производстве по делам, вытекающим из публичных правоотношений, которые составляют значительную часть дел, рассматриваемых ныне в порядке, установленном КАС РФ, присутствует элемент требований о защите нарушенного права[916].

Как справедливо заметил А.Т. Боннер, «в делах, возникающих из публично-правовых отношений, всегда имеет место спор о праве. Недаром же в КАС многие из рассматриваемых в таком порядке дел совершенно верно именуются административными делами об оспаривании тех или иных действий и решений властных структур (п. 1–5 ч. 2 ст. 1 КАС)»[917].

В то же время в делах, вытекающих из публичных правоотношений, в спорном материальном правоотношении присутствует элемент юридической зависимости одной стороны от другой, в том числе в форме властного подчинения, что отличает производство по данной категории дел от производства по делам, вытекающим из частноправовых отношений, в которых стороны независимы друг от друга, а их права и обязанности возникают вследствие частных, а не публичных отношений. Однако само по себе наличие властных полномочий одного субъекта (государственных и муниципальных органов) в отношении другого не препятствует разрешению их спора в порядке гражданского судопроизводства и не является определяющим при определении типа судебного процесса.

Другой взгляд на проблему состоит в том, что функция суда при рассмотрении данной категории дел состоит «вовсе не в разрешении спора о праве, а в осуществлении судебного контроля законности действий органов государства»[918].

---

[916] *Жилин Г.А.* Правосудие по гражданским делам: актуальные версии. С. 159–160.

[917] *Боннер А.Т.* Административное судопроизводство в Российской Федерации: миф или реальность, или Спор процессуалиста с административистом // Закон. 2016. № 7. С. 49.

[918] См.: *Гражданское* процессуальное право: Учеб. / Под ред. М.С. Шакарян. М.: Велби: проспект, 2004. С. 309–310.

Проанализировав имеющиеся позиции, мы склоняемся к убеждению, что в делах, рассматриваемых в порядке административного судопроизводства, установленном КАС РФ, суды общей юрисдикции все-таки разрешают конфликт о субъективном праве, но, естественно, не гражданском, а ином – субъективном публичном праве, обеспечивая его реализацию в сфере публичных правоотношений, ведь, как писал Н.Б. Зейдер, утверждения одной стороны о нарушении ее прав другой стороной уже достаточно, чтобы всети речь о наличии спора[919].

На наш взгляд, наиболее ярко это проявляется в отношении дел, рассматриваемых в порядке главы 24 КАС РФ. При рассмотрении этих дел суд разрешает спор о наличии либо отсутствии таких субъективных прав в публичной сфере, как право избирать или право быть избранным. Лежащим на поверхности, как нам думается, будет и вывод о том, что при рассмотрении административных дел в порядке главы 26 КАС РФ разрешается вопрос о субъективном праве – праве на получение компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок. В большинстве других категорий дел, разрешаемых в порядке, установленном КАС РФ, вывод о том, что предмет судебной деятельности в этих делах составляет разрешение спора о субъективном публичном праве или защита интереса граждан и организаций в сфере публичных правоотношений, также будет вполне очевидным. Поэтому, на наш взгляд, справедливым будет утверждение, о наличии такого общего предмета судебной деятельности, осуществляемой в гражданском процессе, арбитражном процессе и административном судопроизводстве, как разрешение вопроса о субъективном праве.

Безусловно, достаточно сложно заметить спор о субъективном праве или интересе в такой категории дел административного судопроизводства, как дела о нормоконтроле. Существует точка зрения, что в таких делах функция суда иная,

---

[919] *Зейдер Н.Б.* Судебное решение по гражданскому делу. М.: Юридическая литература, 1966.

что в них спор о субъективном праве не разрешается, суд осуществляет контроль над законностью действий органов государства, равно как и при контроле за законностью действий носителей исполнительной власти[920]. Однако, как абсолютно точно отмечает С.В. Никитин, юридический (законный) интерес граждан или организаций в таких делах состоит «в том, чтобы предотвратить угрозу нарушения незаконным актом их субъективных прав либо создать необходимые условия для восстановления прав, нарушенных действием такого акта»[921].

Анализ Постановления Конституционного Суда РФ от 31.03.2015 г. № 6-П[922], в котором говорится, что «сам по себе факт нахождения лица в правоотношениях, регулируемых нормативным правовым актом, уже свидетельствует … о возможности защиты нарушенных прав в рамках оспаривания правового акта», также подтверждает вывод о наличии в делах о нормоконтроле спора о праве.

Наиболее убедительное обоснование присутствия в данной категории дел спора о праве дал А.В. Ильин: «Любой незаконный нормативный правовой акт причиняет вред лицам, которые являются субъектами отношений, регулируемых оспариваемым нормативным правовым актом ‹…› само по себе вступление в действие незаконного нормативного правового акта может создавать угрозу нарушения прав и законных интересов лиц», в результате предметом судебной деятельности в делах о нормоконтроле является спор о праве[923]. Это

---

[920] См.: *Скитович В.В.* 1) Судебный контроль за законностью действий должностных лиц: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1983; 2) Проблемы административной юстиции как формы реализации судебной власти: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 1999; 3) Проблемы административной юстиции как формы реализации судебной власти: дис. ... д-ра. юрид. наук. Гродно, 1999.

[921] См.: *Никитин С.В.* Судебная защита прав, нарушенных действием отмененных или утративших силу нормативных предписаний // Российское правосудие. 2018. № 9. С. 25.

[922] По делу о проверке конституционности пункта 1 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» и абзаца третьего подпункта 1 пункта 1 статьи 342 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества «Газпром нефть»: постановление Конституционного Суда РФ от 31.03.2015 г. № 6-П // Собрание законодательства РФ. 2015. № 15. Ст. 2301.

[923] *Ильин А.В.* Конституционные основания осуществления нормоконтроля в гражданском процессе и предмет судебной деятельности // Вестник гражданского процесса. 2017. № 2. С. 31–46.

обстоятельство также позволяет достаточно уверенно относить административное судопроизводство к цивилистическому процессу.

Кроме того, следует обратить внимание, что диаметральность предмета судебной деятельности, функций суда, реализуемых в административном судопроизводстве и административном процессе, несовпадение реализуемых в них типов охранительных отношений, накладывающиеся на существенное различие их главных целей, дополняются легко замечаемой несхожестью присущих им процессуальных принципов.

Обратившись к системе принципов, мы заметим как отсутствие в административном судопроизводстве принципа презумпции невиновности и принципа недопустимости ухудшения положения лица, подающего жалобу, явно присутствующих в уголовном судопроизводстве и производстве по делам об административных правонарушениях, так и наличие в административном судопроизводстве принципа диспозитивности, являющегося отличительной чертой цивилистического процесса и нехарактерного для административного права и процесса. В результате глубокого исследования, посвященного сравнению принципов судопроизводства, закрепленных в ГПК РФ и КАС РФ, Л.А. Терехова приходит к абсолютно справедливому выводу о том, что новых принципов, характерных именно для административного судопроизводства в КАС РФ нет[924].

Совокупность указанных обстоятельств и является теоретическим основанием для отнесения административного судопроизводства к цивилистическому типу процесса. Как же проверить данный вывод? В гуманитарных науках затруднительно произвести точный научный эксперимент,

---

[924] *Терехова Л.А.* Закрепление принципов судопроизводства в Кодексе административного судопроизводства и в Гражданском процессуальном кодексе // Правоприменение. 2020. Т. 4. № 3. С. 145.

поставить опыт, подтверждающий ту или иную теорию. Но в данном случае имеются эмпирические данные, подтверждающие наш вывод.

Во-первых, это судебная практика, неизменно объединяющая гражданское и административное производство (регулируемое КАС РФ), четко отличающая их от рассмотрения дел об административных правонарушениях (административного процесса) и тем более не допускающая их смешения с административными процедурами[925].

Во-вторых, это возможность рассмотрения одинаковых по существу дел как по правилам КАС РФ, так и по правилам ГПК или АПК РФ. Такой вывод следует из содержания ч. 1 ст. 33.1 ГПК РФ, согласно которой суд при неразделимости заявленных в одном иске требований, часть которых подлежит рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства, а часть – в порядке административного, разрешает дело в порядке гражданского судопроизводства. В.М. Жуйков и М.О. Долова по этому поводу отмечают: «законодатель признал, что требования, подлежащие разрешению в порядке административного судопроизводства, могут быть разрешены без всяких проблем в порядке гражданского судопроизводства»[926]. При этом шансы на достижение результата судопроизводства, как отмечает А.Т. Боннер, одинаковы и не зависят от его вида[927].

В-третьих, именно принадлежностью административного судопроизводства к цивилистическому процессу, проявляющейся, в том числе, в тождественности

---

[925] См.: Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2018 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891, свободный. – (Дата обращения: 17.10.2019 г.).

Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258, свободный. – (Дата обращения: 11.05.2020 г.).

[926] *Жуйков В.М., Долова М.О.* Актуальные проблемы унификации процессуального законодательства. С. 121–135.

[927] *Боннер А.Т.* Административное судопроизводство в Российской Федерации: миф или реальность, или Спор процессуалиста с административистом. С. 24–51.

многих институтов гражданского процесса, арбитражного процесса и административного судопроизводства[928], можно объяснить допускаемый процессуальным законодательством безболезненный и незаметный для неискушенных сторон переход из одного вида судопроизводства в другой, возможность которого закреплена в ч. 3 ст. 33.1 ГПК РФ

В-четвертых, это ярко проявившаяся в ходе «процессуальной революции» тенденция к унификации и гармонизации цивилистического процесса, выражающаяся в заимствовании норм одной отрасли цивилистического процесса другой. В результате этой «революции» был реализован целый ряд новаций, направленных на сближение административного судопроизводства с гражданским и арбитражным процессом, но не с административным правом и процессом, что обусловлено затруднительностью унификации и гармонизации сущностно различающихся типов процесса. Как справедливо по этому поводу заметила И.В. Решетникова, «достаточно сравнить общую часть ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ, виды пересмотра судебных актов и многое другое, и мы увидим если не дублирование нормативных положений, то их бесспорное сходство, что говорит в свою очередь о наличии признаков унификации»[929].

В-пятых, необходимо обратить внимание, что Верховный Суд РФ, уточнив сферу применения КАС РФ, разъяснил, что ряд публично-правовых споров, например: служебные споры, в том числе возникшие в связи с прохождением

---

[928] См., например: *Рожкова М.А.* О некоторых чертах сходства мирового соглашения с соглашением, заключаемым по делам, возникающим из публичных правоотношений // Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов / Под ред. Л.Ф. Лесницкой, М.А. Рожковой. М.: Статут, 2008. С. 288–303; *Шеменева О.Н.* Соглашение о примирении в административном судопроизводстве: принципиальная допустимость и соотношение с мировым соглашением в гражданском процессе // Юрист. 2016. № 10. С. 37–40.

[929] *Решетникова И.В.* Современное процессуальное право: унификация или дифференциация? // Вестник гражданского процесса. 2020. № 2. С. 32.

государственной службы[930]; дела об оспаривании актов государственных органов и органов местного самоуправления, если исполнение этих актов привело к возникновению, изменению или прекращению гражданских прав и обязанностей; экономические споры и иные дела, связанные с осуществлением предпринимательской деятельности, отнесенные к ведению арбитражных судов, должны рассматриваться в порядке гражданского судопроизводства[931]. Такое уточнение, в совокупности с упомянутыми положениями ст. 33.1 ГПК РФ, с одной стороны, говорит о близости гражданского и административного судопроизводства, с другой –заставляет задуматься о необходимости существования самостоятельного, отдельного регулирования публично-правовых споров новым процессуальным кодексом – КАС РФ.

Таким образом, следует прийти к выводу, что административное судопроизводство – это новая процессуальная форма, которую наряду с гражданским и арбитражным процессом следует относить к разновидностям гражданского судопроизводства, видам цивилистической процессуальной формы, и именно на этой основе следует проводить унификацию гражданского судопроизводства.

В случае продолжения унификации в варианте, предполагающем сохранение трех цивилистических процессуальных кодексов (ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ), весьма реальным представляется обострение проблем, связанных с отсутствием единообразия в толковании и применении содержащихся в них тождественных норм права, а также с возникновением коллизий или конкуренции между этими

---

[930] Здесь следует обратить внимание на то обстоятельство, что споры, связанные с прохождением такого вида государственной службы, как военная служба, рассматриваются в порядке КАС РФ, что еще раз подтверждает не просто родство, а однотипность гражданского процесса и административного судопроизводства.

[931] См.: О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2016 г. № 36 // СПС КонсультантПлюс.

кодексами. Поэтому нам представляется, что дальнейшая унификация всех видов цивилистического процесса (включая административное судопроизводство) может найти свое внешнее выражение в одном из двух вариантов источников (форм) гражданского процессуального права: Едином ГПК РФ или Основах цивилистического процесса Российской Федерации[932], которые будут содержать общие положения, единые для всех трех кодексов (ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ).

Из этих вариантов последний выглядит, на наш взгляд, более предпочтительным. Следует признать, что различия в природе материальных правоотношений, споры из которых разрешаются в порядке, предусмотренном ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ, действительно могут давать достаточные основания сомневаться в целесообразности их полной унификации, и в этом следует согласиться с С.Ф. Афанасьевым и А.Н. Ермаковым, несмотря на имеющиеся различия в подходах к пониманию предмета судебной деятельности[933]. Кроме того, совершенно правильный вывод Н.А. Громошиной о том, что наличие в АПК РФ норм, регламентирующих порядок привлечения к административной ответственности, «выступает серьезным препятствием для проведения логичной и чистой унификации в масштабах единого ГПК»[934], следует продолжить умозаключением о невозможности создания ЕГПК РФ без масштабной реформы КоАП РФ, в который будет целесообразно включить положения о порядке рассмотрения дел, рассматриваемых ныне в порядке главы 25 АПК РФ.

Создание же Основ цивилистического процесса РФ позволит ограничиться унификацией общих положений цивилистического процессуального законодательства и продолжить эксперимент, в ходе которого существование параллельно уже трех однотипных процессуальных форм позволяет выбирать

---

[932] Ранее в этой работе мы уже писали о необходимости принятия Основ цивилистического процесса Российской Федерации в форме федерального конституционного закона.

[933] *Афанасьев С.Ф., Ермаков А.Н.* О некоторых процессуальных новеллах и их воплощении в цивилистических процессуальных кодексах (на примере ГПК, АПК и КАС России) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 9. С. 7–12.

[934] *Громошина Н.А.* О единстве процесса, едином ГПК и рабочих программах, преподаваемых по кафедре гражданского процесса дисциплин // Вестник гражданского процесса. 2020. № 1. С. 17.

наиболее совершенные процессуальные механизмы. Основы, принятые в форме федерального конституционного закона, займут место в системе источников (форм) гражданского процессуального права непосредственно за Конституцией Российской Федерации, что придаст этой системе большую устойчивость и задаст направление ее дальнейшего развития.

Завершая главу, еще раз подчеркнем ее основные положения и выводы.

1. Устойчивость, иерархичность, стремление к внутренней непротиворечивости, внутреннее единство и внутренняя целостность, непротиворечивость однопорядковым образованиям, кроме того, диалектическое сочетание таких качеств, как устойчивость к внешнему воздействию и возможность приспосабливаться к изменениям правовой действительности являются признаками системности, характерными для отечественного гражданского процессуального права. Эти признаки проявляются в нормах, составляющих данную отрасль права, а следовательно, и в формах его внешнего проявления, выражения вовне, что позволяют сделать вывод о том, что источники (формы) гражданского процессуального права также образуют взаимосвязанную совокупность, или систему.

2. Совокупность источников (форм) российского гражданского процессуального права представляет собой иерархичную, стремящуюся к непротиворечивости, устойчивую к внешнему воздействию и способную адаптироваться к изменениям правовой действительности систему.

Элементы данной системы относятся к одному из восьми типов правовых актов, различающихся по юридической силе, происхождению и имеющих как разную степень легального признания за ними свойств источников (форм) российского гражданского процессуального права, так и разную степень убедительности доктринального обоснования такого статуса.

Из указанного числа пять типов элементов занимают в этой системе стационарное место и находятся на постоянных, только им присущих уровнях, расположенных в следующем иерархическом порядке:

– Конституция Российской Федерации,

– федеральные конституционные законы,

– международные договоры Российской Федерации,

– федеральные законы,

– подзаконные нормативные акты.

Три оставшихся типа представляют собой восполнительно-корректирующие источники (формы) гражданского процессуального права – постановления Конституционного Суда РФ и его определения с позитивным содержанием, постановления Пленума Верховного Суда РФ, а также постановления Президиума Верховного Суда РФ, вынесенные по конкретным делам в порядке надзора. Положение данных типов элементов в системе является динамичным и определяется местом восполняемых или корректируемых ими стационарных источников (форм) гражданского процессуального права.

3. Развитие системы источников (форм) российского гражданского процессуального права обусловлено влиянием тех внешних факторов, в которых эта система функционирует, прежде всего государственной политикой в сфере правосудия в целом и гражданского судопроизводства в частности, а также изменениями в общей системе источников (форм) национального права, развитием правовой доктрины, колебаниями судебной практики и т.д.

Процесс реформирования исследуемой системы следует осуществлять продуманно, осторожно, взвешенно. Включение в систему источников (форм) российского гражданского процессуального права новых элементов должно вызываться действительными потребностями правового регулирования, обусловленными целями и задачами гражданского судопроизводства, и предполагать, что включаемые элементы не разрушают внутренние системообразующие связи, существующие в системе, либо заменяют такие связи новыми, влекущими усовершенствование системы, повышение ее эффективности.

4. Первоочередной задачей на пути развития системы источников (форм) российского гражданского процессуального права должно стать полное отражение

всех составляющих ее уровней и реально существующих между ними связей, прежде всего иерархических, в гражданском процессуальном законе.

Расширение состава системы следует осуществлять, в первую очередь, за счет правовых актов, уже фактически выполняющих данные функции и имплицитно уже вкрапленных в систему, которые необходимо эксплицитно ввести в систему источников (форм) отечественного гражданского процессуального права.

5. Развитие гражданского процессуального права, а соответственно, и системы его источников (форм) происходит по двум антиколлинеарным векторам – дифференциации и унификации. Для выбора предпочтительного вектора, построения дорожной карты и определения контрольных точек на выбранном пути необходимо определить тип судебного процесса, регламентируемого ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ.

Делается вывод, что тип процесса определяется типом охранительного отношения, которое в нем реализуется, и этот тип тождественен как для гражданского и арбитражного процессов, так и для административного судопроизводства. Указанные отрасли процессуального права регламентируют порядок рассмотрения дел неуголовного типа государственными судами и порядок совершения иными лицами процессуальных действий при рассмотрении таких дел в судах. Главная цель гражданского судопроизводства, состоящая в защите нарушенных или неправомерно оспариваемых прав, свобод и законных интересов лиц, спор которых подлежит разрешению судом, идентична главным целевым установкам арбитражного процесса и административного судопроизводства, т.е. является общей для всех видов цивилистического процесса. Во всех отраслях цивилистического процесса суды разрешают конфликт о субъективном праве, которое в зависимости от вида процесса может быть гражданским или иным.

Наличие таких сущностных характеристик, как однородность типа реализуемых в процессе охранительных отношений (цивилистического); общность главной целевой установки (защита нарушенных или неправомерно оспариваемых прав, свобод и законных интересов лиц, спор которых подлежит разрешению

судом); общий предмет судебной деятельности (разрешение спора о субъективном праве); общие принципы осуществления судопроизводства (прежде всего, диспозитивность), позволяет сделать вывод, что гражданский процесс, арбитражный процесс и административное судопроизводство являются видами цивилистической процессуальной формы. Это обстоятельство, с учетом общности метода правового регулирования (императивно-диспозитивный), в свою очередь, позволяет обосновать взгляд на гражданское процессуальное право как на составную часть суперотрасли – цивилистического процессуального права, включающей также арбитражное процессуальное право и законодательство об административном судопроизводстве.

6. В диссертации определена оптимальная модель унификации цивилистического процесса, представляющая собой необходимый этап развития системы источников (форм) гражданского процессуального права.

Такая модель должна включать в себя унификацию общих положений гражданского процессуального законодательства, арбитражного процессуального законодательства и законодательства об административном судопроизводстве. Для реализации данной модели необходимо расширение системы источников (форм) российского гражданского процессуального права, создание нового источника (формы), общего для всех отраслей цивилистического процесса, в котором будут закреплены нормы, регламентирующие общие институты гражданского процесса, арбитражного процесса и административного судопроизводства как в судах общей юрисдикции, так и в арбитражных судах, прежде всего принципы осуществления правосудия и единообразие процессуальных терминов. Эта новая форма, возможно под названием «Основы цивилистического процесса РФ», созданная в виде федерального конституционного закона, будет представлять собой новую для постсоветской России форму цивилистического процессуального права, которая значительно укрепит всю систему источников (форм) гражданского процессуального права, обеспечит ее стабильность и определит направления ее дальнейшего совершенствования.

Заключение

В настоящей работе были исследованы: система источников (форм) гражданского процессуального права Российской Федерации, ее элементы, основные параметры, структурное строение, тенденции развития; нормы российского гражданского процессуального права, в которых закрепляются значимые свойства этой системы; доктринальные взгляды на исследуемую систему и перспективы ее развития; судебная практика, отражающая проявления данной системы; соответствующие нормы гражданского процессуального законодательства других государств и нормы международного права. В результате исследования сформулировано определение источников (форм) гражданского процессуального права Российской Федерации, отражающее наиболее общие свойства, сущность и содержание данного феномена и его место в механизме правового регулирования гражданских процессуальных правоотношений; определены элементы системы источников (форм) гражданского процессуального права Российской Федерации, их место и функции в этой системе; определено место и значение Конституции РФ в системе источников (форм) гражданского процессуального права Российской Федерации; исследовано законодательство Российской Федерации о гражданском судопроизводстве как подсистема в составе системы источников (форм) гражданского процессуального права Российской Федерации, определены существующие в ней уровни, место, значение и соотношение ее отдельных элементов, пути и правила разрешения возникающих в ней коллизий; проанализированы понятия «судебный прецедент» и «судебная практика», определена их возможность выступать в качестве источников (форм) отечественного гражданского процессуального права; выявлена правовая природа актов российских высших судов и их место в механизме правового регулирования гражданских процессуальных отношений; определено соотношение международно-правовых феноменов с системой источников (форм) гражданского процессуального права Российской Федерации, выявлены критерии, позволяющие включать указанные феномены в исследуемую систему, а также проанализировано

их влияние на развитие отечественного судопроизводства; рассмотрена возможность действия религиозных норм, правовой доктрины и юридического обычая в качестве нетипичных (нетрадиционных) источников (форм) российского гражданского процессуального права; исследовано структурное строение системы источников (форм) гражданского процессуального права Российской Федерации, проанализированы системообразующие связи, существующие между ее элементами; на основе анализа системы источников (форм) гражданского процессуального права Российской Федерации в динамике спрогнозированы направления ее дальнейшего развития и возможности расширения; разработаны теоретически обоснованные рекомендации по совершенствованию системы источников (форм) гражданского процессуального права Российской Федерации.

Завершая проведенные изыскания комплекса теоретико-прикладных проблем, возникающих в ходе реализации общественных отношений, связанных с построением, функционированием и развитием системы источников (форм) гражданского процессуального права, можно сформулировать следующие основные выводы и предложения.

1. Применительно к отечественному гражданскому процессуальному праву термины «источник гражданского процессуального права», «источник гражданского процессуального права в значении формы права» и «форма гражданского процессуального права» не вполне пригодны для обозначения форм его внешнего выражения: первый – ввиду его многозначности, второй – ввиду его громоздкости, а третий – ввиду его созвучия с термином «гражданская процессуальная форма».

В связи с этим для обозначения такого явления, как «источник российского гражданского процессуального права в значении формы права», в целях избежания терминологической путаницы вводится термин «источник (форма) гражданского процессуального права».

Под источниками (формами) гражданского процессуального права Российской Федерации предлагается понимать как имеющие легальное закрепление соответствующего статуса, так и не имеющие его, но фактически

используемые в соответствующем качестве правовые акты, после фиксации в одном из которых правила, определяющие порядок рассмотрения и разрешения российскими судами общей юрисдикции гражданских дел и осуществления отдельных процессуальных действий в ходе гражданского производства в российских судах общей юрисдикции, приобретают свойства гражданских процессуальных норм.

2. Нормы гражданского процессуального права регламентируют порядок рассмотрения судами общей юрисдикции отнесенных к их компетенции категорий гражданских дел и порядок осуществления процессуальных действий иными лицами в ходе гражданского производства в судах общей юрисдикции.

Под нормами права при этом прежде всего понимаются общеобязательные правила поведения, рассчитанные на многократное применение неопределенным кругом лиц. Нормы гражданского процессуального права могут существовать не только в классическом виде нормы-правила, но и в виде нормы-принципа, нормы-цели, нормы-дефиниции, служебной нормы, коллизионной нормы, бланкетной нормы, быть как первичной, так и вторичной нормой.

Общими чертами всех перечисленных разновидностей гражданских процессуальных правовых норм являются их целевая направленность на регламентацию общественных отношений, составляющих предмет гражданского процессуального права, предназначенность для длительного, многократного применения неопределенным кругом лиц и общеобязательность.

3. К источникам (формам) гражданского процессуального права могут относиться не только нормативные правовые акты, но и иные правовые феномены, которые содержат нормы права, регламентирующие общественные отношения, составляющие предмет гражданского процессуального права – совокупность общественных отношений, возникающих в процессе рассмотрения и разрешения гражданских дел судами общей юрисдикции.

Поэтому, решая вопрос о возможности отнесения того или иного правового феномена к числу источников (форм) гражданского процессуального права, не следует отталкиваться исключительно от его отраслевой принадлежности. Если

таковой феномен содержит нормы права, регламентирующие порядок рассмотрения судами общей юрисдикции отнесенных к их компетенции категорий гражданских дел и порядок осуществления процессуальных действий иными лицами в ходе гражданского производства в судах общей юрисдикции, либо представляет собой бланкетную часть гражданской процессуальной нормы, то его следует признать источником (формой) гражданского процессуального права.

Следовательно, к источникам (формам) гражданского процессуального права, помимо традиционно рассматриваемых в данном качестве актов отраслевого законодательства, следует относить нормативные правовые и иные правовые акты, содержащие нормы права, определяющие порядок рассмотрения и разрешения судами общей юрисдикции отнесенных к их компетенции категорий гражданских дел и порядок осуществления отдельных процессуальных действий в ходе гражданского судопроизводства в судах общей юрисдикции либо представляющие собой бланкетную часть гражданской процессуальной нормы, вне зависимости от их отраслевой принадлежности.

Исходя из способа фиксации гражданской процессуальной нормы, следует выделять две группы источников (форм) гражданского процессуального права:

– источники (формы) собственно гражданских процессуальных норм. Нормы, содержащиеся в этих источниках (формах) права, непосредственно определяют содержание общественных правоотношений, составляющих предмет гражданского процессуального права, что выдвигает эти источники (формы) права на первое, доминирующее, место в системе источников российского гражданского процессуального права;

– источники (формы) бланкетных гражданских процессуальных норм, предписания которых в результате использования бланкетной конструкции нормы входят в содержание норм гражданского процессуального права (данный вид источников (форм) права, как правило, изначально относится к иным отраслям права, но образует с первой группой источников (форм) права единый регулятор гражданских процессуальных отношений).

4. В системе источников (форм) российского гражданского процессуального

права главное место занимает законодательство о гражданском судопроизводстве в судах общей юрисдикции, представляющее собой довольно значимую, объемную, но не перекрывающую эту систему полностью обособленную подсистему, иерархичную структуру, в которой выделяется три уровня нормативных правовых актов: Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы. Эта совокупность нормативных правовых актов, формирующих гражданское процессуальное законодательство, характеризуется такими системными признаками, как устойчивость, единство и внутренняя целостность (взаимосвязанность элементов), взаимодействие с внешней средой (в качестве таковой рассматриваются правила поведения, установленные нормами иных отраслей законодательства и иными социальными регуляторами), непротиворечивость однопорядковым образованиям, а также иерархичность.

Значение закона как главенствующего источника отечественного гражданского процессуального права обусловлено тем, что данный тип нормативных правовых актов содержит в себе «первичные (изначальные) правовые нормы» либо представляет собой упорядоченное объединение разрозненных норм, закладывая тем самым основы регулирования в полном объеме.

5. Конституция Российской Федерации представляет собой источник (форму) права, прямо и непосредственно регулирующий гражданские процессуальные правоотношения в судах общей юрисдикции и занимающий высшее иерархическое место в системе источников (форм) российского гражданского процессуального права.

Кроме того, нормы, в ней содержащиеся, оказывают воздействие на развитие иных источников (форм) российского гражданского процессуального права. В первую очередь, воздействие Конституции Российской Федерации как основы (материала) для создания норм данной отрасли права направлено на общие положения гражданского процессуального права, его принципы, процессуальные права и обязанности сторон, состав суда и т.д. Как источник (форма) гражданского процессуального права Конституция Российской Федерации обеспечивает

надежное функционирование заложенной в ней модели гражданского судопроизводства.

6. При выявлении несоответствия гражданского процессуального закона, подлежащего применению в конкретном деле, Конституции Российской Федерации суд общей юрисдикции обязан обратиться в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке конституционности такого закона. Однако поскольку Конституция Российской Федерации содержит нормы, непосредственно регулирующие гражданские процессуальные отношения, то в исключительных, не терпящих промедления случаях суд может самостоятельно преодолеть такую иерархическую коллизию путем непосредственного применения Конституции Российской Федерации как акта, имеющего большую юридическую силу. Для исключения возможности вторжения общих судов в компетенцию Конституционного Суда РФ следует прямо закрепить в ГПК РФ, что подобное решение не влечет объявление закона, не соответствующего, по мнению суда, рассмотревшего дело, Конституции Российской Федерации, неконституционным, но приводит к возникновению у суда, рассмотревшего дело, безусловной обязанности обратиться в Конституционный Суд РФ с запросом о проверке конституционности данного закона. В случае невыявления Конституционным Судом РФ неконституционности такого закона вынесенное решение подлежит пересмотру по новым обстоятельствам, для чего следует добавить соответствующее основание пересмотра в ч. 4 ст. 392 ГПК РФ.

7. Предлагается следующая авторская классификация норм гражданского процессуального права, содержащихся в Конституции Российской Федерации, с учетом их функциональной нагрузки:

1) общие нормы правоохранительного характера;

2) нормы о судебной защите общего характера;

3) конституционные нормы процессуального характера, провозглашающие центральные принципы правосудия;

4) конституционные нормы процессуального характера, не относящиеся к категории процессуальных принципов.

8. Состав федеральных конституционных законов – источников (форм) гражданского процессуального права не исчерпывается перечнем, содержащимся в ГПК РФ, а определяется исходя из содержания федеральных конституционных законов, из наличия либо отсутствия в них правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере гражданского судопроизводства, возникающие между судом общей юрисдикции и другими участниками гражданского процесса в связи с рассмотрением и разрешением гражданских дел.

Значение федеральных конституционных законов для регламентации гражданского судопроизводства в судах общей юрисдикции состоит в том, что содержащиеся в них нормативные предписания отчетливо влияют на понимание принципов диспозитивности, состязательности, гласности в гражданском судопроизводстве, их соотношения и взаимодействия; на определение компетенции судов общей юрисдикции; на определение состава лиц, участвующих в деле, круга их процессуальных прав и обязанностей.

Статью 1 ГПК РФ после слов «Федеральным конституционным законом "О судебной системе Российской Федерации"» следует дополнить словами «и иными федеральными конституционными законами».

9. Предлагается принять нормативный правовой акт на уровне федерального конституционного закона, возможно, под наименованием «Основы цивилистического процесса Российской Федерации», регламентирующий общие положения цивилистического процесса, включающего гражданский и арбитражный процессы, а также административное судопроизводство. Причем, прежде всего, такой акт должен определять принципы, на которых осуществляется правосудие в судах общей юрисдикции и арбитражных судах по гражданским делам, иным цивилистическим спорам и делам, рассматриваемым в порядке административного судопроизводства, а также закреплять единообразное для всех отраслей цивилистического процесса понимание процессуальных терминов.

Предлагается до принятия федерального конституционного закона – Основы цивилистического процесса Российской Федерации – включить в «Общие положения» ГПК РФ, во-первых, специальную главу, в которой будут

зафиксированы, закреплены принципы российского гражданского судопроизводства в судах общей юрисдикции, во-вторых, статью, содержащую нормы-дефиниции, т.е. определения основных правовых терминов, которые используются в гражданском процессуальном законе.

10. Делается вывод о приоритете Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации над остальными федеральными законами, но приоритете не безусловном, а ограниченном рамками специального предмета регулирования, а именно – общественными отношениями в сфере гражданского судопроизводства в российских судах общей юрисдикции.

Федеральные законы иной отраслевой принадлежности могут содержать нормы гражданского процессуального права, устанавливающие как общие, так и специальные правила гражданского судопроизводства, учитывающие особенности материальных правоотношений, их субъектный состав, вводящие «процессуальные льготы» (например, в сфере доказывания). Это позволяет более полно учитывать особенности каждой конкретной категории дел, и, следовательно, такие нормы имеют существенное значение для верного и своевременного рассмотрения гражданских дел, а законы, в которых они содержатся, являются источниками (формами) гражданского процессуального права.

Предлагается авторская классификация федеральных законов – источников (форм) гражданского процессуального права. В качестве критерия классификации предлагается использовать наличие или отсутствие связи содержащихся в этих законах гражданских процессуальных предписаний с особенностями состава участников гражданского судопроизводства и/или со спецификой характера конкретного спорного правоотношения, на регулирование которого нацелено такое предписание.

К первой группе относятся федеральные законы, устанавливающие процессуальные правила, действующие независимо от характера спорного правоотношения и состава участников гражданского судопроизводства.

Вторую группу составляют федеральные законы, которые регулируют элементы гражданского процесса и судебную компетенцию применительно к

конкретному виду спорных материальных правоотношений или (и) определенной категории граждан. Законы данной группы к гражданским процессуальным правоотношениям, возникшим в результате обращения в суд за разрешением спора иной материально-правовой категории, не применяются.

Данная классификация может быть практически использована для определения соотношения федеральных законов – источников (форм) гражданского процессуального права и ГПК РФ. При разрешении коллизий между положениями законов первой группы и ГПК РФ следует руководствоваться правилом приоритета, закрепленным в ст. 1 ГПК РФ, поскольку последний является специальным законом, устанавливающим собственный приоритет. Что касается законов второй группы, то, поскольку они содержат специальные гражданские процессуальные нормы, в случае возникновения коллизии между ними и ГПК РФ следует признавать их приоритет.

11. Вопрос о возможности отнесения подзаконных актов к источникам (формам) гражданского процессуального права остается дискуссионным в юридической науке и отрицательно решен законодателем, тем не менее их фактическое существование отрицать невозможно, более того, их существование объективно необходимо.

Предлагается, во-первых, ввести для всех субъектов правотворчества прямой законодательный запрет принимать подзаконные нормативные правовые акты, регламентирующие гражданское судопроизводство.

Во-вторых, закрепить в гражданском процессуальном законодательстве право Президиума Верховного Суда РФ утверждать «обязательные постановления Верховного Суда РФ», которые будут представлять собой вспомогательные, восполнительные источники (формы) гражданского процессуального права временного характера. Ввести обязательность государственной регистрации данных актов в Министерстве юстиции РФ и официального их опубликования в порядке, существующем для постановлений Пленума Верховного Суда РФ. Установить обязанность Верховного Суда РФ незамедлительно после их публикации направить в Государственную Думу Федерального Собрания

Российской Федерации проект закона о внесении в гражданское процессуальное законодательство изменений, тождественных временным правилам, содержащимся в «обязательном постановлении». Ограничить срок действия обязательных постановлений одним годом с момента их публикации или моментом отклонения соответствующего законопроекта Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации. Определить сферу возможного применения «обязательных постановлений», отнеся к ней вспомогательные детали судебной процедуры, прежде всего регулирование порядка использования «информационных» либо «цифровых технологий» в судопроизводстве в целях фиксации, хранения, воспроизведения и передачи информации, осуществления дистанционного правосудия, подчеркнув невозможность введения «обязательными постановлениями» правил, противоречащих действующему процессуальному законодательству.

12. Толкование норм права, в том числе с использованием аналогии закона либо аналогии права, само по себе не является источником (формой) права, а представляет собой метод, с помощью которого создаются правовые нормы, осуществляется судебное правотворчество. Термин «правоположения» следует рассматривать как эвфемизм термина «норма права», применение которого для обозначения правовых норм, созданных в результате судебного правотворчества, было обусловлено господством жесткого позитивизма.

Формой существования созданных в результате судебного правотворчества гражданских процессуальных норм могут выступать исключительно акты высших судов, обладающие свойствами общеобязательности, окончательности и неизменности, а именно: постановления Конституционного Суда РФ и его определения с позитивным содержанием, а также постановления Пленума Верховного Суда РФ и постановления Президиума Верховного Суда РФ, вынесенные в порядке надзора.

Судебное правотворчество, как правило, заполняет пробелы в правовом регулировании, однако признак вторичности не является принципиальным препятствием к отнесению того или иного правового феномена к числу источников

(форм) права, хотя справедлива их классификация по данному признаку. Существующие эффективные процессуальные механизмы обеспечивают обязательность указанных актов высших судов и не позволяют нижестоящим судам, а равно и иным участникам гражданского судопроизводства, игнорировать их в своей деятельности вне зависимости от того, что эти акты из себя представляют – первичный или вторичный источник (форму) права, содержат ли они буквальное толкование существующих норм или новые нормы права, созданные в результате судебного правотворчества.

13. Судебная практика и судебный прецедент представляют собой явления правовой действительности, соотносящиеся как некое множество элементов, которым присущи некоторые определенные общие, существенные для их характеристики свойства, и отдельный элемент, входящий в это множество.

Под судебной практикой в узком смысле слова, применительно к гражданскому процессуальному праву, понимается совокупность вступивших в законную силу судебных постановлений, принятых мировыми судьями и судами общей юрисдикции при рассмотрении и разрешении конкретных дел, охватывающая результат правоприменительной деятельности судов разного уровня, очерченный иерархическими границами – от принятых судом первой инстанции решений и определений до вынесенных Президиумом Верховного Суда РФ постановлений в порядке надзора. Эту совокупность можно именовать сложившейся судебной практикой, если она выражает общепринятый, устоявшийся способ разрешения определенной категории гражданских дел или применения правовой нормы в сходных правовых ситуациях, тем самым устраняя возможные проблемы в дальнейшем восприятии, толковании и применении судом норм права.

Под судебным прецедентом в гражданском процессуальном праве следует понимать судебное постановление по конкретному делу, содержащее созданные судом, вынесшим данное постановление, правила поведения, являющиеся для участников гражданских процессуальных правоотношений обязательными образцами совершения процессуальных действий в тождественной правовой

ситуации, которыми равные или нижестоящие суды обязаны неоднократно руководствоваться при рассмотрении аналогичных дел и для обеспечения обязательности которых процессуальным законом установлено, что отклонение от таких образцов является основанием для отмены или пересмотра судебных постановлений по аналогичным делам, рассмотренным равными либо нижестоящими судами.

Делается вывод, что и судебная практика, и судебный прецедент оказывают существенное влияние на развитие различных элементов гражданской процессуальной формы, поскольку судебная деятельность, результат которой оформляется в виде судебных актов (решений, определений, постановлений), выступает не только итогом рассмотрения и разрешения конкретных гражданских дел, но и влияет на практику применения процессуальных норм, воздействует на процесс развития как гражданского судопроизводства в целом, так и отдельных институтов гражданского процессуального права. В настоящее время ни судебная практика, ни судебный прецедент судов общей юрисдикции dejure не являются источниками (формами) гражданского процессуального права, за исключением вынесенных в порядке надзора постановлений Президиума Верховного Суда РФ по конкретным делам, которые имплицитно уже признаны таковыми на законодательном уровне.

14. Постановления Конституционного Суда РФ, его определения с позитивным содержанием, постановления Пленума Верховного Суда РФ и Постановления Президиума Верховного Суда РФ, вынесенные в порядке надзора, в которых фиксируются нормы гражданского процессуального права, имплицитно на законодательном уровне уже признаны таковыми источниками (формами) гражданского процессуального права.

Постановления Президиума Верховного Суда РФ, вынесенные в порядке надзора, представляют собой судебный прецедент, а постановления Конституционного Суда РФ, его определения с позитивным содержанием и постановления Пленума Верховного Суда РФ, ввиду их принципиально иного характера, проявляющегося в том, что указанные акты принимаются вне

гражданской процессуальной формы и не в процессе разрешения гражданских дел по существу, представляют собой иные, особые, формы гражданского процессуального права. При этом источником (формой) гражданского процессуального права является весь акт высшего судебного органа, включая и мотивировочную, и резолютивную части.

Роль этих актов – восполнительно-корректирующая по отношению к иным источникам (формам) гражданского процессуального права. Акты высших судов восполняют пробелы в тех случаях, когда содержат первичные нормы гражданского процессуального права, и исправляют недостатки (корректируют правовое регулирование), когда в них содержится вторичная норма права. Положение этих актов в системе источников (форм) гражданского процессуального права является динамичным и определяется местом тех источников (форм), которые восполняются или корректируются указанными актами высших судов.

Общеобязательность данных восполняюще-корректирующих источников (форм) для применения в гражданском процессе обеспечивается существующими эффективными процессуальными механизмами, не позволяющими нижестоящим судам, а равно и иным участникам гражданского судопроизводства, игнорировать их в своей деятельности, вне зависимости от того, что эти акты содержат – первичную или вторичную норму права.

Предлагается эксплицитно закрепить данный статус указанных актов в тексте ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», тексте ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» и тексте гражданского процессуального законодательства, а также регламентировать условия и порядок их применения в качестве источника (формы) права.

15. Решения Конституционного Суда РФ де-факто являются источниками (формами) отечественного гражданского процессуального права, обладающими в их системе особым статусом, в тех случаях, когда в них:

– содержатся окончательные выводы о признании гражданской процессуальной нормы не соответствующей Конституции Российской Федерации

– «негативное законотворчество», при этом в целях заполнения возникающего пробела Конституционным Судом РФ кроме «негативной» может создаваться временная норма, действующая до принятия соответствующего нормативного правового акта;

– при формальном оставлении гражданской процессуальной нормы неизменной выявляется ее конституционно-правовой смысл, который, как правило, существенно отличается от смысла, придававшегося этой норме сложившейся правоприменительной практикой, чем фактически создается новое общеобязательное правило поведения.

16. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, не являясь ни актами законодательными, ни иными нормативными правовыми актами, ни судебными прецедентами, ни международными договорами, ни обычаем (судебным обычаем), представляют собой принятые высшей судебной инстанцией на основании предоставленных Конституцией Российской Федерации и законами полномочий и основанные на высшем (в иерархическом понимании) уровне обобщения и анализа судебной практики разъяснения высшего судебного органа, имеющие руководящий, обязательный для всех судов общей юрисдикции и всех иных участников гражданских процессуальных правоотношений характер. Постановления ПВС представляют собой акты, в которых Верховный Суд РФ в результате официального толкования права (далеко выходящего за рамки буквального толкования действующего законодательства), выявления его смысла, исходя из духа права и закона, познаваемого сквозь призму общечеловеческих ценностей, с использованием в качестве методов толкования аналогии закона или аналогии права может создавать новые правила поведения для неопределенного круга лиц, и эти правила, разъясняющие неясные, темные положения нормативных правовых актов, конкретизируют оценочные понятия, устанавливают ограничительное или расширительное толкование, восполняют пробелы или устраняют противоречия в действующем законодательстве и, будучи закрепленными в официальном, подлежащем публикации документе, обязательны для неоднократного применения и исполнения неопределенным кругом лиц, что

позволяет относить постановления ПВС к субсидиарным (восполнительным) источникам (формам) гражданского процессуального права, как правило вторичным, но при отсутствии надлежащего законодательного регулирования способным стать первичными.

17. Разграничиваются постановления Пленума Верховного Суда РФ, постановления Президиума Верховного Суда РФ, вынесенные в порядке надзора по конкретным делам, которые относятся к (восполнительным) источникам (формам) гражданского процессуального права, как правило вторичным, но при отсутствии надлежащего законодательного регулирования способным стать первичными, с одной стороны, и обзоры судебной практики Верховного Суда РФ, утвержденные Президиумом Верховного Суда РФ, не являющиеся таковыми, с другой стороны.

Вынесенные в порядке надзора постановления Президиума Верховного Суда РФ по конкретным делам представляют собой имплицитно признанный в Российской Федерации судебный прецедент. При этом незначительность числа рассматриваемых Президиумом Верховного Суда РФ гражданских дел ведет, с одной стороны, к количественному уменьшению роли данного источника (формы) гражданского процессуального права в механизме регулирования гражданских процессуальных правоотношений, с другой стороны – то обстоятельство, что они принимаются по наиболее важным, принципиальным вопросам, подчеркивает их исключительность, делает весомей каждый акт данного типа.

Постановления Пленума Верховного Суда РФ имеют особую правовую природу, поскольку принимаются вне гражданской процессуальной формы, и представляют собой основанные на высшем (в иерархическом понимании) уровне обобщения и анализа судебной практики акты, принятые высшей судебной инстанцией на основании предоставленных Конституцией Российской Федерации и законами полномочий, в которых могут создаваться новые обязательные для неоднократного применения и исполнения неопределенным кругом лиц правила поведения в гражданском судопроизводстве.

Официальное, эксплицитное признание статуса указанных актов Верховного

Суда РФ как источников (форм) гражданского процессуального права позволит решить такие присущие судейскому праву проблемы, как определение моментов начала и окончания их действия во времени, возможность ретроспективного применения, возможность преодоления их силы иными органами, установление контроля над актами Верховного Суда РФ в целях ограничения возможного произвола с его стороны, а также прямо закрепить субсидиарный (восполнительный) характер таких актов.

18. В современный период, характеризующийся процессами глобализации, непроницаемые для норм права границы между правовыми системами отсутствуют, поэтому не следует абсолютизировать утверждения о невозможности того или иного феномена выступать источником (формой) права в различных системах права.

Международно-правовые феномены, например, договоры, заключенные по вопросам гражданского процесса, содержат нормы международного права, которые одновременно можно рассматривать и как нормы внутренние, поскольку они не просто оказывают влияние на национальное судопроизводство, но и являются регулятором гражданских процессуальных правоотношений, реализуемых в российских судах, тем самым эти феномены выступают как источник (форма) внутригосударственного гражданского процессуального права, не переставая быть при этом источником права международного.

19. Такая характеристика, как общепризнанность принципа и нормы, существующих в форме обычая, мировым сообществом государств в целом, является излишне неопределенной и неприемлема для использования в целях регламентации гражданского судопроизводства. Для придания обязательного характера подобным международно-правовым феноменам необходимо, чтобы они воспринимались в качестве таковых Российской Федерацией.

Предложены критерии, при соответствии которым (в их совокупности) международные принципы и нормы могут быть использованы в качестве регуляторов гражданских процессуальных правоотношений:

– наличие явно выраженной санкции государства на применение

международного принципа или нормы во внутреннем праве;

– соответствие международных принципов и норм Конституции Российской Федерации;

– созвучие международных принципов и норм принципу правовой определенности.

Отсутствие формального закрепления и четко выраженного согласия государства на их применение, неопределенность содержания, исключающая возможность их проверки на предмет соответствия Конституции Российской Федерации, могут препятствовать применению в национальном гражданском процессе общепризнанных принципов и норм международного права, не закрепленных в международных договорах или иных актах позитивного права, в качестве положений, определяющих порядок гражданского судопроизводства в российских судах общей юрисдикции, ввиду отсутствия ясности в том, существует ли такой принцип или норма и каково их содержание.

Таким образом, сами по себе принципы международного права и его нормы, несмотря на их общепризнанность, к источникам (формам) гражданского процессуального права не относятся. В искомом качестве следует рассматривать не общепризнанные принципы и нормы международного права (содержание), а те внешние формы, в которых они зафиксированы, закреплены.

20. У национального суда, рассматривающего гражданское дело, отсутствуют правовые основания для непосредственного применения актов международных организаций и международных обычаев в случае установления коллизии между ними и процессуальным законом, следовательно, они источниками (формами) отечественного гражданского процессуального права не являются.

Прямое текстуальное закрепление в международном договоре правил, сформировавшихся в виде международного обычая, позволяет бесспорно установить наличие выраженного государством согласия на их признание и применение в качестве регулятора гражданского судопроизводства, а также (в идеале) установить определенность содержания этих норм и принципов. Однако

такая фиксация изменяет, преобразует форму их внешнего выражения – из нормы, принципа, существующих в форме международного обычая, они становятся нормой, принципом, существующими в форме международного договора.

Принципы и нормы международного права, действительно являющиеся общепризнанными и признаваемые Россией в качестве таковых, как, например, принципы всеобщего уважения прав человека и добросовестного выполнения международных обязательств, закреплены в международных договорах Российской Федерации, а также отражены в Конституции Российской Федерации и национальном законодательстве.

В связи с тем, что ни Конституция Российской Федерации, ни российское законодательство не определяют место решений международных организаций, имеющих обязательный характер, во внутригосударственной правовой системе, а международные обычаи не соответствуют указанным критериям, обосновывается, что из числа форм международного права только международные договоры могут выступать источниками (формами) внутригосударственного гражданского процессуального права, не переставая при этом быть источником права международного.

Таким образом, из числа упоминаемых в ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации международно-правовых феноменов, входящих в отечественную правовую систему, только международные договоры могут представлять собой источники (формы) отечественного гражданского процессуального права, а общепризнанные принципы и нормы международного права могут применяться для регламентации гражданского судопроизводства, если они зафиксированы, т.е. имеют свое внешнее выражение в международном договоре Российской Федерации.

21. Выявлены и сформулированы условия, совокупность которых позволяет включать международные договоры в систему источников (форм) российского гражданского процессуального права, и определяется их место в этой системе.

Международный договор, содержащий нормы, определяющие правила гражданского судопроизводства в российских судах общей юрисдикции,

приобретает свойства источника (формы) российского гражданского процессуального права, если он одновременно:

– является межгосударственным договором Российской Федерации (заключен от имени Российской Федерации) и стал обязательным для России в результате принятия федерального закона либо ратифицирован СССР и стал обязательным для России в силу правопреемства;

– соответствует общепризнанным принципам и нормам международного права juscogens либо содержит такие принципы и нормы, определяющие правила гражданского судопроизводства;

– обладает свойством самоисполнимости, т.е. не требует издания внутригосударственных актов для его применения;

– официально опубликован в Российской Федерации.

Такие международные договоры могут вводить правила гражданского судопроизводства, обязательные к применению в российских судах общей юрисдикции, отличные от порядка гражданского судопроизводства, предписанного законодательством Российской Федерации. Эти правила обладают большей юридической силой, чем правила гражданского судопроизводства, установленные федеральным законом (в том числе в Гражданским процессуальным кодексом РФ), но меньшей, чем содержащиеся в Конституции Российской Федерации и федеральном конституционном законе.

Предлагается закрепить в законодательстве о гражданском судопроизводстве вышеприведенные требования к международным договорам и их место в системе источников (форм) российского гражданского процессуального права.

22. Конвенция о защите прав человека и основных свобод представляет собой международный договор, полностью соответствующий указанным в предыдущем пункте признакам источника (формы) российского гражданского процессуального права, и должна применяться судами в этом качестве с учетом ее приоритета над федеральными законами в случае возможной конкуренции.

Конвенция закрепляет право на справедливое судебное разбирательство, включающее в себя право на справедливую судебную процедуру, связанную с

законностью, независимостью и беспристрастностью суда, публичностью (гласностью) процесса и разумностью его срока, что создает основу для введения принципа справедливости судебного разбирательства в состав принципов национального гражданского процесса. В результате ЕКПЧ приобретает значение важнейшего источника (формы) российского гражданского процессуального права.

23. В России возник и функционирует процессуальный механизм, который в целях «защиты собственной конституционной идентичности» устанавливает своего рода контроль Конституционного Суда РФ, но не над решениями Европейского суда, а за соответствием положений международного договора (ЕКПЧ) Конституции Российской Федерации в том смысле, который придается такому договору правоприменительной практикой ЕСПЧ.

В ходе осуществления такого контроля Конституционный Суд РФ может прийти к выводу, что постановление ЕСПЧ основано на толковании ЕКПЧ, противоречащем Конституции Российской Федерации, т.е. имеются противоречия между выявленным Европейским судом и далеко не явным, ввиду национальной, культурной, мировоззренческой, религиозной специфики, для отечественных правотворцев и правоприменителей смыслом Европейской Конвенции по правам человека и Конституцией Российской Федерации, и принять, в том числе, постановление о полной или частичной невозможности исполнения решения ЕСПЧ, что является препятствием для совершения любых действий, направленных на его исполнение.

В результате постановление ЕСПЧ может быть не только не воспринято российской правовой системой как источник (форма) права, но и не исполнено отечественными судами даже как индивидуальный акт, защищающий права и свободы конкретных лиц.

24. Решения ЕСПЧ во многих случаях послужили основой для изменения федерального законодательства о гражданском судопроизводстве, и, безусловно, указанные постановления Европейского суда выступили в качестве значимых источников гражданского процессуального права, но источников в значении

побудительной силы для законодателя. При этом выводы ЕСПЧ совпадали с интересами российского общества и соответствовали парадигме развития отечественной правовой системы, что и обусловило добровольность их восприятия Россией.

Включение решений ЕСПЧ в состав национальной правовой системы вовсе не тождественно их включению в национальную систему источников (форм) права. Задачей Европейского суда является установление факта нарушения конвенционного права определенного гражданина в конкретном случае и восстановление этого права, а не создание новой нормы национального права. То есть они являются прежде всего индивидуальными, правоприменительными актами, а лишь затем побудительной силой для реформирования национальной системы гражданского судопроизводства.

Постановления ЕСПЧ, как «ординарные», так и «пилотные», не обладают рядом свойств, необходимо присущих такому правовому феномену, который может быть включен в перечень источников (форм) российского гражданского процессуального права. Характеристика уровня обязательности постановлений ЕСПЧ в юридическом смысле позволяет отечественным высшим судам применять их для мотивировки своих актов и рекомендовать к применению ординарными отечественными судами в силу убедительности содержащегося в них толкования положений Конвенции, но не в силу того, что они являются источником (формой) права. Решения ЕСПЧ могут применяться и применяются участниками гражданского судопроизводства для обоснования своих позиций, требований и возражений, а также учитываются судами при толковании норм права для повышения убедительности и легитимности своих умозаключений, используются в целях мотивировки своих выводов в судебных постановлениях по гражданским делам, но не в силу обязательности решений ЕСПЧ для применения в качестве формы права, не в силу того, что в них содержится новая или отменяющая закрепленную в писаном праве норму норма права, а в силу продуманности, логичности, аподиктичности содержащихся в них позиций и выводов.

Следовательно, акты Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) следует

рассматривать как один из весьма значимых и содержательных источников гражданского процессуального права в значении побудительной силы для законодателя, формирующей основные направления модернизации отечественного процессуального права; в значении материалов, служащих основой для изменения отечественного законодательства; как источник «мягкого права», но не источник (форму) отечественного гражданского процессуального права.

Акты ЕСПЧ не входят в национальную систему источников (форм) гражданского процессуального права, поскольку его постановления, как «ординарные», так и «пилотные», являясь важным маркером, указывающим на неполадки в национальной правовой системе, не содержат общеобязательных, распространяющихся на неопределенный круг лиц правил, регламентирующих порядок разрешения гражданских дел судами общей юрисдикции либо порядок совершения отдельных процессуальных действий в ходе гражданского судопроизводства.

Для повышения уровня их обязательности предлагается положительно решить вопрос об официальном переводе и опубликовании решений ЕСПЧ в Российской Федерации.

25. Используемое в юридической науке для обозначения одной из групп источников (форм) права наименование – «нетрадиционные» – несколько неточно и не отражает действительного положения вещей. Такие составляющие эту группу феномены, как обычай, религиозные нормы и правовая доктрина, выступают наиболее традиционными для многих правовых систем. А обычай и религиозные нормы исторически являются самыми первыми источниками (формами) права, предшествовавшими письменному законодательству, a fortiori – конституциям и кодифицированным законам.

Поскольку явления, составляющие эту группу, выступают наиболее традиционными для многих правовых систем, предлагается именовать эту группу нетипичными (нехарактерными) источниками, указывая, для какой конкретно правовой системы или отрасли права исследуемый феномен является нехарактерным (нетипичным). Составляющие эту группу обычаи, религиозные

тексты и правовая доктрина в Российской Федерации не являются формами внешнего выражения норм гражданского процессуального права, но могут выступать основой для возникновения новых правовых норм, для создания той или иной нормы, содержащейся в правовых актах.

26. Источником (формой) права может выступать не любой обычай, а только правовой (юридический), приобретающий обязательную силу в результате санкционирования государством. Правовой обычай, не противореча закону, сосуществует с ним, выполняя функцию дополнения положений закона либо устанавливая норму в условиях отсутствия законодательного регулирования, не противореча общим началам и смыслу закона.

Санкционирование правового обычая осуществимо путем введения в закон или иной акт нормы, отсылающей к обычаю. При прямом включении сформировавшегося в форме обычая правила поведения в текст акта, санкционирующего его применение, несмотря на сохранение содержания правила поведения неизменным, обязательность этой нормы будет проистекать из юридической силы акта. В результате норма, сложившаяся в качестве обычной, превращается в норму писаного права, в норму, содержащуюся не в правовом обычае, но в ином источнике (форме) права.

Правовой обычай необходимо отграничивать от обыкновения и заведенного порядка, которые юридически не обязательны, не подкрепляются государственной санкцией и правовую норму не создают.

В гражданском процессуальном праве, являющемся в Российской Федерации публичной отраслью права, правовой (юридический) обычай, который мог бы стать источником (формой) права, регулирующим порядок рассмотрения гражданских дел в судах общей юрисдикции, не возникает. Складывающиеся в деятельности судов обыкновения, применительно к гражданскому процессуальному праву следует рассматривать лишь как возможную основу для возникновения новых правовых норм, влияющую на создание той или иной нормы, содержащейся в формах писаного права, но не как форму права.

Суд, рассматривающий гражданские дела, вправе применять к материальным

отношениям сторон любые санкционированные законом обычаи, а не только указанный в ст. 11 ГПК РФ «обычай делового оборота». В связи с этим для устранения коллизий с материальным правом из данной статьи следует исключить слова «делового оборота».

27. Доктрина гражданского процессуального права представляет собой характеризующуюся внутренним единством, сформированную в результате научного осмысления объективного состояния отечественного гражданского судопроизводства совокупность теоретических взглядов ученых-юристов, признанных в юридической науке обоснованными, по поводу сегодняшнего состояния и перспектив развития гражданского судопроизводства, действительного содержания актов, регулирующих гражданские процессуальные правоотношения, а также различных аспектов правоприменения в ходе гражданского процесса, включающую в себя комментарии к законодательству и судебной практике, объяснения различных дискуссионных аспектов гражданского процессуального права, но не ограничивающуюся этим и имеющую свое внешнее выражение в научных трудах наиболее авторитетных ученых-процессуалистов.

Правовая доктрина может помогать в выявлении нормы права, содержащейся в той или иной форме права, однако сама не является формой внешнего выражения норм гражданского процессуального права, новых общеобязательных правил поведения, действующих в отношении неопределенного круга лиц, не создает, так как не обладает для этого необходимыми определенностью и обязательностью. При включении положений юридической доктрины в акт того или иного государственного органа они, конечно, приобретают обязательность, равную обязательности такого акта, но при этом положения доктрины растворяются в том акте, в который они были включены, и поглощаются им, принимают форму, присущую акту, поглотившему их.

Таким образом, доктрину гражданского процессуального права следует рассматривать как источник знаний о праве, служащий основой для возникновения права в форме закона, судебного прецедента или иной форме, как системосоздающий феномен, являющийся теоретико-методологической основой

правовой системы, феномен, предлагающий перспективные модели правовой реальности, судоустройства и гражданского судопроизводства, правового регулирования процедуры рассмотрения гражданских дел в судах общей юрисдикции, феномен, влияющий на духовные, ментальные ценности, прежде всего на правосознание судей, практикующих юристов и иных участников гражданского процесса. Толкование права, осуществляемое судами, сопряжено с обращением не только к действующему законодательству, но и к достижениям юридической науки, к правовой доктрине, что прямо свидетельствует о ее значимости для правового регулирования и правоприменения.

28. Устойчивость, иерархичность, стремление к внутренней непротиворечивости, внутреннее единство и внутренняя целостность, непротиворечивость однопорядковым образованиям, кроме того, диалектическое сочетание таких качеств, как устойчивость к внешнему воздействию и возможность приспосабливаться к изменениям правовой действительности являются признаками системности, характерными для отечественного гражданского процессуального права. Эти признаки проявляются в нормах, составляющих данную отрасль права, а следовательно, и в формах его внешнего проявления, выражения вовне, что позволяет сделать вывод о том, что источники (формы) гражданского процессуального права также образуют взаимосвязанную совокупность, или систему.

29. Совокупность источников (форм) российского гражданского процессуального права представляет собой иерархичную, стремящуюся к непротиворечивости, устойчивую к внешнему воздействию и способную адаптироваться к изменениям правовой действительности систему.

Элементы данной системы относятся к одному из восьми типов правовых актов, различающихся по юридической силе, происхождению и имеющих как разную степень легального признания за ними свойств источников (форм) российского гражданского процессуального права, так и разную степень убедительности доктринального обоснования такого статуса.

Из указанного числа пять типов элементов занимают в этой системе

стационарное место и находятся на постоянных, только им присущих уровнях, расположенных в следующем иерархическом порядке:

– Конституция Российской Федерации,

– федеральные конституционные законы,

– международные договоры Российской Федерации,

– федеральные законы,

– подзаконные нормативные акты.

Три оставшихся типа представляют собой восполнительно-корректирующие источники (формы) гражданского процессуального права – постановления Конституционного Суда РФ и его определения с позитивным содержанием, постановления Пленума Верховного Суда РФ, а также постановления Президиума Верховного Суда РФ, вынесенные по конкретным делам в порядке надзора. Положение данных типов элементов в системе является динамичным и определяется местом восполняемых или корректируемых ими стационарных источников (форм) гражданского процессуального права.

30. Развитие системы источников (форм) российского гражданского процессуального права обусловлено влиянием тех внешних факторов, в которых эта система функционирует, прежде всего государственной политикой в сфере правосудия в целом и гражданского судопроизводства в частности, а также изменениями в общей системе источников (форм) национального права, развитием правовой доктрины, колебаниями судебной практики и т.д.

Процесс реформирования исследуемой системы следует осуществлять продуманно, осторожно, взвешенно. Включение в систему источников (форм) российского гражданского процессуального права новых элементов должно вызываться действительными потребностями правового регулирования, обусловленными целями и задачами гражданского судопроизводства, и предполагать, что включаемые элементы не разрушают внутренние системообразующие связи, существующие в системе, либо заменяют такие связи новыми, влекущими усовершенствование системы, повышение ее эффективности.

31. Первоочередной задачей на пути развития системы источников (форм)

российского гражданского процессуального права должно стать полное отражение всех составляющих ее уровней и реально существующих между ними связей, прежде всего иерархических, в гражданском процессуальном законе.

Расширение состава системы следует осуществлять, в первую очередь, за счет правовых актов, уже фактически выполняющих данные функции и имплицитно уже вкрапленных в систему, которые необходимо эксплицитно ввести в систему источников (форм) отечественного гражданского процессуального права.

32. Развитие гражданского процессуального права, а соответственно, и системы его источников (форм) происходит по двум антиколлинеарным векторам – дифференциации и унификации. Для выбора предпочтительного вектора построения дорожной карты и определения контрольных точек на выбранном пути необходимо определить тип судебного процесса, регламентируемого ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ.

Делается вывод, что тип процесса определяется типом охранительного отношения, которое в нем реализуется, и этот тип тождественен как для гражданского и арбитражного процессов, так и для административного судопроизводства. Указанные отрасли процессуального права регламентируют порядок рассмотрения дел неуголовного типа государственными судами и порядок совершения иными лицами процессуальных действий при рассмотрении таких дел в судах. Главная цель гражданского судопроизводства, состоящая в защите нарушенных или неправомерно оспариваемых прав, свобод и законных интересов лиц, спор которых подлежит разрешению судом, идентична главным целевым установкам арбитражного процесса и административного судопроизводства, т.е. является общей для всех видов цивилистического процесса. Во всех отраслях цивилистического процесса суды разрешают конфликт о субъективном праве, которое в зависимости от вида процесса может быть гражданским или иным.

Наличие таких сущностных характеристик, как однородность типа реализуемых в процессе охранительных отношений (цивилистического); общность главной целевой установки (защита нарушенных или неправомерно оспариваемых

прав, свобод и законных интересов лиц, спор которых подлежит разрешению судом); общий предмет судебной деятельности (разрешение спора о субъективном праве); общие принципы осуществления судопроизводства (прежде всего, диспозитивность), позволяет сделать вывод, что гражданский процесс, арбитражный процесс и административное судопроизводство являются видами цивилистической процессуальной формы. Это обстоятельство, с учетом общности метода правового регулирования (императивно-диспозитивный), в свою очередь, позволяет обосновать взгляд на гражданское процессуальное право как на составную часть суперотрасли – цивилистического процессуального права, включающей также арбитражное процессуальное право и законодательство об административном судопроизводстве.

33. В диссертации определена оптимальная модель унификации цивилистического процесса, представляющая собой необходимый этап развития системы источников (форм) гражданского процессуального права.

Такая модель должна включать в себя унификацию общих положений гражданского процессуального законодательства, арбитражного процессуального законодательства и законодательства об административном судопроизводстве. Для реализации данной модели необходимо расширение системы источников (форм) российского гражданского процессуального права, создание нового источника (формы), общего для всех отраслей цивилистического процесса, в котором будут закреплены нормы, регламентирующие общие институты гражданского процесса, арбитражного процесса и административного судопроизводства как в судах общей юрисдикции, так и в арбитражных судах, прежде всего принципы осуществления правосудия и единообразие процессуальных терминов. Эта новая форма, возможно, под названием «Основы цивилистического процесса РФ», созданная в виде федерального конституционного закона, будет представлять собой новую для постсоветской России форму цивилистического процессуального права, которая значительно укрепит всю систему источников (форм) гражданского процессуального права, обеспечит ее стабильность и определит направления ее дальнейшего совершенствования.

Подводя итог, отметим, что совокупность сформулированных в работе выводов представляет целостную научную концепцию системы источников (форм) гражданского процессуального права Российской Федерации, которая верно отражает элементный состав и внутреннюю структуру данной системы, позволяет определять пути ее дальнейшего расширения и совершенствования. Положения, вынесенные на защиту, углубляют научные представления об источниках (формах) российского гражданского процессуального права и их системе, о гражданских процессуальных нормах, о месте и значении судебного правотворчества в механизме правового регулирования гражданских процессуальных правоотношений, о соотношении источников (форм) международного права с системой национального гражданского процессуального права, тем самым способствуют развитию теории и доктрины гражданского процессуального права. Концептуальные положения, выработанные в рамках настоящего исследования, открывают перспективу для новых научных исследований отдельных источников (форм) гражданского процессуального права.

Библиография

I. Нормативные правовые акты

Нормативные правовые акты Российской Федерации

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // URL: http://www.pravo.gov.ru. 04.07.2020.

2. О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы: Федеральный конституционный закон от 8 декабря 2020 г. № 7-ФКЗ // Российская газета. – 2020. – № 280.

3. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции: Федеральный конституционный закон от 29 июля 2018 г. № 1-ФКЗ // СЗ РФ. – 2018. – № 31. – Ст. 4811.

4. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: Федеральный конституционный закон от 28 декабря 2016 г. № 11-ФКЗ // СЗ РФ. – 2017. – № 1 (ч. 1). – Ст. 2.

5. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: Федеральный конституционный закон от 14 декабря 2015 г. № 7-ФКЗ // СЗ РФ. – 2015. – № 51 (ч. 1). Ст. – 7229.

6. О Верховном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ // СЗ РФ. – 2014. – № 6. – Ст. 550.

7. О судах общей юрисдикции в Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ // СЗ РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 898.

8. О военном положении: Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 5. – Ст. 375.

9. О чрезвычайном положении: Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ // СЗ РФ. – 2001. – № 23. – Ст. 2277.

10. О военных судах Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ // СЗ РФ. – 1999. – № 26. – Ст. 3170.

11. О Правительстве Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ // СЗ РФ. – 1997. – № 51. – Ст. 5712.

12. Об уполномоченном по правам человека в Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ // СЗ РФ. – 1997. – № 9. – Ст. 1011.

13. О судебной системе Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ // СЗ РФ. – 1997. – № 1. – Ст. 1.

14. Об арбитражных судах в Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ // СЗ РФ. – 1995. – № 18. – Ст. 1589.

15. О Конституционном Суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ // СЗ РФ. – 1994. – № 13. – Ст. 1447.

16. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ // СЗ РФ. – 2018. – № 49 (ч. 1). – Ст. 7523.

17. Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг: Федеральный закон от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ // СЗ РФ. – 2018. – № 24. – Ст. 3390.

18. О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 260-ФЗ // СЗ РФ. – 2017. – № 31 (ч.1). – Ст. 4849.

19. О внесении изменений в Федеральный закон «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» в части присуждения компенсации за нарушение права на исполнение в разумный срок судебного акта, предусматривающего исполнение государством требований имущественного и (или) неимущественного характера: Федеральный закон от 19 декабря 2016 г. № 450-ФЗ // СЗ РФ. – 2016. – № 52 (ч. 5). – Ст. 7499.

20. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти: Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ // СЗ РФ. – 2016. – № 26 (ч. 1). – Ст. 3889.

21. О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 2 марта 2016 г. № 45-ФЗ // СЗ РФ. – 2016. – № 10. – Ст. 1319.

22. Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ // СЗ РФ. – 2016. – № 1 (ч. 1). – Ст. 2.

23. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации»: Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 393-ФЗ // СЗ РФ. – 2016. – № 1 (ч. 1). – Ст. 13.

24. О юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства в Российской Федерации: Федеральный закон от 3 ноября 2015 г. № 297-ФЗ // СЗ РФ. – 2015. – № 45. – Ст. 6198.

25. О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ // СЗ РФ. – 2012. – № 53 (ч. 1). – Ст. 7627.

26. О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закона от 9 декабря 2010 г.№ 353-ФЗ // СЗ РФ. – 2010. – № 50. – Ст. 6611.

27. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»: Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ // СЗ РФ. – 2010. – № 18. – Ст. 2145.

28. О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок: Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ // СЗ РФ. – 2010. – № 18. – Ст. 2144.

29. Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации: Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ // СЗ РФ. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6217.

30. Трудовой кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.

31. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

32. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.

33. О третейских судах в Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3019.

34. О ратификации Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о порядке взаимного исполнения судебных актов арбитражных судов Российской Федерации и хозяйственных судов Республики Беларусь: Федеральный закон от 11 июля 2002 г. № 90-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 28. – Ст. 2794.

35. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 23. – Ст. 2102.

36. Об охране окружающей среды: Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 2. – Ст. 133.

37. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. – 2001. – № 52 (ч. 1). – Ст. 4921.

38. О присоединении Российской Федерации к Конвенции о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам: Федеральный закон от 12 февраля 2001 г. № 10-ФЗ // СЗ РФ. – 2001. – № 7. – Ст. 615.

39. О присоединении Российской Федерации к Конвенции о получении за границей доказательств по гражданским или торговым делам: Федеральный закон от 12 февраля 2001 г. № 11-ФЗ // СЗ РФ. – 2001. – № 7. – Ст. 616.

40. О ратификации Протокола к Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г.: Федеральный закон от 8 октября 2000 г.№ 124-ФЗ // СЗ РФ. – 2000. – № 41. – Ст. 4036.

41. О ратификации Договора о создании Союзного государства: Федеральный закон от 2 января 2000 г. № 25-ФЗ // СЗ РФ. – 2000. – № 2. – Ст. 146.

42. О ратификации Договора между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о равных правах граждан: Федеральный закон от 1 мая 1999 г. № 89-ФЗ // СЗ РФ. – 1999. – № 18. – Ст. 2215.

43. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации: Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ // СЗ РФ. – 1999. – № 18. – Ст. 2208.

44. О присоединении Российской Федерации к Международной конвенции об унификации некоторых правил, касающихся ареста морских судов: Федеральный закон от 6 января 1999 г. № 13-ФЗ // СЗ РФ. – 1999. – № 2. – Ст. 240.

45. О мировых судьях в Российской Федерации: Федеральный закон от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ // СЗ РФ. – 1998. – № 51. – Ст. 6270.

46. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // СЗ РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3824.

47. О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней: Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ // СЗ РФ. – 1998. – № 14. – Ст. 1514.

48. Об основах туристской деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 49. – Ст. 5491.

49. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

50. О ратификации Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека: Федеральный закон от 4 ноября 1995 г. № 163-ФЗ // СЗ РФ. – 1995. – № 45. – Ст. 4239.

51. О международных договорах Российской Федерации: Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ // СЗ РФ. – 1995. – № 29. – Ст. 2757.

52. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1): от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

53. О ратификации Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам: Федеральный закон от 4 августа 1994 г. № 16-ФЗ // СЗ РФ. – 1994. – № 15. – Ст. 1684.

54. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // СЗ РФ. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.

55. О защите прав потребителей: закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 // СЗ РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 140.

56. О статусе судей в Российской Федерации: закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 // Российская юстиция. – 1995. – № 11.

Международные правовые акты

1. Статут Международного Суда принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г. // Действующее международное право. Документы: В 2 т. / Сост.: Колосов Ю.М., Кривчикова Э.С. М.: Юрайт, Международные отношения, – 2007. – Т. 1. – С. 797–811.

2. Конвенция Организации Объединенных Наций о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности (Вместе с Толкованиями в отношении определенных положений Конвенции): Заключена в г. Нью-Йорке 2 декабря 2004 г. // СПС КонсультантПлюс.

3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г. // СЗ РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.

4. О создании Союзного государства: Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 8 декабря 1999 г. // СЗ РФ. – 2000. – № 7. – Ст. 786.

5. Европейская конвенция об информации относительно иностранного законодательства: заключена в г. Лондоне 7 июня 1968 г. // Бюллетень международных договоров. – 2000. – № 1. – С. 22–32.

6. По пересмотру дел и возобновлению производства по делу на внутригосударственном уровне в связи с решениями Европейского суда по правам человека (Вместе с Пояснительной запиской к Рекомендации) (Принята 19.01.2000 г. на 694-м заседании представителей министров): рекомендация № R (2000) 2 Комитета министров Совета Европы // Журнал российского права. – 2000. – № 9. – С. 61–64.

7. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций (принята 24 октября 1970 г. Резолюцией 2625 (XXV) на 1883-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Международное публичное право. Сборник документов. – Т. 1. – М.: БЕК, 1996. – С. 2–8.

8. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 10 декабря 1948 г. // Российская газета. – 1995. – № 67.

9. Об экономических, социальных и культурных правах: международный пакт от 16 декабря 1966 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1994. – № 12.

10. Венская Конвенция о праве международных договоров: заключена в Вене 23 мая 1969 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1986. – № 37. – Ст. 772.

11. Устав Организации Объединенных Наций (принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Вып. XII. – М., 1956. – С. 14–47.

Нормативные правовые акты иностранных государств

1. Кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/m/document?doc_id=34329053#sub_id=10000, свободный. – (Дата обращения 6.02.2020 г.).

Программные документы и проекты нормативных правовых актов

1. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 8 декабря 2014 г. № 124(1)) // СПС КонсультантПлюс.

2. О нормативных правовых актах в Российской Федерации: проект Федерального закона (подготовлен Минюстом России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 26.12.2014 г.) // СПС КонсультантПлюс.

3. О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации

и отдельные законодательные акты Российской Федерации: пояснительная записка к проекту федерального закона // СПС КонсультантПлюс.

4. О проекте Федерального закона № 96700088-2 «О нормативных правовых актах Российской Федерации»: постановление Государственной Думы ФС РФ от 12 мая 2004 г. № 491-IV // СЗ РФ. – 2004. – № 21. – Ст. 1982.

5. Доклад Рабочей группы по присоединению Российской Федерации к Всемирной торговой организации // СПС КонсультантПлюс.

Нормативные правовые акты, утратившие силу

1. О порядке перемещения физическими лицами товаров для личного пользования через таможенную границу таможенного союза и совершения таможенных операций, связанных с их выпуском: соглашение между Правительством Российской Федерации, Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Казахстан от 18 июня 2010 г. // СПС КонсультантПлюс. (утратил силу).

2. Об уполномоченном органе в делах о банкротстве и в процедурах банкротства и регулирующем органе, осуществляющем контроль за саморегулируемыми организациями арбитражных управляющих: постановление Правительства РФ от 14 февраля 2003 г. № 100 // СЗ РФ. – 2003. – № 7. – Ст. 659. (утратил силу).

3. Об утверждении временной Инструкции по делопроизводству в верховных судах республик, краевых и областных судах, судах городов федерального значения, судах автономной области и автономных округов: приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28 декабря 1999 г. № 169 // СПС КонсультантПлюс. (утратил силу).

4. Об утверждении временной Инструкции по делопроизводству в районном суде: приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29 января 1999 г. № 8 // СПС КонсультантПлюс. (утратил силу).

5. О государственной пошлине: указ Президента РФ от 17 сентября 1994 г. № 1930 // СЗ РФ. – 1994. – № 22. – Ст. 2464. (утратил силу).

6. О совершенствовании деятельности судов РСФСР по осуществлению правосудия в свете решений XXVII съезда КПСС: постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 23 апреля 1986 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1986. – № 8. (утратил силу).

7. О судоустройстве РСФСР: закон РСФСР от 8 июля 1981 г.// Ведомости ВС РСФСР. – 1981. – № 28. – Ст. 976. (утратил силу).

8. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик: ВС СССР от 7 ноября 1977 г. // Ведомости ВС СССР. – 1977. – № 41. – Ст. 617. (утратил силу).

9. Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о труде: закон СССР от 15 июля 1970 г. № 2-VIII // Ведомости ВС СССР. – 1970. – № 29. – ст. 265. (утратил силу).

10. О задачах судебных органов в связи с решениями декабрьского (1969 г.) Пленума ЦК КПСС: постановление Пленума Верховного Суда СССР от 18 марта 1970 г. № 1 // ЭПС «Система ГАРАНТ». (утратил силу).

11. О задачах судебных органов в связи с решениями XXIII съезда КПСС: постановление Пленума Верховного Суда СССР от 01 июня 1966 г. № 4 // Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1966. – № 4. (утратил силу).

12. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) // Вестник ВС РСФСР. – 1964. – № 24. – Ст. 407. (утратил силу).

13. Основы гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик // Ведомости ВС СССР. – 1961. – № 50. – Ст. 526. (утратил силу).

14. Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик: закон СССР от 8 декабря 1961 г. // Ведомости ВС СССР. – 1961. – № 50. – Ст. 526 (утратил силу).

15. Об утверждении Основ законодательства о судоустройстве Союза ССР, союзных и автономных республик: Закон СССР от 25 декабря 1958 г. // Ведомости ВС СССР. – 1958. – № 1. – Ст. 12. (утратил силу).

16. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик: утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 5 декабря 1936 г. // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. – 1936. – № 283. (утратил силу).

17. О введении в действие Гражданского Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с «Гражданским Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»): Постановление ВЦИК от 10 июля 1923 // СУ РСФСР. – 1923. – № 46 – 47. – Ст. 478. (утратил силу).

18. О суде: Декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. // СУ РСФСР. – 1917. – № 4. – Ст. 50. (утратил силу).

19. О задачах судов в свете решений XXVI съезда КПСС: постановление Пленума Верховного Суда СССР от 26.03.1981 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1981. – № 3. (утратил силу).

20. Устав гражданского судопроизводства от 20 ноября 1864 года // СПС Консультант плюс (утратил силу).

Подзаконные нормативные правовые акты

1. Об официальном опубликовании Конституции Российской Федерации с внесенными в нее поправками: указ Президента РФ от 3 июля 2020 г. № 445 // Российская газета. – 2020. – № 144.

2. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 // СЗ РФ. – 2016. – № 50. – Ст. 7074.

3. О доктрине развития российской науки: указ Президента РФ от 13 июня 1996 г. № 884 // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 3005.

4. О присоединении Союза Советских Социалистических Республик к Венской конвенции о консульских сношениях 1963 г.: указ Президиума ВС СССР от 16 февраля 1989 г. № 10138-XI // Ведомости ВС СССР. – 1989. – № 9. – Ст. 61.

5. О ратификации Венской конвенции о дипломатических сношениях: указ Президиума ВС СССР от 11 февраля 1964 г. № 2208-VI // Ведомости ВС СССР. – 1964. – № 8. – Ст. 97.

6. О результатах общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации: постановление ЦИК России от 3 июля 2020 г. № 256 / 1888-7 // Российская газета. – 2020. – № 144.

7. Об обращении в Конституционный Суд Российской Федерации: постановление ГД ФС РФ от 11 ноября 1996 № 781-II ГД // СЗ РФ. – 1996. – № 49. – ст. 5506.

8. О присоединении Союза Советских Социалистических Республик к Гаагской конвенции 1961 года, отменяющей требование легализации иностранных официальных документов: постановление ВС СССР от 17 апреля 1991 г. № 2119-1 // Ведомости СНД и ВС СССР. – 1991. – № 17. – Ст. 496.

9. О ратификации Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности: постановление ВС РФ от 9 октября 1992 г. № 3620-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 44. – Ст. 2472.

10. О подписании Конвенции Организации Объединенных Наций о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности: распоряжение Правительства РФ от 27 октября 2006 г. № 1487-р // СЗ РФ. – 2006. – № 45. – Ст. 4720.

11. Об Экологической доктрине Российской Федерации: распоряжение Правительства РФ от 31 августа 2002 г. № 1225-р // СЗ РФ. – 2002. – № 36. – Ст. 3510.

12. Об утверждении Порядка подачи мировым судьям документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа: приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 11 сентября 2017 г. № 168 // Бюллетень актов по судебной системе. – 2017. – № 10.

13. Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа: приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251 // Бюллетень актов по судебной системе. – 2017. – № 2.

14. Об утверждении Регламента организации извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщений: приказ Судебного департамента

при Верховном Суде РФ от 25 декабря 2013 г. № 257 // Бюллетень актов по судебной системе. – 2014. – № 2.

15. Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в верховных судах республик, краевых и областных судах, судах городов федерального значения, судах автономной области и автономных округов: приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 15 декабря 2004 г. № 161 // СПС КонсультантПлюс.

16. Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде: приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29 апреля 2003 г. № 36 // Российская газета. – 2004. – № 246.

17. О присоединении СССР к Конвенции по вопросам гражданского процесса: нота министра иностранных дел СССР министру иностранных дел Нидерландов // Собрание постановлений Правительства СССР. – 1967. – № 20. – Ст. 145.

II. Судебная практика

1. По делу о проверке конституционности пункта 1 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Альбатрос»: постановление Конституционного Суда РФ от 6 июля 2018 г. № 29-П // СЗ РФ. – 2018. – № 29. – Ст. 4529.

2. По делу о проверке конституционности пункта 5 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д.А. Абрамова, В.А. Ветлугаева и других: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 октября 2017 г. № 24-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2017. – № 44. – Ст. 6569.

3. По делу о проверке конституционности положений статьи 111, части 5 статьи 247 и пункта 2 части 1 статьи 248 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, частей 1 и 2 статьи 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданки

Н.Б. Слободяник и федерального государственного бюджетного учреждения «Российский сельскохозяйственный центр»: постановление Конституционного Суда РФ от 11 июля 2017 г. № 20-П // СЗ РФ. – 2017. – № 30. – Ст. 4726.

4. По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации: постановление Конституционного Суда РФ от 19 апреля 2016 г. № 12-П // СЗ РФ. – 2016. – № 17. – Ст. 2480.

5. По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2015. – № 6.

6. По делу о проверке конституционности пункта 1 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» и абзаца третьего подпункта 1 пункта 1 статьи 342 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой открытого акционерного общества «Газпром нефть»: постановление Конституционного Суда РФ от 31 марта 2015 г. № 6-П // СЗ РФ. – 2015. – № 15. – Ст. 2301.

7. По делу о проверке конституционности положений статьи 18 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», пункта 2

части 3 статьи 239 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 10 Федерального закона «О некоммерческих организациях» в связи с жалобой открытого акционерного общества «Сбербанк России»: постановление Конституционного Суда РФ от 18 ноября 2014 г. № 30-П // СЗ РФ. – 2014. – № 47. – Ст. 6634.

8. По делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда: постановление Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2013 г. № 27-П // СЗ РФ. – 2013. – № 50. – ст. 6670.

9. По делу о проверке конституционности положений части пятой статьи 244.6 и части второй статьи 333 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.Г. Круглова, А.В. Маргина, В.А. Мартынова и Ю.С. Шардыко: постановление Конституционного Суда РФ от 30 ноября 2012г. № 29-П // СЗ РФ. – 2012. – № 51. – Ст. 7323.

10. По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина И.Д. Ушакова: постановление Конституционного Суда РФ от 27 марта 2012 г. № 8-П // СЗ РФ. – 2012. – № 15. – Ст. 1810.

11. По делу о проверке конституционности части первой статьи 320, части второй статьи 327 и статьи 328 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданки Е.В. Алейниковой и общества с ограниченной ответственностью «Три К» и запросами Норильского городского суда Красноярского края и Центрального районного суда города Читы: постановление Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2010 г. № 10-П // СЗ РФ. – 2010. – № 19. – Ст. 2357.

12. По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Производственное объединение «Берег», открытых акционерных обществ

«Карболит», «Завод «Микропровод» и «Научно-производственное предприятие «Респиратор»: постановление Конституционного Суда РФ от 21 января 2010 г. № 1-П // СЗ РФ. – 2010. – № 6. – Ст. 699.

13. По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижнекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан: постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2007. – № 3.

14. По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П // СЗ РФ. – 2004. – № 27. – Ст. 2804.

15. По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации: постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 1998 г. № 19-П // СЗ РФ. – 1998. – № 25. – Ст. 3004.

16. По жалобе гражданина Ивентьева Сергея Ивановича на нарушение его конституционных прав положением пункта 1 части первой статьи 134 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 5 марта 2009 г. № 278-О-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2009. – № 5.

17. Гражданского кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2000 г. № 277-О // СПС КонсультантПлюс.

18. По жалобе гражданки Калашниковой Марины Сергеевны на нарушение ее конституционных прав статьей 435 ГПК РСФСР: определение Конституционного Суда РФ от 2 ноября 2000 г. № 255-О // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2001. – № 2.

19. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Симкина Валерия Михайловича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 333 По запросу Арбитражного суда города Москвы о проверке конституционности пунктов 1 и 4 части четвертой статьи 20 Федерального закона «О банках и банковской деятельности»: определение Конституционного Суда РФ от 5 ноября 1999 г. № 182-О // СЗ РФ. – 1999. – № 52. – Ст. 6460.

20. По запросу Питкярантского городского суда Республики Карелия о проверке конституционности статьи 26 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций»: определение Конституционного Суда РФ от 3 февраля 2000 г. № 22-О // СЗ РФ. – 1999. – № 14. – Ст. 1532.

21. Об утверждении Обзора практики Конституционного Суда Российской Федерации за третий и четвертый кварталы 2015 года: решение Конституционного Суда РФ от 28 января 2016 г. // СПС КонсультантПлюс.

22. Регламент Конституционного Суда РФ // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2016. – № 4.

23. О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – № 4.

24. О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 3 октября 2017 г. № 30 // СПС КонсультантПлюс.

25. О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве:

постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 г. № 62 // Российская газета. – 2017. – № 6.

26. О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 11 // Российская газета. – 2016. – № 260.

27. Об утверждении Положения о Научно-консультативном совете при Верховном Суде Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 августа 2014 г. № 8 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2014. – № 10.

28. О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 21 // Российская газета. – 2013. – № 145.

29. О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 апреля 2013 г. № 9 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2013. – № 6.

30. Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 декабря 2012 г. № 35 // Российская газета. – 2012. – № 292.

31. О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 декабря 2012 г. № 31 // Российская газета. – 2012. – № 295.

32. О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной

инстанции: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 июня 2012 г. № 13 // Российская газета. – 2012. – № 147.

33. О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 3 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 4.

34. О некоторых вопросах, возникших при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок: постановление Пленума Верховного Суда РФ № 30, Пленума ВАС РФ № 64 от 23 декабря 2010 г. // Российская газета. – 2011. – № 5.

35. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав: постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2010. – № 7.

36. О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 июня 2006 г. № 8 // Российская газета. – 2006. – № 92.

37. О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 // Российская газета. – 2005. – № 50.

38. О судебном решении: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 // Российская газета. – 2003. – № 260.

39. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 // Российская газета. 2003. № 244.

40. О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: постановление

Пленума Верховного Суда РФ от 20 января 2003 г. № 2 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. – № 3.

41. О некоторых вопросах применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 февраля 2000 г. № 9 // Российская газета. – 2000. – № 39.

42. О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1996. – № 1.

43. Постановления Президиума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2016 г. № 11ПВ16 и № 14ПВ16 // СПС КонсультантПлюс.

44. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 1 августа 2007 г. № 13пв-06 // СПС КонсультантПлюс.

45. Дело «Волчкова и Миронов (Volchkova and Mironov) против Российской Федерации» (жалобы № 45668/05 и 2292/06): постановление ЕСПЧ от 28 марта 2017 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. – 2018. – № 5.

46. Дело «Полякова и другие (Polyakova and Others) против Российской Федерации» (жалоба № 35090/09 и три другие): постановление ЕСПЧ от 7 марта 2017 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. – 2018. – № 8.

47. По делу «Ловрич против Хорватии (Lovric v. Croatia)» (жалоба № 38458/15): инф. о постановлении ЕСПЧ от 4 апреля 2017 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. – 2017. – № 9.

48. Дело «Бердзенишвили и другие (Berdzenishvili and Others) против Российской Федерации» (жалобы № 14594/07, 14597/07, 14976/07, 14978/07, 15221/07, 16369/07 и 16706/07): постановление ЕСПЧ от 20 декабря 2016 г. // Российская хроника Европейского Суда. – 2017. – № 4.

49. Дело «Ольга Назаренко (Olga Nazarenko) против Российской Федерации» (жалоба № 3189/07): постановление ЕСПЧ от 31 мая 2016 г. // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. – 2017. – № 1(37).

50. Дело «M.N. и другие (M.N. and Others) против Сан-Марино» (жалоба № 28005/12): постановление ЕСПЧ от 7 июля 2015 г. // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. – 2015. – № 11(23).

51. Дело «Малмберг и другие (Malmberg and Others) против Российской Федерации» (жалобы № 23045/05, 21236/09, 17759/10 и 48402/10): постановление ЕСПЧ от 15 января 2015 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2015. – № 5.

52. Дело «Герасимов и другие (Gerasimov and Others) против Российской Федерации» (жалобы № 29920/05, 3553/06, 18876/10, 61186/10, 21176/11, 36112/11, 36426/11, 40841/11, 45381/11, 55929/11, 60822/11): постановление ЕСПЧ от 1 июля 2014 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. – 2014. – № 11.

53. По делу «Аль-Дулими и «Монтана менеджмент Инк.» (Al-Dulimi and Montana Management Inc.) против Швейцарии» (жалоба № 5809/08): постановление ЕСПЧ от 26 ноября 2013 г. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. – 2014. – № 3.

54. Дело «Олейников (Oleynikov) против Российской Федерации (жалоба № 36703/04)»: постановление ЕСПЧ от 14 марта 2013 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2014. – № 1.

55. Дело «Лапин (Lapin) против Российской Федерации» (жалоба № 16152/03): постановление ЕСПЧ от 20 сентября 2011 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2012. – № 9.

56. Дело «Зылков (Zylkov) против Российской Федерации» (жалоба № 5613/04): постановление ЕСПЧ от 21 июня 2011 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2012. – № 3.

57. Дело «Парлов-Ткалчич (Parlov-Tkalcic) против Хорватии)»: постановление ЕСПЧ от 22 декабря 2009 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2010. – № 5.

58. Дело «Андрушко (Andrushko) против Российской Федерации» (жалоба № 4260/04): постановление ЕСПЧ от 14 октября 2010 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2011. – № 8.

59. Дело «Васильченко (Vasilchenko) против Российской Федерации» (жалоба № 34784/02): постановление ЕСПЧ от 23 сентября 2010 г.// Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2011. – № 8.

60. Дело «Ларин (Larin) против Российской Федерации» (жалоба № 15034/02): постановление ЕСПЧ от 20 мая 2010 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2010. – № 12.

61. Дело «Бутенко и другие (Butenko and Others) против Российской Федерации»: постановление ЕСПЧ от 20 мая 2010 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2010. – № 3.

62. Дело «Королев (Korolev) (№ 2) против Российской Федерации» (жалоба № 5447/03): постановление ЕСПЧ от 1 апреля 2010 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2010. – № 10.

63. Дело «Куприны (Kupriny) против Российской Федерации)»: постановление ЕСПЧ от 25 февраля 2010 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2010. – № 7.

64. Дело «Макарова (Makarova) против Российской Федерации»: постановление ЕСПЧ от 1 октября 2009 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2010. – № 4.

65. Дело «Бацанина (Batsanina) против Российской Федерации» (жалоба № 3932/02): постановление ЕСПЧ от 26 мая 2009 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2010. – № 2.

66. По делу «Бурдов (Burdov) против Российской Федерации (№ 2)» (жалоба № 33509/04): постановление ЕСПЧ от 15 января 2009 г. // Российская

хроника Европейского суда. Приложение к «Бюллетеню Европейского суда по правам человека». Специальный выпуск. – 2009. – № 4. – С. 79–106.

67. Дело «Мирошник (Miroshnik) против Украины»: постановление ЕСПЧ от 27 ноября 2008 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2009. – № 3.

68. Дело «Барашкова (Barashkova) против Российской Федерации)»: постановление ЕСПЧ от 29 апреля 2008 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2009. – № 10.

69. Дело «Рякиб Бирюков (Ryakib Biryukov) против Российской Федерации» (жалоба № 14810/02): постановление ЕСПЧ от 17 января 2008 г. // Российская хроника Европейского Суда. – 2009. – № 1.

70. Дело «Загородников (Zagorodnikov) против Российской Федерации» (жалоба № 66941/01): постановление ЕСПЧ от 7 июня 2007 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2008. – № 11.

71. Дело «Вильхо Эскелинен (Vilho Eskelinen) и другие против Финляндии» (жалоба № 63235/00): постановление ЕСПЧ от 19 апреля 2007 г. // СПС КонсультантПлюс.

72. Дело «Канаев (Kanayev) против Российской Федерации» (жалоба № 43726/02): постановление ЕСПЧ от 27 июля 2006 г. // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. – 2007. – № 12.

73. Дело «Феррацини (Ferrazzini) против Италии» (жалоба № 44759/98): постановление ЕСПЧ от 12 июля 2001 г. // СПС КонсультантПлюс.

74. Дело «Спорронг (Sporrong) и Лоннрот (Lonnroth) против Швеции» (жалобы № 7151/75 и 7152/75): постановление ЕСПЧ от 23 сентября 1982 г. // Европейский Суд по правам человека. Избранные решения. – Т. 1. – М.: Норма, 2000. – С. 395–416.

75. Винтерверп (Winterwerp) против Нидерландов (жалоба № 6301/73): постановление ЕСПЧ от 24 октября 1979 г. // СПС КонсультантПлюс.

76. Дело «Кениг (Konig) против Федеративной Республики Германии (жалоба № 6232/73)»: постановление ЕСПЧ от 28 июня 1978 г. // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. – Т. 1. – М.: Норма, 2000. – С. 149–167.

77. Практика Европейского суда по правам человека за 2009–2010 годы по делам в отношении Российской Федерации в связи с нарушением права на разумные сроки судебного разбирательства и/или исполнение судебного решения в разумные сроки // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2011. – № 3. – С. 28–40.

78. Российская хроника Европейского суда. Приложение к «Бюллетеню Европейского суда по правам человека» // Специальный выпуск. 2009. – № 4. – С. 79–106.

79. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории РФ COVID-19 № 2: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30 апреля 2020 г. // СПС КонсультантПлюс.

80. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21 апреля 2020 г. // СПС КонсультантПлюс.

81. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3: утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 25 ноября 2015 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 3, 4.

82. Обзор практики разрешения арбитражными судами споров, связанных с защитой иностранных инвесторов: информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18 января 2001 г. № 58 // Вестник ВАС РФ. – 2001. – № 3.

83. Обзор судебно-арбитражной практики разрешения споров по делам с участием иностранных лиц: информационное письма Президиума ВАС РФ от 16 февраля 1998 г. // Вестник ВАС РФ. – 1998. – № 4.

84. Обзор практики применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в кассационной инстанции: информационное письмо Президиума ВАС РФ от 31 марта 1997 г. № 12 // Вестник ВАС РФ. – 1997. – № 5.

85. Определение Верховного Суда РФ от 12 декабря 2017 г. № 57-КГ17-20 // СПС КонсультантПлюс.

86. Определение Верховного Суда РФ от 24 июля 2017 г. № 46-КГ17-24 // СПС КонсультантПлюс.

87. Определение Верховного Суда РФ от 4 апреля 2016 г. № 25-КГ16-3 // СПС КонсультантПлюс.

88. Об отмене решения Санкт-Петербургского городского суда от 31 января 2012 г. и направлении на новое рассмотрение дела о признании недействующими отдельных положений Закона Санкт-Петербурга от 19.01.2009 г. № 820-7 и Закона Санкт-Петербурга от 16.02.2009 г. № 29-10: определение Верховного Суда РФ от 18 апреля 2012 г. № 78-АПГ12-3 // СПС КонсультантПлюс.

89. Отдельные положения Закона Брянской области «О законах и иных нормативных правовых актах Брянской области»: определение Верховного Суда РФ от 29 мая 2001 г. № 83-Г01-08 // СПС КонсультантПлюс.

90. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 6 июля 2017 г. № 66-КГ17-6 // СПС КонсультантПлюс.

91. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 2 февраля 2017 г. № АПЛ16-588 // СПС КонсультантПлюс.

92. Решение Верховного Суда РФ от 29 марта 2018 г. по делу № АКПИ18-259 // СПС КонсультантПлюс.

93. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2003 года: обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 7 апреля 2004 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2004. – № 7.

94. По делу № А10-7487/2017: постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 26 февраля 2018 г. № 04АП-189/2018 // СПС КонсультантПлюс.

95. Постановление ФАС Московского округа от 3 августа 2010 г. № КГ-А41/8197-10 по делу № А41-31905/09 // СПС КонсультантПлюс.

96. Архив Ленинского районного суда г. Ростова-на-Дону. Гражданское дело №2а-1563 за 2017 г.

97. Доклад о результатах мониторинга правоприменения в Российской Федерации за 2015 год // Бюллетень Министерства юстиции РФ. 2017. № 1 (начало); Бюллетень Министерства юстиции РФ. 2017. № 2 (продолжение); Бюллетень Министерства юстиции РФ. 2017. № 3 (окончание).

III. Специальная литература

Научные статьи

1. Абова Т.Е. О некоторых неоправданных расхождениях между действующими АПК РФ и ГПК РФ в регулировании процессуальных отношений // Современные проблемы гражданского права и процесса. Материалы международной науч. конф. – СПб.: Изд-во юридического факультета СПбГУ, 2006. – С. 43–50.

2. Александров Н.Г. Понятие источника права // Ученые труды Всесоюзного института юридических наук. – М., 1946. – Вып. 8. – С. 47–54.

3. Алиев Т.Т. Место международных норм в иерархии источников гражданского процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. – 2017. – № 4. – С. 27–31.

4. Алиев Т.Т. Механизмы прецедентного правового регулирования в Российской Федерации // Современное право. – 2018. – № 1. – С. 75–80.

5. Алисиевич Е.С. О значении толкования Европейским судом положений Конвенции о защите прав человека // Право и политика. – 2005. – № 7. – С. 64–68.

6. Алисиевич Е.С. Основания обращения в Европейский суд по правам человека // Корпоративный юрист. – 2006. – № 2. – С. 49–51.

7. Андреева Т.К. О дополнительных механизмах обеспечения единообразия судебной арбитражной практики // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. 2007. № 7. С. 72–75.

8. Андреева Т.К. О проблемах развития законодательства о гражданском судопроизводстве после реформирования судебной системы Российской Федерации // Сборник статей: Служение праву. Памяти профессора В.А. Туманова посвящается. / Под ред. Д.А. Туманова, М.В. Захаровой. Москва, 2017. С. 386–395.

9. Андреева Т.К. Реформа судоустройства и перспективы развития арбитражного процессуального законодательства // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2017. Т. 12. № 6. С. 145–161.

10. Андреева Т.К., Зайцева А.Г. Есть что сравнить, есть, с чем сравнить // Закон. 2003. № 1. С. 32.

11. Андреева Т.К., Улётова Г.Д. Новый этап судебной реформы: конституционные возможности и вызовы / Вестник гражданского процесса. 2020. Т. 10. № 2. С. 251-291.

12. Анишина В.И. Влияние решений Европейского суда по правам человека на российское правосудие // Международное публичное и частное право. – 2007. – № 3. – С. 59–62.

13. Ануфриева Л.П. Конституция РФ и международное право: теоретический взгляд на понятие «общепризнанные принципы и нормы международного права», или О принципах права вообще и о принципах в международном праве // Lex russica. – 2018. – № 11. – С. 122–133.

14. Аргунов В.В. Каким быть особому производству по административным делам: к проекту изменений в КАС РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2017. – № 3. – С. 62–75.

15. Афанасьев С.Ф. Охранительное производство как самостоятельный вид административного судопроизводства // Административное право и процесс. – 2018. – № 10. – С. 17–21.

16. Афанасьев С.Ф., Борисова В.Ф. О некоторых новеллах электронного документооборота в современном цивилистическом судебном процессе // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – № 10. – С. 51–54.

17. Афанасьев С.Ф., Ермаков А.Н. О некоторых процессуальных новеллах и их воплощении в цивилистических процессуальных кодексах (на примере ГПК, АПК и КАС России) // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 9. – С. 7–12.

18. Афанасьев С.Ф., Жирнова Н.А., Филимонова М.В. Информационно-правовая составляющая СМС-извещения участников гражданского судопроизводства // Администратор суда. – 2018. – № 3. – С. 3–6.

19. Баглай М.В. Конституционное правосудие в России состоялось // Российская юстиция. – 2001. – № 10. – С. 4–16.

20. Баранов В.М. Теория права в контексте проблем взаимодействия международного российского права // Российская правовая система и международное право: современные проблемы взаимодействия Н. Новгород, 1996. С. 56–62.

21. Барциц И.Н. Международное право и правовая система России // Журнал российского права. – 2001. – № 2. – С. 61–71.

22. Бахрах Д.Н., Бурков А.Л. Конвенция о защите прав человека и основных свобод в российском законодательстве и практике рассмотрения административных дел // Журнал российского права. – 2010. – № 6. – С. 67–78.

23. Безбородов Ю.С. Универсализация и локализация международно-правового регулирования в условиях глобализации // Российский юридический журнал. – 2013. – № 3. – С. 26–30.

24. Богданди А., фон. Доктринальный конструктивизм в прошлом и будущем: стратегия ответа на насущные вопросы, стоящие перед конституционно-правовой наукой в Европе // Сравнительное конституционное обозрение. – 2010. – № 1. – С. 39–66.

25. Бондарь Н.С. Конституционный Суд России: не «квазисуд», а больше, чем суд // Журнал конституционного правосудия. – 2010. – № 3. – С. 28–33.

26. Бондарь Н.С. Нормативно-доктринальная природа решений Конституционного Суда РФ как источников права // Журнал российского права. – 2007. – № 4. – С. 75 – 81.

27. Боннер А.Т. Административное судопроизводство в Российской Федерации: миф или реальность, или Спор процессуалиста с административистом // Закон. – 2016. – № 7. – С. 24–51.

28. Боннер А.Т. Доказательственное значение информации, полученной из Интернета // Закон. – 2007. – № 12. – С. 85–89.

29. Боннер А.Т., Котов О.Ю. Принцип правовой определенности в практике Европейского суда по правам человека // Закон. – 2010. – № 4. – С. 199–211.

30. Боннер А.Т., Фурсов Д.А. История развития отечественной гражданской процессуальной мысли // Арбитражный и гражданский процесс. – 2012. – № 3. – С. 42–47; – № 4. – С. 44–48; – № 5. – С. 37–42; – № 6. – С. 42–47.

31. Борисова В.Ф. Процессуальные гарантии доступности правосудия при обращении в суд общей юрисдикции // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – № 5. – С. 56–60.

32. Борисова Е.А. Судебная практика как источник гражданского процессуального права // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. – 2004. – № 3. – С. 173–184.

33. Брановицкий К.Л. Использование информационных технологий в контексте оптимизации гражданского судопроизводства // Закон. – 2018. – № 1. – С. 59–70.

34. Брановицкий К.Л., Ренц И.Г., Ярков В.В. Судебное правотворчество в условиях пандемии коронавируса: нонсенс или необходимость? // Закон. – 2020. – № 5. – С. 107–117.

35. Братусь С.Н., Венгеров А.Б. Понятие и содержание и формы судебной практики // Судебная практика в советской правовой системе. М.: Юрид. лит., 1975. С. 8–74.

36. Брежнев О.В. Реформирование судебных инстанций в России: конституционно-правовые аспекты // Конституционное и муниципальное право. – 2011. – № 6. – С. 70–74.

37. Бриксов В.В. О юридической силе кодифицированных федеральных законов // Журнал российского права. – 2003. – № 8. – С. 82–92.

38. Бутько Л.В., Улётова Г.Д. К вопросу о роли Конституции Российской Федерации как источника исполнительного права // Современное право. 2012. № 8. С. 16–23.

39. Вавилин Е.В. Тенденции развития отечественной правовой доктрины: механизм осуществления гражданских прав // Научные труды РАЮН: В 3 т. – М., 2008. – Вып. 8. – Т. 1. – С. 86–90.

40. Василевич Г.А. Толкование (разъяснение) нормативных правовых актов: понятие, виды, юридические последствия // Журнал российского права. – 2017. – № 2. – С. 5–13.

41. Васильев С.В. Источники гражданского процессуального права: генезис научных взглядов. // Актуальные проблемы современного развития гражданского, арбитражного и административного судопроизводств: сб. ст. по материалам Международной науч.-практ. конф.: В 2 ч. / Под общ. ред. В.П. Очередько, Л.В. Войтович, В.И. Кайнова. – СПб.: ИД «Петрополис», 2013. – С. 62–70.

42. Венгеров А.Б. О прецеденте толкования правовой нормы // Ученые записки ВНИИСЗ. – М., 1966. – Вып. 6. – С. 3–19.

43. Викут М.А., Афанасьев С.Ф. К вопросу о реализации части 4 статьи 15 Конституции РФ в сфере российского гражданского судопроизводства (проблемы теории и практики применения) // Арбитражный и гражданский процесс. – 2005. – № 3. – С. 36–44.

44. Вильдхабер Л. Отношения между Европейским Судом по правам человека и национальными судебными органами // Сравнительное конституционное обозрение. – 2007. – № 1. – С. 87–89.

45. Вильнянский С.И. Значение судебной практики в гражданском праве // Ученые труды ВИЮН. – 1947. – Вып 9. – С. 244–245.

46. Виляк О.И. Проблемы конституционного регулирования судебной компетенции // Государственная власть и местное самоуправление. – 2015. – № 10. – С. 17–27; – № 11. – С. 18–27; – № 12. – С. 3–11.

47. Воронов А.Ф. Содержание экономической деятельности // Вестник гражданского процесса. – 2017. – № 6. – С. 13–33.

48. Воронцова И.В. Место и значение норм международного права в системе источников гражданского процессуального права // Вестник гражданского процесса. – 2014. – № 5. – С. 84–116.

49. Воронцова И.В. Постановления Пленума ВС РФ и их влияние на российское гражданское судопроизводство // Вестник гражданского процесса. 2012. № 4. С. 68–99.

50. Вылегжанин А.Н., Каламкарян Р.А. Значение международного обычая в современном международном праве // Московский журнал международного права. – 2012. – № 2. – С. 5–29.

51. Выступление Председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина на VI Всероссийском съезде судей // Российская юстиция. – 2005. – № 1/2. – С. 11–13.

52. Вялков А.В. Судебные иммунитеты иностранных государств на стадии признания и приведения в исполнение решений арбитражей в России // Международное правосудие. – 2017. – № 4. – С. 89–121.

53. Габов А.В., Ганичева Е.С., Глазкова М.Е., Жуйков В.М., Ковтков Д.И., Лесницкая Л.Ф., Марышева Н.И., Шелютто М.Л. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса: предложения Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ // Журнал российского права. – 2015. – № 5. – С. 5–25.

54. Гаврилов О.А., Колдаева Н.П., Лукьянова Е.Г., Поленина С.В. Воздействие глобализации на правовую систему России // Государство и право. – М.: Наука, 2004. – № 3. – С. 5–15.

55. Гаджиев Г.А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник конституционного права // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. – 1999. – № 3. – С. 81–85.

56. Гаджиев Х.И. Роль судебной аргументации в эволюции законодательства и правоприменения // Журнал российского права. – 2020. – № 9. – С. 91–105.

57. Гаджиев Х.И. Судебные доктрины и эффективность правоприменения // Журнал российского права. – 2019. – № 6 (270). – С. 14–27.

58. Гаджиев Х.И. Судебное правотворчество в международном правосудии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – № 3 (70). – С. 118–129.

59. Газаева А.А. Право на самозащиту в интерпретации Европейского суда по правам человека и Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. – 2018. – № 4. – С. 21 – 24.

60. Ганюшкин Б.В. Проблемы трансформации и имплементации международно-правовых норм в отечественной доктрине международного права // Общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры в практике конституционного правосудия: материалы Всероссийского совещания (Москва, 24 декабря 2002 г.). – М.: Международные отношения, 2004. – С. 77–86.

61. Гарлицки Л. Сотрудничество и конфликт (несколько наблюдений из практики взаимодействия Европейского Суда по правам человека и национальных органов конституционного правосудия) // Сравнительное конституционное обозрение. – 2006. – № 1 (54). – С. 43–52.

62. Голунский С.А. Обычай и право // Советское государство и право. – 1939. – № 3. – С. 46–55.

63. Гравина А.А. Акты Конституционного Суда РФ и законодательство о судебной власти // Журнал российского права. – 2011. – № 10. – С. 47–54.

64. Гришина Я.С. Рецензия на книгу И.В. Воронцовой «Судебная практика и международные договоры как источники гражданского процессуального права: монография» // Вестник гражданского процесса. – 2012. – № 3. – С. 305–312.

65. Громошина Н.А. О единстве процесса, едином ГПК и рабочих программах, преподаваемых по кафедре гражданского процесса дисциплин // Вестник гражданского процесса. – 2020. – № 1. – С. 13–21.

66. Громошина Н.А., Остроумов А.А., Стрельцова Е.Г. Существует ли противоречие между п. 3 и п. 4 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ? (Возможна ли конкуренция между постановлениями ЕСПЧ и постановлениями КС РФ, вынесенными по вопросу применения российскими судами конкретной нормы в рамках одного и того же дела (на примере дела Маркина)?) // Вестник гражданского процесса. – 2014. – № 3. – С. 253–267.

67. Гурвич М.А. Решение советского суда как средство защиты субъективных гражданских прав // Советское государство и право. М.: Наука, 1955. № 4. С. 70–78.

68. Гюлумян В.Г. Принципы толкования Европейской конвенции прав человека (критика и защита) // Журнал конституционного правосудия. – 2015. – № 3. – С. 6–18.

69. Даниленко Г.М. Комментарий к ч. 4 ст. 15 Конституции РФ 1993г . // Конституция Российской Федерации. Научно-практический комментарий / Под ред. и со вступит. ст. акад. Б.Н. Топорнина. – М.: Юристъ, 1997. – С. 160–164.

70. Дегтярев С.Л. Судебная деятельность как источник гражданского процессуального и арбитражного процессуального права // Российский юридический журнал. – 2012. – № 3. – С. 173–179.

71. Демичев А.А., Исаенкова О.В. Нетрадиционные источники гражданского процессуального права России // ЭЖ-Юрист. – 2006. – № 33. // СПС КонсультантПлюс

72. Дихтяр А.И., Рогожин Н.А. Источники права и судебная практика // Юрист. – 2003. – № 1. – С. 2–7.

73. Долинская В.В. Судебные акты в праве России // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – № 1. – С. 3–13.

74. Ершов В.В. Прямое применение Конституции РФ. От решения Пленума Верховного Суда РФ до постановления Конституционного Суда РФ // Российская юстиция. – 1998. – № 9. – С. 2–4; – № 10. – С. 2–4.

75. Ершов В.В. Признание нормативных правовых актов противоречащими Конституции РФ и федеральным законам: судебная практика // Российская юстиция. – 2003. – № 5. – С. 18–21.

76. Ершов В.В. Конституция РФ как фундаментальный нормативный правовой акт, содержащий основополагающие принципы и нормы российского права, подлежащие прямому применению // Российское правосудие. – 2009. – № 3. – С. 4–11.

77. Ершова Е.А., Ершов В.В. Прецеденты толкования Европейского суда по правам человека // Антология научной мысли: к 10-летию Российской академии правосудия: сб. ст. / Отв. ред. В.В. Ершов, Н.А. Тузов. – М.: Статут, 2008. – С. 592–602.

78. Жаркова О.С. К вопросу об опубликовании в России постановлений ЕСПЧ и их использовании в правоприменительной практике // Вестник гражданского процесса. – 2015. – № 5. – С. 226–240.

79. Жевак И.И. Осуществление субъективных процессуальных прав в свете новых источников гражданского процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. – 2013. – № 3. – С. 12–16.

80. Женетль С.З. Акты Европейского суда как источник административно-процессуальных и административно-процедурных норм // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2007. – № 12. – С. 41–47.

81. Жилин Г.А. Соотношение публичного и частного в деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия по гражданским делам // Теоретические и практические проблемы в теории гражданской юрисдикции. – Межвузовский сб. науч. тр. Екатеринбург, 1998. – С. 40–44.

82. Жилин Г.А. Источники гражданского и арбитражного процессуального права // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. – 2007. – № 6 / Под ред. В.В. Яркова. – СПб.: Юридическая книга, 2008. – С. 73–92.

83. Жилин Г.А. Конституция Российской Федерации как источник гражданского и арбитражного процессуального права // Журнал конституционного правосудия. – 2008. – № 3. – С. 12–19.

84. Жилин Г.А. Решения Европейского суда по правам человека в системе источников гражданского и арбитражного процессуального права // Журнал конституционного правосудия. – 2009. – № 1. – С. 23–29.

85. Жуйков В.М. Общая концепция развития процессуального законодательства и законодательства о судоустройстве // Журнал российского права. – 2010. – № 7. – С. 5–17.

86. Жуйков В.М. ГПК РФ и другие источники гражданского процессуального права // Российская юстиция. – 2003. – № 4. – С. 10–14.

87. Жуйков В.М. К вопросу о судебной практике как источнике права // Судебная практика как источник права. – М.: Юристъ, 2000. – С. 78–90.

88. Жуйков В.М. О некоторых проблемах развития процессуального законодательства и законодательства о судоустройстве // Журнал российского права. – 2017. – № 8. – С. 135–150.

89. Жуйков В.М., Долова М.О. Актуальные проблемы унификации процессуального законодательства // Журнал российского права. – 2019. – № 8. – С. 121–135.

90. Завражнов Е.В. Проблемы применения норм международного права при отправлении правосудия // Применение норм международного права в деятельности судов и правоохранительных органов Российской Федерации: материалы Всероссийской науч.-практич. конф. (24 февраля 2005 г.). – Омск: Омский юридический институт, 2005. – С. 119–123.

91. Загидуллин М.Р., Решетникова И.В., Ситдиков Р.Б. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации // Вестник гражданского процесса. – 2017. – № 2. – С. 73–111.

92. Зайцев В.В., Демиева А.Г. О некоторых проблемах научной новизны в цивилистических исследованиях (на примере диссертационных работ) // Методологические проблемы цивилистических исследований. – 2019. – Т. 1. – № 1. – С. 64–86.

93. Зайцев В.В., Зайцев О.В. Правовые позиции: понятие и юридическое значение // Право и экономика. – 2014. – № 7 (317). – С. 4–8.

94. Зайцев В.В., Рыбаков В.А. О мировоззренческом аспекте методологии гражданского права // Сб. науч. ст.: Методологические проблемы цивилистических исследований. Ежегодник. / Ред. А.В. Габов, В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. – М., 2017. – С. 22–32.

95. Зайцев О.В. Правовая природа и значение правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации // Вестник Тверского государственного университета. – 2017. – № 4. – С. 156–163.

96. Зайцев О.В. Правовые позиции в современной юридической и судебной практике // Мировой судья. – 2018. – № 3. – С. 11–15.

97. Зайцев О.В. Проблемные вопросы доктрины гражданского права // Вестник пермского университета. – 2014. – № 1 (23). – С. 111–117.

98. Зайцев О.В. Роль судебных решений (прецедентов) и судебной практики в регулировании общественных отношений // Вестник гражданского процесса. – 2018. – № 2. – С. 105–136.

99. Зайцева А.Г. Комментарий к Постановлению Пленума ВАС РФ от 23 марта 2012 г. № 15 «О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе» // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. 2012. № 7. С. 82–96.

100. Захарова Т.А. Обычаи коренных малочисленных народов и федеральное законодательство // Журнал российского права. – 2018. – № 4. – С. 26–34.

101. Зейдер Н.Б. Предмет и система советского гражданского процессуального права // Правоведение. – 1962. – № 3. – С. 69–82.

102. Зорькин В.Д. Конституционный Суд и развитие гражданского права // Российский судья. – 2012. – № 3. – С. 5–13.

103. Зорькин В.Д. Интеграция европейского конституционного пространства: вызовы и ответы // Журнал российского права. – 2006. – № 12. – С. 15–30.

104. Зорькин В.Д. Конвенция о правах человека в российской правовой системе: проблемы имплементации // Журнал конституционного правосудия. – 2016. – № 1 (49). – С. 1–9.

105. Зорькин В.Д. Конституционный Суд России в европейском правовом поле // Журнал российского права. – 2005. – № 3. – С. 3–9.

106. Зорькин В.Д. Конституцию надо менять лишь тогда, когда ее уже нельзя не менять // Закон. – 2006. – № 11. – С. 95–97.

107. Зорькин В.Д. Национальные интересы, современный миропорядок и конституционная законность // Актуальные проблемы развития судебной системы и системы добровольного и принудительного исполнения решений Конституционного Суда РФ, судов общей юрисдикции, арбитражных, третейских судов и Европейского суда по правам человека: сб. науч. ст. – СПб., Краснодар: Юрид. центр Пресс, 2008. – С. 21–58.

108. Зорькин В.Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. – 2004. – № 12. – С. 3–9.

109. Иванов А.А. Суды должны понимать истинную цель сделок // Время новостей. – 2005. – № 218. – С. 1–20.

110. Иванов С.А. Трудовое право переходного периода: новые источники // Государство и право. – 1996. – № 1. – С. 43–52.

111. Ильин А.В. Конституционные основания осуществления нормоконтроля в гражданском процессе и предмет судебной деятельности // Вестник гражданского процесса. – 2017. – № 2. – С. 31–46.

112. Ильин А.В. Об одной эвристической точке зрения, касающейся сходства прямого конституционного и административного судебного

нормоконтроля // Сравнительное конституционное обозрение. – 2019. – № 4 (131). – С. 35–55.

113. Иодковский Э.В. Решения Европейского суда по правам человека в системе источников гражданского процессуального права // Актуальные проблемы российского права. – 2011. – № 4. – С. 130–141.

114. Исаенкова О.В. В продолжение дискуссии о реорганизации судебной системы // Закон. – 2014. – № 3. – С. 94–97.

115. Исполинов А.С. Исполнение решений международных судов: теория и практика // Международное правосудие. – 2017. – № 1. – С. 45–67.

116. Исполинов А.С. Правовой статус Всеобщей декларации прав человека (к 70-летию принятия) // Сравнительное конституционное обозрение. – 2018. – № 4. – С. 100–107.

117. Кабанова О.В. Международные правовые акты – источники конституционного права России // Власть Закона. – 2017. – № 4. – С. 129–138.

118. Кайсин Д.В. Иммунитет государства и защита иностранных государственных капиталовложений в России // Закон. – 2015. – № 5. – С. 158–163.

119. Канашевский В.А. Прецедентная практика Европейского суда по правам человека как регулятор гражданских отношений в Российской Федерации // Журнал российского права. – 2003. – № 4. – С. 125–126.

120. Керимов Д.А. Понятие источника советского социалистического права в свете работы И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» // Ученые записки Ленинградского юридического института. – 1951. – Вып. 5. – С. 41–68.

121. Кечекьян С.Ф. О понятии источника права // Ученые записки Московского государственного университета. – 1946. – Вып. 116. – С. 3–25.

122. Клеандров М.И. Размышления на тему: может ли судьей быть робот? // Российское правосудие. – 2018. – № 6. – С. 15–25.

123. Клейнман А.Ф. Основные вопросы кодификации советского гражданского процессуального права // Социалистическая законность и задачи советской юридической науки: тезисы Межвузовского научного совещания (март 1957 года). – М., 1957. – С. 18–20.

124. Ковлер А.И. Герасимов и другие против России – новое «пилотное постановление» Европейского суда // Международное правосудие. – 2014. – № 3. – С. 3–10.

125. Комиссаров К.И. Обязательность толкования закона судом второй инстанции // Советская юстиция. – 1960. – № 6. – С. 49–50.

126. Комиссаров К.И. Роль судебной практики в последовательном развитии законодательства. Межвузовский сб. науч. тр. – Свердловск: Изд-во Свердловского ун-та, 1988. – С. 25–27.

127. Короткова В.А. Эстоппель в гражданском праве // Опыты цивилистического исследования: сб. ст. – М.: Статут, 2018. – Вып. 2. – С. 231–312.

128. Кострова Н.М. Процессуальные особенности гражданских дел в современном законодательстве России: проблемы регулирования // Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов. – М.: Статут, 2008. – С. 57–68.

129. Лазарев Л.В. Конституционно-правовые основы организации и деятельности Конституционного Суда Российской Федерации // Государство и право. – 1996. – № 6. – С. 3–12.

130. Лаптев В.А. Локальный правовой обычай как источник регулирования предпринимательских отношений // Lex russica. – 2017. – № 4. – С. 110–119.

131. Лаптев П.А. Международный договор Российской Федерации и Конституция Российской Федерации: проблема иерархии // Российская юстиция. – 2009. – № 2. – С. 12–14.

132. Лесницкая Л.Ф. Некоторые проблемы пересмотра судебных постановлений в суде общей юрисдикции // Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов. – М.: Статут, 2008. – С. 356–376.

133. Ливеровский А.А., Петров М.В. Органы конституционного нормоконтроля как «квазисуды» // Журнал конституционного правосудия. – 2010. – № 3. – С. 23–27.

134. Лившиц Р.З. Судебная практика как источник права: сб. ст. / Отв ред. Б.Н. Торопонин. – М.: Институт государства и права Российской Академии наук, 1997. – С. 3–15.

135. Липкина Н.Н. К вопросу об erga omnes эффекте правовых позиций Европейского Суда по правам человека // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2015. – № 1 (102). – С. 240–245.

136. Лобов М. Прямое действие постановлений Европейского Суда по правам человека во внутреннем праве: сравнительный обзор // Сравнительное конституционное обозрение. – 2006. – № 1. – С. 88–93.

137. Лукайдес Л. Справедливое судебное разбирательство. Комментарий к п. 1 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод // Российская юстиция. – 2004. – № 2. – С. 8–20.

138. Лукашук И.И. Конституция России и международное право // Общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры в практике конституционного правосудия: материалы Всероссийского совещания (Москва, 24 декабря 2002 г.) / Под ред. М.А. Митюкова, С.В. Кабышева, В.К. Бобровой и А.В. Сычевой. – С. 43–47.

139. Лукьянова И.Н. О Концепции единого Гражданского процессуального кодекса (в поисках баланса правовой определенности и справедливого правосудия) // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – № 3. – С. 28–33.

140. Лусегенова З.С. Современная модель административного правосудия // Судья. – 2015. – № 6. – С. 17–20.

141. Любченко М.Я. Постановления Европейского суда по правам человека как «мягкое право» (soft law) // Вестник гражданского процесса. – 2017. – № 3. – С. 256–270.

142. Любченко М.Я. Постановления Европейского суда по правам человека – источник гражданского процессуального права России? // Арбитражный и гражданский процесс. – 2013. – № 2. – С. 2–7.

143. Маврин С.П. Некоторые соображения о понятии правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал конституционного правосудия. – 2010. – № 4. – С. 12–18.

144. Маврин С.П. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: природа и место в национальной правовой системе // Журнал конституционного правосудия. – 2010. – № 6. – С. 23–33.

145. Малиновский О.Н., Улётова Г.Д. К вопросу о повышении эффективности реализации решений Европейского Суда по правам человека в правовой системе России // Арбитражный и гражданский процесс. 2007. № 7. С. 39–40.

146. Малышкин А.В. Обычаи и традиции в судебной практике судов общей юрисдикции // Российский судья. – 2013. – № 3. – С. 6–10.

147. Малько А.В., Афанасьев С.Ф. «Правовая жизнь» в контексте деятельности нового Верховного Суда Российской Федерации // Российская юстиция. – 2018. – № 4. – С. 46–48.

148. Малюшин А.А. Изменение роли судебной практики в условиях правовой глобализации // Арбитражный и гражданский процесс. – 2017. – № 1. – С. 27–32.

149. Марочкин С.Ю. Применение судами норм международного права при разрешении гражданских и арбитражных дел // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. № 4 (2005) / Под ред. д.ю.н., проф. В.В. Яркова. – СПб.: Изд. дом С.-Петербургского гос. ун-та, 2006. – С. 486–498.

150. Марочкин С.Ю. Соотношение юридической силы норм международного и внутригосударственного права в правовой системе Российской Федерации // Российский журнал международного права. – 1997. – № 2. – С. 43–44.

151. Марченко М.Н. Конституционный Суд Российской Федерации и особенности его решений // Актуальные вопросы государства и права в Российской Федерации и в Республике Македонии: Сб. науч. ст. Вып. 1 / Отв. ред. А.Е. Шерстобитов. – М.: Статут, 2006. – С. 80–100.

152. Марченко М.Н. О признаках «системы» и системном характере права // Вестник Московского городского педагогического университета. – № 1 (5). – 2010. – С. 41–54.

153. Марченко М.Н. Юридическая природа и характер решений Европейского суда по правам человека // Государство и право. – 2006. – № 2. – С. 11–19.

154. Марышева Н.И. Присоединение России к Гаагским конвенциям 1965 и 1970 годов по вопросам гражданского процесса // Журнал российского права. – № 6. – 2001. – С. 66–73.

155. Мереуцэ Р.И. Принципы и нормы международного права в правовых системах стран СНГ // Российская юстиция. – 2014. – № 6. – С. 66–69.

156. Миронова С.Н. Современные тенденции в определении предмета гражданского процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. – 2008. – № 4. – С. 7–10.

157. Момотов В.В., Улётова Г.Д., Маркова-Мурашова С.А. Применение института аналогии в материальном и процессуальном праве России: история и современность // Современное право. – 2011. – № 10. – С. 3–12.

158. Морозов А.Н. Конституционное отражение общепризнанных принципов и норм международного права // Журнал российского права. – 2018. – № 7. – С. 33–45.

159. Мохов А.А. Федеральные конституционные законы как источники гражданского процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. – 2015. – № 1. – С. 3–5.

160. Мошков Е.А. Понятие электронного документа и его применение в качестве доказательства в гражданском и арбитражном судопроизводстве Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. – 2016. – № 9. – С. 30–34.

161. Муромцев Г.И. Источники права: теоретические аспекты проблемы // Правоведение. – 1992. – № 2. – С. 23–30.

162. Муховатова А. Судейский шлагбаум на исковом пути // Домашний адвокат. – 2003. – № 19. – С. 15–17.

163. Наумов А.В. Судебный прецедент как источник уголовного права // Российская юстиция. – 1994. – № 1. – С. 8–11.

164. Нахова Е.А. Стороны, заявители как субъекты доказательственной деятельности в цивилистическом и административном судопроизводстве Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. – 2016. – № 2. – С. 224–232.

165. Нерсесянц В.С. Суд не законодательствует и не управляет, а применяет право (о правоприменительной природе судебных актов) / Судебная практика как источник права: сб. ст. / Отв. ред. Б.Н. Торопонин. – М.: Институт государства и права Российской Академии наук, 1997. – С. 34–41.

166. Нерсесянц В.С. Проблема общего блага в постсоциалистической России // Российское правосудие. – 2006. – № 4. – С. 4–13.

167. Нешатаева Т.Н. Действие актов Евразийской экономической комиссии и Суда Евразийского экономического союза в национальных правопорядках государств - членов Евразийского экономического союза // Российское правосудие. 2016. № 9 (125). С. 5–13.

168. Нешатаева Т.Н. Европейская конвенция о правах человека и роль судов в преодолении фрагментации международного права // Российское правосудие. 2016. № 4 (120). С. 13–22.

169. Нешатаева Т.Н. Единообразное правоприменение - цель Евразийского Суда // Российское правосудие. 2016. № 11 (127). С. 5–17.

170. Нешатаева Т.Н. К вопросу об источниках права - судебном прецеденте и доктрине // Вестник Высшего Арбитражного Суда. – 2000. – № 5. – С. 106–111.

171. Нешатаева Т.Н. Слышать жизнь: действие актов международного суда в национальных правовых системах // Международное правосудие. – 2018. – № 1. – С. 53–66.

172. Нешатаева Т.Н. Суд ЕАЭС: от правовой позиции к действующему праву // Российское правосудие. 2017. № 9 (137). С. 5–21.

173. Нешатаева Т.Н. Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права // Вестник ВАС РФ. – № 3. – 2004. – С. 125–127.

174. Никитин С.В. Косвенный судебный нормоконтроль: понятие и проблемы реализации // Журнал российского права. – 2014. – № 1. – С. 88–101.

175. Никитин С.В. Судебная защита прав, нарушенных действием отмененных или утративших силу нормативных предписаний // Российское правосудие. – 2018. – № 9. – С. 24–32.

176. Овсепян Ж.И. Статус общепризнанных принципов и норм международного права в конституционно-правовой системе России // Конституционное и муниципальное право. – 2011. – № 7. – С. 15–26.

177. Овсепян Ж.И. Теория федерального закона (обыкновенные, или простые, ординарные федеральные законы) как источника права в России в период глобализации // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 11. – С. 64–74.

178. Пацация М.Ш. О дискреционных полномочиях должностных лиц Верховного Суда РФ в гражданском и арбитражном процессах // Вестник гражданского процесса. – 2015. – № 5. – С. 10–61.

179. Пацация М.Ш. К вопросу о законодательных мерах по укреплению процессуальных гарантий независимости нижестоящего суда в контексте права вышестоящего суда на дачу обязательных указаний о толковании закона // Вестник гражданского процесса. – 2019. – Т. 9. – № 3. – С.45–60.

180. Пацация М.Ш. Об основаниях отмены или изменения судебных постановлений в надзорном порядке в гражданском процессе // Закон. – 2014. – № 9. – С. 128–149.

181. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. – Т. 2. – СПб., Типографія Спб. акц. общ. «Слово». – 1907. – С. 512–513.

182. Подольская Н.А. К вопросу о понятии прецедента как источника права // Судебная практика как источник права. – М.: Юрист, 2000. – С. 149–152.

183. Пресняков М.В. Виды источников конституционного права: типичные и нетипичные формы права // Российская юстиция. – 2017. – № 7. – С. 11–15.

184. Пресняков М.В. Наравне с Конституцией: источники права, обладающие высшей юридической силой в Российской Федерации // Журнал российского права. – 2016. – № 8. – С. 96–108.

185. Пугачёва Н.В. Некоторые вопросы, связанные с определением подсудности индивидуальных трудовых споров // Актуальные проблемы развития цивилистического процесса. Сб. науч. ст. 2-й Международной науч.-практич. конф 12 апреля 2019 года. – Ростов-на-Дону: ИП Беспамятнов С.В., 2019. – С. 46–50.

186. Пучков В.О. Извинительное незнание иностранного закона как основание освобождения от гражданско-правовой ответственности в российском и зарубежном праве // Информационно-аналитический журнал «Арбитражные споры». – 2018. – № 1. – С. 151–162.

187. Рехтина И.В., Кардашов М.В. Динамика гражданского процессуального законодательства России под воздействием постановлений Европейского суда по правам человека // Российская юстиция. – 2011. – № 2. – С. 24–27.

188. Решетникова И.В. Современное процессуальное право: унификация или дифференциация? // Вестник гражданского процесса. 2020. № 2. С. 32–52.

189. Решетникова И.В. Унификация процессуального законодательства Ждать ли революций?! // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 3. С. 3–9.

190. Рожкова М.А. О некоторых чертах сходства мирового соглашения с соглашением, заключаемым по делам, возникающим из публичных правоотношений // Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов / Под ред. Л.Ф. Лесницкой, М.А. Рожковой. – М.: Статут, 2008. – С. 288–303.

191. Роор К.А. Понятие и сущность эстоппеля // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 7. – С. 71–81.

192. Салтыкова С. Зарождение древнерусского права // Российская юстиция. – 1997. – № 1. – С. 59–63.

193. Самсонов Н.В. Действие принципов правовой определенности и res judicata в гражданском процессе (в свете постановления Конституционного Суда РФ от 17.10.2017 г. № 24-П) // Арбитражный и гражданский процесс. – 2018. – № 3. – С. 6–11.

194. Самсонов Н.В. Завершена ли дискуссия о правовой природе административного судопроизводства // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 3. – С. 201–203.

195. Самсонов Н.В. Законодательство как основной источник отечественного гражданского процессуального права // Право и практика. – 2018. – № 1. – С. 152–158.

196. Самсонов Н.В. Источники гражданского процессуального права в дореволюционной России // Вестник Томского университета. Право. – 2018. – № 27. – С.140–148.

197. Самсонов Н.В. К вопросу о взаимосвязи законности судебного постановления и его мотивированности // Будущее российского права: концепты и социальные практики. V Московский юридический форум. XIV Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения): материалы конференции: В 4 ч. Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – 27–31.

198. Самсонов Н.В. К вопросу о месте и значении судебной практики и судебного прецедента в отечественном гражданском процессуальном праве // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2019. – Т. 10. – Вып. 2. – С. 293–310.

199. Самсонов Н.В. К вопросу о перспективах развития принципов российского гражданского процессуального права // Проблемы судопроизводства в суде первой инстанции по гражданским, арбитражным и административным делам. Сб. ст. по материалам Международной науч.-практич. конф., Санкт-Петербург, 12 октября 2018 г. / Под ред. Л.В. Войтович, В.И. Кайнова. – СПб.: ИД «Петрополис», 2019. – С. 310–314.

200. Самсонов Н.В. К вопросу о правовой природе административного судопроизводства // Административное судопроизводство: проблемы и перспективы развития: Сб. науч. тр. – М.: РГУП, 2019. – С. 151–161.

201. Самсонов Н.В. К вопросу о расширении состава источников гражданского процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. – 2018. – № 8. – С. 3–8.

202. Самсонов Н.В. К вопросу о системности гражданского процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. – 2017. – № 10. – С. 6–11.

203. Самсонов Н.В. Международное право и система источников гражданского процессуального права // II Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы развития цивилистического процесса»: сб. науч. ст. международной научно-практической конференции 12 апреля 2019 г. – Ростов н/Д.: ИП Беспамятнов, 2019. – С. 16–19.

204. Самсонов Н.В. Некоторые вопросы источников гражданского процессуального права // Актуальные проблемы развития гражданского права и гражданского процесса: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. 22 февраля 2018 г. / Редкол. А.В. Герасимов и др. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2018. – С. 193–200.

205. Самсонов Н.В. Некоторые вопросы оценки электронных доказательств в цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. – 2019. – Т. 9. – № 2. – С. 40–54.

206. Самсонов Н.В. Некоторые вопросы развития системы принципов российского гражданского судопроизводства. // Современная научная мысль. – 2017. – № 6. – С 279–284.

207. Самсонов Н.В. Непосредственное действие Конституции России в процессе разрешения споров судами // Российское правосудие. – 2019. – № 2. – С. 23–28.

208. Самсонов Н.В. О необходимости расширения полномочий суда апелляционной инстанции в гражданском процессе // Научные труды. Российская Академия юридических наук. – Вып. 15. – М., 2015. – С. 890–894.

209. Самсонов Н.В. О праве суда апелляционной инстанции отменить решение суда первой инстанции и направить дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции // Российский судья. – 2014. – № 5. – С. 24–27.

210. Самсонов Н.В. О рассмотрении гражданских дел в упрощенном порядке // Арбитражный и гражданский процесс. – № 7. – 2016. – С. 18–21.

211. Самсонов Н.В. О связи общего и особенного в гражданском процессуальном праве // Современное право. – 2018. – № 6. – С. 91–96.

212. Самсонов Н.В. Общепризнанные принципы и нормы международного права в системе источников (форм) российского гражданского процессуального права // Арбитражный и гражданский процесс. – 2020. – № 6. – С. 7–11.

213. Самсонов Н.В. Подведомственность и подсудность индивидуальных трудовых споров, история и перспективы развития // История и научное прогнозирование развития трудового права и права социального обеспечения. Международная науч.-практич. конференция (Третьи Гусовские чтения) / под общ. ред. Н.Л. Лютова, Ф.О. Сулеймановой; сост. Н.Л. Лютов, Ф.О. Сулейманова. – Москва: РГ-Пресс, 2018. – С. 312–316.

214. Самсонов Н.В. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации как источник отечественного гражданского процессуального права // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – Т. 10. – Вып. 2. – С. 139–162.

215. Самсонов Н.В. Принцип объективной истины в современном административном и гражданском судопроизводстве // Административное право и процесс. – 2019. – № 2. – С. 26–29.

216. Самсонов Н.В. Принцип объективной истины сквозь призму взглядов профессора А.Т. Боннера // Современное право. – 2017. – № 7. – С 73–77.

217. Самсонов Н.В. Развитие системы источников гражданского процессуального права в первые годы советской власти // Государственная служба. – 2018. – Т. 20. – № 3. – С. 78–82.

218. Самсонов Н.В. Судебный иммунитет иностранного государства и право на судебную защиту // Проблемы гражданского права и процесса: сб. науч. ст. Вып. 4 / ГрГУ им Я. Купалы. – Гродно: ГрГУ, 2019. – С. 215–222.

219. Самсонов Н.В. Цели и задачи цивилистического процесса // Современное право. – 2017. – № 11. – С. 68–75.

220. Сасов К.А. Конституционный Суд в судебной системе: общность задач правосудия и различия в их решении // Конституционное и муниципальное право. – 2005. – № 7. – С.25–31.

221. Свирин Ю.А. О единстве гражданской процессуальной формы и гражданского процессуального права // Адвокат. – 2014. – № 10. – С. 26–30.

222. Свирин Ю.А., Леус Е.В. К вопросу об источниках гражданского процессуального права // Современное право. – 2015. – № 3. – С. 73–78.

223. Семенов В.М. К вопросу о ценности гражданского процессуального права и гражданской процессуальной формы // Краткая антология уральской процессуальной мысли: 55 лет кафедре гражданского процесса УрГЮА / Под ред. В.В. Яркова. – Екатеринбург, 2004. – С. 102–109.

224. Сергеев А.А. Источники российского права: вопросы классификации и некоторые тенденции развития // Российский юридический журнал. – 2017. – № 5 (116). – С. 9–17.

225. Сивицкий В.А. Правовые новеллы в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации в 2011 году: некоторые наблюдения // Сравнительное конституционное обозрение. – 2012. – № 1. – С. 129–141.

226. Сивицкий В.А., Терюкова Е.А. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источники конституционного права Российской Федерации // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 1997. – № 3. – С. 73–79.

227. Синицын С.А. Некоторые тенденции развития российского гражданского законодательства: влияние доктрины и зарубежного опыта // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2015. – № 5 (54). – С. 870–876.

228. Синицын С.А. Судебная практика как важнейший фактор развития законодательства: опыт российского и зарубежного права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – № 1 (62). – С. 103–107.

229. Скитович В.В. Концепция судебного права: опыт критического переосмысления // Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов / Под ред. Л.Ф. Лесницкой, М.А. Рожковой. – М.: Статут, 2008. – С. 5–25.

230. Скитович В.В., Седельник В.В. Гражданское право и гражданский процесс: взаимозависимость и самостоятельность // Журнал российского права. – 2011. – № 5. – С. 40–48.

231. Смагина Е.С. Новые обязанности органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. – 2017. – № 3. – С. 11–14.

232. Совершенствование законодательства об исполнительном производстве в Российской Федерации как необходимая составляющая эффективной судебной системы: куда двигаться дальше? [Интервью с Г.Д. Улетовой] // Современное право. 2016. № 11. С. 43–52.

233. Сокольская Л.В., Анисимов А.П. Проблемы легализации правовой доктрины в Российской Федерации // Современное право. – 2019. – № 4. – С. 5–12.

234. Соловьева Т.В. К вопросу об обязательном характере постановлений Пленума Верховного Суда РФ // Современное право. – 2010. – № 12. – С. 96–99.

235. Станкин А.Н. К вопросу о правовой природе решений Конституционного Суда России // Новая правовая мысль. – 2006. – № 1. – С. 19–22.

236. Старилов Ю.Н. Административное судопроизводство и административные процедуры: к системному взаимодействию и надлежащему уровню правовой регламентации // Административное право и процесс. – 2018. – № 3. – С. 7–23.

237. Стригунова Д.П. Межгосударственное соглашение как источник правового регулирования международных коммерческих договоров // Современное право. – 2016. – № 8. – С. 135–140.

238. Султанов А.Р. Постановления ЕСПЧ в гражданском процессе: перезагрузка? // Вестник гражданского процесса. – 2015. – № 6. – С. 69–91.

239. Терехова Л.А. Дрейф административного судопроизводства // Вестник гражданского процесса. – 2020. – № 3. – С. 30–50.

240. Терехова Л.А. Заключение по жалобам гр-ки Алейниковой Е.В., ООО "Три К" на нарушение их конституционных прав положением ч. 1 ст. 320 ГПК РФ; запросам Норильского городского суда Красноярского края и Центрального районного суда г. Читы о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 43, ч. 2 ст. 327 и ст. 328 ГПК РФ // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2010. – № 2 (23). – С. 168–176.

241. Терехова Л.А. Закрепление принципов судопроизводства в Кодексе административного судопроизводства и в Гражданском процессуальном кодексе // Правоприменение. – 2020. – Т. 4. – № 3. – С. 139–147.

242. Терехова Л.А. Источники гражданского процессуального права Англии и США // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2017. № 4 (53). С. 111–114.

243. Терехова Л.А. Место Европейского Суда по правам человека в механизме судебной защиты гражданских прав // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2014. – № 1 (38). – С. 92–95.

244. Терехова Л.А. Некоторые аспекты доступности правосудия // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2019. – № 10. – С. 12–17.

245. Терехова Л.А. Постановление Европейского Суда по правам человека как основание для пересмотра решения национального суда // Правоприменение. – 2017. – Т. 1. – № 1. – С. 173–183.

246. Терехова Л.А. Применение постановлений Европейского Суда по правам человека в практике российских судов // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2016. – № 2 (47). – С. 138–146.

247. Терехова Л.А. Судебное административное процессуальное право v. Административное судебное право // Правоприменение. – 2019. – Т. 3. – № 3. – С. 125–134.

248. Тиунов О.И., Каширкина А.А., Морозов А.Н. Статус международных межведомственных договоров Российской Федерации // Журнал российского права. – 2007. – № 1. – С. 115–128.

249. Тишкевич И.С. Являются ли руководящие указания Пленума Верховного Суда СССР источником права // Советское государство и право. – 1955. – № 6. – С. 29–36.

250. Ткачева Н.Н. К вопросу об отнесении судебной практики по гражданским делам к источникам гражданского процессуального права // Современное право. – 2013. – № 10. – С. 88–91.

251. Трофимов Я.В. Правовой обычай и гражданское судопроизводство в современной России // Мировой судья. – 2012. – № 3. – С. 17–19.

252. Туманов В.А. Автономное толкование понятий в практике Европейского Суда по правам человека // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. – 2003. – № 3. – С. 78–84.

253. Туманов Д.А. Юридическое толкование и пробелы в гражданском процессуальном праве // Право и политика. – 2006. – № 6. – С. 52–53.

254. Улётова Г.Д. Апелляция, кассация, надзор сквозь призму времени. Интервью с судьей судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда, кандидатом юридических наук, заслуженным юристом России Н.И. Маняком // Современное право. – 2016. – № 8. – С. 63–70.

255. Улётова Г.Д. Вектор дальнейшего развития и усовершенствования российской судебной системы и гражданского судопроизводства: нужно ли резко менять приоритеты? // Сборник научных статей международной научно–практической конференции «Актуальные проблемы развития цивилистического процесса». 2018. С. 32–46.

256. Улётова Г.Д. Вектор дальнейшего развития и усовершенствования российской судебной системы и гражданского судопроизводства: нужно ли резко менять приоритеты? // Вестник гражданского процесса. 2018. № 6. С. 56–70.

257. Улётова Г.Д. Возвращаясь к научному наследию профессора М.Х. Хутыза // Арбитражный и гражданский процесс. – 2015. – № 2. – С. 57–63.

258. Улётова Г.Д. Генеология правовой определенности в российском процессуальном праве (рецензия) // Современное право. 2020. № 8. С. 139-143.

259. Улётова Г.Д. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации в схемах с комментариями: научно-практическое учебное пособие. 7-е изд. доп. и перераб. / Отв. ред. Г.Д. Улётова. СПб.: Издательство «Юридический центр». 2018. С. 31-224.

260. Улётова Г.Д. Единый ГПК РФ: проблемы и перспективы // Законодательство. 2016. № 12. С. 5–12.

261. Улётова Г.Д. Заметки на полях Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 июля 2012 г. № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующего производство в суде апелляционной инстанции» // Мировой судья. 2013. № 6. С. 2–8.

262. Улётова Г.Д., Канишевская Н.В., Кукуев А.А. Международный коммерческий арбитраж: история, современность, попытка заглянуть в будущее. Lex russica (Русский закон). 2020. № 11 (168). С. 157-165.

263. Улётова Г.Д. К дискуссии о методе правового регулирования: традиция и новые тенденции // Современное право. 2017. № 12. С. 5-13.

264. Улётова Г.Д. К дискуссии о методе правового регулирования: традиция и новые тенденции (окончание) // Современное право. 2018. № 1. С. 5-12.

265. Улетова Г.Д. К обсуждению проекта Концепции Единого Гражданского Процессуального Кодекса Российской Федерации // Современное право. 2016. № 6. С. 76.

266. Улётова Г.Д. Научное наследие Е.В. Васьковского – надежный ориентир для дальнейшего совершенствования отечественного гражданского процесса // Современное право. – 2016. – № 10. – С. 103–111.

267. Улётова Г. Д. Научное наследие М.С. Шакарян - надежный ориентир для дальнейшего совершенствования гражданского процесса и повышения эффективности правосудия / Г.Д. Улетова // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции: Материалы VI Московского юридического форума XVI Международной научно-практической конференции. В

3-х частях, Москва, 04–06 апреля 2019 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2019. – С. 4-12.

268. Улётова Г.Д. Новый этап судебной реформы: объявленная цель и возможности её достижения (сквозь призму научных исследований М.С. Шакарян) / Улётова Г.Д./ Новый этап судебной реформы: конституционные возможности и вызовы: коллективная монография / под. ред. Т.Е. Абовой, Т.К. Андреевой, В.В. Зайцева, О.В. Зайцева, Г.Д. Улётовой: Москва, Статут, 2020. С. 43-77.

269. Улётова Г.Д., Михайлов С.М. Актуальные проблемы гражданского процессуального права. // Российское правосудие. 2018. № 5 (145). С.103–112.

270. Улётова Г.Д. Признание решений российских судов в Англии и Уэльсе (уроки одного дела) // Российское правосудие. 2018. № 8. С. 78-88.

271. Улётова Г.Д. Применение аналогии закона в гражданском судопроизводстве и исполнительном производстве: от полного отрицания к систематическому применению/ Г.Д. Улётова // Реформа гражданского процесса 2018-2020 гг.: содержание и последствия: Коллективная монография / Под ред. докт. юрид. наук, проф. М.А. Фокиной. – М. : Издательский Дом «Городец», 2021. С. 81-113. (гл. 2).

272. Улётова Г.Д., Самсонов Н.В. О состоявшейся в Общественной палате конференции «Инициатива Верховного Суда РФ по реформе судопроизводства: оптимизация судебной процедуры или нарушение прав участников процесса» // Российский судья. 2018. № 11. С. 51-58.

273. Умнова-Конюхова И.А. Современное понимание предмета конституционного права в условиях бинарного развития внутригосударственного (национального) и международного права // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 10. – С. 151–161.

274. Фархтдинов Я.Ф. Виды источников гражданского процессуального права // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. – 2002. – № 1. – С. 9–14.

275. Фархтдинов Я.Ф. Конституция Российской Федерации – источник гражданского процессуального права // Вестник ТИСБИ. – 2000. – № 3. – С. 43–49.

276. Фаткуллина Н.М. Федеральный закон как источник права в системе российского законодательства: вопросы теории и практики // Ленинградский юридический журнал. – 2015. – № 4. – С. 36–42.

277. Федина А.С. Форма и содержание принципов гражданского процессуального права // Журнал российского права. – 2014. – № 11. – С. 107–114.

278. Фокина М.А. Договорные элементы в цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. – 2020. – № 2. – Т.10. – С. 118–130.

279. Фокина М.А. Роль судебной практики в совершенствовании доказывания по гражданским делам // Арбитражный и гражданский процесс. – 2005. – № 4. – С. 20–25.

280. Хабриева Т.Я. Доктринальное значение российской Конституции // Журнал российского права. – 2009. – № 2. – С. 34–38.

281. Хабриева Т.Я. Конституционное развитие: статика и динамика (к 25-летию Основного Закона России) // Конституционное и муниципальное право. – 2018. – № 12. – С. 10–17.

282. Хабриева Т.Я. Конституция как основа законности в Российской Федерации // Журнал российского права. – 2009. – № 3. – С. 3–11.

283. Хабриева Т.Я. Теория современного основного закона и российская Конституция // Журнал российского права. – 2008. – № 12 (144). – С. 15–23.

284. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. – 2018. – № 1 (253). – С. 85–102.

285. Хисамов А.Х. Тенденции интеграции информационных технологий в цивилистический процесс // Вестник гражданского процесса. – 2018. – № 1. – С. 229–247.

286. Хлестова И.О. Новый закон «о юрисдикционных иммунитетах иностранного государства и имущества иностранного государства» // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2016. – № 2. – С. 128–135.

287. Цифровые технологии и цивилистический процесс: проблемы взаимовлияния / К.Л. Брановицкий, И.Г. Ренц, Ал.В. Незнамов, Ан.В. Незнамов, В.В. Ярков. // Herald of The Euro-Asian Law Congress. – 2018. – № 2. – С. 56–68.

288. Цой В.И. К вопросу о подсудности гражданских дел военным судам, расположенным за пределами Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. – 2012. – № 5. – С. 9–14.

289. Чамуров В.И. Электронные документы в сети Интернет как доказательства в российском судопроизводстве // Информационное право. – 2013. – № 4. – С. 32–34.

290. Чепурнова Н.М., Барсова М.А. Административная юстиция в России: функциональный и процессуальные аспекты // Административное право и процесс. – 2020. – № 4. – С. 52-57.

291. Чепурнова Н.М., Степанян С.А. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации в системе разделения властей // Закон и право. – 2020. – № 7. – С. 15-21.

292. Чепурнова Н.М. Сущность и содержание конституционного принципа разделения властей в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 2. С. 86-94.

293. Черданцев А.Ф. Правовое регулирование и конкретизация права // Сборник научных трудов. – Свердловск, 1974. – Вып. 30. – С. 13–35.

294. Черданцев А.Ф. Системность норм права // Сборник ученых трудов СЮИ. – 1970. – Вып. 12. – С. 47–63.

295. Черникова Е.В., Быков В.П. Рассмотрение дел об оспаривании сделок банка, совершенных в процессе обычной хозяйственной деятельности Современное право. – 2017. – № 1. – С. 56-64.

296. Черникова Е.В., Киреева Е.Ю., Абрамчик Л.Я. Аксиология в финансовом праве государств центральной и восточной европы (обзор XVIII международной научно-практической конференции центра информации и организации исследований публичных финансов и налогового права стран

центральной и восточной Европы) // Современное право. – 2019. – № 10. – С. 115-121.

297. Черникова Е.В., Киреева Е.Ю., Химикус Е.И. Гарантии прав личности и юридических лиц в судопроизводстве (международные стандарты и российская практика). обзор открытой лекции-дискуссии. ИГСУ РАНХИГС при Президенте РФ. 11 декабря 2019 г. // Современное право. – 2020. – № 2. – С. 60-64.

298. Черниченко С.В. Взаимосвязь императивных норм международного права (jus cogens) и обязательств erga omnes // Московский журнал международного права. – 2012. – № 3(87). – С. 10–13.

299. Черногор Н.Н., Пашенцев Д.А. Правовой порядок: доктринальные подходы, методы и актуальные направления исследования // Журнал российского права. – 2017. – № 8 (248). – С. 5–16.

300. Черногор Н.Н. Стандарты правосудия в условиях глобализации // Гражданское общество и правовое государство. – 2013. – Т. 1. – С. 108–110.

301. Шебанов А.Ф. О понятиях источника права и формы права // Правоведение. – 1965. – № 4. – С. 23–33.

302. Шеменева О.Н. Критерии отнесения дел к приказному производству: отсутствие спора, очевидность задолженности или согласованное волеизъявление его сторон // Мировой судья. – 2016. – № 6. – С. 29–33.

303. Шеменева О.Н. Критерии разграничения гражданско-правовых договоров и процессуальных соглашений // Журнал российского права. – 2019. – № 4. – С. 61–68.

304. Шеменева О.Н. Принцип эстоппель и требование добросовестности при осуществлении доказательственной деятельности по гражданским делам // Вестник гражданского процесса. – 2019. – № 1. – С. 343–353.

305. Шеменева О.Н. Соглашение о примирении в административном судопроизводстве: принципиальная допустимость и соотношение с мировым соглашением в гражданском процессе // Юрист. – 2016. – № 10. – С. 37–40.

306. Шеменева О.Н. Соглашение супругов как условие подведомственности суду дела о расторжении брака // Семейное и жилищное право. – 2016. – № 5. – С. 23–26.

307. Шерстюк В.М. Категории отдельного, общего и особенного в гражданском процессуальном праве // Вестник гражданского процесса. – 2015. – № 3. – С. 8–27.

308. Шерстюк В.М. Парные категории в гражданском процессуальном праве (на примере принципов отрасли права) // Вестник гражданского процесса. – 2017. – № 5. – С. 29–44.

309. Шуберт Т.Э. Роль доктрины в законотворчестве и правоприменении (на примере Конституционного Суда Российской Федерации) // Журнал российского права. – 2017. – № 2. – С. 48–56.

310. Щукин А.И. Новеллы в правовом регулировании производства по делам с участием иностранного государства в судах общей юрисдикции и арбитражных судах // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 9. – С. 63–70.

311. Щукин А.И. Принципы осуществления правосудия по гражданским делам с участием иностранных лиц // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – № 4. – С. 96–108; – № 5. – С. 94–107.

312. Эбзеев Б.С. Конституционный Суд Российской Федерации –судебный орган конституционного контроля // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 1995. – № 2–3. – С. 82.

313. Юдельсон К.С. Соотношение гражданских процессуальных норм, сосредоточенных в гражданских процессуальных кодексах и кодексах материального права // Проблемы применения Гражданского процессуального кодекса РСФСР. – Калинин, 1974. – С. 610.

314. Юдин А.В. Режимы совместного и раздельного рассмотрения исковых требований в рамках гражданского и административного судопроизводства // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2015. – № 8. – С. 88–99.

315. Ярков В., Боннер А., Никитин С., Туманова Л., Тай Ю., Архипов Д., Овчарова Е., Голубок С., Чумаков А., Подоксенов М., Гаврилов Е., Буланов М., Щербаков Н., Плешанова О. Кодекс административного судопроизводства: ожидания и перспективы // Закон. – 2015. – № 9. – С. 18–32.

316. Ярков В.В. О совершенствовании гражданско-процессуального законодательства // Государство и право. – 1992. – № 2. – С. 150–153.

317. Ярков В.В. Определение и статус судебной практики в России // Вестник Федерального арбитражного суда Уральского округа. 2007. № 1. С. 95–105.

318. Ярков В.В. Познание и доказывание процессуальных юридических фактов // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2002–2003. № 2. – СПб.: ИД СПб гос. ун-та, 2004. – С. 144–156.

319. Ярков В.В. Принципы административного судопроизводства: общее и особенное // Закон. – 2016. – № 7. – С. 52–60

320. Ярков В.В. Статус судебной практики в России: некоторые вопросы // Тенденции развития гражданского процессуального права России: сб. науч. ст. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. – С. 49–68.

321. Ярков В.В. Электронное правосудие // ЭЖ-Юрист. – 2006. – № 41. – С. 3–9.

Монографии, иная научная и учебная литература

1. Абашидзе А.Х., Алисиевич Е.С. Право Совета Европы. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. – М.: Международные отношения, 2007. – 304 с.

2. Абушенко Д.Б. Судебное усмотрение в гражданском и арбитражном процессе. – М.: Норма, 2002. – 176 с.

3. Авдюков М.Г. Принцип законности в гражданском процессе. – М.: Издательство Московского университета, 1970. – 203 с.

4. Административное право России. Курс лекций / Под ред. Н.Ю. Хаманевой. – М.: Проспект, ТК Велби, 2008. – 704 с.

5. Административное судопроизводство: Учебник для студентов высших учебных заведений по направлению «Юриспруденция» (специалист, бакалавр, магистр) / Под ред. В.В. Яркова. – М.: Статут, 2016. – 560 с.

6. Алексеев С.С. Государство и право. Начальный курс. – М.: Юридическая литература, 1993. – 320 с.

7. Алексеев С.С. Общая теория права: В 2 т. – М.: Юридическая литература, 1981. – Т 1. – 360 с.

8. Алексеев С.С. Общая теория права: В 2 т. – М.: Юридическая литература, 1982. – Т. 2. – 360 с.

9. Алексеев С.С. Общие дозволения и запреты в советском праве. – М.: Юридическая литература, 1998. – 288 с.

10. Алексеев С.С. Право: азбука–теория–философия: Опыт комплексного исследования. – М.: Статут, 1999. – 712 с.

11. Алексеев С.С. Проблемы теории права: Курс лекций: В 2 т. – Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1973. – Т. 2. – 359 с.

12. Алексеев С.С. Проблемы теории права: Основные вопросы общей теории социалистического права. Курс лекций: В 2 т. – Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1972. – Т. 1. – 396 с.

13. Алексеев С.С. Собрание сочинений: В 10 т. [+Справоч. том]. – М.: Статут, 2010. – Т. 3: Проблемы теории права: Курс лекций. – 781 с.

14. Алексеев С.С. Собрание сочинений: В 10 т. – М.: Статут, 2010. – Т. 5: Линия права. Отдельные проблемы концепции. – 549 с.

15. Алексеев С.С. Структура советского права. – М.: Юридическая литература, 1975. – 264 с.

16. Арбитражный процесс / Под ред. Р.Е. Гукасяна, В.Ф. Тараненко. – М.: Юридическая литература, 1996. – 208 с.

17. Арбитражный процесс: учебник / А.В. Абсалямов, Д.Б. Абушенко, К.Л. Брановицкий и др.; отв. ред. В.В. Ярков. 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2017. – 752 с.

18. Арбитражный процесс: учебник / К.М. Арсланов, Д.Х. Валеев, Р.Н. Гимазов и др.; отв. ред. Д.Х. Валеев, М.Ю. Челышев. – М.: Статут, 2010. – 572 с.

19. Арбитражный процесс: учебник для студентов юридических вузов и факультетов / Т.К. Андреева, Е.А. Борисова, С.А. Иванова и др.; под ред. М.К. Треушникова. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Городец, 2007. – 672 с.

20. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. – М.: ИНФРА-М: Норма, 1997. – 741 с.

21. Барциц И.Н., Бинда О., Даниленко Е., Ерёменко А.С., Зайцев О.В., Зайцева А., Пищулин А., Суйков С.Ю., Улётова Г.Д. Национальная юрисдикция: курс на конкурентоспособность правовой системы России: монография. М.: Издательство Дело, 2019. 224 с.

22. Баулин О.В. Специальные нормы в гражданском процессуальном праве. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1997. – 101 с.

23. Белякова А.В. Механизмы судебной и внесудебной защиты права на судопроизводство в разумный срок: монография. – М.: Юстицинформ, 2016. – 168 с.

24. Белякова А.В., Воскобитова Л.А., Габов А.В. Проблемы развития процессуального права России: монография / Под ред. В.М. Жуйкова. – М.: Норма, Инфра-М, 2016. – 224 с.

25. Бондарь Н.С. Конституция России в современную эпоху глобальных перемен: от политических иллюзий к юридическому реализму. Серия «Библиотека судебного конституционализма». – Вып. 9. – М.: Юрист, 2018. – 83 с.

26. Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Правосудие: ориентация на Конституцию: монография. – М.: Норма, Инфра-М, 2018. – 224 с.

27. Боннер А.Т. Законность и справедливость в правоприменительной деятельности. – М.: Российское право, 1992. – 320 с.

28. Боннер А.Т. Избранные труды: в 7 т. / М.: Проспект, 2017. Т. 1: История гражданского процессуального права. Специфика гражданских процессуальных отношений. 336 с.

29. Боннер А.Т. Избранные труды: В 7 т. – М.: Проспект, 2017. – Т. 2: Источники гражданского процессуального права. – 352 с.

30. Боннер А.Т. Избранные труды: В 7 т. – М.: Проспект, 2017. – Т. 3: Принципы гражданского процессуального права. Применение нормативных актов в гражданском процессе. – 400 с.

31. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения. 3-е изд., стер. – М.: Статут, 2011. – Кн. 1. – 850 с.

32. Булаевский Б.А. Судебная практика как средство устранения неопределенности в гражданском праве // Гражданское законодательство и судебная практика: проблемы взаимодействия: Монография / Отв. ред. В.Л. Слесарев. – М.: Проспект, 2017. – 176 с.

33. Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. – М.: Статут, 2016. – 624 с.

34. Васьковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов. Для начинающих юристов. – М.: Юридическое бюро «ГОРОДЕЦ», 1997. – 128 с.

35. Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. – М.: Издание Бр. Башмаковых, 1914. – 571 с.

36. Вельяминов Г.М. Право национальное и международное. – М.: РГ-пресс, 2017. – 248 с.

37. Венгеров А.Б. Теория государства и права. – М.: Юриспруденция, 1998. – 622 с.

38. Венгеров А.Б. Теория государства и права. – М.: Юриспруденция, 2000. – 528 с.

39. Викут М.А. Зайцев И.М. Гражданский процесс России: учебник. – М.: Юристъ, 1999. – 384 с.

40. Витрук Н.В. Конституционное правосудие в России (1991–2001 гг.). Очерки теории и практики. – М.: Городец-издат, 2001. – 507 с.

41. Вопленко Н.Н. Источники и формы права. – Волгоград: изд-во ВолГУ, 2004. – 102 с.

42. Воронов А.Ф. Гражданский процесс: эволюция диспозитивности. – М.: Статут, 2007. – 149 с.

43. Воронцова И.В., Соловьева Т.В. Постановления Европейского суда по правам человека в гражданском процессе Российской Федерации / Под ред. О.В. Исаенковой. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 224 с.

44. Глазкова М.Е. Применение европейских стандартов отправления правосудия в российском арбитражном процессе: монография. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Анкил, 2012. – 200 с.

45. Глобализация и интеграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе (правовое и экономическое исследование): монография / Под ред. Т.Я. Хабриевой. – М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2014. – 333 с.

46. Голунский С.А., Строгович М.С. Теория государства и права. – М.: Юрид. изд. НКЮ СССР, 1940. – 304 с.

47. Гольмстен А.Х. Учебникъ Русскаго Гражданскаго Судопроизводства. – СПб.: Типографія В.С. Балашева, 1885. – 335 с.

48. Гражданский процесс / Под. ред. К.С. Юдельсона. – М.: Юридическая литература, 1972. – 439 с.

49. Гражданский процесс России: учебник. / Под ред. М.А. Викут. – М.: Юристъ, 1999. – 480 с.

50. Гражданский процесс: учебник / Под ред. А.Г. Коваленко, А.А. Мохова, П.М. Филиппова. – М.: ИНФРА-М, 2010. – 448 с.

51. Гражданский процесс: учебник / Под ред. В.Л. Мусина, Н.А. Чечиной, Д.М. Чечота. – М.: ПБОЮЛ Гриженко, 2001. – 544 с.

52. Гражданский процесс: учебник / Под ред. М.К. Треушникова. 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Городец, 2019. – 830 с.

53. Гражданский процесс: учебник для студентов высших юридических учебных заведений / Отв. ред. В.В. Ярков. 10-е изд., доп. и перераб. – М.: Статут, 2017. – 702 с.

54. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации в схемах с комментариями: научно-практическое учебное пособие / Н.И. Маняк [и др.]; отв. ред. Г.Д. Улётова. 7-е изд., доп. и перераб. – СПб.: Изд-во «Юридический центр», 2018. – 872 с.

55. Гражданское процессуальное право России: учебник / Под. ред. О.В. Исаенковой. – М.: Норма, 2009. – 448 с.

56. Гражданское процессуальное право России: учебник / Под ред. П.В. Алексия, Н.Д. Амаглобели. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. – 544 с.

57. Гражданское процессуальное право России: учебник для вузов / под ред. С.Ф. Афанасьева. – М.: Юрайт, 2013. – 839 с.

58. Гражданское процессуальное право: учебник / Под ред. М.С. Шакарян. – М.: Велби: проспект, 2004. – 584 с.

59. Гражданское процессуальное право: учебник / Под общ. ред. Л.В. Тумановой. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 606 с.

60. Гражданское судопроизводство / Под. ред. В.М. Семёнова. – Свердловск, 1974. – 324 с.

61. Гурвич М.А. Избранные труды. Классика российской процессуальной науки. – Т. 1. – Краснодар: Советская Кубань, 2006. – 672 с.

62. Гурвич М.А. Право на иск / Отв. ред. А.Ф. Клейнман. – М.: Изд-во АН СССР, 1949. – 216 с.

63. Гурвич М.А. Советский гражданский процесс. – М.: Тип. Красная звезда, 1950. – 195 с.

64. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / Пер. с фр. В.А. Туманова. – М.: Международные отношения, 1999. – 400 с.

65. Демичев А.А., Исаенкова О.В. Нетрадиционные источники гражданского процессуального права России // Частноправовые проблемы взаимодействия материального и процессуального права. – Ульяновск, 2006. – 264 с.

66. Дождев Д.В. Римское частное право. Учебник для вузов. – М.: Инфра-М, Норма, 2003. – 784 с.

67. Дробышевский С.А., Данцева Т.Н. Формальные источники права. – М.: Норма Инфра-М, 2011. – 158 с.

68. Дьяченко Е.Б., Мысливский П.П., Нешатаева Т.Н. Евразийская интеграция: роль Суда / Под ред. Т.Н. Нешатаевой. – М.: Статут, 2015. – 304 с.

69. Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: В 2 т. Т. 1 / Отв. ред.: В.А. Туманов. – М.: Норма, 2000. – 841 с.

70. Европейское право. Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека: учебник для вузов / Отв. ред. Л.М. Энтин. Изд 3-е, пересмотр. и доп. – М.: Норма, 2011. – 960 с.

71. Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: монография. – М.: РГУП, 2017. – 628 с.

72. Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы: монография. – М.: Проспект, 2010. – 576 с.

73. Жуйков В.М. Проблемы гражданского процессуального права. – М.: Городец, 2001. – 288 с.

74. Жуйков В.М. Роль разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации в обеспечении единства судебной практики и защиты прав человека. Предисловие к первому изданию // Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по гражданским делам / Е.А. Борисова, С.А. Герасименко, Б.А. Горохов и др.; под ред. В.М. Жуйкова. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: НОРМА, 2008. – 832 с.

75. Жуйков В.М. Судебная защита прав граждан и юридических лиц. – М.: Городец, 1997. – 320 с.

76. Жуйков В.М. Судебная реформа: проблемы доступа к правосудию. – М.: Статут, 2006. – 283 с.

77. Загайнова С.К. Судебные акты в механизме реализации судебной власти в гражданском и арбитражном процессе. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 400 с.

78. Загайнова С.К. Судебный прецедент: проблемы правоприменения. – М.: Норма, 2002. – 176 с.

79. Зайцев О.В. Источники гражданского права Российской Федерации: учебное пособие. М.: Изд-во РАГС, 2011. 67 с.

80. Зайцев О.В. Современные проблемы доктрины гражданского права: монография. – М.: Негосударственное образовательное учреждение дополнительного образования «Институт консультирования и тренинга "Статус"» (Оренбург), 2017. – 88 с.

81. Зейдер Н.Б. Судебное решение по гражданскому делу. – М.: Юридическая литература, 1966. – 192 с.

82. Зеленцов А.Б., Ястребов О.А. Судебное административное право: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». – М.: Статут, 2017. – 768 с.

83. Зивс С.Л. Источники права: монография. – М.: Наука, 1981. – 241 с.

84. Зимненко Б.Л. Международное право и правовая система РФ. – М.: Статут, РАП, 2006. – 454 с.

85. Зорькин В.Д. Конституционный Суд России: доктрина и практика: монография. – М.: Норма, 2017. – 592 с.

86. Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. Ч. 1. – СПб.: Тип. В. Безобразова и Ко, 1875. – 321 с.

87. Ильин И.А. Теория права и государства. – М.: Зерцало, 2003. – 550 с.

88. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. – М.: Госюриздат, 1961. – 380 с.

89. Исаев М.А. Толковый словарь древнерусских юридических терминов: от договоров с Византией до Соборного Уложения царя Алексея Михайловича (IX–XVII вв.): учебное пособие. 2-е изд. испр. и доп. – М.: Статут, 2017. – 206 с.

90. Исаенкова О.В., Демичев А.А. Гражданское процессуальное право России: учебник / Под ред. О.В. Исаенковой. – М.: Норма, 2009. – 448 с.

91. Источники гражданского процессуального права Российской Федерации: учеб. пособие / Под ред. Я.Ф. Фархтдинова. – М.: Городец, 2001. – 379 с.

92. Керимов Д.А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права: монография. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: СГА, 2003. – 521 с.

93. Керимов Д.А. Философские проблемы права: монография. – М.: Мысль, 1972. – 472 с.

94. Клейнман А.Ф. Избранные труды: В 2 т. – Краснодар: Совет. Кубань, 2008. – Т. 1. – 505 с.

95. Клейнман А.Ф. Избранные труды: В 2 т. – Краснодар: Совет. Кубань, 2009. – Т. 2. – 816 с.

96. Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод / Общ. ред.: В.А. Туманов, Л.М. Энтин. – М.: Норма, 2002. – 335с.

97. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный) / Л.В. Андриченко, С.А. Боголюбов, Н.С. Бондарь и др.; под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд., пересмотренное. – М.: Норма, Инфра-М, 2011. – 1008 с. // СПС КонсультантПлюс.

98. Конституционное право: университетский курс: учебник: В 2 т. / С.В. Арбузов, Т.В. Бережная, И.А. Володько и др.; под ред. А.И. Казанника, А.Н. Костюкова. – М.: Проспект, 2015. – Т. 1. – 432 с.

99. Конституционное право: учебник / Под ред. В.В. Лазарева. – М., 1999. – 592 с.

100. Конституционно-правовые основы антикоррупционных реформ в России и за рубежом: учебно-методический комплекс / С.А. Авакьян, О.И. Баженова, О.А. Ежукова и др.; отв. ред. С.А. Авакьян. – М.: Юстицинформ, 2016. – 568 с.

101. Концепции развития российского законодательства / Под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова. – М.: Эксмо, 2010. – 732 с.

102. Котов О.Ю. Влияние решений Конституционного Суда России на гражданское судопроизводство. – М.: Городец-Издат, 2002. – 192 с.

103. Крохалев С.В. Категория публичного порядка в международном гражданском процессе. – СПб.: ИД СПб гос. ун-та, 2006. – 472 с.

104. Курбатов А.Я. Защита прав и законных интересов в условиях «модернизации» правовой системы России. – М.: Юстицинформ, 2013. – 172 с.

105. Курс советского гражданского процессуального права: Судопроизводство по гражданским делам: В 2 т. / М.М. Богуславский, Р.Е. Гукасян, П.П. Гуреев, А.А. Добровольский и др.; редкол. П.П. Гуреев, А.А. Добровольский, А.А. Мельников; отв. ред. В.С. Тадевосян, П.Я. Трубников. – М.: Наука, 1981. – Т. 2. – 510 с.

106. Курс советского гражданского процессуального права: Теоретические основы правосудия по гражданским делам: В 2 т. / Т.Е. Абова, П.П. Гуреев, А.А. Добровольский, А.А. Мельников и др.; отв. ред. В.С. Тадевосян, П.Я. Трубников. – М.: Наука, 1981. – Т. 1. – 464 с.

107. Лазарев В.В. Применение советского права. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972. 200 с.

108. Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения. – М.: Юридическая литература, 1974. – 184 с.

109. Латинские термины в современном международном праве: Латинско-русский, Русско-латинский словарь / Н.В. Маршалок, И.Л. Ульянова. – М.: Статут, 2015. – 302 с.

110. Лебедев В.М. Судебная власть в современной России: проблемы становления и развития. – СПб.: Лань, 2001. – 384 с.

111. Лукьянова Е.Г. Теория процессуального права. – М.: Норма, 2003. – 240 с.

112. Мак-Брайд Дж. Понятие справедливого судебного разбирательства и его основные элементы // Европейские стандарты права на справедливое судебное разбирательство и российская практика / Под общ. ред. А.В. Деменевой. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. – 240 с.

113. Малешин Д.Я. Гражданская процессуальная система России. – М.: Статут, 2011. – 496 с.

114. Малешин Д.Я. Методология гражданского процессуального права. – М.: Статут, 2010. – 208 с.

115. Малышев К. Курс русского гражданского судопроизводства: в 3 т. Т. 1. Спб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1876. 454 с.

116. Мальцев Г.В. Очерк теории обычая и обычного права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. – Ростов н/Д.: Изд-во СКАГС, 1999. – 368 с.

117. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: В 50 т. 1839–1844 гг. / Том. подг. И.И. Прейсом. – М.: Госполитиздат, 1955. – Т. 1. – 700 с.

118. Марочкин С.Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации: монография. – М.: Норма, Инфра-М, 2011. – 288 с.

119. Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судейское право. – М.: Проспект, 2008. – 512 с.

120. Международное право. Общая часть: учебник / Г.Я. Бакирова, П.Н. Бирюков, Р.М. Валеев и др.; отв. ред. Р.М. Валеев, Г.И. Курдюков. – М.: Статут, 2011. – 543 с.

121. Международное частное право: учебник / В.Н. Борисов, Н.В. Власова, Н.Г. Доронина и др.; отв. ред. Н.И. Марышева. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2018. – 848 с.

122. Мейер Д.И. Русское гражданское право. – Пг.: типография «Двигатель», 1914. – 661 с.

123. Мелехин А.В. Теория государства и права: учебник. – М.: Маркет ДС, 2007. – 640 с.

124. Мельников А.А. Советский гражданский процессуальный закон. М.: Наука, 1973. 160 с.

125. Микеле де Сальвиа. Европейская Конвенция по правам человека. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2004. – 272 с.

126. Мурадьян Э.М. Судебное право. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2007. – 575 с.

127. Научно-практический комментарий к ФЗ «Об исполнительном производстве» / Смирнов А.Ф., Винниченко Н.А., Андреева Т.К., Бабаков В.А., Гейхман В.Л., Голубева А.Р., Городилов А.Е., Григорьева О.И., Гущин В.В., Дегтерева Г.В., Зайцева А.Г., Илюшина М.Н., Короленко И.И., Куликова М.А., Лазарева Е.В., Михалев И.Ю., Первова Л.Т., Полианчик В.В., Решетникова И.В., Россинский Б.В. и др. Москва, 2010. Сер. 1. 428 с.

128. Национальная юрисдикция: курс на конкурентоспособность правовой системы России: доклад / под общ. ред. И.Н. Барцица, А.С. Ерёменко, Г.Д. Улётова и др. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 224 с.

129. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. – М.: ИНФРА-М, 1999. – С. 382.

130. Нерсесянц В.С. Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов / Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. – М.: Норма, 2004. – 832 с.

131. Нефедьев Е.А. Избранные труды по гражданскому процессу. – Краснодар: Совет Кубань, 2005. – 400 с.

132. Нефедьев Е.А. Учебникъ Русскаго Гражданскаго Судопроизводства. – М.: Типографія ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета, 1902. – 403 с.

133. Нешатаева Т.Н. Решения Европейского суда по правам человека: новеллы и влияние на законодательство и правоприменительную практику: монография. – М.: Норма, ИНФРА-М, 2013. – 304 с.

134. Никитин С.В. Судебный контроль за нормативными правовыми актами в гражданском и арбитражном процессе: монография. – М.: РАП, Волтерс Клувер, 2010. – 154 с.

135. Николюкин С.В. Международный гражданский процесс и международный коммерческий арбитраж: учебник. – М.: Юстиция, 2017. – 256 с.

136. Новицкий И.Б. Источники советского гражданского права. – М.: Юридическая литература, 1959. – 157 с.

137. Нормы права: теоретико-правовое исследование: монография / Ю.Р. Барышникова, Р.Г. Валиев, Т.В. Губаева и др.; отв. ред. Т.В. Губаева, А.В. Краснов. – М.: РАП, 2014. – 164 с.

138. О широком и узком понимании правовой доктрины: Судебные доктрины в российском праве: теория и практика: монография / П.П. Серков, В.В. Лазарев, Х.И. Гаджиев и др.; отв. ред. В.В. Лазарев, Х.И. Гаджиев. – М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2020. – 344 с.

139. Общая теория права и государства / Под ред. В.В. Лазарева. – М.: Юристъ, 2001. – 520 с.

140. Общая теория советского права / Под ред. С.Н. Братуся, И.С. Самощенко. – М.: Юридическая литература, 1966. – 491 с.

141. Овсепян Ж.И. Источники (формы) российского права в период международной глобализации: монография. – М.: Проспект, 2016. – 436 с.

142. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Советская Энциклопедия, 1972. – 847 с.

143. Опалев Р.О. Оценочные понятия в арбитражном и гражданском процессуальном праве. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 248 с.

144. Особенности рассмотрения и разрешения отдельных категорий гражданских дел (исковое производство) / Под ред. И.К. Пискарева. – М.: Городец, 2005. – 512 с.

145. Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть. – М.: Юристъ, 2003. – 667 с.

146. Перегудов Ф.И., Тарасенко Ф.П. Введение в системный анализ. – М.: Высшая школа, 1989. – 320 с.

147. Петражицкий Л.И. Общая теория права: Серия классики истории и философии права. – СПб.: Лань, 2000. – 608 с.

148. Покровский И.А. История римского права. – СПб.: Издательско-торговый дом «Летний сад». Журнал «Нева», 1999. – 575 с.

149. Поляков А.В. Общая теория права. – СПб.: Изд-во юрид. ф-та СПбГУ, 2005. – 472 с.

150. Правовые институты России и Франции: учебно-методическое пособие / отв. ред. В.В. Зайцев, Г.Д. Улётова.- М: Институт государственной службы и

управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; Статут, 2018. – 532 с.

151. Правосудие в современном мире: монография / Под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. – М.: Норма, Инфра-М, 2012. – 704 с.

152. Приходько И.А. Доступность правосудия в арбитражном и гражданском процессе: основные проблемы. – СПб.: Издательство юридического ф-та СПбГУ, 2005. – 672 с.

153. Проблемы развития процессуального права России: монография / А.В. Белякова, Л.А. Воскобитова, А.В. Габов и др.; под ред. В.М. Жуйкова. – М.: Норма, Инфра-М, 2016. – 224 с.

154. Процессуальное право: энциклопедический словарь: конституционный процесс, гражданский процесс, арбитражный процесс, административный процесс, уголовный процесс / Отв. ред. Т.Е. Абова и др. – М.: Норма, 2003. – 604 с.

155. Рехтина И.В. Постановления Европейского суда по правам человека в гражданском судопроизводстве России: теоретические и практические аспекты: монография. – М., 2018. – 168 с.

156. Решетникова И.В. Размышляя о судопроизводстве: Избранное. – М.: Статут, 2019. – 510 с.

157. Решетникова И.В., Ярков В.В. Гражданское право и гражданский процесс в современной России. Екатеринбург: Норма, 1999. 312 с.

158. Рожкова М.А., Афанасьев Д.В., Тай Ю.В. Порядок рассмотрения жалоб в Европейском суде по правам человека. – М.: Статут, 2013. – Серия «Практика Европейского суда по правам человека: комментарии, судебные прецеденты». – Кн. 2. – 567 с.

159. Рожкова М.А., Глазкова М.Е., Савина М.А. Актуальные проблемы унификации гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства: монография / Под общ. ред. М.А. Рожковой. – М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2015. – 304 с.

160. Российское предпринимательское право: учебник / Под ред. В.А. Хохлова. – М.: РИОР, 2009. – 337 с.

161. Сасов К.А. Споры о конституционности налоговых законов: полномочия Конституционного Суда Российской Федерации / Под ред. М.Ф. Ивлиевой. – М.: Статут, 2006. – 206 с.

162. Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2014. – 784 с.

163. Седова Ж.И., Зайцева Н.В. Принцип эстоппель и отказ от права в коммерческом обороте Российской Федерации. – М.: Статут, 2014. – 159 с.

164. Современное международное частное право в России и Евросоюзе: монография / А. Алиев, Ю. Базедов, М.П. Бардина и др.; под ред. М.М. Богуславского, А.Г. Лисицына-Светланова, А. Трунка. – М.: Норма, 2013. – Кн. 1. – 656 с.

165. Соловьев А.А., Опалев Р.О. Административная юстиция в зарубежных государствах: особенности функционирования отдельных институтов административного судопроизводства: монография. – М.: Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 2017. – 262 с.

166. Соловьева Т.В. Постановления Верховного Суда РФ, Конституционного Суда РФ и Европейского суда по правам человека в сфере гражданского судопроизводства и порядок их реализации: монография / Под ред. О.В. Исаенковой. – М.: Статут, 2011. – 240 с.

167. Строгович М.С. Проверка законности и обоснованности судебных приговоров. – М.: Академия Наук СССР, 1956. – 320 с.

168. Судебная практика в советской правовой системе / Отв. ред. С.Н. Братусь. – М.: Юридическая литература, 1975. – 328 с.

169. Судебная практика в современной правовой системе России: монография / Под ред. Т.Я. Хабриевой, В.В. Лазарева. – М.: ИЗиСП, НОРМА, ИНФРА-М, 2018. – 432 с.

170. Султанов А.Р. Европейские правовые стандарты, уроки истории и правоприменительная практика. – М.: Статут, 2012. – 335 с.

171. Сурилов А.В. Теория государства и права. – Киев–Одесса: Выща шк., 1989. – 438 с.

172. Сырых В.М. Теория государства и права: учебник для вузов. – М.: Былина, 1998. – 512 с.

173. Тарибо Е.В. Судебный конституционный нормоконтроль: осмысление российского опыта: монография. – М.: НОРМА, 2018. – 256 с.

174. Теория государства и права: учебник / Под ред. В.К. Бабаева. – М.: Юрист, 1999. – 592 с.

175. Терехова Л.А. Надзорное производство в гражданском процессе: проблемы развития и совершенствования. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – 184 с.

176. Терехова Л.А. Новые и вновь открывшиеся обстоятельства в гражданском и административном судопроизводстве: монография. – М.: Проспект, 2017. – 144 с.

177. Тихомиров Ю.А. Курс административного права и процесса. – М., 1998. – 698 с.

178. Туманов В.А. Европейский Суд по правам человека. Очерк организации и деятельности. – М.: Норма, 2001. – 304 с.

179. Туманов В.А. Предисловие. Конституционный Суд Российской Федерации: Постановления. Определения. 1992–1996. – М., 1997. – 688 с.

180. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / Под ред. Ф.Р. Сундурова, М.В. Талан. – М.: Статут, 2012. – 943 с.

181. Умнова И.А., Алешкова И.А. Применение Конституции РФ судами общей юрисдикции: актуальные вопросы теории и практики: монография. – М: РГУП, 2016. – 184 с.

182. Устав гражданского судопроизводства (Сводъ Зак. Т. XVI ч. 1, изд. 1914 года) съ законодательными мотивами, разъясненіями Правительствующаго Сената и комментаріями русскихъ юристовъ, извлеченными изъ научныхъ и практическихъ трудов по гражданскому праву и судопроизводству (по 1 Сентября 1915 года): В 2 т. / Сост. И.М. Тютрюмовъ. Изд. 4-е, испр. и доп. – Петроград: Изд.

юрид. кн. магазина И.И. Зубкова под фирмою «Законоведение», 1916. – Т. 1. – 1368 с.

183. Фарбер И.Е., Ржевский В.А. Вопросы теории советского конституционного права. – Вып. 1. – Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1967. – 319 с.

184. Фархтдинов Я.Ф. Возникновение и развитие источников гражданского процессуального права России. – Казань, 2001. – 199 с.

185. Фархтдинов Я.Ф. Источники гражданского процессуального права. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1989. – 364 с.

186. Федеральное конституционное право России: Основные источники / Сост. и авт. вступ. ст. Б.А. Страшун. – М.: Норма, 1996. – 400 с.

187. Фурсов Д.А. Предмет, система и основные принципы арбитражного процессуального права (проблемы теории и практики). – М.: Инфра-М, 1999. – 452 с.

188. Фурсов Д.А. Харламова И.В. Теория правосудия в кратком трехтомном изложении по гражданским делам: В 3 т. – М.: Статут, 2009. – Т. 1: Теория и практика организации правосудия. – 524 с.

189. Хвостов В.М. Общая теория права. Элементарный очерк. – М.: Университет. тип., 1905. – 211 с.

190. Хутыз М.Х. Общие положения гражданского процесса. Историко-правовое исследование. – М.: Юридическая литература, 1979. – 112 с.

191. Цечоев В.К., Швандерова А.Р. Теория государства и права: учебник. – М.: Прометей, 2017. – 330 с.

192. Цихоцкий А.В. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам. – Новосибирск: Наука, 1997. – 392 с.

193. Чепурнова Н.М. Теория государства и права: учеб. пособие / Н.М. Чепурнова, А.В. Серёгин. – М.: ЕАОИ, 2007. – 465 с.

194. Черданцев А.Ф. Теория государства и права: учебник для вузов. – М.: Юрайт, 2000. – 432 с.

195. Черданцев А.Ф. Толкование права и договора: Учебное пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 381 с.

196. Черногор Н.Н., Залоило М.В. Актуальные проблемы правотворчества: учебное пособие. – М.: Ин-т законодат. и сравнит. правоведения при Правительстве РФ; ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2018. – 144 с.

197. Черногор Н.Н. Стандарты правосудия в контексте судебной правовой политики // Судебная правовая политика в России и зарубежных странах: коллективная монография. – СПб.: Астерион, 2019. – С. 48–54.

198. Чечина Н.А. Избранные труды по гражданскому процессу. – СПб.: Изд. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. – 656 с.

199. Чечина Н.А. Основные направления развития науки советского гражданского процессуального права. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. – 104 с.

200. Чечот Д.М. Избранные труды по гражданскому процессу. – СПб.: Изд. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. – 616 с.

201. Шак Х. Международное гражданское процессуальное право: Учебник. / Пер. с нем. – М., 2001. – 560 с.

202. Шебанов А.Ф. Форма советского права. – М.: Юридическая литература, 1968. – 216 с.

203. Шеменева О.Н. Роль соглашений сторон в гражданском судопроизводстве. – М.: Инфотропик Медиа, 2017. – 312 с.

204. Шерстюк В.М. Развитие принципов арбитражного процессуального права. М.: Городец, 2004. 160 с.

205. Шерстюк В.М. Система советского гражданского процессуального права (вопросы теории). – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 118 с.

206. Шерстюк В.М. Современные проблемы гражданского и административного судопроизводства: сб. ст. – М.: Статут, 2015. – 272 с.

207. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. – М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1911. – 698 с.

208. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Т.1–2. – М.: Издательство Братьев Башмаковых, 1910. // СПС Гарант.

209. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). – М.: СПАРК, 1995. – 556 с.

210. Шуберт Т.Э. Доктрина, законодательство, судебная практика: вопросы взаимовлияния: монография. – М.: ИНФРА-М, 2018. – 119 с.

211. Эбзеев Б.С. Конституция. Правовое государство. Конституционный Суд. – М.: Закон и право, 1997. – 349 с.

212. Энгельманъ И.Е. Курсъ русскаго гражданскаго судопроизводства. Изд. 3-е, испр. и доп. – Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1912. – 632 с.

213. Энциклопедический словарь / Гл. ред. Б.А. Введенский. Изд 3-е: В 2 т. – М.: Советская энциклопедия, 1964. – Т. 2: Маскат–Яя. – 736 с.

214. Энциклопедический словарь / Гл. ред. Б.А. Введенский. Изд 3-е: В 2 т. – М.: Советская энциклопедия, 1963. – Т. 1: А – Маскарон. – 656 с.

215. Юридическая энциклопедия / Л.В. Тихомиров, М.Ю. Тихомиров. – М.: Изд-во М.Ю. Тихомирова, 2005. – 971 с.

216. Юридический словарь / Гл. ред. С.Н. Братусь, Н.Д. Казанцев, С.Ф. Кечекьян, Ф.И. Кожевников, В.Ф. Коток, П.И. Кудрявцев, В.М. Чхиквадзе. – М.: Госюриздат, 1953. – 782 с.

217. Юридический энциклопедический словарь / Гл. ред. А.Я. Сухарев. 2-е изд., доп. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – 528 с.

218. Юрова Н.М. Международное гражданское процессуальное право: теоретические основы имплементации норм в правовой системе Российской Федерации. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 352 с.

219. Яблочков Т.М. Учебникъ Русскаго Гражданскаго Судопроизводства. Изд. 2-е, доп. – Ярославль: Книгоизд-во И.К. Гассанова, 1912. – 326 с.

220. Яковлев В.Ф. Избранные труды. Т. 3: Арбитражные суды: становление и развитие. – М.: Статут, 2013. – 749 с.

221. Яковлев В.Ф. Правовое государство: вопросы формирования. – М.: Статут, 2012. – 488 с.

IV. Диссертации, авторефераты диссертаций

1. Афанасьев С.Ф. Право на справедливое судебное разбирательство: теоретико-практическое исследование влияние Европейской конвенции о защите

прав человека и основных свобод на российское гражданское судопроизводство: дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 2010. – 593 с.

2. Бирюкова Л.Г. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник права: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2004. – 202 с.

3. Богдановская И.Ю. Источники права на современном этапе развития «общего права»: дис. ... д-ра. юрид. наук. – М., 2007. – 338 с.

4. Бойко А.И. Системная среда уголовного права: автореф. дис … д-ра юрид. наук. – М., 2008. – 49 с.

5. Бошно С.В. Форма права: теоретико-правовое исследование: дис. ... д-ра. юрид. наук. – М., 2005. – 440 с.

6. Брановицкий К.Л. Сближение гражданского процессуального права в Европейском союзе и на постсоветском пространстве (сравнительно-правовой аспект): дис. ... д-ра. юрид. наук. – Екатеринбург, 2018. – 447 с.

7. Валеев Д.Х. Система процессуальных гарантий прав граждан и организаций в исполнительном производстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2009. – 52 с.

8. Васильев А.А. Правовая доктрина как источник права: историко-теоретические вопросы: дис. ... канд. юрид. наук. – Барнаул, 2007. – 192 с.

9. Вдовенков В.М. Актуальные вопросы судоустройства в Российской Федерации: по материалам Дальневосточного региона: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Хабаровск, 2004. – 28 с.

10. Венгеров А.Б. Роль судебной практики в развитии советского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. наук. М., 1966. 19 с.

11. Воронов А.Ф. Эволюция функциональных принципов гражданского процесса: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2009. – 45 с.

12. Воронцова И.В. Нормы международного права как источник гражданского процессуального права: дис. … д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2002. – 433 с.

13. Гаджинова Ф.М. Источники права и их система в современном российском праве: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2004. – 171 с.

14. Гаджиев Х.И. Толкование норм Конституции и закона конституционными судами: На примере Азербайджанской Республики и Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2001. – 276 с.

15. Глухова Н.В. Принцип запрета принудительного труда в системе средств правового регулирования трудовых отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб, 2007. – 27 с.

16. Глухова Н.В. Принцип запрета принудительного труда в системе средств правового регулирования трудовых отношений: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб, 2007. – 169 с.

17. Горшенева Ю.А. Нормативный договор как источник права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – 170 с.

18. Громошина Н.А. Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2010. – 409 с.

19. Грось Л.А. Влияние норм материального права на гражданское процессуальное право (научно-практические проблемы): дис. ... д-ра. юрид. наук. – М., 1999. – 528 с.

20. Гук П.А. Судебная практика как форма судебного нормотворчества в правовой системе России: общетеоретический анализ: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. – М., 2012. – 50 с.

21. Гук П.А. Судебный прецедент как источник права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2002. – 30 с.

22. Демидов И.А. Государство как субъект международного частного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2005. – 30 с.

23. Дервоед В.В. Доктрина (наука) в качестве источника права в Республике Беларусь: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Минск, 2006. – 21 с.

24. Емелин М.Ю. Правовая доктрина в системе источников общего права: на основе анализа правовой системы США: дис. ... канд. юрид. наук. – Пенза, 2015. – 201 с.

25. Ершова Е.А. Источники и формы трудового права в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2008. – 45 с.

26. Ершова Е.А. Источники и формы трудового права в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2008. – 493 с.

27. Загайнова С.К. Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе: теоретические и прикладные проблемы: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. – Екатеринбург, 2008. – 50 с.

28. Зайцев О.В. Закон как источник гражданского права Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 224 с.

29. Зайцев О.В. Закон как источник гражданского права Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 26 с.

30. Зайцев О.В. Становление и развитие современной доктрины гражданского права в России: дис. ... д-ра. юрид. наук. – М., 2017. – 447 с.

31. Зайцева А.Г. Тенденции развития принципа состязательности в арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 28 с.

32. Зарубаева Е.Ю. Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры в правовой системе России: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2003. – 195 с.

33. Зимненко Б.Л. Международное право и правовая система Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2006. – 49 с.

34. Злобин А.В. Подзаконные нормативные правовые акты как форма современного российского законодательства (вопросы теории): автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Саратов, 2013. – 26 с.

35. Зозуля А.А. Доктрина в современном праве: дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2006. – 232 с.

36. Иодковский Э.В. Решения Европейского Суда по правам человека в гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2014. – 237 с.

37. Исаенкова О.В. Проблемы исполнительного права в гражданской юрисдикции: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 2003. – 46 с.

38. Керимов Д.А. Источники советского социалистического права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Л., 1950. – 24 с.

39. Керимов Д.А. Источники советского социалистического права: дис. ... канд. юрид. наук. – Л., 1950. – 324 с.

40. Коростелкина О.Н. Судебная практика и судебный прецедент в системе источников российского права: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – 192 с.

41. Котов О.Ю. Влияние решений Конституционного Суда Российской Федерации на гражданское судопроизводство: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М.,2001. – 26 с.

42. Кузнецов В.Ф. Система исполнительного производства: Вопросы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2004. – 42 с.

43. Кулакова Ю.Ю. Нормативный договор в системе форм российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – 192 с.

44. Лисицин Н.В. Обычаи российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – 20 с.

45. Мадаев Е.О. Доктрина в правовой системе Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. – Иркутск, 2012. – 122 с.

46. Малыхин Д.В. Гражданская процессуальная норма: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – 233 с.

47. Малюшин К.А. Принципы гражданского исполнительного права: теоретические проблемы понятия и системы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2010. – 27 с.

48. Марышева Н.И. Международная правовая помощь по гражданским и уголовным делам: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук в форме научного доклада. – М., 1996. – 43 с.

49. Метлова И.С. Решения Европейского Суда по правам человека в системе источников российского права: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – 190 с.

50. Миронова И.А. Правовой обычай как источник современного публичного права: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – 198 с.

51. Небратенко Г.Г. Обычно-правовая система традиционного общества: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. – Махачкала, 2011. – 54 с.

52. Нешатаева Т.Н. Влияние межправительственных организаций системы ООН на развитие международного права: дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 1993. 475 с.

53. Парфенова Т.А. Нормативный договор как источник российского права: история и современность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2005. – 178 с.

54. Петров Д.Е. Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права: дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 2015. – 505 с.

55. Пряхина Т.М. Конституционная доктрина современной России: дис. ... д-ра. юрид. наук. – Саратов, 2004. – 510 с.

56. Пузиков Р.В. Юридическая доктрина в сфере правового регулирования: проблемы теории и практики: дис. … канд. юрид. наук. – Тамбов, 2003. – 213 с.

57. Рабцевич О.И. Право на справедливое судебное разбирательство: международное и внутригосударственное правовое регулирование: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2003. – 220 с.

58. Рассахатская Н.А. Гражданская процессуальная форма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1995. – 20 с.

59. Решетникова И.В. Предмет науки гражданского процессуального права: дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1985. – 222 с.

60. Решетникова И.В. Предмет науки советского гражданского процессуального права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1985. – 16 с.

61. Рожкова М.А. Теории юридических фактов гражданского и процессуального права: понятия, классификации, основы взаимодействия: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2010. – 418 с.

62. Самсонов В.В. Состязательность в гражданском процессуальном праве: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1999. – 147 с.

63. Скитович В.В. Проблемы административной юстиции как формы реализации судебной власти: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. – М., 1999. – 42 с.

64. Скитович В.В. Проблемы административной юстиции как формы реализации судебной власти: дис. ... д-ра. юрид. наук. – Гродно, 1999. – 335 с.

65. Скитович В.В. Судебный контроль за законностью действий должностных лиц: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1983. – 165 с.

66. Степкин Е.Ю. Соотношение норм конституционного права России и международного права при обеспечении личных прав человека и гражданина: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – 32 с.

67. Терехова Л.А. Право на исправление судебной ошибки как компонент судебной защиты: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. – Екатеринбург, 2008. – 47 с.

68. Токарев Б.Я. Советское право и обычаи в их связи и развитии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1970. – 15 с.

69. Толкачев Е.А. Нормативный договор в российской правовой системе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2006. – 266 с.

70. Толстик В.А. Иерархия источников российского права: дис. … д-ра юрид. наук. – Н. Новгород, 2002. – 494 с.

71. Торосян В.Р. Правовая система России в условиях глобализации и межгосударственной унификации правовых стандартов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2009. – 38 с.

72. Туманов Д.А. Пробелы в гражданском процессуальном праве: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – 184 с.

73. Туманов Д.А. Пробелы в гражданском процессуальном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – 31 с.

74. Удалов Д.Э. Источники процессуального права (общетеоретический аспект): дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – 204 с.

75. Улётова Г.Д. Источники исполнительного права Российской Федерации: автореф. … дис. д-ра юрид. наук. – М. 2007. – 63 с.

76. Улётова Г.Д. Источники исполнительного права Российской Федерации: дис. д-ра юрид. наук. – М. 2007. – 649 с.

77. Фархтдинов Я.Ф. Источники гражданского процессуального права Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2002. – 375 с.

78. Фокина М.А. Механизм доказывания по гражданским делам: дис. ... д-ра. юрид. наук. – М., 2011. – 612 с.

79. Фурсов Д.А. Предмет, система и основные принципы арбитражного процессуального права: Современные проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2000. – 430 с.

80. Хабриева Т.Я. Толкование Конституции Российской Федерации (теория и практика): автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. – М., 1997. – 50 с.

81. Хабриева Т.Я. Толкование Конституции Российской Федерации (теория и практика): дис. ... д-ра. юрид. наук. – М., 1997. – 369 с.

82. Хлестова И.О. Проблемы юрисдикционного иммунитета иностранного государства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2003. – 52 с.

83. Хлестова И.О. Проблемы юрисдикционного иммунитета иностранного государства: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2003. – 274 с.

84. Храмов Д.В. Нетрадиционные источники российского частного права: общетеоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2010. – 213 с.

85. Хускивадзе О.Ч. Источники гражданского процессуального права: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 1981. – 20 с.

86. Цихоцкий А.В. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам: дис. … д-ра юрид. наук. – Новосибирск, 1997. – 612 с.

87. Чепурнова Н.М. Судебная власть в Российской Федерации проблемы теории и государственно-правовой практики: проблемы теории и государственно-правовой практики: дис. … д-ра юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 1999.– 483 с.

88. Чушнякова Л.Д. Теоретические вопросы соотношения федерального законодательства и законодательства субъектов Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2000. – 23 с.

89. Шварц М.З. Систематизация арбитражного процессуального законодательства (проблемы теории и практики применения): автореф. дис. …канд. юрид. наук. – СПб., 2004. – 28 с.

90. Шеменева О.Н. Рассмотрение гражданских дел мировыми судьями: проблемы совершенствования процессуальной формы: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2005. – 209 с.

91. Шеменева О.Н. Роль процессуальных соглашений в гражданском судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. – Воронеж, 2017. – 432 с.

92. Шерстюк В.М. Основные проблемы системы гражданского процессуального права: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – М., 1989. – 44 с.

93. Юков М.К. Теоретические проблемы системы гражданского процессуального права: дис. ... д-ра юрид. наук. – Свердловск, 1982. – 344 с.

94. Ярков В.В. Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права: дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 1992. – 523 с.

V. Сообщения СМИ, интернет-источники

1. Банк судебных решений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1502726, свободный. – (Дата обращения 05.01.2020 г.).

2. Бюллетень Европейского Суда по правам человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://echr.today/journals/byulleten_evropeyskogo_suda_po_pravam_cheloveka/, свободный. – (Дата обращения 05.01.2020 г.).

3. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014 г.) [Электронный ресурс]. Официальный интернет-портал правовой информации – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru, свободный. – (Дата обращения 05.01.2020 г.).

4. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2018 год [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891, свободный. – (Дата обращения 17.10.2019 г.).

5. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258, свободный. – (Дата обращения 11.05.2020 г.).

6. Съезд судей // Выступление председателя конституционного суда российской федерации В.Д. Зорькина на IX всероссийском съезде судей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ssrf.ru/page/22581/detail/, свободный. – (Дата обращения 05.01.2020 г.).

VI. Зарубежная литература

1. Danilenko G. The New Russian Constitution and International Law // American Journal of International Law. – 1994. – № 88. – P. 451–470.

2. Mahoney P. Marvellous Richness of Diversity or Invidious Cultural Relativism // Human Rights Law Journal. – 1998. – Vol. 19. – №. 1. – P. 1–6.

3. Ress G. The Effect of Decision or Judgments of the European Court of Human Rights in the Domestic Legal Order // Texas International Law Journal. – 2005. – № 40. – P. 371–378.

4. Buyse A. The Pilot Judgment Procedure at the European Court of Human Rights: Possibilities and Challenges // Greek Law Journal. – 2009. – № 57. – P. 1890–1902.

5. Курс цивільного процессу: підручник / В.В. Комаров, В.А. Бігун, В.В. Баранкова та ін.; за ред. В.В. Комарова. – Харьков: Право, 2011. – 1352 с.

6. Позовне провадження: монографія / В.В. Комаров, Д.Д. Луспеник, П.І. Радченко та ін.; за ред. В.В. Комарова. – Харьков: Право, 2011. – 552 с.